

15191

Р. ДАРЕСТЪ.

17707.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

П О

ИСТОРИИ ПРАВА.

(ÉTUDES D'HISTOIRE DU DROIT).

ПЕРЕВОДЪ Н. Н. Чеботаревскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣева.

1894.

39

У

79302

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Отъ переводчика	I—II
Предисловіе автора	III—VIII
I. Египетъ	1— 16
II. Израильское право	17— 46
III. Мусульманское право	47— 61
IV. Древніе браманскіе кодексы	62— 91
V. Древнее право персовъ.	92—107
VI. Арменія, Георгія и Кавказъ.	108—142
VII. Древнее Славянское право. Чехи	143—163
VIII. Древнее Славянское право. Поляки	164—184
IX. Древнее Славянское право. Русскіе	185—200
X. Древнее Славянское право. Южные славяне.	201—223
XI. Древніе памятники Венгерскаго права	224—252
XII. Древнее Скандинавское право. Швеція.	253—277
XIII. Древнее Скандинавское право. Данія	278—289
XIV. Древнее Скандинавское право. Норвегія.	290—309
XV. Древнее Скандинавское право. Исландія.	310—322
XVI. Кельтское право. Ирландія.	323—346
XVII. Древнее Германское право. Салическій законъ	347—378

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Переводъ настоящей книги объясняется какъ высокимъ интересомъ предмета, которому она посвящена, такъ и виднымъ мѣстомъ, которое авторъ ея занимаетъ среди ученыхъ юристовъ.

Едва ли нужно говорить объ успѣхахъ, достигнутыхъ, за послѣднія десятилѣтія, наукою права, при помощи сравнительно-историческаго метода изслѣдованія. Вполнѣ отрѣшившись отъ прежняго взгляда на положительное право, какъ на слѣдствіе мистическихъ, внѣобщественныхъ и произвольныхъ причинъ, современная наука, изучая законодательные памятники различныхъ эпохъ и народовъ, имѣетъ уже въ своемъ распоряженіи достаточное количество данныхъ, чтобы приступить, такъ сказать, къ созданію естественной исторіи юридическихъ фактовъ, или къ выясненію свойствъ соціальнаго организма, человѣческой природы и окружающей среды, подъ вліяніемъ которыхъ эти факты зарождались, видоизмѣнялись и исчезали. Новое движеніе въ наукѣ права ознаменовалось на Западѣ появленіемъ обширной спеціальной литературы. Многіе изъ выдающихся юристовъ занялись разработкою и приведеніемъ въ порядокъ матеріала, добытаго кропотливыми разысканіями этнологовъ, филологовъ и археологовъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ научныхъ центрахъ Европы открылись курсы исторіи древнихъ законодательствъ.

Менѣе всего это движеніе замѣтно у насъ. За исключеніемъ очень небольшого числа работъ, которыя посвящены

исторіи учрежденій какой-либо отдѣльной народности и между которыми слѣдуетъ, прежде всего, указать на капитальныя изслѣдованія проф. Ковалевскаго о юридическомъ бытѣ кавказскихъ осетинъ и пшавовъ,—русскіе юристы, до сихъ поръ, ничѣмъ не заявили своего участія въ сравнительно-историческомъ изученіи права. Что же касается юристовъ-студентовъ, то едва ли можно утверждать, чтобы между ними былъ, въ какой-бы то ни было степени, возбужденъ интересъ къ такому изученію.

Чтобы восполнить этотъ пробѣлъ въ русской юридической литературѣ, мы рѣшились перевести «*Études d'histoire du droit*» извѣстнаго Родольфа Дареста, члена французскаго Института и президента Парижскаго Общества сравнительнаго Правовѣдѣнія. Въ сжатомъ, но весьма содержательномъ изложеніи этой книги заключаются обзоры законодательныхъ памятниковъ и обычаевъ 19-ти различныхъ народностей.

Научныя достоинства предлагаемаго сочиненія подробно перечислены въ статьѣ проф. Зигеля, помѣщенной въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за февраль 1889 года. Мы же, съ своей стороны, ограничимся указаніемъ на богатство матеріала, находившагося въ распоряженіи автора и на крайнюю осторожность сдѣланныхъ имъ обобщеній.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Въ этой книгѣ собраны наши статьи и доклады, печатавшіеся въ 1880—1887 годахъ въ *Journal des Savants* и въ *Séances et travaux de l'Académie des sciences morales et politiques*. Назначеніемъ ихъ было — ознакомить Францію съ тѣми важными работами, которыя за послѣднее время предприняты были въ главныхъ странахъ Европы и предметомъ которыхъ служили памятники древняго права. Для того, чтобы представить, въ существенныхъ чертахъ, исторію древняго права какъ у народовъ, которые принято называть семитическими, такъ и у народовъ великой индоевропейской семьи, мы довольствовались обзорѣмъ этихъ памятниковъ и распредѣленіемъ ихъ въ методическомъ порядкѣ.

Мы начинаемъ съ Египта, оставляя въ сторонѣ Ассирію и Халдею, памятники которыхъ, многочисленные и очень интересные, такъ какъ они восходятъ къ XXIV столѣтію до нашей эры, остаются до сихъ поръ не вполне и не окончательно разъясненными. Къ сожалѣнію, мы должны были отказаться и отъ обобщеній, которыя, при настоящемъ состояніи науки, были бы преждевременны. Иное дѣло — Египетъ. О немъ мы знаемъ гораздо больше, отчасти по разсказамъ древнихъ писателей, а отчасти благодаря актамъ и подлиннымъ памятникамъ, которые дошли до насъ въ большомъ количествѣ и толкованіе которыхъ уже не подвергается никакимъ сомнѣніямъ. Затѣмъ, мы переходимъ къ евреямъ, гражданское законодательство которыхъ никогда не было удовлетворительно объяснено. Законъ Моисея приводитъ насъ къ закону Магомета, который беретъ начало отъ перваго и, распространившись на значительной части земного шара, въ настоящее время вступаетъ повсюду въ соприкосновеніе и въ борьбу съ европейскимъ правомъ.

Древнѣйшій первообразъ европейскаго права находится въ Индіи. Наши новѣйшіе языки спустились съ плоскогорьевъ Верхней Азіи, прошли черезъ санскритъ и зендъ и приняли форму, съ одной стороны, латинскаго и греческаго языковъ, а съ другой — славянскаго, скандинавскаго и нарѣчій кельтскихъ и германскихъ. Тою же дорогой шло и право. Движеніе его можно прослѣдить, начиная съ Браманскихъ кодексовъ и съ Авесты и кончая окраинами Европы. Это право, какъ и понятія, выразителемъ которыхъ оно служитъ, мы узнаемъ въ обычаяхъ Арменіи или Кавказа, и въ судебныхъ книгахъ, написанныхъ въ средніе вѣка для Россіи, Швеціи, Норвегіи или Ирландіи. Его же слѣды видны и въ законахъ, составленныхъ въ XVIII и даже XIX столѣтіяхъ для Грузіи и Черногоріи.

Изданные въ V—IX столѣтіяхъ законы варваровъ не могли быть обойдены молчаніемъ въ этомъ сравнительно-историческомъ изслѣдованіи. Мы разсматриваемъ ихъ, изслѣдуя древнѣйшій и важнѣйшій образчикъ ихъ—Салическій законъ. Остальныхъ германскихъ законовъ мы не касаемся какъ по тому, что они давно извѣстны, такъ и по тому, что у всѣхъ имѣются подъ руками сочиненія, предметомъ которыхъ послужили эти законы.

Однако, въ длинной цѣпи предпринятыхъ нами изслѣдованій недостаетъ двухъ, безспорно наиболѣе цѣнныхъ, звеньевъ—изслѣдованій о греческомъ правѣ и о римскомъ правѣ; но этотъ пробѣлъ оправдывается обстоятельствами. По отношенію къ греческому и римскому праву, вновь открытые тексты до такой степени полны и обильны, такъ увеличилось число предметовъ, подлежащихъ сравненію, а вытекающія изъ этихъ сравненій новыя точки зрѣнія сдѣлались столь продуктивными, что, для обстоятельнаго изложенія греческаго и римскаго законодательства, недостаточны были бы одна или двѣ главы, которыя можно было бы отвести въ настоящемъ трудѣ. Сокращенное же изложеніе принесло бы, въ этомъ случаѣ, мало пользы. По этимъ-то причинамъ мы предпочли посвятить полному изслѣдованію упомянутыхъ двухъ законодательствъ особую книгу, которая должна будетъ выйти впослѣдствіи и служить дополненіемъ къ настоящей.

Между тѣмъ, мы надѣемся, что изслѣдованія, издаваемые теперь вновь, послѣ тщательнаго пересмотра и дополненій, могутъ способствовать успѣхамъ науки права, которая въ настоящее время

больше, чѣмъ когда-нибудь, нуждается въ расширеніи своего основанія и въ увеличеніи своего поля зрѣнія.

Съ правомъ теперь происходитъ то, что, въ началѣ нашего столѣтія, случилось съ наукою о языкѣ. Когда сдѣлался извѣстнымъ санскритскій языкъ и когда открыты были законы преобразованія языка въ зависимости отъ времени и мѣста, то выяснилось, что для прогресса науки недостаточно чистаго мышленія и что изучать одинъ какой-нибудь языкъ, хотя бы это былъ греческій или латинскій, значитъ понапрасну терять время. То же относится и къ наукѣ о правѣ. Она сбивается съ истиннаго пути, если предается одному отвлеченному мышленію; она только видитъ, но не понимаетъ, если ограничивается изученіемъ одного какого-нибудь законодательства, будутъ ли это Дигесты или Code civil. Полное пониманіе станетъ для нея доступнымъ лишь тогда, когда ей будетъ знакомъ каждый законодательный памятникъ, когда она сравнитъ ихъ между собою и обниметъ ихъ во всей ихъ совокупности. Только при помощи этого метода, она будетъ въ состояніи отличить, во всякомъ учрежденіи, элементъ безусловный, происходящій изъ самой природы человѣка и имѣющій свое основаніе въ разумѣ, отъ элемента относительнаго, измѣняющагося до безконечности подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій. Самое это измѣненіе, эта эволюція, какъ теперь говорятъ, совершается всюду по извѣстнымъ законамъ, которые выдѣляются и становятся очевидными чрезъ взаимное сравненіе. Поэтому-то право составляетъ науку, а не сборникъ рѣшеній и текстовъ, не простое эмпирическое знаніе. Стало быть, не пустое любопытство и не страсть къ безплодной эрудиціи приводитъ юриста, сверхъ знакомства съ классическими памятниками права, еще къ изученію текстовъ Ману и Зороастра, Русской Правды и Грагаса. Шествуя по этому пути, наука только повинуетъ неоспоримой необходимости.

Вдобавокъ эти взгляды не новы. Ихъ знала и вводила въ жизнь древность. Аристотель высказалъ ихъ въ своей несравненной Политикѣ и, во всѣ времена, великіе умы не переставали слѣдовать имъ и проповѣдывать ихъ. Если эти взгляды до сихъ поръ не имѣли особенно важныхъ послѣдствій, то только за недостаткомъ положительныхъ данныхъ. Но обстоятельства перемѣнились. Прежде было мало документовъ, въ настоящее время ихъ слишкомъ много. Во всѣхъ европейскихъ странахъ и даже на крайнемъ Востоку, откапываютъ и доводятъ до свѣдѣнія всѣхъ старинные памятники

права, наблюдаютъ и записываютъ древніе обычаи. Матеріалы накопляются. Остается только пользоваться ими, что однакоже не совсѣмъ легко. Самое обиліе текстовъ и многочисленность языковъ, служащихъ выраженіемъ этихъ текстовъ, являются препятствіями, преодолѣть которыя возможно только цѣною долгихъ усилій. Но ничто не въ силахъ остановить движеніе науки и, хотя остается еще многое сдѣлать, однако и теперь замѣтна важность достигнутыхъ результатовъ.

И первый фактъ, который новѣйшія изслѣдованія выставили въ его истинномъ значеніи, представляетъ сродство, если не тождество, различныхъ первобытныхъ законодательствъ. Изумительныя открытія въ области филологіи доказали общее происхожденіе большей части европейскихъ нарѣчій и связь послѣднихъ съ древними, теперь мертвыми, языками Индіи и Персіи. Еще ближе оказывается родство между законодательствами. Они не только всѣ подвержены одинаковымъ перемѣнамъ, но нерѣдко одно законодательство воспроизводитъ, черта въ черту и почти слово въ слово, другое, отдѣленное отъ него огромными разстояніями и долгимъ промежуткомъ времени, при чемъ, конечно, устраняется всякое предположеніе о возможности прямого позаимствованія. Для объясненія этого сходства, которое не можетъ быть случайнымъ, необходимо допустить или то, что оба народа были одного происхожденія и, слѣдовательно, имѣли общія преданія, или то, что отъ одинаковыхъ причинъ всегда происходятъ одинаковыя послѣдствія.

Другой, не менѣе важный, результатъ научнаго изслѣдованія состоитъ въ слѣдующемъ: никакое законодательство не даетъ полнаго объясненія относительно самого себя. Римскіе юристы, у которыхъ, разумѣется, не было недостатка ни въ проницательности, ни въ умѣ, все-таки не могли дать себѣ отчета въ историческомъ развитіи ихъ собственныхъ учреждений и это потому, что они не достаточно вглядывались въ окружающее ихъ. Хотя современная наука, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, поставлена лучше, но по той же самой причинѣ и она до сихъ поръ достигла небольшого успѣха. Гдѣ нужно возстановить движеніе права путемъ индукціи и при помощи разбросанныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній, тамъ, въ особенности, невозможно бываетъ миновать аналогію. Всегда позволительно думать, пока не будетъ доказано противное, что различныя

народы слѣдовали по одному и тому же пути и прошли одинаковыя ступени развитія.

Наконецъ, послѣдній фактъ, на который слѣдуетъ обращать особенное вниманіе, заключается въ томъ, что ни одинъ народъ не можетъ присвоивать себя то или другое учрежденіе, считая послѣднее своимъ національнымъ и самобытнымъ твореніемъ. греки, римляне, кельты, славяне, германцы и всѣ остальные европейскіе народы имѣли, на самомъ дѣлѣ, одни и тѣ же понятія о правѣ и справедливости, хотя выражали ихъ не всегда одинаковымъ способомъ. Если въ какое-нибудь время и обнаруживалась разница въ этихъ понятіяхъ, то только потому, что одни народы шли быстрѣе другихъ, но всѣ они шли по той же самой дорогѣ. Когда утверждаютъ, что нашествіе варваровъ ввело новый элементъ въ римскую цивилизацію, то это утвержденіе справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что между римлянами и варварами лежало большое разстояніе; но новые пришельцы не принесли съ собою ничего такого, что бы не было когда-то пережито ихъ предмѣстниками. Возьмемъ для примѣра хоть то обстоятельство, что кровная месть и система денежныхъ наказаній, изчисляемыхъ по определенному тарифу, встрѣчаются не въ однихъ законахъ варваровъ. Ихъ находятъ при началѣ всѣхъ цивилизацій и слѣды ихъ имѣются также въ первобытномъ Римскомъ правѣ. Въ этомъ смыслѣ было бы справедливѣе утверждать, что нашествіе варваровъ отодвинуло цивилизацію на нѣсколько вѣковъ назадъ. Въ виду фактовъ, уже нельзя теперь проповѣдывать, какъ это дѣлалось еще въ первой половинѣ текущаго столѣтія, будто европейская цивилизація происходитъ изъ двухъ источниковъ, — римскаго и германскаго, равно и относить на счетъ германскаго вліянія все то, чего нѣтъ въ текстахъ римскаго закона. Это заблужденіе могло быть, до извѣстной степени, извинительнымъ въ ту эпоху, когда, сверхъ *Corpus juris*, знали только законы варваровъ. Но, въ настоящее время, благодаря усиліямъ новѣйшей науки, точка зрѣнія совсѣмъ измѣнилась и всякая вещь заняла свое мѣсто. Одинъ авторъ, отличающійся, впрочемъ, точностію и образованіемъ, Гакстгаузенъ, еще въ 1850 году приписывалъ кавказскимъ осетинамъ германское происхожденіе на томъ единственномъ основаніи, что у нихъ встрѣчается нѣчто похожее на *wergeld*. Такъ какъ никто не спорилъ противъ этого вывода, то оставалось объяснить, какимъ образомъ этотъ маленькій народъ перенесся съ

береговъ верхняго Дуная къ подножію Эльборуса, но и тутъ воображеніе помогло отыскать маршрутъ. Однако, спѣшимъ прибавить, въ настоящее время, даже въ Германіи, нѣтъ ни одного человека, который поддерживалъ бы мнѣніе Гакстгаузена.

Кажется, нѣтъ больше надобности доказывать пользу настоящихъ изслѣдованій. Но нужно ли еще сказать о томъ, что мы не желали написать общую исторію права? Довольно далеко то время, когда можно будетъ предпринять это великое дѣло; но ничто не мѣшаетъ и теперь уже намѣтить цѣль, собрать матеріалы, освѣтить, посредствомъ правильнаго анализа, изданные учеными различныхъ европейскихъ странъ памятники законодательства, однимъ словомъ, составить краткое описаніе найденныхъ сокровищъ, указавши бѣгло на идеи, выдѣляющіяся изъ массы исполненныхъ работъ. Этого будетъ достаточно, чтобы направить въ эту сторону любознательные умы, которые ищутъ своего пути и которые вмѣсто того, чтобы ограничиваться повтореніемъ уже сказаннаго, могутъ съ бѣльшею пользою употребить свои силы и подвинуть впередъ науку права.

I.

Е г и п е т ъ.

Около семидесяти лѣтъ тому назадъ, найдены были въ землѣ всѣ документы на право собственности, принадлежавшіе какой-то египетской семьѣ временъ Птолемеевъ и уложенные, по восточному обычаю, въ кувшинѣ. Эти документы, писанные—одни по-гречески, другіе на туземномъ нарѣчій демотическими буквами, проданы были частями европейцамъ и разошлись преимущественно по музеямъ и публичнымъ библіотекамъ Парижа, Турина, Лондона, Лейдена, Берлина и Вѣны. Съ тѣхъ поръ наши коллекціи чрезвычайно обогатились новыми находками въ томъ же родѣ. Въ настоящее время имѣется больше двухсотъ документовъ, дешифрованныхъ и объясненныхъ такими учеными, какъ Летроннъ или Амедей Пейронъ; сборники, въ которыхъ они помѣщены, сдѣлали ихъ доступными для всѣхъ ¹⁾. Сперва разобраны были греческіе тексты а по-

¹⁾ Вотъ указаніе на важнѣйшіе сборники:

Les papyrus grecs du Musée du Louvre et de la Bibliothèque impériale, publication préparée par Letronne, exécutée par Mm. Brunet de Presla et Egger, 1 vol., in-4°, Paris 1866. (Извлечено изъ т. XVIII *Notices et extraits des manuscrits*).

Papyri graeci Regii Taurinensis musei Aegyptii, editi atque illustrati ab Amedeo Peyron. Taurini, 1826 et 1827, in-4°.

Papyri Greco-egizi di Zoide, dell'imperiale realemuseo di Vienna, illustrati da Amedeo Peyron. Torino, 1828, in-4°.

Papyri graeci musei antiquarii publici Lugduni Batavi. Regis augustissimi jussu edidit, interpretationem latinam, annotationem, indicem et tabulas addidit C. Leemans, Lugd. Bat., 1843—1885, in-4°.

Papyri greci del museo Britannico di Londra e della bibliotheca Vaticana, tradotti ed illustrati da Bern. Peyron. Torino, 1841, in-4°.

Revue égyptologique, publiée sous la direction de Mm. H. Brugsch, F. Chabas et E. Revilloux. Paris, in-8°, 1880—1887.

томъ дошла очередь и до демотическихъ текстовъ, которые теперь, благодаря трудамъ Бругша и Е. Ревилью, правильно читаются и переводятся. Документовъ этихъ довольно много и значеніе ихъ важно, а потому можно думать, что наступило время для составленія, по этимъ документамъ, очерка египетскаго законодательства. Картина была бы полнѣе, когда бы нашлись тѣ восемь книгъ, въ которыхъ, по словамъ Діодора, заключался кодексъ всѣхъ египетскихъ законовъ и которыя раскрывались передъ судьями въ залѣ засѣданій высшаго суда. Но если находящіеся передъ нами акты и не знакомятъ насъ съ подлинными словами законодателя, то они все-таки показываютъ, какъ производились дѣла и говорятъ на языкѣ, который, можетъ быть, болѣе доступенъ нашему пониманію, чѣмъ языкъ египетскаго закона.

Въ самую раннюю эпоху исторіи, древній Египетъ представляется обществомъ, которое подчинено опредѣленному образу правленія,—монархіи, опирающейся на касты и имѣющей жреческій характеръ. Право мести уже исчезло, не оставивъ по себѣ никакого слѣда и никакого воспоминанія; поклоненіе предкамъ составляетъ долгъ, который выполняется семьею при посредствѣ жреческаго сословія. Патріархальное устройство семейства, власть главы его надъ женами, дѣтьми и рабами, признаваемая и смягчаемая нравами, собственность, принадлежащая цѣлому семейству и, вслѣдствіе того, почти не отчуждаемая,—таковы основныя черты первобытнаго египетскаго общества. При царяхъ-пастухахъ, преимущественно же въ правленіе Рамессидовъ, военная каста дѣлается господствующею. Званіе царя даетъ себя чувствовать сильнѣе, и собственность преобразовывается въ томъ смыслѣ, что верховное обладаніе землею раздѣляется между царемъ и двумя высшими кастами, то есть, кастою жрецовъ и кастою воиновъ. Иной порядокъ наступаетъ въ VIII столѣтіи до нашей эры.

Царь Бокхорисъ объявляетъ свободу договоровъ, и въ это-то

Chrestomathie démotique et Nouvelle chrestomathie démotique, par M. E. Revilloux. Paris, in-4°, 1878 et 1880.

Le procès d'Hermias, d'après les documents démotiques et grecs, par M. E. Revilloux. Paris, in-4°, 1882.

Recherches sur l'économie politique de l'Égypte sous les Lagides, par Giacomo Lumbroso, docteur en droit, I vol., in-8°, Turin, 1870.

время начинается настоящая юридическая жизнь. Ни одинъ изъ дошедшихъ до насъ актовъ не относится къ болѣе раннему періоду. Но съ этого времени они попадаются очень часто. Тутъ мы видимъ, что вліяніе кастъ ослабѣло, кругъ семьи сдѣлался болѣе тѣснымъ, а власть главы ея подверглась ограниченіямъ; первобытная общность разрушилась благодаря раздѣламъ имущества, собственность переходитъ изъ рукъ въ руки посредствомъ отчужденій, для дѣйствительности которыхъ достаточно участія и согласія жены и дѣтей, и даже духовное завѣщаніе появляется въ формѣ усыновленія.

Предшествовавшій порядокъ зналъ только обязательства, вытекающія изъ извѣстныхъ фактовъ или отношеній. По кодексу Бокхориса обязательства устанавливаются преимущественно свободною волею человѣка. Все, даже семейныя отношенія, входитъ въ гражданскій оборотъ и дѣлается предметомъ договора.

Бракъ, судя по актамъ, представляется обыкновеннымъ договоромъ между двумя лицами, дѣйствующими всецѣло по собственной волѣ. Женщина договаривается отъ своего имени; ни отецъ, ни родня, ни опекунъ не служатъ при этомъ ея представителями и даже не сопровождаютъ ее. Къ ней одной обращается женихъ съ рѣчью, въ которой обѣщается признавать ее женою. Онъ даетъ ей одну или нѣсколько монетъ, составляющихъ какъ бы задатокъ по договору и опредѣляющихъ размѣръ содержанія, которое онъ обязывается выдавать ей, въ годъ или мѣсяць, на одежду, ежедневные расходы и проч. Если у будущей жены имѣется свое имущество, то она останется собственницею и распорядительницею его внѣ всякихъ притязаній на него со стороны мужа, а для обезпеченія сохранности этого имущества составляется на движимость инвентарь съ показаніемъ цѣны ея; во всякомъ случаѣ налагается ипотека на имущество мужа, какъ наличное, такъ и будущее. Иногда мужъ самъ передаетъ все свое состояніе женѣ. По меньшей же мѣрѣ, онъ назначаетъ ей приданое или признаетъ за ней такой вкладъ въ общее ихъ имущество, котораго въ дѣйствительности у нея не было. Этотъ порядокъ освящалъ такимъ образомъ, безусловную свободу жены, или, лучше сказать, ея власть въ семьѣ. Греки съ трудомъ понимали эту власть и съ удивленіемъ относились къ ней ¹⁾.

¹⁾ Діодоръ Сицилійскій, въ бытность свою въ Египтѣ, вполне правильно замѣтилъ слѣдующее: «Въ контрактахъ о приданомъ, совершенныхъ между

Однако же, права жены не остались безъ ограниченій. У будущаго мужа, если только онъ не принадлежалъ къ корпораціи жрецовъ, не отнималось право имѣть и другихъ женъ на условіяхъ, подобныхъ описаннымъ. Полигамія являлась послѣдствіемъ свободы соглашеній. Свобода существовала и по отношенію къ разводу. Но будущая жена принимала въ этомъ случаѣ нѣкоторыя предосторожности. Хотя мужъ могъ разойтись съ нею, но долженъ былъ при этомъ выдать ей извѣстную сумму и обязывался дѣтей, рожденныхъ въ бракъ съ нею, сдѣлать наслѣдниками всѣхъ своихъ имуществъ, какъ наличныхъ, такъ и будущихъ. Это, впрочемъ, установлено было закономъ. Изъ договоровъ о продажѣ видно, что дѣти наслѣдовали отцу, безъ различія пола и, вообще, въ равныхъ доляхъ, за исключеніемъ добавочной части, назначавшейся для старшаго ¹⁾. Намъ также извѣстно, по свидѣтельствамъ древнихъ, что запрещено было подкидывать дѣтей; но это запрещеніе имѣло исключительный характеръ полицейской мѣры. Цѣль, которою въ этомъ случаѣ задавался законодатель, клонилась не столько къ сохраненію человеческой жизни, сколько къ увеличенію народонаселенія.

Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ неохотно приняли эти данныя. Въ самомъ дѣлѣ, чтò такое было у египтянъ — родъ гражданскаго брака или же религіозный бракъ? До послѣдняго времени ничто не привело къ разъясненію этой загадки. Правда, реестры, служившіе для распредѣленія налога и для отбыванія барщинныхъ повинностей, а равно для доказательства дѣтороженій, представляются какъ бы похожими на акты гражданскаго состоянія, но на эти записи слѣдуетъ смотрѣть, какъ на исполненіе полицейскихъ правилъ, не вліяющихъ на составъ семьи. Союзъ безъ формальностей, безусловная эманципація жены, независимость дѣтей ²⁾, отсутствіе всякаго различія между

частными лицами, всегда говорилось, что такъ какъ главенство надъ мужчиною принадлежитъ женщинѣ, то мужъ обязывается повиноваться той, на которой онъ женится» (Діодоръ, I, XXVII).

¹⁾ Эта прибавочная часть была, въ сущности, вознагражденіемъ старшему изъ дѣтей за то, что на немъ лежала обязанность быть представителемъ наслѣдства, пока оно еще не было раздѣлено, а также произвести раздѣлъ между всѣми сонаслѣдниками.

²⁾ Въ актахъ вѣтъ слѣдовъ согласія отца и матери на бракъ дѣтей.

побочными и законными дѣтьми, суть обыкновенныя, если не неизбѣжныя, послѣдствія полигаміи. Притомъ, прочно устроенныя семьи представляютъ силу, съ которою обыкновенно не уживается политическій деспотизмъ. Египетскіе монархи не считали выгоднымъ для себя ограниченіе свободы брачныхъ соединеній. Въ Египтѣ не знали даже никакихъ препятствій къ браку между родными, и чаще всего тамъ встрѣчались браки между братьями и сестрами.

Акты о продажѣ или о раздѣлѣ, скрытомъ подъ формою продажи, также не рѣдки, какъ и брачные договоры. Они доказываютъ, что собственность имѣла почти такое же устройство какъ у насъ и подвергалась многочисленнымъ раздѣламъ, хотя, въ дѣйствительности, пользованіе ею нерѣдко оставалось общимъ между участниками раздѣла. Но переходъ права собственности и договоры, имѣющіе этотъ переходъ своимъ предметомъ, представляютъ у египтянъ кое-какія особенности. Эти особенности очень важно отмѣтить и разяснить, такъ какъ въ правѣ каждая формальность служить выраженіемъ извѣстной идеи, сущность которой должна быть указана наукою.

Переходъ права собственности совершался посредствомъ трехъ актовъ. Первый, или *актъ о деньгахъ*, есть соглашеніе между продавцемъ и покупателемъ; въ немъ указывается проданный предметъ и назначается полный платежъ цѣны, хотя никогда не упоминается цифра денегъ. Продавецъ обязуется дополнить продажу двумя послѣдующими актами, предоставить покупателю право собственности и, затѣмъ, охранять покупателя отъ всякой эвикціи, принимая на себя, въ случаѣ надобности, обязанность очистки. Второй актъ отличается религіознымъ характеромъ, это — актъ подтвержденія договора присягою, даваемою продавцомъ. Наконецъ, третій актъ происходитъ предъ судомъ и заключается въ томъ, что продавецъ вводитъ покупателя во владѣніе. Послѣ того имя покупателя вносится въ поземельныя книги на мѣсто имени продавца. Регистрація являлась формальностью чисто административнаго характера, а не дополненіемъ продажи, которая считалась окончательно совершенною посредствомъ трехъ вышеупомянутыхъ актовъ.

Женщина не выдавалась. Она сама себя выдавала, и будущіе мужья всегда стипулировали на ея собственное имя.

Изъ этихъ трехъ актовъ, второй мало-по-малу вышелъ изъ употребленія. Исполнялись обыкновенно первый и третій акты, то есть продажа и передача права собственности. Обычай совершать два акта,—одинъ для перехода собственности, другой для ввода во владѣніе,—не составляетъ исключительной принадлежности Египта. Изъ надписей мы знаемъ, что онъ существовалъ въ Греціи, а Равеннскіе папирусы убѣждаютъ насъ въ томъ, что тотъ же обычай практиковался въ VI вѣкѣ нашей эры въ Италіи. Изъ послѣднихъ видно, что нѣкто Монтанусъ подалъ въ Равеннскую курію *instrumentum venditionis* и *epistola traditionis* ¹⁾. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что въ римскомъ правѣ существовала особая причина для совершенія спеціальнаго акта о передачѣ права собственности; въ самомъ дѣлѣ, это была традиція, а не договоръ о переходѣ собственности, между тѣмъ какъ въ Египтѣ и Греціи собственность передавалась простымъ соглашеніемъ сторонъ.

Достойно замѣчанія одно изъ условій всѣхъ египетскихъ актовъ продажи, состоящее въ томъ, что покупная цѣна постоянно уплачивалась наличными деньгами и что сумма никогда въ нихъ не обозначалась. Въ дѣйствительности, послѣднее обстоятельство мало имѣло значенія, потому что продавецъ давалъ полную и единственную расписку въ полученіи покупной цѣны; первое же обстоятельство должно, по крайней мѣрѣ для насъ, казаться чрезвычайнымъ и свидѣтельствуетъ объ отсутствіи въ Египтѣ продажъ въ кредитъ. Но это только такъ кажется. Когда египтяне желали совершить продажу въ кредитъ, то они разлагали сдѣлку и совершали два акта,—одинъ содержалъ въ себѣ продажу на наличныя деньги, другой—заемъ, отъ продавца къ покупщику, всей покупной цѣны или части ея ²⁾. Если мы зададимся вопросомъ: почему они понимали продажу исключительно какъ сдѣлку на наличныя, то должны будемъ признать въ этомъ пониманіи остатокъ первобытныхъ идей объ обязательной силѣ договоровъ. Сразу людямъ не удавалось постигнуть, что гражданское обязательство можетъ вытекать изъ простого совпаденія двухъ волей. Въ древнѣйшія времена нужно было нѣчто большее для того, чтобы договорная связь стала неразрывною и такимъ образомъ, выражаясь на техническомъ языкѣ, реальные кон-

¹⁾ Marini, *Papiri diplomatici*, № CXV (Romae, 1805).

²⁾ Всѣ египетскіе акты—односторонни.

тракты вездѣ предшествовали контрактамъ чисто консенсуальнымъ. Продажа у египтянъ была реальнымъ контрактомъ.

На ряду съ актами о продажѣ стоятъ еще акты о займѣ денегъ или хлѣба. Срокъ, вообще, назначался короткій и за всякое умедленіе платежа должникъ подвергался дѣйствию строгаго уголовного закона. Часто договоромъ опредѣлялись высокіе проценты. Впрочемъ, по свидѣтельству Діодора, полицейскій законъ запрещалъ требовать, въ видѣ процентовъ, сумму, превышающую капиталъ. Обезпеченіе, обыкновенно даваемое заемщикомъ, заключалось въ закладѣ или ипотекаѣ, или же въ продажѣ съ правомъ выкупа. Сдѣлка въ такомъ случаѣ распадалась на два акта. Одинъ актъ была расписка кредитора-закладчика, другой — условная продажа отъ должника къ кредитору. Въ случаѣ неплатежа, кредиторъ могъ арестовать имущество, но не личность должника.—Отмѣтимъ еще многочисленные акты о наймѣ имущества, по которымъ земля сдавалась не иначе, какъ на одинъ годъ, благодаря особымъ условіямъ культуры въ странѣ, періодически подвергающейся наводненію.

Вообще, для подтвержденія договоровъ требовались письменныя доказательства. При недостаткѣ же послѣднихъ, должникъ, утверждающій что-либо, принималъ въ томъ присягу. Письменный договоръ совершался или домашнимъ порядкомъ, или у нотаріуса и почти всегда при пяти свидѣтеляхъ. Послѣ персидскаго завоеванія и съ начала царствованія Дарія, постоянно встрѣчаемъ семь свидѣтелей. Каждый свидѣтель собственноручно переписывалъ контрактъ и подъ этимъ спискомъ прикладывалъ свою подпись такъ, что на одномъ и томъ же листѣ папируса столько разъ повторялось содержаніе контракта, сколько было свидѣтелей, не включая въ это число подлинникъ, подписанный сторонами.

Греческіе и демотическіе папирусы ничего не сообщаютъ намъ по части уголовного права. Другое дѣло—папирусы гіероглифическіе, изданные гг. Бёрчъ, Шаба, Деверіа и Масперо; въ нихъ мы находимъ протоколы судебного слѣдствія. Къ несчастію, толкованіе этихъ документовъ не достигло еще достаточной опредѣленности, чтобы можно было составить себѣ правильное представленіе о египетскомъ уголовномъ законѣ. Такимъ образомъ, намъ приходится ограничиться тѣми свѣдѣніями, которыя доставлены Діодоромъ. Впрочемъ,

нужно думать, что эта часть египетскихъ законовъ дала бы намъ мало интереснаго. Репрессія была такова, какою она бываетъ во всѣхъ деспотическихъ странахъ, то есть суровая и произвольная. Смерть и тѣлесныя наказанія раздавались щедрою рукой. Болѣе всего желательно бы знать постановленія закона, служившія санкціею для полицейскихъ правилъ, которыя отличались мелочностью и которыхъ, дѣйствительно, было много. Греки относились къ этимъ правиламъ съ удивленіемъ, но имѣли благоразуміе подражать имъ съ крайнею разборчивостью.

Не большей цѣны заслуживаетъ и уголовное судопроизводство. Пытка была главнымъ средствомъ при слѣдствіи, а, въ случаѣ недостатка уликъ, прибѣгали къ присягѣ сторонъ и внушеніямъ боговъ.

Нужно еще упомянуть о судебной организаціи. Діодоръ подробно описалъ высшій судъ, состоявшій изъ предсѣдателя и тридцати судей, выбранныхъ изъ самыхъ почетныхъ гражданъ трехъ греческихъ городовъ: Геліополиса, Мемфиса и Өивъ. Онъ очень отчетливо передалъ характеръ процедуры, исполнявшейся въ этомъ судѣ, гдѣ дѣла производились письменно, каждая сторона имѣла право подать записку и возраженіе и гдѣ судьи постановляли рѣшенія въ тайнѣ. Подсудность была общею для уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ; это видно изъ того, что истецъ обязанъ былъ въ своемъ прошеніи обозначить какъ наказаніе, слѣдующее, по его мнѣнію, противнику, такъ и вознагражденіе, требуемое имъ съ послѣдняго. Судъ рѣшалъ дѣло простымъ да или нѣтъ, безъ мотивовъ, и предсѣдатель объявлялъ безмолвную резолюцію, прикладывая ко лбу стороны, съ доводами которой судъ соглашается, изображеніе истины, висѣвшее у предсѣдателя на шеѣ. Прибавимъ, что этотъ судъ, равно и низшіе судьи, состоявшіе въ каждой провинціи при префектѣ, находились въ прямой зависимости отъ царя, который пользовался абсолютною властью въ судебномъ управленіи и могъ вытребовать изъ суда всякое дѣло или для того, чтобы лично разрѣшить его, или для того, чтобы передать это дѣло кому-нибудь по своему назначенію.

Египетскіе законы, мудрость которыхъ такъ единодушно расхваливали греки, можетъ быть, даже вслѣдствіе контраста между собственными ихъ демократическими учрежденіями и этими законами,

остались неизмѣненными при персидскомъ владычествѣ. Самъ Дарій, отецъ Ксеркса, прослылъ у египтянъ за одного изъ ихъ главныхъ законодателей, содѣйствовавшихъ развитію національнаго египетскаго права. Но не то произошло во время македонскаго господства. Птоломей, сынъ Лага, и его преемники хотя удерживались отъ прямого нападенія на понятія и обычаи своихъ подданныхъ, но, сдѣлавшись египетскими монархами, не могли забыть своего греческаго происхожденія. Во время ихъ правленія греки наполнили дворъ и армію. Общественныя должности предоставлены были почти исключительно имъ, и торговля страны по большей части перешла въ ихъ же руки. Еще при фараонахъ, греческіе негоціанты, поселившіеся въ нѣкоторыхъ египетскихъ портахъ, пользовались широкими привилегіями и не признавали другихъ судей, кромѣ выбранныхъ ими чиновниковъ. Это были, какъ теперь мы называемъ, капитуляціи. При Птоломеяхъ, греки находились въ Египтѣ въ томъ же положеніи, какое занимаютъ въ наше время французы въ Алжирѣ, съ тою, впрочемъ, разницею, что обѣ религіи, египтянъ и грековъ, могли существовать совмѣстно. Греки придерживались своихъ національныхъ законовъ и судей, а туземцы—своихъ, но въ такихъ обстоятельствахъ не могли уцѣлѣть египетскіе обычаи. Эллинизмъ проникъ сначала въ администрацію, а потомъ и въ гражданскую жизнь. Птолемеи взялись за составленіе законовъ, но уже не для однихъ египтянъ, а издавали эдикты, относившіеся ко всѣмъ подданнымъ безъ различія національностей. Наконецъ, туземцы сами стали примиряться съ этою перемѣной, совершая договоры у греческихъ нотаріусовъ и внося свои тяжбы въ греческіе суды. Но и у нотаріуса, и въ судѣ, дѣйствовалъ по существу и по формѣ законъ греческій. Тѣмъ болѣе этотъ законъ былъ примѣняемъ, когда въ договорѣ или въ процессѣ участвовалъ грекъ. Греческій законодатель вмѣшивался даже и въ тѣ дѣла, въ которыхъ участвовали одни туземцы, и измѣнялъ форму ихъ договоровъ. Мы уже сказали, что Дарій требовалъ семерыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ каждый переписывалъ актъ и подписывалъ свою копію. При Птоломеяхъ, египетскіе контракты объ отчужденіи совершались въ присутствіи шестнадцати свидѣтелей, которые писали свои имена на оборотѣ акта, но уже не подписывали его. Въ менѣе важныхъ актахъ, какъ, напримѣръ, въ простыхъ займахъ безъ

залога или ипотеки, достаточно было шести свидѣтелей. Когда туземцы являлись къ греческому нотаріусу для совершенія акта, то они не только должны были объявить свое имя, имена отца и матери, свою профессію и мѣстожительство, но еще записывались ихъ примѣты, въ видахъ необходимой предосторожности противъ подлога самоличности.

Всѣ, египетскіе и греческіе, контракты подчинены были новой формальности—регистраціи. Самая ранняя, извѣстная намъ, регистрація относится къ 185 году до нашего лѣтосчисленія, въ царствованіе Эпифана. Пошлина взималась сначала въ размѣрѣ $\frac{1}{20}$ части цѣны акта, но вскорѣ она удвоилась и дошла до $\frac{1}{10}$ (при Эвергетѣ II, между 140 и 120 годами). Какъ и у насъ, она отнесена была на счетъ покупателя. Сперва казенные акты записывались въ книги на языкѣ страны; но, съ начала 148 года, въ царствованіе Филометора, всѣ безъ исключенія контракты регистрировались по гречески. Пошлину платили годовому откупщику налоговъ. Помѣщенный подъ актомъ расчетъ ея, διαγραφή, просматривался контролеромъ, ἀντιγραφεύς, и передавался для исполненія трапезиту или царскому банкиру. Въ силу этой бумаги, откупщикъ получалъ пошлину, при чемъ внесеніе пошлины отмѣчалось не на актѣ, какъ это дѣлается у насъ, а въ отдѣльной распискѣ, которую выдавалъ откупщикъ. Регистрація продолжала существовать и при римскомъ владычествѣ, но возвратилась къ прежнему, менѣе сложному, порядку. Последнее извѣстіе о ней относится къ 154 г. послѣ Р. Х. Впрочемъ, мы не знаемъ, когда и какъ отмѣненъ былъ этотъ налогъ.

Законъ требовалъ не только того, чтобы контракты были зарегистрированы. Онъ требовалъ еще, чтобы они переписаны были въ канцеляріи суда или внесены къ хранителю контрактовъ, συγγραφοφύλαξ. Это былъ обычай, соблюдавшійся во всѣхъ странахъ, куда проникала эллинская цивилизація. Мѣра эта имѣла цѣлію обезпечить сохранность документовъ, но иногда она же служила легчайшимъ способомъ уничтоженія ихъ, какъ это случилось въ Іерусалимѣ, вслѣдствіе возмущенія, которому свидѣтелемъ былъ Іосифъ Флавій ¹⁾.

Греческая женщина, замужняя или нѣтъ, могла вообще всту-

¹⁾ *De bello judaico*, II, 31.

пать въ договоры не иначе, какъ при содѣйствіи опекуна, *xῆριος*, за исключеніемъ того случая, когда совершеніе договора вызывалось какою-нибудь жизненною потребностію. Обыкновенно опекуномъ былъ ея мужъ, сынъ, братъ или же зять. Повсемѣстность этого обычая засвидѣтельствована надписями, и существованіе его даже во времена Римской имперіи, при Антонинахъ, подтвердилъ юрисконсультъ Гай ¹⁾: *Apud peregrinos*, говоритъ онъ, *non similiter ut apud nos in tutela sunt feminae; sed tamen plerumque quasi in tutela sunt: ut ecce lex Bithynorum, si quid mulier contrahat, maritum auctorem esse jubet, aut filium ejus puberem*. Если египетская женщина, вступая въ договоръ, совершала греческій актъ, то она должна была заручиться содѣйствіемъ опекуна. Безъ сомнѣнія, это была только формальность, но эта формальность служила первымъ шагомъ на пути къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ. Съ начала II столѣтія до Р. Х., въ исполненіе эдикта Птолемея Филопатора, содержаніе египетскихъ брачныхъ договоровъ начинаетъ измѣняться. Уже не столь энергически обуславливается въ нихъ преобладаніе жены. Приданое, которое она принесетъ съ собою, остается все-таки ея собственностію, но управляетъ имъ мужъ. Есть также контракты, въ которыхъ устанавливается между супругами настоящая общность имущества или товарищество въ пріобрѣтеніи общаго имѣнія, причемъ женѣ принадлежитъ только третья часть ²⁾.

¹⁾ *Institut*, I, 193.

²⁾ Авторъ настоящей книги нерѣдко употребляетъ названія недвижимыхъ имущества: *bien acquêt* и *bien propre*. Такъ какъ на русскомъ языкѣ нѣтъ словъ, соотвѣтствующихъ этимъ названіямъ, то я считаю нужнымъ прежде всего пояснить значеніе французскихъ терминовъ, а потомъ скажу, какъ я перевелъ ихъ по-русски. Вообще, *bien acquêt* называется недвижимое имущество, пріобрѣтенное покупкою, дареніемъ, по завѣщанію и всякими другими способами, за исключеніемъ наслѣдованія по закону. Подъ противоположнымъ же ему словомъ *bien propre* подразумѣвается имѣніе, дошедшее къ собственнику по законному наслѣдованію. Въ частности, эти названія употребляются для обозначенія имущества, принадлежащихъ супругамъ и, въ этомъ смыслѣ, *bien acquêt* означаетъ имущество, пріобрѣтенное мужемъ или женою, или обоими вмѣстѣ, и предназначенное служить общимъ ихъ фондомъ на все время ихъ брачнаго сожитія; имущество же, принадлежащее лично каждому изъ супруговъ, называется *bien propre*. Въ русской юридической терминологіи я могъ остановиться только на словахъ, близко подходящихъ къ этимъ французскимъ понятіямъ, хотя и не тождественныхъ съ

При расторженіи брака, за женою остается пользованіе всѣми имуществами въ продолженіе года. Наконецъ, она выговариваетъ себѣ право на разводъ, тогда какъ, до македонскаго завоеванія, это право принадлежало одному мужу. Такимъ образомъ, египетскій бракъ стремится приблизиться къ греческому.

То же самое было и съ переходомъ собственности. Подтвержденіе договоровъ о продажѣ посредствомъ принесенія присяги вышло изъ употребленія. Послѣ этого, египетская продажа сведена была къ двумъ актамъ—продажѣ собственности и вводу во владѣніе. Эти же два акта предписывались и греческими законами. Такая форма продажи оставалась безъ измѣненія надолго и лишь въ римскую эпоху въ актахъ продажи, совершенныхъ египтянами въ греческой формѣ, стало появляться указаніе суммы, за которую продано имущество. Затрудненіе представляло только обязательство очистки. Его обошли. Но тутъ необходимы нѣкоторыя разъясненія.

Между эпиграфическими памятниками древней Греціи находится большое количество актовъ о продажѣ. Напримѣръ, мы видимъ отпускныя на волю, совершенныя въ формѣ продажи божеству. Сотни такихъ актовъ собраны въ Дельфахъ. Во всѣхъ этихъ актахъ обязательство очистки принимаетъ на себя не продавецъ, а третье лицо, которое вступаетъ въ актъ подъ именемъ *подтвердителя продажи*, *προπωλητής καὶ βεβαιωτής*. Эта особенность съ перваго взгляда кажется странною. Въ договорѣ о продажѣ, какъ мы его понимаемъ, гарантія очистки вытекаетъ, если не изъ сущности, то, по крайней мѣрѣ, изъ свойства продажи. Самъ продавецъ долженъ обязаться очисткою, и намъ трудно постигнуть, какимъ образомъ эта обязанность можетъ быть возложена на третье лицо, непосредственно не заинтересованное въ договорѣ. Но, въ первобытномъ правѣ, вещи понимались не такъ. Для того, чтобы договоръ былъ облеченъ въ законную форму и сдѣлался обязательнымъ, недостаточно было соглашенія двухъ волей: нужно было вообще, чтобы вступило третье лицо и приняло на себя поручительство. Поручительство, составляющее, по нашему, только добавочный договоръ, въ

ними. Такъ, употребленныя въ общемъ смыслѣ: *bien acquêt* и *bien propre* я передалъ «*благопріобрѣтенное и родовое*», а по отношенію къ супругамъ *bien acquêt* я выразилъ словами: «*общее имѣніе супруговъ*», а *bien propre*—«*отдѣльное*».

(Прим. перев.).

тѣ времена являлось существеннымъ элементомъ главнаго договора. Поручительство, ἑγγυρος, обязывало стороны взаимно, потому что на поручителя смотрѣли, какъ на главнаго должника и даже строже того. То же существовало и при переходахъ собственности. Сдѣлка исполнялась не двумя, а тремя лицами, и третье лицо, связывавшее взаимно продавца и покупателя, принимало по договору обязательство очистки, пріобрѣтая, вслѣдствіе того, право рекурса къ продавцу. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ древности. Въ позднѣйшую эпоху понятія измѣнились. Стали допускать, что продавецъ непосредственно обязывается очисткою передъ покупателемъ, солидарно съ прополетомъ, вмѣшательство котораго, затѣмъ, сдѣлалось пустою формою и, наконецъ, совсѣмъ исчезло. Такъ, въ афинскомъ правѣ уже едва замѣтны слѣды его. Но въ другихъ странахъ Греціи продолжали писать акты, какъ было прежде и съ соблюденіемъ тѣхъ же формулъ. Послѣ македонскаго завоеванія, эти же акты были въ употребленіи въ Азіи и Египтѣ. Египтяне, слѣдовательно, должны были примѣняться къ описаннымъ порядкамъ, когда облакали свои контракты въ форму греческаго акта. Они, впрочемъ, нашли средство соблюсти эту форму и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить свой обычай: въ актѣ продажи неизмѣнно удостовѣрялось присутствіе проπολήτης καὶ βεβαιωτήс, но этимъ послѣднимъ былъ уже самъ продавецъ.

Въ греческихъ актахъ появилось также личное задержаніе за долги, запрещаемое египетскими законами, и πράξις καθάπερ ἐκ δίκης, то есть понудительное исполненіе по актамъ ¹⁾).

Довольно извѣстный греческій папирусъ самымъ нагляднымъ образомъ показываетъ намъ столкновеніе греческихъ законовъ съ египетскими при Лагидахъ. Это—рѣшеніе, постановленное въ 117 году до Р. Х. по дѣлу между греческимъ офицеромъ, по имени Герміасъ, и одною туземною семьей изъ корпораціи хоахитовъ, которымъ поручались извѣстныя религіозныя службы. Дѣло идетъ о правѣ собственности на домъ, находящійся въ Оивахъ. Тяжба производится въ странствующемъ судѣ, называемомъ судомъ хре-матистовъ, составленномъ изъ извѣстнаго числа греческихъ чинов-

¹⁾ Для передачи французскаго термина: *exécution parée* я заимствовалъ изъ недавно вышедшаго у насъ закона выраженіе: понудительное исполненіе по актамъ. (Примѣч. переводч.).

никовъ и мѣстныхъ засѣдателей. Представителями сторонъ являются ихъ адвокаты, Филоклесъ и Динонъ. Обѣ стороны представляютъ свои документы. Но документы Герміаса не подходятъ къ предмету тяжбы. Отвѣтчики, напротивъ, имѣютъ надлежащіе документы и, сверхъ того, ссылаются на давность, по смыслу царскихъ эдиктовъ ¹⁾. Правда, ихъ документы не были утверждены присягою, но они доказываютъ, что пропускъ этой формальности не влечетъ за собою недѣйствительности ихъ правъ. Судъ рѣшаетъ дѣло въ ихъ пользу, а Герміасу запрещаетъ нарушать ихъ владѣніе ²⁾.

По особенной случайности, всѣ акты, о которыхъ упомянуто въ этомъ рѣшеніи, существуютъ до сихъ поръ, одни по-гречески, другіе на дематическомъ языкѣ. Ревилью удалось соединить отрывки дѣла и возстановить письменное производство, происходившее двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Изъ него видно, что рѣшеніе постановлено было правильно и что заявленное Герміасомъ требованіе было, дѣйствительно, слабо обосновано. Другой, болѣе интересный для насъ результатъ этого изслѣдованія состоитъ въ томъ, что мы вполне достоверно и опредѣленно узнали значительную часть египетскаго права, дѣйствовавшего при Птоломеяхъ.

Римляне слѣдовали, въ Египтѣ, примѣру македонянъ. Они отнеслись съ уваженіемъ къ обычаямъ и законамъ, какъ греческимъ, такъ и туземнымъ. Они даже сохранили неприкосновенными практиковавшіяся при Птоломеяхъ административныя мѣры для взиманія налоговъ и сдачи ихъ на откупъ. Французскій путешественникъ, Кальо, нашелъ въ 1818 году, въ Оивскомъ оазисѣ, текстъ пространнаго эдикта, изданнаго въ 68 г. нашей эры египетскимъ префектомъ Тиберіусомъ Александромъ, въ видахъ устраненія нѣкоторыхъ затрудненій, представлявшихся по этому предмету. Въ немъ префектъ поддерживаетъ привилегіи казны и настаиваетъ главнымъ образомъ на правѣ ея производить понудительное исполненіе по акту ³⁾ и подвергать должниковъ личному задержанію. Но, въ то же время, онъ напоминаетъ, что, по постановленію императора Августа, женщинамъ въ Египтѣ принадлежитъ привилегированное право взять назадъ

¹⁾ Египетское право не знало пріобрѣтательной давности.

²⁾ Переводъ этого рѣшенія помѣщенъ нами въ *Revue historique de droit français et étranger*, 1883, стр. 191.

³⁾ См. примѣч., на стр. 13-й.

(Примѣч. переводчика).

свое приданое и что это приданое, составляющее ихъ собственность, не можетъ быть арестовано кредиторами ихъ мужей ¹⁾. Греческое право надолго сохранилось въ актахъ. Такъ, въ одномъ актѣ 154 г. нашей эры туземецъ продаетъ недвижимое имѣніе туземной же женщинѣ и со стороны ея участвуетъ *хѳіος*. Актъ поясняетъ, что этотъ *хѳіος* находится въ отсутствіи. Слѣдовательно, участіе послѣдняго сдѣлалось уже пустою формальностію, а между тѣмъ, по преданію, постоянно упоминается объ этомъ участіи. Такое упоминаніе встрѣчается даже въ актѣ объ отпускѣ на волю, совершенномъ въ IV вѣкѣ, слѣдовательно, столѣтіемъ позже эдикта Каракаллы, которымъ всѣ обитатели Имперіи пожалованы были званіемъ римскихъ гражданъ. Египетская женщина, ставшая римлянкою, не нуждалась уже въ дозволеніи совершить договоръ; но въ дѣйствительности, она продолжала дѣйствовать не иначе, какъ пользуясь этимъ дозволеніемъ. Вышеназванный актъ 154 года также содержитъ въ себѣ греческую формулу: *προπωλητῆς καὶ βεβαιωτῆς*.

Равнымъ образомъ, очень долго сохранялся обычай вступать въ бракъ съ родственниками. Діодоръ Сицилійскій, жившій во времена Августа, и Филонъ Александрійскій, писавшій при Неронѣ, говорятъ, какъ очевидцы, о такихъ бракахъ. Даже послѣ эдикта Каракаллы и послѣ обращенія къ христіанству, у туземцевъ постоянно совершались браки между двоюродными братьями и сестрами и были терпимы правительствомъ, которое запретило такіе браки только въ V вѣкѣ ²⁾.

Что касается римскаго права, то оно усвоивалось медленно, но прогрессивно, и слѣды его также сохранились въ недавно открытыхъ папирусахъ. Съ нимъ мы встрѣчаемся сначала въ завѣщаніяхъ, а потомъ въ одномъ брачномъ договорѣ, совершенномъ въ царствованіе Александра Севера, гдѣ жена прямо обусловливаетъ возвращеніе ея приданого на основаніи римскаго права. Два латинскихъ рескрипта, неизвѣстной эпохи, обнародованные де-Вальи, знакомятъ насъ съ договоромъ продажи, который совершенъ

¹⁾ См. текстъ этого эдикта, изданный въ послѣдній разъ Францомъ въ III томѣ *Corpus inscriptionum graecarum*.

²⁾ См. Конституцію императора Зенона, 475 г., въ Кодексѣ Юстиніана, законъ 8-й, *De incestis et inutilibus nuptiis* (V, 5).

былъ воиномъ и признанъ ничтожнымъ по причинѣ насилія, а также съ отпускною на волю, которая уничтожена была по причинѣ неблагодарности ¹⁾. Акты о продажѣ, совершенные въ правленіе Гераклія, въ началѣ VII вѣка, за нѣсколько лѣтъ до нашествія арабовъ, уже содержатъ въ себѣ однѣ римскія формулы. Въ Египтѣ, римское право не только практиковалось, но, кажется, и изучалось. Въ 1880 году, въ монастырѣ на Синаѣ найдены отрывки римскаго права съ греческимъ толкованіемъ ²⁾. Берлинскій музей обогатился фрагментами Папиніана, купленными въ Египтѣ. Наконецъ, въ 1882 году, Луврскій музей приобрѣлъ нѣсколько кусковъ пергамина, открытыхъ въ Файюмѣ и содержащихъ въ себѣ новые фрагменты IX книги *Questiones* Папиніана съ примѣчаніями Павла и Ульпіана ³⁾.

Вотъ какой интересъ связывается съ недавно открытыми въ Египтѣ документами. Они уже даютъ матеріалъ для новой главы въ исторіи права ⁴⁾.

¹⁾ *Mémoires de l'Académie des inscriptions*, т. XIV, 1 ч. (1842).

²⁾ Мы обнародовали эти отрывки сначала въ *Bulletin de correspondance hellénique* 1880, потомъ въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger* 1880. См. Гушке, *Jurisprudentia antejustiniana*, 5-е изд. 1886 г. стр. 815.

³⁾ Эти отрывки мы обнародовали въ *Nouvelle revue historique de droit français et étranger*, 1883; см. Гушке, *Jurisprudentia antejustiniana*, стр. 439.

⁴⁾ Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ревилью, въ Луврѣ, прочелъ *Курсъ египетскаго права*, котораго два тома вышли въ 1885 и 1886 г. См. также разсужденіе Патюре о *Condition juridique de la femme dans l'ancienne Egypte*, 1886.

II.

Израильское право.

79302
Законодательство еврейскаго народа представляет особенное явление. Пока продолжалось существованіе этого народа, весь писанный законъ его состоялъ изъ четырехъ или пяти главъ Пятикнижія, толкуемыхъ и дополняемыхъ устнымъ преданіемъ и юриспруденціею. Казалось бы, что римское завоеваніе, разрушеніе Іерусалимскаго храма, уничтоженіе громаднаго числа евреевъ и разсѣяніе остальныхъ должны были подавить всякое дальнѣйшее развитіе. Думали уже, что еврейскій законъ совсѣмъ исчезъ, какъ исчезъ законъ Кароагена. Но случилось именно обратное. Спустя столѣтіе послѣ этихъ ужасныхъ событій, Рабби Іегуда, ученый и богатый еврей, покровительствуемый императоромъ, вызвалъ къ жизни Палестинскія школы, возстановилъ религіозную власть и составилъ кодексъ, который имѣетъ такое же отношеніе къ Моисееву закону, какое писаніе Гая и Ульпіана—къ закону Двѣнадцати таблицъ. Принятый вскорѣ всѣми еврейскими общинами не только въ Римской Имперіи, но и въ Персіи, Мишна (названіе этого кодекса) былъ комментируемый и преподаваемый во всѣхъ школахъ, и вотъ эти-то работы, соединенныя, по обычаю того времени, въ формѣ Пандектовъ, окончательно сообщили Мишнѣ высокое значеніе доктрины ¹⁾. Раввины и книжники имѣли, въ дѣйствительности, власть, подобную власти римскихъ юрисконсультовъ, получавшихъ отъ императора *jus respondendi* и способность творить право, *quibus permisum erat jura condere*. Такъ составились оба Талмуда, изданные—одинъ въ Палестинѣ къ концу IV вѣка, а другой въ Вавилонѣ въ

¹⁾ Мишна издана съ латинскимъ переводомъ Суренгузіусомъ, 6 т. in-f^o. Амстердамъ, 1698—1703.

началѣ V вѣка ¹⁾. Съ тѣхъ поръ гражданское право евреевъ достаточно окрѣпло для того, чтобы ни въ чемъ не зависѣть отъ внѣшнихъ обстоятельствъ. Почти лишенное санкціи, такъ какъ еврейскіе суды пользовались только ограниченою компетенціею и существовали временно, но твердо опирающееся на религію, которая образовала съ нимъ одно неразрывное цѣлое,—это право живетъ до сихъ поръ. И до сихъ поръ оно не потерпѣло существенныхъ измѣненій ²⁾; и даже, съ внѣшней стороны, немного обновилось при посредствѣ нѣсколькихъ кодификацій, изъ которыхъ позднѣйшею, относящеюся къ XVI столѣтію, оно обязано испанскому еврею Каро. Кодексъ Каро былъ въ дѣйствиіи у еврейскихъ общинъ Алжира еще во время французскаго завоеванія ³⁾.

Чтобы жить и развиваться въ подобныхъ условіяхъ, Израильскому праву, конечно, нужно было быть глубоко національнымъ. Между тѣмъ оно не было исключительнымъ, такъ какъ синагога постоянно признавала, что евреи обязаны подчиняться законамъ страны, въ которой живутъ, и что повелѣнія этихъ законовъ должны имѣть преимущество передъ всякими реальными или личными статутами. Чрезвычайную живучесть еврейскаго права не возможно приписывать его самобытности и потому еще, что выражаемыя имъ идеи менѣе, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, разнятся отъ идей, вдохновлявшихъ различныя законодательства древности, вслѣдствіе чего въ еврейскомъ правѣ замѣчается отраженіе чужеземныхъ вліяній, въ особенности вліянія Греціи. Объясненіе факта живучести права евреевъ нужно искать въ религіи ихъ. Хотя гражданскій законъ отличенъ отъ религіознаго, тѣмъ не менѣе между ними существуетъ тѣсная связь; религія же всегда была основою еврейской національности. Израиль былъ народомъ, избраннымъ отъ Бога; онъ вѣрилъ въ

¹⁾ Иерусалимскій Талмудъ переведенъ на французскій языкъ Рабиновичемъ, 5 т. in-8°, Парижъ, 1873—1882, и въ другой разъ Швабомъ, 10 т. in-8°, 1871—1888. Одиннадцатый и послѣдній томъ объявлены къ выходу.

Вавилонскій Талмудъ перевелъ по-нѣмецки Вюнше, Лейпцигъ, 1886—1888, 2 т. in-8°. См. также Герсонъ, *A Talmudic miscellany*, London, 1884, in-8°.

²⁾ Израильскій синодъ X вѣка запретилъ многоженство, по крайней мѣрѣ, на Западѣ, но онъ сдѣлалъ это только для того, чтобы создать законъ, нравы же евреевъ всегда чуждались многоженства.

³⁾ *Code rabbinique*. Ebn Haeser, traduit en français par Sautayra et Charleville, 2 vol., in-8°, Paris et Alger, 1868—1869.

свое предназначение. Поэтому-то онъ устоялъ предъ испытаніями, отъ которыхъ пали бы всѣ другіе. На сколько его собственный Богъ представлялся ему стоящимъ выше всѣхъ другихъ боговъ, на столько его законъ казался ему превосходящимъ законъ сосѣдей. Эта иллюзія была извинительна въ древности, во времена Филона Александрійскаго и Іосифа. Теперь мы можемъ лучше судить и имѣемъ болѣе вѣрныя точки сравненія. Задача исторіи—поставить каждую вещь на ея мѣсто и сдѣлать всякому факту правильную оцѣнку.

Первымъ словомъ, произнесеннымъ древними законодателями, была отмѣна частной мести. Первобытное состояніе характеризуется враждою между семействами. Но въ извѣстный моментъ устраивается государство, и оно становится посредникомъ и миротворцемъ. Въ повѣствованіи книги Бытія, послѣ убійства Авеля, Богъ сказалъ Каину: «ты будешь бѣглецомъ и бродягою на землѣ».—«Тогда, отвѣчалъ Каинъ, всякій, кто встрѣтитъ меня, убьетъ меня».—«Нѣтъ, возразилъ Іегова, если кто убьетъ Каина, Каинъ отмщенъ будетъ семь разъ». И Господь положилъ знакъ на Каина, чтобы тѣ, кто встрѣтятъ его, не убили его. Нѣсколько позже, потомокъ Каина, Ламехъ, высказываетъ ту же мысль въ стихахъ, выраженіе которыхъ темно, но цѣль которыхъ очевидна. «Смерть Каина будетъ отмщена семь разъ, а смерть Ламеха семьдесятъ разъ». Местъ не отмѣнена, но Богъ самъ заботится объ отмщеніи. Послѣ потопа Богъ вступаетъ съ Ноемъ въ формальный договоръ. «Я отмщу жизнь человѣка отъ руки человѣка и отъ руки его брата, который убьетъ его. Всякій, кто прольетъ кровь человѣка, будетъ наказанъ изліяніемъ его собственной крови, ибо человѣкъ сотворенъ по образу Божію ¹⁾».

Частная месть, слѣдовательно, была воспрещена, какъ религіею, такъ и закономъ и прямо замѣнена наказаніемъ, налагаемымъ отъ имени общества. Между этими двумя предѣлами обыкновенно существуетъ переходный этапъ: вражда прекращается договоромъ и убійца мирится, платя цѣну крови. Это было обычаемъ у арабовъ и, вѣроятно, также у потомковъ Авраама, когда они еще вели пастушескую жизнь. Моисей упраздняетъ этотъ обычай: «вы не

¹⁾ Бытія, IX, 5—6.

будете получать деньги отъ того, кто хочетъ откупиться отъ смерти, которую онъ заслужилъ за пролитіе крови, но онъ самъ умретъ тотчасъ» ¹⁾). Однако это было еще не все. Въ состояніи междоусобной вражды, всѣ члены семьи были солидарны другъ съ другомъ. Моисей провозглашаетъ индивидуальность преступленія: «отецъ не будетъ отвѣчать за сына, ни сынъ за отца» ²⁾). Чтобы быть въ состояніи такъ говорить, законодателю нужно было обладать непререкаемымъ авторитетомъ, религіозною и политическою силою, подобно тому, какъ это бывало въ Индіи, Египтѣ или Римѣ. И однакоже, какъ бы ни былъ ясенъ запретъ, онъ, въ смыслѣ безусловномъ, не можетъ взять верхъ надъ укоренившимися обычаями. У евреевъ все-таки встрѣчаются слѣды древняго обычая композицій. Такъ, когда кто-нибудь ударитъ беременную женщину и отъ этого удара послѣдуетъ выкидышъ, то тотъ, если женщина умретъ, наказывается смертью; если же женщина не умретъ, онъ платитъ вознагражденіе, размѣръ котораго опредѣляется посредниками ³⁾). Когда чело-вѣкъ убьетъ быка, и если хозяинъ быка зналъ о порокахъ животного и не запералъ его, хотя и предупреждалъ другихъ надлежащимъ образомъ, то этотъ хозяинъ подлежитъ смертной казни; но онъ можетъ выкупить свою жизнь, уплативъ вознагражденіе; если убитъ былъ рабъ, то вознагражденіе опредѣлялось всегда одинаковое, въ размѣрѣ тридцати сиклей серебра. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, животное побивалось камнями, такъ какъ пролитая кровь требуетъ искупленія кровью же ⁴⁾). Соблазнитель невинной дѣвушки, которая не была еще просватана, долженъ заплатить ей отцу сумму, равную той, какая обыкновенно требуется дѣвушкѣ для выхода замужъ ⁵⁾). Въ случаяхъ побоевъ и ранъ, нанесенныхъ въ ссорѣ, виновный откупается, платя вознагражденіе, съ прибавленіемъ издержекъ на лѣченіе ⁶⁾). Наконецъ, мы находимъ въ Левитѣ тарифъ для выкупа обѣтовъ, данныхъ Богу ⁷⁾. Тамъ назначена

¹⁾ Числа, XXXV, 31.

²⁾ Второзаконіе, XXIV, 16.

³⁾ Исходъ, XXI, 22.

⁴⁾ Исходъ, XXI.

⁵⁾ Исходъ, XXII.

⁶⁾ Исходъ, XXI.

⁷⁾ Левитъ, XXVII.

цѣна для раба, женщины и свободного мужчины, сообразно съ его возрастомъ. Развѣ не будетъ основательно предположить, что этотъ тарифъ первоначально употреблялся въ другихъ случаяхъ, и что, отмѣняя композиціи между людьми, законодатель оставилъ ихъ въ силѣ между человѣкомъ и Богомъ?

Мстителемъ за кровь всегда является ближайшій родственникъ покойника. Законъ налагаетъ на него обязанность преслѣдовать и умертвить убійцу, предварительно приведя его къ судьямъ и обвинивъ его на основаніи показаній двухъ свидѣтелей. Осужденіе можетъ быть произнесено лишь въ томъ случаѣ, когда убійство совершено съ умысломъ. Что касается до невольнаго убійцы, то онъ отдается подъ покровительство религіи. Ему открыто убѣжище въ городахъ, назначенныхъ для того закономъ въ количествѣ шести, по три на каждой сторонѣ Іордана ¹⁾. Онъ остается тамъ, послѣ оправданія передъ судомъ, до смерти первосвященника, то есть въ теченіе времени, которое предполагается достаточнымъ для того, чтобы успокоилась злоба семьи и охладѣли преслѣдованія мстителя.

Вся эта часть Моисеева закона, по подробностямъ и по выраженію, имѣетъ сходство съ правомъ греческимъ и, преимущественно, съ аѳинскимъ. Прочія черты, не менѣе характерныя, кажутся позаимствованными изъ того общаго запаса понятій и чувствованій, который вдохновлялъ всѣ обычаи арійскихъ народовъ и который мы находимъ здѣсь, у народности семитской, въ средѣ совсѣмъ иной. Напримѣръ, отвлеченное понятіе убійства, кажется, превосходитъ силы первыхъ законодателей. Древній исландскій кодексъ различалъ девять родовъ произвольнаго убійства, по способамъ, которые употребилъ убійца, — колотъ или рубилъ, метательнымъ снарядомъ, стрѣлою или дубиной, а также смотря по тому, — толкалъ ли, трясъ, отбрасывалъ или душилъ онъ свою жертву ²⁾. Равнымъ образомъ, книга Чиселъ говоритъ о томъ, кто убиваетъ желѣзомъ, камнемъ, кускомъ дерева или метательнымъ снарядомъ, или же толкая, ударяя рукою ³⁾. Не менѣе замѣчательно постановленіе, обязывающее городъ оправдаться, когда трупъ человѣка найденъ на его территоріи. Въ этомъ случаѣ измѣряютъ разстояніе, и ста-

¹⁾ Числа, XXXV. — Второзаконіе, IV, 41—43, XIX. — Іосифъ, XX.

²⁾ Grágás, гл. 86, Cod. Regius.

³⁾ Числа, XXXV.

рѣйшины ближайшаго города, погружая руки въ кровь телки, зарѣзанной священниками, торжественно объявляютъ, что ихъ руки не проливали крови убитаго человѣка и что ихъ глаза не видѣли, какъ проливалась эта кровь ¹⁾. Этотъ обычай, основанный на началѣ отвѣтственности общины, встрѣчается въ Индіи ²⁾. Подобное же постановленіе содержитъ въ себѣ первый Капитуляцій, присоединенный къ салическому закону. Онъ предписываетъ поднятіе тѣла, въ присутствіи судьи и передъ народомъ, созваннымъ по звуку трубы. Если тѣло признано, то извѣщаютъ родныхъ. Если же оно не признано, то погребеніе не можетъ имѣть мѣста ранѣ семи дней. Община отвѣчаетъ и обязана платить *wergeld*, если только старѣйшины, въ числѣ 65 или 15, смотря по званію убитаго, не оправдаютъ себя въ засѣданіи народнаго собранія, въ теченіе 40 дней ³⁾.

Смертная казнь установлена была не для однихъ случаевъ убійства. Она постигала всѣ тяжкія преступленія: идолопоклонство ⁴⁾, и богохуленіе ⁵⁾, продажу свободнаго въ рабство ⁶⁾, изнасилованіе и прелюбодѣяніе, и вообще преступленія противъ нравовъ ⁷⁾. Она никогда не примѣнялась безъ судебного рѣшенія, за исключеніемъ одного случая, когда мнимый пророкъ склоняетъ народъ къ идолопоклонству. «Его,—говоритъ законъ,—вы убейте немедленно. Пусть ваша рука дастъ ему первый ударъ, и затѣмъ, пусть всѣ бьютъ его» ⁸⁾. Впрочемъ, наказаніе лишеніемъ жизни составляетъ только приложеніе общаго правила таліона, которое поражаетъ всѣ преступленія противъ личности: «глазъ за глазъ, зубъ за зубъ, рука за руку, нога за ногу, обжогъ за обжогъ, рана за рану, ушибъ за ушибъ» ⁹⁾. Это — древнѣйшая система тѣлесныхъ наказаній. *Si membrum rupit, ni cum eo pacit, talio esto*, говорилъ законъ XII

¹⁾ Второзаконіе, XXI, 1—9.

²⁾ *Yajnavalkya*, II, 271—272.

³⁾ *Premier Capitulaire annexé à la loi Salique*, 9 (Берендъ, стр. 91). *De hominem inter duas villas occisum*.

⁴⁾ Второзаконіе, XVII.—Исходъ, XXII.

⁵⁾ Левитъ, XXIV.

⁶⁾ Исходъ, XXI.

⁷⁾ Второзаконіе, XXII.—Исходъ, XXII.

⁸⁾ Второзаконіе, XIII.

⁹⁾ Исходъ, XXI, 24—25.

таблицъ; но, въ отличіе отъ этого закона, еврейскій законъ не дозволялъ выкупа. Прибавимъ, что за всякое нарушеніе закона судья можетъ опредѣлить исправительное наказаніе, не выше 39 ударовъ ¹⁾).

Доказательства всегда состоятъ изъ свидѣтельскихъ показаній. Но бываютъ случаи, когда обвиняемый можетъ оправдаться присягою. Что касается суда Божія, то къ нему прибѣгали только тогда, когда женщина подозрѣвается въ прелюбодѣянніи и нѣтъ свидѣтелей для подтвержденія ея вины ²⁾).

Краткія постановленія, которыя мы сейчасъ разбирали, составляютъ почти все уголовное право Моисеева законодательства, такъ какъ проступки противъ собственности влекли за собою только возстановленіе нарушеннаго права и чисто денежные взысканія. Не больше развито было и гражданское право. По отношенію къ семьѣ, Моисей дозволяетъ существованіе многоженства, но запрещаетъ бракъ между родными и свойственниками въ близкихъ степеняхъ ³⁾. Онъ допускаетъ разводъ, или скорѣе отверженіе жены мужемъ, которое не сопровождается никакими формальностями, кромѣ врученія женѣ разводнаго свидѣтельства. Мужъ можетъ опять взять къ себѣ женщину, съ которою онъ развелся, если только она не согласилась съ кѣмъ-нибудь на другой бракъ ⁴⁾, что совершенно противно правилу, соблюдавшемуся въ Персіи, а, быть можетъ, и на всемъ Востокѣ. Левиратъ былъ обязателенъ здѣсь, какъ въ Индіи и Греціи. Братъ долженъ былъ жениться на вдовѣ своего брата, умершаго бездѣтнымъ. Если онъ отказывался, то женщина имѣла право при немъ снять свой башмакъ и плюнуть ему въ лицо ⁵⁾. На ряду съ бракомъ, законъ признаетъ нѣчто въ родѣ конкубината или низшаго достоинства союзъ съ плѣнницею. Послѣдняя можетъ быть отвергнута, но самый фактъ отверженія даетъ ей личную свободу ⁶⁾.

Дѣти подчиняются власти родителей, но эта власть не пере-

¹⁾ Второзаконіе, XXV.

²⁾ Числа, V, 11—31.

³⁾ Левитъ, XVIII и XX.

⁴⁾ Второзаконіе, XXIV.

⁵⁾ Второзаконіе, XXV, 5—10.—Бытія, XXXVIII, 8.

⁶⁾ Второзаконіе, XXI, 10—14.

ходить въ произволъ и имѣть границы. Непокорный и дерзкій сынъ можетъ быть наказанъ смертию не иначе, какъ по судебному рѣшенію и вслѣдствіе общей жалобы отца и матери ¹⁾. Законъ запрещаетъ посвящать дѣтей Молоху или отдавать дочерей въ распутство. Эти поступки, распространенные между всѣми семитскими народами, внушали евреямъ отвращеніе ²⁾.

Рабы были двухъ родовъ — евреи и чужеземцы. Къ первымъ принадлежали неоплатные должники или несчастные, которыхъ бѣдность доводила до того, что они продавались въ рабство. Если господинъ былъ самъ изъ евреевъ, то они не могли оставаться у него въ рабствѣ долѣе шести лѣтъ. Если господинъ былъ иностранецъ, имѣющій жительство въ Палестинѣ, то рабъ-еврей могъ, когда угодно, откупиться или быть выкупленъ другимъ, а, во всякомъ случаѣ, онъ получалъ свободу въ юбилейный годъ, который наступалъ послѣ каждаго 50 лѣтъ. Вѣчное рабство существовало только для рабовъ-иноземцевъ. Положеніе рабовъ, повидимому, было довольно сносное, такъ какъ въ законѣ предусмотрѣнъ случай, когда рабъ, освобожденный въ юбилейный годъ, не пожелалъ оставить своего господина. Господинъ въ правѣ наказывать ихъ, но онъ дѣлается виновнымъ въ убійствѣ, когда рабъ умретъ подъ его ударами. Искалѣченный рабъ объявлялся свободнымъ ³⁾.

Древнее право совсѣмъ исключало дочерей изъ наслѣдованій. По закону Моисея онѣ наслѣдуютъ при отсутствіи сыновей. За недостаткомъ дочерей наслѣдство идетъ къ братьямъ, а затѣмъ къ дядямъ съ отцовской стороны, то есть слѣдуя по порядку родства и исчерпывая этотъ порядокъ ⁴⁾. Старшій изъ сыновей получаетъ двойную часть ⁵⁾ изъ отцовскаго наслѣдства, причемъ законодатель не беретъ на себя труда объяснить это преимущество, имѣющее, кажется, корень въ религіозныхъ идеяхъ, совсѣмъ несходныхъ съ идеями Пятикнижія.

Собственность, происшедшая изъ дѣлежа завоеванной земли, была, вообще, неотчуждаема. Продажа позволялась только по дого-

¹⁾ Второзаконіе, XXI, 18—21.

²⁾ Левитъ, XVIII, 21; XIX, 29.

³⁾ Левитъ, XXV.—Исходъ, XXI.

⁴⁾ Числа, XXVII.

⁵⁾ Второзаконіе, XXI, 15—17.

вору о выкупѣ и подѣ условіемъ выкупа, который во всякое время можетъ быть сдѣланъ ближайшими родственниками. Въ такомъ видѣ продажа оставалась въ силѣ только на ограниченное время, такъ какъ послѣ каждыхъ 50 лѣтъ наступалъ юбилейный годъ, когда всѣ совершенныя за этотъ періодъ времени отчужденія уничтожались и каждому возвращалось его имущество. Исключеніе составляли дома, находящіеся въ городахъ, обнесенныхъ стѣною; въ этомъ случаѣ, по истеченіи годового срока на выкупъ, продажа не подлежала отмѣнѣ. То же слѣдуетъ сказать и о домахъ, принадлежащихъ левитамъ ¹⁾. На ряду съ выкупомъ родового имѣнія, законъ принимаетъ еще одну мѣру съ цѣлью обезпечить сохраненіе имѣній въ семьяхъ: онъ требуетъ, чтобы дочери-наслѣдницы выходили замужъ за ближайшихъ родныхъ ²⁾.

Въ Пятикнижii идетъ рѣчь только о договорахъ поклажи, займа и найма имущественнаго и личнаго ³⁾. Что касается продажи, то мы сейчасъ видѣли, что въ большинствѣ случаевъ она была не что иное, какъ закладная. Ростовщичество прямо воспрещалось евреямъ ⁴⁾.

Дѣла, имѣющія цѣлю охраненіе права собственности, производятся въ формѣ исковъ объ удовлетвореніи за убытки, происшедшіе отъ преступленія, отъ насильственнаго или обманнаго завладѣнія, отъ кражи, отъ утайки найденнаго и не объявленнаго. Завладѣвшій обязанъ отдать предметъ и сверхъ того пятую часть стоимости его. Похититель быковъ и барановъ долженъ возвратить вдвойнѣ, если похищенные животные находятся еще у него, вчетверо или даже впятеро, если онъ ихъ убилъ или передалъ третьему лицу. Ночной воръ, застигнутый на мѣстѣ совершенія преступленія, можетъ быть убитъ безнаказанно; но убитъ вора днемъ, значитъ совершить убійство. Обманщикъ-поклажеприниматель считается воромъ и возвращаетъ вдвойнѣ. Въ случаѣ утраты имущества, зависѣвшей отъ непредвидѣннаго случая, законъ опредѣляетъ отвѣтственность поклажепринимателя, пастуха, заемщика и нанимателя. Первые двое, для своего оправданія, могутъ принять присягу ⁵⁾.

¹⁾ *Левитъ*, XXV.

²⁾ *Числа*, XXXVI.

³⁾ *Исходъ*, XXII.—*Левитъ*, VI.

⁴⁾ *Второзаконіе*, XXIII.—*Левитъ*, XXV.—*Исходъ*, XXII.

⁵⁾ *Исходъ*, XXII.—*Левитъ* VI.

Не существуетъ общаго правила для взысканія убытковъ, причиненныхъ ошибкою или неосторожностью. Однако же, законъ примѣняетъ этотъ принципъ къ случаямъ пожара или вреда для посѣвовъ ¹⁾, къ убійству домашняго животнаго ²⁾, къ простымъ ударамъ, нанесеннымъ человѣку въ ссорѣ ³⁾.

Искъ предъявлялся судьямъ, то есть старѣйшинамъ, которые засѣдали у воротъ каждаго города ⁴⁾. Рѣшеніе исполнялось посредствомъ ареста имущества, но кредиторъ не могъ проникнуть въ жилище должника для наложенія ареста. «Вы останетесь на дворѣ, говоритъ законъ, онъ самъ отдастъ вамъ, чтò у него есть» ⁵⁾. Это, безъ сомнѣнія, представляетъ слѣдъ древняго обычая воздержанія, о которомъ говорятъ кодексъ Ману и ирландскіе законы. Законъ запрещаетъ также арестовать одежды должника и жерновъ для перемалыванія зерна ⁶⁾.

Если прибавить къ этимъ постановленіямъ нѣкоторыя правила благочинія и человѣколюбія, то можно однимъ взглядомъ объять цѣлое законодательство Моисея и опредѣлить его характеръ. Оно сводится къ очень небольшому числу правилъ, въ которыхъ нѣтъ ничего систематически-цѣльнаго и которыя представляютъ поражающее сходство то съ браманическими кодексами, то съ греческимъ и, по преимуществу, съ аѳинскимъ правомъ. Нельзя отрицать того, что это законодательство внушено глубокимъ религіознымъ и нравственнымъ чувствомъ и что оно являетъ собою значительный прогрессъ по сравненію съ тѣмъ порядкомъ вещей, который ему предшествовалъ и который продолжалъ существовать у сосѣднихъ народовъ. Но, чтобы эти учрежденія были безусловно оригинальны и притомъ такъ, какъ будто они не встрѣчаются уже ни у какого другого народа древности,—этого утверждать невозможно, не отвергнувъ самыхъ достовѣрныхъ фактовъ ⁷⁾.

¹⁾ *Исходъ*, X, XII.

²⁾ *Левитъ*, VI.

³⁾ *Исходъ*, XXI.

⁴⁾ *Второзаконіе*, XV.

⁵⁾ *Второзаконіе*, XXIV.

⁶⁾ *Исходъ*, XXII.—*Второзаконіе*, XXIV.

⁷⁾ Мы здѣсь не будемъ изслѣдовать, въ какую эпоху написано было Пятикнижіе. Можно утверждать, что учрежденія, которыя мы обрисовали, были очень древними, современными появленію центральной власти. Они

То, что мы говоримъ о законѣ, еще справедливѣе въ примѣненіи къ обычаю. Насколько законъ бываетъ кратокъ и неудовлетворителенъ, настолько онъ долженъ быть дополняемъ юриспруденціею и обычаемъ. Къ несчастію, у насъ нѣтъ еврейскихъ контрактовъ. Памятники этого рода относятся только къ Египту, Ассиріи и Греціи. Обращаемся къ нѣкоторымъ указаніямъ, разбросаннымъ въ Библии. Ихъ слѣдуетъ разсмотрѣть съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ.

Въ Библии нѣтъ ничего яснаго относительно брака. Между тѣмъ видно, что во времена патріарховъ практиковалась покупка женъ. Іаковъ служилъ семь лѣтъ у Лабана, чтобы получить Рахиль ¹⁾; Рахиль и Лія прямо признаютъ, что Лабанъ продалъ ихъ ²⁾. Еліазаръ сдѣлалъ богатые подарки братьямъ и матери Ревекки; правда, онъ сдѣлалъ ихъ и самой Ревеккѣ, и она-то именно согласилась на бракъ ³⁾. Обычай давать приданое за дочерьми вошелъ и распространился послѣ водворенія евреевъ въ Святой землѣ. Этимъ путемъ дочери получаютъ эквивалентъ наслѣдственной доли, которой онѣ лишены. «Абезанъ, изъ Виелеема,—говоритъ книга Судей ⁴⁾,—былъ судьей Израиля. Онъ имѣлъ тридцать сыновей и столько же дочерей. Онъ отослалъ послѣднихъ изъ своего дома, выдавъ ихъ замужъ, и ввелъ туда столько же дѣвушекъ, давъ ихъ въ жены своимъ сыновьямъ». Дочь Калеба, преемника Іосіа, получила отъ отца безводную землю. По внушенію своего мужа, Оеоііеля, она обратилась къ отцу, и онъ далъ ей землю, снабженную средствами ирригаціи. Фактъ этотъ рассказанъ въ Библии два раза ⁵⁾, чѣмъ доказывается, что по современнымъ понятіямъ онъ не лишенъ былъ значенія. Въ дѣйствительности, это былъ прецедентъ, которымъ

имѣются у всѣхъ народовъ въ тотъ моментъ, когда послѣдніе перестаютъ быть соединеніемъ семей и дѣлаются націею, образующею государство. Это уже не идеальное законодательство, не ретроспективная утопія. Изъ законовъ Моисеевыхъ нѣтъ ни одного, который не былъ бы на дѣлѣ примѣняемъ у народовъ, чуждыхъ евреямъ. Наболѣе древній изъ этихъ законовъ есть тотъ, который мы читаемъ въ гл. XXXV книги Чисель.

¹⁾ *Бытіе*, XXVI.

²⁾ *Бытіе*, XXXI, 15.

³⁾ *Бытіе*, XXIV.

⁴⁾ *Судей*, XII, 8—9.

⁵⁾ *Іосія*, XVI. — *Судей*, I.

объяснялось учрежденіе приданого, даваемого отцомъ дочери или прежде, или уже въ продолженіе замужества ея. Во время свадьбы молодого Товія, Рагуэль, отецъ невѣсты, даетъ зятю половину всего своего состоянія и отказъ другой половины послѣ его смерти ¹⁾. Но не всегда браки заключались такъ, какъ сказано сейчасъ. Бракъ съ похищеніемъ невѣсты, бывшій въ Индіи одною изъ восьми законныхъ формъ и оставившій многочисленныя слѣды въ героическихъ легендахъ Греціи и Рима, встрѣчается одинъ разъ въ книгѣ Судей ²⁾, гдѣ оставшіеся въ живыхъ изъ племени Веніаминова уполномочиваются старѣйшинами Израиля похитить дочерей Сило для того, чтобы взять ихъ себѣ въ жены. Не напоминаетъ ли эта исторія, буква въ букву, исторію похищенія Сабинокъ?

У евреевъ мы не находимъ никакого слѣда усыновленія, играющаго такую важную роль въ бѣльшей части древнихъ законодательствъ. Правда, въ книгѣ *Эсѣиръ* сказано, что, послѣ смерти отца и матери Эсѣири, Мардохей призналъ ее, какъ свою дочь ³⁾, но вѣдь это былъ простой фактъ, а не учрежденіе, производящее законныя послѣдствія. Вполнѣ понятно, что евреи, не признававшіе культа предковъ, отвергли усыновленіе и не заботились о жертвахъ и приношеніяхъ, которыя имѣли столько значенія въ глазахъ индусовъ, а также грековъ и римлянъ.

Древнѣйшій договоръ о продажѣ, какой мы знаемъ, приведенъ въ книгѣ Бытія ⁴⁾. Послѣ смерти Сары, Авраамъ покупаетъ для могилы ея землю. Онъ, прежде всего, обращается къ геѣейцамъ, то есть къ племени, на территоріи котораго лежитъ сказанная земля, и когда племя изъявило согласіе, онъ договаривается съ собственникомъ земли, Ефрономъ, сыномъ Сеора, въ присутствіи народа, собравшагося у городскихъ воротъ. Цѣна опредѣлена въ 400 сиклей серебра, взвѣшена и уплачена наличными, при народѣ же. Не всегда покупная цѣна уплачивалась деньгами. Такъ, Іаковъ покупаетъ за 100 ягнятъ поле, на которомъ желаетъ воздвигнуть жертвенникъ ⁵⁾. Книга *Руевъ* представляетъ фактъ продажи иного

¹⁾ *Товія*, VIII, 24.

²⁾ *Судей*, XXI.

³⁾ *Эсѣиръ*, II.

⁴⁾ *Бытіе*, XXIII.

⁵⁾ *Бытіе*, XXXIII, 19—20.

сорта,—продажи родового имѣнія ¹⁾). Ноэми потеряла мужа и двухъ сыновей. Она предлагаетъ родственнику, Воозу, принадлежавшую имъ землю и въ то же время руку своей невѣстки, Руѣи. Воозъ отвѣчаетъ, что согласенъ, «но, прибавляетъ онъ, есть другой, болѣе близкій, чѣмъ я, родственникъ», и отправляется къ городскимъ воротамъ. Вскорѣ появляется этотъ другой родственникъ. Воозъ, при народѣ, предлагаетъ ему двойную цѣну, но родственникъ не соглашается. «У Израиля же былъ старинный обычай, по которому, если кто-нибудь уступалъ свое право другому, то для того, чтобы уступка получила надлежащую силу, уступающій свое право снималъ башмакъ и отдавалъ его другому. Это было въ Израилѣ свидѣтельствомъ уступки». Поэтому Воозъ сказалъ родственнику: «сними твой башмакъ». И когда, вслѣдъ за этимъ, тотъ снялъ башмакъ съ ноги, Воозъ сказалъ передъ старѣйшинами и всѣмъ народомъ: «Сегодня вы — свидѣтели тому, что я приобрѣтаю все, что принадлежало Элимелеху, Хеліону и Магалону, купивши это имѣніе отъ Ноэми, и что я также взялъ въ жены Руѣ, моавитянку, жену Магалона, для того, чтобы возобновить имя покойнаго въ его наслѣдствѣ и чтобы имя его не угасло въ его семействѣ, между его братьями и въ народѣ. Вы, говорю, свидѣтели этому». Весь бывший у воротъ народъ и старѣйшины отвѣтили: «Мы — свидѣтели этому».

При такихъ же обстоятельствахъ, за исключеніемъ впрочемъ брака, Іеремія купилъ поле ²⁾). «Ганамеель, сынъ моего дяди, встрѣтилъ меня въ сѣняхъ тюрьмы и сказалъ мнѣ: купи мое поле, что въ Анаѳоѣ, на землѣ Веніаминовой; такъ какъ ты имѣешь права наслѣдства и выкупа, то купи его!» Поэтому я купилъ у Ганамееля, сына моего дяди, поле, что въ Анаѳоѣ, и далъ за него деньги, на вѣсь 17 сиклей серебра. Я написалъ контрактъ, запечаталъ его при свидѣтеляхъ и отвѣсилъ деньги на вѣсахъ. Я взялъ актъ приобретенія, запечатанный, съ его статьями, какъ слѣдуетъ по предписаніямъ закона и съ печатями, приложенными снаружи, и я отдалъ этотъ актъ приобретенія Баруху, сыну Нери, сыну Маазіаса, въ присутствіи Ганамееля, сына моего дяди, и свидѣтелей, которыхъ имена написаны въ актѣ приобретенія, и на гла-

¹⁾ Руѣ, IV.

²⁾ Іеремія, XXXII, 8---14.

захъ всѣхъ евреевъ, бывшихъ въ сѣняхъ тюрьмы; и я далъ этотъ приказъ Баруху предъ всѣми и сказалъ ему: «Вотъ, что сказалъ Господь силъ, Богъ Израиля: возьми эти акты, актъ приобрѣтенія запечатанный и другой открытый, и положи ихъ въ глиняный горшокъ для того, чтобы они могли сохраниться на долгое время».

Чтобы правильно понять этотъ текстъ, который не вездѣ точно переданъ толковниками, нужно уяснить себѣ приемы, употреблявшіеся въ эту эпоху для совершенія актовъ, а также роль, которую играли свидѣтели. Актъ совершался сторонами, какъ здѣсь, продавцомъ и покупателемъ. Потомъ складывали папирусъ или кожу. Стороны прикладывали къ нему, при свидѣтеляхъ, свою печать, а свидѣтели дѣлали подписи на той сторонѣ, которая оставалась открытою. Такимъ образомъ, свидѣтели не знали статей контракта. Они удостовѣряли только тождество сторонъ, участвующихъ въ договорѣ, и фактъ приложенія печатей, почти подобно тому, какъ, при совершеніи тайнаго завѣщанія, нотаріусъ и свидѣтели подписываются на наружномъ конвертѣ акта, содержаніе котораго имъ неизвѣстно. Это очень хорошо понято Гитцигомъ въ его ученомъ комментаріи на книгу Іереміи. Можно было бы прибавить, что той же практики придерживались римляне и что описаніе этой практики находится въ Сентенціяхъ Павла ¹⁾.

Мы доказываемъ, что тождество обычаевъ, распространенныхъ по всему Востоку, существовало не по отношенію къ однимъ актамъ продажи. То же было и въ платежныхъ обязательствахъ, которыя мы называемъ теперь торговыми векселями или приказами. Эти векселя находились въ чрезвычайно большомъ употребленіи и обращеніе ихъ было очень живое. Такъ какъ должникъ платилъ только одновременно съ полученіемъ документа, то послѣдній въ дѣйствительности оплачивался предъявителю. Условіе на предъявителя даже прямо выражено въ нѣкоторыхъ греческихъ надпи-

¹⁾ Paulus, *Receptae sententiae*, V, 25. Amplissimus ordo decrevit eas tabulas, quae publici vel privati contractus scripturam continent, adhibitis testibus ita signari, ut in summa marginis ad mediam partem perforatae triplici lino constringantur, atque impositum supra linum cerae signa imprimantur, ut exteriores scripturae fidem interiori servent.—См. также I, 22, § 7, D. *Qui testamenta facere possunt* (XXVIII, 1). Актъ, такимъ образомъ сложенный, назывался *diploma*, *diptychus*.

сяхъ ¹⁾. Греческій контрактъ, открытый недавно на Аморгасѣ, одномъ изъ Цикладскихъ острововъ, именно постановляетъ, что платежъ долженъ быть сдѣланъ кредитору *или его приказу* ²⁾; но въ такомъ случаѣ приказъ могъ выходить только изъ спеціальнаго полномочія, потому что въ древности, кажется, не рѣшались помѣщать приказъ на самомъ документѣ посредствомъ передаточной надписи. Евреи, вмѣстѣ съ своими одноплеменниками финикиянами, вавилонянами, кароагенианами, были въ тѣ времена, какъ и теперь еще, первыми въ мірѣ банкирами. Разселеніе евреевъ послѣ плѣненія Самаріи и Іерусалима, вмѣсто того, чтобы остановить движеніе ихъ дѣлъ, дало этому движенію новый толчокъ. Іосифъ былъ министромъ финансовъ у фараона, Даніиль — у Навуходоносора и Мардохей — у Ксеркса. Іоакимъ, мужъ Сусанны, Товій въ Вавилонѣ и друзья Товія, Рагуэль въ Экбатанѣ, Габель въ Рагесѣ, славились своими богатствами, равно какъ и благочестіемъ. Исторія Товія показываетъ, какъ въ ту эпоху производились взысканія денегъ. Рѣчь идетъ о векселѣ, подписанномъ Габелемъ, съ платежемъ Товію. Послѣдній посылаетъ своего сына за полученіемъ денегъ и передачею векселя. «Но, возражаетъ молодой Товій, Габель не знаетъ меня, а я его тоже. Какое же доказательство я дамъ ему?» Отецъ отвѣчаетъ и говоритъ: «вотъ вексель Рагуэля, онъ у меня. Ты покажешь его, и онъ отдастъ тебѣ деньги» ³⁾. По дорогѣ Товій останавливается у Рагуэля, на дочери котораго женится, а проводникъ Рафаэль, взявши у Рагуэля съ собою четырехъ слугъ и двухъ верблюдовъ, отправляется въ Рагесъ, находитъ Габеля, отдаетъ его вексель и получаетъ деньги.

По возвращеніи изъ плѣна, Іерусалимъ дѣлается очень многолуднымъ рынкомъ и большимъ дѣловымъ центромъ. Распространенность еврейскаго племени и движеніе богомольцевъ къ новому храму даютъ правильныя и вѣрныя средства сообщенія. При Асмонеискихъ князьяхъ, еврейскіе банкиры дѣлали громадныя дѣла. Они преимущественно ссужали деньги правителямъ, а иногда князьямъ,

¹⁾ Ἡ δὲ συγγραφὴ κυρία ἐστὼ, καὶ ἄλλος ἐπιφέρῃ ὑπὲρ Νικαρέτας, Надпись Орхомена. *Bulletin de correspondance hellénique*, t. III et IV (1879—1880).

²⁾ Ἀποδώσουσιν ἐν Νάξῳ Πραξικλεῖ ἢ ᾧ ἂν κελεύῃ Πραξικλῆς. *Bulletin de correspondance hellénique*, t. VIII (1884), p. 24.

³⁾ Товій, V, 2—3.

которые лишились своихъ владѣній и желали хлопотать о возстановленіи своей власти или заручиться въ Римѣ нѣкоторыми вліятельными личностями. Тутъ умѣстно припомнить исторію Тетрарха Агриппы, при Тиверіи. Задолжавши 300.000 драхмъ императорской казнѣ и не будучи въ состояніи платить въ срокъ, онъ бѣжитъ, предварительно занявъ, подъ свою подпись ¹⁾, 20.000 драхмъ у одного банкира изъ Птолемаиды, который въ дѣйствительности далъ ему только 17.500. По пріѣздѣ въ Александрію, онъ отыскиваетъ алабарка Александра, другаго еврея, брата философа Филона ²⁾, и хочетъ у него занять 200.000 драхмъ для того, чтобы отправиться въ Римъ. Александръ отказывается. Въ крайнемъ случаѣ онъ соглашается ссудить женѣ Агриппы, подъ залогъ, 5 талантовъ наличными, а остальные (170.000 драхмъ) обязывается выдать въ Пуццолесѣ. Высадившись въ Пуццолесѣ, Агриппа занимаетъ еще 300.000 драхмъ у Антоніи, матери Кая, который потомъ сдѣлался императоромъ Калигулою, и затѣмъ Агриппа беретъ миллионъ у самаритянскаго банкира Фалліуса, вольноотпущеннаго Цезаря. Изъ разсказа Іосифа видно, что Агриппа подружился съ Каемъ, былъ возстановленъ въ своемъ званіи и заплатилъ долги: Еврейскіе банкиры не потеряли своихъ денегъ.

Въ Іерусалимѣ, какъ и во всѣхъ городахъ Греціи и Востока, было публичное зданіе, въ которомъ сохранялись контракты и кредитныя бумаги, γράμματα φολακείων. Это учрежденіе не было однимъ хранилищемъ. Оно играло роль настоящей торговой биржи, гдѣ продавались и покупались бумаги и гдѣ получались кредиты на разныя мѣста и на разные сроки. Іосифъ разсказываетъ, что во время великаго возстанія евреевъ, γράμματα φολακείων Іерусалима былъ сожженъ въ народномъ бунтѣ ³⁾ и что, по окончаніи войны, такой же случай имѣлъ мѣсто въ Антиохіи ⁴⁾. Послѣдствіемъ истребленія документовъ было освобожденіе должниковъ отъ ихъ обязательствъ. Эти безпорядки произвели обычное свое дѣйствіе, при-

¹⁾ Ἐπὶ γράμματι καὶ πίστει τῇ αὐτοῦ. Іосифъ, *Antiq. jud.*, XVIII, VI.

²⁾ Алабаркъ былъ сборщикъ финансовъ и очень сильное лицо. См. замѣтку Марквардта, *Römische Staatsverwaltung*, I, стр. 299.

³⁾ Іосифъ, *De bello judaico*, II, XXXI.

⁴⁾ Іосифъ, *De bello judaico*, VIII, IX.

влекли на сторону римскаго правительства наиболѣе богатыхъ и наиболѣе интеллигентныхъ лицъ изъ еврейскаго народа.

Съ разсказами Іосифа слѣдуетъ сравнить многочисленныя мѣста Новаго Завѣта, въ которомъ идетъ рѣчь о банкирѣ ¹⁾, о долговыхъ документахъ, возобновленныхъ лукавымъ управителемъ ²⁾, о полученіи долговъ ³⁾ и о должникахъ, заключенныхъ подъ стражу за долги ⁴⁾. «Когда противникъ твой ведетъ тебя въ судъ, помирись съ нимъ, иначе онъ передастъ тебя судѣ, а судья—исполнителю, который посадитъ тебя въ тюрьму». Святой Павелъ пишетъ къ Колоссянамъ, что жертвою, принесенною Христомъ, уплаченъ долгъ человѣческаго рода и что Богъ уничтожилъ документъ, въ которомъ значился этотъ долгъ ⁵⁾.

Что касается положенія собственности, то въ Новомъ Завѣтѣ имѣются два мѣста, которыя заслуживаютъ указанія и объясненія. Первое изъ нихъ находится въ Дѣяніяхъ Апостоловъ ⁶⁾. Ананіасъ вмѣстѣ съ своею женою Сафирою продали имѣніе. Извѣстна развязка этого дѣла и трагическій конецъ обоихъ супруговъ, бывшій истиннымъ возмездіемъ за ихъ ложь. Мы желали бы остановиться здѣсь на участіи Сафиры въ актѣ,—участіи, которое заставляетъ предполагать, что Сафира имѣла право на недвижимое имѣніе благодаря приданому, или *khetuba*, назначенному ея мужемъ. О значеніи этого участія сейчасъ будетъ сказано. Другое мѣсто имѣетъ связь съ извѣстною притчею о блудномъ сынѣ ⁷⁾. «Нѣкто имѣлъ двухъ сыновей, и младшій изъ нихъ сказалъ отцу: отецъ! дай мнѣ часть, слѣдующую мнѣ изъ общаго имѣнія. И отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе. Черезъ нѣсколько дней, младшій взялъ все свое и отправился въ дальнюю страну». Не замѣтны ли въ этихъ двухъ разсказахъ слѣды древней семейной общности, которая служила первобытною формою собственности? Не видно ли и то, какъ эта общность была разрушена чрезъ выселеніе сыновей, которые отправлялись

¹⁾ Лук., XIX, 23.

²⁾ Лук., XVI, 1—7.

³⁾ Матѣ., XVIII, 23—24.

⁴⁾ Матѣ., V, 25—26; Лук., XII, 58—59.

⁵⁾ Колосс., II, 14.

⁶⁾ Дѣянія, V, 1.

⁷⁾ Лук., XV, 11—13.

устраиваться въ другія мѣста и уносили съ собою свои доли? Конечно, читатели просматриваютъ эти тексты, не стараясь углубляться въ ихъ юридическій смыслъ; но послѣдній не ускользнулъ отъ проницательнаго ума ученаго Сомнера Мэна ¹⁾. И, дѣйствительно, этотъ смыслъ одинаково важенъ, какъ съ точки зрѣнія права, такъ и со стороны морали и религіи.

Мы пытались крупными чертами обрисовать израильское право въ томъ видѣ, какъ оно практиковалось до разрушенія Іерусалимскаго храма римлянами. Нѣсколько постановленій уголовного закона, нѣсколько правилъ относительно нарушенія договоровъ, наконецъ, нѣкоторые приказы и запрещенія по поводу браковъ, образованія и устройства семей,—вотъ почти все, что мы нашли въ священныхъ книгахъ. Въ нихъ встрѣчаются также слѣды кое-какихъ обычаевъ, но—только слѣды. Обычай самъ по себѣ предполагался извѣстнымъ и потому Священный авторъ не потрудился даже описать его.

Совсѣмъ другое видимъ въ Мишнѣ и въ Талмудахъ. Здѣсь—настоящая кодификація, полный законъ и толкованіе, напоминающее, въ нѣкоторомъ отношеніи, толкованіе римскихъ юрисконсультовъ. Этотъ юридическій памятникъ имѣетъ высокое значеніе. До послѣдняго времени онъ оставался почти закрытымъ для профановъ. Теперь французскіе переводы сдѣлали его доступнымъ для всѣхъ и, если эти переводы не безупречны, если они не безусловно соотвѣтствуютъ всѣмъ требованіямъ строгой терминологіи, тѣмъ не менѣе они удовлетворительны въ томъ смыслѣ, что читатель, хотя немного посвященный въ тайны науки, можетъ расширить свои взгляды на предметъ, о которомъ свидѣтельствуетъ упомянутый памятникъ.

Мишна дѣлится на шесть частей, почти равныхъ по объему. Двѣ первыя и двѣ послѣднія части содержатъ въ себѣ чисто религіозныя предписанія. Онѣ представляютъ развитіе книги Левитъ. Но третья и четвертая части трактуютъ о гражданскомъ и уголовномъ правѣ и заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Одна изъ нихъ озаглавлена *О женахъ*, другая—*Объ убыткахъ*. Для евреевъ, какъ и для многихъ древнихъ народовъ, вся теорія гражданского права

¹⁾ S. Maine, *Dissertations on early law and custom*, London, 1833 (p. 349 французскаго перевода).

могла быть сведена къ двумъ главнымъ предметамъ: къ учрежденію семьи и къ защитѣ собственности.

Покупка женъ рано исчезла изъ израильскаго законодательства. Остались, впрочемъ, два слѣда этого обычая. Прежде всего необходимо, чтобы женщина была выдана замужъ тѣми, кто имѣетъ надъ нею власть. Сверхъ того, женихъ можетъ вступить въ бракъ, подаривъ невѣстѣ нѣкоторую сумму денегъ и говоря ей: «ты для меня священна» или «ты—моя жена». Это напоминаетъ *coemptio* римскаго права. Но деньги, положенныя въ руку женщины, являются только символомъ, подобно брачному подарку въ религіозномъ христіанскомъ бракѣ. Это былъ остатокъ того времени, когда простое соглашеніе сторонъ считалось какъ бы безсильнымъ для завершенія договора и установленія обязательства, а нуженъ былъ для этого задатокъ, передача чего-нибудь. Впрочемъ, женщина не могла быть выдана противъ ея воли; согласіе ея было однимъ изъ элементовъ контракта.

Такимъ образомъ, передача денегъ въ руку завершала бракъ. Но существовалъ для этого еще другой способъ, который извѣстенъ былъ со временъ Моисея и который все чаще и чаще повторялся, такъ что въ Мишнѣ онъ составилъ уже правило. Это—назначеніе мужемъ женѣ приданого посредствомъ письменнаго акта, такъ называемая *khetuba*. Въ эпоху Мишны и Талмуда такое приданое состоитъ изъ суммы, *minimum* которой опредѣленъ: для дѣвушекъ 200 *зузовъ* или денаріевъ и для вдовъ—100 *зузовъ*. Мужъ свободно распоряжался имъ въ продолженіе брачнаго сожитія, но, при прекращеніи брака, вслѣдствіе ли смерти мужа или по разводу, жена прежде всего выдѣляетъ свою *khetuba* изъ имущества мужа. Какъ видно, приданое, о которомъ идетъ рѣчь, ни въ чемъ не сходно съ греческимъ или римскимъ приданымъ. Оно не идетъ на свадебные расходы и не приносится женою. Наоборотъ, мужъ даетъ его и оно выплачивается на самомъ дѣлѣ только при прекращеніи брачнаго союза. Это одно изъ поразительнѣйшихъ свойствъ права варваровъ, и Тацитъ находитъ его у германцевъ: *Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert*. Откуда этотъ обычай? и какимъ образомъ стали смотрѣть на *khetuba* какъ на существенный актъ брака? Безъ сомнѣнія, желали обезпечить вдовѣ или разведенной женѣ средства для существованія; но эта причина недостаточна, такъ какъ жена могла

имѣть собственныя средства и, въ такомъ случаѣ, она не нуждалась въ *khetuba*. Съ другой стороны, могло случиться, что мужъ умеръ несостоятельнымъ, и тогда *khetuba* не принесла бы никакой пользы женѣ. Правильнымъ объясненіемъ для насъ представляется такое: *khetuba* есть постановленіе уголовного характера. Такъ какъ мужъ имѣетъ право развестись съ женою, и притомъ только ему принадлежитъ это право, то онъ обязывается не пользоваться своимъ правомъ подъ страхомъ платежа женѣ опредѣленной суммы. Бракъ не объявленъ расторгимымъ, но, по крайней мѣрѣ, жена не отдана на произволъ мужа. Она не можетъ быть безнаказанно отвергнута по одному капризу мужа.

У римлянъ, а прежде нихъ еще у грековъ, полученное мужемъ приданое также подлежало возврату при прекращеніи брака, а слѣдовательно и при разводѣ; но въ этомъ случаѣ мужъ все-таки возвращалъ лишь то, что получилъ и, къ тому же, приданое жены могло быть ничтожно или малоцѣнно. У евреевъ, напротивъ, мужъ долженъ былъ изъ собственного имущества заплатить условленную сумму; эта сумма была опредѣлена и не могла быть ниже извѣстнаго минимума. Наконецъ, если бы даже мужъ впалъ въ несостоятельность, то и тогда онъ оставался должникомъ. Стало быть, во всякомъ случаѣ жена находила для себя сильную защиту въ законѣ.

Независимо отъ назначеннаго мужемъ приданого, жена, какъ сказано, могла имѣть и свое состояніе. Мы видѣли, что, за недостаткомъ сыновей, наследуютъ дочери. Принято было даже, что, при выдачѣ ихъ замужъ родителями, онѣ получали отъ послѣднихъ приданое, которое замѣняло имъ наследство, и это приданое, вообще, равнялось десятой части состоянія отца и матери. Онѣ могли также имѣть исключительное имущество. Подобно *khetuba*, приданое, въ продолженіе всего брака, состояло въ завѣдованіи мужа, но должно быть выдано имъ, когда бракъ прекращался. Возвращеніе того и другого приданого обезпечено, по закону, ипотекою на имѣніи мужа. Жена считается собственницею приданого, но не можетъ отчуждать его. Мужу также запрещено отчуждать свое право пользованія какъ по отношенію къ приданому жены, такъ и по отношенію къ исключительнымъ ея имѣніямъ. Съ ссціальной и экономической точекъ зрѣнія, конечно, этого рода приданое, какъ происходящее отъ отца и матери, имѣетъ очень важное значеніе, но, съ юриди-

ческой точки зрѣнія, такое значеніе принадлежитъ *khetuba*, потому что послѣдняя составляетъ существенный и составной элементъ брачнаго союза.

Помолвка происходитъ между родителями дѣвушки и женихомъ. Безъ помолвки родители не выдаютъ дочь. Также было въ Римѣ и у грековъ. У евреевъ помолвка должна предшествовать свадьбѣ, по крайней мѣрѣ, на 12 мѣсяцевъ, если невѣста — дѣвушка, и на мѣсяць, если она — вдова. Впрочемъ, по отношенію къ послѣдствіямъ помолвки, незамѣтно никакой разницы между израильскимъ правомъ и другими законодательствами древности. Напрасно Раббиновичъ видитъ въ помолвкѣ учрежденіе, исключительно принадлежащее еврейскому народу. Онъ основывается на томъ, что связь съ невѣстою наказывалась такъ же, какъ связь съ замужнею женщиной, но вѣдь то же было въ Римѣ ¹⁾ и, можно прибавить, вездѣ.

Сама *khetuba* не осталась навсегда чуждою римскимъ нравамъ и вошла въ нихъ путемъ обычая, подъ названіемъ *donatio ante nuptias*; только она разсматривалась, преимущественно, въ смыслѣ матеріальной выгоды, которую получала жена, оставшаяся вдовою, или въ смыслѣ эквивалента приданого, принесеннаго женою. Юстиніанъ положительно разъясняетъ, что это учрежденіе было совсѣмъ неизвѣстно древнимъ юрисконсультамъ и что оно довольно поздно введено было императорами ²⁾.

Нерѣдко спрашивали, откуда явился этотъ обычай и по какому случаю, начиная съ III столѣтія, онъ распространился въ римской имперіи. Пытались приурочить его къ стилистическимъ вставкамъ, попадающимъ въ римскихъ завѣщаніяхъ и говорящимъ о возвращеніи приданого. Но это объясненіе, хотя и вѣрное само по себѣ, не разъясняетъ загадочнаго явленія, о которомъ мы говоримъ. Все-таки оставалось непонятнымъ то, какимъ образомъ римляне въ извѣстный моментъ приходили къ усвоенію какой-нибудь идеи, кото-

¹⁾ Divi Severus et Antoninus rescripserunt etiam in sponsa hoc idem vindicandum, quia neque matrimonium qualecumque nec spem matrimonii violare permittitur. (D. I, 13, § 3, *ad legem Juliam De adulteriis coercendis*. Ulpianus libro secundo *De adulteriis*).

²⁾ Юстиніанъ, *Institutes, De donationibus*, 3 (II, 7): Est et aliud genus inter vivos donationum, quod veteribus quidem prudentibus penitus erat incognitum, postea autem a junioribus divis principibus introductum est, quod ante nuptias vocabatur.

рой прежде не имѣли? Не слѣдуетъ ли предположить, что въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ случаѣ, дѣйствовало вліяніе провинціального права на право метрополіи, права евреевъ и всѣхъ восточныхъ народовъ на римское право ¹⁾? Нужно вспомнить, что еврейскія общины разбросаны были по всей Имперіи, и даже въ западныхъ провинціяхъ ея, какъ напримѣръ въ Италиі и Испаніи, и что, судя по свидѣтельствамъ современниковъ, еврейскій законъ имѣлъ много послѣдователей ²⁾. Христіанство въ особенности благопріятствовало этому расширенію еврейскаго вліянія. Изъ закона Моисея и изъ Мишны *khetuba* перешла въ каноническое право. Правило Арльскаго собора, приведенное въ декретъ Граціана, прямо гласитъ: *Nullum sine dote fiat conjugium*. Правда, что Мишна и Талмудъ дозволяютъ женѣ требовать развода и, такимъ образомъ, даютъ ей, хотя въ ограниченномъ размѣрѣ, то право, которое до сихъ поръ принадлежало только мужу; но со стороны жены нечего было опасаться злоупотребленій разводомъ и, къ тому же, роль *khetuba* здѣсь нисколько не измѣнялась, такъ какъ жена, потребовавшая развода, тѣмъ самымъ отказывалась отъ своей *khetuba*.

Мы остановились на этомъ предметѣ потому, что, можетъ быть, настало время для анализа римскаго законодательства и для отдѣленія изъ него элементовъ чужеземнаго происхожденія, которые смѣшались въ немъ, не бывъ поглощены имъ. Въ настоящее время благодаря новымъ открытіямъ по части эпиграфіи можно опредѣлить значеніе эллинскаго элемента. Египетскіе папирусы и Сирійскій сводъ обычаевъ, текстъ и переводъ котораго изданы въ 1880 г. Берлинскою академіею, доказали, что даже послѣ эдикта Каракаллы, давашаго всѣмъ обитателямъ Имперіи званіе римскихъ гражданъ, древнія законодательства продолжали дѣйствовать въ провинціяхъ.

¹⁾ Mühlenbruch уже выражаетъ эту мысль въ замѣткѣ къ своему изданію *Antiquitates romanae Гейнекція* (1841, стр. 402).

²⁾ О распространеніи еврейства въ Римской Имперіи можно читать ученый трудъ Деренбурга: *Essai sur l'histoire et la géographie de la Palestine d'après les Talmuds et les autres sources rabbiniques* (Paris, 1867, p. 332) и труды Ф. Делоне: *Moines et sibylles dans l'antiquité judéo-grecque* и *Philon d'Alexandrie*. Припоминаются стихи Ювенала (XVI, 100).

Romanas autem soliti contemnere leges,
Judaicum ediscunt et servant et metuunt jus
Tradidit arcano quodcumque volumine Moses.

Что касается до Моисеева закона, то онъ никогда не игралъ роли провинціального обычая, но онъ проникъ всюду, благодаря нравственнымъ и религіознымъ идеямъ, которыя служили ему проводниками. У насъ имѣется небольшой документъ, который принадлежитъ концу IV вѣка и который, безъ сомнѣнія, былъ довольно распространенъ, такъ какъ извѣстны три рукописи его, относящіяся къ разнымъ эпохамъ. Онъ озаглавленъ: *Lex Dei*. Новѣйшіе издатели называютъ его правильнѣе: *Collatio legum mosaicarum et romanarum*. Въ немъ тексты Пятикнижія идутъ параллельно съ текстами римскихъ юрисконсультовъ. Авторъ не присоединяетъ къ нимъ никакого разсужденія, но выборъ и расположеніе этихъ текстовъ ясно указываютъ, каковы были его цѣли и желанія.

Всякій ущербъ, нанесенный праву, производитъ убытокъ и даетъ мѣсто иску. Примѣняя это правило, Мишна, послѣ закона о бракѣ, вводитъ подъ рубрику *Объ убыткахъ* все остальное содержаніе гражданскаго права. Вообще, идея объ убыткахъ, происходящихъ отъ нарушенія права, принадлежитъ древнимъ законодателямъ, и нельзя не согласиться, что она естественнымъ образомъ рождается въ умѣ. Это есть не болѣе, какъ конкретное представленіе о правѣ. Для того, чтобы путемъ абстракціи дойти до опредѣленія собственности и договоровъ, чтобы отличить и классифицировать разные виды обязательствъ, потребовалась долговременная работа, которая завершена только греческою философіею и римскою юриспруденціею.

Не въ нашихъ видахъ излагать талмудическую теорію убытковъ. Она вся построена на схоластическихъ тонкостяхъ, нерѣдко доходящихъ до ребячества. Напримѣръ, раввины различаютъ четыре рода убытковъ, отвѣтственность за которые ложится на собственника предмета, послужившаго причиною или поводомъ къ событію, а именно: убытки, произведенные или причиненные быкомъ, ямою, зубомъ домашняго животнаго или огнемъ. По отношенію къ быку, отличаютъ, ударилъ ли онъ рогомъ или ногою. Затѣмъ, разницу составляетъ: было ли животное, по своей природѣ, безвредное или опасное. Въ первомъ случаѣ, хозяинъ платитъ половину убытковъ, во второмъ отвѣчаетъ цѣлымъ убыткомъ. Когда убытокъ произведенъ нѣсколькими причинами, то различаютъ, какая доля отвѣт-

ственности падаетъ на каждую изъ нихъ. Въ случаѣ общей вины, стараются опредѣлить, въ какой долѣ убытковъ истецъ можетъ обвинять только самого себя. Ошибка раввиновъ заключалась въ томъ, что они хотѣли предусмотрѣть всѣ случаи и установить для всего точныя, несокрушимыя и обязательныя для судьи правила, какъ будто подобный способъ можетъ быть примѣненъ къ безконечному разнообразію фактовъ. Но, если оставить въ сторонѣ эти претензіи законодателя и если согласиться видѣть въ работѣ раввиновъ только сводъ наблюденій или, какъ мы сказали бы теперь, серію видовъ, то невозможно не удивляться тонкости ихъ анализа и справедливости ихъ рѣшеній. Напримѣръ, для ударовъ и ранъ раввины замѣняютъ таліонъ Моисеева закона тарифомъ денежныхъ вознагражденій. Расчетъ по этимъ вознагражденіямъ слагается изъ пяти элементовъ: виновный сначала платитъ за убытокъ, потомъ за боль, за издержки лѣченія, за отвлеченіе отъ занятій и, наконецъ, за позоръ. Раббиновичъ при этомъ обращаетъ вниманіе на мягкость нравовъ и на благодушіе раввинской репрессіи. Не оспаривая этого замѣчанія, мы думаемъ, что при оцѣнкѣ упомянутаго факта необходимо считаться съ другимъ обстоятельствомъ, которое состоитъ въ томъ, что въ эпоху Мишны и Талмуда еврейскіе суды имѣли уже существованіе временное и юрисдикцію ограниченную. Они утратили *jus gladii* и были скорѣе третейскими посредниками, чѣмъ настоящими судьями ¹⁾.

Когда дѣло идетъ не объ убыткахъ, а о реституціяхъ, то Мишна и Талмудъ руководятся принципомъ, который уже труднѣе оправдать. Воръ долженъ реституировать украденную вещь по той цѣнѣ, какую она имѣла въ моментъ похищенія, такъ что, если со времени похищенія цѣна ея возросла, то разниа остается въ пользу вора. Но завладѣвшій недвижимымъ имѣніемъ или даже третье лицо, которое пріобрѣло имѣніе, состоявшее въ завладѣніи, должны возвратить его въ томъ видѣ, въ какомъ оно нахо-

¹⁾ Я не знаю, на чемъ основывается Раббиновичъ, утверждая, что Талмудъ есть единственное законодательство древности, которое занялось убытками, причиненными животными. Истина заключается въ томъ, что не было ни одного древняго законодательства, въ которомъ бы объ этомъ предметѣ не говорилось очень подробно. Касаясь одного только римскаго права, развѣ мы не находимъ въ Институтахъ главы *Si quadrupes pauperiem fecerit?*

дится, не будучи въ правѣ получить назадъ издержки, употребленные на это имѣніе.

Мишна посвящаетъ цѣлую главу находкамъ. Вообще, находка должна быть опубликована, и найденныя вещи подлежатъ возвращенію, если только нѣтъ предположенія объ отказѣ отъ нихъ со стороны собственника. Последнее условіе примѣняется даже къ актамъ, которыми устанавливаются какія-нибудь обязательства и которыя были затеряны кредиторомъ или должникомъ.

До сихъ поръ Мишна занималась убытками, причиненными внѣ договорныхъ отношеній. Затѣмъ она переходитъ къ убыткамъ, вытекающимъ изъ неисполненія договоровъ и по этой причинѣ обращается къ разсмотрѣнію самыхъ договоровъ. Сначала она занимается поклажею, которая, въ Израильскомъ правѣ, какъ и въ Индусскомъ, обнимаетъ собою ссуду и наемъ движимаго имущества ¹⁾. Потомъ идутъ продажа, наемъ и залогъ.

Продажа подчинена различнымъ правиламъ, смотря по тому, относится ли продаваемый предметъ къ движимому или къ недвижимому имѣнію. Въ первомъ случаѣ контрактъ не подлежитъ отмѣнѣ, и право собственности окончательно переходитъ не посредствомъ платежа покупной цѣны, а чрезъ рукоположеніе покупателя на проданный предметъ. Это задержаніе, *meschikkah*, проявляется обыкновенно въ перемѣщеніи предмета, и законъ дозволяетъ совершать его символическимъ способомъ. Оно не имѣетъ характера передачи, такъ какъ въ немъ содѣйствіе продавца не необходимо. Тутъ продавецъ попадаетъ въ руки покупателя, если не позаботится получить наличный расчетъ. Сверхъ того, онъ еще обязанъ возвратить полученные деньги, если покупатель, прежде чѣмъ сдѣлать *meschikkah*, откажется отъ продажи. У него существуетъ одно только средство сдѣлать продажу ненарушимою—превратить ее въ мѣну, замѣнивши покупную цѣну какимъ-нибудь предметомъ. Если покупатель на это согласится, тогда продавецъ дѣлаетъ *meschikkah* на предметъ, данный въ обмѣнъ, между тѣмъ какъ онъ не могъ бы того же сдѣлать съ деньгами.

¹⁾ Законъ устанавливаетъ тутъ лѣстницу отвѣтственности въ три ступени, напоминающую ученіе римскаго права объ ошибкахъ. На первой ступени—поклажеприниматель безплатный, на второй—поклажеприниматель съ платою и наниматель, на третьей—заемщикъ.

Когда цѣна, за которую состоялась покупка движимости, оказалась убыточной болѣе, чѣмъ на одну шестую часть ея, то покупатель и продавецъ могутъ просить объ отмѣнѣ продажи, но при томъ условіи, если эта цѣна не меньше четырехъ денаріевъ. Для продавца законъ не опредѣляетъ срока, а покупатель имѣетъ, въ этомъ случаѣ, столько времени, сколько нужно его для того, чтобы показать купленную вещь торговцу или родственнику и заручиться ихъ совѣтомъ. Истцу предоставляется на выборъ: просить объ отмѣнѣ продажи, или же объ увеличеніи или уменьшеніи покупной цѣны.

Что касается продажи недвижимыхъ имѣній, то правила ея совсѣмъ другія. Здѣсь переходъ права собственности считается совершившимся или тогда, когда уплачена покупная цѣна, или когда переданъ пріобрѣтателю актъ продажи, или когда окончилось *hakak*, то-есть, трехлѣтнее владѣніе, или же, наконецъ, когда обѣ стороны признали границы и межи имѣнія. Изъ Талмуда видно, что, до перехода права собственности этими способами, обыкновенно медлили платить покупную цѣну. Цѣль такого замедленія состояла въ томъ, чтобы дать третьимъ лицамъ время для заявленія ихъ претензій по поводу продаваемого имѣнія. Обязательство очистки всегда было обусловлено въ спеціальной статьѣ продажнаго акта. Встрѣчается также упоминаніе о правѣ выкупа, помѣщаемое въ актѣ въ интересахъ сосѣдей.

Къ закону о продажѣ Мишна пріурочиваетъ разныя запрети- тельныя постановленія, относительно лихвенныхъ процентовъ. Помѣщеніе этихъ постановленій въ отдѣлѣ о продажѣ, безъ сомнѣнія, произошло потому, что ростовщичество чаще всего скрывается подъ формою продажи. Переходя къ договору найма, Мишна различаетъ и отдѣльно рассматриваетъ наемъ труда, договоръ о сухопутной и морской перевозкѣ, наемъ домовъ и наемъ земель, въ который, обыкновенно, не входитъ пользованіе плодами, приносимыми землею.

Послѣ найма слѣдуетъ залогъ, который, для недвижимыхъ имѣ- ній, совершается въ формѣ антихрезы и можетъ быть установленъ какъ посредствомъ договора, такъ и по судебному опредѣленію.

Затѣмъ, Мишна возвращается къ убыткамъ, происшедшимъ внѣ существованія договора и рассматриваетъ случаи разрушенія дома и обвала земли, отношенія, возникающія изъ предметовъ общаго

пользованія, изъ сосѣдства и изъ нераздѣльности вещей, разстоянія, назначаема закономъ для плантацій и построекъ, для рытья колодцевъ, для устройства голубятенъ, кожевенныхъ заводовъ, кладбищъ. Очень длинная глава отведена для подробностей учрежденія *hazakah* или трехлѣтней давности, которая примѣняется не только къ праву собственности, но также къ пользованію и къ сервитутамъ. Слѣдующія четыре главы содержатъ въ себѣ толкованіе условій, обыкновенно помѣщаемыхъ въ актахъ продажи, что даетъ поводъ говорить о продажѣ на мѣру и о черезполосныхъ земляхъ.

Наконецъ, три послѣднія главы трактуютъ о наслѣдованіи и объ изложеніи актовъ. Ничто не измѣнилось въ порядкѣ наслѣдованія, предписанномъ Моисеемъ; только разъяснено, что право первородства имѣетъ примѣненіе къ имуществу отца, а не къ имуществу матери. Еще появляется правило о томъ, что къ материнскому наслѣдству дочери призываются наравнѣ съ сыновьями, и хотя это правило нельзя считать прочно обоснованнымъ, тѣмъ не менѣе оно обнаруживаетъ стремленіе къ новизнѣ. Моисей не говорилъ о наслѣдованіи отцомъ; Мишна и Талмудъ пополняютъ этотъ пробѣлъ. Моисей не говорилъ также о завѣщаніи; Мишна вводитъ завѣщаніе, не предписывая для него никакой формы. Достаточно простого письма и даже простого словеснаго объявленія воли. Напротивъ, для дареній между живыми письменный актъ необходимъ.

По отношенію къ актамъ, Мишна даетъ нѣкоторыя важныя правила, согласованныя, впрочемъ, съ греческою практикою. Она различаетъ обыкновенный документъ, не торжественный, не совершенный въ присутствіи свидѣтелей, и актъ займа, совершенный при свидѣтеляхъ. Этотъ послѣдній, самъ по себѣ, подлежитъ исполненію и, вмѣстѣ съ появленіемъ его на свѣтъ, рождается право иска и ипотеки на принадлежащія должнику имущества. Публичность, сообщаемая акту присутствіемъ свидѣтелей, считается достаточною для того, чтобы о немъ знали третьи лица. Стороны должны быть правоспособными, то-есть, имѣть болѣе 20 лѣтъ отъ рожденія. Взысканіе съ поручителя возможно только послѣ взысканія съ главнаго должника. Наконецъ, наслѣдники обязаны отвѣчать за долги наслѣдодателя однимъ недвижимымъ имѣніемъ.

На послѣднемъ мѣстѣ стоятъ законы о присягѣ, судебной организаціи и о судопроизводствѣ. Вообще, присягу даетъ исключи-

тельно отвѣтчикъ. Однако, въ отмѣну Моисеева закона, раввины опредѣляютъ нѣкоторые случаи, когда требуется присяга отъ истца. По отношенію къ судопроизводству, укажемъ, главнымъ образомъ, на исполнительное производство по взысканіямъ съ имущества. Должнику назначается срокъ для расплаты, именно 90 дней, по истеченіи которыхъ кредиторъ является въ судъ и мѣняетъ свой документъ на документъ о конфискаціи имущества должника. Этотъ послѣдній онъ потомъ замѣняетъ актомъ на владѣніе и, наконецъ, получаетъ актъ объ оцѣнкѣ имущества.

Какъ уже сказано, двѣ первыя и двѣ послѣднія части Мишны и Талмуда, посвящены религіознымъ обрядамъ. Но и тамъ есть кое-какія правила, которыя не лишены значенія. Такъ, одна спеціальная глава свидѣтельствуетъ о стараніяхъ раввиновъ обойти давность субботняго года. По Мишнѣ, эта давность не примѣнима ни къ купленнымъ въ кредитъ товарамъ, ни къ рабочей платѣ, ни къ штрафамъ, ни къ обязательствамъ, наложеннымъ по судебному опредѣленію. Вслѣдствіе этого, кредитору, для обхода давности, оставалось только передать свой документъ въ судъ, который, въ обмѣнъ, выдавалъ ему судебный актъ, называемый *prosboul* ¹⁾. Это нововведеніе приписываютъ извѣстному Гиллелю, современнику Христа. Въ другомъ мѣстѣ мы видимъ, что *hazakah*, или трехлѣтняя давность, непримѣнима къ несовершеннолѣтнимъ и можетъ быть прервана искомъ въ судѣ.

Въ Талмудѣ часто дѣлается сравненіе раввинскихъ законовъ съ римскими и еще чаще съ персидскими. Нерѣдко также чувствуется греческое вліяніе, и оно замѣтно по языку Талмуда. На каждомъ шагу встрѣчаются термины, въ родѣ ἐπίτροπος, ὑποθήκη, διαθήκη, ὑπαρχία, σιτώνις, ἰδιώτης. Жаль, что редакторы этого сборника не отвели болѣе широкаго мѣста для видѣнныхъ ими фактовъ и передали намъ очень мало изъ того, что, въ ихъ время, происходило въ Римской имперіи. Кажется, эти люди проводили жизнь въ отвлеченномъ мышленіи и не всматривались въ окружающее. Однакоже, рамка схоластической аргументаціи была не на столько тѣсна, чтобы не нашлось въ ней мѣста для разсказа, анекдота или остраго словца. Вотъ между прочимъ маленькая исторія, которая заслуживаетъ быть указанною, какъ черта нравовъ. Злой Гананъ.

¹⁾ Слово, кажется, происходитъ изъ греческаго: πρὸς τὴν βούλην.

далъ пощечину. Побитый обращается къ суду. Являются къ Рабъ-Гунѣ, который приговариваетъ подсудимаго къ денежному штрафу въ полъ-зуза. У Ганана не было денегъ. Онъ старается размѣнять зузъ, но монета мало употребительна и никто не хочетъ взять ее. Какъ быть? Гананъ не падаетъ духомъ. Онъ даетъ другую пощечину своему противнику и вручаетъ ему цѣлый зузъ ¹⁾. Не правда ли, что онъ догадливъ и понимаетъ вещи? Онъ знаетъ цѣну деньгамъ и не хочетъ ничего терять даромъ.

Но не всѣ находящіяся въ Талмудѣ исторіи отличаются веселостію. Война истребленія, римское нашествіе и сопровождавшія ихъ бѣдствія оставили глубокіе слѣды въ памяти евреевъ. Талмудъ рассказываетъ объ убійцахъ-язычникахъ, которыхъ онъ называетъ *sikarikon* и которые завладѣвали имуществомъ своихъ жертвъ ²⁾. «Когда война кончилась, изданы были слѣдующіе законы: если кто-нибудь купилъ сначала у убійцы, а потомъ у обобраннаго собственника, то продажа недѣйствительна; если же онъ купилъ сперва у обобраннаго собственника, а послѣ у убійцы, то продажа остается въ силѣ». По позднѣйшему закону, продажи, совершенныя сикарикономъ, утверждаются, но съ условіемъ, чтобы пріобрѣтатель заплатилъ настоящему собственнику четвертую часть цѣны купленнаго имъ недвижимаго имѣнія. Принято также за правило, что въ продолженіе 12 мѣсяцевъ отъ начала продажи, совершенной сикарикономъ, обобранный собственникъ имѣетъ право выкупа. Эти мѣры введены были въ Эфесѣ и во всей Азіи послѣ войны Митридата. Не было другого средства исправить безпорядки, причиненныя войнами и возстаніями.

Мы должны отмѣтить еще нѣсколько указаній по предмету торговаго и морского права. Евреи никогда не были мореплавателями, но они имѣли дѣла съ моряками, въ особенности въ Вавилонѣ. Такимъ образомъ, въ Талмудѣ идетъ рѣчь о спорахъ, относящихся къ корабельному фрахту ³⁾, къ бросанію груза и къ контрибуціи ⁴⁾. Въ послѣднемъ случаѣ принимали въ соображеніе вѣсъ, а не цѣну предметовъ, которые слѣдовало выбросить въ море для спасенія

¹⁾ Т. II, р. 169 перевода Раббиновича.

²⁾ Т. I, р. 385.

³⁾ Т. III, р. 350.

⁴⁾ Т. II, р. 489.

корабля. Впрочемъ, прибавляетъ Талмудъ, нужно придерживаться обычаевъ моряковъ. Но вотъ самый любопытный текстъ: «моряки могутъ согласиться между собою въ томъ, что, если одинъ изъ нихъ потеряетъ свой корабль, то другой его выстроить ему». Обязательство должно быть исполнено всякій разъ, какъ у моряка погибнетъ корабль не по его винѣ. Оно прекращается, если морякъ потерялъ корабль по своей винѣ или, также, если онъ потерялъ его на разстояніи, на которое обыкновенно корабли не ходятъ. Вотъ и морское страхованіе, и нужно прибавить, что болѣе древній примѣръ его намъ неизвѣстенъ... У грековъ существовала бодмерея.

Закончимъ наше изложеніе образчикомъ раввинской тонкости. Рабъ-Сафра является къ Рабъ-Іосифу за полученіемъ денегъ, отъ имени Рабби-Абба, кредитора Іосифа. «Есть у тебя расписка Рабби-Абба»? спрашиваетъ его Рабба, сынъ Іосифа.—«Нѣтъ», отвѣчаетъ Рабъ-Сафра. «Ступай за распиской», говоритъ Рабба; потомъ, одумавшись: «нѣтъ, эта расписка ничего не стоила бы, потому что прежде, чѣмъ ты возвратишься сюда, Рабби-Абба можетъ умереть, и тогда деньги будутъ принадлежать его наслѣдникамъ. Уплативши тебѣ, мы запутаемся въ своей отвѣтственности».—«Какъ же быть»? говоритъ Рабъ-Сафра. «Иди къ Рабби-Абба, говоритъ Рабба, и скажи ему, чтобы онъ тотчасъ же продалъ тебѣ деньги, какъ недвижимость, тогда деньги будутъ принадлежать тебѣ и ты можешь написать намъ расписку» ¹⁾).

Чтобы понять эту исторію, не нужно забывать, что покупатель движимаго имущества становится собственникомъ его только чрезъ *meschikkah*, то есть, чрезъ удержаніе въ рукахъ. Въ предложенномъ разсказѣ, Рабъ-Сафра не могъ, стало быть, сдѣлаться собственникомъ денегъ, потому что эти деньги находились въ рукахъ третьяго лица, которое отказывалось выпустить ихъ въ другія руки, кромѣ рукъ собственника. Рабъ-Сафра, слѣдовательно ничего не выигралъ бы, если Рабби-Абба продалъ ему деньги. Но, когда движимость считалась проданною, какъ недвижимость, то право собственности сполна пріобрѣталась, безъ *meschikkah*, черезъ одинъ фактъ подписи акта. Такимъ способомъ, юридическая трудность была устранена. Но, спрашивается, практиченъ ли былъ самый способъ? Это—сомнительно.

¹⁾ Т. II, р. 426; Т. III, р. 219.

III.

Мусульманское право.

Интересъ, соединенный съ изученіемъ мусульманскаго права, не имѣетъ характера чисто научнаго. Въ настоящее время, бѣльшая часть европейскихъ націй владѣютъ мусульманскими подданными и поставлены въ необходимость оставить неприкосновенными ихъ законы, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые относятся къ учрежденію семьи. Даже тамъ, гдѣ мусульманскій законъ былъ отмѣненъ, все-таки пришлось знакомиться съ порядкомъ вещей, который введенъ этимъ закономъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Такъ поступили англичане въ Индіи, голландцы въ Явѣ, русскіе въ Закавказьѣ и французы въ Алжирѣ, Сенегалѣ и Пондишери. Французскіе ученые продолжали учиться этому закону въ Оттоманской имперіи и въ Персіи. Благодаря этимъ великимъ усиліямъ, можно теперь обнять и постигнуть мусульманское право въ его цѣломъ составѣ ¹⁾.

¹⁾ Изданы или переведены слѣдующіе главные кодексы: 1) для англійской Индіи *Hidayat* или *Путеводитель*, переведенный по-англійски Гамильтонъ въ 1791 (2-е изд. въ 1870), и для французской Индіи *Leçons de droit musulman*, L. de Langlard, Pondichéry, 1887; 2) для голландскихъ колоній: *Firouzabadsî* (умеръ въ 1083), переводъ по-голландски Кейзера подъ заглавіемъ *Handboek voor het mohammedaansche Recht*, La Haye, 1853; *Précis de jurisprudence musulmane*, Abou Chodja (XI вѣка), texte et traduction en français par Keyzer, Leyde, 1859; *Mînhadj at Talibin*, *Le guide des zélés croyants*, texte et traduction en français par Van den Berg, Batavia, 1882; большой и важный трудъ El Nawawî, умершаго въ 1298; 3) для русскихъ владѣній въ Азіи—von Tornaw, *Das moslemische Recht aus den Quellen dargestellt*, Leipzig, 1855; 4) для Персіи: *Recueil des lois concernant les musulmans schiites*, par A. Querry, consul de France à Tebriz, Paris, 1871—1872; 5) для Оттоманской имперіи: Mouradjea d'Ohsson, *Tableau de l'empire ottoman*, 1786—1820; 6) наконецъ, для Алжира: *Précis*, Халиль, египетскій улемъ, умершій въ XIV стол.,

Мы говоримъ «мусульманское право», такъ какъ, дѣйствительно, оно только существуетъ для всѣхъ народностей, исповѣдующихъ религію Ислама, несмотря на то, каково бы ни было происхождение этихъ народностей. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякой странѣ, покоренной мусульманами, выступала мѣстная реакція въ пользу прежнихъ обычаевъ, какъ напримѣръ, въ Явѣ и у алжирскихъ кабилловъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что начала, всецѣло чуждыя исламическому праву, вошли въ послѣднее въ нѣкоторыхъ странахъ законодательнымъ путемъ, чему примѣромъ служитъ Оттоманская имперія, сдѣлавшая значительныя позаимствованія изъ законовъ покоренныхъ народовъ. Но это были исключенія, которыя подтверждали правило. Вездѣ, отъ Китая до Марокко, сущность закона одинакова, одинъ и тотъ же методъ и одна терминологія. Форма сама по себѣ, представляетъ мало измѣненій и во всѣхъ книгахъ закона одни и тѣ же предметы излагаются въ одинаковомъ порядкѣ.

Такое однообразіе вполне понятно въ законахъ каноническихъ, имѣющихъ характеръ религіозный и абсолютный. Для всего, что касается очищеній и омовеній, молитвы, десятины, поста, поклоненія святымъ мѣстамъ, духовнаго отшельничества, юрисконсульты Ислама находили правила въ Коранѣ. Они не могли отступать отъ этихъ правилъ; оставалось только направлять примѣненіе ихъ и казуистику. Но совсѣмъ не то—въ законахъ гражданскихъ. По этому предмету въ Коранѣ имѣются лишь неполныя, смутныя, иногда противорѣчивыя указанія. На этомъ-то нѣскольکو тѣсномъ фундаментѣ создавалось, въ первые два вѣка Гиджры, мусульманское право и при-

переведенный по-французски Перрономъ, Paris, 1848—1854, 6 vol. in 8° и Seignette, Constantine, Alger et Paris, 1878, 1 vol. in 8°. Два сочиненія наиболѣе важныя для пониманія мусульманскаго законодательства суть: Von Kremer, *Culturgeschichte des Orients*, Vienne, 1875—1877 и Van den Berg, *Beginselen van het mohammedaansche Recht*, 2 изд., La Haye, 1878. Назовемъ еще, какъ въ особенности интересныя по отношенію къ Алжиру, слѣдующія сочиненія: Sautayra и Cherbonneau, *Droit musulman, le statut personnel et les successions*, Paris, 1873; Hanoteau et Letourneur, *La Kabylie et les coutumes kabyles*, Paris, 1873; Zeys, *Cours élémentaire de droit musulman*, Alger, 1885; Kohler, въ *Zeitschrift für die vergleichende Rechtswissenschaft*, 1886; Nauphal, *Cours de droit musulman*, Pétersbourg, 1886. Эбнъ Гасемъ, кади въ Гренадѣ, умершій въ 1426, составилъ *Manuel de jurisprudence en vers*, переведенный на французскій языкъ Houdas et Martel, Alger, 1882—1883.

томъ созидалось оно не законодателемъ, а авторитетомъ ученыхъ и знатоковъ Ислама. Четверо наиболѣе извѣстныхъ, Абу-Ганифатъ (умеръ въ 767 г. въ Багдадѣ), Малекъ (умеръ въ 795 г. въ Мединѣ), Хафей (умеръ въ 819 г. въ Каирѣ) и Ганбалъ (умеръ въ 855 г. въ Балхѣ, въ Аравіи), были творцами мусульманскаго права, какъ прежде нихъ Сабинусъ и Лабеоны были творцами римскаго права. И тѣ и другіе имѣли свои школы. Въ Римѣ были сабиняны и прокулеяны. Исламъ имѣлъ ганефитовъ, малекитовъ, хафейтовъ и ганбалитовъ. Всѣ эти школы были ортодоксальны и отличались одна отъ другой только взглядами, болѣе широкими у ганефитовъ, болѣе робкими и рабски преданными буквѣ у остальныхъ. Мы не говоримъ уже о шиитахъ, которые стояли въ сторонѣ отъ мусульманскаго правовѣрія и которые также создавали юриспруденцію, очень сходную съ юриспруденціею ортодоксальной. Наконецъ, послѣдняя черта сходства между мусульманскимъ юридическимъ творчествомъ и римскимъ заключалась въ томъ, что, вслѣдъ за великимъ движеніемъ, наступилъ одинаковый конецъ, какъ у арабовъ, такъ и въ Римѣ: въ извѣстный моментъ творчество исчезло и воцарилось безплодіе. Заботились только о томъ, чтобы изложить на письмѣ тѣ изустныя преданія, которыя оставлены были великими юрисконсультами. Потомъ и эта работа прекратилась, и лишь европейскія правительства, преслѣдуя одновременно научные и политическіе интересы, сумѣли поддержать свѣтильникъ, готовый погаснуть.

Изъ какихъ источниковъ черпали юристы Ислама свои доктрины? Коранъ, преданіе, древніе арабскіе нравы доставляли имъ нѣкоторые элементы, но не доставляли ничего, похожего на науку, на теорію. Утверждаютъ, что они много заимствовали изъ Римскаго права и извѣстно, что, вслѣдствіе сношеній арабовъ съ греческою имперіею, должно было распространиться, между арабскими учеными, знаніе римскихъ законовъ, кодифицированныхъ Юстиніаномъ. Руководства по римскому праву, написанныя на сирійскомъ языкѣ, были въ употребленіи, въ судебныхъ дѣлахъ между сирійскими христіанами, даже и послѣ мусульманскаго завоеванія этой провинціи. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторыя теоріи мусульманскихъ юристовъ представляютъ сходство съ римскими идеями. Но нужно остерегаться увлеченія вѣшнимъ сходствомъ и не забывать основную разницу. Римское право отличается крайнимъ формализмомъ

и въ этомъ состоятъ его оригинальность и сила. Напротивъ, мусульманское право пренебрегаетъ формою. Въ немъ все предоставлено волѣ сторонъ, силѣ обстоятельствъ и благоразумію судьи. Самая сущность учрежденій указываетъ, у арабовъ, на цивилизацію еще первобытную, которая не имѣетъ ничего сходнаго съ усовершенствованною цивилизаціей Римской имперіи. Въ основаніи зданія, построеннаго арабскими юрисконсультами, лежитъ древнее національное право, исправленное и улучшенное во многихъ отношеніяхъ Магометомъ и развитое нѣкоторыми элементами, которые были заимствованы изъ іудаизма и даже изъ христіанства. Если въ созданіи мусульманскаго права принялъ какое-нибудь участіе Западъ, то это было лишь со стороны каноническаго, а не гражданскаго права ¹⁾).

Нужно, стало быть, изучить мусульманское право въ немъ самомъ и подняться къ основнымъ началамъ, которыя оно устанавливаетъ или, лучше сказать, предполагаетъ, такъ какъ оно никогда не сознаетъ ясно этихъ началъ. Послѣднія или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе характеристическія изъ нихъ, мы попытаемся освѣтить, не входя въ подробности, которыя завели бы насъ слишкомъ далеко.

Изложеніе гражданскаго права начинается договорами, и именно продажею. По поводу продажи мусульманскіе юрисконсульты создаютъ правила, совокупность которыхъ составляетъ ученіе объ обязательствахъ. Обязательства у нихъ бываютъ троякаго рода. Первые рождаются независимо отъ воли сторонъ и происходятъ или изъ преступленія, или изъ фактическаго состоянія. Вторыя производятъ односторонняя воля, напримѣръ, обѣтъ или обѣщаніе. Третьи рождаются волею двухъ сторонъ, то есть договорами. Составленные элементы точно анализированы по отношенію къ объекту, соглашенію и правоспособности. Однако, ничего не сказано о четвертомъ эле-

¹⁾ N. Caussin de Perceval, *Histoire des Arabes avant l'islamisme*, 1847. Доисламическіе обычаи представляютъ величайшую аналогію съ обычаями народовъ индо-европейской расы. Не говоря о матриархатѣ, который, кажется, былъ вездѣ первобытною формою семейства (Wilken, *Das Matriarchat bei den alten Arabern*, 1884; Smith, *Kinship and marriage in early Arabia*), Сеньеттъ указываетъ у древнихъ арабовъ на отцовскую безусловную власть, на завѣщаніе въ родѣ взаимнаго усыновленія, на рабство за долги, на активную и пассивную солидарность племени по отношенію къ цѣнѣ крови (Introduction, p. 27—48).

ментъ, который извѣстенъ, какъ римскому праву, такъ и нашему гражданскому кодексу и который мы называемъ причиною.

Такимъ образомъ, подъ рубрикою о правоспособности, мусульманское право излагаетъ общія правила о личномъ состояніи. Совершеннолѣтіе начинается, какъ и въ римскомъ правѣ, съ половой зрѣлости, то-есть съ 14-лѣтняго возраста, а несовершеннолѣтіе раздѣляется на два періода: въ первомъ опекунъ дѣйствуетъ одинъ отъ имени несовершеннолѣтняго, во второмъ дѣйствуетъ совершеннолѣтній, при содѣйствіи опекуна. Въ отличіе отъ римскаго права, существуетъ спеціальная неспособность несостоятельныхъ должниковъ. Съ момента, когда они объявлены по рѣшенію судьи несостоятельными, они не могутъ обязываться въ ущербъ массы. Что касается до иностранца, то-есть невѣрнаго, такъ какъ мусульмане, къ какой бы народности ни принадлежали, никогда не считаются между собою иностранцами,—то иностранецъ не въ правѣ ни пріобрѣтать земли, ни владѣть мусульманскими рабами.

Всѣ договоры, придерживаясь языка римлянъ, бываютъ реальные или консенсуальные. Мусульманское право не знаетъ формальнаго договора, въ родѣ римской стипуляціи или literalнаго контракта. Оно не допускаетъ употребленія векселя. Оно требуетъ письменнаго изложенія или присутствія свидѣтелей только для двухъ контрактовъ особенной важности,—для брака и для продажи съ доставкой на срокъ (*salam*).

Другое различіе, на которое не было указано, заключается въ томъ, что договоры бываютъ отмѣняемые и неотмѣняемые. Мы съ трудомъ понимаемъ, въ настоящее время, договоръ, подлежащій отмѣнѣ по волѣ одной стороны; между тѣмъ, при изученіи древнихъ законодательствъ Востока, приходится убѣждаться, что идея неотмѣнимаго обязательства принадлежитъ сравнительно позднѣйшему времени. Первоначально, договоръ обязывалъ стороны настолько, насколько онѣ желали того. Въ мусульманскомъ правѣ находятъ многочисленные слѣды такого пониманія. Такъ, хотя продажа, вообще, была неотмѣняема, но существуютъ семь случаевъ, въ которыхъ она можетъ быть отмѣнена вслѣдствіе простого измѣненія воли одной изъ сторонъ. Напримѣръ, она можетъ быть отмѣнена до тѣхъ поръ, пока продавецъ и покупатель остаются еще въ присутствіи другъ друга. Договоръ залога становится неотмѣняемымъ только послѣ доставленія залога. Но заказъ работы, товари-

щество, довѣренность, поклажа, ссуда, коммандитство всегда и существенно отмѣнимы. Дареніе отмѣнимо даже послѣ передачи предмета одаряемому лицу, за исключеніемъ случаевъ даренія между супругами или родственниками, или же когда произведено отдариваніе равноцѣннымъ предметомъ. Однакоже, отмѣна дозволяется только по отношенію къ одаренному лично и съ условіемъ, чтобы подаренный предметъ находился въ рукахъ одареннаго въ неизмѣненномъ видѣ.

Первымъ изъ договоровъ, въ порядкѣ, принятомъ мусульманскими юрисконсультами, является продажа или, скорѣе, генерическій договоръ, состоящій въ томъ, чтобы дать вещь съ цѣлью получить также вещь, или эквивалентъ,—*do ut des*, какъ говорили римляне. Этотъ родъ договоровъ содержитъ въ себѣ нѣсколько видовъ: въ собственномъ смыслѣ продажа и мѣна, размѣнъ монеты, мировая сдѣлка, наемъ, продажа съ доставкой (*salam*), ссуда и бракъ, который, по понятіямъ арабовъ, былъ не что иное, какъ покупка жены. Продажу съ доставкой (*salam*) старательно отдѣляютъ отъ обыкновенной продажи, потому что первая составляетъ единственное, признаваемое закономъ, средство кредита. Цѣна уплачивается впередъ. Проданное, состоящее непременно изъ замѣнимыхъ вещей, доставляется къ сроку. Такимъ способомъ, и только такимъ способомъ, земледѣлецъ можетъ достать нужныя ему деньги, не лишая себя владѣнія землею, такъ какъ ипотека не существуетъ. Тѣхъ же результатовъ можно бы достигнуть, употребляя продажу съ выкупомъ и антихрезу, но тогда пришлось бы купленное или нанятое имущество сдать въ подѣ-наемъ заемщику же, и послѣдній въ этомъ случаѣ подвергался бы полному произволу кредитора. Съ другой стороны, мусульманскій законъ запрещаетъ заемъ, подѣ какою бы формою онъ ни скрывался; но запрещенія этого рода непременно уничтожили бы всякій кредитъ, а съ нимъ и всякую торговлю, если бы самъ законъ не давалъ средства обходить ихъ. Точно также нашею старою юриспруденціей, менѣе, впрочемъ, строгою, чѣмъ мусульманскій законъ, такъ какъ она допустила взятіе процентовъ въ случаѣ просрочки обязательства, изобрѣтенъ былъ узаконенный ростъ.

Другіе договоры не представляютъ ничего замѣчательнаго. Товарищество было такимъ же, какимъ оно было въ практикѣ римлянъ; только мусульманскіе юрисконсульты ввели коммандитство,

какъ спеціальный и отдѣльный договоръ. Впрочемъ, у нихъ не допускались ни раздѣленіе капитала на акціи, ни форма анонимнаго общества, ни даже солидарность, такъ какъ третье лицо имѣло искъ исключительно къ тому товарищу, съ которымъ оно находилось въ сдѣлкѣ. Товарищъ всегда могъ отказаться отъ своего товарищества. Прибавимъ, что спекуляціи, подверженныя случайностямъ, были запрещены съ такою же строгостью, какъ договоръ о процентахъ и вслѣдствіе этого не были въ обычаѣ не только бодмерея, но и страхованіе. Въмѣсто этого, договоры между земледѣльцами, какъ арендованіе земли исполу и наемъ садовъ, пользовались покровительствомъ и снабжены были точными правилами.

Еще одно слово о договорахъ второстепенныхъ. Поручительство всегда разсматривалось, какъ актъ благотворительности. Законъ позволялъ поручиться за должника, даже противъ его воли и въдома, но въ этомъ случаѣ поручитель не имѣлъ рекурса къ должнику. Что касается залога или заклада, то обыкновенною его функціею было служить доказательствомъ. «Если вы находитесь въ пути, говоритъ Коранъ, и такъ какъ у васъ нѣтъ писца, то, вмѣсто расписки, возьмите залогъ». Таково же было первоначальное назначеніе и задатка. Залогъ и задатокъ послужили еще къ превращенію этого договора изъ чисто консенсуальнаго въ реальный и дали ему больше силы, предоставивъ каждой сторонѣ право отказаться отъ соглашенія и порвать договорную связь. Залогъ, въ смыслѣ обезпеченія платежа, не сообщалъ кредитору особыхъ преимуществъ, такъ какъ заложенный предметъ могъ быть проданнымъ лишь съ согласія залогодателя, если только послѣдній не умеръ или не впалъ въ несостоятельность.

Мусульманское право признаетъ и защищаетъ собственность. Конечно, въ Коранѣ, какъ и въ Библии, встрѣчаются выраженія о принадлежности земли Богу, но эти выраженія содержатъ въ себѣ религіозную идею, а не правовую норму. Право собственности существовало и въ земляхъ, прибрѣтенныхъ посредствомъ завоеванія. Хотя земля у побѣжденныхъ была отнята, но она возвращалась имъ подъ условіемъ платежа подати, называемой *kharadj*, которая обыкновенно состояла изъ пятой части плодовъ земли. Такъ же поступали и римляне. Ихъ юрисконсульты создали теорію, по которой земля провинцій принадлежала римскому народу или императору, а обитатели имѣли на нее только право пользова-

нія. Но это была не болѣе, какъ спекулятивная теорія, въ сущности же и на дѣлѣ, частная собственность существовала одинаково какъ въ провинціяхъ, такъ въ Римѣ и Италіи; а поддерживалась упомянутая теорія для того, чтобы оправдать взиманіе поземельнаго налога, который уподоблялся вѣчной арендной платѣ ¹⁾.

На этомъ мѣстѣ останавливается сходство обоихъ законодательствъ. Всѣ правила, касающіяся права собственности и его раздѣленій, разныхъ способовъ пріобрѣтенія, отличія собственности отъ владѣнія, образуютъ въ римскомъ правѣ стройную систему, основанную на ученomъ и остроумномъ анализѣ. Напротивъ, мусульманское право содержитъ, по этому предмету, правила разрозненныя и несвязныя. Оно не признаетъ владѣнія, какъ права, и не допускаетъ, какъ мы уже видѣли, ипотеки. Оно говоритъ объ узурфруктѣ только по поводу права пользованія, принадлежащаго мужу въ отношеніи приданаго жены. Сервитуты оно считаетъ чѣмъ-то въ родѣ ассоціацій собственниковъ. Единственная сколько-нибудь полная теорія существуетъ о завладѣніи, по которой владѣлецъ, будучи вытѣсненъ изъ имѣнія по суду, возвращаетъ во всякомъ слѣчаѣ доходы и можетъ, если даже онъ добросовѣстно владѣлъ, требовать однѣ издержки, употребленныя на поддержаніе имѣнія. Очень важною представляется такъ называемая *cheffa*, или выкупъ нераздѣльнаго имѣнія однимъ изъ совладѣльцевъ. Въ этомъ учрежденіи любопытно знать не то, что имъ въ дѣйствительности создано, а то, что въ немъ можно предположить, такъ какъ, въ сущности, *cheffa* является санкціею коллективной собственности, то-есть древнѣйшей формы права собственности. Эта форма, впрочемъ, не единственная. Встрѣчается она только тамъ, гдѣ арабы остались въ племенномъ устройствѣ. Мусульманскій законъ повсюду упоминаетъ о правѣ личной заимки, основанномъ на обработкѣ земли. Распахивать значитъ оживлять мертвую землю, творить собственность, но заимка остается въ силѣ до тѣхъ поръ, пока не явится прежній собственникъ, такъ какъ мусульманское право не знаетъ давности. Земля можетъ быть потребована назадъ во всякое время и, при нѣсколькихъ претендентахъ, она принадлежитъ тому изъ нихъ, чье право окажется старшимъ по времени, вос-

¹⁾ См. по этимъ вопросамъ сочиненіе Max van Berchem, *La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers califes. Etude sur l'impôt du Kharâg*, Genève, 1886.

ходя къ эпохѣ введенія Ислама. Прибавимъ, однако, что въ законодательствѣ, слѣдующемъ правилу «свидѣтели лучше письменныхъ актовъ», крайняя трудность доказать старшинство права уменьшаетъ опасность, съ которою соединена эта безграничная виндикація. Малекиты, а съ ними согласны и подлинныя слова Халиля, допускаютъ десятилѣтнюю давность въ дѣлахъ между иностранцами и сорокалѣтнюю между родными, причемъ въ основаніе этой давности они ставятъ предположеніе о правѣ собственности, имѣющее силу до тѣхъ поръ, пока не будетъ доказано противное. У турокъ есть пятнадцатилѣтняя давность, которая доходитъ до 36 лѣтъ въ пользу религіозныхъ учрежденій и которая, безъ сомнѣнія, заимствована изъ законовъ греческой имперіи. Но хафейты и шіиты, вѣрные стариннымъ началамъ, отрицаютъ всякую давность, какъ пріобрѣтательную, такъ и погасительную.

До исламизма, у арабовъ бракъ вообще заключался въ формѣ договора о продажѣ, и женщина считалась участницею въ наслѣдствѣ. Въ частомъ употребленіи былъ также временный бракъ ¹⁾. Магометъ возвысилъ положеніе жены. По Корану, жена участвуетъ въ брачномъ договорѣ и даетъ свое, по меньшей мѣрѣ молчаливое, согласіе на бракъ. Она—собственница брачнаго подарка. Въ продолженіе замужества, она сохраняетъ за собою пользованіе собственнымъ имуществомъ и даже не обязана участвовать средствами въ издержкахъ на хозяйство. Она ни въ чемъ не испрашиваетъ полномочія отъ мужа. Дѣлаясь вдовою, она получаетъ въ теченіе года содержаніе на счетъ наслѣдства и, по праву наслѣдства, ей принадлежитъ часть изъ имущества мужа. Коранъ считаетъ препятствіемъ къ браку родство и свойство до третьей степени. Особое препятствіе къ браку составляетъ молочное родство до второй степени. Число законныхъ женъ Коранъ доводитъ до четырехъ. Дозволяя разводъ, онъ считаетъ возможнымъ для разведенныхъ супруговъ до девяти разъ сходиться вновь, а также провозглашаетъ, въ принципѣ, непрерывность брачнаго соединенія. Правда, шіиты сохранили временный бракъ, но, вѣдь, они—еретики и вод-

¹⁾ Wilken, *Das matriarchat bei den Arabern*, по Аммиану Марцеллину, XIV, 4 и древнимъ комментаторамъ Корана. Кажется, Магометъ относится снисходительно къ временному браку и запрещенъ былъ послѣдній калифомъ Омаромъ. У древнихъ арабовъ находятъ также слѣды полиандріи и левирата.

ворившійся у нихъ обычай не можетъ относиться къ настоящему мусульманскому праву.

Правила, касающіяся дѣторожденій, опеки надъ несовершеннолѣтними и положенія рабовъ, многочисленны. Законъ не обходитъ молчаніемъ безвѣстно-отсутствующихъ, подкидышей и даже гермафродитовъ. Отмѣтимъ еще постановленіе закона, которое дозволяетъ рабу совершить съ своимъ хозяиномъ договоръ выкупа на волю. Рабыня, имѣющая ребенка отъ своего хозяина, дѣлается свободною послѣ смерти послѣдняго. Бракъ между рабами признается закономъ и имѣетъ гражданскія послѣдствія. Хозяинъ отвѣчаетъ за вредъ, причиненный его рабомъ, но онъ можетъ освободиться отъ этой отвѣтственности посредствомъ выдачи раба ¹⁾.

Оригиналенъ порядокъ наслѣдованія, созданный Магометомъ. Въ немъ различаются два класса наслѣдниковъ. Одни имѣютъ право на законную долю, другіе призываются къ наслѣдству въ цѣломъ имуществѣ, но послѣ вычета законныхъ долей. Назначивъ женщинамъ законныя доли, Магометъ оставилъ за ними право наслѣдованія, котораго, до него, онѣ совсѣмъ не имѣли. Такъ, вдова получаетъ, смотря по обстоятельствамъ, четвертую или восьмую часть, мать—третью или шестую, бабка—шестую; дочь, внучка и сестра имѣютъ право на половину. Такое же право дано мужу, который беретъ половину или четверть, смотря по тому, имѣлъ онъ или не имѣлъ дѣтей отъ умершей жены. Отецъ и дѣдъ съ отцовской стороны получаютъ шестую часть. Въ той же линіи ближайшіе родственники исключаютъ дальнѣйшихъ, и если совокупность долей превышаетъ наслѣдственную массу, то производится соразмѣрное уменьшеніе ихъ.

За наслѣдниками въ законныхъ доляхъ слѣдуютъ просто наслѣдники, сначала нисходящіе, затѣмъ восходящіе и, наконецъ, боковые. Они наслѣдуютъ поголовно, безъ права представленія, причемъ каждая степень исключаетъ слѣдующую. Въ концѣ концовъ, при недостаткѣ наслѣдниковъ, наслѣдство переходитъ къ *beit el mál*, то-есть къ имуществу бѣдныхъ.

Когда открывается наслѣдство, прежде всего оплачиваются похоронныя расходы, затѣмъ долги, однако не свыше актива. Наслѣдникъ никогда не отвѣчаетъ за долги *ultra vires*. Неограничен-

¹⁾ Римское *datio noxalis*.

(Примѣч. переводчика).

ная отвѣтственность наслѣдниковъ, заимствованная у римскаго права законодательствами, происшедшими отъ него, кажется исключительно принадлежала древнему Риму. Тутъ смерть производитъ дѣйствіе, одинаковое съ дѣйствіемъ несостоятельности, такъ какъ въ этомъ случаѣ наслѣдникъ обязанъ уплатить всѣ долги, несмотря на недостаточность полученнаго имъ наслѣдственнаго имущества.

Законъ допускаетъ завѣщаніе, но если есть наслѣдники *ab intestatu*, то завѣщатель можетъ распорядиться только третьею частию своего имущества. Все не можетъ быть завѣщено одному наслѣднику, если со стороны другихъ наслѣдниковъ не выражено на то согласія. Формы для завѣщанія нѣтъ. Вообще, изъявленіе послѣдней воли дѣлается словесно или письменно, въ присутствіи двухъ свидѣтелей. Такимъ образомъ, свобода распоряженія своимъ имуществомъ оказывается ограниченою самымъ страннымъ образомъ; но законъ самъ даетъ средство обойти это ограниченіе, дозволяя завѣщать право собственности Богу, а пользованіе—нѣкоторымъ лицамъ, которыя призываются къ наслѣдованію въ опредѣленномъ порядкѣ, именно въ порядкѣ непрерывной субституціи. Это называется *wakf* или *habus*. Этимъ способомъ женщины могутъ быть устранены отъ наслѣдованія, что часто и бываетъ. Право наслѣдованія женщинами принято еще не во всѣхъ странахъ Ислама, а въ прошломъ столѣтіи алжирскіе кабилы формально отвергли это право и возвратились къ прежнему обычаю, который давалъ женщинѣ только алименты.

Уголовное право мусульманъ имѣетъ лишь историческій интересъ; по крайней мѣрѣ въ настоящее время оно отмѣнено во всѣхъ странахъ, подвластныхъ европейцамъ. Въ немъ находятся всѣ характеристическія черты первобытнаго права. До Магомета, за убійство человѣка, его близкіе мстили убійцѣ и его родственникамъ до пятаго поколѣнія, слѣдовательно, всѣмъ родственникамъ, происшедшимъ отъ пятаго восходящаго. Другими словами, это была постоянная вражда между семьями. Она заканчивалась только заключеніемъ договора и платежомъ цѣны крови (*dia*). Эта цѣна опредѣлялась, по обычаю, въ десять верблюдовъ. Въ вѣкѣ, предшествовавшемъ Магомету, она доходила до ста верблюдовъ.

Первымъ шагомъ въ эволюціи уголовного права была замѣна частной мести наказаніемъ, замѣна силы порядкомъ. Мусульман-

ское право сдѣлало этотъ шагъ, но дальше его не пошло. Умышленное убійство наказывалось смертью, если только наслѣдникъ умершаго не принялъ цѣну крови. Если наслѣдниковъ нѣсколько человѣкъ, то одному позволяется побуждать другихъ къ согласію. Это противно аеинскому закону, требовавшему въ такомъ случаѣ именно единодушія. При невольномъ убійствѣ, цѣна крови не могла быть отвергнута и убійца долженъ былъ разсчитаться въ трехлѣтній срокъ. Было два рода невольнаго убійства, смотря по тому, — сдѣлалъ ли виновникъ убійства больше, чѣмъ желалъ, или же онъ не желалъ никакого зла. Въ первомъ случаѣ, цѣна крови равнялась 100 верблюдамъ-самкамъ, или 1333 денаріямъ, во второмъ — 100 верблюдамъ, въ числѣ которыхъ должно быть 80 самокъ, или 1000 денаріямъ.

Для женщины *dia* опредѣлялась въ половинѣ, для язычника — въ пятнадцатой части. Невѣрный, то-есть еврей или христіанинъ, платитъ *dia* въ цѣломъ ея составѣ по ученію ганефитовъ и только третью часть у хафеитовъ. Платить ее обязаны одинаково всѣ родственники убійцы или всѣ члены корпораціи, къ которой онъ принадлежалъ. Если убійца неизвѣстенъ, то она уплачивается общиною или собственникомъ земли, на которой оказалось лежащимъ мертвое тѣло.

Цѣна крови примѣняется и къ случаямъ нанесенія простыхъ ранъ и разсчитывается по тарифу, менѣ сложному, чѣмъ тарифъ, установленный германскими законами. Изуродованіе обѣихъ рукъ или обѣихъ ногъ даетъ поводъ къ цѣльному платежу цѣны крови, за одинъ членъ — къ половинѣ, за одинъ палецъ — къ десятой части, за одинъ суставъ пальца — къ тридцатой, за одинъ зубъ — къ двадцатой. Если послѣдствіемъ раны былъ параличъ, то штрафъ будетъ — половина цѣны крови.

По всѣмъ древнимъ законодательствамъ, убійство и раны составляютъ особый классъ преступленій. Другія преступленія отличаются отъ нихъ тѣмъ, что не даютъ повода откупиться. Постановленія, относящіяся къ этимъ послѣднимъ преступленіямъ, образуютъ какъ бы второй отдѣлъ уголовного закона. Укажемъ на нѣкоторыя изъ нихъ. Воръ, на примѣръ, присуждается за первую кражу къ лишенію правой руки, за вторую — къ лишенію лѣвой ноги. Въ третій разъ онъ заключается въ тюрьму. Сверхъ того, онъ возвращаетъ украденное, если оно находится еще въ его рукахъ

или уплачиваетъ стоимость украденнаго, если оно перешло въ постороннія руки. Когда стоимость похищенной вещи не превышаетъ денарія или, смотря по ученіямъ различныхъ сектъ, четвертой части денарія, то воръ можетъ освободиться отъ всякаго наказанія, возвративши похищенное или уплативши стоимость его. За разбой наказаніе измѣняется, судя по характеру дѣяній, которыми разбой сопровождался; это будетъ тюрьма, искалѣченіе, висѣлица или распятіе на крестѣ. Бунтъ и вѣроотступничество наказываются смертію, а вѣроотступничество, кромѣ того, влечетъ за собою еще конфискацію имущества. Прелюбодѣй побивается камнями, но законъ требуетъ, чтобы преступный фактъ доказанъ былъ показаніемъ четырехъ свидѣтелей-очевидцевъ и признаніемъ обвиняемаго,—признаніемъ, которое должно быть невынуждено и три раза повторено. При этомъ законъ ясно говоритъ, что преступникъ не долженъ быть преслѣдуемъ, если онъ, въ моментъ исполненія казни, выскокитъ изъ ямы. Наконецъ, нарушеніе запрещенія относительно пьянства наказывается 40 ударами кнута.

40 ударовъ кнута есть minimum наказанія по закону. Меньше этой цифры кади назначаетъ за всякое дѣяніе, не предусмотрѣнное въ точности закономъ, но явно направленное къ нарушенію общественнаго порядка. Эта исправительная мѣра подлежитъ отмѣнѣ, если того требуетъ потерпѣвшее лицо.

Остается сказать нѣсколько словъ о судебной организаціи и о судопроизводствѣ. И то и другое очень просто. Во всѣхъ мусульманскихъ странахъ, правосудіе отправляется кади, то-есть единственнымъ судьей, дѣйствующимъ безапелляціоно. Если кади затрудняется, то онъ можетъ посовѣтоваться съ учеными и знатоками, но отвѣтственность за рѣшеніе лежитъ на немъ одномъ. Онъ назначается верховною властью и не можетъ быть отрѣшенъ отъ должности безъ причинъ. Впрочемъ, его рѣшенія непоколебимы только для него самого, а преемникъ его въ правѣ уничтожить ихъ, если найдетъ ихъ неосновательными. Такимъ образомъ, у мусульманъ законная сила судебного рѣшенія не существуетъ. Что касается судопроизводства, то оно одно для всѣхъ дѣлъ, гражданскихъ и уголовныхъ. Стороны, по вызову, должны являться лично; онѣ объясняются на словахъ, публично, приводятъ доказательства, и рѣшеніе постановляется въ томъ же засѣданіи. Сторона, не явившаяся на судъ безъ уважительныхъ причинъ, можетъ быть обвинена

и рѣшеніе не считается заочнымъ. Наконецъ, во всѣхъ случаяхъ, кади облеченъ нѣкотораго рода дисциплинарною властію и можетъ назначить до 39 ударовъ кнута.

Средствъ для доказыванія, допускаемыхъ закономъ, три: признаніе, свидѣтели и присяга. Письменные доказательства, сами по себѣ, лишены по закону всякаго значенія. Силу имѣютъ признаніе и свидѣтельское показаніе, но и то въ такомъ случаѣ, если они признаны и подтверждены устно тяжущимися или свидѣтелями. Одно свидѣтельское показаніе не всегда и не безусловно бываетъ доказательствомъ. Нужно, чтобы оно дано было двумя мужчинами или однимъ мужчиною и двумя женщинами. Свидѣтельское показаніе, данное однимъ мужчиною, должно быть дополнено присягою истца. Свидѣтели не принимаютъ присяги. Лживый свидѣтель наказывается, въ исправительномъ порядкѣ, кнутомъ и тюрьмою и присуждается къ платежу убытковъ. Что касается присяги тяжущагося, то она допускается только въ гражданскихъ дѣлахъ; по крайней мѣрѣ, это можетъ служить общимъ правиломъ, хотя, какъ исключеніе, присяга назначается въ случаѣ кражи или тогда, когда обвинитель желаетъ отмѣнить наказаніе; но и въ этихъ послѣднихъ случаяхъ обвиняемаго, отказывающагося принять присягу, можно приговорить только къ реституціи или къ денежному вознагражденію. Между прочимъ, встрѣчаются слѣды учрежденія соприсяжниковъ. Именно, у шіитовъ и у кабилловъ, въ уголовномъ дѣлѣ, можетъ служить доказательствомъ, какъ въ пользу обвиненія, такъ и противъ него, присяга, принимаемая 50 человекъ въ случаѣ умышленнаго убійства и 25 человекъ въ случаѣ неумышленнаго убійства ¹⁾. Зато не видно, чтобы мусульмане прибѣгали къ пыткамъ, употреблявшимся въ средніе вѣка, какъ напримѣръ, къ суду Божьему.

Таковы наиболѣе выдающіяся черты мусульманскаго права, какими онѣ представляются намъ въ книгахъ великихъ юрисконсультовъ Ислама. Прибавимъ, впрочемъ, что дѣйствующая практика никогда и нигдѣ не согласовалась съ теоріею. Во многихъ случаяхъ законъ обходили или дополняли обычаемъ. Нѣкоторыя народности, какъ кабилы, прямо упразднили постановленія закона, противорѣчившія ихъ правамъ, напримѣръ, относительно наслѣдованія жен-

¹⁾ У испанскихъ мусульманъ нужно было 12 свидѣтелей и 50 присягъ, по Эбнъ-Гасему. Хафейты допускаютъ, что 50 присягъ могутъ быть наложены на одно лицо (*Minhadj at Talibin*, t. III, p. 191).

щинъ. Несмотря на это, мусульманское право, въ своихъ крупныхъ чертахъ, и въ настоящее время остается такимъ, какимъ оно было при Ганефъ и Малекъ, при Хафеи и Ганбалъ. Созданное тысячу лѣтъ тому назадъ, для общества, относительно мало развитого, непокорное какому бы то ни было преобразованію и прогрессу по причинѣ поддерживаемаго имъ смѣшенія законовъ гражданскихъ и религіозныхъ, противное наиболѣе извѣстнымъ началамъ политической экономіи своимъ пренебреженіемъ къ денежному интересу, — оно обречено на болѣе или менѣе скорую гибель, передъ европейскою цивилизаціею. Уже практика не соотвѣтствуетъ теоріи и, напримѣръ, запрещеніе относительно процентовъ, въ настоящее время, служитъ только къ увеличенію барышей ростовщиковъ. Это право не заслуживаетъ изученія. Оно занимаетъ въ исторіи мѣсто, благодаря своему несовершенству, представляющему, въ общемъ, слѣды первобытнаго права благодаря также оригинальности своихъ теоретическихъ построеній и, наконецъ, благодаря казуистической тонкости, доведенной до невѣроятнаго излишества. Возьмемъ образчикъ изъ шіитскаго кодекса, переведеннаго Керри: «Если невѣрный, стрѣляя по птицѣ, промахнется и стрѣла его достигнетъ и убьетъ мусульманина, то его родные невѣрные не отвѣтственны, потому что онъ попалъ въ жертву, послѣ того, какъ принялъ исламизмъ. Его родные мусульмане еще менѣе отвѣтственны, такъ какъ въ моментъ, когда онъ пустилъ стрѣлу, онъ былъ невѣрнымъ. Слѣдовательно, онъ одинъ остается лично отвѣтственнымъ». Потомъ, юрисконсультъ разсматриваетъ обратный случай, то-есть когда стрѣлокъ, будучи мусульманиномъ въ моментъ пусканія стрѣлы по птицѣ, вѣроотступничаетъ передъ тѣмъ, какъ стрѣла попала въ мусульманина. Тутъ мнѣнія раздѣляются. Одни думаютъ, что рѣшеніе и въ этомъ случаѣ должно быть то же самое и что родные, какъ невѣрные, такъ и мусульмане, не отвѣчаютъ за убійцу; а другіе полагаютъ, что отвѣтственность падаетъ на родныхъ мусульманъ, потому что вѣроотступничество влечетъ за собою смертную казнь и съ того времени открывается наслѣдство послѣ убійцы въ пользу его родныхъ мусульманъ. Предоставляемъ читателю заняться этимъ важнымъ и труднымъ вопросомъ.

IV.

Древніе Браманскіе кодексы.

За послѣднія нѣсколько лѣтъ наука объ индусскомъ правѣ сдѣлала замѣчательные успѣхи ¹⁾. До этого времени, изъ числа древнихъ браманскихъ текстовъ извѣстны были только знаменитый кодексъ Ману и болѣе поздній кодексъ, называющійся *Yājñavalkya*, а также доступны были лишь нѣкоторые фрагменты, соединенные въ формѣ Дигестъ ученымъ туземцемъ, по имени Яганната, и переведенные на англійскій языкъ Колебрукомъ въ 1801 г. Теперь мы знаемъ больше. Въ 1876 году, докторъ Жолли издалъ англійскій переводъ Институтовъ Нарады, которые, повидимому, редактированы въ V или VI столѣтіяхъ христіанской эры. Еще позднѣе, тотъ же ученый далъ переводъ Институтовъ Вишну, а докторъ Бюлеръ—Институтовъ Гаутамы, Баудгайяны, Васишты и Апастамбы. Пять послѣднихъ твореній имѣютъ большое значеніе, такъ какъ они, въ отличіе отъ кодексовъ Ману и Йяджнавалкйя, написаны прозою и, кажется, относятся къ отдаленнѣйшей древности.

¹⁾ *The sacred laws of the Aryas, as taught in the schools of Apastamba, Gautama, Vâsishtha and Baudhâyana, translated by Georg Bühler*, 2 vol. in-8° Oxford, 1879—1882 (образуютъ томы II и XIV коллекціи, озаглавленной *The sacred Books of the East*, изданной подъ наблюденіемъ Макса Мюллера).

The Institutes of Vishnu, translated by Julius Jolly, 1 vol. in-8°, Oxford, 1880 (составляютъ т. VII той же коллекціи).

The ordinances of Manu, translated by Burnell and Hopkins, London, 1884.

The laws of Manu, translated by J. Bühler, Oxford, 1886 (составляетъ т. XXV коллекціи).

Yājñavalkya's Gesetzbuch, sanskrit und deutsch, von A. F. Stenzler, Berlin, 1849, I т. in-8°.

The Institutes of Nârada, translated by D-r Julius Jolly, London, 1876. Извѣщаютъ о второмъ изданіи, которое составитъ томъ XXXIII коллекціи *Sacred Books of the East*.

Максъ Мюллеръ ставитъ редакцію ихъ между 600 и 200 годами до нашей эры. Кодексъ Ману, въ своей теперешней редакціи, могъ бы быть отнесенъ къ этому послѣднему времени ¹⁾. Кодексъ Йяджнавалкійя былъ бы современенъ Константину. Спѣшимъ прибавить, что всѣ эти даты чрезвычайно гадательны. Ими можно довольствоваться лишь временно, такъ какъ онѣ обозначаютъ относителъную послѣдовательность документовъ, находящихся въ настоящее время передъ нашими глазами; но нельзя этимъ датамъ придавать буквальное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, книги, о которыхъ идетъ рѣчь, не суть законы, обнародованные въ извѣстное время: онѣ представляютъ изложеніе, предназначенное для преподаванія, сборники традиціонныхъ правилъ, между которыми есть такія, которыя могутъ быть отнесены къ очень глубокой древности, а съ другой стороны онѣ носятъ слѣды исправленій и вставокъ, сдѣланныхъ какъ бы для того, чтобы сбивать съ толку всякія хронологическія изысканія. Можно считать вѣрнымъ то, что въ настоящее время мы владѣемъ серією браманскихъ книгъ, въ которыхъ видно развитіе науки права въ продолженіе около 2000 лѣтъ, принимая въ этомъ лѣтосчисленіи христіанскую эру за центральный пунктъ. Но это — не все право, которое примѣнялось въ Индіи, потому что опытъ открылъ существованіе безчисленныхъ мѣстныхъ обычаевъ, однихъ, предшествующихъ арійскому вторженію, другихъ, хотя принадлежащихъ народностямъ арійскаго происхожденія, но ускользнувшихъ отъ браманскаго вліянія. Англійское правительство занимается собираніемъ и приведеніемъ въ порядокъ этихъ обычаевъ ²⁾. Только по окончаніи этого труда можно будетъ дать ясный отчетъ относительно переворота, сдѣланнаго браманизмомъ въ цивилизаціи индусовъ. Впрочемъ, и теперь существуетъ возможность составить себѣ понятіе объ этомъ и, кажется, уже настало время для того, чтобы соединить нѣкоторыя данныя, не лишенныя интереса для общей исторіи права.

Когда Аріи сошли съ сѣверо-западныхъ горъ въ равнины Инда и Ганга, они, по своимъ юридическимъ обычаямъ, похожи были

¹⁾ По Бюлеру, дата будетъ между 200 г. до Р. Х. и 200 г. послѣ Р. Х. По Бэрнелю, нужно было бы помѣстить ее около 500 г. послѣ Р. Х.

²⁾ Tupper, *Punjab customary law*, Calcutta, 1881; Hunter, *The indian empire, its history, people and products*, London, 1885; Lyall, *Asiatic studies*, London, 1882.

на героев Гомера. Формою брака у нихъ была покупка жены, а уголовное право состояло цѣликомъ изъ ряда композицій, размѣры которыхъ опредѣлены въ законѣ по соразмѣрности съ вредомъ, дѣйствительно происшедшимъ отъ преступленія или предполагаемымъ. Цѣна крови уплачивалась извѣстнымъ числомъ коровъ вмѣстѣ съ быкомъ. Гаутама не знаетъ другой монеты. Вишну говорить о мѣдной монетѣ; но, въ Вишну, тарифъ композицій сохраняетъ совсѣмъ архаическую прогрессию: «Если человекъ подниметъ руку, чтобы ударить, онъ платитъ 10; если онъ подниметъ ногу, платитъ 20; если подниметъ палку — 200; если подниметъ оружіе — 1000». Патріархальное устройство семьи или племени, усыновленіе, мѣры къ тому, чтобы у бездѣтно умершаго осталось фиктивное потомство, — вотъ характеристическія черты первобытной цивилизаціи. Первые индусскіе кодексы подтверждаютъ существованіе ихъ уже тѣмъ, что заботятся или объ ограниченіи, или объ измѣненіи ихъ.

Вмѣсто этихъ первобытныхъ обычаевъ, встрѣчающихся у всѣхъ древнихъ индо-европейскихъ народовъ, браманы создали вполнѣ религіозное законодательство. Оно принимаетъ человека въ колыбели и ведетъ его до могилы, предписывая обязанности, которыя онъ несетъ во всѣхъ возрастахъ и во всѣхъ жизненныхъ положеніяхъ: сорокъ таинствъ, которыя онъ долженъ воспріять, правила благочестія, которыя онъ обязанъ соблюдать, строгости и преимущественно покаянія, какимъ онъ долженъ подвергаться. Каждая изъ четырехъ кастъ имѣетъ свои особенныя обязанности. То же самое и во всякой профессіи. Изучивши Веды въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 12 лѣтъ, подъ руководствомъ наставника, человекъ можетъ неопредѣленное время продолжать это изученіе, или жениться и основать хозяйство. Потомъ, когда наступаетъ старость, онъ дѣлитъ свое имущество между дѣтьми и отправляется въ лѣсъ, чтобы тамъ окончить дни въ уединеніи и созерпаніи. Такова однообразная сущность браманскихъ кодексовъ. Собственно говоря, право занимаетъ въ нихъ небольшое мѣсто. Но все-таки о немъ говорится въ нихъ, и хотя религіозная санкція является преобладающею, однако въ гражданской санкціи также нѣтъ недостатка.

Возьмемъ сначала устройство семьи ¹⁾. Браманскіе кодексы при-

¹⁾ Kohler, *Indisches Ehe- und Familienrecht*, въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, t. III, Stuttgart, 1882.

знають восемь родовъ брака ¹⁾. Первые четыре совершаются посредствомъ религіозной церемоніи. Дѣвушка выдается замужъ отцомъ. Это—браки законные, почетные. Другіе четыре брака суть: свободное соединеніе или способъ небесныхъ музыкантовъ, покупка или способъ злыхъ геніевъ, увозъ и, наконецъ, способъ *paisâtchas* или вампировъ, то-есть насиліе надъ женщиною, лишенною чувства.

Въ этихъ формахъ брака видны древніе обычаи, о которыхъ мы сейчасть говорили и которыхъ скрытый смыслъ едва можно уловить. Напримѣръ, похищеніе женщины вооруженною рукой, сначала практиковавшееся въ дѣйствительномъ смыслѣ, а потомъ оставшееся въ качествѣ символа, характеризуетъ отмѣну брака между родственниками и освящаетъ скрещеніе семействъ или племенъ. Очень замѣтно стремленіе браманскихъ кодексовъ къ ограниченію этихъ древнихъ формъ; но они не осмѣливаются безусловно отмѣнить ихъ и, вполнѣ порицая ихъ, признають однако, что союзы, такимъ способомъ заключенные, могутъ имѣть извѣстную силу.

Бракъ запрещенъ между родственниками, до шестого колѣна съ отцовской стороны, до четвертаго съ материнской и между всѣми лицами, носящими одно и то же имя. Впрочемъ, дозволенъ бракъ между лицами разныхъ кастъ, въ такомъ смыслѣ, что мужъ можетъ взять жену изъ низшей касты. Позже, и притомъ вслѣдствіе религіозной реакціи противъ Буддизма, по мѣрѣ того, какъ браманизмъ дѣлался болѣе исключительнымъ, смѣшанные браки отвергнуты были нравами.

Право выдать дѣвушку въ замужество принадлежитъ сперва отцу, потомъ дѣду съ отцовской стороны, брату и двоюродному брату. Затѣмъ идутъ дѣдъ по матери и мать. За отсутствіемъ ихъ—ближайшій родственникъ. Если они отказываются, дѣвушка можетъ сама отдаться.

Полигамія дозволена. По Вишну, браманъ въ правѣ взять четырехъ женъ, кшатріи — трехъ, вайсіи — двухъ и судра — одну. Васишта даетъ только трехъ женъ браману, двухъ кшатріи и одну—человѣку, принадлежащему къ какой-нибудь изъ двухъ низшихъ кастъ.

¹⁾ Васишта и Апастамба насчитываютъ только шесть.

Женщина имѣетъ неполную правоспособность. Она всегда нуждается въ полномочіи сначала отъ отца, затѣмъ отъ мужа въ качествѣ жены и отъ сыновей въ качествѣ вдовы.

Разводъ неизвѣстенъ. Въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія мужа, жена должна ожидать его шесть лѣтъ. Послѣ этого срока бракъ считается расторгнутымъ.

Цѣль брака заключается въ произведеніи на свѣтъ сыновей, которые, послѣ смерти отца, будутъ совершать жертвы и ставить приношенія на его могилу. Различаются 12 родовъ сыновей, хотя относительно этого дѣленія не всѣ кодексы между собою согласны. Къ числу сыновей относится усыновленный, а также сынъ, происшедшій отъ третьяго лица; они становятся сыновьями или по требованію мужа, заявленному при существованіи брака, или по требованію жены, оставшейся бездѣтною вдовой. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, жена въ правѣ обратиться съ своимъ требованіемъ къ деверю, а затѣмъ—къ ближайшему по степени родственнику. Она можетъ также вступить во второй бракъ. Таковъ древнѣйшій законъ. Послѣ долгихъ усилій, браманизмъ успѣлъ отмѣнить левиратъ и бракъ вдовъ.

По смерти отца, наслѣдство его дѣлится между сыновьями поровну ¹⁾; только старшій сынъ получаетъ прибавокъ къ своей долѣ. Отецъ можетъ и самъ сдѣлать раздѣлъ между живыми сыновьями или даже все свое имущество оставить старшему изъ нихъ, съ обязательствомъ послѣдняго содержать цѣлое семейство. Дочь устраняется отъ наслѣдованія, но сынъ дочери наслѣдуетъ и даже наравнѣ съ своими дядями, если наслѣдодатель, выдавая дочь въ замужество, выразилъ желаніе, чтобы она родила сына. Далѣе наслѣдованіе идетъ къ *sapindas*, или родственникамъ до шестой степени, потомъ къ *sagotras*—родственникамъ отъ шестой до двѣнадцатой степени, наконецъ, къ тѣмъ, которые нисходятъ отъ самаго *rishi*, или предка и, въ заключеніе, къ женѣ. За отсутствіемъ наслѣдниковъ, наслѣдство достается царю.

Завѣщаніе неизвѣстно. Его мѣсто занимаетъ усыновленіе. При томъ имущество принадлежитъ одинаково сыновьямъ и отцу и составляетъ какъ бы коллективную семейную собственность. Тѣмъ не менѣе отецъ можетъ свободно распредѣлить, между живыми, нажитое имъ имущество.

¹⁾ Mayr, *Das indische Erbrecht*, 1 vol. in-8°, Wien, 1873.

Подарки, полученные женщиною по случаю выхода ея замужъ, составляютъ особое имущество, *stridhana*. Если она умретъ бездѣтною, то это имущество поступаетъ или къ мужу, или къ отцу ея, судя по тому, вступила ли она въ бракъ по одной изъ первыхъ четырехъ формъ или же по одной изъ послѣднихъ четырехъ. Если она оставила послѣ себя дѣтей, то наслѣдницею въ сказанномъ имуществѣ является дочь.

Наслѣдникъ, принявшій имущество, обязанъ платить долги наслѣдодателя. Однако, есть долги, не переходящіе на наслѣдника: долгъ по поручительству, коммерческій долгъ, обѣщанный родителямъ невесты подарокъ, долги по игрѣ или сдѣланные для покупки спиртныхъ напитковъ или, наконецъ, штрафъ, которому подвергся наслѣдодатель.

Въ одномъ изъ пяти кодексовъ, самомъ позднемъ по времени изданія, Апастамбѣ, замѣтно стремленіе улучшить законодательство посредствомъ ограниченія или смягченія нѣкоторыхъ правилъ его. Такимъ образомъ, Апастамба ограничиваетъ полигамію: «Если жена можетъ и желаетъ выполнять религіозныя обязанности и «если, притомъ, она родитъ сыновей, то мужъ не долженъ брать «другой жены.

«Если у нея нѣтъ одного изъ этихъ достоинствъ, то мужъ «возьметъ другую жену, но предварительно долженъ возжечь огни, «*agnihorta*, потому что жена, передъ которою зажжены упомянутые огни, дѣлается участницею духовной пользы, приносимой «этою церемоніей».

Апастамба ставитъ границы отеческой власти: «Воспрещается «дарить, или получать въ даръ, дѣтей, равно продавать или «купать ихъ».

Левиратъ, сначала ограниченный предѣлами *gens*, въ послѣдствіи совсѣмъ былъ отмѣненъ.

Сынъ-расточитель могъ быть лишенъ наслѣдства.

Изъ той же Апастамбы видно, что иногда браку предшествовала помолвка, въ дѣйствительности составлявшая гражданскій бракъ. Женихъ дарилъ отцу невесты сто коровъ и телегу; если бракъ не состоялся, то подарокъ подлежалъ возвращенію. Апастамба спѣшитъ пояснить, что этотъ бракъ не слѣдуетъ разсматривать какъ продажу. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ случаѣ было бы легко ошибиться; но индусскіе юрисконсульты были великими

мастерами въ искусствѣ толкованія законовъ и распознаванія смысла ихъ.

Законы, тракующіе о собственности и объ обязательствахъ, занимаютъ въ браманскихъ кодексахъ относительно небольшое мѣсто, но правила, касающіяся этихъ предметовъ, изложены въ нихъ точно и въ чисто научной формѣ:

«Собственникомъ дѣлаются», говоритъ Гаутама, «по наслѣдству, покупкѣ, раздѣлу, конфискаціи или находкѣ. Нужно прибавить къ этому: для брамана принятіе дара, для кшатріи завоеваніе, для ваисіи или судры — работа. Право собственности пріобрѣтается тѣмъ, кто владѣлъ ею въ продолженіе десяти лѣтъ, на глазахъ собственника, если только послѣдній не былъ ни слабоумнымъ, ни несовершеннолѣтнимъ. Поклажеприниматель, ссудоприниматель, покупатель въ кредитъ и залогодержатель не отвѣчаютъ за утрату предмета, если они не виновны въ этой утратѣ».

«Съемщикъ», говоритъ Апастамба, «не позаботившійся о томъ, чтобы земля принесла плоды, обязанъ заплатить стоимость плодовъ, которые земля должна была бы произвести».

«Когда владѣніе спокойно и основывается на законномъ титулѣ», говоритъ Вишну, «тогда владѣлецъ можетъ удерживать у себя это владѣніе и никто не въ правѣ отнять его. Когда имуществомъ законно владѣли отецъ или дѣдъ, то право сына на это имущество не можетъ быть оспариваемо; въ этомъ случаѣ право собственности вытекаетъ изъ владѣнія. Если владѣніе продолжалось послѣдовательно три поколѣнія, то четвертый владѣлецъ, по прямой линіи, считается собственникомъ, даже не имѣя письменнаго акта».

Вишну содержитъ въ себѣ интересную главу о долгахъ ¹⁾, или, вообще, объ обязательствахъ. Высота договорнаго процента различна, смотря по кастѣ, къ которой принадлежитъ заемщикъ: низшія касты платятъ дороже. Проценты могутъ доходить до 5 на 100 въ мѣсяцъ, по крайней мѣрѣ тогда, когда платежъ капитальной суммы не обезпеченъ залогомъ. Между членами одной касты, сумма процентовъ не должна превышать капитальную сумму. Между лицами разныхъ кастъ, капиталъ можетъ увеличиться втрое,

¹⁾ Jolly, *Ueber das indische Schuldrecht*, въ отчетахъ Баварской Академіи, Мюнхень, 1877, и Kohler, *Indisches Obligationen- und Pfandrecht* въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, Stuttgart, t. III, 1881.

вчетверо или въ восемь разъ. Должникъ въ правѣ остановить наростаніе процентовъ, заплативъ весь долгъ.

Уплата долга можетъ быть обезпечена залогомъ или поручительствомъ. Залогъ состоитъ изъ движимаго или недвижимаго имущества. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ быть установленъ въ формѣ антихрезы или въ формѣ продажи съ выкупомъ, то-есть въ видѣ живого залога или мертвого залога. Въ первомъ случаѣ кредиторъ отвѣчаетъ за цѣлость заклада, за исключеніемъ случая непреодолимой силы. Что касается до поручительства, то оно существуетъ для того, чтобы обезпечить или явку даннаго лица въ судъ, или исправное поведеніе его въ будущемъ, или платежъ долга. Въ двухъ первыхъ случаяхъ обязательство поручительства имѣетъ чисто личный характеръ, переходитъ же на наслѣдниковъ только въ третьемъ случаѣ. Если за главнаго должника нѣсколько лицъ дали одно общее поручительство, то каждый изъ нихъ несетъ на себѣ часть долга, но, если поручители дѣйствуютъ раздѣльно, безъ связи между собою, то кредиторъ въ правѣ обратитъ свое требованіе къ кому онъ пожелаетъ, и каждый долженъ отвѣчать въ цѣломъ долгъ. Наконецъ, поручитель, заплатившій за главнаго должника, имѣетъ къ нему рекурсъ въ двойной суммѣ, что напоминаетъ нѣкоторыя правила древняго римскаго права.

Кредиторъ можетъ добиваться взысканія своего долга всѣми законными средствами. Каковы эти средства, мы сейчасъ увидимъ. Если должникъ, преслѣдуемый кредиторомъ, жалуется царю, то онъ подвергается себѣ штрафу, равному суммѣ долга. Если онъ упорствуетъ и заставляетъ кредитора обратиться къ суду, то подвергается штрафу въ размѣрѣ десятой части долга, въ пользу царя.

Кредиторъ, взыскавшій свои деньги, обязанъ уплатить царю двадцатую часть взысканной суммы. Это—цѣна услуги, оказанной ему обществомъ. Должникъ, поддерживающій несправедливый споръ, даже относительно части долга, принуждается къ платежу цѣлаго долга.

Долгъ доказывается письменными документами, свидѣтелями и Божіимъ судомъ. Если долгъ совершенъ былъ при свидѣтеляхъ, то и погашеніе должно происходить при нихъ же. По уплатѣ долга, основаннаго на письменномъ документѣ, послѣдній долженъ быть разорванъ. Если уплачена часть долга, то кредиторъ обязанъ дать расписку на долговомъ актѣ или въ особомъ документѣ.

Если бы должникъ умеръ, если бы онъ сдѣлался отшельникомъ или остался безвѣстно-отсутствующимъ въ продолженіе двадцати лѣтъ, то долгъ переходитъ на сына и потомъ на внука, но на дальнѣйшихъ нисходящихъ не распространяется. Ни мужъ за жену, ни жена за мужа не обязаны платить долги. Исключеніе изъ этого правила составляетъ тотъ случай, когда долги сдѣланы для удовлетворенія домашнихъ нуждъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, отецъ семейства обязанъ заплатить долгъ, сдѣланный женою. Долги, сдѣланные для пользы товарищества, платятъ всѣ наличные товарищи.

Наконецъ, слѣдуютъ обязанности царя, между которыми главная—творить судъ. Онъ исполняетъ эту обязанность или самъ, или при посредствѣ суда, состоящаго изъ трехъ или четырехъ брамановъ, знающихъ Веды. Процедура одна и та же въ уголовныхъ процессахъ и въ простыхъ гражданскихъ дѣлахъ. Въ самомъ дѣлѣ, разницы между гражданскимъ и уголовнымъ не существуетъ, такъ какъ всякое нарушеніе обязанности влечетъ за собою наказаніе. Вся эта часть древнихъ браманскихъ кодексовъ отличается сбивчивостью и встрѣчающіяся въ ней противорѣчія доказываютъ, что законодатель, измѣняя старыя понятія, не успѣлъ подготовить рѣшительнаго торжества новыхъ началъ. Послѣднія даже не были вполне опредѣлены. Въ нихъ или преобладаетъ религіозная идея, къ которой обыкновенно присоединяется ученіе объ искупленіи грѣха, сопровождаемое ужасающимъ рядомъ эпитемій, или является руководящимъ началомъ общественный интересъ, который вызываетъ установленіе свѣтскихъ каръ, налагаемыхъ отъ имени государства, какъ-то: смерти, тѣлесныхъ истязаній, ссылки и, преимущественно, штрафовъ. А на ряду со всѣмъ этимъ отчетливо обрисовываются остатки древняго тарифа композицій, замѣненнаго тарифомъ штрафовъ или лѣстницею примѣненій таліона. Само собою разумѣется, что наказаніе измѣняется, смотря по тому, къ какой кастѣ принадлежитъ виновный. Убіійство брамана составляетъ самое тяжкое преступленіе, браманъ же, совершившій убійство, не подлежитъ смертной казни. Онъ можетъ быть обезчещенъ, сосланъ, заклеименъ, принужденъ исполнить строжайшія эпитеміи, но, исполнивши ихъ, онъ возвращается въ касту и снова пользуется своими правами. Между тѣмъ, законъ считаетъ брамана болѣе виновнымъ, чѣмъ преступниковъ изъ другихъ кастъ. Въ случаѣ кражи, судра

оплачиваетъ украденную вещь въ 8 разъ дороже, вайсія въ 16 разъ, кшатрія въ 32 раза; а браманъ—въ 64 раза.

Царь имѣтъ право помилованія, но, если онъ пользуется этимъ правомъ невпопадъ, то принимаетъ на себя всю нравственную отвѣтственность за совершенное преступленіе.

Относительно воровъ въ законѣ имѣются особенныя постановленія. Царь обязанъ заботиться, чтобы похищенные вещи были возвращены; если же онѣ не могутъ быть возвращены, то царь платитъ стоимость ихъ изъ своихъ средствъ, а потому можно сказать, что округъ несетъ отвѣтственность за кражи, совершенныя на его территоріи. Воръ обязанъ явиться къ царю, съ растрепанными волосами, съ палкою въ рукѣ и покаяться въ своемъ преступленіи. Царь бьетъ его или прощаетъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, преступленіе считается искупленнымъ.

Изъ участвовавшихъ въ преступленіи, пособники и укрыватели наказываются наравнѣ съ ворами.

Неисполненіе обязательства разсматривается, какъ деликтъ. Поклажеприниматель, за нарушеніе довѣрія, наказывается, какъ воръ и, вообще, кто не даетъ обѣщаннаго, тотъ принуждается къ исполненію и, сверхъ того, платитъ штрафъ въ 250 *panas*. Если договоръ о наймѣ въ работу будетъ нарушенъ рабочимъ или хозяиномъ, то виновная сторона платитъ правой сумму, равную условленной рабочей платѣ и, кромѣ того, 100 *panas* штрафа въ пользу царя. Кто, заложивши имущество, отдаетъ послѣднее въ залогъ еще другому кредитору, не рассчитавшись съ первымъ, тотъ приговаривается, смотря по стоимости имущества, къ кнуту, тюрьмѣ или штрафу. Кто купитъ на рынкѣ вещь, принадлежащую третьему лицу, тотъ не можетъ быть преслѣдуемъ наравнѣ съ воромъ, но собственнику предоставляется получить эту вещь. Когда продажа совершена тайно и за дешевую цѣну, тогда покупатель и продавецъ наказываются, какъ воры.

Словесная обида, прелюбодѣянiе и обманъ считаются преступными и наказываются простымъ штрафомъ.

Животныя, причиняющія вредъ, могутъ быть задержаны. О выдачѣ ихъ въ вознагражденіе за нанесенный убытокъ *) не сказано ничего. Хозяинъ ихъ платитъ штрафъ. Если слуга, приста-

*) *Datro noxalis* римскаго права.

(Прим. переводчика).

вленный къ полевымъ работамъ, не хочетъ работать, то наказывался кнутомъ.

Обратимся, наконецъ, къ нѣкоторымъ интереснымъ постановленіямъ о судопроизводствѣ и о доказательствахъ.

По Васиштѣ, право собственности можетъ быть доказываемо тремя способами: письменными доказательствами, свидѣтелями и владѣніемъ. Въ уголовномъ дѣлѣ, Апастамба и Вишну прибавляютъ къ этимъ способамъ еще ордали и судъ Божій. Говорится также о доказательствахъ посредствомъ предположеній или уликъ. Вишну входитъ въ довольно обстоятельныя подробности относительно каждаго рода доказательствъ. Такъ, сдѣланныя царемъ пожалованія должны быть написаны на кускѣ бумажной ткани или на мѣдной пластинкѣ. Въ нихъ слѣдуетъ указать имена пожалованнаго и его трехъ непосредственныхъ предковъ, а также составъ подаренной земли. Они заканчиваются проклятіемъ всякому, кто станетъ опровергать актъ. Наконецъ, они подписываются царемъ и скрѣпляются его печатью. Вообще, различаются три рода письменныхъ актовъ,—засвидѣтельствованные царемъ, одними свидѣтелями или же только подписями сторонъ, участвующихъ въ актѣ. Если почеркъ не признается, то производятъ сличеніе почерковъ.

Доказательство посредствомъ свидѣтелей подчинено необычайно мелочнымъ правиламъ. Очень длинно перечисленіе лицъ, не могущихъ быть свидѣтелями. Вообще, законъ требуетъ двухъ свидѣтелей для того, чтобы показаніе ихъ имѣло значеніе доказательства. Каждая сторона представляетъ своихъ свидѣтелей, а противная сторона допрашиваетъ ихъ. Если свидѣтель умеръ или отсутствуетъ, то слышавшіе его показаніе могутъ воспроизвести его.

Свидѣтель показываетъ о томъ, что онъ видѣлъ или слышалъ. Онъ обязанъ дать показаніе. Отказъ его рассматривается какъ ложное свидѣтельское показаніе. Въ древности присяга свидѣтелей не имѣла мѣста, но затѣмъ введена была обычаемъ. Гаутама подтверждаетъ необходимость присяги мнѣніемъ нѣкоторыхъ юрисконсультовъ. Въ эпоху Вишну, это мнѣніе стало правиломъ. Кстати припомнимъ, что въ Греціи, какъ и въ Римѣ, присяга свидѣтелей являлась необязательною. Были случаи, когда свидѣтель не обязанъ былъ говорить правду; напримѣръ, если бы правда повлекла за собою чью-нибудь смерть. Судья основываетъ свое рѣшеніе на большинствѣ свидѣтельскихъ показаній. При равномъ съ обѣихъ

сторонъ числѣ свидѣтелей, берутся въ расчетъ ихъ честность, званіе и каста.

Если свидѣтельское показаніе, отобранное въ какомъ-нибудь прежнемъ процессѣ, признано было въ послѣдствіи ложнымъ, то рѣшеніе, основанное на этомъ показаніи, отмѣнялось и дѣло переходило на новое разсмотрѣніе.

Вишну, на послѣдокъ, говоритъ объ ордаліяхъ. Ихъ было число пять.

Первая—ордалія вѣсовъ. Человѣка, подвергнутаго пыткѣ, взвѣшиваютъ въ первый разъ и такимъ способомъ опредѣляютъ его вѣсъ, потомъ онъ снова становится на вѣсы и, если въ этотъ разъ гиря подниметъ его, то онъ освобождается отъ направленаго противъ него обвиненія.

Вторая ордалія огня. Она состоитъ въ томъ, чтобы пройти сквозь семь обручей, поставленныхъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Человѣкъ преданный пыткѣ, обертываетъ руку чѣмъ-то въ родѣ перчатки, сложенной изъ семи фиговыхъ листьевъ. Ему даютъ въ эту руку желѣзный, накаленный до красна, шаръ, который онъ долженъ пронести сквозь семь обручей и положить на землю, не подвергнувшись обжогу.

Далѣе слѣдуетъ ордалія воды. Испытуемый входитъ въ воду и обхватываетъ колѣни человѣка, стоящаго въ водѣ до пупка. Стрѣлокъ пускаетъ стрѣлу, которую спѣшатъ поднять. Если, въ теченіе времени, пока поднимаютъ стрѣлу, испытуемый не покажется изъ воды, то онъ считается невиновнымъ.

Ордалія посредствомъ яда состоитъ въ проглатываніи семи зеренъ *sringa*, смѣшаннаго съ очищеннымъ коровьимъ масломъ.

Наконецъ, въ ордаліи черезъ возліяніе, испытуемый беретъ въ пригоршню и пьетъ въ три пріема воду, въ которой погружены изображенія боговъ. Если, повторяя это въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль кряду, онъ не почувствуетъ никакой болѣзни, то этимъ доказывается невиновность его.

Этимъ мы покончили съ *Sutras*, то-есть съ древними книгами, написанными прозою. Теперь будемъ говорить о книгахъ въ стихахъ и начнемъ съ наиболѣе извѣстной между ними—книги Ману.

Отъ стихотворныхъ кодексовъ, изъ которыхъ древнѣйшимъ считается кодексъ Ману, идетъ новый періодъ браманскаго законодательства. Фундаментъ тотъ же, но зданіе постоянно распростра-

няется. Гражданское право занимаетъ больше мѣста, наравнѣ съ каноническимъ правомъ, а въ то же время вліяніе религіи проникаетъ въ него все болѣе и болѣе. Такъ, въ кодексѣ Ману, изъ восьми родовъ брака, два послѣдніе, способъ злыхъ геніевъ и способъ вампировъ, окончательно исключены. Законодатель въ особенности обращаетъ вниманіе на то, что дареніе коровы и быка, дѣлаемое женихомъ отцу неvěсты, въ бракѣ по способу святыхъ, не составляетъ покупной цѣны, такъ какъ корова и быкъ передаются не отцу неvěсты, а самой неvěстѣ. Первую жену мужчина долженъ взять изъ своей касты. Для второго брака онъ можетъ взять жену изъ низшей касты, но женщина въ правѣ выйти за мужъ только за человѣка, принадлежащаго къ кастѣ, равнойъ съ нею или высшей. Второй бракъ вдовъ порицается, хотя и не объявляется недѣйствительнымъ. Обязанности царя опредѣлены съ мелочною точностію, каждая доходитъ до указаній того, чѣмъ долженъ царь заниматься въ каждый часъ дня.

Въ VIII и IX книгахъ находится гражданское и уголовное право. Надъ содержаніемъ ихъ сдѣланъ первый опытъ классификаціи, изученіе котораго важно въ томъ отношеніи, что въ немъ проглядываетъ опредѣленная теоретическая мысль. Этой же системѣ слѣдовали всѣ юрисконсульты Индіи, со временъ Ману. Она состоитъ въ расположеніи, въ восемнадцати главахъ, всѣхъ возможныхъ споровъ, другими словами, въ распредѣленіи восемнадцати родовъ иска. Первые девять имѣютъ своимъ предметомъ обязательства и вслѣдствіе того, законодатель поочередно говоритъ 1) о долгахъ вообще, 2) объ отдачѣ на сохраненіе, 3) о продажахъ, сдѣланныхъ *non domino*, 4) о товариществахъ, 5) объ уничтоженіи даренія, 6) объ имущественномъ и личномъ наймахъ, 7) о неисполненіи договоровъ, 8) объ уничтоженіи продажи, 9) о взаимныхъ обязанностяхъ хозяина и слуги.

10-я глава занимается спорами о границахъ, то-есть реальными исками и исками о правѣ собственности.

Потомъ идутъ преступленія и проступки, а именно: 11) жестокое обращеніе, 12) обиды, 13) кража, 14) разбой и насиліе, 15) прелюбодѣянiе.

Все касающееся семейственнаго права содержится въ двухъ главахъ: 16) обязанности жены и мужа, 17) раздѣлъ наслѣдствъ.

Наконецъ въ 18-й и послѣдней главѣ, составляющей какъ бы

прибавленіе, заключаются полицейскія правила объ игрѣ и бояхъ животныхъ.

Предметы, какъ видно, имѣютъ не случайное расположеніе. Они расположены въ извѣстномъ порядкѣ и подчинены опредѣленной классификаціи ¹⁾.

Въ первой главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о взысканіи долговъ, Ману излагаетъ правила судебного иска. Отвѣтчикъ обязуется явиться въ судъ въ 45-ти дневный срокъ, иначе онъ будетъ осужденъ заочно. Доказательства состоятъ изъ свидѣтельскихъ показаній, а, въ случаѣ нужды, изъ присяги тяжущагося. Свидѣтели присягаютъ, и если показаніе ихъ окажется ложнымъ, то приговариваются къ штрафу. Но искъ въ судѣ не есть, для кредитора, единственный способъ полученія платежа. Существуютъ другіе способы, которые Ману перечисляетъ очень кратко (строфа 49) и которые слѣдуетъ объяснять съ помощію комментаторовъ ²⁾. Мы приводимъ парафразированный переводъ Жолли: «Законныя средства суть: во-первыхъ, доброта, то-есть путь миролюбивый; во-вторыхъ, общій обычай, то-есть обращеніе должника въ рабство съ отработаніемъ долга сполна; въ-третьихъ, хитрость, состоящая въ позаймствованіи кредиторомъ чего-нибудь у должника, а также въ удержаніи вещи, отданной послѣднимъ первому на храненіе или же удержанной въ пользу кредитора третьимъ лицомъ; въ-четвертыхъ, постъ, когда кредиторъ располагается у воротъ должника и моритъ себя голодомъ (обычай, и теперь употребляемый въ нѣкоторыхъ странахъ Индіи) и, наконецъ, сила, посредствомъ которой кредиторъ задерживаетъ должника и принуждаетъ его заплатить, надѣдая ему угрозами и ударами. Слѣдующая строфа поясняетъ, что когда кредиторъ такимъ способомъ добивается платежа своего долга, то онъ только старается получить свое и что царь, то-есть правосудіе, не въ правѣ вмѣшиваться въ его дѣло. Но при этомъ всегда предпо-

¹⁾ Jolly, *Ueber die Systematik des indischen Rechts*, въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, t. I, Stuttgart, 1878, S. 234.

²⁾ Ману имѣлъ, въ дѣйствительности, своихъ схолиастовъ и глоссаторовъ, которые очень полезны для пониманія текста. Это — Метгатити (X стол.), Говиндарага (XII или XIII стол.), Нараіана (XIV стол.), Куллукабгатта (XV стол.), Раггавананда (XVI стол.), Нандана (XVII стол.). Бюлеръ, въ своемъ новомъ переводѣ, постоянно пользуется ими. Прежде него Жолли много пользовался ими при объясненіи юридической части законовъ Ману (*Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, t. III и IV, Stuttgart, 1881—1883).

лагается, что долгъ признается должникомъ (*aeris confessi*, гласить законъ XII таблицъ); такъ какъ оспариваніе долга дѣлаетъ необходимымъ предъявленіе иска въ судъ.

Къ главѣ о долгахъ присоединяется все, что имѣетъ отношеніе къ процентамъ, залогу и поручительству. Тамъ же находятся нѣкоторыя общія начала о дѣйствительности обязательствъ.

Во второй главѣ говорится о поклажѣ, подъ которою, по понятіямъ индусовъ, слѣдуетъ разумѣть ссуду для пользованія. Во всѣхъ случаяхъ, отказъ возвратить вещь приравнивается къ кражѣ и наказывается такъ же, какъ кража. Это приводитъ законодателя къ разсмотрѣнію злоупотребленія довѣріемъ и мошенничества.

Продажа чужой вещи составляетъ предметъ третьей главы. Такая продажа ничтожна, и продавецъ разсматривается, какъ воръ. Вообще, письменный актъ имѣетъ преимущество предъ владѣніемъ. Впрочемъ, существуетъ случай, когда владѣніе находится въ равной силѣ съ актомъ, а именно, покупка движимаго имущества на рынкѣ при свидѣтеляхъ и съ платежемъ денегъ. Въ этомъ случаѣ, если бы прежній собственникъ началъ искъ о возстановленіи своего владѣнія вещью, то владѣлецъ послѣдней могъ бы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, сославшись на продавца; онъ былъ бы обязанъ возвратить вещь только тогда, когда не могъ бы указать продавца. Это постановленіе имѣетъ значеніе и можно прослѣдить путь, по которому оно шло, чрезъ греческіе и варварскіе законы до 2279 статьи Code civil.

Къ этой главѣ прибавлено воспрещеніе всякаго обмана относительно сущности или даже качества продаваемого товара, равно и воспрещеніе всякой замѣны одной женщины другою, при бракѣ посредствомъ покупки. Въ этомъ случаѣ, говоритъ Ману, мужъ удерживаетъ у себя обѣихъ женщинъ и платитъ только за одну. Впрочемъ мы видѣли, что браманскіе кодексы исключили бракъ съ покупкою жены; но стараніе ихъ искоренить этотъ первобытный обычай осталось все-таки безплоднымъ. Повидимому, недостаточно было только вычеркнуть обычаи изъ закона, но нужно было еще помѣстить въ законъ правило объ отмѣнѣ этого обычая.

Четвертая глава содержитъ въ себѣ нѣсколько правилъ о раздѣлѣ барышей между товарищами, причемъ берется въ примѣръ ассоціація жрецовъ, соединившихся для выполненія жертвоприно-

шенія. Основаніємъ раздѣла является раскладка, соразмѣрная сбору, сдѣланному каждымъ изъ товарищей.

Отмѣна даренія составляетъ предметъ пятой главы. Это то, что мы называемъ искомъ объ отмѣнѣ договора по причинѣ неисполненія условій его. Но комментаторы обобщаютъ этотъ искъ, примѣняя его ко всякому обѣщанію, подобно 1184 ст. Code civil. Отступление отъ этого правила считается кражею и карается штрафомъ на золото.

Шестая книга посвящена рабочей платѣ. Работникъ, взявшійся исполнить работу и, безъ уважительной причины, доставившій ее не такую, какъ было условлено, теряетъ плату и уплачиваетъ штрафъ. Если онъ представитъ оправданіе и, по устраненіи препятствія, исполнить работу согласно договору, то получаетъ плату сполна, хотя бы и запоздалъ исполненіемъ. Во всякомъ случаѣ, хозяинъ платитъ только при доставленіи исполненной работы, а не по мѣрѣ изготовленія ея.

Нарушенія уставовъ корпорацій составляютъ седьмую главу. Корпораціями здѣсь названы главнымъ образомъ общины или деревни, въ которыхъ собственность нераздѣльна и обработка полей общая ¹⁾. Члены такихъ корпорацій обязуются присягою къ соблюденію уставовъ. Нарушеніе этого обязательства наказывается ссылкой и штрафомъ. Уничтоженіе продажи, помѣщенное въ восьмой главѣ, представляетъ очень интересныя постановленія. Здѣсь законъ устанавливаетъ, для продавца и для покупателя, право отказаться отъ состоявшагося договора. Этимъ правомъ дозволяется воспользоваться въ теченіе десяти дней, но и по окончаніи этого срока, каждая сторона все-таки можетъ отказаться отъ исполненія договора; тогда она лишь платитъ царю штрафъ въ 600 *rapas*. Другими словами, общество не признаетъ себя еще на столько сильнымъ, чтобы непосредственно требовать исполненія договора; оно только косвеннымъ образомъ даетъ ему свою санкцію. Законъ обобщаетъ это постановленіе и примѣняетъ его ко всѣмъ возмезднымъ контрактамъ. Даже бракъ освобождается отъ дѣйствія этого постановленія лишь тогда, когда онъ совершенъ при исполненіи

¹⁾ См. Г. Мэнъ, *Деревенскія общины на востокъ и западъ*. Кстати припомнить здѣсь другія сочиненія Сомнера Мэна и въ особенности *Древнія учрежденія* и *Древнее право и первобытный обычай*. Ученый авторъ показалъ, что можно было извлечь изъ индусскаго права для общей исторіи права.

всѣхъ предписываемыхъ религіею обрядовъ и, въ особенности, когда супруги семь разъ обошли вокругъ священнаго огня.

Оставляемъ въ сторонѣ слѣдующую главу, трактующую о взаимныхъ обязательствахъ хозяина и пастуха и объ отвѣтственности того и другого въ случаѣ вреда, причиненнаго скотомъ. Равнымъ образомъ, не будемъ говорить о десятой главѣ, предметомъ которой служатъ споры о границахъ имѣній или, скорѣе, о границахъ деревень, такъ какъ, въ эпоху Ману, право личной собственности на землю, такъ сказать, не существовало. Обращаемся къ проступкамъ и, прежде всего, къ обидамъ, которыя дѣлятся на словесныя и реальныя, или насиліе. Наказанія состоятъ, смотря по обстоятельствамъ, въ изувѣченіи, штрафѣ или розгахъ. Законъ ставитъ общимъ правиломъ, что за вредъ, причиненный лицамъ или имуществу, убытки долженъ платить виновный. Определеніе кражи, составляющее предметъ тринадцатой главы, отличается широтою своего объема и можетъ быть приложено какъ къ отказу отъ рести-туціи, такъ и къ пользованію имуществомъ безъ согласія собственника. Въ четырнадцатой главѣ, о насиліи, можно указать только на право законной обороны, не подлежащее никакому ограниченію. Въ пятнадцатой главѣ находимъ прелюбодѣяніе или, лучше сказать, вообще проступки противъ нравственности.

Въ IX книгѣ Ману начинается шестнадцатая глава, трактующая о взаимныхъ обязанностяхъ супруговъ. Положеніе жены ничѣмъ не отличается отъ того, какимъ мы видимъ его въ *Sûtras*. Жена называется, говоритъ Ману, *Djâyâ*, потому что мужъ въ ней рождается во второй разъ. *Ubi tu Gajus ego Gaja*, гласила, по свидѣтельству Плутарха ¹⁾, формула римскаго брака. Женщина можетъ быть замужемъ только одинъ разъ. Ни продажа жены, ни уступка ея другому не освобождаютъ ее отъ власти мужа. Рожденныя ею дѣти принадлежатъ мужу даже и въ томъ случаѣ, когда не онъ состоитъ естественнымъ отцомъ ихъ. Эта принадлежность выводится изъ права приращенія, подобно тому, какъ по праву же приращенія хозяинъ получаетъ барышъ отъ сѣмянъ, разсыпанныхъ на его полѣ. Точно также приплодъ принадлежитъ хозяину отелившейся коровы, а не хозяину быка. Это—общее правило, но оно можетъ быть измѣнено по особому соглашенію контрагентовъ.

¹⁾ *Quaest. Rom.* XXX.

Правила относительно левирата (*Niyoga*) изложены съ большою подробностію. Когда мужъ умеръ бездѣтнымъ, то семья въ правѣ постановить, чтобы братомъ его или ближайшимъ родственникомъ съ отцовской стороны (*Sapinda*) прижить былъ, для умершаго, сынъ. Это правило—древнее, но въ немъ имѣется вставка, а именно: въ позднѣйшее время вписано примѣчаніе, въ которомъ обычай Нійога названъ грубымъ и положительно отмѣненъ. Однако и послѣ такой отмѣны, Ману оставляетъ кое-что, напоминающее древнее правило. Такъ, когда женихъ умеръ послѣ помолвки, но раньше свадебнаго обряда, то братъ его обязанъ жениться на его невѣстѣ. Разумѣется, бракъ, въ этомъ случаѣ, существуетъ только до рожденія сына, который долженъ считаться сыномъ умершаго.

Отецъ, обѣщавшій жениху свою дочь, не можетъ взять это обѣщаніе назадъ и выдать дочь за другого. Если же онъ сдѣлаетъ это, то подлежитъ наказанію, какъ за дачу ложнаго свидѣтельскаго показанія. Мужъ можетъ отослать жену отъ себя даже и вслѣдъ за заключеніемъ брачнаго союза, если она имѣетъ какой-нибудь порокъ, который былъ отъ него скрытъ. Наконецъ, законъ перечисляетъ случаи, въ которыхъ мужъ въ правѣ взять вторую жену, не отсылая отъ себя первой. Эта послѣдняя во всякомъ случаѣ сохраняетъ за собою право на алименты.

Семнадцатая глава разсуждаетъ о наслѣдованіи и только развиваетъ начала, содержащіяся въ *Sûtras*. Она обязываетъ братьевъ снабжать своихъ сестеръ приданымъ. «Пусть они даютъ четвертую часть своей доли. Кто этого не исполнитъ, подвергнется лишенію чести».

Наконецъ, восемнадцатая глава положительно запрещаетъ всякаго рода игры или пари.

Сверхъ предметовъ, составляющихъ содержаніе этихъ восемнадцати главъ, въ кодексѣ Ману можно указать не мало правилъ, о которыхъ упоминается мимоходомъ, но знакомство съ которыми не лишено интереса. Такъ, мореходы отвѣчаютъ за гибель вещей, погруженныхъ на ихъ корабль и утраченныхъ или поврежденныхъ по ихъ винѣ (VIII, 408). Законъ ясно говоритъ, что земля принадлежитъ тому, кто первый распахалъ ее, какъ газель—тому, кто первый ранилъ ее (IX, 44). Онъ устанавливаетъ непререкаемость судебного рѣшенія, хотя и сохраняетъ право на пересмотръ его по законной причинѣ (IX, 233). Онъ положительно признаетъ раб-

ство и различаетъ семь видовъ рабовъ, между которыми имѣется рабъ за долги (VIII, 415).

Наконецъ, въ кодексѣ Ману встрѣчается постановленіе, напоминающее времена варварства, когда была въ обычаѣ полиандрія. «Если у одного изъ нѣсколькихъ братьевъ есть сынъ, то послѣдній долженъ считаться сыномъ всѣхъ».

Между кодексами Яджнавалкійя и Ману такая же разница, какъ между этимъ послѣднимъ и *Сутрами*. Кодексъ Яджнавалкійя дѣлится на три книги. Первая и третья содержатъ только нравственныя и религіозныя предписанія, но вторая есть чистый трактатъ о правѣ, изложеніе котораго, сохраняя еще много чертъ первобытнаго піетизма, начинаетъ однако освобождаться отъ него и говорить настоящимъ юридическимъ языкомъ. Дѣленіе на 18 предметовъ въ ней осталось, но эти предметы расположены въ другомъ порядкѣ.

Сначала кодексъ описываетъ судопроизводство. Онъ требуетъ веденія протокола, въ которомъ записываются явка, требованія и отводы сторонъ. Истецъ, затѣмъ, обязанъ представить доказательства своего иска. Встрѣчный искъ допускается, по крайней мѣрѣ вообще, только послѣ рѣшенія главнаго иска. Постороннія требованія, не имѣющія связи съ искомъ, не допускаются ни въ какомъ случаѣ.

Обыкновенно судъ даетъ отвѣтчику срокъ на отвѣтъ.

Если процессъ обезпечивается залогомъ, то судья присуждаетъ этотъ залогъ съ проигравшаго тяжбу въ пользу его противника и въ то же время приговариваетъ перваго къ наказанію и къ суммѣ, равной залому, въ пользу царя. Мы видимъ здѣсь слѣдъ древнѣйшей процессуальной формы—*legis actio sacramento* римскаго права.

Давность простирается на 20 лѣтъ, по дѣламъ о землѣ, и на 10 лѣтъ—по дѣламъ о всѣхъ другихъ имуществахъ. Не подлежатъ давности: залогъ, земельныя границы, то-есть искъ о размежеваніи, поклажи, имущества слабоумныхъ, дѣтей, царя, женщинъ и брамановъ, знающихъ Веды.

Размѣръ процента не опредѣленъ. При недостаткѣ соглашенія онъ можетъ доходить до пяти на сто въ мѣсяцъ, если заемъ не обезпеченъ залогомъ, и только до четвертой части, если имѣется залогъ. Тѣ, которые ходятъ, по своимъ занятіямъ, въ лѣсъ, платятъ десять на сто, а моряки—двадцать на сто.

Глава о долгахъ содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя постановленія. Такъ, при нѣсколькихъ кредиторахъ законъ указываетъ, что впередъ получаютъ удовлетвореніе кредиторы, старѣйшіе по времени возникновенія претензіи, но царь и браманы удовлетворяются раньше всѣхъ другихъ. Если кредиторъ уклоняется отъ полученія долга, то должникъ уполномочивается записать объ этомъ въ протоколъ, чтобы остановить теченіе процентовъ. Залогъ теряется, если онъ не выкупленъ предъ удвоеніемъ капитальной суммы или до истеченія назначеннаго срока. Другое дѣло—залогъ въ видѣ антихрезы. Кредиторъ не дѣлается собственникомъ залога по подряду; онъ долженъ подвергнуть его публичной продажѣ, въ присутствіи свидѣтелей. Кстати, отмѣтимъ удивительную образность выраженія, употребленнаго для обозначенія солидарности поручателей. Яджнавалкйя говоритъ, что они *все идутъ въ одной и той же тѣни*.

Въ главѣ о покладахъ Яджнавалкйя разсуждаетъ о свидѣтельскихъ показаніяхъ и повторяетъ всѣ правила, уже знакомыя намъ. Прибавлены очень подробныя и точныя правила о совершеніи письменныхъ актовъ. Въ этихъ актахъ должно быть обозначено время совершенія и они должны быть подписаны сторонами, свидѣтелями и писцомъ. Подпись обязывающейся стороны должна быть предшествоваема словомъ: *согласенъ*. Письменный актъ можетъ быть безъ свидѣтелей, если онъ весь писанъ рукою самого должника и если, прибавляетъ законъ, совершеніе его не вынуждено насиліемъ или обманомъ. Законъ указываетъ, какъ слѣдуетъ поступить, чтобы возстановить содержаніе утраченнаго акта.

Вообще, долгъ, заключенный въ присутствіи свидѣтелей, долженъ быть и оплаченъ при свидѣтеляхъ.

Кодексъ излагаетъ цѣлую систему ордалій, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ Вишну. Онъ упоминаетъ о новой ордаліи, хотя не описываетъ ее; это—ордалія семи пшеничныхъ зеренъ, предназначенная для касты судръ.

Затѣмъ, кодексъ переходитъ къ раздѣламъ и повторяетъ правила, содержащіяся въ кодексѣ Ману, обращая, впрочемъ, особенное вниманіе на то, что право представленія имѣетъ мѣсто въ прямой линіи и что женино родовое имѣніе, находящееся въ завѣдованіи мужа, должно быть получено и раздѣлено дочерьюми, причемъ сыновья устраниаются отъ наслѣдованія. Родовое имѣніе жены,

какъ уже сказано, не подлежитъ дѣйствию давности, но можетъ быть отчуждено. Мужъ въ правѣ продать его въ случаѣ голода, для выполненія религіозной обязанности, для покрытія расходовъ на лѣченіе или для собственнаго освобожденія изъ тюрьмы, и во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ свободенъ отъ обязанности реституировать. Такимъ образомъ, устанавливается правило, сходное съ правиломъ о приданомъ.

Яджнавалкійя очень распространяется по поводу споровъ о границахъ наслѣдствъ. Эти границы должны быть признаны сосѣдями, въ числѣ четырехъ, восьми или десяти, причемъ сосѣди имѣютъ вѣнки на головахъ и одѣты въ красномъ, а въ рукѣ держатъ горсть земли. Признанное судомъ нарушеніе владѣнія наказывается штрафомъ. Законъ устанавливаетъ нѣкоторые сервитуты. Такъ, на чужой землѣ дозволяется рыть колодезь и строить плотину.

Слѣдующіе предметы излагаются въ кодексѣ сокращенно и въ немногихъ статьяхъ. Говорится послѣдовательно объ убыткахъ, причиненныхъ скотомъ, объ отношеніяхъ между хозяиномъ и пастухомъ, о пространствахъ общихъ пастбищъ, которыя должны существовать вокругъ деревень, мѣстечекъ и городовъ. Затѣмъ слѣдуетъ продажа чужой вещи, и по этому поводу кодексъ содержитъ двѣ статьи о дареніяхъ. Право собственности можетъ перейти посредствомъ даренія, лишь бы хозяйство не страдало отъ этого. Даръ долженъ быть принятъ публично, въ особенности когда предметомъ его служить недвижимость. Дареніе не подлежитъ уничтоженію.

Всякое лицо, обращенное въ рабство насиліемъ и проданное разбойниками, а также рабъ, который спасъ своего господина, или котораго господинъ не удерживаетъ, или который даетъ за себя выкупъ — подлежатъ обязательному освобожденію. Нищій монахъ, оставившій свое званіе, становится царскимъ рабомъ до смерти.

Ученикъ обязанъ жить у хозяина до условленнаго срока. Хозяинъ кормитъ его и пользуется его трудомъ.

Потомъ слѣдуютъ правила о корпораціяхъ рабочихъ и о заработной платѣ. Извозчикъ, нарушившій договоръ, платитъ, въ вознагражденіе контрагента, седьмую часть договорной цѣны, если нарушение предшествовало отъѣзду, четвертую, если оно произошло въ дорогѣ, и половину, если нарушение послѣдовало на половинѣ пути. Это же правило примѣняется ко всякому личному найму. Между тѣмъ какъ Ману безусловно не признавалъ игру, Яджна-

валкія допускаетъ ее, ограничиваясь только надзоромъ за нею. Для игры существуютъ общественныя мѣста, содержимыя съемщиками, которые отдають правительству часть барышей.

Остальная треть этой книги, то-есть 100 послѣднихъ статей, содержитъ въ себѣ весь уголовный кодексъ. За обиды словомъ или дѣйствиємъ, за побои и пораненія, за вредъ, причиненный животнымъ плантаціямъ и нивамъ, законъ знаетъ только одно наказаніе—штрафъ, увеличивающійся вмѣстѣ съ важностью содѣяннаго. Къ нашему удивленію, въ этомъ перечисленіи встрѣчаются такіе проступки, которые можно видѣть и въ новѣйшихъ законодательствахъ. Эти проступки—обманъ въ сущности и качествахъ товара, стачки покупателей или продавцовъ. Тутъ же находятся нѣсколько правилъ относительно коммерческой продажи. Цѣна товаровъ назначается царемъ посредствомъ тарифа, основаннаго на расчетѣ получаемой торговцемъ прибыли; при этомъ размѣръ предполагаемой прибыли опредѣляется по пяти на сто для туземныхъ товаровъ и по десяти на сто для заграничныхъ. Законъ ничего не говоритъ о правѣ отказаться отъ оконченной сдѣлки купли-продажи; но онъ допускаетъ, что продавецъ можетъ не отпустить товаръ, платя за это штрафъ въ размѣрѣ шестой части цѣны и, сверхъ того, убытки, въ число которыхъ входятъ не только понесенная потеря, но и не полученный покупщикомъ барышъ. Если покупатель откажется отъ доставленнаго ему товара, то торговцу предоставляется продать этотъ товаръ другому. Когда нѣсколько лицъ соединились для покупки или продажи, то прибыль дѣлится пропорціонально вкладамъ ихъ.

Тѣлесныя наказанія сохранены для убійцъ и воровъ. Каждый округъ отвѣчаетъ за преступленія этого рода, совершенныя на его территоріи. Наказаніе увеличивается въ случаѣ повторенія преступленія. Соучастники наказываются наравнѣ съ главнымъ виновникомъ. Наконецъ, неумышленное убійство не подлежитъ никакому наказанію.

Проступки противъ нравовъ, въ особенности прелюбодѣянiе, наказываются простымъ штрафомъ, по крайней мѣрѣ вообще. Но преступленія противъ царя или государства влекутъ за собою смертную казнь.

Институты Нарады представляютъ самый поздній по времени появленія въ свѣтъ и, можетъ быть, самый важный изъ браман-

скихъ кодексовъ. Оставляя въ сторонѣ религіозную часть, то-есть все, что относится къ катехизму и ритуалу, Нарада разсматриваетъ исключительно юридическую часть закона и старается обосновать ее путемъ логики. Она считаетъ недостаточнымъ изрекать, подобно оракулу, правила, но пытается отыскать для нихъ общія начала и наблюсти за примѣненіемъ ихъ.

Система въ Нарадѣ та же, что и у Ману. За исключеніемъ нѣкоторыхъ отступленій отъ порядка, принятаго въ кодексѣ Ману, Нарада придерживается того же дѣленія на восемнадцать главъ, и первая глава ея *О взысканіи долговъ* трактуетъ о судопроизводствѣ, объ обязанностяхъ судьи, о доказательствахъ и объ ордаліяхъ. Эта часть очень распространена и образуетъ собою почти половину всего кодекса.

Въ Нарадѣ много новаго, если не по существу, которое почти всегда остается неизмѣннымъ, то, по крайней мѣрѣ, по выраженію, по формѣ, которая болѣе и болѣе становится научною. Вотъ самое важное, на что, кажется, слѣдуетъ обратить вниманіе.

Иски, говоритъ Нарада, суть двухъ родовъ: одни сопровождаютъ закладомъ, другіе нѣтъ. Закладъ заключается въ письменномъ заявленіи, которымъ сторона обязывается заплатить, сверхъ штрафа, извѣстную сумму, если дѣло будетъ проиграно ею. Сумма уплачивается противнику, а штрафъ—царю. Это самое правило мы видѣли уже у Ману, но Нарада даетъ ему общее значеніе и ставитъ его на свое мѣсто.

То же слѣдуетъ сказать и о разныхъ видахъ судовъ. Ману едва упоминаетъ о нихъ, между тѣмъ, какъ Нарада отчетливо перечисляетъ ихъ въ слѣдующемъ порядкѣ: семейные совѣты, совѣты ремесленныхъ корпорацій, совѣты обывательскихъ общинъ. Надъ ними стоятъ судьи, содержимые царемъ и, наконецъ, самъ царь. Судьи должны быть свѣдуши въ чтеніи Ведъ и засѣдать въ числѣ десяти или, по крайней мѣрѣ, трехъ. Рѣшеніе дѣла никогда не поручается одному судѣ.

Вызовъ на явку въ судъ дѣлается царемъ, по прошенію истца. Прежде рѣшенія дѣла, истецъ можетъ арестовать своего противника и платить штрафъ, если воспользовался этимъ правомъ неосновательно.

Предъявленный искъ не долженъ быть измѣняемъ въ теченіе процесса. Если истецъ требуетъ замѣны одного искового требованія

другимъ, то онъ проигрываетъ дѣло. Кто жалуется на неправильность рѣшенія, тотъ можетъ получить новое рѣшеніе, уплативши наложенный штрафъ вдвойнѣ. Кто жалуется на несправедливое рѣшеніе, тому предоставляется обвинить судью въ неправосудіи, какъ дѣйствовавшего по пристрастію, по невѣжеству или по подкупу и добиться присужденія судьи къ штрафу, отрѣшенію отъ должности, или же къ болѣе строгому наказанію.

Сынъ обязанъ платить долгъ своего отца, отъ котораго онъ получилъ наслѣдство. Внукъ обязанъ платить долгъ дѣда, если долгъ не былъ погашенъ отцомъ. Но эта обязанность теряетъ силу въ четвертомъ колѣнѣ.

Отецъ платитъ долги своего сына только въ тѣхъ случаяхъ когда эти долги сдѣланы по его приказанію, а также для содержанія семьи или для уплаты штрафа.

По долгамъ, сдѣланнымъ нѣсколькими лицами сообща, всѣ они отвѣчаютъ солидарно, пока находятся въ живыхъ; если же кто-нибудь изъ нихъ умретъ, то сынъ его не обязанъ платить за другого.

Женщины могутъ обязываться по гражданскимъ сдѣлкамъ не иначе, какъ съ дозволенія того, подъ чьею властію онѣ состоятъ, или же, въ крайнемъ случаѣ, съ дозволенія царя. Рабъ и сынъ, не вышедшій изъ семьи, могутъ совершать договоры только съ дозволенія господина или отца. Несовершеннолѣтній до 16 лѣтъ неспособенъ такъ же, какъ потерявшій разсудокъ. Правило относительно правоспособности женщинъ новое и, кажется, оно не было извѣстно предшественникамъ Нарады.

Обязательства и право собственности доказываются письменными актами, свидѣтельскими показаніями или владѣніемъ. Владѣніе равносильно письменному акту, когда оно продолжалось, на глазахъ собственника, смотря по обстоятельствамъ, десять или двадцать лѣтъ. Оно имѣетъ преимущество передъ всякимъ актомъ, когда оно переходило по наслѣдству въ трехъ поколѣніяхъ, отъ отца къ сыну.

Когда кредиторъ умеръ, не предъявивши иска, то свидѣтели съ его стороны уже не могутъ быть допущены и требованіе долга должно быть подтверждено письменными доказательствами.

Проценты начисляются по мѣсяцамъ или даже по днямъ. Анатоксизмъ обозначается словомъ *обращающійся процентъ*.

Затѣмъ, законъ говоритъ о платежныхъ распискахъ и о доказательствахъ платежа, потомъ—о солидарныхъ и несолидарныхъ

поручителяхъ и о залогахъ или антихрезахъ. Должникъ можетъ получить по причинѣ бѣдности или несчастія дозволеніе на разсрочку въ платежѣ.

Письменные доказательства бываютъ двоякаго рода: собственно-ручныя, для силы которыхъ, сверхъ почерка должника, ничего больше не требуется, и писанныя постороннимъ лицомъ, которыя имѣютъ значеніе лишь въ томъ случаѣ, если они подписаны извѣстнымъ числомъ свидѣтелей.

Письменный договоръ недѣйствителенъ, когда для совершенія его употреблены были насиліе, угрозы или обманъ. Онъ перестаетъ быть дѣйствительнымъ, если свидѣтели, кредиторъ, должникъ и переписчикъ умерли и изъ этого правила дѣлается исключеніе для тѣхъ только случаевъ, когда данъ былъ залогъ, когда уплачены были деньги въ зачетъ долга или сдѣлана была публикація о совершенномъ договорѣ.

Залогъ бываетъ движимый или недвижимый. Въ томъ и другомъ случаяхъ, онъ долженъ быть переданъ во владѣніе кредитора; слѣдовательно, ипотека, въ собственномъ смыслѣ, не существовала.

Вмѣсто утеряннаго письменнаго акта совершается новый.

Правила, относящіяся къ свидѣтельскимъ показаніямъ, чрезвычайно обстоятельны. Законъ говоритъ еще о презумпціяхъ, о распросѣ тяжущихся и о присягѣ. Наконецъ, въ дѣлахъ о преступленіяхъ, а также когда обязательство отрицается должникомъ, законъ разрѣшаетъ обращаться къ тѣмъ самымъ ордаліямъ, которыя мы уже описали по кодексу Вишну.

Во второй части Нарады излагаются постановленія, касающіяся остальныхъ семнадцати предметовъ юридическихъ споровъ, о покладахъ и договорахъ, схожихъ съ поклажею, о товариществахъ, объ отмѣнѣ дареній, о нарушеніяхъ обязанности повиноваться. Подъ этимъ послѣднимъ заголовкомъ Нарада изслѣдуетъ права и обязанности воспитанника, ремесленнаго ученика и работника и сюда же входятъ правила относительно солдата, слуги и носильщика. Здѣсь также разсматривается положеніе рабовъ, которыхъ насчитывается пятнадцать видовъ. Наслѣдственное рабство существуетъ въ первыхъ четырехъ видахъ; для остальныхъ видовъ оно бываетъ или пожизненнымъ или временнымъ. Таково, напримѣръ, рабство за долги. Когда господинъ желаетъ отпустить на волю своего раба, онъ беретъ вазу, наполненную водою съ рисомъ и

цвѣтами, разбиваетъ и выливаетъ эту воду на голову раба, трижды называя его свободнымъ; потомъ онъ отпускаетъ освобожденнаго, который уходитъ, обращая лицо къ востоку.

Далѣе слѣдуетъ глава о заработной платѣ. Когда цѣна работы опредѣлена по договору, то она выплачивается по мѣрѣ приближенія работы къ окончанію, то-есть въ началѣ, въ срединѣ или въ концѣ работы. При отсутствіи договорной цѣны, плата составляетъ десятую часть прибыли. Работникъ, уклоняющійся отъ окончанія принятой на себя работы, платитъ цѣну этой работы вдвойнѣ. Договоръ о перевозкѣ можетъ быть нарушенъ съ обѣихъ сторонъ, причемъ уплачивается вознагражденіе, размѣръ котораго зависитъ отъ того, когда послѣдовало нарушеніе. Права и обязанности пастиховъ также опредѣлены съ большою подробностію. Кто выстроился на чужой землѣ, за которую платилъ наемную цѣну, въ правѣ, по окончаніи найма, увезти съ собою солому, дерево и кирпичи. Если онъ построился безъ согласія собственника и не вносилъ наемной платы за землю, то не можетъ взять съ собою этихъ матеріаловъ.

Въ случаѣ продажи *a non domino*, продавецъ обязанъ возвратить проданный предметъ настоящему собственнику, а покупную цѣну—покупщику. Сверхъ того, онъ платитъ штрафъ въ пользу царя. Существуетъ законное предположеніе, что всякая тайная продажа есть продажа краденныхъ вещей. Если покупщикъ оказывается недобросовѣстно дѣйствовавшимъ въ этомъ случаѣ, то и онъ отвѣчаетъ наравнѣ съ продавцомъ.

Что касается до возврата проданной вещи и уничтоженія продажи, то Нарада повторяетъ правила, изложенныя въ предыдущихъ кодексахъ. Тѣмъ не менѣе, кажется, безусловное право отказа отъ продажи было здѣсь ограничено извѣстными предѣлами. Такъ, покупщикъ могъ отказаться въ тотъ же день. Но, платя тридцатую часть покупной цѣны, онъ въ правѣ былъ отказаться на другой день и, платя пятнадцатую часть—на третій день. Послѣ этого срока продажа не подлежала отмѣнѣ. То же было съ продажей, совершенною послѣ осмотра и одобренія продаваемой вещи. Время, опредѣленное для осмотра, состояло изъ нѣсколькихъ дней, смотря по свойствамъ продаваемаго предмета, а для осмотра рабовъ могло доходить до шестнадцати дней и даже до мѣсяца.

По поводу нарушенія уставовъ общинъ, Нарада основываетъ

свои правила на законахъ о благочиніи и надзорѣ, который имѣеть царь надъ общинами и въ особенности надъ ихъ собраніями.

Глава, въ которой излагаются споры о границахъ, содержитъ въ себѣ нѣкоторыя новыя постановленія. Деревья, растущія на межѣ двухъ земель, составляютъ общую собственность хозяевъ тѣхъ земель. Вѣтви дерева, спускающіяся на чужую землю, принадлежатъ собственнику дерева. Когда земля лежитъ въ пустѣ, то обрабатывающій ее имѣеть право на плоды ея. Если является собственникъ, то онъ беретъ землю себѣ, уплачивая издержки, понесенныя на обработку ея. Остальная часть этой главы занимается опредѣленіемъ различныхъ вознагражденій за убытки, причиненные скотомъ на огороженныхъ земляхъ.

Актъ бракосочетанія состоитъ изъ двухъ частей—помолвки и религіознаго обряда. Браманъ можетъ взять трехъ женъ, принадлежащихъ къ другимъ кастамъ, кшатрія — двухъ, ваисія — одну. Взаимно, женщина судра имѣеть право на трехъ мужей въ обратномъ порядкѣ классовъ, женщина ваисія—на двухъ, кшатрія—на одного.

Подобно своимъ предшественникамъ, Нарада различаетъ восемь формъ брака, изъ которыхъ три послѣднія, въ томъ числѣ бракъ по покупкѣ, считаются незаконными, хотя и не лишенными всякой силы. Разлученіе допускается, съ той и другой стороны, на основаніи опредѣленной причины. Нарада говоритъ о левиратѣ (*Niyoga*), какъ объ обычаѣ существующемъ и законномъ. Прелюбодѣяніе съ женщиною высшей касты наказывается смертію. Отношенія съ незамужнею женщиною совсѣмъ не преступны. Жена можетъ оставить существующій бракъ и вступить въ новый въ пяти случаяхъ, а именно: когда мужъ погибъ или умеръ по естественному порядку, когда онъ находится въ безвѣстномъ отсутствіи или оказывается неспособнымъ къ брачному сожитію, наконецъ, когда онъ выбылъ изъ своей касты. Безвѣстное отсутствіе должно продолжаться четыре, шесть или восемь лѣтъ, смотря по тому, къ какой кастѣ принадлежитъ отсутствующій, при чемъ сроки эти уменьшаются на половину, если жена не имѣеть дѣтей.

Правила о наслѣдованіи тѣ же, что и въ предъидущихъ кодексахъ. Незаконный сынъ, рожденный отъ дѣвушки и неизвѣстнаго отца подноситъ похоронный пирогъ отцу своей матери и дѣлается его наслѣдникомъ. Что касается до ребенка, происшедшаго отъ

прелюбодѣянiя, то, если не послѣдовало со стороны отца его матери усыновленiя, онъ принадлежитъ или естественному отцу, или мужу матери, смотря по тому, получилъ или не получилъ мужъ подарокъ предъ вступленiемъ жены его въ незаконную связь.

Братья, владѣвшiе отдѣльно своими наслѣдственными долями, въ теченiе десяти лѣтъ считаются раздѣленными.

Уголовные законы занимаютъ немного мѣста въ Нарадѣ. Насилiе бываетъ трехъ родовъ. Два первыя имѣютъ своимъ объектомъ имущества и наказываются штрафомъ. Насилiе третьяго рода направлено противъ человѣческой жизни и влечетъ за собою, смотря по обстоятельствамъ, тѣлесное наказанiе или даже смерть. Кража такъ же бываетъ троякая, смотря по стоимости похищенныхъ вещей. Лѣстница наказуемости та же. Въ случаѣ кражи скота, осматриваются слѣды, и округъ, въ которомъ эти слѣды останавливаются, дѣлается отвѣтственнымъ. При неразысканiи виновнаго, отвѣтственность переходитъ къ царю. Равнымъ образомъ, на три степени дѣлятся словесныя и реальныя обиды.

Наконецъ, игра терпима въ игорныхъ домахъ, которые отдаются государствомъ на откупъ. Откупщикъ собираетъ въ свою пользу десять процентовъ.

Читая нѣкоторыя изъ этихъ постановленiй, спрашиваешь себя,—не имѣлъ ли писавшiй ихъ какого-нибудь знакомства съ римскимъ правомъ? Нарадѣ извѣстна была римская монета. Она называется динарiй его собственнымъ именемъ—*dīnar*. Почему не могло случиться, что авторъ Нарады имѣлъ передъ глазами нѣкоторые тексты Ульпиана или Павла? Его манера обращаться къ опредѣленiямъ и раздѣленiямъ напоминаетъ манеру Гая.

Книгою Нарады заканчивается эра браманскихъ законодателей. Послѣ нея уже не встрѣчается имени, которое считалось бы авторитетомъ по части законодательства. Взамѣнъ того, видно размноженiе комментарiевъ и компиляцiй. Во второй половинѣ XI вѣка извѣстный Виджнянесвара издалъ, подъ названiемъ *Mitākshara*, Дигестъ, который и до сихъ поръ служитъ основанiемъ права, примѣняемаго судами на западѣ и югѣ Индiи.

На ряду съ этою книгою употребляется на югѣ еще *Smṛiti Chandrika*, написанная въ Деканѣ, около половины XIII вѣка, Девандою Бгаттою; *Daya Vibhaga*, составленная во второй половинѣ XIV столѣтiя Мадгавiйею; *Sarasvatī Vilasa*, написанная царемъ

Ориссы въ началѣ XVI вѣка; наконецъ *Vyavahara Nirṇaya*, написанная въ концѣ XVI или въ началѣ XVII столѣтій.

Какъ дополненіе къ *Mitākshara*, приняты на западѣ: *Vyavahara Maṇikha*, трудъ XVII вѣка и *Viramitrodaya*—того же времени.

Въ провинціи Митгилѣ придерживаются компиляцій, относящихся къ XV вѣку. Въ Бенгалѣ, высшимъ авторитетомъ пользуется Іймута Вагана, писавшій между XII и XV столѣтіями.

Нужно еще назвать отдѣльныя разсужденія объ усыновленіи, извѣстныя подъ названіемъ *Dattaka Chandrika* и *Dattaka Mimamsa*, которыя появились два или три столѣтія тому назадъ и, наконецъ, большой Дигестъ, именуемый *Vivada Bhagavata*, составленный по почину англійскаго правительства въ концѣ прошлаго столѣтія Яганнатгоу Терканунхананою и переведенный по-англійски ученымъ Колебрукомъ.

Авторы этихъ компиляцій собрали всѣ тексты, часто не безъ остроумія согласили противорѣчія, истолковали трудныя мѣста, отыскивая смыслъ техническихъ названій, и разъяснили намеки. Наконецъ, громадною казуистическою работою они дополнили начала, установленныя законодателями. Другой не менѣе значительный трудъ совершенъ былъ по отношенію къ обычаю. Многія постановленія браманскихъ кодексовъ вышли изъ употребленія. Другія видоизмѣнились, такъ сказать, сами собою и подъ вліяніемъ нравовъ. Наконецъ, бѣольшую часть изъ нихъ европейцы отмѣнили и вмѣсто нихъ дали свои законы относительно судебной организаціи, судопроизводства, доказательствъ и уголовного права. Тѣмъ не менѣе, въ англійскихъ и французскихъ судахъ все еще дѣлаютъ ссылки на *Sūtras*, Ману, Яджнавалкью, Нараду и юрисконсультовъ, отъ которыхъ уже остаются только фрагменты ¹⁾. Новыя изданія, имѣвшія предметомъ эти тексты, заключаютъ, слѣдователь-

¹⁾ См. классическое сочиненіе бывшаго генералъ-адвоката при Мадраскомъ судѣ, John D. Mayne, *A treatise on Hindu law and usage*, 3-е изд., 1 vol. in-8°, Лондонъ и Мадрасъ, 1883. Также нужно назвать, для французской Индіи, *Etudes sur le droit civil des Hindous*, par Gibelin, procureur général à Pondichery, 2 vol. in-8°, 1846—1847,—ученая книга, которая пользовалась бы очень большимъ авторитетомъ, если бы не была обезображена ужаснымъ злоупотребленіемъ по части этимологіи De Langlard совѣтникъ апелляціоннаго суда въ Пондишери, издалъ въ 1884 книгу, озаглавленную *Leçons de droit indou*. Въ ней находятся указанія на всѣ предшествующія изданія.

но, въ себѣ истинный практическій интересъ, но они больше всего услугъ окажутъ наукѣ вообще и исторіи права въ особенности. При помощи ихъ, мы какъ бы присутствуемъ при образованіи и развитіи браманскаго законодательства. Они даже даютъ намъ возможность подняться къ началу цивилизаціи, которая вмѣстѣ съ тѣмъ есть наша собственная цивилизація.

V.

Древнее право персовъ.

Персія ¹⁾, или лучше сказать Иранъ, занимаетъ большое мѣсто въ исторіи индо-европейскихъ народовъ, не только вслѣдствіе событій, въ которыхъ она принимала участіе, и роли, которую она играла въ мірѣ, но и потому, что она служитъ, въ нѣкоторомъ родѣ, необходимымъ звеномъ, соединяющимъ Индію съ Европою, востокъ съ западомъ. Это-то обстоятельство и даетъ такое важное

¹⁾ Главныя книги для справокъ о Персіи слѣдующія:

L'Avesta, Traduction française par Harlez, professeur à Louvain, Paris, 1881. Переводъ англійскій Дарместетера, Оксфордъ, 1880—1883 (*Sacred books of the East*, t. IV и XXIII).

Le Bundehesh, Dâdîstân i Dînîk и другія пелевійскія книги въ англійскомъ переводѣ Уэста. *Pahlavi text* (*Sacred books of the East*, t. V, XVIII, XXIV). Эти книги восходятъ только къ X вѣку нашей эры.

G. Rawlinson, *The five great monarchies of the ancient Eastern world, or the history, geography and antiquities of Chaldaea, Assyria, Babylon, Media and Persia*, 4 vol. in-8°, London, 1862—1867. *The Sixth great oriental monarchy (Parthians)*, 1 vol. 1873. *The seventh great oriental monarchy, the Sassanians*, 1 vol. 1876.

Dosabhai Framji Karaka, *History of the Parsis*, 2 vol., London, 1884.

Firdousi, *Le livre des Rois*, traduit en français par Jules Mohl, 7 vol, in-f°.

Tabari, переводъ нѣмецкій съ арабскаго текста Нольдеке, Лейденъ, 1879, подъ заглавіемъ: *Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden, aus der arabischen Chronik des Tabari*. Traduction française du texte persan par Zotenberg, 3 vol., Paris, 1867—1871.

Spiegel, *Eranische Alterthumskunde*, 3 vol., in-8°, Leipzig, 1878.

Rabbinovicz, *Législation civile du Thalmud*, 5 vol., in-8°, Paris, 1872—1882.

Schwab, traduction française du Talmud de Jerusalem, t. VI et VIII, 1884—1886.

Wünsche, *Der babylonische Talmud*, переводъ нѣмецкій вавилонскаго Талмуда, t. I, Leipzig, 1886, t. II, 1887—1888.

Geiger, *Ostiranische Alterthümer*, 1 vol. Erlangen, 1882.

значеніе въ филологіи языку Зендъ, а въ исторіи религій—Авестъ. Исторія права, слѣдовательно, въ свою очередь, не можетъ обходить молчаніемъ иранцевъ такъ же, какъ и народности иранскаго происхожденія, каковы афганы и армяне.

Однако же, изученіе иранскаго права дѣлается затруднительнымъ по причинѣ совершеннаго отсутствія древнихъ оригинальныхъ памятниковъ. Греки и римляне передали намъ очень мало о Персіи. Къ счастью, есть возможность, до нѣкоторой степени, пополнить пробѣлы, прибѣгая за помощью къ восточнымъ источникамъ. Завоеваніе Персіи арабами и обращеніе ея къ исламу не уничтожили въ ней національнаго сознанія. Съ X вѣка нашей эры возродилась древняя иранская цивилизація и болѣе или менѣе легендарная исторія расы собрана была въ хроникѣ Табари и въ великой эпической поэмѣ Фирдуси. Если Персія остается мусульманскою, то она, по крайней мѣрѣ, отдѣлилась отъ остального Ислама, предавшись шіитской ереси, между тѣмъ какъ послѣдніе поклонники Зороастрова ученія искали убѣжища въ Индіи, на полуостровѣ Гуззарата, гдѣ Анкетиль дю Перронъ открылъ въ прошломъ столѣтіи рукопись Авесты. Книги Табари и Фирдуси, а также книга Манустешигара, автора сборника религіозныхъ законовъ, озаглавленнаго *Dadîstan î Dînîk*, относятся къ сравнительно позднѣйшему времени, но преданіе, о которомъ они свидѣтельствуютъ, восходитъ къ очень отдаленной эпохѣ и, безъ сомнѣнія, передаетъ характеристическія черты иранской цивилизаціи.

Другой не менѣе важный источникъ для справокъ, хотя онъ оставленъ былъ безъ вниманія Шпигелемъ въ его большомъ и ученѣмъ сочиненіи о древностяхъ Ирана, представляетъ вавилонскій Талмудъ. Раввины, редактировавшіе этотъ сборникъ, раньше мусульманскаго завоеванія, ввели въ него нѣкоторые важныя свѣдѣнія о законахъ Персіи. Извѣстно, что евреи не всѣ возвратились въ Палестину. Многочисленная колонія не воспользовалась эдиктомъ Кира и продолжала жить на берегахъ Евфрата, оставаясь подвѣдомою своимъ національнымъ судьямъ и управляемою собственными законами, подъ властью персидскаго монарха ¹⁾.

¹⁾ Въ Талмудѣ часто упоминается о книгѣ законовъ дѣтей Ноя, изданной раввиномъ Рабомъ. По Раббиновичу, это былъ сборникъ персидскихъ законовъ, но ничто не подтверждаетъ этой гипотезы.

Хотя въ настоящее время у насъ нѣтъ оригинальныхъ документовъ, касающихся древняго права Персіи, но изъ этого не слѣдуетъ, что такіе документы никогда не существовали. По преданію, сохранившемуся у индостанскихъ Парсисовъ ¹⁾, священныя книги Персіи составляли двадцать одинъ томъ. Девятый, въ 60 главъ, содержалъ въ себѣ законы, по которымъ цари и судьи обязаны были судить, т. е. судопроизводство. Девятнадцатый, въ 62 главы, излагалъ гражданское и уголовное право. Изъ всѣхъ этихъ книгъ, кромѣ нѣкоторыхъ незначительныхъ отрывковъ, до насъ дошла только Авеста или Вендидадъ, представляющій теологическій трактатъ. Собственно же книги законовъ погибли, и мы съ трудомъ отыскиваемъ въ Авестѣ нѣкоторые слѣды юридическихъ понятій иранской расы. Позже, во второмъ вѣкѣ до Р. Х., парѣянский царь, Митридатъ I (умершій въ 139 г. до Р. Х.), соединившій подъ своею властью всю верхнюю Азію, приказалъ собрать законы разныхъ народовъ, повелителемъ которыхъ онъ сдѣлался ²⁾. Наконецъ, въ III столѣтіи нашей эры, основатель персидской династіи Сассанидовъ обратился къ составленію такого же труда. Ни одна изъ этихъ книгъ не дошла до насъ.

Итакъ, намъ приходится собрать отрывки, сблизить разбросанныя части и постараться возстановить цѣлое. По счастью, осталось еще достаточное количество данныхъ, на основаніи которыхъ, а также при помощи правильныхъ индукцій, можно составить себѣ понятіе о древнемъ правѣ иранской расы. Это право представляетъ переходъ отъ индусскаго права къ праву европейскихъ народовъ и, такимъ способомъ, подтверждается единство первобытнаго права всѣхъ этихъ народностей. Выводъ этотъ важенъ и стоитъ употребить нѣкоторыя усилія, чтобы получить его.

Какъ мы видѣли сейчасъ, справки о древнемъ персидскомъ правѣ, которыя мы можемъ собрать вмѣстѣ, происходятъ изъ очень разнообразныхъ источниковъ. Полезно было бы ихъ сблизить между собою, но не слѣдуетъ смѣшивать ихъ. Прежде всего нужно извлечь изъ Авесты и изъ религіозныхъ книгъ, имѣющихъ съ нею связь, содержащіяся въ нихъ юридическія понятія. Въ Персіи, какъ и

¹⁾ Spiegel, t. III, S. 776 и Dosabhai Framji Karaka, t. II.

²⁾ Діодоръ Сицил., фрагментъ книги XXXIII, изд. Весселинга, t. X, стр. 91: καθόλου δὲ πολλῶν ἐθνῶν ἐγκρατὴς γενόμενος τὰ παρ' ἐκάστοις ἄριστα τῶν νομῶν κατέδειξε τοῖς Περσίοις.

вообще на Востокѣ, законы гражданскіе и уголовные выходили изъ религіознаго закона.

Если вѣрить Геродоту, въ Персіи считалось большимъ срамомъ быть должнымъ ¹⁾, изъ чего слѣдуетъ заключить, что обычай требовалъ добросовѣстности въ сдѣлкахъ и уваженія къ данному слову. Нарушеніе договора составляетъ вину, за которую Авеста опредѣляетъ наказаніе ²⁾. По этимъ причинамъ, законодатель раздѣляетъ договоры на шесть классовъ, принимая въ основаніе дѣленія способъ совершенія ихъ. Первый классъ—договоры словесные. Затѣмъ, присяга и договоры, совершаемые посредствомъ рукопожатія. Другіе договоры заключающіеся посредствомъ выдачи залога, который состоитъ изъ барана, быка, человѣка или земли. Въ третьемъ классѣ, стоимость залога можетъ доходить до 3 истировъ (истиръ или статеръ = $\frac{1}{4}$ драхмы). Въ четвертомъ классѣ, тахітум цѣны—12 истировъ. Она возвышается до 500 истировъ въ пятомъ классѣ, а выше этой цифры договоръ причисляется къ шестому классу. Кто не исполнитъ своей обязанности по договору, тотъ долженъ заплатить, въ видѣ наказанія, стоимость договора того класса, который непосредственно слѣдуетъ за классомъ нарушеннаго договора ³⁾. Семья и родные договаривающихся сторонъ обезпечиваютъ исполненіе. Клятва именемъ Митры также употреблялась въ качествѣ обезпеченія договора.

Подобную же градацію соблюдаетъ законъ и относительно нападенія на человѣка. Это преступленіе обнимаетъ собою семь различныхъ моментовъ: взяться за оружіе, размахивать имъ, ударить, ранить, пролить кровь, сломать кость и лишить чувствъ. Каждое изъ этихъ семи дѣйствій Авеста наказываетъ извѣстнымъ числомъ ударовъ кнута, отъ 5 до 90. Въ случаѣ повторенія преступленія, наказаніе удваивается. Ударъ кнута можетъ быть выкупленъ шестью драхмами. Говорится ли въ этихъ текстахъ о настоящихъ уголовныхъ карахъ или же о простыхъ исправительныхъ наказаніяхъ ⁴⁾?

¹⁾ Геродотъ, I, 138.

²⁾ *Avesta*, IV.

³⁾ Глосса прибавляетъ, что одна просьба объ отсрочкѣ платежа уже считалась нарушеніемъ договора. Кто имѣетъ средства для уплаты и не платитъ разсматривается, какъ воръ. См. Шпигель, т. III, стр. 687.

⁴⁾ По мнѣнію Шпигеля и Гейгера (стр. 456), дѣло идетъ объ ударахъ, даваемыхъ нечистымъ животнымъ и составляющихъ родъ искупленія.

Второе—правдоподобіе. Различіе между тѣми и другими наказаніями, установленное въ Авестѣ, имѣетъ вполне архаическій характеръ и почти буквально повторяется въ исландскомъ кодексѣ.

Авеста видитъ въ судѣ Божіемъ проявленіе истины. Упоминаемая ею ордалія состоитъ въ томъ, что подсудимаго погружаютъ въ воду и держатъ тамъ въ продолженіе опредѣленнаго времени, а также въ томъ, что его заставляютъ вынуть изъ кипятка золотое кольцо ¹⁾. Существуютъ еще слѣды ордаліи огня ²⁾.

Съ трудомъ мы находимъ въ Авестѣ упоминаніе о бракѣ. Видно только то, что допускалось многоженство и разрѣшенъ былъ бракъ между братьями и сестрами ³⁾.

Наконецъ, Авеста явно признаетъ право мести. Она позволяетъ получить цѣну крови, если послѣднюю предлагаетъ Маздеецъ ⁴⁾.

Собравши справки по священнымъ книгамъ, обратимся теперь къ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, находящимся у греческихъ и римскихъ писателей и въ національномъ иранскомъ преданіи.

Мы не намѣрены описывать управленіе персовъ. Достаточно въ этомъ отношеніи сказать, что Персіею управляла, такъ сказать, феодальная аристократія, съ деспотизмомъ во главѣ. Феодальная связь, очень крѣпкая при Ахеменидахъ, стала ослабѣвать въ царствованіе Арсакидовъ. Паряе, въ то время господствовавшіе въ Персіи, не были, можетъ быть, на столько сильными, чтобы хозяйничать тамъ, но, какъ только Персы свергли съ себя парянское иго, новая династія, Сассаниды, оказалась въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ и сумѣла держать своихъ великихъ вассаловъ въ тѣсной зависимости отъ себя ⁵⁾.

Населеніе дѣлилось на четыре класса—маговъ (мобеды), благородныхъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ ⁶⁾. Преданіе доводитъ это дѣленіе до Зороастра, но граница, отдѣлявшая различные классы, не была какъ въ Индіи, непереступаема. Авестѣ незнакомы касты. Мелкое дворянство, *dihkans*, или собственники, жившіе въ своихъ имѣніяхъ, составляли нервъ народа. Ниже ихъ стояли земле-

¹⁾ Pictet, *Les origines indo-européennes*, 2-e éd., III, 178.

²⁾ Geiger, 461.

³⁾ Avesta, 12—9, 3—3. Geiger, 451.

⁴⁾ См. мѣста, на которыя ссылается Гейгеръ, 451.

⁵⁾ Noeldeke, 437, *Einiges über die inneren Verhältnisse der Sasaniden*.

⁶⁾ Tabari (Zotenberg), t. II, 223. Firdousi, t. I, p. 50.

дѣльцы, находившіеся какъ бы въ крѣпостномъ состояніи. Наконецъ, существовало большое число рабовъ, которые вербовались или изъ плѣнниковъ, или изъ неоплатныхъ должниковъ и бѣдныхъ ¹⁾, не бывшихъ въ состояніи уплатить подушную подать. Кажется даже, что отпускъ раба на волю былъ запрещенъ закономъ ²⁾. Всякій помѣщикъ обязанъ былъ военною службой и шелъ во главѣ контингента своего округа, но, кажется, онъ не имѣлъ вотчинной юрисдикціи. Судьи считались высокими чиновниками; они были людьми испытанныхъ способностей ³⁾ и, по всей вѣроятности, выбирались изъ *moheds*. Они дѣлали объѣзды, имѣли засѣданія и отсылали важнѣйшія дѣла на разрѣшеніе царя ⁴⁾.

Семья имѣла у персовъ такое же устройство, какъ и у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Отъ Геродота мы знаемъ, что персы дѣлились на десять трибъ неравнаго достоинства и что каждая триба соединяла въ себѣ опредѣленное число *gentes*, а каждая *gens* приурочена была къ предку эпониму ⁵⁾. Наконецъ, *gens* слагалась изъ нѣсколькихъ домовъ, хозяева которыхъ имѣли большую власть надъ своими сожителями. Власть отца семейства, въ Персіи, надъ женою и дѣтьми Аристотель называетъ тиранническою ⁶⁾. Сейчасъ мы увидимъ, что эта власть вмѣщала въ себѣ право на жизнь и смерть и простиралась даже на братьевъ и сестеръ, не состоящихъ въ бракѣ, т. е. не отдѣлившихся отъ дома. Несмотря на такую зависимость, жена занимала почетное положеніе въ семьѣ, и хотя многоженство допускалось, тѣмъ не менѣе существовала только одна законная жена. Въ персидскомъ законѣ мы до сихъ поръ не видимъ ничего такого, что бы не встрѣчалось въ другихъ мѣстахъ. Однако, есть оригинальная черта, которою этотъ законъ рѣзко отличается отъ всѣхъ законовъ нашей расы. Онъ не только не запрещаетъ кровосмѣшенія, но одобряетъ его и благопріятствуетъ ему, даже между братьями и сестрами, между восходящими и нисходящими. Напрасно пробовали спорить противъ этого факта, или старались по крайней мѣрѣ уменьшить его значеніе. Онъ засвидѣ-

¹⁾ Rabbinoicz, t. III, 321.

²⁾ Justin, *Hist.*, XLIV.

³⁾ Амміанъ Марцеллинъ, *Hist.* XXIII, 6.

⁴⁾ Elie, *Var hist.* I, 34.

⁵⁾ Геродотъ, I, 125.

⁶⁾ Aristote, *Eth. Nicom.*, VIII, 10. Книга Эскупъ, I.

тельствованъ единогласно многими греческими и римскими писателями ¹⁾ всѣхъ эпохъ, повторенъ арабскими авторами и признанъ даже персидскими историками ²⁾).

Жена покупалась будущимъ мужемъ ³⁾, но это не значитъ, что она становилась рабою его. Извѣстно, что въ первобытныя времена бракъ вездѣ совершался въ формѣ продажи. Указываетъ ли эта форма на уступку правъ, со стороны отца невѣсты, или на вознагражденіе семьи за увозъ дѣвушки? Или же скорѣе не было ли это средствомъ, придуманнымъ для того, чтобы связать обѣ стороны, такъ какъ въ эпоху, къ которой относится обычай покупки жены, еще не понимали, что для завершенія договора достаточно одного соглашенія? Разслѣдовать эти вопросы здѣсь мы не въ состояніи.

Дѣвушка, выходя замужъ, приносила съ собою приданое, назначаемое ей отцомъ или тѣмъ изъ родныхъ, который выдавалъ ее въ замужество. По крайней мѣрѣ, этотъ обычай былъ общимъ. Фирдуси рассказываетъ, какъ необыкновенный случай, что царь Багманъ женился на четырехъ дочеряхъ одного ремесленника, не получивъ за ними никакого приданого ⁴⁾.

Въ книгахъ, изданныхъ послѣ мусульманскаго завоеванія, имѣется еще слѣдъ одного утренняго подарка, который данъ былъ мужемъ женѣ на слѣдующій день послѣ свадьбы и котораго сумма равнялась 1000—2000 серебряныхъ монетъ и двумъ динаріямъ золота ⁵⁾. Обычай этотъ представляется древнимъ и вѣроятность существованія его подтверждается тѣмъ, что персы не считали бракъ состоявшимся, пока онъ не былъ довершенъ сожительствомъ ⁶⁾.

Тутъ являются къ намъ на помощь книги Индійскихъ Парси ⁷⁾. Они различаютъ пять видовъ брака, а именно:

1) *Shâh Zan*, или бракъ съ молодою дѣвушкою, которая становится законною женою;

¹⁾ Напримѣръ: Геродотъ, III, 31; Ктезиасъ, XLIV; Плутархъ, *Артаксерксъ*, XXVI; Филонъ, *De specialibus legibus*, § 3; Агатиасъ, II, 23; Spiegel, t. III, 678, собралъ всѣ факты, подобные упомянутымъ.

²⁾ Tabari (Zotenberg), t. I, 276, 499. Firdousi, t. IV, 427.

³⁾ Tabari (Noeldeke), 163—164.

⁴⁾ Firdousi, t. V.

⁵⁾ Spiegel, t. III, 678.

⁶⁾ Rabbinoicz, t. V, 86.

⁷⁾ Spiegel, t. III, 678 и Bundelesh (West, *Pahlawi texts*, t. I, 142). Geiger, 245.

2) *Yogan Zan*, въ которомъ женщина, выходя замужъ, обѣщается, что ея перворожденный будетъ считаться сыномъ не мужа ея, а его отца или брата, которые умерли, не оставивъ послѣ себя дѣтей мужескаго пола. Она получаетъ тогда часть сына въ наслѣдствѣ его отца и, когда дитя достигнетъ пятнадцатилѣтняго возраста, совершается вновь празднованіе свадьбы;

3) *Satar Zan*, когда то же самое обѣщано въ пользу третьяго, посторонняго лица, за какую-нибудь сумму денегъ;

4) *Çakir Zan*, или бракъ со вдовою;

5) Наконецъ, *Khodask Râi Zan*, или бракъ дѣвушки, выходящей въ замужество противъ воли ея родителей. Этотъ видъ брака, прибавляетъ текстъ, есть худшій изъ браковъ.

Нѣчто подобное встрѣчается въ индусскихъ законахъ. Но отсюда не слѣдуетъ, что сейчасъ приведенный текстъ законовъ Парси былъ только заимствованіемъ позднѣйшаго времени.

Въ четвертомъ видѣ брака (со вдовою), если эта вдова не имѣла дѣтей отъ перваго мужа, половина дѣтей, прижитыхъ ею со вторымъ мужемъ, считаются принадлежащими первому. Чтобы получить обратно дѣтей, отнимаемыхъ у него закономъ, второй мужъ не имѣетъ иного средства, кромѣ усыновленія ихъ. Это правило находится въ Бундегешѣ. Его приписываютъ Зороастру ¹⁾. Можетъ быть, оно относится ко времени, еще болѣе раннему, такъ какъ источникомъ его слѣдуетъ считать первобытную религію, создавшую усыновленіе и левиратъ. Можно видѣть въ немъ послѣдствіе культа умершихъ.

Усыновленіе практиковалось у персовъ постоянно. По Прокопію, оно совершалось въ формѣ чисто военнаго обряда—передачи оружія ²⁾. Между тѣмъ мы видимъ у Табари, что Джузгеръ, царь Истакгра (Персеполисъ) усыновилъ семилѣтняго Ардешира и ввѣрилъ ему управленіе Дарабгердомъ посредствомъ письменнаго акта, на которомъ подписались, въ качествѣ свидѣтелей, жители Истакгра ³⁾. Царскія дѣти обыкновенно поручались вельможамъ, которые брались

¹⁾ Bundelesh, XXXII, 6, перев. Уэста въ *Sacred books of East*, t. V, 142. Ср. той же коллекціи книгу *Saddar*, или 100 предметовъ, гл. 54.

²⁾ Procopius, *De bello persico*, I, 11, οὐ γράμματαί τι βαρβαροὶ τοὺς παῖδας ποιοῦνται, ἀλλ'ὀπλῶν σκεύη.

³⁾ Tabari (Zotenberg), t. II, 68.

воспитывать ихъ до совершенности¹⁾. Нѣкогда этотъ же обычай былъ въ употребленіи на всемъ Скандинавскомъ сѣверѣ. Нерѣдко также у персовъ бывало, что два воина узаконяли другъ друга въ качествѣ братьевъ²⁾, какъ это и до сихъ поръ повторяется у южныхъ славянъ и арабскихъ племенъ.

Намъ очень мало извѣстно о правѣ собственности. Персы не занимались ни промышленностью, ни торговлею и оставили эти промыслы грекамъ и евреямъ³⁾. Взамѣнъ этого, у нихъ процвѣтало земледѣліе, и искусство орошенія полей доведено было до высшей степени. Въ случаѣ необходимости, правительство само исполняло канализаціонныя работы, но, вообще оно, въ дѣлѣ общественныхъ сооруженій, предоставляло инициативу собственникамъ и предпринимателямъ; а въ вознагражденіе уступало имъ, для пользованія въ теченіе пяти поколѣній, земли, на которыхъ устроено было орошеніе⁴⁾. Табари говоритъ о банкѣ земледѣльческаго кредита, который основанъ былъ однимъ изъ послѣднихъ государей Сассанидской династіи⁵⁾.

Положеніе земель, прилегающихъ къ рѣкамъ, подчинилось извѣстнымъ правиламъ. Право прибрежныхъ владѣльцевъ, съ каждой стороны, простиралось до того мѣста рѣки, гдѣ лошадь теряла возможность стать на дно⁶⁾.

Право собственности на недвижимое имѣніе переходило не иначе, какъ по письменному акту⁷⁾; но оно могло быть приобрѣтено по давности, полный срокъ которой равнялся сорока годамъ⁸⁾.

Земля подлежала прямому налогу, который долгое время взимался натурою изъ произведеній ея. Государство получало третью или четвертую часть. При послѣднихъ Сассанидахъ эта система была измѣнена, несомнѣнно изъ подражанія римлянамъ. Сначала произведенъ былъ общій кадастръ, а когда этотъ обширный трудъ

¹⁾ Tabari (Zotenberg), t. II, 108.

²⁾ Ctesias, *Hist. pers.*, c. 8.

³⁾ Не слѣдуетъ, впрочемъ, понимать буквально слова Геродота (I, 153) и за нимъ Страбона (XV), что персы не имѣли рынковъ и не имѣли обычая покупать и продавать.

⁴⁾ Polybius, *Hist.*, X, 28, 3.

⁵⁾ Tabari (Zotenberg), t. I, 283.

⁶⁾ Rabbínovicz, t. III, 443. Tabari (Noeldeke), 149.

⁷⁾ Rabbínovicz, t. IV, 174.

⁸⁾ Rabbínovicz, t. IV, 174.

закончился, то взиманіе налога произведеніями земли въ натурѣ замѣнили сборомъ денежной подати, постоянной и рассчитанной на средній урожай, съ тарифомъ по отдѣльнымъ видамъ культуры. Налогъ требовали по третямъ, черезъ каждые четыре мѣсяца, и необработанныя земли были свободны отъ него. Эта реформа, приписываемая царямъ Кобаду, Кгосру, и Нусширвану, окончена была къ 500 году нашей эры ¹⁾, Она свидѣтельствуешь о существованіи, и въ то же время о крайнемъ раздробленіи индивидуальной собственности. Впрочемъ, какова бы ни была форма налога, бремя его было тяжело, а взиманіе чрезмѣрно строго. При неуплатѣ его, крестьянина изгоняли, а землю его передавали первому встрѣчному, обѣщавшемуся платить налогъ ²⁾.

Для всего, что касается наслѣдованія, у насъ имѣются только справки, относящіяся къ позднѣйшему времени. Онѣ заключаются въ книгѣ парси, изданной въ половинѣ IX вѣка нашей эры, подъ заглавіемъ: *Dadistan i Dinik* и написанной на языкѣ пелеви, употреблявшемся во времена Сассанидовъ ³⁾. Очевидно, однако, что обычаи, упоминаемые въ этой книгѣ, отличаются глубокою древностію и чисто иранскимъ происхожденіемъ; такъ какъ они, сходясь съ великимъ индо-европейскимъ преданіемъ, стоятъ въ противорѣчій съ закономъ Ислама. Видно, что предметами ихъ служили: завѣщаніе, усыновленіе и опека. *Ab intestatu* наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями, незамужними дочерьми и женами. Что касается замужнихъ дочерей, то полученное ими приданое считается эквивалентомъ доли, которая могла бы причитаться имъ изъ наслѣдства. Позволялось распорядиться всѣмъ своимъ имѣніемъ посредствомъ даренія между живыми, но завѣщаніе сохраняетъ силу только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ вѣроятные наслѣдники поименованы были въ немъ и получали какую-нибудь долю. По крайней мѣрѣ, такъ гласить текстъ.

Разсказываютъ, что въ царствованіе Кобада, немного позже учрежденія кадастра, въ Персіи появился религіозный реформаторъ, который проповѣдывалъ раздѣлъ земель и женщинъ по ровну,

¹⁾ Tabari (Zotenberg), t. II, 129, 152 и 223. Фирдуси, t. VI, 167. Tabari (Noeldeke), 241—247.

²⁾ Rabbinovicz, t. III, 121; t. IV, 175.

³⁾ См. англійскій переводъ Уэста, *Sacred books of Orient*, Pahlavi texts, t. II.

то-есть дѣленіе большихъ владѣній и господскихъ гаремовъ. Образовавшаяся изъ этого ученія секта сдѣлала быстрые успѣхи, и пророкъ ея, Маздакъ, скорѣ сталъ настолько могущественнымъ лицомъ, что царь согласился вступить съ нимъ въ заговоръ и предать въ его руки знать, обреченную къ гибели. Этотъ странный порядокъ продолжался нѣсколько лѣтъ, но, наконецъ, привелъ къ реакціи. Сынъ Кобада, Кгосру, при помощи маговъ, изобличилъ мнимаго реформатора въ обманѣ. Секта была уничтожена, семейственныя права восстановлены и имущества возвращены ихъ прежнимъ владѣльцамъ. Это происходило въ 528 году ¹⁾.

Персы, какъ и вообще всѣ восточные народы, придавали большое значеніе письменнымъ доказательствамъ. Подобно евреямъ, они излагали свои сдѣлки въ сложенныхъ и зашитыхъ актахъ съ подписями трехъ свидѣтелей на оборотѣ акта. Какъ и у евреевъ, эти акты влекли за собою понудительное исполненіе и право обращенія взысканія на недвижимое имѣніе, которое должникъ продалъ заднимъ числомъ ²⁾. По учрежденіи кадастра, право на недвижимую собственность могло быть передано только по акту, составленному въ этой формѣ ³⁾. Что касается продажи движимости, то она дѣлалась безспорною не черезъ удержаніе проданной вещи въ рукахъ покупателя, какъ это было у евреевъ, а вслѣдствіе платежа покупной цѣны ⁴⁾. Находка принадлежала царю ⁵⁾.

Замѣчательно по своему, въ высшей степени архаическому, характеру постановленіе, опредѣляющее обязательную силу поручительства. Поручитель долженъ былъ отвѣчать передъ кредиторомъ прежде главнаго должника, сохраняя за собою право обратиться

¹⁾ См. о Маздакѣ и его сектѣ, Нольдеке, въ примѣчаніяхъ къ его переводу Табари, 455—467. Подобная же революція была въ Китаѣ въ XI вѣкѣ. Въ 1069 г., декретъ императора Тшенъ-Тсонга, изданный по наущенію его министра Ванъ-гантъ-ше отмѣнилъ право собственности на земли и ввелъ что-то въ родѣ государственнаго коммунизма. Это учрежденіе, созданное силою и гибельное по своимъ послѣдствіямъ, пало само по себѣ къ концу пятнадцатаго года отъ своего начала.

²⁾ Rabinovicz, t. I, 350; t. IV, 370.

³⁾ Rabinovicz, t. IV, 174. Wünsche, t. II, 2-я часть, 161. До этого времени для установленія права собственности достаточно было владѣнія безъ письменнаго акта.

⁴⁾ Rabinovicz, t. V, 119.

⁵⁾ Wünsche, t. II, 2-я часть, 58--59.

къ послѣднему. Къ тому же, прибавляетъ Талмудъ, поручительство принималось лишь послѣ передачи главнымъ должникомъ залога. Но въ такомъ случаѣ спрашивается, для чего же являлось поручительство? Развѣ не проще было бы прямо передать залогъ кредитору? Совершенно вѣрно; но древніе судили объ этомъ иначе. Вмѣшательство поручителя, посторонняго лица, считалось существеннымъ элементомъ, безъ котораго главное обязательство не могло даже родиться.

У персовъ мы еще находимъ древній обычай, согласно которому кредиторы выдерживали постъ у воротъ должника, не заплатившаго въ срокъ своего долга,—обычай, который, какъ мы уже видѣли, примѣнялся въ Индіи и который снова встрѣтимъ въ Ирландіи. По свидѣтельству Сомнера Мэна ²⁾, этотъ обычай и въ наши дни существуетъ у персовъ. «Въ Персіи, говорили мнѣ, тотъ, кто «рѣшался посредствомъ поста добиться платежа долга, сначала «сѣялъ ячмень у воротъ своего должника и садился посреди зеренъ. Символизмъ этого довольно ясенъ. Кредиторъ своими дѣйствіями выражалъ желаніе оставаться на этомъ мѣстѣ, безъ пищи, «или до тѣхъ поръ, пока ему заплатятъ долгъ, или же до тѣхъ «поръ, когда ячмень взойдетъ и доставить ему хлѣбъ».

Уголовное право основано было на началѣ кровной мести. По этому предмету имѣются вполне точныя данныя, на которыя до сихъ поръ не было обращено достаточнаго вниманія. Въ персидской хроникѣ Табари, царь Минотсшеръ, при вступленіи на престолъ, обращается къ арміи и народу и объясняетъ имъ главные начала управленія: «Если кого-нибудь убьютъ несправедливо, говорить «онъ между прочимъ, то не нужно, чтобы царь миловалъ убійцу «(этого требуютъ истина и справедливость царей), напротивъ, нужно, «чтобы онъ подвергнулъ его наказанію тальона, если только родственники, имѣющіе право кровной мести, не простятъ убійцу» ³⁾. Другой персидскій царь, Парвизъ, одинъ изъ послѣднихъ Сассанидовъ, сказалъ умирая: «кто не убьетъ убійцу его отца, тотъ будетъ незаконнымъ сыномъ» ⁴⁾. Сириецъ Бардезанесъ, свидѣтель очеви-

¹⁾ Rabbinoniez, t. IV, 410.

²⁾ *Études sur l'histoire des institutions primitives*, trad. franç., Paris, 1880, 369.

³⁾ Tabari, t. I, 283 и слѣд.

⁴⁾ Тамъ же, t. II, 345. На каждомъ шагу, въ поэмѣ Фирдуси, упоминается право мести; см., напримѣръ, t. VI, 135 и 143.

дець, жившій во II столѣтїи нашей эры, слова котораго переданы намъ Евсевіемъ, удостовѣряетъ, что то же самое было у парянъ и армянъ. У этихъ народовъ, говоритъ Бардезанесъ, убійцы предавались смерти или судьями, или родственниками убитыхъ. Онъ добавляетъ къ этому, что дозволялось безнаказанно умертвить свою жену, бездѣтнаго брата, незамужнюю сестру, сына, дочь ¹⁾, изъ чего, конечно, вытекаетъ, что главѣ семейства принадлежала какъ бы верховная юрисдикція надъ всѣми, живущими съ нимъ въ одномъ домѣ. Слѣдовательно, члены извѣстной семьи были солидарны въ преслѣдованіи убійцы и въ дѣлѣ кровной мести, а въ случаѣ согласія на миръ они же получали цѣну крови; но, за то, они были солидарны и въ отвѣтственности за убійцу или въ платежѣ пени. По этой причинѣ, когда глава семьи совершалъ государственное преступленіе, то вся семья, вмѣстѣ съ ея главою, подвергалась смертной казни ²⁾.

Между государственными преступленіями важнѣйшими считались измѣна и дезертирство или уклоненіе отъ воинской службы ³⁾. Отпаденіе отъ національной религіи также наказывалось смертью ⁴⁾.

Прочія преступленія противъ государства, а также противъ частныхъ лицъ, карались тѣлесными карами. Виновные присуждались къ лишенію глазъ, руки, ноги; но приговоръ не всегда получалъ буквальное исполненіе и царь могъ изуродованіе замѣнить пожизненною тюрьмою ⁵⁾.

Кража постоянно наказывалась смертію, не взирая на бѣольшую или мѣншую стоимость украденной вещи, а также на то, была она реституирована или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, это удостовѣря-

¹⁾ Eusèbe, *Préparation évangélique*, VI, Παρὰ Παρθοῖς καὶ Ἀρμενίοις οἱ φονεῖς ἀναίρουνται πότε μὲν ὑπὸ τῶν δικαστῶν, πότε δὲ ὑπὸ τῶν συγγενῶν τῶν φονευομένων.

²⁾ Амміанъ Марцеллинъ, XXIII, 6. Aliae (leges), per quas ob noxam unius omnis propinquitas perit. См. Геродота, III, 118, исторію семейства Интафернеса. Право мести во всей своей полнотѣ существуетъ еще у афганцевъ, которые относятся къ иранцамъ, Geiger, 453, и на Кавказѣ.

³⁾ Амміанъ Марцеллинъ, XXIII, 6: Leges apud eos impendio formidatae inter quas diritate exsuperant leges contra ingratos et desertores. Сенека, *De beneficiis*, III, 6: Excepta Medorum gente non est in ulla data adversus ingratum actio.

⁴⁾ Noeldeke, 287.

⁵⁾ Tabari (Noeldeke), 373.

ють еврейскіе раввины. Они прибавляютъ, что, въ отличіе отъ еврейскаго закона, персидскій законъ каралъ даже того, кто обокралъ вора ¹⁾. Однако же, трудно допустить, чтобы столь жестокое наказаніе примѣнялось во всей строгости.

Кровная месть сохранилась въ Персіи до послѣдняго времени. «Вотъ, говоритъ Шарденъ ²⁾, какъ идетъ дѣло, когда кто-нибудь «бываетъ убитъ. Его родные отправляются въ судъ съ ужаснымъ «крикомъ и ведутъ за собою какъ можно больше народу, чтобы «произвести сильнѣйшее впечатлѣніе. Судья спрашиваетъ ихъ: чего «вы хотите? На это они отвѣчаютъ: мы требуемъ соблюденія закона, крови такого-то, который убилъ такого-то, нашего родственника. Судья обязанъ немедленно и положительно обѣщать имъ то, «о чемъ они просятъ. Между тѣмъ, если убійца въ состояніи выкупить свою жизнь, судья позволяетъ вести переговоры съ жалобщиками, которымъ говорятъ: «Это—несчастіе. Обвиняемый, «вслѣдствіе раскаянія, хочетъ остальную жизнь свою провести деревенскомъ или монахомъ. Что вы сдѣлаете изъ крови жалкой собаки, полумертвой отъ горя? Онъ желаетъ отдать все, что у него «есть; онъ предлагаетъ столько-то». Переговоры идутъ одновременно съ семьей убитого и съ судьями. Но когда жалобщики «упорно требуютъ смерти убійцы и удваиваютъ свой крикъ, то «судья тянетъ и откладываетъ, насколько возможно, для того, «чтобы время успокоило ихъ злобу. Такимъ образомъ, въ случаяхъ «убійства, которые бываютъ очень рѣдки, по бѣльшей части отдѣляются деньгами, платя ихъ и роднымъ убитого, и суду; но «когда родные не хотятъ слышать о вознагражденіи, то убійцу выдаютъ имъ».

Самъ персидскій царь напрасно старался спасти одного своего придворнаго, совершившаго убійство, и предлагалъ потерпѣвшимъ такую сумму, какую они пожелаютъ; «но такъ какъ они упорствовали въ требованіи его крови, то имъ отдали убійцу. Жена, мать «и сестра покойнаго пронзили его ударами кинжала и, собравши «его кровь въ вазы, подносили каждую изъ нихъ ко рту, чтобы «уменьшить жажду, которую ничто не могло утолить ³⁾».

¹⁾ Rabbinoicz, t. V, 120.

²⁾ Chardin, *Voyage en Perse*, изд. 1711 г., t. VI, 294.

³⁾ Chardin, *ibid.*, 295.

Доказательствомъ въ дѣлахъ служатъ свидѣтельскія показанія. Вотъ что говорилъ по этому поводу ученый еврей, Р. Рабъ: «Сынъ «Ноэ (язычникъ) могъ быть приговоренъ къ смерти однимъ судьей «на основаніи показанія одного свидѣтеля, даже родственника, и «даже не будучи извѣщенъ о важности преступленія, въ которомъ «его обвиняли. Но онъ не могъ быть осужденъ на основаніи свидѣтельскаго показанія женщины ¹⁾». Это было прямо противоположно израильскому закону. За отсутствіемъ свидѣтелей, судья могъ обратиться къ пыткамъ и даже къ ордалиямъ. Мы уже видѣли, что въ Авестѣ упоминаются ордаліи. То же доказательство встрѣчается и въ героической легендѣ. Молодой Сіавушъ ²⁾, сынъ царя Кауса, обвиняемый своею мачихою Судабегъ, оправдался, перескочивъ верхомъ на лошади черезъ огромную жаровню съ горящими угольями.

При постановленіи рѣшенія обращалось вниманіе на добрые поступки въ прошлой жизни обвиняемаго. Они даже могли, въ извѣстной мѣрѣ, искупить совершенное имъ преступленіе ³⁾.

Персидскіе судьи не мотивировали своихъ рѣшеній ⁴⁾. Они пользовались почти дискреціонною властью и не отступали передъ употребленіемъ тѣлеснаго принужденія. Примѣръ этому разсказанъ въ Талмудѣ ⁵⁾.

Такимъ образомъ, какъ уже сказано въ началѣ нашего обзора, завоеваніе Персіи арабами и обращеніе жителей къ исламу не вполне стерли индивидуальность иранской расы. Даже во время господства Корана, древнее право продолжало существовать въ смыслѣ мѣстнаго обычая. Небольшое число семей, вѣрныхъ религіи Зороастра, оставалось въ Персіи, несмотря на гоненія, которымъ онѣ подвергались. Что касается бѣглецовъ, нашедшихъ убѣжище въ Индіи, то основанная ими колонія не переставала процвѣтать ⁶⁾. Въ настоящее время, въ Бомбей и его окрестностяхъ насчитываютъ до 100-000 Парси. У нихъ нашли рукописи Авесты и дру-

¹⁾ Rabbinoicz, t. V, 85.

²⁾ Firdousi, t. II, 237—241.

³⁾ Геродотъ, I, 137. Сенека, *ad Lucilium*, XI.

⁴⁾ Rabbinoicz, t. IV, 407.

⁵⁾ *Le Talmud de Jérusalem*, trad. Schwab, t. VIII, 225.

⁶⁾ Dosabhai Framjj Karaka, *History of the Parsis*, 2 vol. in-8°, London, 1884.

гихъ книгъ на пелевійскомъ языкѣ, изъ которыхъ многія относятся къ эпохѣ Сассанидовъ ¹⁾. Эти Парси, находясь подъ властію англичанъ, сохранили свои особенные законы, послѣднимъ выраженіемъ которыхъ служатъ два законодательныхъ акта, изданныхъ въ 1865 году высшимъ совѣтомъ Индіи и устанавливающихъ все относящееся къ браку и наслѣдованію *ab intestatu*. Въ этомъ послѣднемъ актѣ допущено право жены на наслѣдство послѣ умершаго мужа, а также дано дочерямъ наслѣдованіе въ цѣломъ составѣ послѣ матери и въ четвертой долѣ послѣ отца.

¹⁾ Три тома пелевійскихъ текстовъ переведены на англійскій языкъ Уэстомъ и составляютъ томы V, XVIII и XXIV коллекціи *Sacred books of the East*. Прочіе переводы изданы Гаугомъ и Уэстомъ и бомбейскимъ ученымъ парси, Пешотаніи.

VI.

Арменія, Грузія и Кавказъ.

На основаніи самыхъ правильныхъ выводовъ можно утверждать, что армянское племя было смѣшаннымъ, вмѣстѣ и семитскимъ, и арійскимъ. Второй изъ этихъ элементовъ поглотилъ первый. Въ настоящее время армянскій языкъ причисляется къ индо-европейскимъ языкамъ. То же слѣдуетъ сказать о грузинскомъ и о нарѣчійхъ нѣкоторыхъ народностей Кавказа, въ особенности же объ осетинскомъ языкѣ. Результаты, къ которымъ пришла филологія, подтверждены изслѣдованіемъ учреждений. Съ этой точки зрѣнія Арменія и страны Кавказа составляютъ, такъ сказать, переходъ, лежащій между Индією и Персією, съ одной стороны, и Европою — съ другой. Можно, стало быть, не обращать вниманія на слѣды семитскихъ нравовъ, существовавшіе еще во время Страбона въ извѣстныхъ частяхъ Арменіи ¹⁾. Элементъ ассирійскій или вавилонскій вполне исчезъ. Преобладающимъ сталъ элементъ арійскій. Поочередно подвластная римлянамъ, парянамъ или персамъ, Арменія безповоротно вошла въ великій потокъ нашей цивилизаціи.

Наиболѣе древнее изъ свѣдѣній, которыя мы имѣемъ относительно армянскаго законодательства, принадлежитъ сирійцу Бардезанесу ²⁾. Подобно парянамъ, армяне, еще во второмъ столѣтіи нашей эры, употребляли частную мечь. Бардезанесъ именно говорить, что убійцы были наказываемы или судьями, или родствен-

¹⁾ По Страбону (XI, XIV, XVI), армяне заимствовали у вавилонянъ обычай отдавать дочерей, прежде замужества, для разврата въ храмъ богини Анаитъ.

²⁾ Бардезанесъ, на котораго ссылается Евсевій, *Préparation évangélique*, VI, X. Въ Арменіи, какъ и въ Персіи, вся семья несла солидарную отвѣтственность за преступленіе, совершенное членомъ этой семьи. См. хронику Агаангела, гл. II, въ *Historiens de l'Arménie*, изданную Викторомъ Ланглуа, Paris, Didot, 1872.

никами убитого. Онъ прибавляетъ, что дозволялось безнаказанно убивать жену, бездѣтнаго брата, незамужнюю сестру, сына или дочь, изъ чего слѣдуетъ, конечно, заключить, что отецъ семейства пользовался верховною юрисдикціею надъ всѣми лицами, живущими съ нимъ и входящими въ составъ его семьи. Кровная месть и патриархальное устройство семьи—основныя начала армянскаго права, и мы найдемъ ихъ въ законодательныхъ памятникахъ.

Войдя въ соприкосновеніе съ пареянами, римляне поняли военное значеніе Арменіи и не щадили никакихъ усилій для того, чтобы сдѣлать свое вліяніе господствующимъ въ ней. Обращеніе армянъ къ христіанству было, въ этомъ смыслѣ, рѣшительнымъ событіемъ. Постоянно оспариваемая персами, Арменія, однако, все болѣе и болѣе склонялась къ Константинополю. Въ началѣ VI вѣка она составляла часть Греческой Имперіи и Юстиніанъ далъ ей законы. Въ 535 году онъ издалъ эдиктъ о правѣ наслѣдованія въ Арменіи ¹⁾, а въ слѣдующемъ 536 году подчинилъ всѣхъ армянъ Римскому праву ²⁾. Оба эти законодательные памятника имѣютъ очень важное значеніе не столько по отношенію къ тому, что они вводятъ новаго, сколько по отношенію къ тому, что они отмѣняютъ изъ стараго. Сверхъ того, возбуждаемый ими интересъ увеличивается тѣмъ, что они содержатъ въ себѣ описаніе отмѣненныхъ законовъ или обычаевъ.

Эдиктъ 535 года гласитъ, что до сего времени армяне слѣдовали національному обычаю, согласно которому однимъ сыновьямъ принадлежало право наслѣдованія въ отцовскомъ имѣніи; дочери же совсѣмъ были устранены отъ наслѣдства, съ тѣмъ, однако же, дополненіемъ, что дочери или ихъ дѣти могутъ получить наслѣдство по завѣщанію. Юстиніанъ распорядился, чтобы на будущее время всѣ наслѣдства были передаваемы и дѣлимы по римскому закону и чтобы дочери получали наравнѣ съ сыновьями, даже въ особомъ родѣ имущества, которыя онъ называетъ *χωρία γενηαρχικά*. На самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ того, что слѣдуетъ разумѣть подъ этимъ выраженіемъ, такъ какъ Юстиніанъ не далъ ему опредѣленія. Можетъ быть, это было родовое имѣніе семьи. Эдиктъ имѣетъ даже обратное дѣйствіе. Онъ долженъ быть примѣненъ ко всѣмъ

¹⁾ Это третій эдиктъ Юстиніана: *De Armeniorum Successione*.

²⁾ Это XXI новелла Юстиніана: *De Armeniis, ut et illi per omnia Romanorum leges sequantur*.

наслѣдствамъ, еще не раздѣленнымъ, но которыя открылись въ Арменіи со времени вступленія на престолъ Юстиніана, то-есть съ 527 года.

XXI новелла, вышедшая въ 536 году, подтверждаетъ эдиктъ, но отмѣняетъ его обратное дѣйствіе, о которомъ сейчасъ было сказано. Новый законъ имѣетъ силу только на будущее время. Предисловіе содержитъ въ себѣ нѣкоторыя подробности относительно древняго обычая, о которыхъ въ эдиктѣ ничего не говорится. По словамъ эдикта, обычай устранялъ дочерей отъ наслѣдства, оставшагося послѣ восходящаго родственника. Новелла поясняетъ, что устраненіе женщинъ примѣнялось ко всѣмъ наслѣдованіямъ безъ исключенія, въ особенности же къ наслѣдованію послѣ братьевъ и другихъ боковыхъ родственниковъ ¹⁾. Сверхъ того, изъ новеллы мы узнаемъ, что въ Арменіи женщины не получали, въ моментъ свадьбы, никакого приданого и что онѣ были покупаемы женихами ²⁾. Таковы извѣстныя намъ учрежденія, относящіяся къ первобытному праву, и къ тому же Юстиніанъ удостовѣряетъ, что эти учрежденія были общими для многихъ варварскихъ народовъ ³⁾.

Эдикты Юстиніана не остались мертвою буквой. Въ продолженіи среднихъ вѣковъ, и особенно въ царствованіе Багратидовъ (съ IX до XI столѣтія), византійское законодательство, гражданское и каноническое, примѣнялось въ Арменіи, хотя и было болѣе или менѣе измѣнено мѣстными обычаями. Армянскіе цари такъ же издавали эдикты. Такъ, царь Іоаннъ Семпадъ (1020—1042) запретилъ открывать въ праздничные дни базары въ армянской столицѣ. Этотъ эдиктъ, котораго подлинникъ утраченъ, сохранился въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ для армянской колоніи въ Польшѣ.

Къ концу XII вѣка составлены были для Малой и Великой Арменій новые законодательные сборники. Въ Малой Арменіи, т. е. въ Киликіи, гдѣ основалось армянское царство, въ правленіе рупенійской династіи, святой Нерсесъ Ламброкъ, епископъ Тарскій,

¹⁾ Μη κατὰ τὸ βαρβαρικὸν ἔθος ἀνδρῶν μὲν εἶναι τὰς διαδοχὰς τῶν τε γονέων, τῶν τε ἀδελφῶν, τοῦ τε ἄλλου γένους, γυναικῶν δὲ οὐκ ἔτι.

²⁾ Μηδὲ χωρὶς προικὸς αὐτὰς εἰς ἀνδρὸς φοιτᾶν, μηδὲ ἀγοράζεσθαι παρὰ τῶν συνοικεῖν μελοντῶν.

³⁾ Οὐκ αὐτῶν μόνων ταῦτα ἀγριώτερον δοξασάντων, ἀλλὰ καὶ ἑτέριον ἔθνων οὗτος ἀτιμασάντων τὴν φύσιν, καὶ τὸ θῆλυ περιυβρισάντων.

дополнилъ прежній сборникъ византійскихъ законовъ и прибавилъ къ нему нѣкоторыя постановленія, взятые изъ латинскаго ритуала. Эта книга, написанная въ 1184 году, не была напечатана.

Въ томъ же году (1184) аббатъ монастыря Кедига, докторъ Мекгитаръ, по прозванію Кохъ, представилъ царю Вакгтангу сборникъ, составленный имъ для Великой Арменіи, подъ заглавіемъ *Книга процессовъ или рѣшеній*. Этотъ трудъ быстро распространился и получилъ силу закона во всей Арменіи. Ему не переставали слѣдовать и послѣ завоеванія страны татарами, а затѣмъ турками. Рукописи этого сборника многочисленны и встрѣчаются даже въ Національной библіотекѣ въ Парижѣ. Между тѣмъ онъ оставался неизданнымъ до послѣдняго времени. Только въ 1880 году напечатано было первое изданіе его, въ Эчміадзинѣ, заботами архимандрита Вагана Бастаміанца.

Въ 1265 году сборникъ Мекгитара Коха введенъ былъ въ Малой Арменіи, съ нѣкоторыми передѣлками, начальникомъ конницы Семпадомъ. Но царство Малой Арменіи, начиная съ Крестовыхъ походовъ, получило устройство по образцу западныхъ государствъ. Это было феодальное царство. Семпадъ сознавалъ необходимость дополнить кодексъ Мекгитара закономъ, лучше приспособленнымъ къ обстоятельствамъ. Онъ приказалъ перевести по-армянски Ассизы вольнаго Антіохійскаго царства. Подлинникъ этихъ Ассизовъ утраченъ, но армянскій переводъ, къ счастью, сохранился и былъ изданъ венеціанскими Мекгитаристами въ 1876 г. ¹⁾, съ французскимъ переводомъ.

Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о кодексѣ Мекгитара. Во французскомъ переводѣ онъ не существуетъ, и потому мы вынуждены отказаться отъ полнаго разбора его. Мы можемъ однако составить себѣ приблизительное понятіе о немъ. Въ дѣйствительности, большая часть этого сборника переведена была въ XVIII вѣкѣ на грузинскій языкъ и обнародована въ Тифлисѣ въ видѣ приложения къ кодексу царя Вакгтанга, котораго русскій переводъ изданъ въ 1886 году. Части, помѣщенные въ этомъ приложеніи и заимствованныя изъ сборника Мекгитара, суть слѣдующія:

1) Выборка изъ Моисеевыхъ законовъ, взятая изъ Второзаконія, въ 67 статьяхъ.

¹⁾ Часть излагаемыхъ здѣсь свѣдѣній мы заимствуемъ изъ перевода, помѣщеннаго въ началѣ этой книги ученымъ издателемъ.

2) Выборка изъ греческихъ законовъ въ 420 статьяхъ, взятая изъ Конституцій византійскихъ императоровъ, въ томъ числѣ Льва Мудраго, Константина Порфиророднаго, Никифора и Мануила Комнени (послѣдній умеръ въ 1180 г.), изъ канонівъ греческой перкви, особенно же изъ актовъ шестого вселенскаго Собора и изъ Апостольскихъ Постановленій, равно изъ Писаній Св. Отцовъ, преимущественно святого Григорія Чудотворца ¹⁾. Это—не переводъ какого-нибудь греческаго кодекса, въ родѣ, напримѣръ, кодексовъ: *Ecloga*, *Epanagoge* или *Epitome*, а составленная въ Арменіи компиляція изъ греческихъ законовъ, приспособленныхъ къ странѣ и обстоятельствамъ. Такъ, въ ней нѣсколько разъ говорится о татарахъ. Грузинскій переводъ заключаетъ въ себѣ, впрочемъ, вставки, въ особенности въ 371 статьѣ, излагающей права двухъ царей, управлявшихъ Грузіею.

3) Наконецъ, сборникъ Римскаго права въ 150 статьяхъ. Эта книга представляетъ не что другое, какъ армянскій переводъ книги сиророманскихъ законовъ, которая, повидимому, составлена около 480 года нашей эры для руководства духовныхъ судовъ Востока. Сирійскій текстъ этой послѣдней книги издали, въ 1880 году, Брунсъ и Захау, съ переложеніями: арабскимъ и сокращеннымъ армянскимъ. Ученые издатели высказали догадку, что армянскій переводъ этой книги могъ быть сдѣланъ Мекгитаромъ Кохомъ. Варшавскій сенаторъ Губе, самъ видѣвшій полную рукопись законодательнаго сборника Мекгитара, превратилъ эту догадку въ положительный фактъ ²⁾.

Сборникъ Римскаго права состоитъ изъ статей, относящихся къ каноническому праву и къ договорамъ гражданскаго права. Эти постановленія почерпнуты изъ византійскихъ источниковъ и нерѣдко представляютъ излишнее повтореніе сборника греческихъ законовъ. Между прочимъ, нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ мѣстнаго обычнаго права. Другія, какъ признаетъ самъ авторъ, принадлежатъ ему. Но то, что можно бы назвать оригинальнымъ въ трудѣ Мекгитара Коха, сводится, конечно, къ очень немногому. Теперь, когда этотъ трудъ напечатанъ, его въ состояніи будутъ изучить лица, владѣющія армянскимъ языкомъ и можно будетъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о св. Григоріи Неокесарійскомъ.

(Прим. перев.)

²⁾ См. статью, напечатанную Губе, въ 1883 году, въ *Zeitschrift der Savigny-Stiftung*, t. III, 17.

окончательно разобраться въ этомъ вопросѣ, не лишенномъ интереса для исторіи права ¹⁾).

Если древніе національные обычаи исчезли въ Арменіи подѣ двойнымъ вліяніемъ каноническаго и греко-римскаго гражданскаго права, то нельзя того же сказать о странѣ, лежащей къ сѣверу отъ собственно такъ называемой Арменіи до подошвы Кавказа. Это—Грузія, болѣе извѣстная подѣ именемъ Георгіи, въ которой столицею служитъ значительный городъ Тифлисъ. Подобно армянамъ, грузины принадлежатъ къ индо-европейской расѣ. Они говорятъ на другомъ языкѣ и имѣютъ особенную азбуку; учрежденія же ихъ представляются схожими съ учрежденіями ихъ южныхъ сосѣдей. Но, между тѣмъ какъ Арменія постоянно подпадала подѣ чужое вліяніе или господство, Георгія сохранила независимость, находясь подѣ управленіемъ національной династіи, до начала XIX столѣтія. Сдѣлавшись русскою провинціей, она и теперь еще управляется своимъ древнимъ закономъ, котораго часть осталась въ силѣ.

Послѣдняя редакція этого закона сдѣлана была въ 1723 году по приказанію царя Вактанга. Но существуютъ прежнія редакціи, которыя доходятъ до XIV вѣка и которыя Вактангъ присоединилъ къ своему кодексу, въ видѣ прибавленія. Другое, не менѣе важное, прибавленіе состоитъ изъ болѣе части сборника Мекгитара Коха, переведенной на грузинскій языкъ. Кодексъ переведенъ на русскій языкъ въ 1840 году, для судебныхъ мѣстъ и администраціи. Къ несчастію, этотъ переводъ, не заключавшій въ себѣ всѣхъ прибавленій, никогда не былъ въ продажѣ. Нѣмецкій путешественникъ, баронъ Гакстгаузенъ, добылъ себѣ экземпляръ его, по которому сдѣлалъ довольно пространный анализъ грузинскаго кодекса въ сочиненіи, озаглавленномъ *Закавказье* и изданномъ въ Лейпцигѣ въ 1856 году. Въ настоящее время уже легче заняться изслѣдованіемъ этого памятника. Полный переводъ, на русскомъ

¹⁾ Книга Мекгитара Коха распространена была даже внѣ Арменіи, во всѣхъ армянскихъ колоніяхъ. По Губе, нѣкоторыя постановленія ея находятся въ привилегіи, пожалованной армянамъ города Лемберга польскимъ королемъ Сигизмундомъ въ 1519 г. Эта привилегія есть кодексъ въ 124 главы. См. Bischoff, *Das alte Recht der Armenier in Lemberg*, Wien, 1862. Колеръ сдѣлалъ полный разборъ ея въ *Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft*, т. VII, (1887).

языкъ, кодекса Вактанга со всѣми его прибавленіями сдѣланъ въ Тифлисѣ адвокатомъ Френкелемъ и помѣщенъ въ *Юридическомъ Обозрѣніи Кавказа* (1886) ¹⁾.

Древнѣйшая редакція грузинскаго закона принадлежитъ царю Георгію, царствовавшему 1318—1346 г. Это—тарифъ композицій въ 46 статьяхъ. Предусмотрѣнныя здѣсь преступленія четырехъ родовъ: убійство, обида, похищеніе женщины и кража. Убійца изгонялся изъ страны на два или на три года, смотря по обстоятельствамъ, имѣніе его подвергалось конфискаціи, но, по возвращеніи, опять отдавалось ему. Во всякомъ случаѣ, онъ платилъ цѣну крови, которая опредѣлена была для средняго класса въ 6000 серебряныхъ монетъ (300 рублей), для высшаго класса въ 18.000 и для крестьянъ въ 1500 или 1200. Искъ о цѣнѣ крови принадлежитъ родственникамъ жертвы, но съ тою разницей, что вознагражденіе могло быть уменьшено на половину, если истецъ оставилъ домъ жертвы съ цѣлію завести отдѣльное хозяйство. Постановленіе это замѣчательно тѣмъ, что оно свидѣтельствуетъ объ общественномъ устройствѣ, основанномъ на семейной общинѣ и, хотя это учрежденіе было всеобщимъ, но оно оставило мало слѣдовъ въ писанныхъ законахъ.

Обиды, въ томъ числѣ удары, пораненія и увѣчья, наказывались штрафомъ, который насчитывался по цѣнѣ крови: треть за руку, четверть за глазъ, половина за оба глаза, обѣ руки или обѣ ноги, шестая часть за большой палецъ, девятая часть за другіе пальцы. Что касается ранъ, то опредѣлена пятая часть въ томъ случаѣ, если онѣ оставляютъ неизгладимый слѣдъ. За рану, которая замѣтна, но не производитъ безобразія, полагается штрафъ втрое противъ цѣны простой словесной обиды. Удары и пораненія на частяхъ тѣла, покрытыхъ одеждою, оплачиваются, какъ простая обида, по крайней мѣрѣ тогда, когда владѣніе членами осталось ненарушеннымъ. За клыки и коренные зубы одна и та же цѣна, а за рѣзцы—вдвойнѣ. Такса словесной обиды опредѣлена въ 300 серебряныхъ монетъ для высшаго класса, 150 для средняго и 30 для крестьянъ. Сверхъ штрафа, обидчикъ вообще обязанъ оплатить расходы на лѣченіе.

¹⁾ Перепечатано въ особый томъ подъ заглавіемъ: *Сборникъ законовъ грузинскаго царя Вактанга*, Френкеля и Бокрадзе, Тифлисъ, 1887.

Похищеніе женщины имѣть то же послѣдствіе, какъ убійство, то-есть вражду между двумя семьями. Эта вражда тянется до тѣхъ поръ, пока онѣ не согласятся—одна получить, а другая уплатить—вознагражденіе, равное цѣнѣ крови, если согласіе имѣло мѣсто въ томъ же году и—половинѣ цѣны крови, если согласіе послѣдовало болѣе, чѣмъ черезъ годъ. Цѣна ограничивается половиною, когда не произведено посягательства на женщину, и шестою частью, если похищенная женщина была хотя не замужнею, но помолвленной. Женщина, оставленная мужемъ безъ законной причины, имѣть право на половину цѣны крови.

Изъ кражъ закономъ предусмтрѣна лишь кража лошадей и скота. Она бываетъ съ поличнымъ и безъ поличнаго. Въ первомъ случаѣ, потерпѣвшій преслѣдуетъ вора и, если настигнетъ и убьетъ его, то не обязанъ платить цѣну крови. Что касается второй кражи, то по ней дозволяется только искъ въ судѣ о реституціи въ тройномъ размѣрѣ стоимости украденнаго. Обвиняемый въ кражѣ обязанъ явиться въ судъ по вызову. Если онъ скрывается, то его противникъ можетъ преслѣдовать и убить его безнаказанно.

Въ итогѣ, законъ признаетъ, во всѣхъ случаяхъ, право частной мести. Судьи только служатъ посредниками, обязанными сдѣлать попытку къ примиренію. Это—первобытное уголовное право со всѣми особенностями, присущими народамъ арійскаго происхожденія. Рядомъ съ этими постановленіями мы встрѣчаемъ лишь два правила, касающіяся гражданскаго права. Одно дозволяетъ отцу свободно располагать благопріобрѣтеннымъ имуществомъ, когда онъ становится старъ и немощенъ и когда сынъ его, владѣющій родовымъ ¹⁾ имуществомъ, отказывается кормить его. Другое правило гласитъ, что нарощіе на капиталъ проценты никогда не должны превышать 20 на 100, какъ бы долго ни находился капиталъ въ пользованіи.

Сверхъ закона царя Георгія, въ *Corpus juris Georgici* находятся два закона, изданные спеціально для провинціи Ахалцыхъ, составлявшей лень Грузіи. Первый законъ, въ 66 статьяхъ, исходитъ отъ князя Бека, царствовавшего 1361—1391 г.; авторъ второго закона—князь Азбугъ, управлявшій тою провинціею 1444—1451 г. Любопытно сравнить эти новыя редакціи грузинскаго закона съ

¹⁾ См. примѣч. на стр. 11-ой.

(Прим. перев.)

первоначальнымъ текстомъ его. Цѣна крови удваивается для свободныхъ классовъ населенія; она состоитъ изъ 40.000, 20.000 или 10.000 серебряныхъ монетъ, смотря по обстоятельствамъ, и ограничивается 400 монетами для крѣпостного человѣка. Законная цифра также удваивается, если для совершенія преступленія употреблена была засада. Она уменьшается до половины, если не произошло смертнаго случая. Когда цѣна крови не уплачена, то вступаетъ въ свои права месть, но она должна быть остановлена при появленіи священника, несущаго образъ Божіей Матери.

Предписываемое закономъ Георгія изгнаніе изъ страны было не столько наказаніемъ, сколько полицейскою мѣрой. Новая редакція говоритъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, налагаемыхъ отъ имени общества. Виновные въ преступленіяхъ противъ государства или противъ религіи наказываются ослѣпленіемъ. То же и для конокрадовъ. Прелюбодѣяніе присуждается къ публичному бичеванію. Доказывать преступленія можно или свидѣтелями, или соприсяжниками.

Законъ наказываетъ еще много преступленій, какъ, на примѣръ, оскверненіе святыни, угрозы, разрытіе могилъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ штрафъ насчитывается по цѣнѣ, слѣдующей за убійство двухъ лицъ, высшаго званія, чѣмъ званіе лежащаго въ гробу покойника.

Стороны въ правѣ помириться на вознагражденіи, меньшемъ противъ законной таксы. Онѣ могутъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ замѣнить штрафъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Въ такомъ случаѣ виновный, будучи обнаженъ до пояса, становится на колѣни, а потерпѣвшій отступаетъ на семь шаговъ и даетъ ему сзади три удара кнута по плечамъ.

Вмѣстѣ съ постановленіями уголовнаго характера, новая редакція грузинскаго закона содержитъ въ себѣ постановленія гражданскаго права. Она говоритъ объ естественныхъ дѣтяхъ и объ усыновленіи. Мужъ можетъ разойтись съ женою по законнымъ причинамъ, но жена, оставляющая мужа, обязана заплатить ему штрафъ, равный половинѣ цѣны крови. Наконецъ, новый законъ старается упорядочить положеніе крѣпостныхъ. Бѣглый крѣпостной можетъ быть возвращенъ въ продолженіе 7 лѣтъ и даже въ продолженіе 30 лѣтъ, если онъ скрылся въ страну неизвѣстную или недоступную. Впрочемъ, крѣпостной свободенъ, хотя и прикрѣпленъ къ землѣ. На немъ лежатъ только опредѣленные повинно-

сти, и если между нимъ и господиномъ поднимается споръ, то послѣдній разбирается третейскимъ судомъ.

Третій текстъ, заключающійся въ сборникѣ Вакгтанга, представляетъ уголовный законъ въ 23 статьи, который въ 1605 году обнародовалъ *Catholicos*, или патріархъ Грузіи. Этотъ законъ перечисляетъ преступленія, наказываемыя смертію или ссылкой. Система наказанія, налагаемаго отъ имени общества, окончательно преобладаетъ надъ первобытною системою частной мести.

Наконецъ, мы приступаемъ къ собственно такъ называемому кодексу Вакгтанга, обнародованному 15 февраля 1723 года. Онъ слагается изъ 204 статей. Дополненіе въ 63 статьи прибавлено въ теченіе XVIII вѣка. Стало быть, этотъ законъ относится къ позднѣйшему времени, но постановленія, содержащіяся въ немъ, очевидно, восходятъ къ самой отдаленной древности, и это-то противорѣчіе между формою и содержаніемъ дѣлаетъ кодексъ Вакгтанга однимъ изъ интереснѣйшихъ памятниковъ въ исторіи права.

Первый вопросъ, которымъ онъ занимается, есть вопросъ о доказательствахъ. Число ихъ шесть: присяга, каленое желѣзо, кипятокъ, судебный поединокъ, свидѣтельское показаніе и, наконецъ, извѣстный способъ заpirationства, при которомъ обвиняемый заявляетъ, что онъ беретъ на себя всѣ грѣхи противника. Послѣднее доказательство допускается въ дѣлахъ о маловажныхъ кражахъ. Обвиняемый беретъ истца, взваливаетъ его на свои плечи и говоритъ: «пусть твои грѣхи будутъ на мнѣ на послѣднемъ судѣ, и «пусть я буду осужденъ вмѣсто тебя, если я сдѣлалъ то, въ чемъ ты обвиняешь меня»! Присягу принималъ отвѣтчикъ съ опредѣленнымъ числомъ соприсяжниковъ. Количество послѣднихъ измѣнялось, судя по важности дѣла. Половина ихъ избиралась отвѣтчикомъ изъ представленнаго истцомъ списка въ двухъ экземплярахъ. Что касается свидѣтелей, то они не принимаютъ присяги. Достаточно одного или двухъ свидѣтелей для того, чтобы удостовѣрить фактъ, но они должны удовлетворять столькимъ условіямъ честности и безпристрастія, что не легко было представить это доказательство въ томъ видѣ, какъ требовалъ того законъ. При недостаткѣ такихъ совершенныхъ свидѣтелей, ссылались на свидѣтельство десяти или двѣнадцати лицъ или даже цѣлой деревни. Судебный поединокъ происходилъ на конѣ и при каждомъ изъ сражающихся былъ ассистентъ. Но этотъ способъ доказательства, равно какъ ордалии ка-

ленаго желѣза или кипятка, употреблялся только въ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о преступленіяхъ противъ государства или религіи или при обвиненіяхъ въ прелюбодѣянніи.

Потомъ, кодексъ занимается опредѣленіемъ цѣны крови сообразно званію и достоинству лицъ, начиная съ крестьянина, прикрѣпленнаго къ землѣ, и доходя до князя. По древнимъ обычаямъ, эта цѣна заключалась въ извѣстномъ числѣ головъ скота,—60 для простаго крестьянина. Новый законъ опредѣляетъ штрафы золотомъ и серебромъ, но дозволяетъ часть штрафа уплачивать скотомъ, оружіемъ, хозяйственною утварью, въ виду того, говоритъ онъ, что въ Грузіи монета рѣдка. Высшій тарифъ—15.360 рублей серебромъ для первокласснаго князя или архіепископа. Сумма эта ограничивается четырьмя пятыми частями для епископа. Она затѣмъ понижается по классамъ населенія до послѣдняго класса, состоящаго изъ крестьянъ и мелкихъ торговцевъ, для которыхъ достаточно 120 рублей.

За раны, увѣчья и обиды опять-таки существуетъ тарифъ, рассчитанный по классамъ и напоминающій до мельчайшихъ подробностей тарифы предшествовавшихъ законовъ.

Доказательство посредствомъ судебного поединка встрѣчается довольно рѣдко. Судебный поединокъ можетъ происходить только между лицами равнаго званія. Обыкновенно предоставлялось право на рекурсъ къ соприсяжникамъ. Число послѣднихъ измѣнялось отъ двухъ до шестидесяти, смотря по классу, къ которому принадлежалъ обвиняемый.

Законъ ясно говоритъ, что штрафъ не налагается за убійство врага на войнѣ, товарища по нечаянности, въ случаѣ необходимой самообороны, или лица, застигнутаго при совершеніи прелюбодѣяннія или кражи. Но штрафъ удваивается, если для совершенія преступления обвиняемый силою вошелъ въ домъ.

Между восходящими и нисходящими родственниками, а также между братьями и сестрами, законный тарифъ не имѣетъ примѣненія. Тутъ не платится цѣна крови потому, что нѣтъ вражды между двумя семьями, состоящими въ родствѣ, и законъ предоставляетъ Богу или государю наказать виновнаго. Но тарифъ покровительствуетъ крестьянину противъ его господина, и если послѣдній злоупотребляетъ своею властью, то крестьянинъ дѣлается свободнымъ.

Преступленіе, которое римляне называли *plagium* и которое заключалось въ похищеніи свободныхъ людей для продажи въ рабство, уподоблялось убійству. Если оно касалось замужней женщины, то виновный платилъ цѣну крови втрое, т. е. одинъ разъ для родныхъ женщины и два раза мужу ея. Относительно дѣтей законъ дѣлалъ различіе. Если похититель продалъ ихъ православному, то платитъ половину цѣны крови. Если же онъ продалъ ихъ невѣрному, то платитъ цѣну крови одинъ разъ за тѣло, другой разъ за душу.

Второй заголовокъ въ кодексѣ гласитъ: *о раздѣлахъ*. «Нѣкогда,—говоритъ 109 статья,—такъ какъ братья жили нераздѣльно, все «было между ними общее, печаль и радость, прибыль и потеря, «бѣдность и богатство, счастье и несчастіе. Теперь пошло иначе. «Имущества, пріобрѣтенныя однимъ братомъ, не служатъ на пользу «другимъ братьямъ. Если по какой-нибудь причинѣ, на примѣръ, «для уплаты долговъ или цѣны крови, необходимость требуетъ, «чтобы общее имущество было продано, и если одинъ изъ братьевъ «дастъ, изъ своихъ личныхъ средствъ, деньги для уплаты, то «общее имущество становится его собственностью, какъ будто онъ «купилъ его у посторонняго, а другіе братья уже не имѣютъ въ «немъ своей части». Здѣсь мы присутствуемъ при разложеніи древней семейной общины. Новый принципъ состоитъ въ томъ, что никто не обязанъ оставаться въ нераздѣльности. Впрочемъ, законъ говоритъ только о раздѣлѣ между братьями. Предварительно выключаютъ изъ наслѣдственной массы десятую часть въ пользу старшаго брата и главное жилище въ пользу младшаго брата. Еще вычитаютъ десятую часть для того изъ братьевъ, который болѣе трудился въ интересахъ семьи. Остальное дѣлится поровну между всѣми. Отецъ можетъ при жизни дать одному изъ сыновей въ придатокъ свое оружіе или свой скотъ, но, послѣ его смерти, имущество его дѣлится поровну между всѣми сыновьями. Незаконнорожденные дѣти не призываются къ раздѣлу, но ихъ братья по отцу обязаны принять ихъ въ число крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ имѣнію.

Третья глава разсуждаетъ о процентномъ займѣ. До сихъ поръ условные проценты были вообще чрезмѣрны. Не стѣснялись требовать за 120 руб. занятой суммы 100 руб. процентовъ, за полученный въ ссуду хлѣбъ возвращалось втрое, за вино — вчетверо. Ко-

дексъ понижаетъ нормальную таксу до 12 на 100. Однако, тѣ, кто не особенно заботился о спасеніи своей души, могли давать займы по 18, по 24 и даже по 30 р. на 100. Анатоцизмъ былъ безусловно запрещенъ и выросшіе проценты не должны быть требуемы въ суммѣ, превышающей капиталъ.

Взысканіе долга можетъ быть обращено на движимость и на благопріобрѣтенное имущество ¹⁾, а за недостаткомъ ихъ, на личность должника; но помѣщикъ не дозволяетъ касаться при этомъ принадлежащаго семьѣ родового имущества.

Долги отца платятъ сыновья, если они не отреклись отъ наслѣдства. Кто былъ проданъ отцомъ или братомъ, тотъ не можетъ быть преслѣдуемъ за долги продавшаго его. Если у должника есть незамужняя дочь, то изъ отцовскаго имѣнія прежде всего слѣдуетъ оставить неприкосновеннымъ то, что необходимо для содержанія и для приданаго ея.

Кредиторъ, желающій взыскивать, обязанъ предъявить свой долговой документъ и, сверхъ того, для каждой суммы въ 50 рублей представить одного соприсяжника, избираемаго имъ изъ двухъ указанныхъ лицъ. Такимъ образомъ, если онъ взыскиваетъ 1000 руб., то долженъ представить 20 соприсяжниковъ.

Глава о кражѣ состоитъ изъ десяти статей. Украденная вещь реституируется въ семь разъ дороже стоимости ея. Къ тому же, въ одномъ случаѣ, воръ долженъ платить половину цѣны крови. Наконецъ, въ случаѣ рецидива, онъ приговаривается къ отбытію тѣлеснаго наказанія, мѣра котораго опредѣляется судьей. Каждый владѣлецъ украденной вещи обязанъ возвратить ее законному собственнику и указать лицо, отъ котораго онъ получилъ ее.

Въ главахъ о продажѣ и мѣнѣ имѣются только два интересныя постановленія: одно, по которому продажа считается окончательно совершенною, какъ только актъ написанъ въ присутствіи свидѣтелей и покрытъ печатью стороны, хотя и послѣ этого продажа можетъ быть уничтожена по причинѣ убыточности ея; другое постановленіе запрещаетъ давать недвижимое имѣніе въ залогъ для обезпеченія займа. Это запрещеніе, безъ сомнѣнія, обусловливается тѣмъ, что недвижимыя имѣнія считались принадлежащими цѣлой

¹⁾ См. примѣч. на стр. 11-ой.

(Прим. перев.)

семьѣ и, кромѣ того, были обременены извѣстными налогами въ пользу помѣщиковъ.

Начиная съ 168 статьи, постановленія слѣдуютъ въ безпорядкѣ и безъ заголовковъ. Перечислимъ наиболѣе важныя изъ нихъ.

Мужъ въ правѣ отвергнуть жену только по соглашенію съ нею или вслѣдствіе законной причины. Въ случаѣ нарушенія этого за-
прещенія, онъ обязанъ заплатить женѣ цѣну крови. Когда мужъ
страдаетъ безсиліемъ, то бракъ расторгается и жена можетъ всту-
пить въ другой союзъ.

Есть три вещи, говоритъ 169 статья, пользованіе которыми не
можетъ быть запрещено никому въ мірѣ: вода, лѣсъ и трава. Эти
три вещи принадлежатъ царю. Отсюда вытекаютъ, для царя, права—
разрѣшать сооруженіе каналовъ для искусственнаго орошенія, а
также собирать оброки за пастбища и за рубку дровъ въ лѣсу.

Никто не можетъ взять или удержать чужое имущество, а также
прибѣгнуть къ самосуду; иначе онъ платитъ 60 рублей штрафа.
Тѣмъ не менѣе, если, въ спорѣ между двумя лицами изъ разныхъ
семействъ, потерпѣвшая сторона не получаетъ удовлетворенія, на
которое имѣетъ право, то она уполномочивается взять и удержать,
въ качествѣ заложника, сосѣда своего противника или компаньона
его по арендованію земли.

Пять статей (179—183) говорятъ объ охотѣ, устанавливають
правила объ отвѣтственности въ случаѣ какого-нибудь происше-
ствія и рѣшаютъ, кому принадлежитъ убитое животное, когда нѣ-
сколько охотниковъ стрѣляли по немъ въ одно и то же время. При
недостаткѣ доказательствъ и предположеній, старшій изъ охотни-
ковъ по лѣтамъ кладетъ на тѣло животнаго свой лукъ и стрѣлы и
говоритъ: «Да попуститъ Богъ, чтобы я никогда не убилъ ни одного
«животнаго, если это животное было убито чьею-нибудь стрѣлою,
«помимо моей».

Хозяинъ, будучи отвѣтственнымъ за вредъ, причиненный его
скотомъ, можетъ освободиться отъ этой отвѣтственности, выдавши
виновное животное ¹⁾. Впрочемъ, такой оборотъ дѣла умѣстенъ
былъ лишь тогда, когда сосѣди не увѣдомляли хозяина о порокѣ,
которымъ страдаетъ животное, и не требовали принятія, со стороны
хозяина, мѣръ къ предупрежденію несчастнаго случая.

*) См. примѣч. на стр. 56.

(Примѣч. перев.)

Пять послѣднихъ статей кодекса трактуютъ о положеніи крестьянъ, которые свободны и лишь прикрѣплены къ имѣнію. Помѣщикъ даетъ имъ землю и снабжаетъ ихъ всѣмъ необходимымъ для обработки ея, но онъ не можетъ отпускать ихъ отъ себя или дурно обращаться съ ними. Въ свою очередь, крестьянинъ обязанъ передъ помѣщикомъ барщиною и оброками. Если онъ оставляетъ имѣніе и уходитъ къ другому помѣщику, то прежній помѣщикъ въ правѣ, въ теченіе тридцати лѣтъ, требовать его возвращенія. Положеніе крестьянъ, повидимому, не было несчастнымъ. Часто искали этого положенія, какъ милости. «Когда чужой человѣкъ, говоритъ законъ, скажетъ помѣщику: я хочу быть твоимъ крестьяниномъ, тогда онъ принадлежитъ ему, если только не принадлежитъ уже другому помѣщику». Крѣпостная зависимость переходила по наслѣдству и распространялась даже на вдову, причемъ послѣдняя не могла быть принуждаема ко вторичному замужеству. Если судить по тому вниманію, съ которымъ законодатель заботится о распредѣленіи наслѣдствъ, то общее благосостояніе крестьянъ было довольно значительно. Домъ долженъ былъ принадлежать старшему сыну, рига—младшему, соха и сѣбу—лучшему работнику, овцы—пастуху, оружіе и лошадь—солдату. За исключеніемъ этихъ предметовъ, остальное дѣлилось по равнымъ частямъ между всѣми.

Здѣсь кончается кодексъ Вакгтанга. Мы оставляемъ въ сторонѣ 68 дополнительныхъ статей, которыя, съ нашей точки зрѣнія, представляютъ лишь второстепенный интересъ. Какъ бы ни былъ кратокъ анализъ, который сейчасъ сдѣланъ нами, его все-таки достаточно для того, чтобы привлечь вниманіе къ этому законодательному памятнику и, можетъ быть, найдется оріенталистъ, который предприметъ переводъ его на языкъ болѣе распространенный, чѣмъ русскій языкъ. При изученіи законовъ, редакція которыхъ относится къ отдаленнѣйшимъ временамъ, полезно сравнивать съ ними тѣ, которые изданы недавно и которые, однако же, говорятъ тѣмъ же самымъ языкомъ. Разбираемый нами кодексъ XVIII столѣтія наилучшимъ образомъ даетъ понятіе о томъ, каковы были греки временъ Гомера и до Дракона, каковы были римляне въ доисторическое время, галлы—до Цезаря, германцы—въ эпоху нашествій, русскіе—въ правленіе Ярослава и скандинавы—въ XIII столѣтіи.

Но можно сказать еще больше. Писанный законъ всегда касается лишь незначительной части политическихъ и общественныхъ

учрежденій. Наиболѣ важныя стороны послѣднихъ, имѣющія самую тѣсную связь съ жизнію націи, обходятся вообще молчаніемъ. Самое болѣе, если въ писаномъ законѣ дѣлается, отъ времени до времени, упоминаніе о нихъ. За тѣмъ, писанные законы составляются съ цѣлію дать судьямъ необходимыя правила, а не съ цѣлію удовлетворить любознательность будущихъ поколѣній. Но, когда находится такой народъ, который, не облакая своихъ старыхъ обычаевъ въ письменную форму, соблюдаетъ и руководствуется ими и теперь, если, притомъ, эти обычаи безспорно принадлежать отдаленнѣйшей древности, то для того, чтобы вызвать представленіе о прошломъ, ничего не остается, какъ допросить этихъ живыхъ свидѣтелей. Подобный народъ существуетъ. Это—кавказскіе осетины. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вниманіе русскихъ ученыхъ обращено было въ эту сторону и очень кстати, такъ какъ въ одно или два поколѣнія русская цивилизація совершенно измѣнить фізіономію края. Поэтому нужно было спѣшить изученіемъ этого народа, пока онъ сохраняетъ еще послѣдніе слѣды первобытнаго права. Это и было сдѣлано Пфаффомъ, Богишичемъ и Леонтовичемъ. Это же, наконецъ, сдѣлано Ковалевскимъ, изложеніемъ книги котораго мы и займемся ¹⁾.

Народонаселеніе осетинъ составляетъ около 100.000 душъ, живущихъ въ центрѣ и по обоимъ склонамъ Кавказской горной цѣпи. Они говорятъ языкомъ, происходящимъ отъ древняго языка персовъ. Долгое время они исповѣдывали религію Зороастра, какъ это видно изъ остатковъ ихъ кладбищъ, гдѣ трупы, подвѣшенные на сваяхъ для того, чтобы земля не осквернялась прикосновеніемъ ихъ, служили пищею для ястребовъ. Обращеніе ихъ въ христіанскую вѣру произошло въ IV столѣтіи. Въ прошломъ вѣкѣ часть ихъ предалась Исламизму. Страна ихъ находилась въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ Грузіи; но въ началѣ настоящаго вѣка она, вмѣстѣ съ Грузіею, сдѣлалась русскою провинціею. Съ этого времени населеніе начинаетъ распространяться по равнинѣ и прежніе нравы измѣняются. Однако, древнее положеніе вещей существуетъ до сихъ поръ, въ особенности на горѣ. Тамъ нахо-

¹⁾ *Современный обычай и древній законъ*, Максимъ Ковалевскій, профессоръ Московскаго Университета, 2 т. in-8°, Москва, 1886. Къ этому сочиненію слѣдуетъ прибавить интересную статью того же автора и о другомъ Кавказскомъ племени—*Пишавы* въ *Юридическомъ вѣстникѣ*, Москва, Февраль 1888.

дятся деревни, лежащія, подобно крѣпостямъ, на высотахъ съ труднымъ доступомъ и каждый домъ представляетъ башню замка. Въ этомъ домѣ живетъ семья или, лучше сказать, община изъ сорока, пятидесяти и даже ста человѣкъ, соединенныхъ между собою узами родства и происхожденіемъ отъ одного общаго предка, имя котораго они носятъ. Всякій домъ обнесенъ зубчатою стѣною; на одномъ изъ угловъ возвышается предназначенная для обороны башня въ формѣ пирамиды и съ нѣсколькими этажами. Въ серединѣ жилища имѣется большая общая зала, служащая въ одно время кухней и столовою. Большой котелъ изъ мѣди или чугуна виситъ, на очагѣ, на желѣзной цѣпи, играющей извѣстную роль въ религіозныхъ вѣрованіяхъ осетинъ.

Направо и налево двѣ длинныя скамьи, — одна для мужчинъ, другая для женщинъ. Сюда они приходятъ кушать. У обитателей одного дома все общее. Власть принадлежитъ старѣйшему, женщины же, отдѣльно, подчиняются одной изъ нихъ. Въ ограды и на небольшомъ разстояніи отъ нея, стоитъ убѣжище для странниковъ и путешествующихъ.

По этимъ чертамъ узнается первобытная семья, какую мы встрѣчаемъ въ прошедшемъ у всѣхъ народовъ индо-европейской расы, а въ наше время у южныхъ славянъ. Подобно римской *gens*, осетинская община соединена не только по крови, но и религіозною связью.

Культъ предковъ и домашнего очага, лежащій въ основѣ всѣхъ религій древности, до сихъ поръ находится въ употребленіи у осетинъ. И теперь осетины, какъ христіане, такъ и мусульмане, носятъ мертвымъ пищу и питье. Ставятъ на могилу покойника предметы, находившіеся въ его личномъ употребленіи. Нѣкогда приносили въ жертву его лошадь и, можетъ быть, его вдову; въ настоящее время довольствуются пучкомъ конской шерсти или прядью женскихъ волосъ.

У всѣхъ обитателей дома, членовъ одной семьи, имущество, движимое и недвижимое, составляетъ общую собственность или, по крайней мѣрѣ, было такимъ въ принципѣ. Этотъ первобытный коммунизмъ, хотя и стремится къ исчезновенію, не вездѣ еще оставленъ. Даже тамъ, гдѣ преобладаетъ индивидуальная собственность, сохранились слѣды древняго обычая. Нерѣдко можно встрѣтить, въ одномъ и томъ же округѣ, земли частныхъ лицъ и земли, соб-

ственниками которых состоятъ семейства, *gentes*, или даже цѣлыя деревни; но вездѣ, какъ бы въ память о первобытной общинѣ, остались оповѣщенія о началѣ пахоты, даровой подножный кормъ и право, по которому каждый можетъ брать у своего сосѣда траву, необходимую, въ извѣстное время года, для корма скота. Что относится къ землѣ, то слѣдуетъ сказать и о движимыхъ имуществѣхъ, въ числѣ которыхъ считаются дома и всякаго рода постройки, однимъ словомъ, все, что подвержено дѣйствію огня. Всѣ эти имущества входятъ въ разрядъ общихъ, равно какъ военная добыча, прибыль отъ охоты или рыбной ловли, плоды земли или произведенія труда и промысла. Работа исполняется сообща; всѣ раздѣляютъ ее, всѣ имѣютъ равное право на результаты ея.

Итакъ, заключаетъ Ковалевскій, ошибочно думаютъ, что индивидуальная собственность имѣла своимъ началомъ фактъ завладѣнія. По началу завладѣніе было коллективнымъ. Индивидуальная собственность родилась гораздо позже, когда рядъ послѣдовательныхъ поколѣній отдалилъ членовъ одной и той же семьи другъ отъ друга и ослабилъ въ нихъ сознаніе общаго происхожденія. Тогда новыя семьи отдѣлились и пошли устраиваться въ другія мѣста, унося съ собою имущество, которое должно было оставаться, съ согласія общины, въ ихъ пользованіи. Самая земля, на которой устроились эти новыя семьи и которую онѣ распахали и привели въ хорошее состояніе, была, по принципу, общимъ достояніемъ. Для того, чтобы сдѣлать изъ нея отдѣльную собственность новой семьи или даже индивидуума, трудъ и завладѣніе не могли бы служить достаточными титулами. Нужно было, сверхъ того, согласіе общины, — *absque omni contradictione*, гласятъ наши старинныя грамоты, — и право, такимъ способомъ охраняемое, не было лишено санкціи. Въ 1876 году, нѣкто Тевитовъ, оставилъ безъ разрѣшенія общины свое жилище, для того, чтобы основать хозяйство на необработанной землѣ; тогда вся община отправилась на занятую имъ землю, разрушила начатыя имъ работы и срыла домъ.

Какъ только мы допустимъ, что индивидуальная собственность происходитъ отъ коллективной собственности, то понятнымъ становится и то, что индивидуальная собственность не могла быть пріобрѣтаема по давности, то-есть посредствомъ владѣнія, продолжавшагося въ теченіе извѣстнаго времени. Она могла вытекать только изъ договорнаго соглашенія. Простого факта недостаточно

было, чтобы создать индивидуальную собственность. Отличіе владѣнія отъ права собственности, завладѣніе и приобрѣтательная давность, — чужды первобытному праву и представляютъ учрежденія позднѣйшаго происхожденія. Никакого слѣда ихъ нѣтъ въ древнихъ законахъ вообще и у осетинъ въ частности.

При существованіи семейно-общиннаго строя, въ договорахъ нуждались рѣдко и обязательственное право было мало развито. Представителемъ общины, въ ея внѣшнихъ отношеніяхъ, являлся глава ея. Онъ вступалъ въ договоръ отъ имени всѣхъ, но съ согласія, хотя бы молчаливаго, всѣхъ же. Несогласіе одного изъ членовъ общины достаточно было не только для того, чтобы помѣшать заключенію сдѣлки, но и для того, чтобы уничтожить совершенную уже сдѣлку. Впрочемъ, при соблюденіи этихъ условій, могли быть отчуждены всѣ имущества общины, движимыя и недвижимыя. Исключеніе изъ этого правила составляетъ только желѣзная цѣпь, висящая на очагѣ, и мѣдный котелъ, прикрѣпленный къ этой цѣпи, — исключеніе, обусловливаемое почитаніемъ, которымъ окружены эти предметы.

Совершеніе договоровъ и возникновеніе обязательствъ представляются, въ настоящее время, самымъ простымъ дѣломъ; достаточно только соглашенія двухъ волей. Но нужны были вѣка для того, чтобы эта идея выдѣлилась. Развѣтіе ея можно прослѣдить въ исторіи. Повѣдимому, древнѣйшею формою договора былъ договоръ реальный, устанавливающій дѣйствительную передачу предмета. Сторона, получившая этотъ предметъ, обязана была или возвратить его, или заплатить за него, въ силу одного факта полученія его. Со временемъ, это понятіе расширилось. Простое соглашеніе считалось обязательнымъ только потому, что оно было соединено съ добавочнымъ реальнымъ договоромъ. Такимъ образомъ, задатокъ и залогъ служили, въ древнія времена, не столько для обезпеченія исполненія договоровъ, сколько для облегченія совершенія ихъ. То же самое было и въ отношеніи обязательствъ, вытекающихъ изъ деликта, какъ на примѣръ, обязательства уплатить цѣну крови или вознагражденіе, назначенное посредниками. Согласно осетинскому обычаю, третейскій судъ требовалъ въ этомъ случаѣ отъ должника немедленной частичной уплаты. Только послѣ этого должникъ обязывался къ уплатѣ остальной суммы вознагражденія.

Чисто формальные договоры, въ которыхъ обязательство выте-

каетъ изъ соглашенія, сопровождаемаго извѣстнымъ обрядомъ, появляются въ исторіи вмѣстѣ съ поручительствомъ. Но поручительство само по себѣ есть договоръ сравнительно позднѣйшаго происхожденія, совпадающаго съ тѣмъ временемъ, когда первобытная семейная община стала распадаться, потому что, пока эта община существовала, всѣ члены ея были вмѣстѣ и кредиторы и должники. Обязательство было единымъ для всѣхъ и поручительство не имѣло мѣста. Въ ту минуту, когда поручительство сдѣлалось практическою необходимостью, пришлось составить для него договоръ, а чтобы сдѣлать этотъ договоръ обязательнымъ, потребовалось создать форму, которая, впрочемъ, служила только символомъ передачи. Такимъ-то образомъ, чисто консенсуальный договоръ могъ быть совершенъ подъ видомъ реального договора, посредствомъ передачи оружія или простой соломенки, или рукопожатія, то-есть соединенія двухъ рукъ, изъ которыхъ одна какъ бы давала, а другая какъ будто брала.

Манера договариваться обусловливается исключительно свойствомъ договора. Природа и стоимость объекта не имѣютъ въ этомъ случаѣ никакого вліянія. Если, при продажѣ земли, принято, чтобы покупатель принесъ жертву предкамъ продавца, то это дѣлается для удовлетворенія требованій культа умершихъ, которыхъ могилы помѣщены въ землѣ. Этотъ обычай встрѣчается въ древней Греціи, характеръ его представляется скорѣе религіознымъ, чѣмъ юридическимъ. Обычай письменнаго изложенія договоровъ введенъ со времени русскаго завоеванія страны. До того времени у осетинъ едва ли былъ алфавитъ.

Договоры могутъ быть отмѣнены и уничтожены по причинѣ обмана или заблужденія, то-есть вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ поводовъ, по которымъ должно послѣдовать возвращеніе въ прежнее положеніе, а также по причинѣ неправопоспособности обязавшейся стороны. Рабы считаются неправопоспособными. Они освобождены въ 1869 году. Что касается женщинъ, то для заключенія сдѣлки онѣ должны быть уполномочены мужьями. Вдовы получаютъ полномочіе отъ деверя или сына, смотря по тому, къ кому онѣ присоединились послѣ смерти мужа.

Исполненіе обязательствъ въ прежнее время отличалось чрезвычайною строгостію. Кредиторъ имѣлъ право взять заложникомъ одного изъ членовъ той общины, которая состояла у него въ долгу,

или же сосѣда ея, такъ какъ всякій сосѣдъ обыкновенно состоялъ съ нею въ родствѣ. Онъ могъ поймать своего должника и обратить его въ рабство или же продать его. Теперь, взысканія обращаются на имущества, а не на личность. Кредиторъ налагаетъ запрещеніе на имущество или получаетъ поручительство или залогъ. Поручитель становится на мѣсто должника и подчиняется всѣмъ строгостямъ направленнаго противъ него взысканія, сохраняя за собою право на взысканіе двойныхъ убытковъ съ должника, за котораго имъ произведенъ платежъ.

Осетины, не занимавшіеся ни промышленностію, ни торговлею, рѣдко вступали въ договоры. Единственные договоры, получившіе въ ихъ правѣ нѣкоторое развитіе, относятся къ эксплуатаціи земли или разведенію домашняго скота. Подробное разсмотрѣніе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко, а потому мы ограничимся двумя необходимыми замѣчаніями. Участвующие въ охотѣ или войнѣ составляли изъ себя родъ товарищества и все, пріобрѣтенное этими способами, имущество раздѣлялось по тѣмъ правиламъ, по которымъ производится дѣлежъ наслѣдства, то-есть равными долями съ прибавками въ пользу старшаго и младшаго по возрасту. На практикѣ не существовало различія между ссудою и поклажей. Проценты смѣшивались съ плодами и приращеніями предмета и, такъ какъ нѣкогда скотъ замѣнялъ собою монету, то постановленія обычая относительно размѣра процента и анатоцизма логически вытекали изъ упомянутаго правила о смѣшеніи процентовъ съ плодами. Напримѣръ, взявшій въ ссуду корову обязанъ былъ черезъ годъ возвратить ее вмѣстѣ съ теленкомъ и такимъ образомъ увеличеніе капитала всегда было равно приплоду.

Самые глубокіе слѣды оставило первобытное право въ учрежденіи брака. Не взирая на религіозный законъ, позволяющій христіанамъ имѣть одну жену, древній обычай осетинъ разрѣшаетъ, на ряду съ законною женой, содержать еще нѣсколькихъ женъ низшаго значенія и даже ссужать ими другихъ для того, чтобы увеличить число дѣтей, такъ какъ всѣ дѣти, рожденныя конкубиною, принадлежатъ хозяину ея. Конечно, только богатые люди и дворяне могли позволять себѣ такой разорительный образъ жизни, но у осетинъ онъ являлся требованіемъ чести, какъ у германцевъ Тацита: *pluribus nuptiis ambiuntur, non libidine sed propter nobilitatem*.

Покупка женъ отмѣнена только въ 1870 и 1879 годахъ, но требуется еще не мало времени, пока обычай войдетъ въ согласіе съ закономъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, женихъ давалъ отцу невѣсты, смотря по мѣстности, отъ 30 до 100 быковъ, не считая въ этомъ числѣ другихъ подарковъ, на примѣръ, подарковъ матери и, что въ особенности замѣчательно, подарковъ брату матери. Этотъ послѣдній обычай напоминаетъ Ковалевскому время, когда не знали иного родства, какъ родство по женской линіи. Быкъ представляетъ единицу, играющую роль монеты, но онъ можетъ быть замѣненъ чѣмъ-нибудь равнозначимъ. Такъ, корова и два барана равняются быку, черкесская сабля — двумъ или тремъ быкамъ. Если невѣста—вдова, то цѣна вообще бываетъ меньше, чѣмъ за дѣвушку.

У всѣхъ народовъ, занимавшихся покупкою женъ, покупная цѣна въ концѣ концовъ преобразовывалась въ приданое дочери, при выдачѣ ея замужъ. То же было и на Кавказѣ. Съ 1866 года, отецъ обязанъ передать своей дочери третью часть полученной за нее цѣны. Эта треть составляетъ ея приданое, которое можетъ быть отчуждено не иначе, какъ съ ея согласія. Сверхъ того, у племенъ, принявшихъ исламизмъ, мусульманскій законъ приказываетъ мужу назначить своей женѣ извѣстную сумму на случай развода, въ которомъ жена не виновата. Въ дѣйствительности, это есть *donatio propter nuptias*.

Впрочемъ, покупная цѣна, получаемая отцомъ невѣсты, не составляетъ для него чистаго барыша. Отецъ обязанъ уплатить свадебные расходы, которые бываютъ очень велики. Въ особенности же, онъ долженъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, принимать у себя жениха и его свиту, доходящую иногда до 120 человекъ.

Раньше брака посредствомъ покупки, былъ бракъ съ похищеніемъ. Законъ признаетъ этотъ послѣдній бракъ при томъ условіи, чтобы невѣста была согласна на него. Тогда отецъ невѣсты обязанъ принять покупную цѣну. Въ настоящее время браки этого рода стали рѣдки. Русскій законъ караетъ ихъ штрафомъ отъ 25 до 100 рублей. Слѣды прежняго обычая остались въ извѣстныхъ обрядахъ или играхъ, сопровождающихъ свадьбу и символизирующихъ сраженіе между двумя семействами. Эти же обряды носятъ въ себѣ еще болѣе замѣтные слѣды древняго культа предковъ и семейнаго очага. Прежде чѣмъ оставить отцовскій домъ, женщина,

выходящая замужъ, три раза обходитъ очагъ и касается рукою желѣзной цѣпи, къ которой прикрѣпленъ котелъ. Войдя въ домъ своего мужа, она повторяетъ тотъ же обрядъ, а шаферъ размахиваетъ надъ нею саблею для того, чтобы отвлечь отъ нея злыхъ духовъ.

Замужняя женщина обречена была на самыя тяжелыя домашнія работы. Однако же мужъ не имѣлъ права ни продать, ни подарить ее. Послѣ смерти мужа, она оставалась на годъ въ домѣ на содержаніи его наслѣдниковъ, и даже по истеченіи года послѣдніе обязаны были содержать ее, если того требовала необходимость.

Ковалевскій приводитъ и другіе обычаи, которыхъ смыслъ потерявъ, но которые, несомнѣнно, имѣютъ очень давнее происхожденіе. Такъ, мужъ, приведя послѣ свадьбы жену въ свою деревню, долженъ заплатить 9 рублей жителямъ этой деревни. Ковалевскій видитъ тутъ остатокъ того времени, когда женщина принадлежала цѣлой общинѣ и когда мужъ долженъ былъ выкупить жену, если желалъ обладать ею исключительно. Левиратъ въ его древнѣйшей формѣ, которую мы видимъ въ браманскихъ кодексахъ и которая заключается въ замѣнѣ мужа другимъ лицомъ съ цѣлію произведенія дѣтей, исчезъ у осетинъ. Но онъ практикуется у нихъ въ другой формѣ, а именно, послѣ прекращенія брака и съ цѣлію доставить умершему мужу подставное потомство, на которое возлагается исполненіе, вмѣсто него, обрядовъ, предписанныхъ древнею религіею. Еще и теперь бездѣтная вдова должна вступить въ бракъ съ братомъ умершаго мужа. Когда у вдовы остался на рукахъ малолѣтній сынъ, то она можетъ отдаться даже всякому, кто возьметъ этого сына на свое попеченіе, и дѣти, происшедшія отъ такого союза, считаются какъ бы потомствомъ ея малолѣтняго сына.

Власть отца надъ законными дѣтьми была очень сильна. Новорожденный ребенокъ могъ быть проданъ или оставленъ на произволъ судьбы; но, однажды принятый отцомъ на свое попеченіе, онъ уже не долженъ быть ни продаваемъ, ни даримъ. Обыкновенно отдавали дѣтей для воспитанія въ чужія семьи, далеко отъ родителей, что, безъ сомнѣнія, должно напоминать первобытную общину, такъ какъ этотъ обычай встрѣчается повсемѣстно. И теперь еще родитель въ правѣ отослать сына изъ своего дома, но, въ такомъ случаѣ, онъ обязуется сдѣлать раздѣлъ общаго родового имѣнія. Каждый субъектъ мужского пола получаетъ часть, равную другимъ

частямъ, и сынъ, отосланный вышеуказаннымъ способомъ, беретъ свою долю съ собою. Что касается дочери, то отецъ, выдавая ее замужъ, можетъ дать ей только одежды и домашнюю утварь. За дѣтьми законными слѣдуютъ дѣти, прижитыя отъ наложницъ. Они призываются къ наслѣдованію лишь при отсутствіи законныхъ нисходящихъ. При наличности же законныхъ наслѣдниковъ, имъ принадлежитъ одно право на содержаніе. Принято было давать имъ кусокъ земли для обработки.

Наконецъ, до 1867 года существовали дѣти, рожденныя отъ крѣпостной женщины. Они принадлежали хозяину ихъ матери. Когда отецъ и мать были разныхъ состояній, тогда дитя причислялось къ низшему изъ этихъ состояній.

Усыновленіе являлось послѣдствіемъ поклоненія предкамъ. Оно всегда имѣло мѣсто при отсутствіи нисходящихъ мужескаго пола и вообще усыновляемъ былъ племянникъ по сестрѣ. Если въ моментъ открытія наслѣдства оставалась въ живыхъ одна дочь, то она обязана была вступить въ бракъ съ ближайшимъ родственникомъ (эпиклеръ древняго эллинскаго права) и сынъ, происшедшій отъ этого союза, считался сыномъ умершаго наслѣдодателя. Даже вдова въ правѣ была дать посмертнаго наслѣдника своему мужу, не оставившему послѣ себя дѣтей мужского пола. Равнымъ образомъ, у афинянъ посмертное усыновленіе было послѣднимъ лѣкарствомъ въ томъ положеніи, которое, согласно религіознымъ понятіямъ, почиталось величайшимъ несчастіемъ.

Языкъ осетинъ знаетъ названія только самыхъ близкихъ родственниковъ: отца и матери, сына и дочери, брата и сестры. Для другихъ родственниковъ нѣтъ другихъ именъ, кромѣ общаго названія родственниковъ по мужской линіи, входящихъ въ составъ семьи, и сородичей (*gentiles*), которые хотя и принадлежатъ къ разнымъ семьямъ, но сохраняютъ память объ общемъ происхожденіи. Рядомъ съ естественнымъ родствомъ стояло родство искусственное, создаваемое или усыновленіемъ, или воспитаніемъ ребенка въ чужой семьѣ, или же договоромъ братства, состоявшимся между двумя мужчинами.

При существованіи семейной общины, наслѣдованія, въ собственномъ смыслѣ, не можетъ быть. Семейство владѣетъ и семейство не умираетъ. Еще недавно этотъ порядокъ имѣлъ исключительную силу у осетинъ. Поэтому, наслѣдственное право у нихъ слагается

изъ очень немногихъ правилъ. Наслѣдство идетъ по тремъ линіямъ: прямой, восходящей и нисходящей, а далѣе идутъ родственники по мужской линіи (*agnati*) и сородичи (*gentiles*). Это буквально сходно съ системою XII таблицъ, при томъ, однако же, различіи, что у осетинъ женщины исключаются изъ наслѣдованія и могутъ получить только свадебный подарокъ. Завѣщаніе было неизвѣстно осетинамъ, какъ и германцамъ временъ Тацита. Наиболѣе замѣчательное постановленіе касается раздѣловъ. Какъ въ Грузіи, такъ и у осетинъ, раздѣлъ между братьями происходилъ не по равнымъ частямъ. Старшій и младшій изъ нихъ получали прибавки къ своимъ долямъ, послѣ чего и другіе братья дѣлили одинъ у другого небольшіе вычеты. Эта система вычетовъ беретъ начало въ глубокой древности. Ее находятъ въ браманскихъ кодексахъ. По Ковалевскому, всѣ эти прибавки, въ дѣйствительности, были вознагражденіемъ за что-нибудь. Прибавокъ къ долгу старшаго брата вознаграждаетъ послѣдняго за расходы, которые онъ несетъ по отправленію культа предковъ и которыми онъ обремененъ по преимуществу, въ качествѣ главы семейства. Прибавокъ къ долгу младшаго брата представляетъ эквивалентъ труда, влагаемаго имъ въ управленіе наслѣдственнымъ имѣніемъ, о процвѣтаніи котораго этотъ братъ заботится болѣе остальныхъ. Вычеты между другими братьями выходятъ изъ того же начала. Всѣ эти дѣйствія, предшествующія раздѣлу, имѣютъ цѣлью установить справедливое равенство между участниками раздѣла.

Уголовное право осетинъ основано на кровной мести, которая еще въ прошломъ столѣтіи была въ самомъ широкомъ употребленіи. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ каждаго убійства являлась война между двумя семействами, война всѣхъ противъ всѣхъ, беспощадно продолжавшаяся до полного истребленія. Мщеніе считалось религіозною обязанностію. Трупъ жертвы приносили домой съ церемоніей. Ея кровью всѣ родные терли себѣ лобъ, глаза, щеки и подбородокъ и клятвенно обязывались исполнить свой долгъ. Совершивши актъ мщенія, мститель отправлялся на могилу родственника и, въ торжественной формѣ, объявлялъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, повинувшись обычаю и религіи. Вознагражденіе принималось исключительно въ случаяхъ простыхъ пораненій, маловажныхъ обидъ и кражъ.

Теперешніе нравы менѣе жестоки. Право мести ограничено по

отношенію къ лицамъ. Оно принадлежитъ только дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ умершаго и имѣетъ своимъ объектомъ только убійцу. Оно не можетъ быть осуществлено въ теченіе первыхъ двухъ недѣль великаго поста и въ то время, когда дѣйствуютъ правила гостепріимства. Наконецъ, и это самое важное, право мести всегда можетъ быть отмѣнено посредствомъ уплаты вознагражденія, размѣръ котораго опредѣляется судьями-посредниками по извѣстнымъ правиламъ, устанавливаемымъ обычаями, а также по соображенію званія и общественнаго положенія сторонъ. Самое крупное вознагражденіе за убійство равняется 18 коровамъ, помноженнымъ 18 разъ, за увѣчья и раны—3 раза 18 коровъ (осетины, кажется, знаютъ счетъ только до 18). Если жертвою преступленія является женщина, то вознагражденіе уменьшается на половину, но оно удваивается, когда женщина была беременна. Цѣна крови не можетъ быть требуема за раба (рабство уничтожено только въ 1878 г.). Въ этомъ случаѣ, убійство считается простымъ причиненіемъ убытковъ и вознагражденіе рассчитывается по степени сдѣланнаго преступникомъ имущественнаго вреда. То же бываетъ и тогда, когда убійство свободнаго человѣка произошло случайно или по уважительнымъ причинамъ, какъ, напримѣръ, при законной самооборонѣ.

Однако, первобытная круговая порука членовъ семьи не вполнѣ исчезла у осетинъ. Нѣкоторые слѣды ея остались до сихъ поръ. Такъ, независимо отъ штрафа или вознагражденія, уплачиваемаго убійцею непосредственно, родные его съ отцовской стороны должны дать родственникамъ жертвы обѣдъ примиренія и могутъ быть вынуждены угощать, такимъ образомъ, до 100 лицъ. Если убійца скрылся отъ преслѣдованія, то мститель налагаетъ арестъ на все имущество бѣглеца и тогда обычай заставляетъ братьевъ его уплатить вознагражденіе. Наконецъ, уголовный искъ всегда составляетъ дѣло, производящееся между двумя семействами. У кого нѣтъ семьи, тотъ не имѣетъ за себя мстителя и, если онъ убитъ, убійца, по необходимости, остается внѣ наказанія.

Мы застаемъ здѣсь, такъ сказать на самомъ ходу, первое преобразование уголовного права у варварскихъ народовъ. На мѣсто безконечной мести выступаетъ месть, ограниченная въ своемъ примѣненіи. Наказаніе соразмѣряется съ преступленіемъ и можетъ быть отмѣнено посредствомъ денежнаго удовлетворенія, за которымъ слѣ-

дуетъ полный миръ. Дошедшіе до насъ памятники первобытнаго права свидѣлствуютъ о томъ, что этотъ второй фазисъ вездѣ происходилъ при сходныхъ, если не тождественныхъ условіяхъ. Ковалевскій сравниваетъ памятники, указываетъ причину сходства и различія ихъ и находитъ въ осетинскихъ обычаяхъ такія объясненія, безспорное достоинство которыхъ заключается въ томъ, что они основаны на фактахъ. Это одинъ изъ самыхъ важныхъ и, въ научномъ отношеніи, новѣйшихъ отдѣловъ его книги. Результаты своихъ изслѣдованій онъ формулировалъ въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) при семейномъ строѣ жизни, преступное дѣяніе состоитъ не въ нападеніи на нравственный и общественный порядокъ, а въ матеріальномъ вредѣ, причиненномъ частному лицу; 2) нарушение того, что у насъ зовется гражданскимъ правомъ, составляетъ преступленіе и производитъ право мести, выполняемое арестомъ имущества или самой личности, 3) стало быть, нѣтъ никакой разницы между гражданскими и уголовными правонарушеніями; 4) и, поѣтому, нѣтъ разницы между судопроизводствомъ гражданскимъ и уголовнымъ; 5) наконецъ, нѣтъ никакого различія между преступленіемъ, совершеннымъ съ умысломъ, и неосторожною виною, между дѣяніемъ случайнымъ и такимъ, которое было заранѣе обдуманно, причемъ подстрекательство и покушеніе остаются безнаказанными.

Мы видѣли, что всякое уголовное дѣло является споромъ, подлежащимъ разрѣшенію обоихъ заинтересованныхъ семействъ. Отсюда слѣдуетъ, что преступленія, совершенныя въ нѣдрахъ одной и той же семьи, не могутъ производить права мщенія; но это обстоятельство не ведетъ къ безнаказанности этихъ преступленій. Старѣйшина, которому принадлежало управленіе семьей, пользовался внутри этой семьи полицейскимъ правомъ. Онъ могъ изгнать того, кто нарушилъ миръ домашняго очага, а также принудить его къ выселенію, разрушивши его жилище. Онъ могъ ограничиться арестомъ имущества преступнаго родственника и наложить на него самого запретъ, или, такъ сказать, отлученіе, которое прекращало всякія сношенія его съ другими членами семьи. Виновный могъ избѣгнуть конфискаціи, давши за себя выкупъ, причемъ выкупная сумма уплачивалась въ одинъ разъ. Эта сумма не была вознагражденіемъ за причиненный вредъ, такъ какъ она превосходила стоимость послѣдняго въ двадцать семь разъ. Она служила эквивалентомъ наказанія, слѣдующаго преступнику. Вся эта сторона древняго

права оставалась до сихъ поръ въ тѣни. Въ осетинскихъ обычаяхъ раскрывается значеніе ея. Ею объясняются нѣкоторыя черты древнихъ законодательствъ. Напримѣръ, Солонъ, или скорѣе Драконъ, составитель уголовныхъ законовъ аѳинянъ, совсѣмъ не говоритъ объ отцеубійствѣ. По словамъ нѣкоторыхъ, онъ не вѣрилъ, чтобы было возможно столь неестественное преступленіе. Такимъ объясненіемъ могли удовлетвориться моралисты, въ родѣ Плутарха, но, вѣдь, нельзя же объяснять древніе законы правоучительными баснями. Истинная причина заключалась въ томъ, что отцеубійство совершалось внутри семьи и, потому, оно не давало повода къ мщенію. Единственнымъ, возможнымъ для него, наказаніемъ были: отлученіе и ссылка. Большая часть варварскихъ законовъ хранятъ объ этомъ преступленіи такое же молчаніе, какъ и аѳинскіе законы, и, очевидно, по одной и той же причинѣ. Отцеубійство могло быть предусматриваемо уголовнымъ закономъ лишь съ того времени, когда система кровной мести уступила мѣсто другой системѣ, по которой наказаніе налагается отъ имени общества.

Первобытному уголовному праву извѣстны были только очень немногія преступленія. Преступленія противъ государства или противъ религіи, разсматриваемой въ смыслѣ политическаго учрежденія, а также большая часть преступленій противъ частной собственности являются созданіями позднѣйшаго времени. Собственно говоря даже кража не была преступленіемъ. У осетинъ, кража даетъ лишь право на возмѣщеніе убытковъ и на реституцію похищеннаго. У нихъ обычай не отличаетъ кражи съ поличнымъ (*manifestum*) отъ кражи безъ поличнаго (*non manifestum*), дневной кражи отъ ночной. Застигнутый при совершеніи похищенія, воръ можетъ быть избить, но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть убитымъ, иначе, семья его предоставляется требовать цѣну крови. Обычай допускаетъ одно только различіе, которое выражается въ томъ, что кража, совершенная въ обитаемомъ домѣ, считается важнѣе кражи, совершенной въ полѣ. Дѣйствительно, кража представляетъ собою нападеніе не только на собственность, но и на жилище. Но особенный характеръ пріобрѣтаетъ кража, когда она совершена внутри семьи или, скорѣе, внутри *gens*. Реституція, опредѣляемая главою семьи, можетъ въ этомъ случаѣ достигнуть тройной и даже семерной цѣны похищеннаго. Несомнѣнно, что съ этой стороны, репрессія кражи начала принимать чисто уголовный характеръ.

Изъ преступленій противъ личности, три преступленія заслуживаютъ особенныхъ замѣчаній. Это, прежде всего, побои и раны, для которыхъ существуетъ тарифъ, менѣе сложный, чѣмъ тарифы германскихъ кодексовъ. Согласно единственному правилу, перешедшему, кажется, въ 49 статью кодекса Вакгтанга, ширина раны измѣряется, отъ края до края, зернами ячменя. Затѣмъ слѣдуютъ обиды или нападенія на честь. Величайшимъ оскорбленіемъ, которое человѣкъ можетъ нанести другому, считается убіеніе собаки на могилѣ предковъ послѣдняго. Нѣкогда это оскорбленіе смывалось только кровію. Нападеніе на цѣпь, висящую надъ домашнимъ очагомъ, также рассматривалось, какъ неизвинительная обида. Въ настоящее время, дѣла объ этихъ обидахъ улаживаются легче.

То же слѣдуетъ сказать и о прелюбодѣянніи. Оно также въ прежнее время не прощалось. Обезчещенный мужъ, если застигалъ соблазнителя на мѣстѣ преступленія, въ правѣ былъ убить его, не рискуя заплатить цѣну крови. Теперешніе нравы допускаютъ и въ этомъ случаѣ сдѣлку между оскорбленнымъ и оскорбителемъ. Но совсѣмъ въ иномъ положеніи находится жена, нарушившая супружескую вѣрность. Преступленіе ея совершено внутри семьи и, слѣдовательно, подсудно домашней юрисдикціи. Со срамомъ провезенная на ослѣ черезъ всю деревню, она подвергается обидамъ отъ всѣхъ и, наконецъ, умерщвляется своимъ мужемъ, въ присутствіи родныхъ. Этотъ обычай одинаковъ у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Браманскіе кодексы, напримѣръ, описываютъ его въ томъ же видѣ, причемъ разница состоитъ лишь въ замѣнѣ осла обезьяною.

Эта часть уголовного права осетинъ бросаетъ яркій свѣтъ на исторію этого права вообще. Она поясняетъ, откуда явились первыя наказанія, налагаемые отъ имени общества. Государство замѣнило семью или *gens*. Домашняя юрисдикція послужила образцомъ для первыхъ уголовныхъ законодательствъ. Право мщенія мало по малу было упразднено въ международныхъ сношеніяхъ.

Обычаи осетинъ были официальнымъ образомъ удостовѣрены и собраны въ разное время, именно въ 1836, 1844 и 1866 годахъ. Они видоизмѣняются въ различныхъ округахъ. Было бы въ высшей степени интересно изучить ихъ въ подробностяхъ. Для насъ возможно было лишь слегка коснуться этого предмета. Но, въ заключеніе, мы скажемъ, вмѣстѣ съ Кавалевскимъ, что уголовное право осетинъ представляетъ полное сходство съ древними индо-европей-

скими кодексами и, въ особенности, съ древними законами Ирландіи, изданными въ новѣйшее время. Всѣ эти памятники освѣщаютъ и объясняютъ другъ друга, а средство къ сравненію, которое мы находимъ у кавказскихъ народностей, тѣмъ цѣннѣе, что оно указываетъ намъ на учрежденія, еще живыя.

Остается сказать о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Собственно говоря, въ первобытномъ правѣ нѣтъ ни судьи, ни рѣшенія. Между членами одной семьи глава ея занимается скорѣе полицейскою расправой, чѣмъ судомъ. Что же касается лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ семействамъ, то война между ними могла быть предупреждена или остановлена только третейскимъ судомъ. Вообще, посредники выбирались каждою стороною въ равномъ числѣ и нерѣдко нужно было избирать ихъ изъ членовъ ученой и религіозной корпораціи. Таковы брегоны въ Ирландіи, брамины въ Индіи и понтифы у римлянъ. У другихъ народовъ, германцевъ и славянъ, посредниковъ брали прямо изъ старѣйшихъ, которые на своемъ вѣку больше видѣли и, слѣдовательно, лучше знали обычаи. По мѣрѣ того, какъ государство устраивается и растетъ, эти посредники преобразуются въ постоянныхъ судей. Создаются смѣшанные суды, въ которыхъ посредники играютъ роль засѣдателей, при предсѣдателѣ, назначаемомъ главою государства. Таковы, на примѣръ, суды, о которыхъ говоритъ салическій законъ и въ которыхъ графы засѣдаютъ, будучи окружены рахимбургамъ.

По крайней мѣрѣ, такъ было у осетинъ во время русскаго завоеванія. У нихъ не было постоянного суда. Споры между семействами разрѣшались посредниками, число которыхъ измѣнялось отъ трехъ до девяти, и которые назначались поровну съ каждой стороны, а послѣдній посредникъ выставлялся или отвѣтчикомъ, или стороною, ищущею возмѣщенія убытковъ. Явка на судъ предоставлена была на волю тяжущихся и заочныя рѣшенія не были извѣстны. Рѣшеніе приводилось въ исполненіе также по волѣ сторонъ; недовольная сторона могла обратиться къ частной мести. Поэтому, посредники сперва старались свести тяжущихся, то назначая сторону немедленную уплату цѣны крови, то требуя поручительства или присяги съ обѣщаніемъ исполнить рѣшеніе объ уплатѣ, то, наконецъ, заставляя сторону передать свое оружіе въ руки посредниковъ и оставить его у нихъ въ залогъ, впредь до исполненія

рѣшенія. Что касается споровъ между членами одной семьи, то мы уже видѣли, что эти споры порѣшалъ глава дома.

Осетинамъ незнакомы были другія судебныя доказательства, кромѣ вещественныхъ доказательствъ, уликъ и присяги. Не могло быть рѣчи ни о признаніи, такъ какъ сторона даже не обязана была являться въ судъ, ни о свидѣтельскихъ показаніяхъ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ теперь, потому что свидѣтели рисковали бы подвергнуться себя мщенію. Письменные доказательства, кромѣ того, представлялись неумѣстными, такъ какъ письмо не было извѣстно. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи, осетинскій обычай согласовался съ древнимъ правомъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Правда, во время русскаго завоеванія у нихъ не нашли ни судебного поединка, ни ордалій; но, что эти доказательства существовали у нихъ прежде, въ томъ нельзя сомнѣваться. Кавалевскій отмѣчаетъ еще нѣкоторые признаки обращенія къ суду Божьему. Впрочемъ, въ дѣйствительности, присяга была только смягченною и упрощенною формою ордаліи.

Присяга тяжущагося должна была быть подтверждена заявленіемъ опредѣленнаго числа соприсяжниковъ. Чтобы вполне понять это учрежденіе, встрѣчающееся вездѣ, во всѣ эпохи и даже въ древней Греціи, необходимо перенестись въ ту общественную среду, которая дала ему начало. Мы видѣли, что осетины жили въ строгій семейной общины. Члены семьи были до извѣстной степени отвѣтственны другъ за друга и находились въ постоянномъ сношеніи между собою. При такомъ положеніи, когда они собственною присягою подтверждали присягу, принятую однимъ изъ нихъ, заявленіе ихъ имѣло безспорное значеніе. Слѣдовательно, они были, собственно говоря, свидѣтелями со стороны защиты, что подтверждается тѣмъ, что заявленіе ихъ могло быть принято въ смыслѣ доказательства даже и въ томъ случаѣ, когда тяжущіеся не присягали. Таковъ на самомъ дѣлѣ, былъ первоначальный характеръ соприсяжниковъ. Позже, когда семейная община распалась, соприсяжники перестали быть свидѣтелями и сдѣлались простыми поручителями. Данная ими присяга уже не была *de veritate*. Она стала простымъ засвидѣтельствомъ *de credulitate*. Въ такомъ именно видѣ она дѣйствовала въ Европѣ въ средніе вѣка, но въ эту эпоху учрежденіе соприсяжниковъ уже подверглось преобразованію. Кавалевскій прекрасно объяснилъ начало этого учрежденія.

Соприисяжники первоначально указывались обѣими сторонами, съ общаго ихъ согласія. Потомъ они назначались одною изъ нихъ. Число ихъ было неодинаково и обуславливалось важностію преступленія и званіемъ тяжущихся. Впрочемъ, по этому предмету у осетинъ дѣйствуетъ законъ, общій для арійскихъ народовъ.

Русскіе суды начали вводить болѣе раціональную систему доказательствъ, но имъ не удалось вполне уничтожить древніе обычаи. Въ настоящее время, почти еще невозможно найти у осетинъ свидѣтелей противъ обвиняемаго. Въмѣсто того, чтобы подчиняться вызовамъ въ судъ, они предпочитаютъ уйдти въ изгнаніе и подвергнуться осужденію за отказъ отъ свидѣтельскаго показанія. Какъ бы ни была несовершенна, съ отвлеченной точки зрѣнія, прежняя система, однако нельзя не признать, что при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ существовала страна, одна только эта система могла бы вести къ обнаруженію истины въ судебныхъ дѣлахъ.

Въ сборникѣ обычаевъ, составленномъ въ 1844 году, описывается вступленіе дѣла въ судъ. Каждая сторона собираетъ своихъ родныхъ и садится съ ними на открытомъ воздухѣ. Разстояніе между обоими собраніями настолько велико, что въ одномъ не можетъ быть услышано то, что говорится въ другомъ. Каждое изъ этихъ собраній назначаетъ пересказчиковъ, числомъ отъ одного до пяти, смотря по важности дѣла. Виновный въ причиненіи вреда предлагаетъ вознагражденіе, размѣръ котораго подвергается обсужденію. Когда примиреніе оказывается невозможнымъ, то, по крайней мѣрѣ, сговариваются передать дѣло на рѣшеніе суда, который стороны назначаютъ въ томъ же засѣданіи и который собирается вслѣдъ за тѣмъ. Но, если стороны не согласны обратиться къ суду, то онѣ сохраняютъ прежнее положеніе и частная месть вступаетъ въ свои права.

Кавалевскій не колеблясь видитъ въ этомъ порядкѣ первобытную форму процедуры, предшествовавшей судебному разсмотрѣнію дѣла. Теперь, по нашимъ современнымъ законамъ, вызовъ въ судъ посылается изъ суда или отъ его имени. Прежде онъ дѣлался непосредственно стороною. Это — *vocatio in jus* закона XII таблицъ и *mannitio* салическаго закона. Но была еще болѣе древняя форма — добровольная явка сторонъ въ судъ. Тогда производство въ судѣ всецѣло зависѣло отъ свободнаго уговора спорящихъ.

Въ присутствіи суда, составленнаго указаннымъ сейчасъ спосо-

бомъ, стороны являются и излагаютъ свои требованія. Это — то, что римляне означали словомъ *legis actio*, и эта процедура выполнялась у нихъ при помощи извѣстныхъ торжественныхъ формулъ, отъ которыхъ отступать не дозволялось. Строгій формализмъ встрѣчается во многихъ древнихъ законодательствахъ. Его находили въ салическомъ законѣ. Онъ навѣрное существовалъ въ исландскомъ судопроизводствѣ и въ феодальныхъ французскихъ судахъ. Но ошибочно было бы думать, что упомянутый формализмъ составляетъ одно изъ требованій первобытнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, у осетинъ не видно никакого слѣда подобныхъ формулъ; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что обычаи осетинъ носятъ на себѣ признаки древнѣйшаго происхожденія. Стало быть, для появленія формализма нужно искать другое объясненіе. Ковалевскій думаетъ, что онъ просто явился тамъ, гдѣ судьи составили ученое и привилегированное сословіе. Дѣйствительно, это объясненіе очень правдоподобно, хотя слѣдуетъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ странахъ, и именно въ Исландіи, употребленіе формулъ считалось демократическимъ учрежденіемъ, цѣлю котораго было—уничтожить вліянія краснорѣчія и личнаго авторитета и обезпечить этимъ способомъ равенство всѣхъ предъ закономъ.

Когда такимъ образомъ, дѣло началось, то судъ выслушиваетъ стороны и постановляетъ рѣшеніе, которое имѣетъ условный смыслъ, такъ какъ оно назначаетъ слѣдствіе и, въ своемъ осуществленіи, зависитъ отъ результата слѣдственныхъ мѣръ. Можетъ быть, правильнѣе было бы сначала изслѣдовать дѣло, а потомъ рѣшить его; но, для объясненія установленной обычаемъ практики, слѣдуетъ замѣтить, что слѣдственные мѣры состоятъ исключительно въ совершеніи дѣйствій, съ которыми законъ связываетъ извѣстныя предположенія и которыя не могутъ быть подвергаемы какой-либо оцѣнкѣ. Почти всегда предписывается принятіе присяги и, слѣдовательно, установленіе матеріальнаго факта. Поэтому, понятно, что рѣшеніе предшествуетъ доказательству, такъ какъ послѣднее является, такъ сказать, чисто механическимъ. Присяга, вообще, требуется отъ отвѣтчика. Иногда она возлагается на истца или на лицо, которое, въ случаѣ кражи, беретъ на себя преслѣдованіе за пропорціональную плату. Это послѣднее учрежденіе встрѣчается у южныхъ славянъ, равно какъ среди обитателей Кавказа и, кажется, происходитъ отъ мѣстныхъ условій.

Когда судьи назначают вознаграждение, то они остерегаются тотчас же объявить цифру его. Они сначала требуют, чтобы осужденная сторона немедленно сдѣлала частичную уплату, заключающуюся въ известномъ числѣ коровъ, барановъ или лошадей. Затѣмъ они требуютъ поручительства въ платежѣ остального вознагражденія. Поручитель избирается между родными осужденной стороны и получаетъ, въ награду за свою услугу, корову или барана, смотря по обстоятельствамъ. Потомъ приступаютъ къ примирительному пиршеству, и только тогда судьи объявляютъ о томъ, что остается доплатить до полной суммы вознагражденія. Обыкновенно, сторона, выигравшая процессъ, дѣлаетъ изъ этого остатка скидку въ пользу своего противника. Въ только что описанной процедурѣ правило, по которому истецъ долженъ доказать свой искъ, не имѣетъ приложенія. Напротивъ, чаще всего отвѣтчикъ обязанъ бываетъ доказать. Къ тому же, при указанныхъ обстоятельствахъ, доказательство перестаетъ быть тяжестью, а наоборотъ, дѣлается преимуществомъ.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ исполненіи рѣшеній. Какъ и назначеніе суда, исполненіе зависитъ исключительно отъ доброй воли сторонъ. Случалось, что оно было, въ известной мѣрѣ, обязательнымъ; но это происходило косвеннымъ образомъ, то-есть чрезъ вступленіе въ дѣло поручителей, которыхъ честь обязывала къ исполненію рѣшенія. Осужденная же сторона всегда оставалась въ этомъ отношеніи свободною и могла не подчиниться рѣшенію. Тогда пускалось въ ходъ мщеніе. По этой же причинѣ, не существовало собственно такъ называемаго судебного рѣшенія, вошедшаго въ законную силу. Если стороны были недовольны первымъ рѣшеніемъ, то онѣ могли согласиться на назначеніе новаго суда и возобновить процессъ. Онѣ даже были въ правѣ сдѣлать судью отвѣтственнымъ за свое рѣшеніе и употребить противъ него право мести. И кажется, подобные случаи бывали нерѣдко.

Изъ этого бѣглаго обзора не трудно заключить о томъ значеніи, которое принадлежитъ кавказскимъ обычаямъ, съ точки зрѣнія исторіи права. Съ начала текущаго столѣтія, у различныхъ народовъ Европы, изслѣдовались и издавались древнѣйшіе памятники ихъ писаннаго права. Эта великая работа въ настоящее время почти окончена, но остается дополнить ее такою же работою надъ пра-

вомъ обычнымъ, неписаннымъ ¹⁾. Трудность этой послѣдней работы гораздо значительнѣе первой, хотя эта трудность не вполне еще сознается. На первый взглядъ представляется, будто достаточно открыть глаза, чтобы видѣть и описать видѣнное. Но видѣть—мало; нужно наблюдать и понимать; нужно знать значеніе и относительную силу каждой черты. Часто самыя интересныя подробности ускользаютъ отъ поверхностнаго и неопытнаго наблюдателя. Наука не въ состояніи довольствоваться смутными и неполными данными. И вотъ почему она не должна относиться безразлично къ трудамъ такого рода, когда эти труды исполнены съ пониманіемъ и по правиламъ строгаго метода. Трудъ Ковалевскаго есть одинъ изъ наиболѣе замѣчательныхъ и слѣдуетъ благодарить автора не только за достигнутые имъ результаты, но и за открытый имъ путь и поданный примѣръ.

¹⁾ Было бы въ высшей степени полезно предпринять изслѣдованіе обычаевъ афганъ, которые, подобно осетинамъ, принадлежатъ къ иранской вѣтви великаго индо-европейскаго племени. На сколько можно судить по извѣстіямъ англійскихъ путешественниковъ, обычаи этихъ двухъ народовъ тождественны. Афганы даже вѣрнѣе сберегли нѣкоторыя учрежденія первобытнаго права на примѣръ, ежегодный дѣлежъ земли, какъ онъ практиковался въ древней Германіи, а также платежъ вознагражденія извѣстнымъ числомъ рабынь, какъ по древнему ирландскому кодексу.

VII.

Древнее славянское право.—Чехи ¹⁾).

Исторія чешскаго права не восходитъ выше IX вѣка, эпохи проповѣдничества Кирилла и Меѳодія ²⁾ Для варварскихъ племенъ, или, по крайней мѣрѣ племенъ, чуждыхъ римской культурѣ, какими были германцы въ V, и славяне въ IX вѣкѣ, обращеніе къ христіанству не было однимъ религіознымъ событіемъ; оно еще служило фактомъ величайшей важности для міра политическаго и общественнаго. Во всѣхъ постановленіяхъ, признанныхъ богемскими королями въ X и XI столѣтіяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя извѣстны намъ, единственною цѣлію служить отмѣна или уничтоженіе прежнихъ обычаевъ, не терпимыхъ

¹⁾ Шафарикъ *Slovanské starožitnosti*.

Палацкій *Исторія Богеміи* до XVI столѣтія, по-чешски и по-нѣмецки. Томекъ, *Исторія Богеміи*, Прага, 1875, на чешскомъ и на нѣмецкомъ.

Hermenegild Jireček, *Das Recht in Böhmen und Mähren*, Prag, 1863—1866.

Это—нѣмецкій, немного сокращенный, переводъ сочиненія, написаннаго по чешски подъ заглавіемъ: *Slovanské Pravo v Čechach a na Moravě*. Къ несчастью, сочиненіе останавливается на концѣ XII вѣка.

Codex juris Bohemici, изданный Иречекомъ. Первый томъ явился въ Прагѣ въ 1867 г., послѣдняя часть IV тома издана въ 1883 г. Можно надѣяться, что этотъ прекрасный сборникъ будетъ вскорѣ оконченъ.

Сборникъ, изданный въ Варшавѣ въ 1838 г. Кухарскимъ, подъ заглавіемъ: *Antiquissima monumenta juris slovenici*, даетъ прежніе латинскіе переводы слѣдующихъ трудовъ: *Prawa zeme české* и *Rad zemského prawa*.

Rössler, *Das alte Prager Stadtrecht*, 1 vol. in-8°, Prag, 1845, и *Die Stadtrechte von Brünn aus dem XIII und XIV Sahrhundert*, 1 vol. in-8°, Prag, 1852

²⁾ Мы не говоримъ объ отрывкѣ поэмы, изданной въ 1818 г. и содержащей въ себѣ судъ царицы Любуши, предписывающій раздѣлъ наслѣдствъ по ровну. Кажется, въ настоящее время доказано, что этотъ отрывокъ не имѣетъ ничего подлиннаго. См. статьи, напечатанныя по этому вопросу въ сборникѣ, озаглавленномъ: *Archiv für slavische Philologie*, Berlin, 1887.

новою религією, и введеніе предписаній каноническаго права. Въ особенности непреклоннымъ оказался богемскій законъ по отношенію къ браку. И нужно сознаться, что настойчивость, съ которою онъ запрещаетъ многоженство, разводъ и браки между родными наводитъ на довольно печальное представленіе о соціальномъ положеніи Богеміи во времена язычества. Декретъ Бречислава I, изданный въ 1039 году, гласитъ, что мужъ, который оставитъ жену или жена, которая оставитъ мужа, будутъ проданы, какъ рабы, въ Венгрію и лишены права откупиться. Когда жена жалуется на дурное обращеніе съ нею мужа, то прибѣгаютъ къ суду Божьему и виновный подвергается тому же наказанію. Тотъ же декретъ признаетъ за архипастырями полицейскую власть относительно исполненія законовъ, запрещающихъ питейныя заведенія, требующихъ воскреснаго отдыха и не дозволяющихъ погребенія внѣ кладбищъ; что касается до человекоубійцъ, то архипастыри обязываются доводить о нихъ до свѣдѣнія графовъ. Если убійцы не сознаются, то будутъ преданы пыткамъ посредствомъ каленаго желѣза или кипятка; осужденные же будутъ закованы и изгнаны за предѣлы королевства.

Какъ видно, декретъ Бречислава былъ только переходною мѣрою. Первые опыты національнаго законодательства появляются лишь во второй половинѣ XII вѣка. Въ 1189 году, Конрадъ Оттонъ, король Богеміи и Моравіи, собравши въ Садзкѣ сеймъ королевства, предложилъ статутъ въ 32 статьяхъ, который былъ разосланъ во всѣ округи страны и особо изданъ въ каждомъ изъ нихъ. Подтвержденный и возобновленный, въ разное время, преемниками Конрада Оттона, этотъ статутъ, обыкновенно, носитъ имя закона жупановъ или уѣздныхъ судей (*jura zuppanorum*). Его называютъ еще закономъ короля Конрада (*jus Conradi*).

Рядомъ съ этимъ закономъ стоитъ другой, характера не столь исключительно національнаго. Это—привилегія нѣмцевъ (*privilegium Teutoni corum*). Съ царствованія Вратислава II (1061 — 1092), нѣмцы, основавшіеся въ предмѣстьѣ Праги, получили право образовывать изъ себя общину и сохранить свой прежній законъ, происшедшій вѣроятно изъ Магдебургскаго обычая. Въ 1178 король Собѣславъ II даровалъ имъ грамоту на привилегію имѣть собственнаго судью. Эта привилегія, въ 24 статьи, подтверждена была въ 1231 королемъ Вѣncesлавомъ, который прибавилъ къ ней три новыхъ статьи. Содержащіяся въ ней постановленія заимствованы

изъ германскаго права, а также изъ чешскаго, и особенно интересны въ томъ, что касается до улаженія споровъ между чехами и нѣмцами.

Съ начала этой эпохи, нѣмецкіе колонны прибыли въ большомъ числѣ въ славянскія земли, гдѣ они тотчасъ же составили значительную часть населенія городовъ. Они также доставили много рабочихъ для разработки рудниковъ. Всѣ эти новопришельцы получили *jus Teutonicorum*. Вновь построенные города имѣли спеціальныя грамоты, постановленія которыхъ взяты изъ того же источника, — таковы: Брюннъ въ 1243, Иглау въ 1249, Леобшитцъ въ 1270, Брода въ 1278 и Эгра въ 1279. Мы говоримъ только о самыхъ древнихъ городахъ.

Для полноты этой картины слѣдуетъ упомянуть еще о *lex judaeorum*, обнародованномъ въ 1254 съ цѣлью упорядочить положеніе и права евреевъ. Тотъ же законъ одновременно изданъ былъ въ Австріи и Венгріи. Онъ принятъ въ Польшѣ въ 1264 и на Литвѣ въ 1388.

Такимъ образомъ, къ концу XIII вѣка, каждая изъ богемскихъ народностей имѣла свой собственный обычай и своихъ судей. Въ 1272 г. король Отакаръ II, по словамъ современной хроники, пожелалъ изложить эти обычаи въ письменной формѣ и преобразовать ихъ. Но бароны воспротивились этому. Всякая попытка на письменное изложеніе права казалась имъ нападеніемъ на ихъ судебскую власть. Впрочемъ, Отакаръ хотѣлъ взять за образецъ Магдебургское право. Одного этого было достаточно, чтобы возбудить недовѣріе въ чехахъ. Проектъ Отакара не имѣлъ успѣха. Спустя нѣсколько лѣтъ, король Вѣнцеславъ II пожелалъ возстановить его и, съ этою цѣлью, вызвалъ изъ Италіи доктора гражданскаго и каноническаго правъ, Гоцци, изъ Орвьето. На этотъ разъ рѣчь шла о римскомъ правѣ, но и римское право, подобно нѣмецкому, не имѣло успѣха у чешскихъ бароновъ. Отъ этой второй попытки остался только законъ о разработкѣ рудниковъ и о положеніи рудокоповъ. Составленный въ четырехъ книгахъ, по образцу Юстиниановыхъ Институтовъ, онъ былъ обнародованъ въ 1300 году подъ названіемъ *jus regale montanorum*.

Третья попытка сдѣлана въ 1346, въ царствованіе Карла IV. Полный кодексъ, содержащій въ себѣ законы государственные, гражданскіе, уголовные и судопроизводства, былъ составленъ и

даже обнародованъ подъ названіемъ *Majestas Carolina*. Но оппозиція бароновъ оказалась такою сильною, что самъ король уничтожилъ свой кодексъ въ 1355 году. Для соблюденія приличія, предположено было, что книга погибла во время пожара. Несмотря на то, существовало довольно много копій этой книги и копіи эти на столько были извѣстны, что въ судахъ дѣлались на нихъ ссылки. Вслѣдствіе этого *Majestas Carolina*, хотя была уничтожена, но сохранила большое догматическое значеніе. Въ ней упоминаются многіе старые обычаи и въ этомъ отношеніи она въ особенности полезна при историческомъ изученіи богемскаго права. Послѣ 1617 года она даже появлялась въ печати.

Такъ какъ оффиціальная кодификація не удавалась, то ее замѣняли изданіями чисто частнаго характера. Древнѣйшій трудъ въ этомъ родѣ представляетъ книга господина Розенберга, написанная, нужно полагать, между 1320 и 1330 годами и изданная въ первый разъ Палацкимъ въ 1835 году. Розенбергъ былъ оберъ-камергеромъ и, потомъ, капитаномъ королевства. Въ этомъ двойномъ званіи, онъ могъ приобрѣсти въ значительной степени политическую и судебную опытность. Его можно сравнивать съ нашимъ Филиппомъ де-Бомануаромъ, который все-таки стоитъ выше его. Кажется, трудъ Розенберга былъ довольно распространенъ, такъ какъ извѣстны двадцать рукописей его, не говоря уже о его латинскомъ переводѣ. Кухарскій, не знаемъ почему, далъ ему названіе «законъ чешской страны», *Prava země České*.

Немного позже книги Розенберга и прежде 1350 года, неизвѣстный практикъ написалъ не менѣе важное сочиненіе о судопроизводствѣ и искахъ. Это—*Rad prava zemského, Ordo judicii terrae*, который также имѣетъ много рукописей и старый латинскій переводъ. Онъ былъ изданъ въ первый разъ Кухарскимъ въ 1838 г. ¹⁾. Можно сравнивать съ нашимъ *Stylus Parliamenti*.

Мы должны привести еще другія сочиненія позднѣйшаго времени. Они цѣликомъ вошли въ *Codex juris bohemicus*. Таково изложеніе права чешской страны, *Vyklad na pravo zemské České* Андрея

¹⁾ Онъ переведенъ былъ по-русски Иванищевымъ въ 1840. Этотъ трудъ перепечатанъ въ сочиненіяхъ Иванищева, Кіевъ, 1876. Что касается до стараго латинскаго перевода, то онъ содержитъ въ себѣ много ошибокъ и часто бываетъ непонятенъ. Впрочемъ, онъ сдѣланъ съ текста, наполненнаго вставками.

Дюбы, умершаго въ 1412 году, исполнявшаго обязанности верховнаго судьи. Трудъ этотъ посвященъ королю Вѣнцеславу IV и изданъ въ первый разъ Палацкимъ въ *Archives tchèques*, а потомъ Кухарскимъ въ 1838 году. Таковы, сверхъ того, сборники формулъ и рѣшеній, составленные частью по-чешски, частью по-латыни, подъ слѣдующими заглавіями: *Officium circa tabulas terrae; Formae litterarum apud tabulas confici solitarum. Tabulae terrae* составляли родъ канцеляріи, въ которой производилась записка въ книги, и хранились акты, вызовы въ судъ и рѣшенія. Въ Моравіи эти архивы сохранились начиная съ XIII столѣтія. Въ Богеміи они почти цѣликомъ погибли во время гражданскихъ войнъ. Однако же, остались извлеченія, давшія возможность отчасти возстановить ихъ. Эти извлеченія составляютъ еще одинъ очень цѣнный и обильный источникъ указаній на древнее чешское право.

Къ концу XV вѣка, между 1480 и 1494 годами, моравскій сеньоръ, губернаторъ Ктиборъ Цимбургскій и Товачовскій, написалъ книгу, въ которой изложено мѣстное право моравской провинціи ¹⁾. Въ началѣ это былъ простой сборникъ обычаевъ, но вскорѣ онъ сдѣлался обязательнымъ, какъ законъ. Онъ извѣстенъ подъ названіемъ *Kniha Tovačovska*.

Въ 1499, Викторинъ Вшегрдь издалъ, для Богеміи, такой же трудъ, содержащій въ себѣ все чешское право въ девяти книгахъ. Авторъ сначала преподавалъ въ Прагѣ философію и былъ деканомъ Университета. Потомъ онъ вступилъ на службу въ *Tabulae terrae*, гдѣ много потрудился и умеръ въ Прагѣ въ 1520 году. Его книга, составленная по сохранившимся въ архивахъ документамъ, считается образцовымъ произведеніемъ богемской юридической литературы. Въ 1508 году авторъ представлялъ ее королю Владиславу, но, несмотря на это, она оставалась неизданною до 1841.

Наконецъ, въ 1585, богатый пражскій гражданинъ Окай (по латыни *Ophthalmius*) издалъ на латинскомъ языкѣ интересное сочиненіе подъ заглавіемъ *Processus juris municipalis Pragensis*. Авторъ былъ профессоромъ въ Университетѣ и имперскимъ судьей въ 1590, умеръ въ 1598.

¹⁾ Первое изданіе Демута, 1858. Критическое изданіе Брандля, 1868. По Брандлю, она была написана между 1479 и 1490 годами. Брандль также издалъ въ 1868 г. другую книгу о правѣ, составленную въ Моравіи 1525—1527 и извѣстную подъ названіемъ *Kniha Drnovska*,

Послѣ него можно указать лишь на нѣкоторыя неважныя сочиненія, помѣщенные въ 4 томѣ *Corpus juris bohemicі* (5 часть, изд. 1883 г.).

Сочиненія, о которыхъ сейчасъ говорилось, начиная съ труда Розенберга, суть сборники частнаго характера, не имѣющіе оффиціального значенія. Тѣмъ не менѣе они положили основанія для національнаго законодательства и въ XVI вѣкѣ можно было уже серьезно заняться кодификаціею этого законодательства. Дѣйствительно, составлено было два отдѣльных кодекса, одинъ для городовъ, другой для деревень.

Къ деревенскому кодексу приступили раньше. Первая компиляція, сдѣланная въ 1492 году, никогда не была напечатана. Вторую исполнилъ въ 1500 году юрисконсультъ Альбертъ Рендл. Послѣ многолѣтней борьбы между дворянами и горожанами, компиляція эта была принята и переведена въ 1527 на латинскій языкъ Роде-рикомъ Дубравіусомъ. Этотъ кодексъ пересматривался въ 1530, въ 1549 и окончательно—въ 1564 годахъ. Нѣмецкій переводъ изданъ въ 1617 Стурбою, Каданскимъ гражданиномъ. Эти три послѣдніе тексты занимаютъ первую часть IV тома *Codex juris bohemicі* (1882).

Моравія также имѣла свой деревенскій кодексъ, составленный въ 1538 и нѣсколько разъ подвергавшійся пересмотру, особенно же въ 1628. Въ послѣдней редакціи онъ переведенъ на нѣмецкій языкъ.

Переходимъ, затѣмъ, къ праву городовъ. Первая редакція муниципальнаго закона Праги издана была въ 1536 г. юрисконсультомъ Brissius a Liczsko (умеръ въ 1543). Этотъ значительный трудъ занимаетъ одинъ всю 3 часть IV тома *Corpus juris bohemicі* (1880). Пражское право имѣло примѣненіе и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, но сѣверные города, въ которыхъ жили преимущественно нѣмцы, отдавали предпочтеніе Магдебургскому праву. Сословія потребовали, чтобъ эти два закона соединены были въ одинъ, и трудъ, порученный, по этому случаю, Паулю Христіану Кольдину, былъ обнародованъ императоромъ Рудольфомъ въ 1579 году¹⁾. Два города, Лейбмеритцъ и Луна сопротивлялись еще нѣкоторое время принятію кодекса Кольдина, но съ 1610 г. этотъ кодексъ былъ исключительно введенъ во всѣхъ городахъ Богеміи. Въ 1697 онъ рас-

¹⁾ Съ 1547 императоръ Фердинандъ учредилъ въ Прагѣ апелляціонный судъ, единственный для всѣхъ городовъ.

пространенъ на Моравію, а въ 1717 и 1734 на часть Силезіи. Переводы его на нѣмецкій языкъ начались послѣ XVI столѣтія и послѣдній переводъ сдѣланъ въ Вѣнѣ, въ 1720 году.

Деревенскій и городской кодексы остались въ силѣ до конца XVIII вѣка. Въ царствованіе Іосифа II, австрійское правительство рѣшилось дать Богеміи новое законодательство. Трудъ этотъ выполненъ въ 1811 году обнародованіемъ австрійскаго гражданскаго кодекса.

Древнее право Богеміи, равно какъ и другихъ славянскихъ странъ, беретъ свое начало въ семейной общинѣ, о чемъ болѣе подробно будетъ сказано въ особомъ мѣстѣ. Самые древніе памятники чешскаго права указываютъ на вполне первобытное положеніе вещей. Здѣсь видимъ междоусобную вражду, кровное мщеніе, уже умѣряемое обычаемъ вознагражденій, усилія государства противопоставить свое вліяніе самоуправству тяжущихся и ордаліи суда Божьяго, каленаго желѣза и кипятка.

Статутъ короля Оттона (1229) гласитъ, что убійца платитъ 200 динаріевъ въ судъ и оставляетъ страну до тѣхъ поръ, пока разочтется, относительно вознагражденія, съ семействомъ убитаго (ст. 17). Муниципальный статутъ Иглау, въ 1249, опредѣляетъ продолжительность ссылки, для убійцы, въ одинъ годъ съ днемъ (ст. 45). Старѣйшій актъ о вознагражденіи относится къ 1333 году. Въ немъ Велеградскій монастырь и его настоятель обязываются, по поводу убійства, совершеннаго однимъ изъ монастырскихъ людей, уплатить цѣну крови, какую назначать посредники ¹⁾. Сборники моравскихъ обычаевъ описываютъ обрядъ примиренія (около половины XIV вѣка). Въ случаѣ убійства дворянина размѣръ вознагражденія опредѣляется посредниками. Онъ не можетъ быть ниже 500 гривенъ или марокъ серебромъ. Сверхъ того, убійца обязанъ дать 500 фунтовъ воску, 50 кусковъ сукна и боевого коня. Также онъ долженъ заказать 500 обѣдней за упокой души умершаго и совершить обрядъ примиренія (*posora*). Этотъ обрядъ состоитъ въ слѣдующемъ. Убійца является самъ-двѣнадцать, босой, безъ пояса и ложится въ могилу. Ближайшій родственникъ убитаго прикасается концомъ шпаги между плечъ убійцы и трижды говоритъ ему: ты въ моей власти, какъ былъ въ твоей власти мой братъ или мой родственникъ. Убійца

¹⁾ *Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*, VI, 349.

трижды отвѣчаетъ: я—въ твоей власти, но, во имя Бога, прошу тебя пощадить мою жизнь. Послѣ этого мститель произноситъ громкимъ голосомъ: во имя Бога, я оставляю тебѣ жизнь.

Если жертва не принадлежитъ къ дворянскому сословію, то размѣръ вознагражденія доходитъ до десятой части, но число лицъ, выполняющихъ обрядъ, удваивается и даже учетверяется въ случаѣ убійства крестьянина ¹⁾

Слѣды этого обычая встрѣчаются еще въ моравскихъ актахъ 1511 и 1517 годовъ. Подобная же формула найдена была въ Богеміи. Существенная разница между ними состоитъ въ томъ, что, по богемской формулѣ, часть обряда исполнялась въ церкви. Но въ Богеміи, кажется, вознагражденіе не назначалось въ минимальномъ размѣрѣ ²⁾.

Во всѣхъ древнихъ законахъ отведено много мѣста возвращенію потеряннаго или украденнаго. У чеховъ, такому возвращенію должно было предшествовать открытое, на базарѣ, объявленіе, послѣ котораго объявитель въ правѣ брать свое имущество вездѣ, гдѣ найдеть его. Если онъ не дѣлалъ объявленія, то обязанъ указать лицо, у котораго имущество находится, а этотъ долженъ указать своего продавца, и, идя такимъ образомъ отъ продавца къ продавцу, доходятъ, наконецъ, до того, кто не въ состояніи оправдать свой способъ пріобрѣтенія отыскиваемыхъ вещей. Послѣдній отдастъ полученную имъ плату за имущество и уплачиваетъ штрафъ. Когда есть возможность отыскать украденное по слѣду, напримѣръ, въ случаяхъ кражъ лошадей или быковъ, то хозяинъ идетъ, въ сопровожденіи свидѣтелей, за воромъ до того мѣста, гдѣ слѣды исчезаютъ. Лежащая на этомъ мѣстѣ деревня дѣлается вся отвѣтственною. Таковъ, по крайней мѣрѣ, древній законъ, предшествовавшій декрету Оттона, отмѣнившему эту отвѣтственность.

Объявляя о кражѣ, жертвою которой онъ сдѣлался, собственникъ можетъ дать награду тому, кто обнаружитъ похитителя. Постороннее лицо, принимающее такое предложеніе, называется *sok*; оно ходатайствуетъ въ судѣ отъ своего имени и добивается, чтобы

¹⁾ *Kniha Tovačovska*, §§ 210 — 212. Почти такъ же описанъ обрядъ въ *Kniha Drnovska*.

²⁾ Hubé, *Wroźda, Wroźba i Pokora*, Варшава, 1884. Иванищевъ, *Вознагражденіе за убійство у Славянъ*, Кіевъ, 1840. Mikloschicz, *Die Blutrache bei den Slaven*, Wien, 1887.

воръ приговоренъ былъ къ реституціи похищеннаго, штрафу и уплатѣ обѣщанной награды. Ему такъ же, какъ у древнихъ грековъ и римлянъ, дается право на домовый обыскъ, при условіи соблюденія извѣстныхъ формъ.

Декретъ короля Конрада, относящійся къ 1189 году, смягчаетъ въ дѣлахъ о кражахъ строгость древняго права. Первоначально тотъ, кто поймалъ вора на мѣстѣ преступленія, имѣлъ право задержать и повѣсить его, безъ всякаго суда. Конрадъ не рѣшился отмѣнить этотъ законъ, но онъ убѣждаетъ отказаться отъ пользованія имъ и представлять вора въ судъ. Въ этомъ случаѣ конфискація имущества вора должна была происходить не въ пользу короля, а въ пользу жалобщика. То же самое слѣдуетъ сказать и о древней солидарности семьи. На крикъ: *nastoïte!* (на помощь!), всѣ родные должны были подать помощь. И тутъ происходила битва. Конрадъ слагаетъ эту обязанность съ членовъ семьи. Когда дѣйствуетъ въ судѣ *soh*, то Конрадъ требуетъ, предъ постановленіемъ приговора о ворѣ, выслушивать свидѣтелей и приказываетъ подвергать наказанію недобросовѣстнаго обвинителя. Очевидно, общественная власть стремится замѣнить частную месть. Дѣйствія, которыя сторона искони была въ правѣ исполнить сама, съ этого времени становятся возможными не иначе, какъ при вмѣшательствѣ судьи. Такъ, напримѣръ, было съ исполненіемъ судебныхъ рѣшеній: сторона, выигравшая процессъ, не могла уже сама собою вступить во владѣніе имуществомъ обвиненной стороны. Кровное мщеніе должно было дѣлать уступку праву убѣжища ¹⁾.

Въ ожиданіи, пока общественная власть сдѣлается достаточно сильною, чтобы поддерживать вездѣ порядокъ и уваженіе къ закону, и вмѣстѣ съ тѣмъ, стараясь замѣнить чѣмънибудь семейную солидарность, въ Богеміи обратились къ средству, которое можетъ быть оправдано одною необходимостью. Всякая деревня отвѣчала за преступленія, совершенныя на ея территоріи. Если жители не выдавали виновнаго, то каждый изъ нихъ приговаривался къ уплатѣ 200 динаріевъ штрафа. Декретъ 1222 года сводитъ этотъ штрафъ къ 200 динаріямъ, уплачиваемымъ коллективно всею деревнею. Самый же штрафъ, къ концу XIII вѣка, совсѣмъ исчезъ.

Въ то же время исчезаютъ ордаліи. Суды уже не знаютъ другого доказательства, кромѣ присяги и свидѣтельскихъ показаній.

¹⁾ Ср. названныя уже записки Миклошича и Иванищева.

Семейная община существовала очень долго въ Богеміи, даже и у дворянъ. Она прекратилась только съ раздѣломъ имуществъ, внесеннымъ въ книги Центральной Пражской канцеляріи; въ дѣйствительности же она продолжала существовать еще нѣсколько поколѣній. Семейная община дала начало тому порядку наслѣдованія, который мы видимъ не только у славянскихъ народовъ, но и во всемъ древнемъ мірѣ, преимущественно же у грековъ. Дитя могло наслѣдовать *ab intestatu* только въ такомъ имуществѣ, которое осталось общимъ; коль скоро послѣднее было раздѣлено, наслѣдованіе становилось возможнымъ лишь по завѣщанію. Дочь имѣла право на приданое, выдѣленное изъ общаго семейнаго имѣнія, но она призывалась къ наслѣдованію лишь при недостаткѣ сыновей. Впрочемъ, право первородства не существуетъ и раздѣлъ поровну составляетъ правило. Вдова можетъ остаться при своихъ дѣтяхъ и жить съ ними сообща. Но она въ правѣ отдѣлиться отъ нихъ и, возвратясь въ собственную семью, унести съ собою имущество, принесенное ею при выходѣ замужъ. Различаются имущества родовыя и благопріобрѣтенныя *). «Вашъ братъ нѣмецъ»,—говорилъ одинъ польскій священникъ Винцентъ,—«можетъ быть, не знаетъ, «что такое—родовое имущество. Ну, я разъясню вамъ это. Если я «владѣю вещью, которая досталась мнѣ отъ отца или дѣда, то эта «вещь—моя родовая и, если я продамъ ее, мои наслѣдники имѣютъ «право потребовать ее назадъ, *jure nostro polonico*. Но, если гос- «подинъ герцогъ сдѣлаетъ мнѣ какой-нибудь подарокъ въ возна- «гражденіе за мои услуги, то я могу этотъ подарокъ продать кому «мнѣ угодно, даже вопреки желанію моихъ близкихъ, потому что «относительно такого имущества мои наслѣдники не имѣютъ права «на обратное требованіе».

Для пріобрѣтенія по давности нужны три года и шесть недѣль, или три года и восемнадцать недѣль. Этотъ трехгодичный срокъ, общій во всѣхъ славянскихъ законодательствахъ, повидимому, находится въ соотношеніи со способомъ обработки земли, подчиненнымъ трехлѣтнему сѣвообороту. Въ древнемъ Римѣ для давности требовалось только два года, по той причинѣ, что тамъ существовалъ двухлѣтній сѣвооборотъ. Впрочемъ, въ Богеміи, пріобрѣтеніе права собственности издавна имѣло характеръ публичности, вслѣд-

*) См. примѣч. на стр. 11.

(Прим. переводчика).

ствіе чего завладѣнія имуществами становились затруднительными. Какъ уже сказано, въ Богеміи и Моравіи, при высшемъ судѣ существовали архивы, въ которыхъ хранились акты о переходѣ собственности, вызовы въ судъ и рѣшенія. Таковы были *Tabulae terrae*.

Въ каждомъ судебномъ округѣ, или жупаніи, судебная власть принадлежала двумъ судамъ, компетенція которыхъ опредѣлялась по важности дѣлъ. Въ великомъ судѣ предсѣдательствовалъ провинціальнѣйшій судья, въ другомъ—*villicus*. При томъ и другомъ состояло извѣстное число засѣдателей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, каждый изъ тяжущихся назначалъ посредниковъ, число которыхъ стороны могли уменьшать посредствомъ немотивированныхъ отводовъ. Судъ, такимъ образомъ составленный, принималъ присягу и произносилъ осужденіе, не имѣя принадлежащей обыкновенному судѣ власти примирять тяжущихся и предлагать имъ сдѣлку. Слѣды этого жури встрѣчаются до XVI вѣка. Это—то, что называется по-чешски *porota*.

Начиная съ XIV вѣка жупаніи исчезли и замѣнены были феодальною юрисдикціею. Во главѣ стоялъ судъ короля, составленный изъ четырехъ высшихъ сановниковъ королевства, именно: пражскаго бургграфа, оберъ-камергера, главнаго судьи и великаго канцлера. Позади ихъ засѣдали двѣнадцать сенъоровъ и восемь бароновъ. Для этого суда редактированы были почти всѣ книги чешскаго закона. Наиболѣе важная изъ нихъ—*Rad prava zemského*. Вотъ краткое содержаніе ея.

Совершено убійство. Является братъ убитого или близкій родственникъ, чтобы начать искъ. Прежде всего онъ заявляетъ о днѣ совершенія преступленія. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого заявленія, онъ относится къ городскимъ судьямъ и требуетъ у нихъ комиссара, которому показываетъ тѣло, раны и окровавленную одежду. Комиссаръ составляетъ протоколъ, который, въ *Tabulae terrae*, вносится въ книгу. Тогда истецъ проситъ вызвать убійцу черезъ другого комиссара. Въ назначенный день истецъ является въ полдень и проситъ составить актъ о его явкѣ и сдѣланномъ вызовѣ. Та же формула и та же просьба повторяются вечеромъ и въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней. Затѣмъ даются два новыхъ вызова и въ каждый новый срокъ истецъ обязанъ являться въ засѣданіе, сряду три дня. По третьему вызову появляется предъ судомъ отвѣтчикъ. Истецъ, стоя у перилъ, проситъ у суда адвоката, которому судъ позволяетъ

ходатайствовать за истца. Адвокатъ требуетъ назначенія двухъ сенъоровъ—совѣтниковъ, которые должны быть при немъ и при его кліентѣ и руководить ими въ томъ, что имъ нужно дѣлать. «Истецъ,—говоритъ онъ,—слишкомъ огорченъ, чтобы могъ самъ управиться». Совѣтъ, поэтому, назначенъ и, разумѣется, если адвокатъ сдѣлаетъ какую-нибудь ошибку, то сторона можетъ исправить эту ошибку, съ согласія своего совѣта. Въ свою очередь и отвѣтчикъ является, въ такихъ же выраженіяхъ проситъ и получаетъ и адвоката и совѣтъ.

Итакъ, обѣ стороны на лицо: истецъ — направо, отвѣтчикъ — налево. Тогда адвокатъ истца держитъ рѣчь, разбираетъ событіе и представляетъ доказательства.

Въ свою очередь и отвѣтчикъ держитъ рѣчь и дѣлаетъ три вопроса: «Когда совершено преступленіе?»—«Сдѣлалъ ли истецъ объявленіе о немъ суду?»—«Есть ли комиссаръ и составилъ ли онъ протоколъ о преступленіи?» Отвѣты истца на первый и второй вопросы подтверждаются судомъ и самимъ комиссаромъ.

Затѣмъ, адвокатъ отвѣтника проситъ о прочтеніи жалобы, какъ она записана въ книгѣ и, если слова писанной жалобы не сходятся съ словами жалобы, устно формулированной въ засѣданіи, отвѣтчикъ объявляется невиновнымъ; если обѣ жалобы сходны, то отвѣтчикъ обязанъ оправдаться, доказавши или то, что онъ не совершалъ преступленія, или то, что преступленіе совершено имъ въ состояніи необходимой обороны.

Когда судъ приговариваетъ къ поединку, то назначаетъ для каждой изъ сторонъ новый совѣтъ, который диктуетъ имъ формулы и руководитъ ихъ дѣйствіями. Онѣ переступаютъ перила и входятъ въ *praetorium*. Истецъ вступаетъ туда съ правой ноги, сгибаетъ колѣно и правою рукою приподнимаетъ полу своего платья. Отвѣтчикъ входитъ съ лѣвой ноги, склоняетъ лѣвое колѣно и лѣвою рукою приподнимаетъ полу своего платья. Обѣ стороны вызываютъ другъ друга и судъ назначаетъ день и мѣсто сраженія. Если отвѣтчикъ признаетъ фактъ, но защищается необходимою обороною, то обѣ стороны ударяютъ другъ друга полою своего платья и сторона, не сдѣлавшая своего удара, проигрываетъ процессъ.

Въ опредѣленный день стороны входятъ на арену со шпагою и кинжаломъ, но безъ оружія, употребляемаго для защиты. Онѣ принимаютъ присягу одинъ возлѣ другого, послѣ чего битва начинается.

Если кто-нибудь изъ нихъ, произнося формулу присяги, ошибется, то проигрываетъ процессъ, а это обстоятельство для отвѣтчика влечетъ за собою смерть ¹⁾. Всякій тяжущійся можетъ избѣгнуть поединка, удалившись въ изгнаніе. Въ такомъ случаѣ пражскій бурграфъ долженъ препроводить его за три мили отъ замка праги. Когда одинъ изъ сражающихся утомленъ, онъ въ правѣ потребовать отдыха, и въ этомъ не можетъ быть отказа ему. Тогда ставятъ между ними доску и запрещаютъ въ продолженіе часа нападать другъ на друга. Отдыхъ дается по желанію три раза, по часу каждый разъ. Когда одинъ опрокинетъ другого, то онъ долженъ собственноручно отрубить ему голову и положить ее между его ногъ. Затѣмъ, онъ склоняетъ колѣно, благодаритъ короля и сенъ-ровъ и кладетъ два талера на трупъ, въ видѣ искупленія. Наконецъ, онъ требуетъ занести въ книгу, въ *Tabulae terrae*, рѣшеніе, чтобы воспретить кровную месть. Если родственникъ побѣжденнаго пытается отмстить за него, то, безъ всякой пощады, приговаривается къ смерти и конфискаціи имуществъ.

Если отвѣтчикъ не является по вызову или въ назначенный для разбирательства день, то истецъ дѣлаетъ ему, при посредствѣ комиссара, три вызова, чрезъ шесть недѣль каждый. Эти вызовы вносятся въ книгу и провозглашаются на рынкѣ. Потомъ истецъ требуетъ въ свое владѣніе имущество отвѣтчика; одинъ изъ судей передаетъ ему часть этого имущества, взаменъ вознагражденія, и вычитаетъ изъ него такую же часть для самого себя. Но отвѣтчику нельзя отдѣлаться такими пустяками. Истецъ можетъ взять его въ плѣнъ, даже убить при первой встрѣчѣ или обвязать его вокругъ колѣнъ веревкою и, прикрѣпивши къ хвосту своей лошади, тащить до Пражской висѣлицы. Такое убійство своего противника — законно и никто не въ правѣ мстить за него, но при этомъ должно быть соблюдено одно условіе, именно, чтобы о расправѣ съ отвѣтчикомъ было заявлено суду и чтобы комиссаръ, назначенный для осмотра умершаго, сдѣлалъ суду донесеніе, записавши его въ книгу. Однако, если неявляющійся на вызовъ скрывается у своей жены, которая держитъ его въ объятіяхъ и покрываетъ его своимъ платьемъ, то ему не можетъ быть сдѣлано никакого зла. То же самое, если онъ

¹⁾ Таковъ по крайней мѣрѣ былъ древній законъ. Позже, въ этомъ случаѣ, допускалось вознагражденіе, въ особенности когда въ роли отвѣтчика являлся дворянинъ (V, ст. 42).

ищетъ убѣжища у богемской королевы или на могилѣ святого Вѣнцеслава.

Во всей этой процедурѣ исполненія судебного рѣшенія стороны не могутъ быть никѣмъ представлены. Но, когда преслѣдованіе направлено противъ лица, которое обвиняется не въ убійствѣ, то представительство допускается и въ этомъ случаѣ сражающіеся бываютъ вооружены щитомъ и палкою. Несовершеннолѣтній сирота также можетъ, для сраженія, имѣть представителя въ лицѣ одного изъ своихъ родственниковъ, но подъ условіемъ, чтобы его адвокатъ сдѣлалъ, по этому предмету, ясныя заявленія.

Если тяжущіеся неравны по своему соціальному положенію, то отвѣтчикъ въ правѣ отказаться отъ сраженія и оправдаться, принявши присягу самъ-сѣмъ. То же самое бываетъ, если истцомъ является замужняя женщина. Когда ищетъ сирота женскаго пола, то представителемъ ея служитъ одинъ изъ ея родственниковъ. Но, если истецъ—вдова или дѣвушка старше восемнадцати лѣтъ и желаетъ сама сражаться, то поединокъ долженъ состояться. Только на этотъ разъ отвѣтчикъ зарывается по поясъ въ землю, а преслѣдующая его женщина, будучи, какъ и онъ, вооружена шпагою и щитомъ, вертится около него въ кругѣ, который она не смѣетъ переступить.

Оружіемъ для сраженія между горожаниномъ и крестьяниномъ служатъ щитъ и палка.

Въ случаѣ совершенія убійства въ судебномъ засѣданіи, убійца задерживается и обезглавливается, однако безъ конфискаціи его имущества. Если онъ успѣлъ скрыться, то истецъ не нуждается въ рѣшеніи. Для него достаточно засвидѣтельствованія короля и судей, которое онъ проситъ занести въ книгу въ *Tabulae terrae*, и съ этимъ документомъ онъ вступаетъ во владѣніе имуществомъ убійцы для того, чтобы получить свое вознагражденіе.

За ударъ въ лицо, въ присутствіи короля и суда, когда ударъ нанесенъ равнымъ равному или высимъ низшему, обиженный мститъ за себя, давая своему противнику по удару въ каждую щеку и въ носъ. Если обидчикъ горожанинъ или крестьянинъ, то онъ лишается жизни и даетъ поручителя въ томъ, что не будетъ мстить за себя. Обидчикъ — крѣпостной человѣкъ выдается обиженному, который поступаетъ съ нимъ, какъ хочетъ.

Нанесшій рану шпагою или ножемъ, въ присутствіи короля и суда, лишается руки, безъ различія званія.

Если виновникъ убійства или пораненія, совершенныхъ въ присутствіи короля и суда, скроется, то, посредствомъ публичнаго оглашенія, запрещается давать убѣжище бѣглецу. Всякій, къ кому онъ явится, долженъ изгнать его отъ себя, подъ опасеніемъ быть привлеченнымъ къ дѣлу за соучастіе и отвѣчать всѣмъ своимъ состояніемъ. Угроза эта распространяется даже на управляющихъ королевскими замками. Всякій, обвиняемый въ укрывательствѣ, обязанъ для своего оправданія принять присягу. Самъ король не можетъ спасти бѣглеца отъ суда. Если онъ отказывается въ правосудіи, жители того мѣста, гдѣ бѣглецъ скрывается, гонятся за нимъ, арестуютъ его, изливаютъ на него свое мщеніе и присвоиваютъ его движимость, оставивъ недвижимое имѣніе въ распоряженіе короля. И если король препятствуетъ имъ въ этомъ, то дворяне, сеньоры и всѣ, не взирая на грозящія имъ разжалованія, изгнаніе и конфискацію имущества, обязаны отказаться отъ всякой службы ему.

При ночномъ нападеніи на жилище, истецъ долженъ тотчасъ же громко позвать сосѣдей и засвидѣтельствовать передъ ними слѣды нападенія. Потомъ ему слѣдуетъ, въ теченіе пятнадцати дней, извѣстить комиссара для того, чтобы послѣдній сдѣлалъ мѣстный осмотръ и принялъ разъясненія отъ сосѣдей. Далѣе, дѣло въ обычныхъ формахъ поступаетъ въ судъ. Если жалоба, заявленная въ засѣданіи, согласна съ жалобою, внесенною въ книгу и съ объясненіями комиссара, то отвѣтчикъ обязанъ оправдаться посредствомъ присяги и приложенія двухъ пальцевъ руки къ раскаленному желѣзу. Въ случаѣ отказа отъ присяги, онъ приговаривается къ смертной казни.

Въ случаѣ вреда, причиненнаго пѣшеходомъ жатвѣ, слѣдуютъ процессуальные пріемы, подобные описаннымъ. Отвѣтчикъ оправдывается посредствомъ присяги и представляетъ двухъ свидѣтелей, собственниковъ недвижимаго имѣнія, которые должны подтвердить его присягу. Эти свидѣтели замѣнили пытку посредствомъ кипятка, которая употреблялась прежде.

Та же процедура повторяется и тогда, когда вредъ нанесенъ садамъ, сѣнокосамъ, рыбнымъ ловлямъ и лѣсамъ.

Здѣсь слѣдуетъ указать на вполне архаическую форму мѣстнаго осмотра. Въ день, назначенный комиссарами, истецъ отправляется

на мѣсто верхомъ. Какъ только онъ увидитъ комиссаровъ, онъ сходитъ съ лошади и снимаетъ шапку, отвязываетъ шпагу, сбрасываетъ съ себя плащъ и другое платье и обнажается до пояса. Если онъ этого не дѣлаетъ, то всѣ эти вещи конфискуются въ пользу комиссара. По прибытіи отвѣтчика, истецъ правою ногою вступаетъ на спорную землю и говоритъ: «слушайте, судебные пристава! Вотъ такой-то причинилъ мнѣ такой-то вредъ. И я исчисляю убытокъ въ такую-то сумму». Тогда отвѣтчикъ, въ свою очередь, обнажается, ступаетъ лѣвою ногою на землю и говоритъ: «слушайте, судебные пристава! Имѣніе это — мое, а не его. И если истецъ, претендующій на собственность, желаетъ подтвердить свое право документомъ, то я кладу противъ него въ закладъ, предъ судомъ Праги, 300 динаріевъ». Истецъ отвѣчаетъ: «слушайте, судебные пристава! Я призываю его къ суду и держу противъ него закладъ въ 300 динаріевъ предъ судомъ Праги». Отвѣтчикъ возражаетъ: «я закладываю 600 динаріевъ». — «Держу 600 динаріевъ», настаиваетъ истецъ. — «Заккладываю 900 динаріевъ». — «Держу и 900 динаріевъ». Наконецъ, отвѣтчикъ заявляетъ: «я закладываю *ogreb*». — «И я держу *ogreb*», говоритъ истецъ.

Что нужно понимать подъ словомъ *ogreb*? Самъ авторъ книги *Rad prava zemského* не знаетъ этого и увѣряетъ, что существуютъ три разныя толкованія этого слова. Наиболѣе вѣроятное объясненіе заключается въ слѣдующемъ: я закладываю все то, что на мнѣ и подо мною, то есть, мои одежды, мое оружіе и мою лошадь (см. 246 ст. книги Розенберга).

Стороны обязываются, подъ угрозою смерти и конфискаціи, уговориться относительно суммы залога, явиться въ назначенный день въ судъ и исполнить рѣшеніе его.

Такимъ же порядкомъ производятся дѣла по искамъ о возвращеніи неправильно полученной арендной платы, а также о насиліи противъ лицъ или имуществъ. Когда эти послѣднія дѣла слушаются въ засѣданіи, то сначала присягаетъ истецъ, а потомъ отвѣтчикъ съ шестью свидѣтелями изъ владѣльцевъ недвижимаго имѣнія, которые подтверждаютъ чистосердечность данной отвѣтчикомъ присяги. Если истецъ заявляетъ жалобу, что онъ лишенъ способности употребленія какого-нибудь члена, то приговору предшествуетъ экспертиза. Въ дѣлахъ о побояхъ и ранахъ, каково бы ни было

число ихъ, сначала присягаетъ истецъ, потомъ отвѣтчикъ и, если послѣдній признаетъ себя виновнымъ, то платитъ по пяти грошей за каждую рану.

Виндикаціонный искъ о недвижимомъ имѣніи обставленъ особыми формальностями. Прежде всего, отвѣтчикъ имѣетъ право просить о производствѣ судомъ мѣстнаго осмотра, въ чемъ ему не можетъ быть отказано. Сверхъ того, каждая изъ сторонъ добивается, чтобы половина членовъ суда находилась при ней въ качествѣ совѣта. Затѣмъ, истецъ излагаетъ свой искъ и представляетъ девять свидѣтелей, имѣющихъ осѣдлость и собственность. Изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, трое должны быть взяты изъ округа, въ которомъ лежитъ спорное имѣніе.

Изъ этихъ девяти свидѣтелей отвѣтчикъ имѣетъ право отвести двухъ безъ объясненія причинъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы отводъ былъ имъ заявленъ тутъ же. Послѣ того, свидѣтели являются къ судѣ и отводятся имъ въ часовню для принятія присяги. Во время присяги долженъ звонить утренній колоколъ; въ противномъ случаѣ присяга считается недѣйствительною. Въ эту минуту входитъ отвѣтчикъ и изъ семи или девяти свидѣтелей указываетъ на трехъ, которые должны принять присягу. Онъ можетъ, въ свою очередь, представить семерыхъ свидѣтелей, изъ которыхъ истецъ допускаетъ къ присягѣ трехъ. Если одинъ изъ свидѣтелей опоздаетъ или если онъ сдѣлаетъ малѣйшую ошибку, повторяя формулу присяги, то сославшаяся на него сторона проигрываетъ процессъ. Наконецъ, если принятіе присяги прошло съ той и другой стороны вполне правильно, то обращаются къ испытанію водою. Истецъ входитъ въ воду, а за нимъ, въ трехъ шагахъ разстоянія, отвѣтчикъ. Если, сдѣлавши три шага, истецъ передъ тѣмъ, какъ погрузиться въ воду, пошатнется, то онъ проигрываетъ свое дѣло. Если, напротивъ, онъ удачно выдерживаетъ пытку, то отвѣтчикъ, въ свою очередь, подвергается ей и при удачѣ выигрываетъ процессъ, а при неудачѣ — теряетъ спорное имѣніе и жизнь.

Въ случаяхъ продажи недвижимаго имѣнія, родственники продавца, съ отцовской стороны, имѣютъ право, въ теченіе одного года со днемъ, выкупить это имѣніе, представивъ покупщику продажную цѣну. Если не достаетъ въ этой суммѣ одного гроша или когда въ ней находится фальшивая монета, то право на выкупъ уничтожается, а представленная сумма конфискуется въ пользу судей.

Когда собственникъ недвижимаго имѣнія, прибрѣтеннаго покупкою или мѣною, владѣль имъ спокойно въ продолженіе года и одного дня, то онъ уже не можетъ быть обезпокоенъ искомъ о выкупѣ, а, по истеченіи трехъ лѣтъ и восемнадцати недѣль, онъ свободенъ отъ всякаго виндикаціоннаго иска. Давность въ три года и восемнадцать недѣль прекращаетъ и иски о выкупѣ проданной движимости. Искъ о раздѣлѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ случаѣ, когда онъ направленъ противъ владѣльца, присвоивающаго общее имѣніе, подлежитъ той же давности.

Дѣло о возвращеніи приданаго производится такъ же, какъ о виндикаціи недвижимости. Вопросъ о томъ, принадлежитъ ли приданое дѣтямъ, разрѣшается буквальнымъ содержаніемъ акта о приданомъ, который долженъ быть записанъ въ *Tabulae terrae*.

Вообще, противъ *Tabulae terrae* не допускается никакое свидѣтельское показаніе, если только не заявляется споръ о подлогѣ. Въ послѣднемъ случаѣ производится слѣдствіе, но, если отводъ признанъ будетъ неосновательнымъ, то авторъ этого отвода приговаривается къ сожженію.

Женщина, при живомъ мужѣ, можетъ вести дѣла по всякимъ искамъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые имѣютъ своимъ предметомъ денежное удовлетвореніе за причиненные убытки. Если она сама завѣдываетъ своими имуществами, то ея личные кредиторы могутъ наложить арестъ на эти имущества. Если же управленіе имуществами она ввѣрила мужу, то сдѣланныя имъ отчужденія могутъ подлежать отмѣнѣ. О недѣйствительности этихъ отчужденій жена въ правѣ просить въ теченіе трехъ лѣтъ и восемнадцати недѣль послѣ кончины мужа, если противъ распоряженія мужа она протестовала еще при жизни его.

Споры о владѣніи, въ которыхъ возбуждаются вопросы о границахъ съ сосѣдними имѣніями, начинаются такъ же, какъ искъ о нарушеніи земскаго мира, съ представленіемъ залога. Комиссару поручается прорыть межу и публично оповѣстить объ этомъ всѣхъ сосѣдей.

Если низшій судья (*popravce*), или засѣдатель при судѣ (*Konsel zemsky*) будетъ преданъ суду, то онъ долженъ оправдать себя присягою, которую принимаетъ, поднявши два пальца къ восходу солнца и стоя между двумя чиновниками одного съ нимъ разряда по службѣ, обязанными подтвердить принятую имъ присягу. Если онъ ссылается

на полученныя имъ приказанія, то, для подтвержденія этой ссылки, дается ему отсрочка разбирательства.

Въ дѣлахъ о поручительствѣ или о залогѣ повторяется тотъ же порядокъ, что и въ производствѣ о виндикаціи. Только если цѣна иска выше десяти марокъ, представляются, для доказательства, семь свидѣтелей, изъ которыхъ трое присягаютъ въ часовнѣ, а четверо принимаютъ присягу впослѣдствіи. Если цѣна иска меньше десяти марокъ, достаточно бываетъ трехъ свидѣтелей, и изъ нихъ одинъ присягаетъ въ часовнѣ, а другіе два—послѣ.

Похищеніе женщины наказывается строго. Если дѣло идетъ о дѣвушкѣ и если похититель утверждаетъ, будто она была согласна, то священникъ, вѣнчавшій ихъ, принимаетъ присягу предъ Евангеліемъ и объясняетъ,—было или не было согласіе. Тогда дѣвушку препровождаютъ въ монастырь св. Георгія, въ Пражскомъ замкѣ, гдѣ она остается шесть недѣль, а затѣмъ приводится въ переднюю при судѣ. Если она признается въ согласіи на похищеніе, то, вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, выдается отцу, который собственноручно отрубаетъ имъ головы. Если же она говоритъ, что похищена была насильственно, то сама, собственною рукою, должна отрубить голову своему похитителю. Когда послѣдній не является въ судъ, то онъ считается наравнѣ съ скрывшимся убійцею. Въ случаѣ похищенія вдовы, ей дается три дня на размышленіе, послѣ чего она объявляетъ,—согласна ли была на похищеніе. Если да, то похититель освобождается отъ суда, потому что вдова пользуется свободою въ выборѣ себѣ мужа. Если же она не была согласна, то похититель выдается ей для того, чтобы она собственноручно отрубила ему голову.

Дѣло о виндикаціи лошади, или какого-нибудь другого животного, производится такимъ образомъ. Истецъ заявляетъ судѣ о томъ, что у него пропала лошадь и проситъ командировать комиссара, который осматриваетъ эту лошадь, отрѣзываетъ у нея кусочекъ уха и назначаетъ отвѣтчику явиться, въ извѣстный срокъ, въ судъ и привести съ собою лошадь. Въ опредѣленный день истецъ кладетъ два пальца на голову лошади и клянется, что лошадь принадлежитъ ему. Ошибка, съ его стороны, въ повтореніи формулы присяги влечетъ за собою проигрышъ дѣла и платежъ трехсотъ динаріевъ штрафа. Тотъ, у кого нашли лошадь, можетъ такъ же и въ той же формѣ принять присягу.

Здѣсь кончается *Rad prawa zemského*.

Хотя въ Богеміи было дворянство, но не было въ ней рабовъ. Древніе славяне всѣ находились въ свободномъ состояніи. У нихъ имѣлись въ небольшомъ числѣ крѣпостные, но это были или военные плѣнники, или осужденные преступники. Ихъ положеніе, впрочемъ, было очень сносное. Налагаемые на нихъ оброки и барщина всегда были строго опредѣлены закономъ. Только въ XVI и особенно въ XVII столѣтіи крѣпостное состояніе вездѣ сохранило тотъ суровый характеръ, какой оно имѣло въ Германіи и Польшѣ. Смягченное въ царствованіе Маріи Терезіи, оно окончательно было отмѣнено при Іосифѣ II.

Что касается *jura Teutonicorum*, то они находятся въ муниципальных граматахъ. Древнѣйшія граматы имѣютъ: Прага въ Богеміи, Грөдингъ (1228), Брюннъ (1243) и Иглау (1249) въ Моравіи, Леобшитцъ (1270) въ Силезіи, Брода (1278) и Эгра (1279) въ Богеміи. Грамата Иглау, раздѣленная на четыре книги, служитъ типомъ для всѣхъ остальныхъ. Мы приведемъ изъ нея только два постановленія. Одно относится къ исполненію рѣшенія о личномъ задержаніи за долги. Должникъ, выданный кредитору, будетъ содержаться въ такомъ мѣстѣ, гдѣ не очень тепло и не очень холодно, съ желѣзами на рукахъ, и получитъ въ пищу четверть хлѣба въ одинъ динарій, съ кувшиномъ воды. Второе постановленіе относится къ виндикаціи движимаго имущества, *anefanc* нѣмецкаго права. Переходятъ отъ продавца къ продавцу до виновника похищенія, но, для предъявленія иска, истецъ начинаетъ съ принятія присяги самъ-третей и, такъ какъ, за всѣмъ тѣмъ, нужно, чтобы процессы были ограничены какимъ-нибудь предѣломъ, то грамата Леобшитца запрещаетъ, въ разысканіи кражи, идти далѣе седьмого продавца.

Между тѣмъ какъ чешскіе земледѣльцы, вообще, держали землю въ своемъ непрерывномъ пользованіи на основаніи наслѣдственного аренднаго договора, нѣмецкіе колонны принесли въ Богемію новый видъ земельныхъ отношеній, сходный съ римскимъ эмфитевзисомъ и, слѣдовательно, болѣе приближающійся къ праву собственности.

Борьба двухъ народностей, нѣмецкой и чешской, наполняетъ всю исторію Богеміи, съ XVI вѣка. Побѣжденные и раздавленные на Бѣлой Горѣ, въ 1621 году, богемскіе славяне казались обреченными на потерю ихъ національнаго существованія. Въ настоя-

щемъ столѣтіи они подняли свою національность и это было какъ бы воскресеніемъ ихъ; но если они сохранили свой языкъ, то нельзя того же сказать о ихъ древнемъ правѣ, о которомъ осталось лишь воспоминаніе. Чтобы найти славянскія учрежденія еще живыми, надо идти въ Россію и преимущественно къ южнымъ славянамъ.

VIII.

Древнее славянское право. Поляки ¹⁾).

Древнѣйшій памятникъ польскаго права сталъ извѣстенъ лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Это — очеркъ, въ 29 статей, составленный въ XIII вѣкѣ однимъ нѣмцемъ, на нѣмецкомъ языкѣ. Подлинная рукопись хранится теперь въ библіотекѣ города Эльбинга. Текстъ его былъ изданъ Гельцелемъ въ II томѣ памятниковъ древняго польскаго права, появившемся въ 1870 году. Другое изданіе принадлежитъ Фолькманну, въ 1869 году ²⁾. Столь важный документъ заслуживаетъ во всѣхъ отношеніяхъ полного разбора.

Поляки были подданными папы, а не императора. Ихъ суды отправляли правосудіе не отъ имени императора. Они не были *gehegt*, какъ говорятъ нѣмцы, тѣмъ не менѣе рѣшенія ихъ и удо-

¹⁾ *Starodawne prawa polskiego Pomniki*. Первый томъ явился въ Краковѣ, въ 1856, второй въ 1870. Восьмой выйдетъ. Важнѣйшее сочиненіе по древнему польскому праву принадлежитъ Гюбе: *Prawo Polskie na wieku trzynastym*, 1874; *Prawo Polskie na XIV wieku*, 1886. Сверхъ того можно имѣть въ виду: Joach. Lelewel, *Essai historique sur la législation polonaise, civile et criminelle, jusqu'au temps de Jagellons, depuis 730 jusqu'en 1430*, Paris, in-8°, 1830. F. Wolowski, *De la législation polonaise*, въ *Revue de législation et jurisprudence*, t. VIII и IX, 1838—1839. Maciejowski, *Исторія Славянскаго права* (по-польски), 2 изд., Варшава, 1856—1859. Первое изданіе переведено на нѣмецкій Буссомъ и Навроцкимъ, (Freiburg, 1835). Czacki, *O litewskich i polskich prawach*, 2 т. in-8°, Cracovie, 1861. Bandtkie, *Jus polonicum, codicibus veteribus manuscriptis et editionibus quibusque collatis*, Varsoviae, 1831, in-4°. Наконецъ, *Исторія Польши* (по-нѣмецки), начатая Рөпеллемъ и продолжаемая Каро, Гамбургъ и Гота, 4 т., съ 1840. Для Литовскаго права имѣются тексты по-польски и по-латыни въ сборникѣ, озаглавленномъ: *Zbior praw litewskich*, съ 1389 по 1529 г., Дзялынскаго, in-4°, Познань, 1841.

²⁾ *Das älteste geschriebene Polnische Rechtsdenkmal*, Elbing und Stettin, 1869, См. также Hubé, *Prawo polskie na wieku XIII*, стр. 259—271.

стовѣренія не были лишены силы. Польскій судья не имѣлъ при себѣ эшевеновъ, но, когда онъ видѣлъ вокругъ себя людей опытныхъ, то могъ совѣщаться съ ними о дѣлѣ, не будучи, однако, обязаннымъ слѣдовать ихъ взглядамъ.

Стороны могутъ прямо явиться къ судѣ, но затрудненіе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда упрямится отвѣтчикъ. Тогда судья освѣдомляется у истца, желаетъ ли онъ вызвать своего противника и, въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, приказываетъ приставу позвать отвѣтчика. Если приставъ и вызываемый живутъ въ одномъ городѣ, то вызовъ стоитъ два пфеннинга. Но если приставъ долженъ за этимъ отправиться въ другой городъ, то истецъ обязанъ снабдить его пищею и парю башмаковъ. Вызовъ повторялся до трехъ разъ. Каждая изъ двухъ первыхъ неявокъ облагалась штрафомъ въ 6 марокъ. Въ третій разъ истцу давалось право задержать отвѣтчика. Несмотря на это, вызываемый могъ представить оправданія своей неявки, сославшись на болѣзнь, задержаніе подъ стражею или королевскую службу. Но тогда онъ обязанъ былъ доказать эти факты и привести съ собою двухъ свидѣтелей, которые должны быть приняты судьей.

Когда обѣ стороны на лицо, судья говоритъ отвѣтчику: «отвѣчай!» Но этотъ, прежде отвѣта, долженъ, подъ угрозою штрафа, снять свою шляпу и носимое на шеѣ полотенце, а также оставить палку. Если онъ говоритъ: «я не виноватъ», то судья спрашиваетъ: «у тебя есть свидѣтели?» — «Да, есть». — «Назови ихъ». Потомъ, обращаясь къ истцу, судья спрашиваетъ: — допускаешь ли онъ каждого изъ указанныхъ свидѣтелей. Имена допущенныхъ свидѣтелей записываются на бумагу и дѣло отсрочивается на пятнадцать дней. Если отвѣтчикъ въ назначенный день явится съ своими свидѣтелями и всѣ присягнутъ предъ Распятіемъ, то онъ освобождается отъ суда. Присяга дается по формулѣ, съ возложеніемъ на подножіе Распятія указательнаго и средняго пальцевъ правой руки. Малѣйшая неправильность влечетъ за собою проигрышъ процесса. Свидѣтели, не явившіеся или неправильно принимающіе присягу, облагаются штрафомъ въ 6 марокъ.

Въ ту минуту, когда отвѣтчикъ поименовываетъ своихъ свидѣтелей, истецъ можетъ сказать ему: «твой свидѣтели подкуплены. Я не желаю ихъ. Я желаю сражаться». Тогда процессъ кончается поединкомъ.

Отвѣтчикъ можетъ быть вызванъ на судъ только къ своему сеньору. Во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ долженъ отказаться отъ отвѣта. Каждый, кто задержитъ человѣка, наложитъ на него оковы и уведетъ его для того, чтобы расправиться съ нимъ собственнымъ судомъ, наказывается шестью марками штрафа.

Кто, при нападеніи на него и угрозахъ смерти, защищается и ранитъ своего противника, тотъ не подвергается никакому наказанію, если приметъ присягу всемеромъ. Если онъ убьетъ своего противника, то платитъ цѣну крови.

Когда человѣкъ убитъ въ полѣ или на дорогѣ, то тотъ, кто скрытно предастъ его землѣ, считается убійцею его и платитъ вознагражденіе и штрафъ—50 марокъ за рыцаря или купца и 30 марокъ за нѣмецкаго гостя. Когда убійца неизвѣстенъ, то деревня, на территоріи которой оказалось тѣло, отвѣчаетъ, если только она не укажетъ семью, на которую падаетъ подозрѣніе въ совершеніи убійства. Семья эта можетъ, въ свою очередь, оправдаться, указавши преступника. Въ случаѣ спора, прибѣгаютъ къ пыткамъ посредствомъ поединка или каленаго желѣза.

Крестьяне могутъ сложить съ себя отвѣтственность, схвативши убійцу или, по меньшей мѣрѣ, преслѣдуя его съ ауканьемъ и крикомъ до сосѣдней деревни, которая, въ свою очередь, обязана продолжать преслѣдованіе, и такъ до тѣхъ поръ, пока виновный не будетъ взятъ. Такимъ же образомъ поступаютъ въ случаяхъ разбоя или кражи. Равно, если человѣкъ утонулъ, то деревня отвѣчаетъ и тотъ, кто вытаскиваетъ изъ воды тѣло безъ разрѣшенія сеньора, считается виновнымъ и платитъ вознагражденіе и штрафъ.

Если къ суду приводятъ человѣка съ похищенною вещью, на примѣръ лошадью, то приведенный обязанъ отвѣчать. При ссылкѣ его на покупку имъ вещи, судья даетъ ему пятнадцать дней для представленія продавца, а въ ожиданіи этого требуетъ отъ него поручительства. Могутъ послѣдовать три неявки, чрезъ пятнадцать дней каждая, и всякій разъ неявка влечетъ за собою пеню въ 6 марокъ, если только неявка не объясняется какою-нибудь законною причиною. Поручитель, по явкѣ въ судъ, получаетъ также пятнадцать дней для представленія продавца. Наконецъ, кто не можетъ дать поручителя, тотъ платитъ 12 марокъ, а жалобщикъ получаетъ свое имущество.

Кража коровы съ королевскаго пастбища наказывается штра-

фомъ въ 70 марокъ; точно такъ же наказываются кража, совершенная въ королевскомъ покоѣ, или уводъ человѣка съ цѣлью перевести его изъ одного края или округа въ другой. Тому же наказанію подвергается еще тотъ, кто снимаетъ съ человѣка одежду, или ограбить его, жестоко обращается съ нимъ, убьетъ или изуродуетъ его. Обвиняемый можетъ оправдаться, присягнувши самъ-двѣнадцать. За кражу, совершенную въ погребѣ, въ кухнѣ или въ королевскомъ замкѣ — пеня въ 50 марокъ и обвиняемый можетъ оправдаться, присягнувши самъ-девять. Кто крадетъ въ домѣ или похищаетъ у пастуха то, что послѣдній носитъ въ котомкѣ или въ мѣшкѣ, тотъ платитъ 12 марокъ и можетъ оправдаться, присягнувши самъ-шесть. Если рѣчь идетъ о котомкѣ или мѣшкѣ рыцаря или человѣка, живущаго своимъ домомъ, пеня равняется 300 маркамъ и обвиняемый можетъ оправдаться, присягнувши самъ-третей.

Кто крадетъ пчелъ, платитъ 12 марокъ штрафа или присягаетъ самъ - шесть. Если пчелы сами по себѣ оставили улей, то пеня уменьшается на половину. Хозяинъ улетѣвшаго роя въ правѣ гнаться за нимъ и взять его до солнечнаго заката.

Кража сѣна наказывается 6 или 3 марками, смотря по тому, унесено ли это сѣно на спинѣ человѣка, или увезено на телѣгѣ. Обвиняемый въ этихъ случаяхъ можетъ оправдаться, присягнувши самъ-третей или самъ-другъ.

Большіе тракты находятся подъ охраною короля, обыкновенныя дороги—подъ охраною сеньора. Когда убійство совершено на большомъ трактѣ, то сверхъ вознагражденія въ 50 марокъ за рыцаря или купца и 30 марокъ за крестьянина, убійца платитъ королю штрафъ въ 50 марокъ. Въ первомъ случаѣ обвиняемый можетъ оправдаться, присягнувши самъ-девять, во второмъ случаѣ онъ присягаетъ самъ-шесть. На обыкновенныхъ дорогахъ штрафъ за убійство полагается въ 6 марокъ. Побой, не причинившіе смерти и нанесенные на дорогѣ, на рынкѣ, или въ шинкѣ, наказываются штрафомъ въ 6 или 300 марокъ, смотря по обстоятельствамъ. Обвиняемый оправдывается, присягнувши самъ-третей или самъ-другъ.

Обиды и побои, сопровождавшіеся пролитіемъ крови, облагаются штрафомъ въ 6 или 15 марокъ. Обвиняемый оправдывается, присягнувши самъ-третей или самъ-сѣмь.

Изнасилованіе и похищеніе дѣвицы или женщины влекутъ за

собою, сверхъ вознагражденія жертвы, штрафъ въ 15 марокъ въ пользу судьи. Обвиняемый оправдывается, присягнувши самъ-девять. Если подвергшаяся насилію дѣвушка или женщина вышла въ поле или въ лѣсъ за ягодами или яблоками, то штрафъ полагается только въ 6 марокъ и обвиняемый присягаетъ самъ-третей. Если дѣвушка вышла безъ позволенія старшихъ, то штрафъ—300 и обвиняемый, для своего оправданія, присягаетъ самъ-другъ.

Кто увозитъ свой хлѣбъ, не извѣстивши десятника, чтобы послѣдній взялъ десятину, тотъ платитъ штрафъ въ 6 марокъ. Но, послѣ троекратнаго извѣщенія, сдѣланнаго при свидѣтеляхъ, онъ въ правѣ увезти все, что ему угодно. Если, передъ временемъ жатвы, онъ сниметъ и увезетъ хлѣбъ, нуждаясь въ немъ для своего пропитанія и не предупредитъ десятника, то платитъ только 300 и можетъ оправдаться, присягнувши самъ-другъ.

Кто, распахивая землю, захватитъ землю другого, тотъ платитъ 300 и можетъ доказать свою добросовѣстность, присягнувши одинъ.

Здѣсь авторъ даетъ цѣнныя указанія относительно стоимости штрафовъ. Марки, о которыхъ идетъ рѣчь въ тарифѣ, представляютъ незначительную монету. Три такихъ марки равняются теперь одной. Штрафъ въ 6 марокъ равенъ 9 головамъ скота. Штрафъ въ 300 вначалѣ платился солью и стоилъ одной головы скота. Наконецъ, для штрафовъ ниже 12 марокъ, судья обыкновенно довольствуется нѣсколькими курицами или нѣсколькими головами скота, а болѣе высокіе штрафы онъ рѣдко требуетъ цѣликомъ. Почти всегда наибольшую часть ихъ онъ скидываетъ, а уплату остального отсрочиваетъ.

Если рыцарь умираетъ, оставляя сыновей, то имущество его переходитъ въ пользованіе вдовы, которое продолжается до тѣхъ поръ, пока она не выйдетъ замужъ. По вступленіи въ новое замужество, она увозитъ своихъ служанокъ, которыми владѣла во время прежняго брака и которыхъ пріобрѣла потомъ. Она также уноситъ съ собою вещи, принадлежащія ей лично и составляющія плодъ ея работы. Наконецъ, дѣти даютъ лошадь подъ ея экипажъ и другую лошадь для сопровождающаго ее лакея. Впрочемъ, она не имѣетъ никакой доли въ наслѣдствѣ мужа. При отсутствіи сыновей, мать владѣетъ наслѣдствомъ до выхода замужъ, причемъ обязана снабдить дочерей приданымъ. По выходѣ ея замужъ, наслѣдство получаетъ сеньоръ, оставляя ей принадлежащее ей имущество, и то,

что она нажила собственнымъ трудомъ. Авторъ очерка поясняетъ, что въ Польшѣ почти всѣ женщины сами занимаются тканьемъ. Вдова крестьянина остается съ своимъ сыномъ, если онъ у нея одинъ, до тѣхъ поръ, пока не вступитъ въ новый бракъ. Если у нея нѣтъ сына или если она вступитъ въ новый бракъ, то увозитъ свою постель со всѣми ея принадлежностями, а сынъ или сеньоръ даютъ ей, сверхъ того, одну или нѣсколько коровъ или какого-нибудь другого скота.

Для предписаннаго судомъ поединка оружіемъ избираются или палка, или шпага, смотря по тому, принадлежитъ ли отвѣтчикъ къ крестьянскому или къ рыцарскому сословію. У сражающихся голова и волосы покрыты золою для того, чтобы, въ случаѣ нужды, остановить стокъ крови въ глаза и, такимъ способомъ, избѣгнуть перерывовъ сраженія. Каждый изъ нихъ имѣетъ щитъ и, на плечахъ, валики, чтобы удобнѣе держать щитъ. Оба вооружены палками и если у кого-нибудь палка вырвется изъ рукъ, то должны ему подать ее. Битва продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ не признаетъ себя побѣжденнымъ или пока присутствующіе не объявятъ его побѣжденнымъ.

Если побѣжденъ истецъ, то онъ не платитъ штрафа. Но если отвѣтчикъ не устоитъ, то платитъ штрафъ по тарифу. Обвиняемый въ измѣнѣ побивается камнями, если только не оправдается, принявши присягу самъ-двѣнадцать. Когда обвинителемъ является король и рѣшено окончить дѣло поединкомъ, то король, вмѣсто себя, назначаетъ бойца, по своему выбору, изъ свободныхъ людей или изъ крѣпостныхъ слугъ.

Кто имѣетъ дѣло по поводу одного изъ своихъ крестьянъ, тотъ можетъ сражаться самъ или, вмѣсто себя, послать крестьянина, а также всякое другое лицо. Этимъ же правомъ пользуется сеньоръ и въ томъ случаѣ, когда онъ вызванъ къ суду крестьяниномъ другого помѣщика. Замѣстителемъ больного является въ поединкѣ наемный боецъ. Замѣстителей же посылаютъ за себя епископы, священники и аббаты, имѣющіе крѣпостныхъ.

Когда поединокъ назначенъ, но отвѣтчикъ доказываетъ, что онъ не въ состояніи сражаться, то обращаются къ испытанію каленымъ желѣзомъ. Оно производится двумя способами. Первый состоитъ въ томъ, что ставятъ три раскаленныхъ желѣзныхъ подошвы, въ недалекомъ разстояніи одну отъ другой. Испытуемый, въ сопровожденіи двухъ

человѣкъ, дѣлаетъ три шага, каждый разъ становя ногу на одну изъ этихъ подошвъ. Послѣ этого, ногу обкладываютъ воскомъ и, спустя три дня, наблюдаютъ, существуютъ ли слѣды обжога. По другому способу, испытующему даютъ въ руку до-красна раскаленное желѣзо, которое онъ долженъ пронести на разстояніи трехъ шаговъ.

Есть еще испытаніе, къ которому прибѣгаютъ иногда, но рѣдко и въ важныхъ дѣлахъ: испытаніе посредствомъ воды. Испытуемого заставляютъ сѣсть на корточки; ему привязываютъ руки къ ногамъ и продѣваютъ между руками и ногами палку такъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ какое бы то ни было движеніе. Затѣмъ бросаютъ его въ воду, съ обмотанною вокругъ живота веревкою, чтобы можно было его вытащить. Если онъ пойдетъ ко дну—невиненъ, если держится поверхъ воды—виновенъ.

На производство испытаній посредствомъ желѣза или воды дается предварительно благословеніе отъ священника. Авторъ книги описалъ формулу благословленія, употреблявшагося во всемъ христіанскомъ мірѣ. Такъ, формула для испытанія водою находится въ сборникѣ Розьера на страницахъ 783, 774 и 775; формула для испытанія желѣзомъ помѣщена на страницѣ 826 того же сборника.

Крестьяне изъ одной деревни поочередно ходятъ стеречь скотъ на пастбищѣ. Когда животныя похищены волками или ворами, то сторожъ не отвѣчаетъ за пропажу, если только онъ кричалъ, призывая на помощь. А что онъ кричалъ, это онъ доказываетъ, присягнувши самъ-третей. Когда стадо забрело на выгонъ другой деревни, сторожъ не отвѣчаетъ, если только не доказано, что онъ самъ провелъ стадо на этотъ выгонъ. Когда пастухъ утверждаетъ, что онъ не бралъ животное подъ свой присмотръ, тогда хозяинъ животнаго представляетъ доказательство, присягая самъ-третей или самъ-другъ. Когда пастухъ не даетъ животному ѣсть, онъ платитъ 300, если только не оправдается собственною присягой. Если онъ испортилъ одно изъ ввѣренныхъ ему животныхъ, то долженъ вознаградить убытокъ по оцѣнкѣ крестьянъ.

27 статья, по поводу хмѣля и плодовыхъ деревьевъ, перебрасывающихся черезъ плетни, раздѣляющіе сосѣдей, говоритъ о правахъ сосѣдства у крестьянъ. Собственникъ дерева не имѣетъ права пойти на землю сосѣда. Послѣдній можетъ подобрать плоды, падающіе на его сторону, не рубя и не встряхивая вѣтвей. Если

вѣтви стѣсняють его, то онъ въ правѣ потребовать, чтобы собственникъ обрѣзалъ ихъ, что послѣдній и обязанъ сдѣлать; иначе онъ приговаривается къ штрафу въ 300.

Когда крестьянинъ убѣжить изъ имѣнія, то сеньоръ не можетъ взять его силой, безъ дозволенія того сеньора, на землѣ котораго нашли бѣглеца. Виновный въ нарушеніи этого правила платитъ 50 марокъ штрафа. Въ случаѣ спора, сеньоръ доказываетъ свое право, присягая самъ-сѣмъ, но, если присяга дана была неправильно, то онъ платитъ 50 марокъ и каждый изъ свидѣтелей—по 6 марокъ.

Королевскій гонецъ имѣетъ право оставить во всякой деревнѣ свою усталую лошадь и вмѣсто нея взять другую. Крестьяне должны перевезти отъ деревни до деревни, въ экипажѣ, людей, ѣдущихъ на службу къ ихъ сеньору. Они обязаны сеньору тремя днями барщины въ году, для поправки изгороди и косьбы сѣна, а женщины — тремя днями для жатвы.

Крѣпостные, въ собственномъ смыслѣ, подлежатъ барщинѣ по волѣ помѣщика. Прочіе обязаны поочередно служить по мѣсяцу въ году при дворѣ помѣщика, на своемъ содержаніи.

Слѣдуетъ прибавить еще нѣсколько чертъ, чтобы дополнить эту картину древняго права Польши. Народъ дѣлился на три большихъ класса: рыцарей или дворянъ, свободныхъ крестьянъ и крестьянъ, прикрѣпленныхъ къ помѣстью и обязанныхъ личными услугами. Собственниками были одни дворяне. Крестьяне же обрабатывали землю помѣщика въ качествѣ оброчныхъ людей или мызниковъ и ихъ зависимость переходила отъ отца къ сыну, по прямой линіи. Сеньоръ имѣлъ надъ ними право суда, которое сначала примѣнялось только къ крѣпостнымъ, но потомъ, мало-по-малу, распространилось и на свободныхъ крестьянъ. Всѣ крестьяне, свободные и крѣпостные, носили безъ различія названіе кметовъ.

Въ XIII вѣкѣ, въ Польшѣ, какъ и во всѣхъ славянскихъ земляхъ, семья была еще крѣпко сложена. Отецъ пользовался своею властію надъ всѣми дѣтьми, живущими съ нимъ, *in uno domicilio et rane*, но зато онъ былъ не болѣе, какъ управляющій въ родовомъ имѣніи. Послѣднее принадлежало семьѣ въ совокупности и не могло быть отчуждено иначе, какъ съ согласія всѣхъ заинтересованныхъ членовъ семьи. Сыновья выходятъ изъ-подъ родительской власти, если обзаводятся отдѣльнымъ хозяйствомъ; дочери, —

когда вступаютъ въ бракъ. Онѣ приносятъ мужьямъ, прежде всего, тотъ родъ приданого, которое называется *wurpaia* и состоитъ изъ гардероба, домашней утвари и скота и которое вносится мужемъ на приходъ. Сверхъ того, жена имѣетъ другого рода приданое, *rosağ*, которое заключается въ земляхъ и деньгахъ и которое остается собственностію жены, такъ какъ находится въ ея свободномъ управленіи и даже можетъ быть отчуждаемо ею, по уполномочію мужа. Наконецъ, мужъ, обыкновенно назначаетъ женѣ изъ собственного имѣнія вдовью часть, *wiano* и, съ момента назначенія, уже не въ правѣ распоряжаться этою частию безъ согласія жены.

Не имѣющій сыновей можетъ усыновить одного, лишь бы послѣдній приходился ему ближайшимъ родственникомъ.

Кто желаетъ продать имѣніе, дошедшее къ нему по наслѣдству, тотъ обязанъ сначала предложить своимъ роднымъ, *more polonico*, чтобы они, если хотятъ, воспользовались правомъ преимущественной покупки.

Мы видѣли, что крестьяне передаютъ имущества только своимъ дѣтямъ и нисходящимъ по прямой линіи. Что же касается дворянъ, то они передаютъ родовыя *) имѣнія всѣмъ своимъ родственникамъ, въ линіяхъ прямой и боковой, по порядку родства съ отцовской стороны, то-есть сначала нисходящимъ умершаго, затѣмъ нисходящимъ его отца, нисходящимъ его дѣда и т. д. Только благопріобрѣтенное **) имущество находится въ свободномъ распоряженіи того кто имъ владѣетъ. Онъ можетъ отказать его по завѣщанію.

Право собственности могло быть пріобрѣтено еще давностію, продолжительность которой опредѣлена въ три года, по статуту Мазовецкаго герцога Казимира, цитированному въ одномъ актѣ 1285 года.

Лѣстница наказаній своеобразна. Она состоитъ изъ семи штрафовъ, отъ 70 до 3, къ которымъ нужно прибавить восьмой штрафъ въ 300 кусковъ соли. Штрафы эти существуютъ только по имени ¹⁾.

*) См. примѣчаніе на стр. 11-й.

(Прим. перев.).

**) См. примѣч. на стр. 11-й.

(Прим. перев.).

¹⁾ При переводѣ на марки, эти наказанія сокращаются до пятой части. Такимъ образомъ, пеня въ 70 оплачивается 14 марками, пеня въ 15 оплачивается 3 марками. Отсюда происходитъ нѣкоторая сбивчивость на языкѣ закона.

На практикѣ же, судья часть ихъ прощаетъ или даетъ, для уплаты ихъ, сроки и отсрочки. Штрафъ взимается въ пользу сеньора, но часть его идетъ судѣ. Кромѣ штрафа, тотъ, кто убилъ или ранилъ, долженъ своей жертвѣ или ея наслѣдникамъ заплатить цѣну крови, *caput*, по-польски *glowa*, сумма которой опредѣляется согласно обычаю. Если онъ не въ состояніи заплатить цѣну крови, то подвергается семейной мести. Если онъ не въ состояніи платить штрафъ, то подлежитъ тѣлеснымъ наказаніямъ, доходящимъ до умерщвления. Въ дѣйствительности тѣлесныя наказанія примѣняются только къ крѣпостнымъ.

Наконецъ, жители округа отвѣчаютъ за преступленія, совершенныя на ихъ территоріи. Они несутъ полицейскія обязанности. Если они этихъ обязанностей не исполняютъ и не приходятъ на помощь тому, кто ограбленъ или избитъ, то платятъ штрафъ своему помѣщику.

Рядомъ съ польскимъ правомъ, древнѣйшее состояніе котораго мы изложили, нѣмецкое право мало-по-малу вошло въ Польшу, какъ и въ Богемію. Почти всѣ города устроились на нѣмецкій образецъ, по праву магдебургскому или кульмскому, и въ теченіи долгаго времени рѣшенія, постановленныя муниципальными судьями, переносились по аппелляціи въ суды Магдебурга или Галле. Только въ 1356 году король Казиміръ Великій запретилъ эти аппелляціи и по этому поводу учредилъ въ Краковѣ особый судъ изъ краковскаго уѣзднаго судьи и семи засѣдателей, присылаемыхъ главными городами. У евреевъ также былъ отдѣльный законъ, написанный въ половинѣ XIII вѣка для Венгріи, Богеміи и Австріи, и обнародованный въ Польшѣ въ 1264 и въ Литвѣ въ 1388 году.

До XIV столѣтія польское право было неписаннымъ обычаемъ. Первую редакцію его составилъ король Казиміръ Великій. Въ 1346 сеймъ въ Вислицѣ принялъ проектъ, изготовленный для Малой Польши; другой сеймъ въ Пиотроковѣ принялъ, въ свою очередь, проектъ для Великой Польши и, наконецъ, въ 1368, оба статута были сведены въ одинъ, который получилъ названіе *Вислицкаго статута*, въ 2-хъ книгахъ и 161 статьѣ. Это—основа всего польскаго закона ¹⁾. Вислицскій статутъ былъ дополненъ въ 1423 Варт-

¹⁾ Последнее изданіе *Statuta Kazimiri Magni* принадлежитъ Гюбе, Варшава, 1881. Оно содержитъ: 1) *Statuta minoris Poloniae* въ 59 статей, 2) *Praejudicia Statutis addita* въ 35 статей, 3) *Extravagantes constitutiones* въ 24

скимъ статутомъ, состоящимъ изъ 31 статьи. Редакторы этихъ статутовъ знали римское и каноническое право, и, мѣстами, дѣлають на нихъ ссылки. Они поддерживаютъ, измѣняютъ и отмѣняютъ древніе обычаи. Въ ихъ сборникѣ помѣщены также нѣкоторыя судебныя рѣшенія.

Въ этихъ древнихъ законахъ самое пространное мѣсто отведено уголовному праву. Удержаны старыя денежныя наказанія, отъ 3 до 70, но замѣтно и появленіе смертной казни, а также ссылки. Впрочемъ, эти наказанія нисколько не препятствуютъ кровному мщенію, т. е. частной враждѣ, которая продолжала быть въ употребленіи даже у крестьянъ, если не устраивалась мировая сдѣлка. Кровная месть была отмѣнена только въ XV столѣтіи статутомъ Казимира Ягеллона ¹⁾. По Вислицскому статуту существуютъ четыре случая, въ которыхъ примѣняется штрафъ въ 70. Это во 1-хъ поджогъ, въ причиненіи котораго обвиняемый не можетъ оправдаться законными способами, т. е. Божіимъ судомъ, и позднеѣ, присягою; во 2-хъ—вооруженная кража на дорогѣ; въ 3-хъ—обнаженіе шпаги или кинжала въ присутствіи суда и, въ 4-хъ—отказъ приговореннаго отъ добровольнаго исполненія рѣшенія или отъ представленія поручителя. Всѣ эти поступки могутъ быть сочтены бунтомъ, возстаніемъ противъ установленной власти. Поэтому они облагаются самымъ сильнымъ штрафомъ ²⁾ и этотъ штрафъ предназначается королю, который и на самомъ дѣлѣ былъ въ подобныхъ дѣлахъ потерпѣвшею стороною. Пеня въ 70 назначается еще въ другихъ случаяхъ, напримѣръ, за похищеніе или истребленіе трехъ мельничныхъ жернововъ, трехъ роевъ пчелъ или трехъ лошадей. Когда благородный рыцарь убитъ въ своемъ домѣ, въ присутствіи своихъ дѣтей, то каждый изъ принимавшихъ участіе въ убійствѣ обязанъ заплатить 70 суду, т. е. королю и 15 дѣтямъ покойника. Въ этомъ, самомъ тяжкомъ изъ всѣхъ убійствъ, пеня въ 70 остается неизмѣнною, *niemilcsziwa* ³⁾. Наконецъ, 31

статьи, 4) *Statuta majoris Poloniae* въ 46 статей, 5) *Extravagantes constitutiones* въ 6 статей.

¹⁾ См. объ этомъ Micloschicz, *Die Blutrache bei den Slaven*, Wien, 1887. Обряды, сопровождавшіе цѣну крови, были въ Польшѣ тѣ же, что въ Богеміи и Моравіи.

²⁾ *Stat. Wisl.*, I, 25 и 27.

³⁾ *Ibid*, II, 34.

статья статута Вартскаго упоминаетъ еще о штрафѣ въ 70 для городскихъ рабочихъ, которые будутъ составлять ремесленные корпорации въ видахъ устраненія конкуренціи со стороны деревенскихъ рабочихъ ¹⁾).

Наказаніе въ 15 опредѣлено Вислицскимъ статутомъ въ 19 случаяхъ, къ которымъ Вартскій статутъ прибавляетъ двадцатый случай. Иногда это наказаніе осложняется обязательствомъ реституировать, напримѣръ, когда арестованныя вещи отняты силою у арестовавшаго ²⁾).

Наконецъ, случается, что законъ налагаетъ два денежных наказанія,—одно въ пользу стороны, а другое въ пользу короля, какъ въ предыдущемъ примѣрѣ, или еще въ случаѣ неправильнаго ареста имущества. По 57 главѣ, человекоубійство, совершенное кметомъ надъ кметомъ, первоначально влекло за собою штрафъ въ 15, который оплачивался 3-мя марками и посредствомъ котораго виновный откупался отъ уголовного наказанія. Статутъ объявляетъ, что этого штрафа недостаточно и, вслѣдствіе того, увеличиваетъ его до 10 марокъ, изъ которыхъ 4 идутъ судѣ, а 6—родственникамъ покойника. Отъ *miles* къ *miles*, штрафъ въ 60 марокъ за убійство, въ 30 за увѣчье, въ 15 за простыя пораненія. Другой текстъ опредѣляетъ штрафъ за каждый членъ: 8 марокъ за большой палецъ, 3 марки за всякій другой палецъ. За полевой убытокъ штрафъ падаетъ до 1 марки.

Первыя главы Вислицскаго статута содержатъ въ себѣ правила о судопроизводствѣ. Мы укажемъ только на то, что относится къ личному задержанію и къ исполненію рѣшеній. Вызовы, дѣлаемые приставами по приказу судьи и по иску стороны, могутъ быть возобновляемы, въ случаѣ неявки вызываемаго, до трехъ разъ. За первыя двѣ неявки статутъ назначаетъ штрафъ: для сеньора въ размѣрѣ двухъ быковъ и для кмета въ размѣрѣ одного быка ³⁾. Третья неявка влечетъ за собою проигрышъ дѣла. Когда резолюція постановлена, обвиняемый долженъ обязаться исполнить рѣшеніе и дать поручителей. Въ случаѣ отказа, онъ выдается противнику, который налагаетъ на него оковы и отводитъ въ плѣнъ. Но когда плѣнный успѣетъ убѣжать,—говоритъ статутъ,—то онъ становится сво-

¹⁾ *Stat. Wart.*, 31.

²⁾ *Ibid.*, I, 25.

³⁾ *Ibid.*, I, 25.

боднымъ и, къ тому же, освобождается отъ долга, за исключеніемъ того случая, когда онъ обвиненъ въ кражѣ ¹⁾).

Судебными доказательствами служатъ обыкновенные доводы. Уже нѣтъ рѣчи объ ордаляхъ или о судебномъ поединкѣ; однако же присяга все еще играетъ важную роль. Въ извѣстныхъ случаяхъ, статутъ требуетъ соприсяжниковъ. То же самое мы видимъ вездѣ въ эту эпоху. Но нѣкоторыя постановленія статута указываютъ въ этомъ отношеніи на одно замѣчательное обстоятельство. Присяга въ древнемъ польскомъ правѣ и, вѣроятно, въ древнемъ славянскомъ правѣ, не была исключительнымъ средствомъ оправданія для отвѣтчика или обвиняемаго. Она также и въ особенности служила способомъ доказательства для иска или обвиненія. Напримѣръ, когда челоуѣкоубійство совершено нѣсколькими лицами, то статутъ сообщаетъ намъ, что встарину обвиняемые, сколько бы ихъ ни было, всѣ наказывались, какъ убійцы, на основаніи присяги, принятой обвинителемъ, *per juramentum accusatoris* ²⁾. Онъ постановляетъ, что отнынѣ такимъ образомъ будетъ осужденъ и наказанъ только одинъ изъ обвиняемыхъ, остальные же будутъ имѣть возможность оправдаться посредствомъ свидѣтельскихъ показаній. Это—очень важное указаніе, потому что оно можетъ служить, какъ видно будетъ впослѣдствіи, къ уясненію смысла договора 912 года между русскими и греками. Тутъ также доказательства убійства состоятъ изъ поличнаго и уликъ и изъ присяги обвинителя, послѣ чего обвиняемый можетъ оправдаться, но уже посредствомъ свидѣтелей, а не посредствомъ присяги ³⁾.

Присяга составляетъ доказательство по преимуществу. Доказательство чрезъ свидѣтелей допускается вообще въ качествѣ вспомогательнаго, второстепеннаго. Такимъ образомъ, въ случаѣ кражи, истецъ имѣетъ право доказывать фактъ кражи, принявши присягу въ теченіе года. Если въ продолженіе этого года онъ бездѣйствовалъ, то все-таки не лишается права искать, но тогда уже онъ долженъ будетъ доказывать свидѣтельскими показаніями ⁴⁾. То же самое повторяется и въ дѣлахъ о полевыхъ убыткахъ ⁵⁾.

¹⁾ *Stat. Wisl.*, I, 4.

²⁾ *Ibid.*, I, 58.

³⁾ Этотъ смыслъ усвоилъ себѣ Леже въ своемъ переводѣ славянской Лѣтописи Нестора.

⁴⁾ *Stat. Wisl.*, I, 31.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 38.

Нерѣдко случалось, что, въ видахъ устраненія свидѣтелей отъ дѣла, добивались отлученія ихъ отъ церкви. Статутъ ¹⁾ постановляетъ, что, несмотря на отлученіе, свидѣтели могутъ давать показанія на судѣ.

По каждому дѣлу судьи собирали пошлину въ размѣрѣ двухъ или четырехъ грошей, смотря по важности дѣла ²⁾. Ихъ рѣшеніе могло быть обжаловано, но только тотчасъ же, въ томъ же засѣданіи. Въ этомъ случаѣ судьи обязаны были отнестись къ высшему судѣ и передъ нимъ оправдать свое рѣшеніе. Апелляторъ вносилъ имъ три марки, которыя возвращались, если рѣшеніе было отмѣнено ³⁾.

Въ прежнее время, говоритъ еще статутъ, обвиняемый въ совершеніи преступленія могъ избавиться отъ наказанія, доказавши, что онъ дѣйствовалъ по приказанію хозяина или высшаго лица. Этотъ обычай отмѣненъ 21-ю статьею первой книги, какъ противный началамъ каноническаго права; но онъ удержанъ или восстановленъ 15 статьею второй книги. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что случайная смерть не будетъ служить поводомъ къ какому бы то ни было иску ⁴⁾, откуда можно вывести заключеніе, что, раньше статута, по этому предмету существовало иное правило. То же слѣдуетъ сказать и о постановленіи, которое гласитъ, что не будетъ уже солидарности между родственниками въ удовлетвореніи за убытки, причиненные преступленіемъ ⁵⁾. Но между жителями одной деревни постоянно существуетъ обязанность взаимной помощи. Такъ, въ случаѣ кражи лошадей, сосѣди должны присоединиться къ обокраденному и гнаться за воромъ ⁶⁾.

Въ дѣлѣ похищенія женщины, обвиняемый не подлежитъ наказанію, если похищенная изъявила согласіе выйти замужъ за похитителя. Но она лишается приданаго, если не получить потомъ согласія отца на бракъ. Тутъ уже замѣтно вліяніе каноническаго права ⁷⁾.

Положеніе кметоновъ опредѣляется различными постановлені-

¹⁾ *Stat. Wisl.*, II, 10.

²⁾ *Ibid.*, I, 48.

³⁾ *Ibid.*, I, 113; II, 11 и 12.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 59.

⁵⁾ *Ibid.*, I, 33.

⁶⁾ *Ibid.*, I, 50.

⁷⁾ *Ibid.*, I, 21.

ями ¹⁾. Статутъ признаетъ ихъ свободными людьми и даетъ имъ право передавать боковымъ родственникамъ свои имущества, движимыя и недвижимыя, тогда какъ прежде, за отсутствіемъ нисходящихъ родственниковъ, эти имущества доставались сеньору ²⁾. Ихъ имущества не могутъ быть арестованы за долги сеньора ³⁾. Они имѣютъ право оставить обрабатываемую ими землю и устроиться тамъ, гдѣ хотятъ ⁴⁾,—право, которое считалось спорнымъ, но которое статутъ даетъ имъ. Впрочемъ, они могутъ пользоваться этимъ правомъ только тогда, когда будутъ свободны отъ всѣхъ обязательствъ по отношенію къ своему сеньору ⁵⁾. Бѣглые кметоны могутъ быть преслѣдуемы и возвращены домой. Тѣ, которые совращали и укрывали ихъ, подлежатъ штрафу ⁶⁾.

Въ Польшѣ, какъ и въ Богеміи, давность имѣла трехлѣтній срокъ, соотвѣтствующій полевому сѣвообороту ⁷⁾. Новое законодательство стремится увеличить этотъ срокъ. Такъ, замужнія женщины пользуются давностію шестилѣтнею и даже десятилѣтнею, смотря по обстоятельствамъ ⁸⁾. О недвижимыхъ имуществахъ, заложенныхъ или, лучше сказать, проданныхъ съ условіемъ о выкупѣ, статутъ постановляетъ, что правомъ выкупа можно пользоваться въ продолженіи 30 лѣтъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы заемщикъ, разъ въ годъ, заявлялъ, *in colloquio generali*, о томъ, что онъ отдалъ въ залогъ недвижимое имѣніе на такой-то срокъ и что откладываетъ выкупъ. Если, въ теченіе 15 лѣтъ онъ не дѣлалъ такого заявленія, то лишается права на выкупъ ⁹⁾. Но это послѣднее ограниченіе было отмѣнено и, для всѣхъ случаевъ, остался тридцатилѣтній срокъ ¹⁰⁾. Трехлѣтняя давность существуетъ для иска по поручительству ¹¹⁾ и почти для всѣхъ уголовныхъ дѣяній ¹²⁾.

¹⁾ Эти постановленія, какъ и многія другія, въ Вислицкомъ статутѣ совсѣмъ не исполнялись на дѣлѣ. Это доказывается старыми судебскими реестрами. См. Гюбе, *Prawo Polskie w XIV wieku*, 408.

²⁾ *Stat. Wisl.*, II, 55.

³⁾ *Ibid.*, II, 41.

⁴⁾ *Ibid.*, I, 71.

⁵⁾ *Stat. Wisl.*, II, 36; *Stat. Wart.*, 22.

⁶⁾ *Stat. Wart.*, 23.

⁷⁾ *Stat. Wisl.*, I, 24, 40, 111.

⁸⁾ *Ibid.*, I, 42.

⁹⁾ *Stat. Wisl.*, I, 41; II, 9.

¹⁰⁾ *Stat. Wart.*, 9.

¹¹⁾ *Ibid.*, 12.

¹²⁾ *Stat. Wisl.*, I, 112.

Статуты содержатъ въ себѣ немного постановленій о договорахъ. Въ самомъ дѣлѣ, эта часть права развивается всегда гораздо позже другихъ. Въ эту эпоху торговля находилась въ рукахъ евреевъ. Статутъ ограничиваетъ размѣръ процентовъ или, лучше сказать, опредѣляетъ чрезмѣрную высоту процента, по грошу въ недѣлю съ одной марки ¹⁾. Согласно древнему обычаю, который желалъ охранить заемщиковъ отъ ихъ собственныхъ увлеченій ²⁾, статутъ запрещаетъ евреямъ давать займы безъ залога. Другая бѣда, не менѣе опасная, была игра. Статутъ объявляетъ, что о долгѣ по игрѣ нѣтъ иска; игра дозволяется только на наличныя деньги ³⁾. Обратное требованіе поручителя съ должника, за котораго онъ учинилъ платежъ, пользуется привилегіей, въ смыслѣ доказательства. Это одинъ изъ рѣдкихъ случаевъ, когда истецъ, для доказательства своего иска, принимаетъ присягу съ однимъ или двумя соприсяжниками ⁴⁾. Вводъ во владѣніе купленнымъ имѣніемъ дѣлается совсѣмъ особенно, а именно, посредствомъ повѣрки межей, въ присутствіи наличныхъ или приглашенныхъ сосѣдей. Послѣдніе въ правѣ протестовать противъ ввода, въ продолженіе трехъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ, послѣ чего покупатель можетъ доказывать свое право свидѣтельскими показаніями ⁵⁾.

По общему правилу, соблюдаемому всѣми древними законодательствами, дочери, въ Польшѣ, наследуютъ только за недостаткомъ сыновей. При сыновьяхъ, дочери имѣютъ право на одно приданое. Даже и тогда, когда онѣ наследуютъ, двоюродные братья могутъ пользоваться, противъ нихъ, правомъ выкупа недвижимыхъ имуществъ ⁶⁾. Послѣ смерти матери, имущество ея дѣлится между отцомъ и дѣтьми. Изъ массы этого имущества, дѣти получаютъ половину. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, древній обычай. Вислицскій статутъ ограничиваетъ его случаемъ, когда отецъ женится вновь ⁷⁾, а, наконецъ, Вартскій статутъ совсѣмъ и окончательно отмѣняетъ этотъ обычай ⁸⁾. Другое дѣло—вдова. Когда у нея есть

¹⁾ *Stat. Wisl.*, I, 83; II, 25.

²⁾ *Ibid.*, II, 44.

³⁾ *Ibid.*, I, 78, 79.

⁴⁾ *Ibid.*, II, 13.

⁵⁾ *Stat. Wart.*, 12.

⁶⁾ *Stat. Wisl.*, II, 17, 48.

⁷⁾ *Ibid.*, I, 81; II, 19.

⁸⁾ *Stat. Wart.*, 5.

дѣти, то она не обязана дѣлиться съ ними; но, при выходѣ въ новое замужество, она должна оставить имъ отцовское имѣніе и половину своего ¹⁾). Первоначально, опека надъ дѣтьми принадлежала оставшемуся въ живыхъ мужу или роднымъ съ отцовской стороны. Вартскій статутъ устанавливаетъ опеку по завѣщанію и опредѣляетъ совершеннолѣтіе въ 15 лѣтъ для мальчиковъ и въ 12 лѣтъ для дѣвочекъ ²⁾), между тѣмъ какъ Вислицскій статутъ давалъ всѣмъ право дѣйствовать въ 12 лѣтъ ³⁾).

Литва обратилась въ христіанство только въ концѣ XIV вѣка. Великій князь Ягелло сдѣлался въ 1386 году польскимъ королемъ и личная унія двухъ государствъ стала измѣняться въ реальную унію. Древній литовскій языкъ мало-по-малу исчезъ и былъ замѣненъ сначала русскимъ, а потомъ польскимъ. Древнѣйшіе памятники литовскаго права суть переводы Вислицскаго и Вартскаго статутовъ. Послѣдній даже былъ данъ литовцамъ въ одно время съ поляками, при королѣ Владиславѣ II. Въ 1468 году Казиміръ IV, король польскій и великій князь литовскій, издалъ для литовцевъ судебный ордонансъ въ 23 статьяхъ. Наконецъ, въ 1529 король Сигизмундъ далъ Литвѣ отдѣльный кодексъ въ 13 книгахъ, первоначально написанный по-русски, но потомъ передѣланный на польскій и латинскій языки.

Первыя три книги литовскаго кодекса 1529 года имѣютъ предметомъ основныя права короны, военную службу и положеніе о дворянствѣ. Это—публичное право великаго княжества, выраженное въ новѣйшихъ формулахъ, что и избавляетъ насъ отъ обязанности подробно говорить о немъ здѣсь. Мы должны, однако, указать на одно замѣчательное постановленіе, относящееся къ отчужденію недвижимыхъ имуществъ. Это отчужденіе можетъ происходить только въ присутствіи и съ согласія королевскихъ чиновниковъ или самого короля, если дѣло касается имуществъ, пожалованныхъ послѣднимъ. Можно отчуждать не свыше третьей части своего имѣнія и закладывать не свыше двухъ третей, да еще подъ условіемъ выкупа родового имѣнія. Завѣщанія совершаются публично, при великомъ князѣ или его чиновникѣ. Съ разрѣшенія суда, можно подарить или завѣщать третью часть отцовскаго или мате-

¹⁾ *Stat. Wisl.*, I, 101.

²⁾ *Stat. Wart.*, 4.

³⁾ *Stat. Wisl.*, I, 72.

ринскаго, то-есть родового имѣнія. Больной можетъ завѣщать при свидѣтеляхъ, но завѣщаніе, такимъ способомъ совершенное, непременно должно быть одобрено судомъ.

Четвертая книга разсуждаетъ о приданомъ и о вдовьей части, почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ польскій статутъ, но литовскій кодексъ съ бѣльшею точностію опредѣляетъ часть имѣнія, которая подлежитъ свободному распоряженію собственника и другую часть, которая должна быть сохранена. При выходѣ замужъ, дочери, если ихъ нѣсколько, получаютъ приданое поровну. Совокупность приданныхъ равняется четверти имѣнія, сколько бы ни было дочерей и сколько бы ни было сыновей. Отецъ и мать могутъ, съ разрѣшенія суда, лишить свое дитя наслѣдства; но, если нѣтъ другихъ дѣтей, они должны двѣ трети своего состоянія оставить ближайшимъ родственникамъ.

Слѣдующія двѣ книги, трактующія объ опекахъ и о судоустройствѣ, не содержатъ ни одного постановленія, которое заслуживало бы наше описаніе. Другое дѣло—седьмая книга, озаглавленная: *О насиліяхъ и челоукоубійствахъ*. Литовскій кодексъ присуждаетъ убійцу къ смертной казни; но въ то же время онъ сохраняетъ цѣну крови, *golowczina*, уплачиваемую семьѣ убитаго, и штрафъ, платимый государству. Выходитъ, какъ будто новое наказаніе прибавляется къ прежнему вмѣсто того, чтобы замѣнять его. Что касается доказательствъ, то литовскій кодексъ провозглашаетъ, еще яснѣе, чѣмъ польскій статутъ, древнее славянское правило. Въ случаяхъ убійства или простыхъ побоевъ и пораненій, потерпѣвшій обязанъ немедленно сдѣлать открытое заявленіе ближайшимъ сосѣдямъ и предъявлять имъ какъ личное, такъ и матеріальныя слѣды или улики. Сдѣлавши это, онъ пополняетъ доказательство собственною присягою. Обвиняемый не допускается къ присягѣ. Онъ можетъ защищаться только свидѣтелями.

Преслѣдованіе убійцы производится семействомъ умершаго. Эта обязанность возлагается сначала на дѣтей, потомъ на братьевъ, сестеръ и другихъ родственниковъ, по порядку родства. Законъ не различаетъ преступнаго умысла отъ неосторожной вины. Во всѣхъ случаяхъ виновный въ нанесеніи ранъ присуждается къ штрафу и головчинѣ. Если кого-нибудь побили ночью, то тотъ, кто погасилъ свѣтъ, считается нанесшимъ побои. Для иска противъ виновнаго

въ убійствѣ существуетъ десятилѣтняя давность, для иска противъ виновнаго въ насиліяхъ—трехлѣтняя.

Производство по дѣламъ о правѣ собственности и о межеваніи составляетъ содержаніе VIII книги. Правила по этому предмету очевидно заимствованы изъ древнихъ мѣстныхъ обычаевъ и заслуживаютъ быть упомянутыми. Владѣніе доказывается свидѣтелями, безъ присяги сторонъ. Когда оно продолжается три года, то охраняется противъ всякаго нарушенія; но оно служитъ препятствіемъ для виндикаціонныхъ исковъ. Въ этомъ случаѣ каждая сторона приводитъ по 18 свидѣтелей и каждая сторона уменьшаетъ до шести число свидѣтелей, приведенныхъ противникомъ. Вопросъ о владѣніи разрѣшается на основаніи свидѣтельскихъ показаній, послѣ чего владѣлецъ, для доказательства права собственности допускается къ принятію присяги самъ-сѣмъ. Принятая, при этихъ условіяхъ, присяга составляетъ доказательство. Когда противъ всѣхъ 18 свидѣтелей, приведенныхъ стороною, предъявляются ея противникомъ отводы, то сторонѣ, выставившей свидѣтелей, дозволяется возражать противъ этихъ отводовъ; если возраженія ея будутъ въ состояніи устранить отводы, то предъявившій послѣдніе приговаривается къ платежу, каждому изъ свидѣтелей, суммы, равной головчинѣ за побои и раны.

Оставляемъ въ сторонѣ IX книгу о лѣсахъ, охотѣ и пчелиныхъ ульяхъ и переходимъ къ X книгѣ, говорящей о благопріобрѣтенныхъ имуществвахъ *), на которыя можетъ быть обращено взысканіе по обязательствамъ, принятымъ на себя собственниками ихъ. Кодексъ вводитъ родъ ипотечнаго учрежденія, основаннаго на началѣ гласности. Платежъ долговъ, обезпеченныхъ ипотекою съ отмѣткою въ книгѣ, можетъ быть требуемъ въ теченіе десяти лѣтъ со всякаго пріобрѣтателя имѣнія. Но залогъ недвижимости чаще всего дѣлается въ древней формѣ продажи съ выкупомъ проданной вещи. Если продавецъ пропуститъ срокъ для выкупа, то покупатель становится безспорнымъ собственникомъ вещи, причемъ онъ все-таки обязанъ пригласить родныхъ продавца къ выкупу ея.

Положеніе свободныхъ крестьянъ, крѣпостныхъ и рабовъ составляетъ содержаніе XI книги. Каждый классъ имѣетъ опредѣленную оцѣнку по тарифу, причемъ оцѣнка эта двоякаго рода: одна

*) См. примѣч. на стр. 11-й.

(Примѣч. перев.)

на случай убійства, другая для простыхъ пораненій. Женщина оцѣнена, вообще, вдвое дешевле мужчины. Классъ несвободныхъ лицъ пополняется четырьмя способами. Въ него вступаютъ: 1) дѣти, рожденные отъ несвободныхъ родителей; 2) плѣнные, взятые въ непріятельской землѣ; 3) воры, приговоренные къ смерти, когда они выданы были потерпѣвшему, требовавшему ихъ осужденія и были пощажены имъ, и 4) тѣ, кто сами себя продали въ рабство, а также свободный мужчина, женившійся на рабынѣ и свободная женщина вышедшая замужъ за раба.

Двѣ послѣднія книги имѣютъ своимъ предметомъ кражу, съ насилиемъ или безъ насилія. Въ этомъ случаѣ литовскій законъ повторяетъ постановленія, встрѣчающіяся всюду, но излагаетъ ихъ съ большею опредѣленностію. Воръ, схваченный на мѣстѣ совершенія преступленія, то-есть, по выраженію нашихъ старинныхъ обычаевъ, *saisi et vêtü de la chose emblée*, тотчасъ же подлежитъ повѣшенію, безъ всякаго судебного разбирательства. Кто разыскиваетъ вора по слѣдамъ, тотъ имѣетъ право сдѣлать обыскъ во всякомъ домѣ, куда воръ покажется ему скрывшимся. Затѣмъ, закономъ предусмотрѣнъ еще случай, когда извѣстно, изъ какой деревни явились воры, но неизвѣстно, — кто являлся. Тогда, говоритъ законъ, слѣдуетъ искать правды въ этой деревнѣ и взять изъ нея трехъ человѣкъ, которые обязаны подъ присягою показать, что имъ неизвѣстны воры. Если они отказываются отъ присяги, то взысканію убытковъ подвергается вся деревня.

Искъ къ третьимъ лицамъ, у которыхъ находятся украденныя вещи, производится по обыкновеннымъ правиламъ. Если удерживающій краденое назоветъ виновника и приведетъ его въ судъ, то онъ только лишается того, что заплатилъ за краденое. Но, если онъ не можетъ указать или привести того, отъ кого получилъ краденое, то обязанъ сполна вознаградить потерпѣвшаго и заплатить штрафъ. Когда онъ клянется, что купилъ вещь на рынкѣ, въ военномъ лагерѣ или на ярмаркѣ, и коль скоро присягу онъ подтвердитъ свидѣтелями, то никакому наказанію не подвергается, но долженъ возратить вещь и терять то, что заплатилъ за нее.

Воръ, захваченный въ домѣ, можетъ быть убитъ безнаказанно, съ тѣмъ, однако, чтобы объ этомъ было немедленно заявлено. Но, когда онъ не былъ тотчасъ же убитъ, то долженъ быть отведенъ

къ судьбѣ въ теченіе трехъ дней. По прошествіи этого времени, если плѣнникъ умретъ, задержавшій его отвѣчаетъ головчиною.

Таковы главныя черты литовскаго кодекса.

Въ послѣдній разъ литовскій кодексъ былъ пересмотрѣнъ въ 1564 году. Что касается Польши, то ей не удалось составить кодексъ. Польское законодательство всегда основывалось на Вислицкомъ статутѣ, дополняемомъ и измѣняемомъ въ разное время королевскими постановленіями. Самое замѣчательное изъ этихъ измѣненій касается судьбы недвижимыхъ имѣній, которыя объявлены были не подлежащими завѣщательному распоряженію и давности. Сверхъ того, на нихъ невозможно было наложить запрещеніе, по крайней мѣрѣ, это вѣрно по отношенію къ землѣ, такъ какъ кредиторы обращали взысканія лишь на доходы съ земли. Эти особенныя законы обусловливаются положеніемъ страны, постоянно открытой для нашествій монголовъ, татаръ, турокъ и казаковъ. Каждый собственникъ земли обязанъ былъ военною службой, вся національная армія устроена была по этой системѣ и благосостояніе страны оказалось бы въ затруднительномъ положеніи, если бы собственность могла легко переходить изъ рукъ въ руки. Но мы не имѣемъ въ виду говорить о польскомъ законодательствѣ новѣйшей эпохи, да и говорить объ этомъ было бы неинтересно, такъ какъ въ настоящее время этого законодательства уже совсѣмъ нѣтъ; его замѣнили кодексы прусскій, австрійскій и русскій, а въ теперешнемъ царствѣ Польскомъ кодексъ Наполеона.

IX.

Древнее славянское право. Русскіе.

Древнѣйшими, дошедшими до насъ памятниками русскаго права ¹⁾ служатъ четыре мирныхъ договора, заключенныхъ въ X вѣкѣ между русскими князьями и греческими константинопольскими императорами. Славянскій текстъ этихъ трактатовъ сохранился въ хроникѣ, которая носитъ имя Нестора и которая въ первый разъ издана въ концѣ XVIII столѣтія. Подлинность ея была горячо оспариваема, но въ настоящее время находится внѣ всякихъ сомнѣній. Что касается пониманія ея, то его также можно считать установившимся, благодаря трудамъ выдающихся филологовъ, изслѣдовавшихъ эти трудные тексты ²⁾.

Первый трактатъ, совершенный въ 907 году русскимъ княземъ Олегомъ и греческими императорами Львомъ и Александромъ, представляетъ очень небольшой по объему торговый договоръ. Русскіе купцы получаютъ право бывать въ Константинополѣ, съ условіемъ останавливаться внѣ города и являться въ числѣ не болѣе пятиде-

¹⁾ Библіографія исторіи русскаго права была бы очень длинна; мы ограничимся перечисленіемъ слѣдующихъ трудовъ:

Ewers, *Das älteste Recht der Russen*, 1 vol., in-8°, Dorpat, 1826.

Alexander von Reutz. *Versuch über die geschichtliche Ausbildung der Russischen Staats—und Rechtsverfassung*, 1 vol., in-8°, Mitau, 1829.

Бѣляевъ, *Лекціи по исторіи русскаго законодательства*, 1 т., in-8°, Москва, 1879.

Владимірскій-Будановъ, *Исторія русскаго права*, Кіевъ, 1886.

Всѣ тексты, имѣющіе значеніе при изученіи древняго русскаго права, собраны Владимірскимъ-Будановымъ въ *Хрестоматіи для исторіи русскаго права*, Кіевъ, 3-е изд., 1885.

²⁾ См. французскій переводъ, изданный Леже (Léger, professeur au Collège de France), 1883.

сяти человекъ, безъ оружія и въ сопровожденіи императорскаго чиновника. Греческое правительство обязывается снабжать ихъ жизненными припасами во время пребыванія ихъ въ Греціи и снастями для судовъ во время ихъ отплыва.

Другой трактатъ заключенъ въ 912 году между тѣми же государями. Всѣ послы Олега, привезшіе въ Константинополь документъ, подписанный Олегомъ и торжественно подтвержденный въ Кіевѣ присягою князя и всѣхъ бояръ, носятъ скандинавскія имена. Очевидно, это были варяги, потомки товарищей Рюрика и его братьевъ. Однихъ ихъ именъ достаточно для того, чтобы засвидѣтельствовать подлинность акта, такъ какъ во времена Нестора никто въ Россіи не могъ бы выдумать подобныхъ именъ. Стороны взаимно обѣщаютъ миръ и дружбу; сверхъ того, онѣ предусматриваютъ и съ строгою точностью опредѣляютъ форму и способъ рѣшенія споровъ, которые могутъ возникать между русскими и греками. Чтобы предупредить всякое столкновеніе между греческимъ и русскимъ законами, трактатъ создаетъ общій законъ, почти цѣликомъ заимствованный изъ русскаго закона. Иначе и быть не могло, потому что, когда два народа неравной цивилизаціи приходятъ въ соприкосновеніе другъ съ другомъ, то уступки всегда дѣлаетъ изъ нихъ тотъ, который стоитъ выше по развитію. Болѣе совершенный законъ не можетъ быть въ употребленіи народа, социальное положеніе котораго ниже.

Трактатъ различаетъ два рода преступленій: противъ лицъ и противъ имуществъ. Въ томъ и въ другомъ случаяхъ, прежде всего идетъ рѣчь о доказательствѣ. По первой статьѣ трактата доказательство слагается изъ двухъ элементовъ. Жалобщикъ сначала предъявляетъ судѣ или полицію, или улики, напримѣръ, окровавленную одежду жертвы. Хотя эти данныя вполне способны служить доказательствомъ преступнаго факта, но онѣ могутъ оказаться недостаточными для установленія виновности обвиняемаго. Тогда жалобщику дозволяется пополнить свои доказательства присягою, принятою сообразно правиламъ исповѣдуемой имъ религіи. Онъ клянется, что противникъ виновенъ и тогда это послѣднее положеніе считается доказаннымъ; обвиняемый подлежитъ неизбѣжному осужденію, если только онъ самъ не представитъ доказательствъ противнаго. Какъ видно, тутъ нѣтъ рѣчи ни о соприсяжникахъ, ни объ ордаліяхъ, т. е. о такихъ доказательствахъ, ко-

торыя не приняты въ греческихъ судахъ; но не упоминается также и о свидѣтельскомъ показаніи, которымъ русскіе не могли пользоваться въ этихъ судахъ. Потому-то трактатъ избралъ, между двумя законами, средній путь.

Эти постановленія слишкомъ важны для того, чтобы мы не привели ихъ цѣликомъ.

«Въ дѣлахъ объ убійствахъ, мы постановляемъ слѣдующее. Если улики дѣйствительно представлены, то имъ дается вѣра. Когда онѣ не заслуживаютъ довѣрія, то сторона принимаетъ присягу и, если послѣ присяги, принятой тяжущимся по правиламъ его вѣроисповѣданія, откроется на судѣ, что онъ солгалъ, то подлежитъ наказанію.

«Если русскій убьетъ христіанина, или христіанинъ убьетъ русскаго, то будетъ преданъ смерти, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ совершено имъ убійство. Если совершившій убійство убѣжитъ и имѣетъ чѣмъ заплатить, то въ этомъ случаѣ то, что принадлежитъ ему по праву, будетъ взято родственниками умершаго (изъятіе сдѣлано для жены убійцы по отношенію ко всему тому, что принадлежитъ ей по закону) ¹⁾. Если убійца убѣжитъ и не имѣетъ чѣмъ заплатить, то онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть преслѣдуемъ жалобщикомъ и преданъ смерти».

Для простыхъ пораненій наказаніе опредѣлено по русскому закону въ 5 фунтовъ серебра. Если преступникъ не въ состояніи заплатить и клянется, по своей вѣрѣ, что никто не можетъ помочь ему, то у него берется все, что у него есть, и даже его одежды, но свободы онъ не лишается.

Воръ, который, будучи застигнутъ на мѣстѣ преступленія, сопротивляется и не даетъ себя связать, можетъ быть убитъ безнаказанно. Если онъ даетъ связать себя и отвести къ судѣ, то только приговаривается къ возвращенію похищенной вещи и, сверхъ того, къ уплатѣ, въ видѣ наказанія, тройной стоимости этой вещи: это—*poena quadrupli* римскаго права. То же самое слѣдуетъ и въ томъ случаѣ, когда вещь взята насильственно или съ оружіемъ въ рукахъ.

Затѣмъ трактатъ предписываетъ взаимныя мѣры для спасанія

¹⁾ Существуетъ сомнѣніе относительно словъ, поставленныхъ здѣсь въ скобки. Нѣкоторые читаютъ: «за исключеніемъ вознагражденія, присуждаемаго, по закону тому, кто задержитъ убійцу».

гибнущихъ судовъ и экипажа; послѣ чего онъ переходитъ къ вопросамъ, ближе касающимся гражданскаго права. Выкупленные плѣнники свободны, но сумму выкупа обязаны уплатить деньгами или своимъ трудомъ. Если будутъ взяты греками въ плѣнъ русскіе, находящіеся на службѣ иноземной державы, то они отсылаются въ Россію съ условіемъ выкупа. Русскіе могутъ поступить, въ качествѣ солдатъ, на службу къ греческому императору. Свободные люди, проданные въ рабство, греки въ Россіи, а русскіе въ Греціи, подлежатъ выкупу, по цѣнѣ 20 фунтовъ золота. Если русскій рабъ убѣжитъ или будетъ похищенъ, или уведенъ силою, то русскій хозяинъ можетъ виндицировать его въ греческихъ судахъ и отвезти въ Россію. Вслѣдствіе этого, хозяинъ имѣетъ право, лично или чрезъ своего представителя, произвести обыскъ въ домѣ предполагаемаго похитителя. Если послѣдній сопротивляется обыску, то истецъ можетъ взять въ вознагражденіе одного изъ рабовъ похитителя. Русскій, состоя на службѣ въ Греціи, можетъ свободно располагать своимъ имуществомъ и, на случай смерти, отказать его по письменному завѣщанію. При отсутствіи завѣщанія, имущество его переходитъ къ русскимъ или греческимъ родственникамъ его.

Наконецъ, трактатъ устанавливаетъ взаимную выдачу преступниковъ по заявленію одного правительства другому. Постановленіе это замѣчательно въ томъ отношеніи, что договоры о выдачѣ преступниковъ начинаются въ Западной Европѣ не раньше XV столѣтія.

Третій договоръ относится къ 945 году. Онъ заключенъ между русскимъ княземъ Игоремъ съ одной стороны и, съ другой стороны, греческими императорами Романомъ, Константиномъ и Стефаномъ. Онъ является не столько новымъ трактатомъ, сколько подтвержденіемъ и развитіемъ предшествовавшихъ трактатовъ. Въ началѣ его говорится о полицейскихъ мѣрахъ относительно ежегоднаго прибытія русскаго флота, извѣщеній, которыя должны быть сдѣланы по этому предмету, и пріѣзда русскихъ купцовъ въ Константинополь. Русскій купецъ не можетъ купить шелку больше, чѣмъ на 15 золотыхъ монетъ. Трактатъ устанавливаетъ розыскъ и взаимную выдачу бѣглыхъ рабовъ. Если рабъ не отысканъ, то русскій хозяинъ допускается къ принятію присяги и получаетъ отъ греческаго правительства вознагражденіе въ размѣрѣ двухъ

кусковъ шелковой ткани за раба. Бѣглыхъ греческихъ рабовъ русское правительство возвращаетъ, удерживая съ cadaго раба премію въ двѣ золотыхъ монеты, за цѣнности, вывезенныя въ Россію. Кража съ насиліемъ или безъ насилія влечетъ за собою только двойное вознагражденіе за украденную вещь, съ прибавкою, однако, тѣлеснаго наказанія, согласно греческаго или русскаго закона. Размѣръ преміи за греческихъ рабовъ, выкупленныхъ и препровожденныхъ на родину, опредѣляется или огульно, или же, смотря по обстоятельствамъ, въ пять, въ семь или десять золотыхъ монетъ съ головы. За русскаго плѣннаго премія положена въ десять золотыхъ монетъ. Если онъ находится у грека, то послѣдній имѣетъ право на возвращеніе цѣны, уплаченной имъ самимъ, и по этому предмету дается вѣра принятой имъ присягѣ. Русскіе въ Греціи не могутъ быть судимы своими одноплеменниками. Они обязаны относиться къ императору или къ его судьямъ. Постановленія трактата 912 года объ убійствѣ и пораненіяхъ подтверждаются настоящимъ трактатомъ и, сверхъ того, въ послѣднемъ объяснено, что убійца, христіанинъ или русскій, будетъ выданъ роднымъ жертвы, которые въ правѣ умертвить его. Это постановленіе, общее всѣмъ древнимъ законодательствамъ, мы уже не находимъ въ римскомъ правѣ. Какъ видно, здѣсь греческій законъ становится на одномъ уровнѣ съ русскимъ и это было тѣмъ болѣе необходимо, что у русскихъ въ то время, вѣроятно, не было палача. Наконецъ, трактатъ удерживаетъ и дополняетъ прежнія постановленія, касающіяся военной службы русскихъ въ Греціи, союза обѣихъ странъ и сосѣдскихъ отношеній на границѣ, прилегающей къ Херсону.

Четвертый и послѣдній договоръ относится къ 971 году. Онъ заключенъ между русскимъ княземъ Святославомъ и греческимъ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ. Этотъ трактатъ говоритъ о мирѣ и о наступательномъ и оборонительномъ союзѣ, а въ общемъ находится въ связи съ предыдущими трактатами.

Постановленія, которыя мы сейчасъ разсмотрѣли, даютъ точныя свѣдѣнія о состояніи русскаго общества въ X вѣкѣ. Первобытное право частной мести уже уступило мѣсто общественному суду, который налагаетъ наказаніе отъ имени государя. Но, несмотря на это, остается еще глубокий слѣдъ древней идеи. Это именно преслѣдованіе преступленія родными жертвы и предостав-

ленное убійцѣ право откупиться. Сюда же слѣдуетъ отнести право убить безъ суда вора, застигнутого на мѣстѣ преступленія. Наконецъ, остаткомъ древности нужно считать и характеръ доказательства посредствомъ присяги. Хотя Божій судъ является здѣсь уже не въ варварской формѣ каленаго желѣза или кипятка, но все-таки въ той формѣ присяги, какая допущена была греками. Къ тому же мы знаемъ, изъ свидѣтельства одного арабскаго путешественника, посѣтившаго Россію въ описываемое время, что у русскихъ судебный поединокъ имѣлъ повсемѣстное распространеніе. «Когда одинъ русскій ведетъ тяжбу съ другимъ, говоритъ Ибнъ-Достъ, то зоветъ его къ княжескому суду и являются оба; постановленное княземъ рѣшеніе приводится въ исполненіе; если этимъ рѣшеніемъ обѣ стороны не довольны, то князь обязываетъ ихъ покончить дѣло оружіемъ. У кого сабля острѣе, тотъ и выигрываетъ тяжбу. Ко времени сраженія, прибываютъ близкіе обоихъ противниковъ съ оружіемъ въ рукахъ и обступаютъ мѣсто, назначенное для поединка. Тогда бойцы начинаютъ сраженіе и побѣдитель можетъ предписать побѣжденному условія, какія пожелаетъ».

Сношенія русскихъ съ Константинополемъ не долго оставались исключительно дѣловыми. Когда, около 1000 года, одновременно съ Венгріею, Россія сдѣлалась христіанскою, то она тѣсно сблизилась съ греческою Церковью и *Номоканонъ* патріарха Фотія ввелъ между русскими предписанія каноническаго права ¹⁾. Мало-по-малу, эти предписанія проникли и въ гражданское право. Хроника Нестора свидѣтельствуетъ о первыхъ попыткахъ преобразованія и о составленіи перваго русскаго кодекса.

Величайшій изъ государей древней Россіи, обратившій ее въ христіанскую вѣру, Владиміръ, умеръ въ Кіевѣ въ 1015 году и раздѣлилъ свое царство между сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Святополкъ, умертвилъ своихъ братьевъ, Бориса и Глѣба, и вѣнчался въ Кіевѣ на царство. Но другой братъ, Ярославъ, княжившій въ Новгородѣ, пошелъ противъ Святополка, былъ то побѣдителемъ, то побѣжденнымъ и, наконецъ, въ 1019 году одержалъ рѣшительную побѣду. «Ярославъ, говоритъ Новгородская лѣтопись, вступилъ въ Кіевъ, сѣлъ на престолъ своего отца, Владиміра, роздалъ награды

¹⁾ Есть очень древніе сборники каноническаго права, написанные по-славянски и взятые изъ этого источника. Они носятъ имена Владиміра и Ярослава,

сподвижникамъ—начальникамъ по 10 гривенъ, простымъ воинамъ по 1 гривнѣ, новгородцамъ по 10 гривенъ,—отпустилъ ихъ, давши имъ писанный законъ и указъ и сказалъ имъ: «Слѣдуйте этому указу. Соблюдайте то, что написано въ этой книгѣ». Эта книга составляетъ древнѣйшій русскій кодексъ, извѣстный подъ названіемъ *Русской Правды*. Предназначенный сначала для одного новгородскаго княжества, онъ, въ дѣйствительности, принятъ былъ во всей Россіи. Послѣ смерти Ярослава, въ 1054 году, трое сыновей его, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ прибавили, съ общаго согласія, нѣсколько статей къ прежнему тексту.

Этотъ памятникъ древняго славянскаго права открытъ въ 1738 году Татищевымъ въ рукописи начала XV вѣка. Въ первый разъ, онъ былъ изданъ Шлецеромъ, въ 1767 году. Съ тѣхъ поръ найдено 50 рукописей; нѣкоторыя изъ нихъ болѣе древняго происхожденія, чѣмъ другія. Эти рукописи, какъ обыкновенно случается съ книгами законовъ, содержатъ въ себѣ несхожіе тексты. Въ настоящее время различаютъ двѣ редакціи,—древнѣйшую и новѣйшую и въ каждой имѣются два текста,—одинъ короче другого. Такимъ образомъ въ первой редакціи одинъ текстъ имѣетъ 115 статей, а другой только 43 ¹⁾.

Разборъ трактатовъ Олега и Игоря съ греками уже показалъ, что у русскихъ, какъ и у всѣхъ древнихъ народовъ, наказаніе убійцы было предоставлено мщенію родственниковъ жертвы и что убійца могъ откупиться, заплативши денежное вознагражденіе, называвшееся по-русски *вира*. Нѣкоторые нѣмецкіе писатели желали видѣть въ этомъ учрежденіи слѣдъ германскаго вліянія, которое будто бы отразилось на славянахъ черезъ посредство скандинавскихъ варяговъ. Предположеніе это на столько же ошибочно, на сколько бесполезно, потому что русскіе такъ же способны были изобрѣсти *виру*, какъ германцы—*wergeld*; а съ другой стороны, скандинавы, не бывшіе, собственно говоря, германцами, скорѣе сами подпали подъ славянское вліяніе, чѣмъ наложили свое вліяніе на славянъ. Даже языкъ скандинавовъ проникнутъ славянскими элементами. Не входя въ дальнѣйшія возраженія противъ мнѣнія,

¹⁾ Кромѣ превосходнаго сочиненія Эверса, можно дѣлать справки въ книгѣ, написанной по-русски и изданной въ 1846 году въ Москвѣ Калачовымъ. Тотъ же авторъ издалъ отдѣльно четыре текста Русской Правды съ краткими примѣчаніями (3-е изданіе, Петербургъ, 1881).

которое теперь уже никто не поддерживает, замѣтимъ, что, начиная съ X столѣтія, на 100 лѣтъ позже прибытія Рюрика и его братьевъ въ Новгородъ, русскіе, или, лучше сказать, христіанское духовенство, такъ какъ это было во время крещенія русскихъ, хотѣли уничтожить виру. Лѣтопись Нестора содержитъ въ себѣ по этому предмету характеристическій разсказъ: «Владиміръ, говоритъ она, жилъ въ страхѣ Божіемъ; между тѣмъ число разбойниковъ увеличивалось и епископы сказали Владиміру: «Число разбойниковъ увеличивается. Почему не наказываешь ихъ?» Онъ отвѣчалъ имъ: «Боюсь грѣшить». Они возразили ему: «Ты поставленъ Богомъ, чтобы наказывать злыхъ и помогать добрымъ. Нужно наказать разбойниковъ, но убѣдившись въ ихъ преступленіяхъ». Владиміръ отмѣнилъ виру и рѣшился наказывать разбойниковъ. И епископы и старѣйшины сказали: «Наши войны многочисленны. Если есть вира, то пусть она служитъ для покупки оружія и лошадей». Владиміръ сказалъ: «Пусть будетъ такъ» ¹⁾).

Этотъ разсказъ, будь онъ—исторія или легенда, поучителенъ для того, кто сумѣетъ понять его. Вознагражденіе предполагаетъ право мщенія и исключаетъ всякую мысль о наказаніи, налагаемомъ во имя государства. Когда епископы убѣждаютъ Владиміра замѣнить мщеніе наказаніемъ, то Владиміръ колеблется. Онъ спрашиваетъ себя, въ правѣ ли онъ сдѣлать это, такъ какъ древній обычай вошелъ въ сознаніе всѣхъ. Наконецъ, онъ рѣшается, но отмѣняетъ виру для того, чтобы вслѣдъ затѣмъ возстановить ее въ видѣ пени, платимой въ общественную казну. Такимъ же образомъ, въ германскихъ законахъ, *fredum* мало-по-малу заняло мѣсто рядомъ съ вознагражденіемъ.

Неизвѣстно, сколько времени вводилась реформа Владиміра. Вѣрно только то, что еще въ XI вѣкѣ вира встрѣчается въ законѣ Ярослава и имѣетъ характеръ простого вознагражденія. Въ это время, право мести господствуетъ еще во всей своей первобытной жестокости. Лѣтопись Нестора приводитъ случай, относящійся къ 1071 году. Русскій воевода Янъ преслѣдуетъ людей, совершившихъ преступленія и, наконецъ, овладѣваетъ ими при помощи волжскихъ судовщиковъ. Янъ говоритъ судовщикамъ: «Не убили ли эти люди кого-нибудь изъ вашихъ родственниковъ?» Они

¹⁾ Несторъ, гл. XLV.

отвѣчали: «У меня они убили мать, у меня—сестру, у меня—ребенка». Янъ сказалъ имъ: «Отомстите за вашихъ близкихъ». Они схватили ихъ, умертвили и повѣсили на деревѣ ¹⁾». Таково древнѣйшее право.

Итакъ, законъ Ярослава начинается провозглашеніемъ права или, скорѣе, обязанности мщенія. Это — безусловная обязанность для родственниковъ въ прямой линіи, а въ боковой—для братьевъ, дядей и племянниковъ, причемъ убійство умышленное не отличается отъ неумышленного убійства. Точно также законъ Дракона, у афинянъ, не распространялъ права мести дальше двоюродныхъ братьевъ, ἐντὸς ἀνεψιότητος καὶ ἀνεψίου. По Русской Правдѣ, дальнѣйшіе родственники лишаются права мести; но они получаютъ цѣну крови. Последняя опредѣлена въ 40 гривенъ или 20 фунтовъ серебра, причемъ званіе или состояніе убійцы не дѣлаетъ разницы, и цѣна крови одинакова, будетъ ли убійца русскій или иностранецъ, дворянинъ, солдатъ или купецъ.

Въ случаяхъ простыхъ побоевъ и ранъ, самому раненому принадлежитъ право отмстить за себя. Если онъ не въ состояніи сдѣлать этого, то получаетъ три гривны и, сверхъ того, издержки на лѣченіе. Доказательствомъ служитъ одинъ лишь осмотръ раны или ушиба. Свидѣтелей представляютъ тогда только, когда ударъ не оставилъ слѣдовъ. Подобное постановленіе мы уже встрѣтили въ договорѣ 912 года, между русскими и греками; есть, однако, между обоими договорами та разница, что Русская Правда не допускаетъ присяги и вводитъ, какъ доказательство, свидѣтельскія показанія.

Тотъ, кто ударилъ палкою или какимъ-нибудь оружіемъ, или даже шпагою, но не вынимая ея изъ ноженъ, платитъ 12 гривенъ. Если рана имѣла своимъ послѣдствіемъ отнятіе или параличъ руки или ноги, то штрафъ равенъ 40 гривнамъ. Рана, сдѣланная на пальцѣ, оплачивается 3 гривнами. За вырваніе усовъ или бороды платятъ 12 гривенъ. За обнаженіе шпаги, безъ удара, платится 1 гривна. Кто встряхнетъ человѣка, потянувши его къ себѣ или оттолкнувши назадъ, тотъ платитъ 3 гривны; но, такъ какъ этотъ фактъ не оставляетъ слѣдовъ, то необходимы свидѣтели и, если жалобщикъ иностранецъ, варягъ или померанецъ, который поэтому не можетъ найти свидѣтелей, то дозволяется ему доказывать пре-

¹⁾ Несторъ, гл. LXV.

ступное дѣйствіе своею присягой ¹⁾. Это — тоже привилегія, которая выговорена по договору 912 года для русскихъ, судящихся въ греческихъ судахъ.

За постановленіями о правахъ, приобрѣтаемыхъ по рожденію, слѣдуютъ законы о кражѣ. Тутъ наказаніе однообразно для всѣхъ случаевъ, именно: реституція и 3 гривны штрафа; но случаи, предусмотрѣнные закономъ, достойны вниманія. Первый такой случай — укрывательство. Рабъ бѣжитъ и находитъ пристанище у варяга или у иностранца, который скрываетъ его. Хозяинъ объявляетъ о томъ, что у него похищенъ рабъ и, въ силу этого объявленія, рабъ долженъ быть выданъ ему въ теченіе трехъ дней. Если бѣглецъ обнаруженъ по минованіи этого срока, то укрыватель подвергается наказанію. Другой случай — пользованіе какимъ-нибудь предметомъ, напримѣръ, лошадью, безъ согласія собственника. Эти два случая причисляются къ кражамъ. По отношенію же къ кражѣ въ собственномъ смыслѣ, постановлено слѣдующее правило. Когда украденная вещь находится въ предѣлахъ общины, то обокраденный собственникъ можетъ непосредственно взять свою вещь. Если онъ не пользуется этимъ правомъ, потому ли что сомнѣвается въ тождествѣ найденной вещи, или потому, что удерживающій ее самъ выставляетъ себя собственникомъ и отказывается уступить ее, то онъ, т. е. виндицирующій, не въ правѣ дѣйствовать силою, а долженъ только потребовать отъ своего противника, чтобы тотъ представилъ за себя поручительство. Противнику можетъ быть дано для этого пять дней срока, но съ условіемъ представить немедленно двухъ поручителей.

Случается, что отыскиваемая вещь не будетъ выдана удерживающимъ ее и послѣдній даже можетъ заявить, что онъ не получалъ ее. Въ такомъ случаѣ, стороны идутъ объясняться передъ жюри, составленнымъ изъ 12 членовъ общины. Если удерживающій вещь будетъ этимъ жюри признанъ виновнымъ, то онъ реституируетъ вещь и платитъ штрафъ.

Законъ могъ бы остановиться на этомъ мѣстѣ, но редакторъ счелъ нужнымъ прибавить три отдѣльныхъ правила, которыми устраняются нѣкоторыя затрудненія, встрѣчающіяся при примѣненіи закона.

¹⁾ Бѣляевъ полагаетъ, что Ярославъ не желалъ, чтобы иностранцы не христіане подчинены были способу доказательства, взятому имъ изъ греческаго законодательства.

Прежде всего законъ самъ ограничиваетъ правило, по которому, въ случаѣ виндикаціи украденной вещи, слѣдуетъ переходить отъ одного поручителя къ другому и продолжать это до тѣхъ поръ, пока не будетъ обнаруженъ воръ. Законъ говоритъ, что виндицирующій не обязанъ въ этомъ случаѣ обращаться болѣе, чѣмъ къ тремъ лицамъ. Дойдя до третьяго отвѣтчика, онъ можетъ сказать ему: «Ты отдашь мнѣ теперь украденную вещь, а для полученія уплаченной цѣны, за тобою останется право на обратное требованіе къ твоему продавцу, причемъ нуженъ будетъ свидѣтель продажи». Но штрафъ уплачивается только воромъ, когда онъ обнаруженъ. Если похищенъ рабъ, то вмѣсто него третій отвѣтникъ отдаетъ на время другого раба, а похищеннаго удерживаетъ у себя до тѣхъ поръ, когда открытъ будетъ воръ. Во-вторыхъ, когда рабъ нанесетъ побои свободному человѣку и затѣмъ скроется въ чьемъ-нибудь домѣ, то хозяинъ этого дома обязанъ выдать раба или же, вмѣсто выдачи его, заплатить 12 гривенъ. Но въ послѣднемъ случаѣ рабъ остается предоставленнымъ мести обиженнаго, который при встрѣчѣ можетъ бить и даже убить его безнаказанно. Наконецъ, въ третьихъ, кто обязанъ реституировать вещь, тотъ долженъ реституировать ее въ цѣлости и въ хорошемъ видѣ; въ противномъ случаѣ онъ платитъ стоимость ея и больше ничего.

Таковы постановленія Ярославова кодекса. Какъ уже сказано, они были пересмотрѣны и дополнены тремя сыновьями Ярослава, между 1054 и 1068 годами. Этотъ дополненный законъ уже не относится безразлично ко всякаго рода убійствамъ: онъ наказываетъ только тѣ изъ нихъ, которыя совершены съ злымъ умысломъ. Размѣръ вины опредѣляется, вообще, за убійство дворянъ и княжескихъ чиновниковъ отъ 40 до 80 гривенъ. Онъ уменьшается до 12 гривенъ за убійство деревенскаго старшины, кормилицы или мужа кормилицы и, наконецъ, до 5 гривенъ за убійство крестьянина или раба. Такимъ образомъ вира перестала быть однообразною. Существуетъ уже лѣстница, сообразующаяся съ званіемъ убитаго лица.

Подобный же тарифъ, съ нисходящею лѣстницею отъ 3 гривенъ до мелкой монеты, установленъ за истребленіе домашнихъ животныхъ: лошадей, быковъ, коровъ, барановъ, причемъ тарифъ рассчитанъ по ихъ возрасту. Существуетъ также тарифъ за кражу. Законъ отличаетъ кражу лошади, кражу роя пчелъ, судна, домаш-

ней птицы, собаки, барана, козы или свиньи, и даже известнаго количества сѣна или дровъ. Самый высокій штрафъ — 3 гривны, но за кражу раба онъ равняется 12 гривнамъ.

Правда дѣтей Ярослава предусматриваетъ два новыхъ преступленія. Она наказываетъ штрафомъ отъ 3 до 12 гривенъ, смотря по обстоятельствамъ, того, кто жестоко обращается съ крестьяниномъ, дворяниномъ, княжескимъ чиновникомъ, или человекомъ, носящимъ шпагу. Она также налагаетъ штрафъ въ 12 гривенъ на того, кто перемѣщаетъ межу.

Далѣе слѣдуютъ отдѣльныя постановленія, предназначенныя для разрѣшенія нѣкоторыхъ трудностей, встрѣчающихся при примѣненіи закона. Такъ, когда убить господинъ, а убійца не можетъ быть найденъ, то вира платится тѣмъ, на чьей землѣ лежитъ голова умершаго. Воръ можетъ быть убитъ, какъ собака, въ ту минуту, когда онъ захваченъ на мѣстѣ преступленія, въ спальнѣ, на дворѣ или въ конюшнѣ. Но, когда тотчасъ же его не убьютъ или когда ожидаютъ наступленія дня, то дозволяется только представить его къ судѣ; если же кто убьетъ его по минованіи нѣкотораго времени послѣ задержанія, тотъ долженъ платить виру. Когда воръ убитъ, то обращается вниманіе на положеніе его тѣла. Если ноги его лежатъ снаружи дверей, то платится вира, если же ноги находятся съ внутренней стороны дверей, то убійство считается законнымъ. Каждый изъ соучастниковъ кражи, хотя бы ихъ было до десяти человекъ, платитъ полный штрафъ.

Двѣ послѣднія статьи этого закона устанавливаютъ правила, которыми должны руководствоваться сборщики штрафовъ во время своихъ разъѣздовъ и сборщики дорожной пошлыны во время построекъ или починокъ мостовъ.

Второе изданіе Русской Правды было въ концѣ XIII столѣтія. Эверсъ помѣщаетъ его между 1280 и 1299 годами. Основую его служить древній текстъ, съ прибавленіемъ глоссъ и объясненій, источникомъ которыхъ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать практику и юриспруденцію. Этотъ законъ, обновленный и истолкованный, чрезвычайно полезенъ для разъясненія смысла древняго текста. Въ первый разъ, въ немъ ведется рѣчь о Божіемъ судѣ посредствомъ пытки желѣзомъ и кипяткомъ. Въ немъ также говорится о ссылкѣ. Три статьи излагаютъ правила, относящіяся къ наслѣдованіямъ. Наслѣдство принадлежитъ однимъ сыновьямъ, дочери имѣютъ право

только на приданое. За отсутствіемъ сыновей, наслѣдство всякаго лица за исключеніемъ бояръ и дружины, то есть, княжеской свиты, считается выморочнымъ и поступаетъ къ князю. Каждый, умирая, можетъ свободно распорядиться имуществомъ, раздѣливши его между своими дѣтьми. Вдова, продолжающая жить въ семьѣ, получаетъ дѣтскую долю и свою вдовью часть. Дѣти отъ перваго брака получаютъ то, что причиталось ихъ матери. Особое постановленіе, приписываемое Владиміру Мономаху, позволяло процентный заемъ. Нѣсколько статей посвящены положенію должника, отдавшаго въ залогъ свою личную свободу (*закупъ*). Преступленіе поджога ясно обозначено. Поджигателя ссылали, а домъ его, за вычетомъ убытковъ отъ поджога, предавался разграбленію. Пошлины, слѣдующія судебнымъ чиновникамъ, плата каменщикамъ и строителямъ мостовъ, опредѣлены по расписанію. Опека надъ несовершеннолѣтними дѣтьми принадлежитъ не вступившей въ новый бракъ ихъ матери, а въ случаѣ ея вторичнаго замужства—ближайшему родственнику, который управляетъ ихъ родовымъ имѣніемъ и получаетъ доходы въ свою пользу, будучи, при этомъ, обязанъ содержать и воспитывать опекаемыхъ. Дитя, рожденное незамужнею рабынею, отпускается на волю вмѣстѣ съ его матерью, но не получаетъ участія въ наслѣдствѣ отца.

Послѣдняя статья разсуждаетъ о положеніи рабовъ и крѣпостныхъ. Изъ постановленій ея укажемъ слѣдующія: рабъ, которому поручена торговля, обезпечиваетъ хозяина стоимостью самого себя. То же дѣлаетъ и рабъ, совершившій кражу. Но, въ послѣднемъ случаѣ, хозяинъ можетъ и не выкупать раба, выдавши его потерпѣвшему лицу.

Въ связи съ Русскою Правдою находятся нѣкоторые договоры, заключенные, въ XII столѣтіи, Новгородскимъ и Смоленскимъ князьями съ нѣмцами или съ городомъ Ригю. Въ одномъ изъ этихъ договоровъ, въ первый разъ, упоминается о судебномъ поединкѣ. Этимъ мимоходнымъ указаніемъ на упомянутые договоры мы и ограничимся.

Въ XIII вѣкѣ, нашествіе татаръ на долгое время остановило развитіе цивилизаціи въ Россіи. Русская Правда въ томъ видѣ, въ которомъ она вышла въ предыдущемъ столѣтіи, осталась общимъ закономъ для страны. Къ ней прибавились лишь нѣкоторыя постановленія, напоминающія эту печальную эпоху. Деньги, требуемые по суду, не приносятъ процентовъ. Размѣръ задѣльной платы опре-

дѣленъ, равно какъ и отношенія собственника къ крестьянамъ. Но сѣверныя и западныя княжества ввели у себя особые законы, появленіе которыхъ относится къ концу XIV или даже къ XV вѣку. Таковы грамматы, данныя въ 1397 году Двинскому краю, Псковская грамота около 1463, Новгородская грамота въ 1456, судебный уставъ 1486 г. для Москвы и другой того же времени для Бѣлозерскаго края. Важнѣйшій изъ этихъ новыхъ законовъ — Псковская судная грамота, содержащая въ себѣ 113 статей. Въ ней излагаются правила, опредѣляющія юрисдикцію, форму судопроизводства, доказательства, судебный поединокъ и судебныя издержки. Она, во многихъ очень важныхъ случаяхъ, измѣняетъ Русскую Правду. Напримѣръ, по отношенію къ уголовному праву, штрафъ, опредѣляемый Псковскою грамотою, называется уже не вирою, а выкупомъ (*продажа*). Обязанность платить его является исключительно личною и никогда не лежитъ на общинѣ. Наконецъ, штрафъ только тогда присуждается, когда доказано преступленіе. По предметамъ гражданскаго права, Псковская грамота вводитъ учрежденія новыя, или, по крайней мѣрѣ, неизвѣстныя Русской Правдѣ, напримѣръ, давность, которой срокъ опредѣленъ въ четыре или пять лѣтъ, но которая примѣняется исключительно къ необработаннымъ землямъ, и выкупъ, предоставляемый тому, чье право на проданное имѣніе старше по времени своего возникновенія. Грамота различаетъ два рода собственности и даже допускаетъ общую собственность, въ которой участники являются настоящими акціонерами.

Въ особенности замѣчательны постановленія о долгахъ. Кредиторъ можетъ взыскивать съ наследниковъ только тогда, когда у него имѣется письменный долговой документъ. Споры кредиторовъ между собою разрѣшаются присягою и грамота позволяетъ имъ указать ликвидатора. Если должникъ живъ, то кредиторъ, взыскивающій съ него въ силу письменнаго акта или залога, имѣетъ право, въ случаѣ спора, принять очистительную присягу или перенести ее на своего противника. Для процентовъ *taxitum* не назначенъ.

Крестьяне свободны и пользуются правомъ собственности. Законъ съ подробностію опредѣляетъ ихъ отношенія къ помѣщикамъ.

Завѣщанія совершаются согласно каноническому закону, передъ священникомъ и при свидѣтеляхъ. Наслѣдство, *ab intestatu*, переходитъ не только къ нисходящимъ, но и къ восходящимъ и къ боковымъ. Дочери уже не ограничены извѣстною долею, какъ въ Рус-

ской Правдѣ. Онѣ призываются къ наслѣдованію въ цѣломъ, причемъ безразлично, былъ ли умершій бояриномъ или простымъ крестьяниномъ. Права вдовы ограничиваются пожизненнымъ владѣніемъ.

Псковская граммата знаетъ и описываетъ акціонерныя общества, причемъ она не дѣлаетъ различія между капиталомъ общества, состоящимъ изъ движимости и такимъ, который заключается въ недвижимомъ имѣніи. Она ставитъ правиломъ, что тотъ, кто продалъ, купилъ или промѣнялъ въ пьяномъ состояніи, можетъ считать свое обязательство недѣйствительнымъ.

Общая кодификація начинается въ XVI вѣкѣ двумя судебными уставами (*Судебники*), которые обнародованы, одинъ Иваномъ III въ 1497, другой Иваномъ Грознымъ въ 1550 году. Въ первомъ 68 статей, во второмъ, представляющемъ лишь пересмотрѣнное и дополненное изданіе перваго, ихъ 100.

Главною цѣлью этихъ уставовъ было устройство судовъ, опредѣленіе подсудности и начертаніе формъ судопроизводства. Они устанавливають цѣну судебныхъ актовъ, формальности вызововъ и сроки явки въ судъ. Приняты четыре рода доказательствъ: письменные документы, свидѣтели, присяга и судебный поединокъ. По уголовнымъ дѣламъ, уставы вводятъ новое начало: принимаются въ соображеніе прежніе поступки подсудимаго и даже общая молва о немъ. Воръ-рецидивистъ наказывается смертію и тогда, когда украденная вещь незначительна по стоимости, и даже когда кража была неокончена. Вообще, преступленіе, въ первый разъ совершенное, наказывается только кнутомъ. Когда пять или семь честныхъ людей утверждаютъ подъ присягою, что подсудимый—воръ, то послѣдній, безъ слѣдствія и суда, обязанъ заплатить все, что требуетъ съ него истецъ. А когда фактъ кражи доказанъ, то и при отсутствіи повторенія преступленія подсудимый подлежитъ смертной казни, если пять или семь честныхъ людей подъ присягою дурно отзовутся о немъ.

Упомянутые уставы не ограничиваются одними правилами судопроизводства, они вводятъ нѣкоторыя новыя начала и въ гражданское право. Напримѣръ, по отношенію къ договору продажи, нельзя покупать на рынкѣ вновь привезенные товары иначе, какъ при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, а при покупкѣ лошади необходимо положить на ней мѣтку и записать сдѣлку въ книгу. Въ случаѣ несостоятельности купца, разслѣдуется—былъ ли онъ несчастнымъ или злымъ. Въ первомъ случаѣ, несостоятельный полу-

чаетъ свидѣтельство объ отсрочкѣ и обязуется заплатить долги въ капитальной суммѣ, безъ процентовъ. Крестьяне свободны переходить съ одной земли на другую подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они получили увольненіе и разсчитались съ хозяевами, у которыхъ состоятъ въ долгу. Законъ опредѣляетъ, какъ можно сдѣлаться крѣпостнымъ, и указываетъ прежде всего тотъ случай, когда человѣкъ самъ себя продаетъ въ крѣпостное состояніе. Наконецъ, для наслѣдованій создано совсѣмъ новое правило. Дочери призываются къ наслѣдованію не наравнѣ съ сыновьями, а лишь при недостаткѣ послѣднихъ и во второй линіи. Послѣ нихъ, въ третьей линіи, наслѣдство переходитъ къ ближайшему родственнику.

Конецъ XVI столѣтія былъ для Россіи началомъ новой эры. Обладательница Казани и Астрахани, освобожденная отъ татаръ, прогнанныхъ въ Крымъ, Россія возвращается къ Западу и переноситъ свое законодательство по образцамъ сосѣднихъ народовъ. Съ 1649 года царь Алексѣй Михайловичъ даетъ ей настоящій гражданскій кодексъ въ 963 статьяхъ, а вскорѣ за этимъ— кодексы церковный и торговый. Это была точка отправленія для дѣйствующаго права, которое, послѣ полуторовѣковой практики, вновь было кодифицировано въ 1832 году. Этотъ послѣдній періодъ русскаго законодательства находится однако за предѣлами нашего изслѣдованія. Болѣе интереснымъ для насъ было бы изученіе не писанныхъ древнихъ обычаевъ, которые еще и теперь соблюдаются различными народностями, населяющими имперію. Русское правительство предприняло по этому предмету обширное изслѣдованіе, котораго часть уже издана. Въ немъ можно будетъ видѣть истинное національное право славянскаго племени, во всей его чистотѣ и безъ примѣси чуждыхъ элементовъ. Въ ожиданіи конца этого изслѣдованія, не трудно все-таки и теперь составить себѣ понятіе о славянскомъ правѣ на основаніи письменныхъ памятниковъ русскаго законодательства, которые до послѣдняго времени были или совсѣмъ неизвѣстны, или не вполне поняты. Если эти памятники не передаютъ намъ всего, что мы желали бы знать, и если, на примѣръ, они почти нѣмны относительно древняго устройства русскоѣ общины, то мы можемъ ознакомиться съ этимъ предметомъ, изучая законодательство южныхъ славянъ, которое пополняетъ пробѣлъ, оставляемый русскими памятниками.

Х.

Древнее славянское право. Южные славяне.

Какъ извѣстно, южные славяне, о которыхъ намъ слѣдуетъ говорить, занимаютъ весь сѣверъ Балканскаго полуострова, между Адриатическимъ и Чернымъ морями. Они говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ и никогда не могли сойтись въ одинъ народъ. Области, въ которыхъ они живутъ, постоянно были подчинены иноземному господству. Константинопольскіе греки, венгры, венеціанцы, австрійскіе нѣмцы и, наконецъ, турки распространили на нихъ свою власть, вводили свою религію и навязывали имъ свои законы. Иноземное вліяніе, хотя оспариваемое, и иногда не безъ успѣха, останавливало или, по меньшей мѣрѣ, замедляло развитіе ихъ собственной цивилизаціи. Повсюду народъ съ удивительною цѣпкостью держался за свои древніе обычаи, но эти обычаи, даже и теперь, сохранились лишь въ преданіи; законодательные памятники рѣдки и неполны ¹⁾).

Древнѣйшимъ памятникомъ является статутъ 1273 года, составленный Матвѣемъ, баномъ Славоніи. Эта область находилась въ то время въ зависимости отъ венгерскаго королевства и статутъ 1273 года имѣетъ большое сходство съ венгерскимъ закономъ. Онъ излагаетъ правила судопроизводства, опредѣляетъ размѣръ штрафовъ, налагаемыхъ за неявку въ судъ, сроки для явки и для исполненія рѣшеній, обязанности *пристальда* или судебного комиссара, наконецъ, наказанія за ложный доносъ. Доказательствомъ по преимуществу служить присяга, а при недостаткѣ присяги, судебный поединокъ. Впрочемъ, тяжущіеся могутъ всегда окончить дѣло ми-

¹⁾ Они находятся въ Собраніи, изданномъ Иречекомъ, подъ заглавіемъ *Svod zakonuv Slovanskych, Codex legum Slavonicarum*, 1 т., in-8°, Прага, 1880.

ромъ, условившись о вознагражденіи. По дѣламъ чисто денежнымъ, обвиненный должникъ можетъ быть заключенъ подъ стражу только въ томъ случаѣ, когда онъ оказывается явно несостоятельнымъ къ платежу; по дѣламъ же уголовнымъ подсудимый, если у него есть имущество, оставляется временно на свободѣ, безъ поручительства. Судья, дѣлающій осмотръ спорной земли, не долженъ располагать плодами ея прежде, чѣмъ окончится тяжба. Остальное въ статутѣ касается взиманія налоговъ и постоянного права *), для котораго опредѣленъ *taxitum*.

Среди всѣхъ этихъ судебныхъ и фискальных постановленій, имѣются два, на которыхъ мы остановимся, такъ какъ они касаются устройства семьи и собственности. По словамъ 17-й статьи, въ случаѣ совершенія преступленія, отецъ не несетъ имущественной отвѣтственности за сына, вышедшаго изъ-подъ его власти, какъ и наоборотъ—сынъ за отца; равнымъ образомъ не отвѣчаетъ братъ за брата, когда они подѣлили между собою наслѣдство; отвѣтственность при этихъ обстоятельствахъ возникаетъ для отца или братьевъ лишь при соучастіи ихъ въ совершеніи преступленія. Такимъ образомъ солидарность, существовавшая прежде между членами одной семьи, удержана въ статутѣ на столько, на сколько семья живетъ общою жизнью, и тотъ, кто оставилъ семейную общину и обзавелся отдѣльнымъ домомъ, отвѣчаетъ только самъ и за собственныя дѣянія. 18-я статья говоритъ, что наслѣдственная доля бездѣтно умершаго принадлежитъ его семейству. *Portio hereditaria sine herede decedentis*, говоритъ текстъ *generacioni suae debeat remanere*. Вѣроятно, это означаетъ, что упомянутая доля, при недостаткѣ нисходящихъ, должна быть получена боковыми родственниками, причемъ эта доля не можетъ быть передана постороннимъ лицамъ или поступить въ казну въ качествѣ выморочнаго или безхозяйнаго имущества. Ее получаетъ семья по праву собственности и какъ бы *jure non decrescendi*.

Было бы невозможно не признать въ этихъ двухъ статьяхъ слѣда той семейной общины, *задруги*, которая существуетъ и до сихъ поръ и о которой мы будемъ говорить ниже. Законодатель не думаетъ, конечно, описывать или опредѣлять ее. Онъ гово-

*) Это одно изъ сеньориальныхъ правъ. Сеньоръ былъ въ правѣ жить или останавливаться на ночлегъ у своего вассала. (Прим. перев.).

рить о ней, какъ о древнемъ и всѣмъ извѣстномъ обычаѣ и говорить для того, чтобы разрѣшить затрудненіе, возникающее по особому обстоятельству. Тѣмъ не менѣе слѣдъ этотъ очень важно удержать въ памяти.

Другой памятникъ того же времени, но гораздо болѣе оригинальный, есть статутъ Винодоля.

Винодоль былъ округомъ Далматіи, расположеннымъ по берегу Адриатическаго моря, между Фіуме и Зенгомъ. Онъ заключалъ въ себѣ нѣсколько городовъ и деревень, съ главнымъ городомъ Новиградомъ, и составлялъ владѣніе, находившееся въ зависимости отъ венгерскаго королевства. Въ 1288 году, владѣтель Винодоля и старѣйшины сошлись и изложили письменно древніе обычаи страны. Этотъ текстъ сохранился въ двухъ копіяхъ, изъ которыхъ болѣе ранняя стносится къ XV вѣку. Текстъ изданъ въ первый разъ въ 1843 году профессоромъ Мазураичемъ и единственный комментарий къ нему написанъ по-русски профессоромъ Леонтовичемъ въ Одессѣ, въ 1868 году. Изложенъ онъ на старомъ славянскомъ нарѣчій съ примѣсю многихъ итальянскихъ словъ и очень труденъ для пониманія. Есть даже въ немъ нѣсколько мѣстъ, которыя и до сихъ поръ не объяснены. Но это, безспорно, самый важный изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ южныхъ славянъ. Быть можетъ, не бесполезно будетъ сдѣлать здѣсь краткій анализъ его.

Наиболѣе интересное и, такъ сказать, господствующее надъ всѣми остальными, постановленіе Винодольскаго статута касается доказательствъ. Общее правило, для уголовныхъ дѣлъ, таково: преимущественное или, лучше сказать, единственное доказательство—присяга. Но кто принимаетъ присягу? Обвинитель или обвиняемый? Обвинитель тогда, когда у него есть свидѣтели; если же нѣтъ у него свидѣтелей, то присягу принимаетъ обвиняемый. Это служить общимъ правиломъ у всѣхъ славянскихъ народовъ, но нигдѣ оно не формулировано съ такою опредѣленностію, какъ здѣсь.

Кто долженъ принять присягу, тотъ клянется, смотря по обстоятельствамъ, самъ-шесть, самъ-двѣнадцать или самъ-двадцать-пять. Если онъ не въ состояніи найдти надлежащаго числа соприсяжниковъ, то дополняетъ это число, присягая самъ нѣсколько разъ. Когда истцомъ является женщина и когда дѣло идетъ объ обидѣ, насиліи или изнасилованіи, то соприсяжниками должны быть женщины.

Женщины могут быть и свидѣтелями въ дѣлахъ о проступкахъ, совершенныхъ женщиною противъ женщины. Женщина не можетъ служить свидѣтелемъ въ пользу своего мужа, но сыну дозволяется свидѣтельствовать за отца и наоборотъ; братья и сестры также являются свидѣтелями другъ за друга, но въ такомъ только случаѣ, если живутъ отдѣльнымъ хозяйствомъ. Свидѣтели не присягаютъ и этимъ именно они отличаются отъ соприсяжниковъ. Истецъ представляетъ ихъ суду и произноситъ слѣдующую формулу: «сколько бы васъ ни было и кто бы вы ни были, это—правда». Отвѣтчикъ говоритъ: «сколько бы васъ ни было и кто бы вы ни были, это—неправда». Тогда приступаютъ къ выслушанію свидѣтелей, а неявившихся исключаютъ, какъ пропустившихъ срокъ. Свидѣтели допрашиваются *приставомъ* или комиссаромъ и, подъ угрозою 40 су штрафа, не должны говорить прежде, чѣмъ ихъ спросятъ.

Таково общее правило. Однако, оно имѣетъ исключенія. Есть случай, когда истецъ принимаетъ присягу, хотя у него и нѣтъ свидѣтелей. Напримѣръ, въ дѣлѣ о дракѣ, жалобщикъ можетъ сразу принять присягу, не иначе, какъ самъ-пятидесять. Также, когда существуютъ улики, или поличное, какъ, напримѣръ, кровь, то эти признаки замѣняютъ свидѣтельскія показанія и считаются достаточными для того, чтобы допустить принятіе присяги. Они могутъ даже служить дополненіемъ къ качествамъ соприсяжниковъ, если послѣдніе не довольно знатны. Полевые стражи и нѣкоторые полицейскіе чиновники имѣютъ право составлять протоколы, которые, даже при отсутствіи свидѣтелей, считаются достовѣрными, пока не будетъ доказано противное. Наконецъ, если слышенъ былъ крикъ о помощи (*protogaitte*), то есть, въ случаѣ совершающагося преступленія, то достаточно присяги жалобщика, хотя бы свидѣтелей у него и не было.

Преступника всегда допрашиваютъ, но предупреждаютъ, что онъ можетъ отвѣчать и не отвѣчать.

Въ гражданскомъ дѣлѣ статутъ менѣе требователенъ, чѣмъ въ уголовномъ. Въ искѣ, начатомъ по договору и, притомъ, когда отыскиваемый предметъ стоитъ не болѣе 20 су, достаточно бываетъ свидѣтельскихъ показаній, для доказательства правъ истца. Въ дѣлахъ съ цѣною иска выше 20 су, истецъ, сверхъ свидѣтелей, долженъ еще принять присягу. Когда искъ подтверждается въ одно время и торговыми книгами и свидѣтелями, то присяга требуется только въ дѣлахъ выше 50 ливровъ.

Въ статутѣ предусмотрѣны слѣдующія преступленія: кража во всѣхъ формахъ, завладѣніе безхозяйными землями, обиды и насилія противъ женщинъ, побои и пораненія, убійство, прелюбодѣяніе, поджогъ и измѣна. Обыкновенное наказаніе — штрафъ, — 40 су за кражу днемъ, 50 ливровъ за кражу ночью, если кричали о помощи. (Ливръ стоилъ 20 су). Штрафъ вообще идетъ въ пользу сеньора, но есть случаи, когда община половину его беретъ себѣ. Въ другихъ случаяхъ, штрафъ выдается потерпѣвшей сторонѣ. Кто опростоволоситъ женщину, платитъ 50 ливровъ штрафа, изъ которыхъ 48 ливровъ идутъ обиженной женщинѣ. За побои и пораненія, между кметами, штрафъ полагается въ 40 су, сверхъ вознагражденія раненаго и издержекъ на лѣченіе; за засаду — 50 ливровъ; за убійство кмета, поджогъ и прелюбодѣяніе — 100 ливровъ. Штрафъ за убійство цѣликомъ поступаетъ въ пользу родственниковъ жертвы. Если убитый принадлежалъ къ свитѣ государя, то послѣдній назначаетъ сумму штрафа по своему усмотрѣнію.

Дворяне, подьячіе или кметы, всѣ равны предъ закономъ и подлежатъ одинаковымъ наказаніямъ. Кто не можетъ заплатить штрафа, тотъ предается смертной казни, если не убѣжитъ. Никто не можетъ держать изгнаннаго, давать ему ѣсть или пить или оказывать помощь, въ противномъ случаѣ платитъ 50 ливровъ штрафа.

Штрафъ за убійство или поджогъ имѣетъ особый характеръ, заключающійся въ томъ, что если преступникъ убѣжитъ и не можетъ быть задержанъ, то половину штрафа платитъ родъ бѣглеца, то есть, боковые родственники его.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, статутъ назначаетъ тѣлесное наказаніе. Такъ, за прелюбодѣяніе, преступная женщина, не могущая уплатить штрафъ, подвергается клейменію, а если она повторяетъ преступленіе, то несетъ тѣлесное наказаніе, какое опредѣлитъ сеньоръ. Рецидивистъ-поджигатель всегда подлежитъ смерти. Въ случаѣ измѣны, преступникъ предается во власть сеньора, который поступаетъ съ нимъ по своему усмотрѣнію.

Право законной обороны признается и допускаетъ широкое толкованіе. Тотъ, на кого напали ночью, имѣетъ право преслѣдовать виновнаго и, если догонитъ его, убить, не подвергаясь за это никакой отвѣтственности.

Ясно сказано, что дочерямъ принадлежитъ право наслѣдованія послѣ отца и матери, но только при недостаткѣ сыновей. То же

право принадлежит нисходящимъ дочерей. Статутъ прибавляетъ, что наслѣдникъ долженъ нести въ домѣ ту же службу, какую несли тѣ лица отъ которыхъ ему поступило наслѣдство. Это очевидно, составляетъ еще одинъ слѣдъ древней семейной общины, или *задруги*.

Многія статьи относятся къ церковному праву и къ церковному благочинію. Городскіе попы обязаны служить въ церкви всякій день, подъ угрозою штрафа. Они обязаны, какъ и всѣ другіе обыватели, ходить въ караулъ. Вступленіе въ монашескій орденъ и посвященіе въ монашескій санъ дѣйствительны только при согласіи сеньора. Права епископа опредѣлены, въ особенности постоянное право. Во время своихъ разъѣздовъ, онъ не можетъ пользоваться этимъ правомъ болѣе, чѣмъ на семь лошадей *).

По соображеніямъ политики, запрещены всякія ассоціаціи. Ни одно собраніе, общинное или частное, не можетъ состояться безъ разрѣшенія сеньора. Дополненія къ законамъ страны или къ общиннымъ постановленіямъ, составленныя сеньоромъ, подлежатъ утвержденію высшей власти. Сеньоръ назначаетъ и избираетъ судей. Всякій штрафъ можетъ быть наложенъ только сеньоромъ или его уполномоченными.

Судопроизводство имѣетъ формулярный характеръ. Мы уже указали формулу, употреблявшуюся при представленіи свидѣтелей. Вотъ другая. Истецъ обращается къ суду и говоритъ: «я представляю такое-то доказательство по такому-то дѣлу», или «я говорю, что такой-то сдѣлалъ то-то». Званіе адвокатовъ было дозволено, но съ тѣмъ, чтобы у дворянина представителемъ былъ дворянинъ же, у кмета — кметъ. Гонораръ адвоката опредѣленъ отъ 5 до 10 су. Никто не обязанъ подавать жалобу; но разъ она подана, производство по ней должно идти до конца. Клеветническій извѣтъ и ложное свидѣтельство на судѣ наказываются штрафомъ. Иски противъ чиновниковъ должны быть начаты въ теченіе года, слѣдующаго за окончаніемъ обжалуемыхъ дѣйствій ихъ. Если чиновникъ отсутствуетъ или что-нибудь помѣшало ему явиться по предъявленному къ нему иску, то его можетъ замѣнить жена.

Наконецъ, тяжущимся всегда предлагаютъ примиреніе и въ особенности въ моментъ принятія присяги. Мирная сдѣлка, въ такомъ случаѣ, совершается на судѣ и излагается въ особомъ актѣ.

*) См. примѣч. на стр. 202-й.

(Примѣч. переводчика).

Въ Далматіи имѣется много статутовъ позднѣйшихъ, чѣмъ Винодольскій статутъ. Таковы статуты Полиццы (1400 г.), Рагузы (1272—1311 г.), Лиссы, Курцолы. Они менѣе самобытны, чѣмъ Винодольскій, но содержатъ въ себѣ интересныя постановленія. Такъ, въ Рагузскомъ статутѣ находимъ учрежденіе, напоминающее *Rescuperatores* римскаго права. Въ статутѣ Полиццы значительное мѣсто отведено сельскимъ учрежденіямъ. Изгороди, межи, мельницы, разные виды домашнихъ животныхъ составляютъ предметы отдѣльныхъ главъ. Во всемъ замѣтно итальянское вліяніе, распространяющееся на основы славянства и стремящееся проникнуть какъ въ учрежденія, такъ и въ языкъ ¹⁾).

Славонія и Далматія, въ средніе вѣка, находились въ зависимости, по крайней мѣрѣ номинальной, отъ королевства Венгріи. Въ иномъ положеніи была Сербія. Въ XIV вѣкѣ, сербы занимали господствующее мѣсто между южными славянами и даже достигли такого могущества, которое угрожало существованію греческой имперіи. Но власть ихъ продолжалась короткое время. Въ 1346 г. ихъ князь, Стефанъ Душанъ, короновался на царство въ Ускубѣ, а 43 года спустя, въ 1389, кровавая битва при Коссовѣ отдала Сербію и Боснію подъ иго турокъ ²⁾).

Основавши большое государство, Душанъ пожелалъ быть законодателемъ, подобно Юстиніану. Онъ приказалъ составить кодексъ, котораго первая часть издана была въ 1349 (ст. 1—104), а вторая въ 1354 г. (105—120) ³⁾).

Не будемъ говорить о первыхъ 28 статьяхъ, такъ какъ онѣ

¹⁾ См. *Monumenta historico-juridica Slavorum meridionalium*, pars prima, *Statuta et leges*, Agram, 1877—1883, t. I, *Leges et statuta Curzulae et Spalati*; t. III, *Statuta civitatum Budae, Scardonae, Lesinae*.

²⁾ См. въ *Bulletin de l'Académie royale de Belgique*, 1884 г., интересную статью Эмиля де-Борхграва, члена Академіи. Она называется: *L'empereur Etienne Douchan de Serbie et la peninsule Balkanique au XIV siècle*.

³⁾ Текстъ, извѣстный подъ именемъ Законника царя Душана, въ первый разъ напечатанъ въ Вѣнѣ, въ 1794 г., но по рукописи позднѣйшаго времени. Новыя изданія по рукописямъ XIV вѣка сдѣланы Шафарикомъ (Прага, 1851) и Новаковичемъ (Бѣлградъ, 1870). Кухарскій и Иречекъ включили его въ свои сборники и Кухарскій прибавилъ къ нему нѣмецкій переводъ. Французскій переводъ 105 первыхъ статей появился у Ami Boué, *La Turquie d'Europe*, Paris, 1840, t. IV, p. 426. Болѣе полный трудъ принадлежитъ Зигелю, профессору въ Варшавѣ, *Законникъ царя Душана*, 1 т. in-8°, С.-Петербургъ, 1872.

разсуждаютъ о церковномъ правѣ и извлечены или изъ *Номокана* Фотія (изд. въ 883), или изъ *Syntagma* Бластареса (изд. въ 1335). Въ нихъ излагаются постановленія каноническаго права православной греческой церкви. Православное духовенство изъято изъ свѣтской юрисдикціи и всякое соращеніе въ латинскую ересь наказывалось клейменіемъ.

Болѣе подробнаго разсмотрѣнія заслуживаютъ гражданскіе законы. Они начинаются подтвержденіемъ всѣхъ грамматъ о пожалованіи земель дворянамъ. Эти пожалованныя земли объявляются не подлежащими спору и наслѣдственными въ томъ смыслѣ, что переходятъ въ прямой линіи до безконечности, а въ боковой до третьяго сына брата. Онѣ свободны отъ всякихъ повинностей и несутъ только десятину церкви да военную службу царю. Къ нимъ могутъ принадлежать крѣпостные крестьяне и церкви. Первые считаются прикрѣпленными къ землѣ. Церкви же имѣютъ своимъ покровителемъ сеньора.

По смерти дворянина, его вѣрный конь и оружіе передаются царю, но его одежда, украшенная жемчугомъ и золотой поясъ принадлежатъ сыну или, при недостаткѣ сына, дочери. Последняя можетъ продать или сохранить эти вещи.

Обиды наказываются однообразнымъ штрафомъ въ 100 перперовъ ¹⁾. Кто похититъ женщину, подлежитъ повѣшенію или отсѣченію носа и рукъ.

38 статья ставитъ правиломъ солидарность членовъ семьи, живущей вмѣстѣ, въ одномъ домѣ. Братъ за брата, сынъ за отца и родственники другъ за друга. Имѣющіе отдѣльное хозяйство не обязаны платить за родственника, съ которымъ не живутъ вмѣстѣ. Это важное правило мы уже видѣли въ Славонской грамматѣ и въ Винодольскомъ статутѣ.

Статьи 40—43 трактуютъ о вызовахъ въ судъ. Вообще, вызовъ долженъ быть сдѣланъ утромъ, а явка — назначается въ полдень. Кто возвратился изъ военной службы, тотъ не можетъ быть вызванъ раньше трехъ недѣль. Если истецъ, сдѣлавшій вызовъ, не является самъ, то дѣло прекращается за неявкою его.

Люди, принадлежащіе къ одной семьѣ и живущіе въ одномъ

¹⁾ Перперъ (*hyperperon*) стоилъ 18 граммовъ серебра, около 3 франковъ 60 сантимовъ.

домѣ, солидарны по отношенію какъ къ барщинѣ, такъ и къ штрафамъ (ст. 47). Ст. 52 опредѣляетъ обязанности крестьянъ. Они должны работать на своего сеньора два дня въ недѣлю: то есть, день для кошенія сѣна и день для обработки виноградника или для другой однородной работы. Они обязаны ежегодно платить царю подушную подать въ одинъ *перперъ*. Впрочемъ, плоды ихъ труда принадлежатъ имъ въ собственность, а ихъ личность, равно и имущество, неприкосновенны.

Неогороженные поля обременены сервитутомъ прогона скота, дѣйствіе котораго простирается отъ одной деревни до другой, въ предѣлахъ округа.

Слѣдующія статьи предусматриваютъ проступки противъ пастьбы скота и противъ охоты. Въ первомъ случаѣ убытокъ исчисляется присяжными (ст. 56). Въ случаѣ спора о границахъ между деревнями, каждая сторона выставляетъ одинаковое число свидѣтелей, по показаніямъ которыхъ рѣшается дѣло.

Уголовное право помѣщено въ ст. 64—74. Доказательство по преимуществу состоитъ въ Божіемъ судѣ посредствомъ кипятка или каленаго желѣза (ст. 64, 78 и 118). Кто сглазить, тотъ платитъ 100 перперовъ, если онъ дворянинъ. Если онъ не дворянинъ, то платитъ 12 перперовъ и получаетъ палочные удары. Непредумышленное убійство наказывается штрафомъ въ 300 перперовъ. Въ случаѣ предумышленности преступникъ лишается обѣихъ рукъ. Вполнѣ ясно выражено дозволеніе ссылаться на причину, вызвавшую убійство. Установивши это правило въ ст. 66, законодатель вводитъ другое правило въ ст. 69, относящееся къ предумышленному убійству. Если оно совершено дворяниномъ надъ не дворяниномъ, то штрафъ полагается въ 100 перперовъ. Если, наоборотъ, оно совершено недворяниномъ надъ дворяниномъ, то штрафъ — 300 перперовъ и преступникъ лишается обѣихъ рукъ. Убившій архіерея, священника или монаха, подлежитъ повѣшенію. Наконецъ, убившій своего отца, мать, брата или свое дитя, сжигается. Обида, нанесенная лицу духовнаго званія, карается 100 перперами штрафа. Кто вырветъ бороду у дворянина, у того отнимаются обѣ руки. То же преступленіе, совершенное надъ лицами изъ простонародья, влечетъ за собою только 6 перперовъ штрафа. Въ случаѣ поджога виновны деревня или округъ, если они не выдадутъ преступника. Запрещено всякое насиліе. Лошади, при по-

средствѣ которыхъ совершенно похищеніе женщины, конфискуются; половина ихъ идетъ царю, другая половина—потерпѣвшей сторонѣ. Укрыватель приговаривается къ уплатѣ суммы, въ семь разъ превышающей стоимость укрываемой имъ вещи.

Статьи 67 и 68 трактуютъ о кражѣ и о разысканіи украденной вещи. Предметъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ законодательствъ. Сербскій законъ содержитъ въ себѣ такія же постановленія, какія встрѣчаются повсюду. Когда кто-нибудь признаетъ свое имущество въ рукахъ другого, будетъ ли это въ лѣсу, или въ селеніи, онъ ведетъ удерживающаго имущество въ ближайшую деревню и требуетъ, чтобы эта послѣдняя реституировала имущество по рѣшенію судьи. Деревня обязана заплатить сумму, назначенную судьей. Удерживающій имущество, а также покупатель пропавшей или украденной вещи непременно должны назвать лицо, отъ котораго получена ими эта вещь; въ противномъ случаѣ они присуждаются къ платежу.

Постановленія слѣдующихъ статей разнородны и идутъ въ явномъ безпорядкѣ. Крѣпостные подсудны своему сеньору, но въ четырехъ случаяхъ они судятся царемъ, именно: за государственныя преступленія, святотатства, кражи и разбои.

Женщина не можетъ быть позвана въ судъ иначе, какъ вмѣстѣ съ ея мужемъ; когда она одна, а мужъ отсутствуетъ, то судебный приставъ не долженъ входить въ домъ, но можетъ поручить ей, чтобы она извѣстила мужа о вызовѣ ея въ судъ. Въ случаѣ сопротивленія судебному приставу, домъ сопротивляющагося предается разграбленію и самъ сопротивляющійся лишается всего, что имѣетъ.

Затѣмъ, идутъ особенныя постановленія о судебныхъ издержкахъ. Во время разъѣздовъ, судьи не могутъ ничего требовать отъ населенія; они въ правѣ принимать только то, что будетъ поднесено имъ добровольно. Арестанты, скрывшіеся изъ тюрьмы и нашедшіе убѣжище въ мѣстопробываніи царя или патріарха, свободны. Бѣглецы крѣпостные не могутъ быть приняты къ новому хозяину безъ дозволенія царя, подъ угрозой наказанія за совершеніе государственной измѣны. Кто вывезетъ чужого крѣпостного человека за границу, тотъ платитъ въ семь разъ стоимость этого человека.

86-я статья составляетъ очень важное правило о находкахъ.

Нашедшій вещь не долженъ присвоивать ее даже и въ томъ случаѣ, если бы сказалъ: «я отдамъ ее». Онъ обязанъ объявить о ней, иначе онъ подлежитъ наказанію, какъ воръ и грабитель. Добыча, полученная въ чужой странѣ, должна быть представлена царю и генераламъ, которые дѣлятъ ее. Вещи, составляющія эту добычу, будучи куплены на публичномъ торгѣ, не подлежатъ виндикаціи.

Всѣ купцы могутъ свободно разѣзжать по странѣ и заниматься куплей и продажей. Никто не въ правѣ остановить ихъ, равно никто не можетъ заставить ихъ продавать товары по цѣнѣ, которую она имъ назначать. За нарушеніе этого правила виновный платитъ, смотря по обстоятельствамъ, штрафъ отъ 300 до 500 перперовъ.

Города освобождены отъ постоянного права *), но они отвѣчаютъ за вещи, украденныя на ихъ территоріи.

Послѣднія статьи опредѣляютъ и перечисляютъ права царя и то, что онъ можетъ требовать отъ своихъ подданныхъ. Содержаніе крѣпостей относится къ обязанности жителей округа. Подданные должны дать пособіе при крещеніи или свадьбѣ царскаго сына. Когда царь проѣзжаетъ по странѣ, то жители должны провожать его отъ деревни до деревни и изъ округа въ округъ.

На войнѣ, царскимъ именемъ дѣйствуетъ генералъ, который одинъ имѣетъ право военнаго суда. Среди войска, всякія ссоры воспрещены. Когда двое сражаются, то не нужно ихъ трогать или оказывать имъ помощь. Кто прибѣгаетъ на крикъ и принимаетъ участіе въ ссорѣ, тотъ подлежитъ смерти. Посланники, ѣдущіе изъ чужой страны къ царю, должны быть хорошо приняты вездѣ, гдѣ они будутъ проѣзжать. Они имѣютъ право на обѣдъ и ужинъ въ каждой деревнѣ. Когда армейская рота остановится на привалъ въ какой-нибудь деревнѣ, то слѣдующая рота не можетъ занять ту же деревню.

Дополнительный законъ 1354 года состоитъ изъ 16 статей. Онъ подтверждаетъ силу грамматъ, исходящихъ отъ царя, право крестьянъ судиться съ своимъ сеньоромъ и отвѣтственность деревень и округовъ относительно выдачи преступниковъ. Что касается судебныхъ порядковъ, то законъ этотъ учреждаетъ, для разсмотрѣнія дѣлъ, три суда, состоящіе изъ 6, 12 или 24 судей. Судьи не должны быть другъ съ другомъ ни родственниками, ни врагами. Они не могутъ примирять тяжущихся. Рѣшеніе ихъ всегда выражаетъ

*) См. примѣч. на стр. 202-й.

(Прим. перев.).

или оправданіе или осужденіе. Они принимаютъ присягу и рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ. Они должны быть избраны изъ того класса населенія, къ которому принадлежитъ обвиняемый по разсматриваемому дѣлу, то есть изъ дворянъ или изъ просто-народья, какъ это уже было узаконено при прежнихъ царяхъ и при царѣ Стефанѣ (Стефанъ Милютинъ, дѣдъ Стефана Душана).

Продолженіемъ кодекса Душана служатъ еще сорокъ статей, которыя прибавлены къ нему въ разное время и безъ всякаго порядка. Въ нихъ рѣчь идетъ о постоянномъ правѣ, объ охраненіи путей съ цѣлю задержанія воровъ, объ оказаніи защиты путешественникамъ, купцамъ и монахамъ, объ обязанностяхъ судей и исполнителей судебныхъ рѣшеній. Если кто-нибудь былъ судьей оправданъ, а потомъ оказался виновнымъ, то оправдавшій его судья подлежитъ штрафу въ 1000 перперовъ. Когда обѣ стороны, говоритъ 133 статья, предстанутъ передъ царскимъ судомъ, то онѣ должны быть судимы по первымъ произносимымъ ими словамъ, а не по послѣднимъ. Пьянство наказуемо. Серебряныхъ дѣлъ мастера могутъ жить только въ столицѣ и въ укрѣпленныхъ городахъ, принадлежащихъ царю. Очевидно опасались, чтобы они не дѣлали фальшивой монеты.

Къ этимъ древнимъ текстамъ слѣдуетъ присоединить четыре договора, заключенныхъ республикою Рагузы съ сербскими князьями въ 1332, 1349, 1386 и 1387 годахъ. Эти трактаты провозглашаютъ свободу торговыхъ отношеній между обѣими странами и говорятъ о томъ, какъ должны быть судимы споры сербовъ съ рагузцами, на той и на другой территоріи. Отвѣтчику должно быть всегда позволено оправдаться посредствомъ присяги, принятой имъ самъ-шесть. Какъ свидѣтели, такъ и соприсяжники, берутся изъ той и другой націи по ровну. Въ этихъ договорахъ есть нѣсколько интересныхъ постановленій, но мы можемъ только упомянуть о нихъ.

Отъ XIV столѣтія переходимъ, не останавливаясь, къ концу XVIII вѣка. Тутъ начинается новая эра. Славянскія народности на Балканѣ объявляютъ или завоевываютъ свою независимость и берутся за составленіе писанныхъ законовъ. Къ несчастію, редакторы этихъ законовъ были очень плохо знакомы съ народными обычаями. Такимъ-то образомъ, сербскій кодексъ 1844 года является только воспроизведеніемъ австрійскаго кодекса 1811 года. Одни гражданскіе законы Черногоріи носятъ на себѣ печать славянства и древности.

Необходимо разсмотрѣть ихъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, какимъ образомъ другіе законы установили учрежденіе *задруги* или семейной общины.

Княжество Черногорія долгое время оставалось подъ властью обычая ¹⁾. Народъ образовался изъ 42 племенъ (*pleme*), изъ которыхъ каждое содержало въ себѣ извѣстное число *gentes* или братствъ (*brastvo*). Во главѣ каждого племени стоялъ начальникъ, который, при помощи низшихъ начальниковъ (*glavari*), управлялъ округомъ и творилъ судъ на столько, на сколько возможно отправление правосудія въ странѣ, въ которой мѣсть считается обязательною для гражданина, а междоусобная война составляетъ повседневное явленіе. Только въ 1796 году князь Петръ I составилъ и далъ въ руководство начальникамъ сокращенный кодексъ изъ 16 статей, къ которымъ онъ прибавилъ въ 1803 году еще 17 статей ²⁾. Эти законы были очень несовершенны. Высшій Судъ, который долженъ былъ исправлять недостатки ихъ, могъ быть открытъ только въ 1831 году. Новый законъ, изъ 95 статей, былъ составленъ и выпущенъ въ свѣтъ въ 1855 году и, наконецъ, гражданскій кодексъ, изготовленный профессоромъ Богишичемъ обнародованъ въ 1888 г.

Сначала скажемъ о кодексѣ 1796 года.

Первое постановленіе назначаетъ смертную казнь убійцамъ, которые побиваются камнями или разстрѣливаются. Если убійца успѣетъ скрыться за границу, то имущества его конфискуются и изъ нихъ половина идетъ родственникамъ жертвы, а другая половина въ пользу округа. Отобраніе имущества имѣетъ здѣсь смыслъ цѣны крови (*globa*). Всѣ, кто оказалъ преступнику помощь или участіе, наказываются, какъ соучастники. Убійцу можетъ умертвить всякій, въ какомъ бы мѣстѣ онъ ни встрѣтилъ его и, въ этомъ случаѣ, одна смерть служитъ возмездіемъ за другую; семья убійцы, неповинная въ его преступленіи, ничего не платитъ.

¹⁾ Chiudina, *Storia del Montenegro (Cznagora) dà tempi antichi fino à nostri*, 1 vol., Spalato, 1882.

²⁾ Кодексъ 1796—1803 переведенъ на французскій языкъ въ *Moniteur de 1854* (12—14 апрѣль). Но эта работа, сдѣланная по итальянскому переводу содержитъ въ себѣ много ошибокъ. Что касается 1855, то существуетъ французскій переводъ въ сочиненіи Delarue *Le Monténégro* (Paris, 1862). Нѣмецкій переводъ появился въ Вѣнѣ въ 1859. Кромѣ сочиненія Деларю, можно дѣлать справки еще изъ книги Поповича *Recht und Gericht in Montenegro*, Agram, 1877.

За убійствомъ слѣдуютъ простыя пораненія, причиненныя въ ссорѣ. Тяжущіеся препровождаются къ судѣ, который рѣшаетъ, кто изъ двухъ ссорившихся первый пустилъ въ ходъ оружіе. Признанный виновнымъ платитъ вознагражденіе раненному и штрафъ. Если рана нанесена изъ хвастовства и безъ всякаго повода со стороны потерпѣвшаго, то вознагражденіе и штрафъ удваиваются.

Простыя обиды съ насиліемъ наказываются штрафомъ въ 50 дукатовъ. Но оскорбленный можетъ безнаказанно убить оскорбителя, лишь бы это произошло вслѣдъ за оскорбленіемъ.

При случайномъ пораненіи, судъ принимаетъ на себя посредничество и старается свести стороны къ мировой сдѣлкѣ. То же бываетъ, когда человѣкъ совершилъ убійство въ положеніи необходимой обороны и клянется предъ Богомъ, что на него сдѣлано было нападеніе.

Кто женится на женщинѣ, у которой мужъ еще живъ, или на дѣвушкѣ безъ согласія ея родителей, подвергается ссылкѣ, а имѣніе его конфискуется. Попъ, совершившій подобный бракъ, несетъ то же наказаніе.

Убившій вора на мѣстѣ совершенія преступленія считается за человѣка, находившагося въ положеніи необходимой обороны и не можетъ быть преслѣдуемъ какъ убійца.

Согласно древнимъ обычаямъ, кража наказывалась штрафомъ, размѣръ котораго зависѣлъ отъ свойствъ и стоимости украденной вещи. Новый законъ замѣняетъ штрафъ тѣлеснымъ наказаніемъ, смотря по обстоятельствамъ, отъ 20 до 100 палочныхъ ударовъ.

Желающій продать недвижимое имѣніе долженъ сначала предложить его, при свидѣтеляхъ, своимъ роднымъ, а потомъ—сосѣдямъ, и только въ случаѣ отказа тѣхъ и другихъ онъ можетъ продать тому, кому захочетъ. Актъ продажи совершается письменно, въ присутствіи трехъ свидѣтелей. Писавшій актъ подписывается и выставляетъ день совершенія этого акта.

16-я и послѣдняя статья запрещаетъ самосудъ по какому бы то ни было случаю и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Статьи, прибавленныя къ этому первоначальному кодексу въ 1803 году, вызваны особенными причинами. Такъ, кража быковъ или лошадей, совершенная съ насиліемъ, приравнивается къ убійству. Запрещается убивать брата, родственника или свойственника убійцы и наказывать, такимъ способомъ, невиннаго вмѣсто виновнаго. Чья

мечь обрушивается на невиннаго челоуѣка, тотъ считается убійцею и подлежитъ смертной казни. Запрещено нарушать спокойствіе на базарахъ, рынкахъ и въ церквахъ. На черногорцевъ въ первый разъ накладывается подать въ 60 динаріевъ съ дома. Дуэль не дозволена. Судьи присягаютъ по извѣстной формулѣ. Строго опредѣляются какъ обязанности ихъ, такъ и подобающее имъ уваженіе. За потравы въ поляхъ вознагражденіе назначается посредниками, и если при этомъ обнаруженъ будетъ злой умыселъ, то виновный отсылается къ суду.

Почти всѣ статьи 1796—1803 года вошли въ кодексъ 1855 г. 26 первыхъ статей этого кодекса говорятъ о государственномъ правѣ. Всѣ черногорцы равны предъ закономъ; честь, собственность, жизнь и свобода каждаго изъ нихъ находятся подъ защитою закона. Подобая князю преданность, обязанности судей, долгъ воинской службы, наказуемость преступленій измѣны и бунта,—таковы главные постановленія этой первой части кодекса.

Статьи 27—44 повторяютъ уголовные законы прежняго кодекса. Дуэль дозволена; одни секунданты наказываются штрафомъ въ 100 эку, какъ и въ законникѣ Душана. Особенная статья предусматриваетъ поджогъ жилого зданія. Виновный наказывается смертію и даже можетъ быть убитъ погорѣвшимъ. Сверхъ того, онъ обязанъ заплатить убытки.

Ст. 45 повторяетъ прежнее правило о продажахъ недвижимыхъ имуществъ. Затѣмъ идутъ новыя постановленія объ устройствѣ семьи, о порядкѣ наслѣдованій и о дракахъ. Сыновья могутъ выйти изъ семейной общины только послѣ смерти отца и матери или съ ихъ разрѣшенія (ст. 47). Отецъ свободно распоряжается, посредствомъ даренія при жизни или посредствомъ завѣщанія, имуществами, пріобрѣтенными имъ, предоставляя послѣднія или постоянному лицу, или одному изъ своихъ дѣтей, помимо остальныхъ. Если онъ не оставилъ завѣщательнаго распоряженія, то его наслѣдіе *ab intestatu* раздѣляется поровну между сыновьями, причемъ вдова сохраняетъ за собою пожизненное владѣніе всѣми этими имуществами. Дочери имѣютъ право только на приданое. Несовершеннолѣтніе, оставшіеся безъ отца и матери, поступаютъ въ опеку до истеченія двадцати лѣтъ отъ рожденія. Всѣ эти правила, повидимому, имѣютъ примѣненіе только къ благопріобрѣтеннымъ имуще-

ствамъ *). Что касается родовыхъ имуществъ, то, въ дѣйствительности, они составляютъ общую собственность семьи. Вдова, по выходѣ замужъ, лишается пользованія имуществами умершаго мужа, но получаетъ, въ это время, какъ бы вознагражденіе, а именно: если она бездѣтна, то ей выдается по 10 талеровъ за каждый годъ, прожитый ею въ домѣ мужа въ качествѣ жены и въ качествѣ вдовы; если же у нея есть дѣти, то ей слѣдуетъ по дукату за cadaго сына и по два дуката за дочь. При недостаткѣ сыновей, наследуютъ дочери и, въ наследство отъ отца, получаютъ имѣнія дѣда. Если послѣ умершаго остались незамужнія сестры, то онѣ дѣлятъ наследство съ дочерьми, причемъ дочь получаетъ двѣ части, а сестра только одну. Послѣ смерти жены, приданое ея получаютъ ея братья, за недостаткомъ же ихъ—сестры, а за недостаткомъ сестеръ—прочіе родственники. При недостаткѣ родственниковъ наследство поступаетъ въ казну. Сынъ, отказывающій въ почтеніи своему отцу, подвергается слѣдующимъ наказаніямъ: въ первый разъ штрафу, во второй разъ—тюрьмѣ и тѣлесному наказанію, а въ третій разъ отецъ можетъ выгнать его изъ своего дома.

Сборъ податей возложенъ на старшинъ каждой деревни, подъ надзоромъ судебной палаты. 65 статья гласитъ, что всякій черногорецъ, который явится въ судъ съ камнемъ на шеѣ, подлежитъ тѣлесному наказанію. Тутъ законъ стремится къ искорененію суетвѣрнаго обычая ¹⁾).

Статья 66 разсуждаетъ объ обязанностяхъ священниковъ, что естественнымъ образомъ приводитъ къ браку, который, по своему происхожденію, составляетъ учрежденіе каноническаго права. Когда ребенокъ рождается внѣ брака, то отецъ обязанъ платить 130 талеровъ на содержаніе его; по достиженіи же совершеннолѣтія, незаконнорожденный уравнивается, въ правѣ наследованія, съ законными дѣтьми. Въ случаѣ прелюбодѣянія, мужъ въ правѣ убить обоихъ преступниковъ, если застигнетъ ихъ во время совершенія преступленія. Жена, покусившаяся на жизнь мужа или своего ребенка, наказывается смертью. Если совмѣстная жизнь невыносима, то супруги могутъ прекратить сожительство и, въ такомъ случаѣ, жена имѣетъ право на содержаніе отъ мужа, если хорошо ведетъ себя. Когда жена обокрадетъ мужа, то въ два первые раза она

*) См. примѣч. на стр. 11-й.

(Примѣч. перев.).

¹⁾ См. исторію змѣинаго яйца у Плинія, *Histoire naturelle*, XXIX, 54.

наказывается тюрьмою, а въ третій разъ объявляется разлученіе супруговъ и тогда мужъ можетъ жениться на другой.

Отъ этой статьи мы переходимъ къ кражѣ (ст. 78—84). Воръ, пойманный на кражѣ въ третій разъ, наказывается смертию. Всякій можетъ убить его, схвативши его на мѣстѣ преступленія и даже получаетъ премію въ 20 талеровъ, но, если онъ убилъ невиновнаго, то считается за убійцу. Установленная предшествовавшимъ закономъ лѣстница тѣлесныхъ наказаній, за разные виды воровства, удержана и здѣсь.

Кража въ церкви, даже совершенная въ первый разъ, безусловно наказывается смертию. То же наказаніе слѣдуетъ за кражу запасовъ, предназначенныхъ для защиты страны.

Особенная статья (87) предусматриваетъ клевету. Клеветникъ подлежитъ тому наказанію, какому могъ бы быть подвергнутъ оклеветанный, если бы онъ признанъ былъ виновнымъ во взведенномъ на него преступленіи. Здѣсь въ доказательство принимаются свидѣтели, а, въ случаѣ нужды, присяга сторонъ и ихъ соприсяжниковъ. Рѣшеніе постановляется въ пользу того, на чьей сторонѣ большее число соприсяжниковъ. Кажется, трудно было бы ожидать, что подобное правило можетъ встрѣтиться въ кодексѣ, обнародованномъ не далѣе, какъ 30 лѣтъ тому назадъ.

Законъ воспрещаетъ разорительныя пиршества, превышающія обыкновенную мѣру. Онъ запрещаетъ женщинамъ обрѣзывать волосы и обезображивать лицо въ знакъ траура. Онъ устанавливаетъ размѣръ процентовъ въ 20 динаріевъ на талеръ. Всякій заемъ денегъ долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ или посредствомъ залога.

Законъ предоставляетъ право убѣжища иностранцамъ и свободу совѣсти всѣмъ.

Наказаніе уменьшается на половину, когда преступленіе совершено въ состояніи опьяненія и безъ явныхъ признаковъ озлобленія.

Если черногорецъ, во время ссоры, призоветъ къ себѣ на помощь своихъ семейныхъ и, при такихъ обстоятельствахъ, произведетъ драку, послѣдствіемъ которой будетъ убійство, то онъ наказывается смертию, а явившіеся по его зову платятъ штрафъ въ 10 талеровъ.

Наконецъ, послѣдняя 95 статья говоритъ объ исполненіи приговоровъ, въ которыхъ виновные присуждаются къ тюремному за-

ключенію. При недостаткѣ тюремнаго помѣщенія, арестанты употребляются на барщину и на работы по дорогамъ.

Въ настоящее время всѣ эти законы замѣнены гражданскимъ кодексомъ, вступившемъ въ силу 1-го іюля 1888 года. Несмотря на то, составъ семьи не подвергся измѣненію и остался вѣрнымъ древнимъ обычаямъ страны.

Итакъ, мы переходимъ къ изслѣдованію *задруги*, или семейной общины, по различнымъ законамъ, дѣйствующимъ у южныхъ славянъ. Старѣйшіе тексты, въ которыхъ описывается задруга, суть законы, относящіеся къ устройству военной границы Австрійской имперіи. Это устройство, созданное въ началѣ XVIII столѣтія по внушенію принца Евгенія, какъ извѣстно, продолжалась до послѣдняго времени. Во всѣхъ своихъ подробностяхъ оно выразилось въ основномъ законѣ 1807 года. Вся территорія Военной Границы раздѣлена на мелкія владѣнія; въ каждомъ изъ нихъ имѣется домъ съ дворомъ и садомъ, извѣстное пространство обрабатываемой земли и пастбище на общихъ земляхъ. Эти владѣнныя пожалованы были подъ условіемъ воинской службы и на ленномъ правѣ, слѣдовательно не подлежали отчужденію, по крайней мѣрѣ, по общему правилу. Они принадлежали семействамъ общиннаго устройства и, главнымъ образомъ, мужчинамъ, а когда въ домѣ уже не оставалось мужчинъ, то помѣстье переходило къ женщинамъ, съ условіемъ, чтобы одна изъ нихъ вышла замужъ за человека, способнаго отправлять воинскую службу. Законы о наслѣдованіи здѣсь примѣняются только въ случаѣ полного вымиранія общины. Завѣщательное право дано исключительно послѣднему, оставшемуся въ живыхъ, члену общины и то лишь по отношенію къ скоту и движимости.

Въ составъ общины входятъ не только члены семьи въ собственномъ смыслѣ, но и всѣ, принятые въ семью и въ домъ, за исключеніемъ лицъ, живущихъ на жалованьѣ. Управление общиною ввѣряется старѣйшему и правоспособному члену ея и его женѣ. Всѣ обязаны относиться къ нимъ съ уваженіемъ и покорностію. При такихъ условіяхъ, всѣ члены пользуются равными правами на владѣніе и одинаково обязаны отдавать свой трудъ на пользу общины. Доходы, приносимые общею работою, идутъ на содержаніе всѣхъ. Если есть излишекъ, то онъ дѣлится поровну, но отецъ и мать получаютъ двойную часть. Членъ общины можетъ за-

ниматься отдѣльнымъ промысломъ не иначе, какъ съ дозволенія отца и, сверхъ того, если общинное хозяйство не нуждается въ его услугахъ и если онъ отдаетъ въ общину половину всего, что добудетъ отъ своего промысла. Впрочемъ, члены общины могутъ отдѣльно владѣть деньгами и движимостію и распоряжаться ими, даря при жизни или завѣщая на случай смерти.

Когда община становится очень велика, то она можетъ раздѣлиться на двѣ, при извѣстныхъ условіяхъ, изъ которыхъ главное заключается въ согласіи всѣхъ совершеннолѣтнихъ участниковъ на раздѣлъ. Эти раздѣлы совершаются не иначе, какъ съ одобренія и подѣ надзоромъ высшей военной власти. Равнымъ образомъ, двѣ общины могутъ соединиться въ одну.

Индивидуумъ въ правѣ перейти изъ одной общины въ другую, съ согласія отца семейства и по окончаніи своихъ счетовъ съ общиною, отъ которой онъ отдѣляется. Женщины, выходящія, по случаю замужества, изъ общины, не сохраняютъ никакого участія въ ней и получаютъ только опредѣленное обычаемъ приданое, а также свадебные расходы. Законъ ясно говоритъ, чтобы свадебное пиршество не продолжалось болѣе одного дня.

Законъ 1807 года подвергался пересмотру въ 1850 году. Новый законъ, составленный для Кроатіи, Славоніи и сербскаго Баната уничтожилъ феодальный характеръ пожалованій и всѣхъ ленниковъ превратилъ въ собственниковъ. Онъ удерживаетъ, впрочемъ, постановленія предшествующаго закона, опредѣляющія различіе между главнымъ имѣніемъ, неотчуждаемою собственностью семьи, и остальнымъ, которое подчиняется общему закону. Онъ даетъ болѣе точныя правила о правахъ на общинныя пастбища и на пользованіе лѣсами. Наконецъ, онъ ясно удерживаетъ семейную общину. Послѣднему живому члену ея предоставляется право завѣщательныхъ распоряженій даже надъ недвижимымъ имѣніемъ. Управление все-таки остается ввѣреннымъ отцу и матери, подѣ надзоромъ муниципальной власти и при участіи, въ важныхъ случаяхъ, членовъ семьи, достигнувшихъ восемнадцатилѣтняго возраста.

Сербскій гражданскій кодексъ содержитъ въ себѣ одну главу о задругѣ (ст. 507—530). Здѣсь почти та же организація задруги, что и на Военной Границѣ, съ тою единственною разницею, что въ Сербіи не было пожалованій на ленномъ правѣ, равно и не было постоянной обязанности отправлять воинскую службу. Задругою

опредѣляется общность жизни и имущества, основанная на родствѣ или усыновленіи. Каждый изъ членовъ общины остается собственникомъ движимаго имущества, находящагося въ его личномъ пользованіи. Управление принадлежитъ старѣйшему, но онъ не можетъ ни отчуждать, ни закладывать безъ согласія женатыхъ и совершеннолѣтнихъ членовъ общины. Права вдовъ и дочерей точно обозначены.

Два позднѣйшихъ закона, составленныхъ для Кroatiи, относятся къ 1870 и 1874 годамъ. 2-я статья закона 1874 года запрещаетъ, на будущее время, составленіе всякой новой задруги. Старинныя задруги еще существуютъ, но раздѣлы ихъ пользуются облегченіями и поощряются. Первоначально, раздѣлъ происходилъ поголовно. Последніе законы ввели правило о поколѣнномъ раздѣлѣ.

Задруга существуетъ еще въ очень многихъ мѣстахъ у южныхъ славянъ. Описанія ея, съ натуры, даны Богишичемъ и Крауссомъ ¹⁾. Для насъ можетъ быть не менѣе интересно будетъ привести здѣсь слова одного изъ нашихъ старинныхъ юрисконсультовъ, Гюи Кокилля. Нарисованная имъ картина полевого хозяйства въ Ниверне ничѣмъ не отличается отъ того, что мы въ настоящее время еще видимъ въ Балканскихъ земляхъ.

Вотъ подлинныя слова Кокилля ²⁾. «Согласно старинному порядку полевого хозяйства въ странѣ Ниверне, каковое хозяйство составляетъ истинную основу и начало борделяжей *), нѣсколько лицъ должны быть соединены въ одну семью для того, чтобы вести это хозяйство. Въ этой странѣ обработка земли сама по себѣ затруднительна и полевое хозяйство очень тяжело. Оно слагается изъ многихъ занятій, такъ какъ одни пашутъ и погоняютъ воловъ, животныхъ неповоротливыхъ, причемъ обыкновенно плугъ тянутъ шесть воловъ; другіе пасутъ въ полѣ коровъ и кобылицъ; третьи гоняютъ овецъ и барановъ, а четвертые пасутъ свиней. Семьи, со-

¹⁾ Богишичъ, *Сборникъ нынѣшнихъ обычаевъ южныхъ славянъ* (Аграмъ, 1874, по-кroatски). Этотъ трудъ разобралъ, на французскомъ языкѣ, Феодоръ Демеличъ въ *Revue de législation* (1876). Krauss, *Sitte und Brauch der Südslaven* (I t. in-8°, Wien, 1885). Rivière въ *Bulletin de la société de législation comparée* (1888) помѣстилъ интересную статью о задругѣ.

²⁾ Questions sur les coutumes, № 58.

*) Борделяжъ—особый видъ ленной зависимости сельскихъ жителей, существовавшій въ средніе вѣка, въ Ниверне, во Франціи.

(Прим. перев.).

ставленные такимъ образомъ изъ нѣсколькихъ лицъ, которыя всѣ заняты каждый сообразно своему возрасту, полу и способностямъ, управляются однимъ, называемымъ главою общины и избираемымъ для этой обязанности другими. Онъ начальствуетъ надъ всѣми остальными, хлопочетъ по дѣламъ въ городахъ, на ярмаркахъ и въ другихъ мѣстахъ, можетъ, для нуждъ общины, ссужать своимъ соучастникамъ движимое имущество и одинъ значится въ спискахъ податей и пособій. Отсюда видно, что эти общины представляютъ настоящія семьи и коллегіи, подобныя тѣлу, сложенному изъ нѣсколькихъ частей, причемъ, хотя части можно отдѣлить одну отъ другой, но вслѣдствіе братства, пріязни и экономической связи, онѣ все-таки составляютъ одно цѣлое... Въ этихъ общинахъ, дѣти, еще не могущія ничего дѣлать, имѣли цѣну потому, что въ будущемъ отъ нихъ ожидали работы; взрослые цѣнились по ихъ наличной работѣ; старики были дороги за ихъ прошлую трудовую жизнь и за совѣтъ, которымъ можно было отъ нихъ попользоваться. Итакъ, изъ вѣка въ вѣкъ и при всякихъ обстоятельствахъ, общины сохраняютъ жизнь, подобно тому, какъ политическое тѣло продолжаетъ непрерывно существовать, внутренне измѣняясь. Но такъ какъ раздѣлы и выдѣлы способны повести эти деревенскія общежитія къ дѣйствительному и неизбѣжному распаденію, то древними законами страны, какъ по отношенію къ семьямъ крѣпостныхъ, такъ и по отношенію къ семьямъ, въ которыхъ распоряженіе наслѣдствомъ находится въ зависимости отъ борделяжа,—было постановлено, съ цѣлю сохраненія общины, что не живущіе въ общинѣ не наслѣдуютъ членамъ ея, равно и община не наслѣдуетъ послѣ нихъ. Статьи, трактующія о личномъ рабствѣ, болѣе хитро выражаются объ этой общинѣ, то-есть, что всѣ живутъ сообща однимъ хлѣбомъ и одною солью».

Въ этой картинѣ нѣтъ штриха, который не былъ бы свойственъ и славянской задругѣ, и нивернескому общежитію. Кстати, замѣтимъ вмѣстѣ съ Кокиллемъ, что это учрежденіе не имѣетъ ничего общаго съ рабствомъ, или съ крѣпостнымъ состояніемъ, и что оно дѣйствуетъ одинаково какъ среди свободныхъ, такъ и среди несвободныхъ лицъ. Въ дѣйствительности, задруга является древнимъ типомъ деревенской семьи.

Но можно сдѣлать, по поводу задруги, еще иные выводы, къ

которымъ и пришелъ Божиичъ ¹⁾. Задруга представляетъ большую семью, члены которой соединены между собою узами родства, брака и усыновленія. Разлагая ее, мы дойдемъ до элементарной семьи, состоящей исключительно изъ отца, матери и дѣтей. Это—малая семья, *inokosna*, противоположная той, у которой много рукъ, — *задруга*. До сихъ поръ полагали, что элементарная деревенская семья жила подобно городской семьѣ, то есть, что имущества были собственностью отца, который могъ распоряжаться ими и передавалъ ихъ по наслѣдству дѣтямъ. Это понятіе даже усвоено было новѣйшими законодателями и прошло по всѣмъ кодексамъ, не исключая кодексовъ Сербіи и Черногоріи. Но оно ошибочно. Элементарная деревенская семья, на самомъ дѣлѣ, подчинена тѣмъ же правиламъ, какія существуютъ въ сложной деревенской семьѣ. Она составляетъ ассоціацію, въ которой право собственности принадлежитъ всѣмъ, и дѣтямъ и отцу, и каждый изъ дѣтей можетъ, при жизни отца, удалиться изъ семьи и унести съ собою свою часть. Отсюда вытекаютъ крупныя и многочисленныя послѣдствія. Такъ, собственно говоря, тутъ нѣтъ наслѣдованія, потому что, безъ всякаго раздѣла, каждый беретъ то, что уже принадлежитъ ему въ общей массѣ. Сверхъ того, имущества не отвѣчаютъ за долги, если только долги не дѣлались всѣми участниками общины, единодушно. Наконецъ, недвижимыя имущества, образующія общій капиталъ, неотчуждаемы, или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть отчуждены не иначе, какъ съ согласія всѣхъ.

Такова древнѣйшая форма семьи и такую мы видимъ ее въ древнихъ законахъ Индіи. Какимъ же образомъ первобытная ассоціація разрушилась и уступила мѣсто, въ городахъ, праву собственности отца семьи? На этотъ вопросъ невозможно дать отвѣта при нынѣшнемъ состояніи науки. Извѣстно только то, что эта перемѣна относится къ чрезвычайно отдаленной древности. Первоначальный типъ семейной ассоціаціи лишь въ видѣ исключенія сохранился въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, но оставилъ вездѣ слѣды, которыхъ нельзя не видѣть. Именно, въ память первобытной общины, римское право даетъ сыну и дочери названіе *своихъ наслѣдниковъ*: *Sui quidem heredes ideo appellantur, quia domestici heredes sunt et*

¹⁾ Божиичъ, *De la forme, dite Inokosna, de la famille rurale chez les Serbes et les Croates*, Paris. 1884.

vivo quoque parente quodammodo domini existimantur ¹⁾). Переходъ отъ одной формы къ другой очень просто объясняется въ критскомъ законѣ Гортины, который, кажется, служилъ образцомъ для 47 ст. древняго кодекса Черногоріи: «Отецъ, говорить этотъ законъ, будетъ владыкою дѣтей и имуществъ и отъ него будетъ зависѣть раздѣлъ. Мать будетъ владѣть своими личными имуществами. Пока они живы, невозможно будетъ требовать раздѣла, но когда одинъ изъ нихъ умеръ, имущества умершаго будутъ раздѣлены по закону» ²⁾). Тутъ же припоминается притча о блудномъ сынѣ ³⁾: «И младшій изъ двухъ сыновей сказалъ отцу: Отецъ, дай мнѣ причитающуюся часть изъ имѣнія, и отецъ раздѣлилъ имъ имѣніе». Очевидно, что идетъ рѣчь не о наслѣдственной части, но о части изъ общиннаго имущества.

Это устройство семьи, живущей въ общинѣ, исключаетъ, естественнымъ образомъ, ежегодный дѣлежъ обрабатываемой земли, какой мы видимъ въ Россіи. Ежегодный дѣлежъ представляетъ позднѣйшую форму цивилизаціи, именно, переходъ отъ семейной общины къ личной собственности. У южныхъ славянъ слѣды его не встрѣчаются.

¹⁾ Gaius, *Instit.*, II, 157.

²⁾ *Loi de Gortyne*, VI, строки 23—31.

³⁾ Луки, V, 12; Πατερ, δός μοι τὸ ἐπιβάλλον μέρος τῆς οὐσίας. Καὶ διείλεν αὐτοῖς τὸν βίον.

XI.

Древніе памятники венгерскаго права ¹⁾.

Въ анонимной хроникѣ венгровъ ²⁾ значится, что послѣ большой побѣды, одержанной надъ греками и болгарями, начальникъ маджяровъ Арпадъ и его войско остановились на берегу озера Кюртюэлту, близъ Гемельсенскаго лѣса, и простояли тамъ 34 дня. Это собраніе привело въ порядокъ національные обычаи, установило права каждаго и услуги, которыя могутъ быть отъ него потребованы и объявило, наконецъ, какъ будутъ судить за всякое преступленіе. Это происходило въ 895 году, въ то самое время, когда обширный и плодородный край, лежащій между Карпатами, Дунаемъ и Савою, покоренъ былъ маджярами. Другой лѣтописецъ, писавшій въ 1200 году, Симонъ изъ Кезы, повѣствуетъ о томъ, что, прежде чѣмъ войти въ эту страну, венгры поручили командованіе высшему начальнику и дали ему право поддерживать дис-

¹⁾ Можно имѣть въ виду слѣдующія сочиненія:

Endlicher, *Monumenta Arpadiana*, Sangalli, 1849. Kovachich, *Formulae solennes styli in cancellaria curiaque regum*, Pesth, 1799. *Vestigia comitiorum apud Hungaros*, Pesth, 1790—1806. *Codex authenticus juris tavernicalis*, Bude, 1803. *Corpus juris hungarici*, послѣднее изданіе, Буда, 1846, содержитъ въ себѣ сочиненіе Вербоци *Opus tripartitum*. Kelemen, *Historia juris hungarici*, 1818. Hajnik Imre, *Magyar alkotmany és jogtorténelem*, Pesth, 182. Schuler Libloy, *Siebenburgische Rechtsgeschichte*, 2-е изд., Hermannstadt, 1867—1868.

Самая полная исторія Венгріи написана Фесслеромъ и передѣлана Эрнестомъ Клейномъ, 5 томовъ, in-8°, Leipzig, 1867 и слѣд. Написана она по-нѣмецки, но венгромъ и съ національной точки зрѣнія.

Собраніе, озаглавленное *Monumenta Hungariae historica*, изданное теперь королевскою Академіею въ Будапештѣ, содержитъ въ себѣ очень много грамматъ и всякаго рода актовъ, интересныхъ для исторіи права.

²⁾ *Anonymi gesta Hungarorum*, 40, у Эндлихера, стр. 36.

циплину и карать всѣ преступленія, съ тѣмъ, однакоже, ограниченіемъ, что если рѣшенія его будутъ несправедливы, то они могутъ быть отмѣнены, а самъ онъ низложенъ народнымъ Собраніемъ. Послѣднее созывалось періодически. Въ назначенное для Собранія мѣсто, всѣ Венгры обязаны были явиться вооруженными. Кто не являлся и не оправдывалъ свою неявку уважительною причиною, тому грозила смерть отъ ножа или отдача въ рабство ¹⁾. Вербоци, который писалъ въ XVI столѣтіи и о которомъ мы сейчасъ будемъ говорить, передаетъ этотъ же обычай и почти тѣми же словами, прибавляя, что герольдъ, которому поручено было созывать Собраніе, носилъ окровавленный мечъ ²⁾.

Вѣкомъ позже, въ 1000 году, предводитель венгерскаго народа, Стефанъ, потомокъ Арпада, провозглашенъ былъ королемъ въ городѣ Гранѣ и прелаты возложили на его голову присланную папою изъ Рима корону. Венгерскій народъ принялъ христіанство, отказался пройти по Европѣ съ оружіемъ въ рукахъ и занялъ мѣсто среди цивилизованныхъ народовъ. Эти войны-кочевники, пришедшіе съ Уральскихъ горъ и съ береговъ Иртыша, принялись за обработку земли и сдѣлались, въ свою очередь, оплотомъ христіанства противъ нашествія восточныхъ народовъ. Военный режимъ эпохи завоеванія уже не удовлетворялъ ихъ. Онъ уступилъ мѣсто писанымъ законамъ, принятымъ въ народномъ Собраніи. Законы, дѣйствовавшіе такимъ образомъ въ царствованіе святого Стефана (997—1038), были собраны, безъ сомнѣнія какимъ-нибудь подъячимъ, секретаремъ короля, и составляютъ двѣ книги, изъ которыхъ первая содержитъ 55 статей и вторая—21. Это—древнѣйшій памятникъ венгерскаго законодательства и первый актъ *Corpus juris hungarici*.

Прежде всего отмѣтимъ особенный характеръ творенія св. Стефана. Германскіе народы обыкновенно начинали съ собранія своихъ древнихъ обычаевъ. Собственно такъ называемое законодательство являлось у нихъ позже. Въ Венгріи, напротивъ, первоначальный актъ былъ законъ, обдуманное произведеніе народной воли, которое, безъ сомнѣнія, приняло въ себя элементы прошлаго, но преобразовало ихъ и создало такимъ образомъ новый порядокъ ве-

¹⁾ Simonis de Kesa, *Gesta Hunnorum*, 2, у Эндлихера, стр. 89.

²⁾ Verboczi, *Opus tripartitum*, I, 3.

щей. Въ другомъ мѣстѣ и въ иное время, государство играло, среди индивидуумовъ, роль посредника; въ Венгріи, съ перваго же дня, оно заговорило, какъ властелинъ и, притомъ, властелинъ довольно сильный для того, чтобы заставить себѣ повиноваться.

Эта разница тѣмъ болѣе замѣчательна, что общественная іерархія, и здѣсь и тамъ, была одинакова. Въ Венгріи, какъ и въ Германіи, существуютъ дворяне, простые свободные люди и рабы. Дворянство составилось изъ отборныхъ людей побѣдоносной арміи. Рабами сдѣлались плѣнные или преступники. Что касается свободныхъ людей, то въ разрядъ ихъ входятъ народная масса и вольноотпущенные. Судя по заслугамъ и оброкамъ, которыми они были обременены или въ пользу короля, или въ пользу сеньоровъ, они получили разныя названія, *idvornici*, *jobagiones*; сила вещей поставила ихъ въ большую или меньшую зависимость отъ сеньоровъ, но и за всѣмъ тѣмъ они остались лично свободными и всегда могли устраиваться тамъ, гдѣ желали. Наболѣе независимыми были городскіе жители и гости или колонисты, вызываемые изъ-за границы для заселенія пустынныхъ или заброшенныхъ земель. Эти гости всегда находились подъ защитою грамоты, опредѣлявшей условія ихъ существованія. Къ разнымъ общественнымъ классамъ св. Стефанъ присоединилъ новый, духовенство, которое, по своему богатству и познаніямъ, быстро пріобрѣло большое значеніе и сдѣлалось политической силой.

Земли распределены были между этими различными классами неравномѣрно. Во время завоеванія, мадьяры раздѣлялись на 100 слишкомъ трибъ, изъ которыхъ каждая заключала въ себѣ нѣсколько семей, устроенныхъ въ патріархальномъ порядкѣ. Расселеніе на завоеванной землѣ производилось по семействамъ; на начальниковъ возложена была забота о болѣе или менѣе временномъ распределеніи земли между ихъ подчиненными. Значительная часть земель осталась внѣ этого распределенія и образовала государственныя имущества. Изъ этихъ-то имуществъ пожалованы были земли духовенству и розданы вождямъ народа награды тѣмъ изъ его компаньоновъ, которые лучше служили. Феодальный порядокъ такъ же, въ Венгріи водворился, какъ и въ другихъ мѣстахъ, съ тою, однако, разницею, что въ Венгріи королевская власть была сильнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и что, вслѣдствіе того, вліяніе сеньоровъ находилось здѣсь подъ болѣе строгимъ контролемъ и было менѣе чув-

ствительно для народа. Со времени царствованія св. Стефана, король назначаетъ и увольняетъ чиновниковъ, которымъ поручено управленіе комитатовъ или округовъ. Такимъ образомъ онъ держитъ въ своей рукѣ правосудіе, армию и финансы и всѣ дворяне подсудны его суду.

Изъ 56 статей, составляющихъ декретъ св. Стефана, 15 статей касаются религіи. Церковныя имущества и права епископовъ на эти имущества объявлены ненарушимыми. Духовные судились только въ церковныхъ судахъ и свидѣтельское показаніе противъ нихъ мірянина не принималось. Законъ предписываетъ народу обязанность содержать духовенство, а также соблюдать воскресенье, постные дни и великій постъ. Кто не соблюдаетъ поста, того сажаютъ, на недѣлю, на хлѣбъ и на воду. Не посѣщающіе церковь въ воскресенье наказываются бичеваніемъ и стрижкой волосъ, за исключеніемъ тѣхъ, на которыхъ лежитъ обязанность охранять домъ. Кто работаетъ въ воскресенье, у того, смотря по обстоятельствамъ, конфискуется быкъ, лошадь, сѣруя, причемъ быкъ отдается на сѣдленіе жителямъ деревни. Кто допустить, чтобы родители его умерли безъ исповѣди, на того налагается постъ. Наконецъ, уклоняющіеся отъ соблюденія христіанской вѣры предаются церковной власти, которая можетъ налагать на нихъ эпитеміи до семи разъ. Въ восьмой разъ дѣло переходитъ къ королю и онъ уже назначаетъ наказаніе. Всѣ обязаны присутствовать при богослуженіи. Кто не внимательно слушаетъ церковную службу, тотъ наказывается, смотря по званію, бичеваніемъ и стрижкой волосъ.

На десять *villae* полагается одинъ храмъ. Жители обязываются построить церковь и дать ей два помѣстья, двухъ крѣпостныхъ, жеребца и кобылу, шесть воловъ и двѣ коровы и тридцать головъ мелкаго скота. Облаченіе и одежды доставляетъ король, а священника и книги—епископъ. Сверхъ того, всѣ обязаны платить церкви десятину отъ своихъ доходовъ. Кто отказывается отъ этого платежа, тотъ считается за вора.

За церковнымъ закономъ идетъ уголовный законъ. Король опредѣляетъ преступленія, назначаетъ наказанія и устанавливаетъ тарифъ вознагражденій. Съ самаго начала полагали, что мадьяры, взявши за образецъ законы германцевъ, слѣдовали преданіямъ, которыя мы видимъ у всѣхъ арійскихъ народовъ. Это была большая ошибка, мадьяры — не арійцы. Начала ихъ права слѣдуетъ

искать не у германцевъ и грековъ. Скорѣе у нихъ можно было бы видѣть сходство съ народами восточной Азіи. У нихъ вознагражденіе не замѣняетъ цѣну пролитой крови, а представляетъ стоимость жизни виновнаго, которому позволено выкупить эту жизнь. Эта идея, какъ видно, совсѣмъ другая по сравненію съ идеею, господствовавшею въ остальной Европѣ.

Предумышленный убійца можетъ выкупить свою голову, заплативши 50 су королю, 50 родственникамъ жертвы и 10 судьямъ или посредникамъ, устроившимъ примиреніе между обоими семействами. Когда убійство произошло безъ умысла обвиняемаго, то послѣдній платитъ только 10 су золотомъ. Таково правило, но обстоятельства могутъ видоизмѣнять какъ преступленіе, такъ и наказаніе. Напримѣръ, когда рабъ убитъ рабомъ, принадлежащимъ другому господину, или свободнымъ человѣкомъ, то законъ позволяетъ въ первомъ случаѣ выдачу за убытки *), а во второмъ случаѣ — замѣну убитаго раба другимъ. Мужъ, убившій жену, долженъ платить роднымъ послѣдней вознагражденіе скотомъ, количество головъ котораго измѣняется, судя по званію убійцы. Дворянинъ (*comes*) платитъ 50 быковъ, солдатъ (*miles*)—10 и простолюдинъ (*vulgaris*)—5.

Кто вынулъ шпагу изъ ноженъ для того, чтобы нанести ударъ, тотъ умерщвляется тою же шпагою. Но, когда онъ еще не нанесъ удара, можетъ откупиться, уплативши половину обычнаго вознагражденія.

Простыя пораненія наказываются по тальону. Но если раненый выздоровѣлъ, то виновный откупается обычнымъ вознагражденіемъ за убійство.

Клятвopеступнику отсѣкается рука. Онъ можетъ выкупить ее штрафомъ въ 50 или 12 быковъ, смотря по тому, представляетъ ли онъ собою *unus valentium* или простаго *vulgaris*.

Затѣмъ слѣдуетъ рядъ постановленій объ отношеніяхъ сеньоровъ другъ къ другу. Законъ запрещаетъ способствовать освобожденію чужихъ рабовъ, выдавая ихъ за своихъ, а также обращать свободнаго человѣка въ рабство, или же переманивать къ себѣ ленниковъ, состоящихъ въ сеньоріи въ качествѣ солдатъ, *milites*, или въ качествѣ гостей, *hospites*. Сеньоръ имѣетъ, въ этихъ случаяхъ, право на искъ и на виндикацію. Всякое нарушеніе этихъ

*) См. примѣчаніе на стр. 56-й.

(Прим. перев.).

запрещеній наказывается штрафомъ, выражающимся въ извѣстномъ количествѣ быковъ, изъ которыхъ большая часть идетъ королю, а остальное потерпѣвшему сеньору.

Похититель дѣвушки обязанъ возвратить ее родителямъ и уплатить отъ десяти до пяти быковъ штрафа, смотря по тому, богатъ онъ или бѣденъ.

Свободный человѣкъ можетъ жениться на рабынѣ не иначе, какъ самъ сдѣлавшись чрезъ это рабомъ. Всякое недозволенное сношеніе съ рабынею наказывается въ первый разъ кнутомъ; во второй разъ слѣдуютъ кнутъ и стрижка волосъ, въ третій—лишеніе свободы. Если виновный въ этомъ преступленіи—рабъ, то его продаютъ и вырученную за него цѣну дѣлятъ между собою оба сеньора.

Виновный въ поджогѣ возстановляетъ зданіе и сгорѣвшую движимость и, сверхъ того, платитъ штрафъ въ 16 быковъ, что равняется 40 су.

Вооруженное нападеніе на домъ наказывается штрафомъ въ сто, десять или пять быковъ, смотря по тому, совершено ли преступленіе сеньоромъ надъ сеньоромъ, или *mile* надъ *miles*, или же простолюдиномъ надъ простолюдиномъ.

За чародѣйство, колдовство и порчу слѣдуютъ церковныя наказанія. Въ случаѣ повторенія преступленія, виновный передается королю или даже потерпѣвшей сторонѣ, которая поступаетъ съ нимъ по своему усмотрѣнію.

Кража наказывается неодинаково, смотря по званію вора. Когда воръ—свободный человѣкъ и если онъ не откупится, то идетъ въ продажу, какъ рабъ. При повтореніи кражи, онъ считается воромъ-рабомъ. Въ третій разъ онъ предается смертной казни.

Съ воромъ-рабомъ поступаютъ такъ: въ первый разъ ему рѣжутъ носъ, если онъ не заплатитъ 5 быковъ; во второй разъ, при неуплатѣ той же цѣны, онъ лишается ушей; въ третій разъ онъ предается смертной казни.

Замужняя женщина, за совершеніе кражъ, можетъ быть выкуплена два раза своимъ мужемъ, но въ третій разъ она продается въ рабство.

Сеньоръ, во зло употребившій свою власть для того, чтобы отнять что нибудь у *miles*, реституируетъ вдвойнѣ противъ того, что онъ взялъ.

Заговоръ противъ короля или государства влечетъ за собою от-

лученіе отъ церкви. Цареубійство, измѣна, бунтъ, наказываются смертью и имущества виновника конфискуются, однако, доли, причитающіяся дѣтямъ его, конфискаціи не подлежатъ.

Смертью же наказывается и клевета на короля. Клевета на другихъ лицъ влечетъ для виновнаго отсѣченіе языка, если онъ не заплатитъ вознагражденія, смотря по обстоятельствамъ, въ обыкновенномъ размѣрѣ или вдвойнѣ.

Рабъ не принимается на судъ въ свидѣтели противъ своего господина. Тоже и *udvornik*.

Miles можетъ обжаловать королю рѣшеніе, постановленное по его дѣлу сеньоромъ, но если аппеляція будетъ неосновательна, то онъ платитъ сеньору штрафъ въ 10 су золотомъ.

Сказано уже, что уголовное право занимаетъ бѣльшую часть декрета св. Стефана, подобно тому, какъ это бывало во всѣхъ древнихъ законодательствахъ. Гражданское же право представлено лишь нѣсколькими статьями, хотя эти статьи имѣютъ важное значеніе ¹⁾.

Прежде всего, всякая собственность, принадлежащая какъ королю, такъ и частнымъ лицамъ, объявляется неприкосновенною. Другими словами, всѣ пожалованія земель, сдѣланныя послѣ завоеванія страны, признаны окончательными и безспорными и не должны на будущее время считаться имуществами, пожалованными на пожизненномъ правѣ. Каждый можетъ распоряжаться имѣніемъ по своему желанію и оставить его женѣ, дѣтямъ, боковымъ родственникамъ или церкви. Отсюда выходитъ, что собственность подлежитъ наслѣдованію и можетъ быть передаваема безмездными способами, посредствомъ даренія при жизни, или же по завѣщанію. Таково, по крайней мѣрѣ, толкованіе, общепринятое въ Венгріи. Въ этомъ постановленіи декрета св. Стефана мадьяры и теперь еще видятъ законную основу завѣщательнаго права.

Другія статьи благопріятствуютъ освобожденію рабовъ и обезпечиваютъ положеніе вдовъ. Простой отпускъ на волю, т. е. совершенный при свидѣтеляхъ, но безъ вмѣшательства короля или его представителя, получаетъ свойство безспорности. Даже если не было акта, совершеннаго въ присутствіи свидѣтелей,

¹⁾ Мы не будемъ останавливаться на аналогіяхъ, сближающихъ Мадьярское право съ Славянскимъ. Славяне составляли древнее населеніе страны. Неудивительно, что мадьяры многое заимствовали у нихъ.

то и тогда обѣщанная свобода можетъ быть сохранена на основаніи одного заявленія вдовы и сыновей умершаго господина.

Когда вдова обязывается содержать сыновей и дочерей и жить съ ними, то она удерживаетъ въ своихъ рукахъ имущество мужа и никто не можетъ понуждать ее къ выходу въ новое замужество. Если же она оставить дѣтей и выйдетъ замужъ, то возвращаетъ имущество мужа и сохраняетъ только свое носильное платье. Бездѣтная вдова, давшая обѣщаніе не вступать въ новый бракъ, сохраняетъ за собою пожизненно все имущество и даже можетъ имъ распоряжаться; но, послѣ ея смерти, все переходитъ къ роднѣ ея мужа, а за недостаткомъ послѣдней—къ королю.

Женщина, покинутая мужемъ, переселившимся въ иную страну, считается вдовою и можетъ вступить въ бракъ съ соблюденіемъ вышеуказанныхъ правилъ. Если прежній мужъ ея вернется, то онъ также въ правѣ жениться на другой; только для этого требуется благословеніе епископа. Такимъ образомъ, каноническое право въ описываемое время допускало или терпѣло расторженіе брака по причинѣ отсутствія одного изъ супруговъ.

Рабство не было отмѣнено, но, какъ видно, оно вскорѣ исчезло. Св. Стефанъ даровалъ въ своихъ имѣніяхъ свободу всѣмъ рабамъ-христіанамъ. Онъ объявляетъ, что всякій можетъ выкупить и освободить чужого раба. Изъ цѣны выкупа третья часть идетъ хозяину раба, другая треть—графу и еще треть—королю.

Таковы главные постановленія декрета св. Стефана. Въ концѣ XI вѣка другой король, тоже святой, Владиславъ, дополнилъ трудъ своего предшественника. Законы Владислава, царствовавшего 1077—1095 г., были соединены въ три декрета или книги, изъ которыхъ первая, въ 43 статьяхъ, посвящена была преимущественно каноническому праву. Впрочемъ, въ ней находится важное процессуальное правило: если истецъ или отвѣтчикъ не явятся въ засѣданіе королевскаго суда, то неявившійся проигрываетъ процессъ и, сверхъ того, истецъ платитъ штрафъ, а отвѣтчикъ—реституируетъ вдвойнѣ.

Другой декретъ Владислава заключаетъ въ себѣ 16 статей, а третій — 30 статей. Въ нихъ рѣчь идетъ исключительно о кражѣ во всѣхъ ея видахъ. Репрессія усиливается и приближается къ понятіямъ древняго права. Кто поймаетъ вора на дѣлѣ, тотъ долженъ связать ему руки и привести его къ суду, который тотчасъ

же подвергаетъ его наказанію, безъ всякихъ формъ судопроизводства. Законъ требуетъ только, чтобы воръ представленъ былъ судѣ въ теченіе четырехъ дней; за промедленіе въ этомъ отношеніи законъ грозитъ штрафомъ. У кого украденъ скотъ, тотъ, идя за воромъ по слѣдамъ, имѣетъ право сдѣлать обыскъ въ деревнѣ, въ которую слѣды привели его. Чтобы пресѣчь промыселъ укрывательства, законъ воспрещаетъ продажу имущества гдѣ бы то ни было, кромѣ базара, и притомъ подобныя продажи должны происходить въ присутствіи судьи, сборщика дорожной пошлыны и свидѣтелей. Если украденный предметъ представляетъ низкую цѣнность, — гусь, напимѣръ, или курица, — то законъ ограничивается вырваніемъ глаза у виновнаго. Вообще же, воръ, безъ всякой пощады, наказывается повѣшеніемъ, если только онъ не нашелъ для себя убѣжища въ церкви; въ послѣднемъ случаѣ, то есть, когда онъ находится подъ защитою храма, жизнь оставляется ему, но глаза прокалываются. Если украденный предметъ стоитъ дороже 10 динаріевъ, то воръ, когда онъ принадлежитъ къ разряду свободныхъ людей, реституируетъ въ 12 разъ цѣнность похищеннаго и, кромѣ того, платитъ штрафъ, состоящій изъ одного быка; воръ-рабъ реституируетъ вдвойнѣ и лишается носа. Въ качествѣ предупредительной мѣры, была почти вполнѣ запрещена торговля волами и лошадьми на границахъ королевства, такъ какъ предполагалось, что въ этихъ мѣстахъ происходитъ сбытъ краденаго.

По отношенію къ судебнымъ доказательствамъ законъ не прихотливъ. Одной общей молвы достаточно бываетъ для удостовѣренія преступнаго факта. Какъ только вся деревня указываетъ на кого-нибудь, какъ на вора по профессіи, то дѣло переносится къ судѣ и, въ случаѣ обвинительнаго приговора, всѣ имущества злополучнаго подсудимаго конфискуются, въ трехъ четвертяхъ въ пользу короля, а въ остальномъ — въ пользу жителей деревни, возбудившей преслѣдованіе. Если деревня подозрѣвается въ томъ, что она даетъ притонъ ворами, то нѣтъ надобности даже и въ общей молвѣ. Королевскій комиссаръ отправляется въ эту деревню, раздѣляетъ жителей на группы по десяти человѣкъ, беретъ и судитъ одного изъ каждой группы. Если этотъ человѣкъ оказывается невиновнымъ, то и остальные девять считаются невинными; но если онъ обвиненъ, то перенесенное имъ наказаніе не освобождаетъ дру-

гихъ отъ той же участи. И такимъ образомъ идетъ дѣло до тѣхъ поръ, пока не найдется опять невинный.

Въ XI столѣтіи эти постановленія являются уже суровыми. Въ XIII столѣтіи они становятся невыносимыми. Вполнѣ отмѣнены они были Золотою Буллою, великою Венгерскою грамматою, обнародованной въ царствованіе Андрея II, въ два пріема — въ 1222 и 1235 годахъ. Эта грамота, служащая до сихъ поръ основою публичнаго права Венгріи, опредѣлившая власть короля, дворянъ и духовенства и провозгласившая право оппозиціи правительству, какъ высшую конституціонную гарантію,—уничтожила всякіе уголовные иски, основанные на общей молвѣ. Съ этого времени, никого не возможно было арестовать или предать смерти иначе, какъ по судебному рѣшенію. Жены и дѣти не могли быть продаваемы за преступленія мужей или отцовъ. Въ случаяхъ присужденій къ смерти, король можетъ конфисковать имущества преступника и отдать ихъ, кому пожелаетъ, но не можетъ предать эти имущества огню и, во всякомъ разѣ, жена осужденнаго имѣетъ право получить свое приданое. Важнѣйшія начала уголовного права долгое время оставались чуждыми венгерскому законодательству, но какъ только они вошли въ конституцію страны, то уже не могли исчезнуть изъ этого законодательства. Въ то же время, въ Золотой Буллѣ появляется правило гражданскаго закона, само по себѣ способное составить событіе, служащее началомъ новой эры. При недостаткѣ сыновей, наслѣдованіе переходитъ къ дочери. Правда, она наслѣдуетъ не во всемъ. Тогда какъ древній законъ давалъ ей одно приданое, теперь, при недостаткѣ сыновей, она получаетъ наслѣдственные имущества въ четвертой части. Остальное идетъ къ боковымъ родственникамъ, а при недостаткѣ послѣднихъ, къ королю.

Рядомъ съ этими общими законами стоитъ значительное число мѣстныхъ грамотъ, дарованныхъ королемъ гражданамъ какого-нибудь города или колонистамъ какого-нибудь округа. Эти грамоты обезпечиваютъ жителямъ свободное распоряженіе своею личностію и имуществомъ и въ точности опредѣляютъ лежащія на нихъ обязательства и оброки. Жители выбираютъ мэра, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполняетъ обязанности судьи и засѣдаетъ съ 12 присяжными. Судебный поединокъ упраздненъ и всѣ дѣла рѣшаются *duo*

decim hominum juramento ¹⁾). Граммата, данная при основаніи города Аграма (1242), содержитъ въ себѣ лѣстницу штрафовъ за всякія преступленія противъ личности и ставитъ правиломъ, что собственникъ той земли, гдѣ совершена кража, обязанъ возвратить украденное или обнаружить вора. Другая граммата, жалованная для *hospites* Косва (1270), удерживаетъ тальонъ въ случаяхъ убійства или ранъ, послѣдствіемъ которыхъ было увѣчье, относительно же всѣхъ прочихъ пораненій постановляетъ слѣдующее:

«Если гость затѣетъ ссору съ другимъ, бросится на него и ударитъ его, то онъ заплатитъ столько разъ по 60 динаріевъ, сколько шаговъ между обоими домами ихъ».

«Въ случаѣ раны, сдѣланной шпагою, виновный заплатитъ столько разъ по 60 динаріевъ, сколько дюймовъ имѣетъ рана въ глубину».

«Кто ударитъ другого ножомъ, у того слѣдуетъ, посреди базара, пронзить руку тѣмъ же ножомъ».

Законы никогда не говорятъ всего, и это замѣчаніе въ особенности примѣнимо къ законамъ Венгріи. По этимъ законамъ можно лишь догадываться о социальномъ положеніи страны. Къ счастью, до насъ дошли другіе документы, болѣе богатые, чѣмъ гдѣ бы то ни было, свѣдѣніями объ отправленіи гражданскаго и уголовного правосудія въ первыхъ годахъ XIII вѣка. Во Франціи, реестры старыхъ судовъ восходятъ только до начала XIV столѣтія. Въ Англіи, Германіи и Польшѣ не найдено реестровъ старше французскихъ. По особенно счастливой случайности, мы встрѣчаемъ въ Венгріи реестръ, начинающійся въ 1209 и оканчивающійся въ 1235 годахъ. Это—судебный реестръ епископскаго капитула города Варада, лежащаго между Венгріею и Трансильваніей (по-нѣмецки, *Gross-Waradein* ²⁾). Онъ состоитъ изъ 389 приговоровъ, между которыми только девять обозначены числомъ. Они слѣдуютъ одинъ за другимъ, но не въ хронологическомъ порядкѣ. Нѣтъ сомнѣнія,

¹⁾ Впрочемъ, судебный поединокъ явно сохранился въ грамматѣ Быстрича, 1255.

²⁾ Варадскій реестръ впервые напечатанъ въ Колосварѣ, въ 1540. Но изданіе было почти совсѣмъ уничтожено. Въ 1740, Матиасъ Бэль включилъ реестръ, съ комментариемъ, въ свой *Apparatus ad historiam Hungariae*. Наконецъ, Эндлихеръ перепечаталъ его въ 1849 въ приложеніи къ *Monumenta Arpadiana*.

что писецъ переписывалъ акты въ томъ порядкѣ, въ которомъ они попадались ему подъ руку. Это — скорѣе рѣшенія Божьяго суда, чѣмъ рѣшенія капитула, такъ какъ, въ девяти десятихъ случаевъ, дѣло рѣшалось при посредствѣ пытки каленымъ желѣзомъ. Вотъ какъ производились дѣла:

Во всякомъ дѣлѣ, гражданскомъ и уголовномъ, стороны являются сначала къ судѣ комитата или къ судѣ, уполномоченному королемъ. Этотъ судья выслушиваетъ тяжущихся, провѣряетъ документы и отбираетъ свидѣтельскія показанія. Но часто доказательства отсутствуютъ и въ дѣлѣ нѣтъ ничего, кромѣ неосновательныхъ предположеній. Тогда судья приказываетъ, чтобы тяжущіеся подчинились испытанію судомъ Божиимъ. Судебному чиновнику въ родѣ пристава, *pristaldus*, поручается отвести тяжущихся, или предложить имъ отправиться, въ извѣстный срокъ, въ Варадъ и представиться Варадскому капитулу. Дѣйствительно, по словамъ 22 статьи декрета короля Коломана (около 1100 года), испытаніе Божиимъ судомъ имѣло мѣсто только въ епископскихъ церквахъ и въ большихъ превоствахъ, какъ въ Пресбургѣ и въ Нитріи (Нитра, на Нейтрѣ) ¹⁾.

По донесенію пристава, судъ приступаетъ къ испытанію. Судьею уже опредѣлено, которая изъ сторонъ должна ему подвергнуться: истецъ или отвѣтчикъ, смотря по правдоподобности ихъ взаимныхъ доводовъ. Послѣ трехдневнаго говѣнія, испытуемый принимаетъ причастіе. Затѣмъ, ему даютъ въ руку каленое желѣзо, которое онъ относитъ на нѣсколько шаговъ; далѣе на эту руку надѣваютъ мѣшокъ, къ которому прилагается печать капитула. Черезъ нѣсколько дней провѣряютъ печати и, найдя ихъ нетронутыми, снимаютъ мѣшокъ. Судъ собственными глазами удостовѣряется въ томъ, существуетъ, или нѣтъ, слѣдъ обжога и тогда все кончено. Всѣ рѣшенія заключаются одною изъ двухъ формулъ: *Portato ferro combustus est*, или *Portato ferro justificatus est*. Послѣ этого, приводится въ исполненіе заранѣе приготовленное рѣшеніе по гражданскому дѣлу, или же опредѣляемое закономъ наказаніе. Такимъ образомъ, въ одномъ дѣлѣ о кражѣ (№ 67), четверо изъ шести обвиняемыхъ были тотчасъ повѣшены, *portato ferro combusti sunt et suspensi*.

¹⁾ *Judicium ferri et aquae in aliqua ecclesia fieri interdiciamus, nisi in sede episcopali et majoribus praeposituris, necnon Posonii et Nitriae.*

Нѣкоторые предполагали, что тяжущійся непременно самъ долженъ былъ перенести испытаніе, однако, имѣется много дѣлъ, въ которыхъ испытуемый былъ только повѣреннымъ или представителемъ тяжущагося. Допускали къ испытанію, на примѣръ, вмѣсто нѣсколькихъ участниковъ только одного изъ нихъ брата вмѣсто больного брата, обвиняемаго въ убійствѣ (№ 90), сына вмѣсто очень старой матери (№ 2). Въ дѣлѣ о виндикаціи, испытанію подвергнутъ былъ поручитель, а не тотъ, за кого дано поручительство (№№ 249, 265, 274).

Очень часто, въ ту минуту, когда начинается испытаніе, является мировая сдѣлка. Страхъ овладѣваетъ испытуемымъ или самимъ противникомъ его и вызываетъ, смотря по обстоятельствамъ, признаніе вины, отказъ отъ иска или мировую сдѣлку. Нерѣдко также одинъ изъ тяжущихся отсутствуетъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ испытаніе не имѣетъ мѣста. Иногда тяжущійся отказывается отъ своего иска послѣ испытанія, но до вскрытія мѣшка.

Случалось, что испытуемый старается дѣйствовать обманомъ. Въ одномъ дѣлѣ, предметомъ котораго былъ простой долгъ въ три фертона (поль-марки), отвѣтчикъ, въ моментъ начала испытанія, положилъ въ свою руку облатку, которую онъ держалъ во рту. Но онъ былъ изобличенъ и принужденъ платить (№ 332). Въ другой разъ, послѣ пытки, испытуемый открылъ мѣшокъ, въ которомъ заключена была его рука, и старался, конечно, изгладить, какимъ-нибудь способомъ, слѣды обжога. Но, такъ какъ для вскрытія мѣшка нужно было сломать печати, приложенныя къ завязкамъ, то обманъ не трудно было обнаружить и испытаніе было признано недѣйствительнымъ (№№ 146, 309, 311). Часто испытуемый сознаетъ, что у него рука обожжена и, передъ открытіемъ мѣшка, бѣжитъ или скрывается въ церковь, которой присвоено право убѣжища. Этимъ способомъ онъ можетъ добиться мировой сдѣлки или, если дѣло идетъ о преступленіи, за которое грозитъ смерть, спасти свою жизнь (№№ 18, 19, 100, 105, 120, 121, 150, 214, 216, 224, 259, 270, 319, 321).

Тотъ, кому назначено испытаніе, можетъ выставить уважительную причину, препятствующую ему явиться, и тогда онъ освобождается отъ него. Иногда же онъ увольняется отъ испытанія, какъ слишкомъ слабый для того, чтобы его перенести (№№ 67, 90, 92).

Человѣкъ, чувствующій обжогъ и скрывающійся въ церкви, из-

бавляется этимъ отъ наказанія, но не отъ реституцій и штрафовъ. Такимъ образомъ воръ не будетъ повѣшенъ; но если онъ не въ состояніи заплатить, то будетъ проданъ, какъ неоплатный должникъ, съ женою, сыновьями и дочерьми (№№ 150, 189).

Церковнослужителямъ, и даже простымъ діаконамъ, дозволяется замѣнять испытаніе каленымъ желѣзомъ испытаніемъ посредствомъ присяги (№ 34). Присяга требовалась, по преимуществу, въ гражданскихъ дѣлахъ. Она принимается въ Варадѣ, передъ капитуломъ, на могилѣ Св. Владислава (№№ 110, 125, 140, 157, 208, 209, 248, 323). Иногда судья предлагаетъ положиться на присягу, которую приметъ постороннее лицо, на примѣръ, свидѣтель, или жена одного изъ тяжущихся, или два родственника, или 10 свидѣтелей, или же четыре родственника отвѣтчика, которыхъ укажетъ истецъ. Послѣдній случай замѣчателенъ тѣмъ, что дѣло шло объ укрывательствѣ, то-есть объ уголовномъ преступленіи. Такой же случай былъ въ дѣлѣ объ убійствѣ (№ 74). Вопросъ о правахъ состоянія разрѣшенъ былъ присягою двухъ родственниковъ (№№ 209, 241, 244, 247, 266, 351).

Когда дѣло касается права собственности, то присяга принимаетъ странный характеръ. Истецъ становится на спорную землю, беретъ горсть земли и кладетъ ее себѣ на голову; потомъ онъ произноситъ заклинанія относительно себя и своего потомства ¹⁾.

Слѣдующія преступленія встрѣчаются чаще другихъ: кража, грабежъ или кража съ насиліемъ, убійство, отравленіе, поджогъ, имущественный вредъ, побои и пораненія.

Гражданскія дѣла вообще имѣютъ предметомъ права состоянія или собственности, иногда вдовью часть или наслѣдованіе. Часто попадаются еще дѣла о взысканіи денежнаго долга, безъ указанія причины обязательства. Въ этихъ дѣлахъ участвуютъ, повидимому, всѣ классы общества, а ихъ было много въ Венгріи,—удворники, крѣпостные, іобагіоны, *ministeriales regis*, *castrenses* и проч.

¹⁾ Это описаніе находится не въ Варадскомъ реестрѣ, а въ старинныхъ грамматахъ, изданныхъ Венгерскою Академіею (Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи Венгріи, томы III и V). „Ad majorem tamen cautelam ipsum Grab super praedicta particula terrae personaliter constitutum ad personam suam et ad filios filiorum suorum jurare fecimus oribili juramento“. — „Sicut moris est jurare super terram, recipiendo terram, ad manus et ponendo super capita sua jurabant“. Ср. граммату 1360 г., на которую ссылается Гриммъ, *Deutsche Rechtsalterthümer*, 120.

Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ заходить рѣчь о поручителяхъ и яснымъ становится, что въ Венгріи слѣдовали, въ отношеніи поручителей, правилу древняго права, то-есть, что съ нихъ искали прежде, чѣмъ съ главнаго должника (№№ 86, 117).

Обвиняемый, у котораго оказались украденныя лошади или скотъ, обязанъ указать и представить того, отъ кого онъ получилъ ихъ. Послѣдній, если становится на сторону своего покупателя, одинъ подвергается испытанію (№№ 168, 265, 274, 302).

Такъ же поступаютъ и въ дѣлѣ о насильственномъ завладѣніи недвижимыми имуществами (№ 249).

Всякіе значительные акты гражданскаго оборота могутъ быть совершены или явлены въ судѣ, чрезъ что они получаютъ форму, обезпечивающую ихъ исполненіе. Къ такимъ актамъ, въ особенности, принадлежатъ: отпускныя для рабовъ, продажа недвижимыхъ имѣній и завѣщанія. Для мировыхъ сдѣлокъ эта форма обязательна. Въ продажахъ, обыкновенно, допускается участіе ближайшаго родственника продавца, который даетъ свое согласіе на продажу и такимъ способомъ отказывается отъ права выкупа (№№ 342, 142). Завѣщаніе совершается на словахъ передъ капитуломъ, въ формѣ усыновленія (№ 136).

Нерѣдко разсуждали о томъ, что такое было въ дѣйствительности испытаніе? Было ли это плутовствомъ со стороны судей или же результатъ его прямо предоставлялся случаю? И если послѣднее вѣрно, то какимъ образомъ случай могъ оказаться благопріятнымъ для испытуемаго? Какъ испытуемый могъ нести желѣзо, накаленное до-бѣла и не обжечь рукъ? Между прочимъ, мы имѣемъ въ рукахъ вполне законченный счетъ, по которому выходитъ, что испытаніе давало столько же невиновныхъ, сколько виновныхъ. Изъ указаній Варадскаго реестра вытекаетъ такое заключеніе: желѣзо нагрѣвалось не до-красна и не до-бѣла, а до такой температуры, при которой возможенъ поверхностный обжогъ. Испытаніе продолжалось лишь нѣсколько секундъ и обжогъ происходилъ легкій. Онъ могъ пройти въ нѣсколько дней и отъ бѣльшей или меньшей скорости изцѣленія зависѣла судьба испытуемаго. Не нужно забывать, что рука, несшая желѣзо, покрывалась, послѣ испытанія, чѣмъ-то въ родѣ мѣшка или перчатки и оставалась въ такомъ положеніи нѣсколько дней, которыхъ было достаточно, чтобы ранка, если только она существовала, вполне зажила, не оставивши слѣда. Не видно, чтобы

въ какомъ-нибудь случаѣ произошелъ значительный обжогъ или чтобы онъ сопровождался потерей руки. Говорится только о томъ, что замѣтенъ былъ рубецъ. Такъ объясняется то обстоятельство, что число положительныхъ результатовъ испытанія равно числу отрицательныхъ. Такъ же объясняется и другое обстоятельство, заключающееся въ томъ, что тяжущіеся не обнаруживаютъ никакого страха, готовясь подвергнуться испытанію и что они даже находятъ повѣренныхъ, готовыхъ ихъ замѣнить. Что же касается плутовства судей, то слѣдуетъ считать его возможнымъ, хотя и не представляется надобности въ этомъ предположеніи.

Божій судъ практиковался въ Венгріи до конца XIII столѣтія. Послѣдствіемъ отмѣны пытокъ была перемѣна въ судопроизводствѣ. Въ началѣ XIV столѣтія, по случаю пресѣченія мужской линіи венгерскаго королевскаго дома, корона перешла къ принцу французской крови, Карлу Анжуйскому и Неаполитанскому, который царствовалъ 1310 — 1342. Одною изъ первыхъ заботъ новаго короля была реформа судебного процесса, причемъ за образецъ онъ взялъ французское судопроизводство. Преданіе объ этомъ, положительно удостовѣренное Вербочи ¹⁾, оспаривалось невпопадъ нѣкоторыми писателями, какъ, напримѣръ, Фесслеромъ и Келеменомъ. Въ настоящее время всѣ согласны считать это преданіе довольно основательнымъ. Слѣдовательно, королевскій судъ въ Будѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, преобразился въ парижскій парламентъ. Подобно послѣднему, онъ имѣлъ свой стиль и свои формулы.

Эти формулы были собраны и приведены въ порядокъ въ царствованіе Людвига I, второго изъ Анжуйскихъ принцевъ (1342—1382), однимъ легистомъ, котораго имя осталось неизвѣстнымъ ²⁾. Если сущность венгерскаго права оставалась всегда неизмѣнною, какъ это видно при сличеніи разнородныхъ и разновременныхъ актовъ, наполняющихъ теперь нѣсколько томовъ *Monumenta Hungariae historica*, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не замѣтить успѣ-

¹⁾ Вотъ подлинныя слова Вербочи, кн. II, гл. 6, § 12. «Processus iste iudiciarius et usus processuum quem in causis inchoandis, prosequendis, discutendis et terminandis observamus, regnante ipso domino Carolo rege, per eundem ex Galliarum finibus in hoc regnum inductus fuisse perhibetur».

²⁾ Этотъ сборникъ открытъ Ковачичемъ въ вѣнской библіотекѣ и изданъ имъ въ 1799. Онъ содержитъ въ себѣ 246 формулъ и носитъ названіе *Ars Notarialis*.

ховъ, сдѣланныхъ гражданскимъ и уголовнымъ судопроизводствами. Испытаніе каленымъ желѣзомъ исчезло. Судебный поединокъ существуетъ еще и даже существуетъ въ чисто гражданскихъ дѣлахъ, напримѣръ, въ виндикаціонныхъ искахъ, но форма его смягчилась. Старинная форма битвы на смерть и безъ оружія для защиты стала предметомъ ужаса. Ее терпѣли только, какъ исключеніе. Вообще, доказательствами служили свидѣтельскія показанія, а, за недостаткомъ ихъ, присяга. Свидѣтельское показаніе должно быть все-таки единогласно подтверждено извѣстнымъ числомъ соприсяжниковъ. Число послѣднихъ иногда доходило до 200, но судья никогда не выслушивалъ изъ нихъ болѣе трехъ. Остальные ограничивались поднятіемъ руки. Съ другими формулами мы знакомимся въ уголовныхъ искахъ и, въ особенности, въ уставѣ о денежномъ вознагражденіи, которымъ оканчиваются всякіе иски.

Такимъ образомъ венгерское законодательство съ ранняго времени подчинилось французскому вліянію. Но это вліяніе не было единственнымъ. Мы уже видѣли, что каноническое право примѣнялось церковными судами, компетенція которыхъ распространялась на предметы разнородные и, между прочимъ, на завѣщанія. Нѣмецкіе колонисты, основавшіе въ Венгріи города, принесли въ эту страну свои нравы и свои обычаи. Нѣкоторые слѣды германскаго происхожденія находятся въ законахъ городского сословія. Что касается римскаго права, то оно всегда служило въ Венгріи предметомъ изученія, способствовавшимъ образованію и развитію ума юрисконсультовъ. Но оно не проникло въ практику. Тогда какъ Германія усвоила его въ смыслѣ общаго права, Венгрія отвергла его и кодифицировала свое національное право.

Эта кодификаціонная работа относится къ XV вѣку и началась съ законовъ городовъ или буржуазіи. Въ Венгріи было восемь привилегированныхъ городовъ: Буда, Пестъ, Кашау, Бардфа, Тирнау, Пресбургъ, Эперіесъ и Сопронія (Эденбургъ). Послѣ завоеванія Буды и Песта турками, свободныхъ городовъ осталось шесть. Основали седьмой городъ—Закольчу. Каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ свою отдѣльную гражданскую и уголовную юрисдикцію, состоявшую изъ судьи и 12 присяжныхъ засѣдателей, назначаемыхъ на одинъ годъ муниципальнымъ собраніемъ изъ 100 членовъ. Этотъ судъ, въ свою очередь, назначалъ *judex minor* для разбирательства маловажныхъ дѣлъ. Надъ этими судами стоялъ апелляціонный судъ для

важныхъ дѣлъ. Онъ состоялъ изъ *magister tavernicorum* и судей-депутатовъ, по одному отъ каждаго свободнаго города.

Учрежденіе такого суда должно было, рано или поздно, вызвать кодификацію законовъ, которые суду приходилось примѣнять. И дѣйствительно, съ XV столѣтія появился сборникъ подъ заглавіемъ *Гражданское и обычное право восьми древнихъ свободныхъ городовъ Венгрии* ¹⁾. Онъ раздѣленъ на четыре книги, изъ которыхъ первая говоритъ о наслѣдованіи, вторая — о пролитой крови, третья — о завѣщаніяхъ и четвертая — о долгахъ. Хотя этотъ сборникъ лишенъ оффиціального характера, тѣмъ не менѣе, въ дѣйствительности, онъ имѣлъ полное значеніе кодекса.

Въ гражданскомъ дѣлѣ отвѣтчикъ вызывается судьей на извѣстный срокъ. Два раза дѣло можетъ быть откладываемо до слѣдующаго дня. Въ третьемъ засѣданіи оно непременно рѣшается, не смотря на то, явился отвѣтчикъ или нѣтъ. Если истецъ не подтвердилъ своего требованія ни свидѣтелями, ни письменными доказательствами, то отвѣтчику предоставляется присягнуть въ томъ, что онъ не долженъ ничего. Въ случаѣ присужденія иска, исполненіе рѣшенія не можетъ распространяться на личность должника. Сначала его понуждаютъ заплатить. Если у него не оказывается ни серебра, ни золота, и если онъ подъ присягою заявляетъ, что у него нѣтъ ихъ, то судья налагаетъ арестъ на движимость, затѣмъ на домъ въ городѣ, наконецъ, на землю должника и присуждаетъ кредитору эти имущества, по надлежащей оцѣнкѣ ихъ. Въ Пештѣ по этому предмету существуетъ особенный обычай: когда у должника нѣтъ денегъ для платежа долга, тогда вынимаютъ изъ его дома кусокъ дерева или камня и на немъ пишутъ мѣсто, время, цифру долга, имена кредитора и должника; затѣмъ обертываютъ этотъ предметъ документомъ, заключающимъ въ себѣ опись дома и вручаютъ его кредитору, который хранитъ его у себя въ продолженіе года и одного дня. По минованіи этого срока, кредиторъ является съ своимъ залогомъ и судья оцѣниваетъ домъ чрезъ двухъ экспертовъ. Если въ теченіе 15 дней послѣ экспертизы должникъ не рассчитывается съ кредиторомъ, то домъ присуждается послѣднему въ полную собственность. Впрочемъ, такъ же поступаютъ со

¹⁾ Этотъ сборникъ изданъ ученымъ Ковачичемъ въ 1803 году, вмѣстѣ съ другими законами, касающимися юрисдикціи *magister tavernicorum*, подъ заглавіемъ: *Codex authenticus juris tavernicalis*

всякимъ залогомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ залогомъ, основаніемъ которому служитъ договоръ. Кредиторъ, не получившій удовлетворенія, удерживаетъ у себя въ счетъ долга, по опѣнкѣ, заложенное имущество; при залогѣ же дома выходитъ въ этомъ случаѣ нѣкоторая разниа, состоящая въ томъ, что родные должника, а при недостаткѣ ихъ — сосѣди въ правѣ выкупить этотъ домъ.

Продажа недвижимаго имѣнія вообще совершается при свидѣтеляхъ и въ присутствіи суда. Третьи лица, заявляющія свои права на продаваемое имѣніе, могутъ осуществить эти права въ продолженіе года и одного дня. По окончаніи этого срока, имъ отказываютъ. Братья, кровные родственники, друзья и сосѣди пользуются правомъ выкупа. Если покупатель оказывается пріѣзжимъ и не хочетъ жить въ городѣ, гдѣ находится купленное имъ имѣніе, то право на выкупъ принадлежитъ всякому жителю этого города. Женщина не въ правѣ отчуждать родовыя имущества, дошедшія къ ней отъ отца и дѣда; по крайней мѣрѣ, она можетъ требовать уничтоженія тѣхъ отчужденій, на которыя сама дала согласіе. Для нея достаточно при этомъ заявить, что согласіе вынуждено было у нея мужемъ. Опекуны и исполнители завѣщаній также не могутъ отчуждать недвижимыхъ имѣній, принадлежащихъ несовершеннолѣтнимъ. Вообще же, стороны не могутъ отрекаться отъ даннаго ими согласія и всякая продажа считается безспорною, за исключеніемъ иска продавца объ отмѣнѣ продажи по случаю неплатежа покупной цѣны.

Существуетъ безусловная свобода завѣщать благопріобрѣтенное *), но родовымъ имѣніемъ, доставшимся отъ отца или дѣда, запрещено распоряжаться въ ущербъ женѣ и дѣтямъ. Только въ случаѣ крайней необходимости дозволяется собственнику отчуждать при жизни своей родовое имущество. Вдовью часть жены мужъ не можетъ ни отчуждать при жизни, ни отказать по завѣщанію. Но мужъ и жена могутъ свободно отчуждать, тѣмъ и другимъ способами, имущества, полученные ими въ продолженіе брачнаго союза, хотя бы эти имущества достались имъ по наслѣдству.

Въ случаѣ смерти одного изъ супруговъ, всѣ имущества переходятъ къ дѣтямъ и къ супругу, оставшемуся въ живыхъ. При раздѣлѣ, пережившій супругъ предварительно выключаетъ изъ этихъ имуществъ движимость, наполняющую домъ, а замужнія дочери при-

*) См. примѣч. на стр. 11-й.

(Прим. перев.).

бавляютъ къ нимъ издержки на ихъ свадьбу и затѣмъ масса дѣлится по равнымъ долямъ, между пережившимъ супругомъ и всѣми дѣтьми мужескаго и женскаго пола.

Мужъ въ правѣ завѣщать благопріобрѣтенное имущество, доставшееся ему въ брачномъ состояніи, если только жена согласна на это. Но она можетъ воспротивиться и потребовать себѣ половину этого имущества. Другими словами, обычай устанавливаетъ между супругами общность благопріобрѣтенныхъ имуществъ.

Дѣти, опорочившія себя дурнымъ поведеніемъ, лишаются права на получение наслѣдственной доли. То же относится и къ еретику. Явно невѣрная жена не можетъ распоряжаться своими имуществами, которыя вслѣдствіе того переходятъ къ мужу. Незаконнорожденные дѣти не могутъ соперничать въ правѣ наслѣдованія съ законными. Дѣти хорошаго поведенія не могутъ быть лишены наслѣдства, но тѣ изъ нихъ, которыя навлекли на себя тяжкія обвиненія, могутъ быть исключены изъ наслѣдства по судебному опредѣленію. Наконецъ, обычай предусматриваетъ и описываетъ договоръ объ уступкѣ наслѣдственнаго имущества *), а также договоръ о наймѣ имущества изъ-за прокорма **), которые всегда могутъ быть уничтожены по суду, если пріобрѣтатель правъ по этимъ договорамъ не исполняетъ въ точности своихъ обязательствъ.

Въ уголовномъ правѣ остаются лишь нѣкоторые слѣды законодательства св. Стефана и Владислава. Преступныя дѣянія перечи-

*) Французскій терминъ «*démision des biens*» переведенъ здѣсь, какъ «договоръ объ уступкѣ наслѣдственнаго имущества». Но, для избѣжанія недоразумѣнія, считаю не лишнимъ объяснить, что 1) по современнымъ понятіямъ, подъ «*démision des biens*» разумѣютъ актъ, посредствомъ котораго собственникъ уступаетъ свое имѣніе безмездно или за извѣстный земельный оброкъ, и 2) при феодальныхъ порядкахъ, этимъ именемъ назывался актъ, посредствомъ котораго тотъ, кто уступилъ другому по договору свое право на наслѣдственное имѣніе, заявлялъ объ этой уступкѣ служителямъ сеньора, державшаго въ своей зависимости уступленное имѣніе. (Прим. перев.).

**) Такъ передано названіе «*bail à nourriture*». Вообще, *bail* есть договоръ о передачѣ пользованія имѣніемъ на срокъ и за опредѣленную плату. Обыкновенно по такому договору передаются дома и деревенскія имущества. Но плата за пользованіе бываетъ различная. Она можетъ заключаться въ деньгахъ, доставленіи чего-либо натурою и другихъ услугахъ. Оттого и происходятъ частныя названія этого договора: *bail à rente*, *bail à ferme*, *bail à nourriture* и т. под.

(Прим. перев.).

слены и въ точности опредѣлены. Смертная казнь примѣняется часто. Она исполняется различными способами: для мужчинъ топоромъ, на кострѣ, колесованіемъ и висѣлицею, женщинъ же топятъ въ водѣ или зарываютъ живыми въ землю. Другія наказанія суть: штрафъ, половина котораго уплачивается судѣ и половина потерпѣвшему, а въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ публичное признаніе своей вины, ссылка, кнутъ, клейменіе и отнятіе уха или руки. Наказаніе за кражу постепенно увеличивается, смотря по цѣнѣ похищенной вещи; смертная казнь полагается въ томъ лишь случаѣ, когда эта цѣна превышаетъ 4 флорина золотомъ. Равнымъ образомъ и штрафъ измѣняется по обстоятельствамъ, но законъ самъ дѣлаетъ заранѣе оцѣнку, не полагаясь на оцѣнку суда. Существуетъ опредѣленная цѣна всякаго оскорбительнаго слова, всякаго удара, всякаго поврежденія. Если есть рана, то приводится въ извѣстность ея длина и глубина. Если вырвана борода, то должны быть сосчитаны волосы и каждый волосъ стоитъ марку.

Всѣ эти постановленія довольно суровы, но нельзя не замѣтить, что примѣненіе ихъ требовалось не всегда. Вообще, наказаніе полагалось исключительно по требованію потерпѣвшаго лица. И не только это лицо можетъ непосредственно примириться со своимъ противникомъ, но самъ судья часто склоняется тяжущихся къ миру. Въ случаѣ простого убійства, судья обязанъ трижды обратиться къ истцу и спросить его, — настаиваетъ ли онъ на томъ, чтобы произнесено было осужденіе виновнаго. «Любезный, — говорилъ онъ, — или любезная! что ты выиграешь отъ того, что этотъ человѣкъ умретъ? Вѣдь не вернешь своего мужа, или брата?» ¹⁾. Если истецъ настаиваетъ, тогда слѣдуетъ осужденіе, которое и приводится въ исполненіе, но судья дѣлаетъ все, чтобы избѣгнуть этой крайности.

Однако, существуетъ единственный случай, когда уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено государственною властью; это именно, когда убійство совершено надъ пріѣзжимъ, который не имѣетъ въ городѣ ни родныхъ, ни друзей. Тогда судья самъ,

¹⁾ Lib. III, cap. 61, *De homicida*. «...Mitibus sermonibus obviari actori ne festinet in mortem ipsius homicidae... Judex actorem debet inquirere utrum sua jura contra homicidam petit effectui mancipari, qui si responderit quod vult, judex tanquam misericordia motus compatiendo debebit dicere: Bone vir! aut Bona mulier! quid tibi auxiliabitur de morte hojus viri? Numquid resurget ipso facto vir tuus vel frater?»

передавши свою власть низшему судѣ, сходить со своего мѣста и дѣлается обвинителемъ. Въ случаѣ челоукоубійства, допускается заочное осужденіе и оно бываетъ окончательнымъ. Неявившійся преступникъ можетъ быть приговоренъ къ смертной казни, гдѣ бы не нашли его.

Обвинитель долженъ представить доказательства и для этого онъ пользуется обыкновенными способами, т. е. свидѣтельскими показаніями или уликами. Но, если у него и нѣтъ доказательствъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы обвиняемый былъ оправданъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ остается подъ сомнѣніемъ. Обыкновенно требуютъ отъ него присяги и, судя по важности дѣла, извѣстнаго числа помощниковъ или соприсяжниковъ. Для убійства, напримѣръ, законъ требуетъ, чтобы обвиняемый явился въ судъ самъ-сотый и чтобы онъ присягалъ самъ-сороковой. Наконецъ, если обвиняемый убѣжитъ изъ тюрьмы, гдѣ онъ подвергнутъ былъ предварительному аресту, то по одному уже этому онъ считается виновнымъ.

Замѣчательное постановленіе находится въ шведскихъ законахъ. Когда убійство совершено нѣсколькими лицами, шайкою, то обвинитель можетъ преслѣдовать одного, какъ главнаго виновника, другого — въ качествѣ второго виновника, подлежащаго половинному штрафу, третьяго — какъ *auxiliator principalis*, которому угрожаетъ слабѣйшій штрафъ. Остальные могутъ быть лишь участниками и играютъ побочную роль въ процессѣ.

Книга, о которой мы сейчасъ говорили, излагаетъ право одного класса населенія. Оставалось болѣе трудное дѣло — изложеніе общихъ обычаевъ королевства. Въ началѣ XVI столѣтія, одинъ выдающійся юрисконсультъ, изучавшій римское право въ Вѣнѣ, но въ качествѣ судьи примѣнявшій національное венгерское право, Стефанъ Вербочи, королевскій судья, принялъ на себя, по порученію короля Владислава, этотъ трудъ и представилъ его въ 1514 году. Владиславъ одобрилъ его, но умеръ, не успѣвши обнародовать, а послѣ этого черезъ нѣсколько лѣтъ погибла венгерская монархія въ битвѣ при Могачѣ. Книга Вербочи тѣмъ не менѣе получила авторитетъ и теперь еще *opus tripartitum*, — подъ этимъ заголовкомъ она издана, — составляетъ основу венгерскаго гражданского права ¹⁾.

¹⁾ Книга Вербочи не отличается безусловною самобытностью. Авторъ

Первая часть говоритъ о правахъ дворянства. Дворянство переходитъ отъ отца и всегда можетъ быть дано королемъ, который создаетъ дворянъ по своей волѣ. Четыре основныхъ права принадлежатъ дворянамъ: 1) Они могутъ быть задержаны только по судебному рѣшенію, послѣ вызова и выслушанія ихъ отвѣта, за исключеніемъ тяжкихъ преступленій: убійства, поджога, изнасилованія, разбоя. Къ исключенію изъ общаго правила должно быть отнесено и задержаніе дворянина на самомъ мѣстѣ совершенія преступления. 2) Они обязаны покорностію только государю, законнымъ порядкомъ коронованному. Самъ этотъ государь имѣетъ власть надъ ихъ личностями и надъ ихъ имуществами только въ случаяхъ и при соблюденіи формъ, указанныхъ въ законѣ. 3) Они не несутъ никакого налога или подати и принуждаются только къ отбыванію воинской службы. 4) Наконецъ, имъ принадлежитъ право сопротивленія противъ всякаго покушенія на права, признанныя Золотою Буллою.

Всѣ имѣнія дворянъ считаются происшедшими отъ королевскаго пожалованія. Они возвращаются коронѣ въ случаѣ выморочности и могутъ быть конфискованы за измѣну. Дворяне не въ правѣ отчуждать ихъ или закладывать свыше извѣстной суммы, безъ разрѣшенія короля.

Имущества раздѣляются на родовыя, *bona avita*, и благопріобрѣтенныя. Послѣдними всякій можетъ свободно распоряжаться, но родовыя отецъ не въ правѣ отчуждать безъ согласія своихъ сыновей.

Отцу принадлежитъ родительская власть надъ дочерьми до ихъ замужества, а надъ сыновьями до раздѣла между ними имуществъ. Отецъ и сыновья представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ совладѣльцевъ и живутъ въ общемъ помѣщеніи; но, въ случаѣ злоупотребленія общ-

имѣлъ передъ глазами *Summa legum*, написанную въ первой половинѣ XIV вѣка нѣмцемъ изъ Винеръ-Нейштадта, практическое руководство, заимствованное изъ римскаго права и изъ обычаевъ Нижней Австріи. Этотъ замѣчательный сборникъ сохранился въ двухъ рукописяхъ, Вѣнской и Ольмюцкой, и въ нѣмецкомъ переводѣ (въ Пресбургѣ). См. записку, читанную въ 1883 году Томашекомъ въ вѣнской академіи наукъ, подъ заглавіемъ: *Ueber eine im österreich in der ersten hälfte des XIV Jahrhunderts geschriebene Summa legum incerti auctoris, und ihr Quellenverhältniss zu dem Stadtrecht von Wiener-Neustadt und dem Verböcischen Tripartitum.*

ностью, они могут требовать другъ отъ друга раздѣла. Понятно, что благопріобрѣтенное имущество не входитъ въ составъ общины и что всякій владѣеть своимъ благопріобрѣтеннымъ.

Полное совершеннолѣтіе наступаетъ въ 24 года отъ рожденія; но, раньше этого возраста, несовершеннолѣтній постепенно пріобрѣтаетъ извѣстныя права. Такъ, въ 12 лѣтъ онъ получаетъ право на судебное преслѣдованіе, въ 16—можетъ брать на себя обязательства, въ 18 отчуждаетъ всѣ имущества, кромѣ недвижимыхъ. Тѣ же права получаютъ дочери въ 12, 14 и 16 лѣтъ.

Наслѣдство переходитъ сначала къ сыновьямъ, потомъ къ братьямъ и къ боковымъ родственникамъ. Оно дѣлится поровну. Однако же, отцовскій домъ остается пребываніемъ и жилищемъ младшаго сына. Что касается дочерей, то онѣ не имѣютъ никакого права на ленныя имѣнія, но получаютъ, сколько бы ни было ихъ, четвертую часть наслѣдства и дѣлятъ ее между собою. Впрочемъ, при выходѣ замужъ, онѣ получаютъ приданое. Имущества, которыя онѣ, такимъ образомъ, приносятъ въ замужество, могутъ быть или придаными или парафернальными *).

Для защиты владѣнія дозволяется, въ продолженіе года, отражать силу силою же. Относительно права собственности, существуетъ давность въ 100 лѣтъ для короля, въ 40 лѣтъ для Церкви, въ 32 года для дворянъ, въ 12 лѣтъ и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ 1 годъ со днемъ—для горожанъ.

Женщины находятся подъ постоянною опекой, то есть, онѣ не могутъ дѣйствовать однѣ. Опека надъ несовершеннолѣтними бываетъ: по закону, по завѣщанію или по назначенію отъ суда. Она исполнѣ принадлежитъ матери, не вышедшей вновь замужъ.

Къ первой книгѣ прибавленъ тарифъ законныхъ оцѣнокъ, который слѣдуетъ считать очень древнимъ, такъ какъ онъ относится къ тому времени, когда монета рѣдко входила въ обращеніе и когда, какъ въ древнемъ Римѣ, скотъ служилъ мѣриломъ всѣхъ мѣновыхъ цѣнностей. Быкъ изображаетъ единицу и равняется маркѣ.

*) *Παρά, сверхъ, φερνῆ, приданое.* Парафернальныя имущества отличаются отъ приданого. Это—тѣ имущества, которыя пріобрѣтены женою, во время ея замужества, по наслѣдству, въ даръ или другими способами, или же тѣ имущества, которыя жена, хотя и принесла съ собою въ замужество, но не включила въ составъ своего приданого, сохранивъ за собою управленіе и пользованіе ими.

(Прим переводчика).

Корова съ теленкомъ, или четыре свиньи, или четыре барана, равняются быку. Земельный плугъ стоитъ три марки, или, пожалуй, три быка.

Вторая книга *opus tripartitum* посвящена изложенію гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ, которыя, какъ уже было сказано, были позаимствованы, по крайней мѣрѣ, въ своихъ главныхъ чертахъ, изъ Франціи. Движеніе процесса просто: кто желаетъ предъявить искъ, тотъ прежде всего обращается къ судѣ и судья вызываетъ участвующаго, по порученію короля. Дворяне вызываются лично, не дворяне—въ лицѣ ихъ господина, который обязанъ быть представителемъ ихъ. Для явки въ судъ дается извѣстный срокъ, по истеченіи котораго постановляется заочное осужденіе. Если обѣ стороны явились, онѣ допускаются къ преніямъ и затѣмъ представляются доказательства. Сначала выслушиваются свидѣтели. По окончаніи слѣдствія и составленія протокола, переходятъ къ присягѣ. Смотря по обстоятельствамъ дѣла и по результату слѣдствія, право доказывать присягою предоставляется или истцу, или отвѣтчику. Истецъ присягаетъ самъ—пятидесять. Чтò же касается отвѣтчика, то онъ также обязанъ доставить соприсяжниковъ, но, вообще, вдвое меньшее число. Число это доходитъ до трехъ, если не было произведено слѣдствія. Отвѣтчикъ можетъ присягнуть одинъ, когда взыскивается денежный долгъ, не основанный на письменномъ актѣ. Если споръ идетъ только о цифрѣ долга, то присяга приносится истцомъ и столькими соприсяжниками, изъ сколькихъ марокъ состоитъ долговая сумма. Соприсяжниками должны быть дворяне. Можно предъявить противъ нихъ отводъ потому, что они не дворяне или потому, что они порочные люди, но въ этомъ случаѣ законъ угрожаетъ, за неправильный отводъ, штрафомъ въ 200 флориновъ золотомъ. Присягѣ крестьянина давалась вѣра только въ дѣлахъ на сумму не свыше одного флорина.

Рядомъ съ этою процедурой, Вербоchi описываетъ другую, болѣе простую и въ то же время болѣе энергическую, которая называется *oculata revisio* или осмотръ на мѣстѣ. Въ дѣлѣ о насильственномъ завладѣніи недвижимымъ имѣніемъ, судья отправляется на мѣсто, созываетъ сосѣдей и отбираетъ отъ нихъ свидѣтельскія показанія. Затѣмъ, онъ приговариваетъ къ уголовному наказанію или присуждаетъ къ штрафу и немедленно приводитъ свое рѣшеніе въ исполненіе, не обращаясь къ доказательству посредствомъ присяги.

За самыя тяжкія преступленія назначается смертная казнь. Вообще же наказаніемъ служитъ штрафъ, по уплатѣ котораго преступникъ считается искупившимъ свою вину. Для прелата или барона штрафъ равняется 400 флоринамъ, а для всякаго другого дворянина—200 флоринамъ (флоринъ стоитъ $\frac{1}{4}$ марки). Для нѣкоторыхъ преступленій существуютъ спеціальныя штрафы. Такъ, за клевету—200 флориновъ, за обиды 100 флориновъ въ качествѣ *etenda linguae*, за мятежъ 72 флорина или 1 марка золотомъ. Прежде, каждый изъ мятежниковъ платилъ полный штрафъ, а во времена Вербочи требовался штрафъ въ единичномъ размѣрѣ со всѣхъ виновныхъ, сколько бы ни было ихъ. Древній законъ считалъ мятежникомъ только того, кто обнажилъ шпагу. Вербочи удостовѣряетъ, что въ его время къ мятежу приравнено было всякое сопротивленіе, оказанное съ оружіемъ въ рукахъ или при помощи насилія.

Осужденный можетъ просить о новомъ рѣшеніи по причинѣ судебной ошибки или по причинѣ отказа отъ своего повѣреннаго. Тогда причина просьбы разсматривается немедленно и безъ всякой отсрочки. Рѣшенія подчинены строгимъ формамъ. Пропускъ одного слова, одной буквы, достаточны для того, чтобы сдѣлать рѣшеніе недѣйствительнымъ.

Книга III содержитъ частныя постановленія, относящіяся къ нѣкоторымъ провинціямъ или къ нѣкоторымъ классамъ жителей. Такимъ образомъ, *homagium*, то-есть сумма, посредствомъ которой преступникъ можетъ выкупить свою жизнь, для Славоніи опредѣлена въ 100 флориновъ, слѣдовательно, вдвое менѣе суммы, назначенной для венгерскаго дворянина; для Трансильваніи эта сумма равняется 66 флоринамъ и для страны Секлеровъ только 25 флоринамъ. *Homagium* составляетъ все-таки цѣну крови, но здѣсь подразумѣвается кровь убійцы, а не кровь жертвы. Въ этомъ смыслѣ Вербочи характеризуетъ венгерскій законъ. «*Nonnulli dicunt homagium pretium esse hominis interempti*»; но, говоритъ онъ, это мнѣніе нелѣпо, *nam mortuus nullo pretio redimi et a mortuis suscitari potest*. *Homagium* составляетъ цѣну самого убійцы, *quae talis est ut homicidae redimant se ab his, quibus competit, juxta aestimationem capitum suorum*.

Homagium одинаковъ для горожанъ и для дворянъ. Но, по отношенію къ присягѣ, законъ дѣлаетъ большое различіе между обоими классами. Горожанами присяга принимается только по дѣламъ

цѣнностью не выше одного флорина, за исключеніемъ дѣлъ, въ которыхъ долгъ не основывается на письменномъ актѣ.

Переходъ недвижимыхъ имуществъ между городскими жителями совершается посредствомъ ввода во владѣніе, сопровождаемого *fassio*, или публичнымъ объявленіемъ. Съ этой минуты дается третьимъ лицамъ годъ со днемъ для заявленія спора, послѣ чего они считаются пропустившими срокъ. Вербочи свидѣтельствуетъ, что въ его время давность одного года съ днемъ распространялась болѣе и болѣе, *villanorum more*, и замѣняла двѣнадцатилѣтнюю давность.

Въ случаѣ завладѣнія, совершеннаго силою, владѣлецъ, спокойствіе котораго нарушено или который вытѣсненъ, можетъ защищаться и даже отнять свое владѣніе силою въ продолженіе одного года. Такимъ образомъ война между владѣльцемъ и нарушителемъ владѣнія продолжается годъ. Вербочи не счелъ нужнымъ пояснить, что такой порядокъ существовалъ *de vetusta consuetudine regni*.

Notagium іобатіоновъ или крестьянъ равняется 40 флоринамъ, изъ которыхъ судья не получаетъ ничего. Вся сумма идетъ противной сторонѣ. Крестьянинъ для доказательства присягаетъ самъ-сороковой съ другими подобными ему крестьянами и даже, смотря по обстоятельствамъ, самъ-двадцать или самъ-десять.

Неоплатнаго должника сеньоръ выдаетъ кредитору, который можетъ держать его въ тюрьмѣ 15 дней, не будучи обязанъ давать ему пищу. Послѣ этого срока должникъ выходитъ изъ тюрьмы, обязываясь подъ поручительствомъ платить кредитору въ каждую недѣлю третью часть того, что онъ добудетъ работою или даже прося милостыню. Если онъ отказывается дать такое обязательство или, давши, не исполняетъ его, то обращается въ крѣпостное состояніе. Вербочи говоритъ, что въ прежнее время неуплаченный долгъ увеличивался вдвое, но что затѣмъ эта строгость была отмѣнена.

Земля принадлежитъ сеньорамъ. Крестьяне — не собственники ея. Тѣмъ не менѣе, они имѣютъ право на обработанные ими поля и право это могутъ продать или отказать кому пожелаютъ; сеньоръ же долженъ выкупить его, если хочетъ получить землю обратно. Крестьянинъ можетъ вести дѣло въ судѣ съ дворяниномъ только при посредствѣ своего сеньора.

Наслѣдство крестьянъ подчинено закону равномернаго раздѣла

между всѣми дѣтьми, мужескаго и женскаго половъ. Однако, замужняя дочь, получивши приданое, считается получившею и свою наслѣдственную долю. Вдова наслѣдуетъ во всѣхъ имуществѣхъ, пріобрѣтенныхъ ею сообща съ мужемъ. Крестьянинъ, не имѣющій послѣ себя законнаго наслѣдника, можетъ завѣщать только движимость и половину благопріобрѣтеннаго имущества. Родовыя имѣнія и другая половина благопріобрѣтеннаго поступаютъ въ пользу сеньора, который ликвидируетъ наслѣдство и уплачиваетъ долги наслѣдодателя. Если завѣщатель оставляетъ сына моложе 12 лѣтъ, то онъ можетъ установить нѣчто въ родѣ сиротскаго субститута *).

Когда животныя захвачены на мѣстѣ причиненія вреда, то собственникъ земли можетъ ихъ поймать и держать у себя три дня, послѣ чего онъ обязанъ представить ихъ графу или судѣ. Что касается украденныхъ животныхъ, то они могутъ быть потребованы отъ всякаго лица, удерживающаго ихъ. Послѣдній можетъ доказывать чрезъ свидѣтелей правильность пріобрѣтенія этихъ животныхъ. Когда же онъ не доказалъ этого, то истецъ допускается къ присягѣ и такимъ способомъ достигаетъ возвращенія животныхъ. Отвѣтчикъ, не представившій за себя поручителя, наказывается повѣшеніемъ, какъ воръ. Замѣчательное исключеніе изъ этого правила составляютъ лошади, уведенныя на войну: относительно ихъ всякая виндикація прекращается.

Книга Вербочи, содержаніе которой мы передали въ бѣгломъ очеркѣ, можетъ считаться послѣднимъ памятникомъ національнаго законодательства въ Венгріи. Едва она появилась, какъ турки завладѣли страной и венгерская монархія погибла при Могачѣ. Въ продолженіе почти двухъ столѣтій турки владѣли частью Венгріи. Остальная часть подпала подъ власть австрійской династіи, которая послѣ долгой борьбы изгнала завоевателей. При австрійцахъ, нѣмецкое вліяніе проникло въ Венгрію, и новые законы составлены были по германскому типу. Древнее устное судопроизводство замѣнено было письменнымъ. Въ уголовныхъ дѣлахъ появились тайна и инквизиція. Гражданское право, однако, удержалось. Австрійское правительство послѣ событій 1848 года нашло удобнымъ восполь-

*) *Substitutum pupillare*, назначеніе второго наслѣдника въ томъ случаѣ, когда завѣщатель имѣетъ основаніе полагать, что главный наслѣдникъ умретъ, не достигнувъ возмужалости. (Прим. перев.).

зоваться своею побѣдой, чтобы ввести въ Венгріи австрійскій гражданскій кодексъ 1811 года, но преданія, силою устраненныя, были возобновлены въ 1861 году. Древнее право, писанное и неписанное, возстановлено, какъ будто никакимъ закономъ не было отмѣнено. Новое правительство Венгріи уже издало уголовный кодексъ, кодексъ уголовного слѣдствія и коммерческій кодексъ. Въ настоящее время оно приготовляетъ законы гражданскіе и о судопроизводствѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ Венгрія будетъ имѣть то, чего ей недоставало въ продолженіе трехъ вѣковъ, а именно, національное законодательство.

ХІІ.

Древнее Скандинавское право. Швеція.

Собраніе древнихъ шведскихъ законовъ, начатое въ 1827 году Коллиномъ и Шлитеромъ, продолжаемое съ 1834 г. однимъ Шлитеромъ и имъ же оконченное въ 1877 году, послѣ 50 лѣтнихъ трудовъ, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ, какіе появились, въ настоящемъ столѣтіи, по исторіи права¹⁾. Эти законы извѣстны были до сихъ поръ изъ старинныхъ изданій, неполныхъ и ошибочныхъ, или ихъ переводовъ, которые отличались еще бѣльшими ошибками. Это было все, что можно было сдѣлать 200 лѣтъ тому назадъ, когда едва начинали изучать научнымъ образомъ исторію Сѣвера и Скандинавскую филологію. Теперь всѣ эти старыя книги бесполезны. Благодаря Шлитеру, мы, наконецъ, можемъ читать древніе шведскіе законы въ исправныхъ текстахъ, установленныхъ по сравненію всѣхъ старинныхъ рукописей и снабженныхъ глоссаріями, не оставляющими ни одного слова, ни одного выраженія, ни одного труднаго мѣста безъ объясненія и безъ комментарія. Сѣверные ученые могутъ въ настоящее время написать исторію своего права. Они имѣютъ уже для этого прочное основаніе и вполнѣ собранные матеріалы.

Въ началѣ ХІІІ вѣка, Швеція представляла собою соединеніе различныхъ земель, отдѣленныхъ другъ отъ друга густыми лѣсами и живущихъ каждая своею особенною жизнію, подъ властію одного общаго короля²⁾. Каждая изъ этихъ странъ имѣла свой обычай и

¹⁾ *Corpus juris Sveogothorum antiqui, Samling af Sveriges gamla lagar*, 13 т. in-4°, 1827—1877.

²⁾ См. Konrad Maurer, *Udsigt over de nordgermaniske Retskilders historie*, 1 т. in-8°, Kristiania, 1878.

свое общее собраніе (*Landeting*), въ которомъ избранный народомъ сановникъ творилъ судъ и разъяснялъ присутствующимъ законъ. Этотъ сановникъ назывался человекомъ закона, *laghman*. Когда нужно было изложить на письмѣ какой-нибудь обычай, то форму этого изложенія давалъ лагманъ и имя послѣдняго иногда оставалось связаннымъ съ закономъ, котораго онъ былъ только истолкователемъ. Такимъ образомъ, законъ Упланда относится къ лагману, называвшемуся Вигеръ Спа, законъ Вестроготіи—къ лагману Эскиллю.

Вестроготскій законъ появился раньше всѣхъ. Есть двѣ редакціи его, изъ которыхъ одна относится къ первымъ годамъ XIII вѣка ¹⁾, а другая — къ концу того же вѣка. Современными ему слѣдуетъ считать законъ Остроготіи, а также законъ Упланда, утвержденный въ 1296 году королемъ Бюргеромъ Магнуссономъ. Упландскій законъ послужилъ образцомъ для закона Судерманіи, утвержденного въ 1327 году королемъ Магнусомъ Эриксономъ. Эти два закона дали начало закону Вестманнланда, который долгое время, но ошибочно, принимали за отдѣльный законъ Далекарліи и отъ котораго остались двѣ редакціи. Между 1320 и 1347 годами составленъ былъ кодексъ провинціи Гельсингіи, лежащей на крайнемъ сѣверѣ королевства; этотъ кодексъ скоро распространился по всей Финляндіи, куда онъ занесенъ былъ пришедшими съ сѣвера шведскими колонистами. Южная провинція Смаландъ имѣла также свой законъ, составленный около половины XIV столѣтія, но до насъ дошла только одна часть его, трактующая о церковномъ правѣ. Наконецъ, законъ острова Готланда дополняетъ рядъ старыхъ провинціальныхъ законовъ. Составленный въ концѣ XIII столѣтія, когда почти независимый островъ находился въ отдаленныхъ сношеніяхъ съ Швеціей, этотъ законъ замѣтнымъ образомъ отличается отъ остальныхъ законовъ. Самый языкъ, на которомъ онъ написанъ, представляетъ всѣ свойства особаго нарѣчія.

Мы ничего еще не сказали о Сканиі, законъ которой относится къ началу XIII столѣтія. Но, до Роскильдскаго трактата 1659 г., Скания составляла датскую провинцію и потому разсмотрѣніе ея

¹⁾ *Codex antiquior* закона Вестроготіи переведенъ на французскій языкъ, съ примѣчаніями, L. Beauchet, въ *Nouvelle Revue historique de droit français et étranger*, годъ 1887.

закона, кажется, лучше соединить съ обзоромъ древняго законодательства Даніи.

Независимо отъ провинціальныхъ законовъ, существовали для городовъ мѣстные обычаи. Древнѣйшій текстъ этого рода принадлежитъ концу XIII вѣка и извѣстенъ подъ названіемъ *Biarköarett*, что, вѣроятно, означаетъ *муниципальное право*. Первоначально составленный для города Стокгольма, онъ вскорѣ былъ примѣненъ и къ другимъ городамъ. Висби, на островѣ Готландѣ, имѣлъ также свой муниципальный законъ, сочиненный около половины XIV вѣка. Онъ очень полонъ и содержитъ въ себѣ цѣлую книгу о морскомъ правѣ. Но книгу эту не слѣдуетъ смѣшивать съ компиляціею, составленною столѣтіемъ позже, въ томъ же городѣ и о томъ же предметѣ, и дословно заимствованную изъ морскихъ законовъ Франціи, Голландіи и Любека.

Едва окончена была редакція провинціальныхъ законовъ, какъ задумали соединить всѣ ихъ въ одинъ кодексъ. Примѣръ подали Норвегія при королѣ Магнусѣ, умершемъ въ 1280 году. Около 70 лѣтъ спустя, такой же трудъ выполненъ былъ въ Швеціи, при другомъ Магнусѣ, сынѣ Эрика (1319 — 1365). Сопротивленіе епископовъ помѣшало включить въ него церковное право и потому новый кодексъ не получилъ оффиціального одобренія и не былъ обнародованъ въ качествѣ закона королевства, но былъ постепенно принятъ въ различныхъ провинціяхъ. Этимъ способомъ онъ мало-по-малу замѣнилъ старинные законы. Послѣ 1379 года такая замѣна произошла повсемѣстно.

Въ то же время и для городовъ составленъ былъ новый кодексъ. Не многимъ онъ отличается отъ прежняго. Разница лишь въ томъ, что новый кодексъ содержитъ въ себѣ книгу о морскомъ правѣ и что прежняя книга о провинціальныхъ собраніяхъ (*Tingmalabalk*) замѣнена книгою объ устройствѣ муниципальнаго совѣта (*Radstufvubalk*). Пересмотрѣнное изданіе общаго кодекса Магнуса обнародовано было въ 1442 г. однимъ изъ преемниковъ его, королемъ Христофоромъ Баварскимъ (1440—1448). Этотъ пересмотрѣнный кодексъ носитъ названіе *Codex Christophorianus*, но, собственно говоря, онъ не представляетъ новой законодательной работы. Редакторы его ничего не сдѣлали, кромѣ того, что переписали кодексъ Магнуса, освѣживши слогъ и языкъ его. Разница между этими двумя книгами настолько мала, что нерѣдко ихъ смѣшивали. Такъ

въ 1481 г. архидіаконъ Упсалы, Рагваль Ингемундсонъ, желая перевести по-латыни кодексъ Христофора, ошибся въ текстѣ и перевелъ въ дѣйствительности кодексъ Магнуса. Ученый Мессениусъ, издавшій этотъ переводъ въ Стокгольмѣ въ 1614 г., еще менѣе обратилъ вниманія на сдѣланную ошибку.

Всѣ эти тексты напечатаны были только въ XVII столѣтіи, отъ 1607 до 1700 г. Теперь они не имѣютъ никакой цѣны. Изданіе большого собранія, порученнаго шведскимъ правительствомъ Шлитеру, дѣлаетъ ихъ бесполезными. Къ этому собранію слѣдуетъ только прибавить ордонансы шведскихъ королей, соединенные въ другой сборникъ, который въ настоящее время издается подъ именемъ *Diplomatarium Suecicum* и котораго V томъ, напечатанный въ 1865 г., останавливается на 1347 годѣ.

Хотя *Codex Christophorianus* во многихъ отношеніяхъ устарѣлъ, однако, онъ дѣйствовалъ въ Швеціи въ продолженіе трехъ столѣтій. Королевскіе ордонансы отъ времени до времени пополняли въ немъ пробѣлы. Великій трудъ пересмотра его, предпринятый въ 1686, окончился только въ 1734 году. 6-го декабря этого послѣдняго года Штаты приняли новый общій кодексъ, примѣнимый безразлично къ деревнямъ и городамъ. Въ немъ только нѣтъ книги короля (*Konungabalk*), т. е. государственнаго права, которое помѣщалось во всѣхъ прежнихъ кодексахъ.

Послѣ этого издано было много новыхъ законовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ имѣютъ своимъ предметомъ морское право и конкурсъ кредиторовъ (1862), уголовное право и полицію промышленности (1864), учрежденіе ипотеки (1877) и векселя (1880). Но кодексъ 1734 г. находится въ силѣ во всѣхъ своихъ частяхъ, которыя оставались еще неотмѣненными или неизмѣненными и составляетъ до настоящаго времени основу шведскаго законодательства. Этотъ кодексъ дѣйствуетъ даже внѣ теперешнихъ предѣловъ королевства, а именно въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ. Здѣсь онъ подвергся лишь нѣкоторымъ измѣненіямъ, внесеннымъ новѣйшимъ законодательствомъ и, главнымъ образомъ, эти измѣненія коснулись законовъ уголовныхъ, торговыхъ и морскихъ.

Редакторы 1734 года не создавали ничего оригинальнаго. За основаніе своей работы они взяли *Codex Christophorianus*, согласовали его съ позднѣйшими ордонансами и приспособили къ новымъ потребностямъ. А такъ какъ *Codex Christophorianus* самъ

былъ тѣсно связанъ со старинными провинціальными законами, римское же право никогда не проникало на скандинавскій полуостровъ и даже преподаваніе его началось здѣсь гораздо позднѣе и далеко не въ полномъ видѣ, то выходитъ, что шведское законодательство, въ своей сущности, является законодательствомъ національнымъ. Оно продолжало жить и развивалось, подобно языку страны, при помощи постоянного и непрерывнаго преданія, такъ что многія постановленія дѣйствующаго права можно найти въ обычаяхъ Упланда и Вестроготиі, получившихъ свое начало болѣе 600 лѣтъ тому назадъ. Самые же эти обычаи, собранные лишь въ то время, когда ихъ долженъ былъ замѣнить общій кодексъ, представляли, конечно, не что иное, какъ воспроизведеніе древнѣйшихъ законовъ, предшествовавшихъ введенію христіанства и измѣненыхъ, въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ каноническаго права. Въ этомъ смыслѣ, они заслуживаютъ особеннаго вниманія и даютъ поводы къ очень любопытнымъ сравненіямъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ тому ¹⁾).

Древніе законы, предшествовавшіе кодексу Магнуса, начинаются съ книги, посвященной церковному праву. Эти постановленія, заимствованныя изъ каноническаго права, для насъ не представляютъ интереса. Они, впрочемъ, были оставлены, какъ уже сказано, въ сторонѣ кодексами Магнуса и Христофора. Первая книга Христофорова кодекса озаглавлена *Книга Короля (Konungabalk)* и содержитъ въ себѣ государственное право древней Швеціи.

Изъ этой книги видно, что королевство Швеція населено двумя народностями, собственно шведами и готами. Оно обнимаетъ семь епископствъ и одиннадцать провинцій, включая въ это число и двѣ Финляндіи. Оно управляется королемъ, власть котораго самодержавна и неотчуждаема.

Король избирается. Его власть дѣлается наследственной только въ XVII столѣтіи. Въ каждой провинціи, общее Собраніе или *Ландстингъ* назначаетъ 12 депутатовъ, которые вмѣстѣ съ агма-

¹⁾ Лучшія сочиненія, для справокъ, о Швеціи: *Illustrerad Svensk historia*, Mantelius, Hildebrand и Alin, 1877—1878; третій томъ останавливается на 1611 годѣ. Stiernhöök, *De legum Sueogothicarum origine et incremento* in-4°, 1672. Nordström, *Bidrag till den Svenska Samhälls-författningens historia*, 2 t., in-8°, Helsingfors, 1839—1841. Naumann, *Svergens Statsförfattnings historia*.

номъ, отправляются въ великое національное *Ting* въ Моръ, въ Упландіи. Тутъ происходитъ избраніе. Выбранный король присягаетъ въ томъ, что онъ будетъ защищать Церковь, отправлять правосудіе, соблюдать законы, управлять съ помощью своего совѣта, сберегать королевское имущество, защищать привилегіи дворянъ и духовенства, обезпечивать свободу крестьянъ и поддерживать общій миръ.

Налоги могутъ быть установлены только на опредѣленные потребности и въ извѣстныхъ случаяхъ, напримѣръ, въ случаѣ войны, для коронованія короля, или въ случаѣ бракосочетанія кого-либо изъ королевскихъ дѣтей. Собраніе принимаетъ присягу короля и, въ свою очередь, даетъ ему, устами Упландскаго лагмана, присягу въ вѣрности. Затѣмъ, король дѣлаетъ свой вступительный объѣздъ одиннадцати провинцій и присяга возобновляется въ одиннадцати мѣстныхъ Собраніяхъ. Въ каждой провинціи, онъ можетъ помиловать трехъ лицъ. Это называется объѣздомъ Св. Эрика (*Erikskata*). Послѣ него король, возвратясь въ Упсалу, можетъ короноваться въ кафедральномъ соборѣ.

Совѣтъ короля состоитъ изъ 15 лицъ: архіепископа упсальскаго, двухъ епископовъ, шести рыцарей и шести оруженосцевъ. Всѣ они должны быть рождены въ королевствѣ и обязаны присягнуть.

Если король женится, то онъ даетъ своей женѣ, по обычаю, утренній подарокъ, *morgongäfva*, въ присутствіи и съ согласія совѣта. Этотъ подарокъ заключается въ простомъ пожизненномъ пользованіи. Королева можетъ имъ владѣть до смерти въ такомъ только случаѣ, если, овдовѣвши, не выйдетъ замужъ, и если не оставитъ страны.

Слѣдующія постановленія относятся къ привилегированному сословію (*fraelsis men*). Всякій можетъ вступить въ это сословіе съ обязанностію имѣть лошадь стоимостію не менѣе 40 марокъ и полные рыцарскіе доспѣхи, а также доказать, что онъ имѣетъ средства, достаточныя для исполненія своей обязанности. Уполномоченный отъ короля ежегодно производитъ, въ каждой провинціи, смотръ рыцарямъ, утверждаетъ вновь вступившихъ въ это званіе и разбираетъ объясненія замѣченныхъ имъ неисправностей. Всякое увольненіе отъ службы влечетъ за собою разжалованіе и 40 марокъ штрафа. Дезертиръ наказывается смертію, и имущество его

конфискуется. Если рыцарь попадетъ въ плѣнъ, то король обязанъ выкупить его, если онъ потеряетъ лошадь въ сраженіи, — король долженъ дать другую.

Далѣе, законъ содержитъ нѣсколько правилъ о постоянныхъ дворахъ. Эти правила охраняютъ крестьянъ отъ излишнихъ требованій проезжающихъ. Законъ предусматриваетъ и наказываетъ нѣкоторые поступки, считая ихъ посягательствомъ на королевское достоинство. Такъ, нарушеніе королевскаго мира нападеніемъ на человека, ѣдущаго по охранному листу короля, составляетъ преступленіе, наказуемое смертью и конфискаціею движимости: сопротивленіе рѣшенію, постановленному отъ имени короля, карается штрафомъ въ 40 марокъ; то же наказаніе полагается за охоту въ королевскихъ паркахъ. Насильственное нарушеніе владѣнія также рассматривается, какъ преступленіе, имѣющее отношеніе къ королевскому величеству. Кто бы ни завладѣлъ недвижимымъ имѣніемъ силою, обязанъ реституировать и заплатить 40 марокъ. Жалоба можетъ быть подана во всякій судъ и даже королю, но съ условіемъ подать ее немедленно, то есть въ ближайшее воскресенье, или въ ближайшее *ting*, или же въ теченіе шести недѣль, если жалобщикъ рѣшается начать дѣло у короля.

Шведскіе кодексы ничего не говорятъ ни о собраніяхъ государственныхъ сословій, ни о четырехъ разрядахъ ихъ: дворянствѣ, духовенствѣ, горожанахъ и крестьянахъ. Это дѣленіе, основаніемъ которому служитъ обычай, удерживалось въ Швеціи даже послѣ уничтоженія всѣхъ привилегій и было отмѣнено только въ 1866 году. Въ настоящее время собраніе четырехъ сословій замѣнено двумя Палатами, которыя, какъ и во всѣхъ конституціонныхъ странахъ, собираются ежегодно.

До введенія христіанства, рабство практиковалось во всѣхъ странахъ Сѣвера. Нужны были долгія усилія, чтобы заставить его исчезнуть. Это случилось въ 1335 году, когда король Магнусъ Эриксонъ уничтожилъ послѣдніе слѣды его. Что касается крѣпостного состоянія, то оно никогда не было введено въ Швеціи, и шведскіе крестьяне, болѣе счастливые, чѣмъ ихъ сосѣди въ Даніи, всегда пользовались свободою.

Первою процессуальною формою въ Швеціи былъ судебный поединокъ. Упраздненный около 1000 года вслѣдствіе вліянія христіанскихъ идей, онъ былъ замѣненъ испытаніемъ посредствомъ кале-

наго желѣза (*jernbyrd*). Испытаніе, въ свою очередь, отмѣнено знаменитымъ Биргеромъ Іарлемъ, главою династіи Фолькунговъ, регентомъ Швеціи отъ 1250 до 1266 г. и основателемъ Стокгольма. Однако, не легко было заставить шведовъ отказаться отъ испытанія каленымъ желѣзомъ. Въ одномъ мѣстѣ закона Гельсингіи говорится, что въ 1320 году судьи этой провинціи еще обращались къ испытанію каленымъ желѣзомъ и что совѣтъ королевства долженъ былъ употребить противъ обычая свою власть. Когда такимъ образомъ отмѣненъ былъ судъ Божій, то не осталось иного доказательства, какъ присяга, даваемая однимъ изъ тяжущихся и подтверждаемая извѣстнымъ числомъ соприсяжниковъ. Объ одномъ этомъ доказательствѣ и говорятъ провинціальныя законы. Истинное доказательство, чрезъ свидѣтелей или посредствомъ письменныхъ актовъ, существовало въ это время еще въ зародышѣ и получило силу не раньше начала XVII столѣтія. А до того времени, судебное доказательство носило на себѣ отпечатокъ первобытной процедуры, которая заставляла судью вмѣсто дознанія истины производить простой механическій счетъ. Въ шведскомъ законѣ все еще различались доказательства полныя, полу-доказательства и такія, которыя, не равняясь полу-доказательствамъ, «суть, однако же, больше, чѣмъ ничто».

Законы, управляющіе бракомъ и положеніемъ супруговъ, носятъ слѣды очень глубокой древности. Женщина, какого бы возраста ни была, можетъ вступить въ бракъ въ томъ только случаѣ, если будетъ выдана своимъ ближайшимъ родственникомъ мужескаго пола. Этотъ родственникъ (*giptoman*) принимаетъ предложеніе и даетъ согласіе. Затѣмъ слѣдуетъ помолвка, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, по два съ каждой стороны. По кодексу Христофора, необходимо совѣщаніе съ матерью относительно сдѣланнаго предложенія, но не она рѣшаетъ этотъ вопросъ и не она хлопочетъ объ устройствѣ брака. Первоначально дочь не имѣла никакого права на наслѣдство, *giptoman* выдавалъ ей только приданое; но, въ XIII вѣкѣ, во всѣхъ скандинавскихъ странахъ, женщины признаны были правоспособными къ наслѣдованію, сперва за недостаткомъ сыновей, а потомъ даже вмѣстѣ съ сыновьями. Въ Швеціи, это послѣднее нововведеніе приписываютъ регенту Биргеру Іарлю, хотя въ практику оно входило медленно.

Бракъ совершался черезъ шесть недѣль послѣ помолвки, безъ всякихъ формальностей, за исключеніемъ торжественной рѣчи, произ-

носимой гиптоманомъ и *ascensio thori*. Вѣнчаніе предписано было однимъ закономъ Остроготіи, а вообще требовалось лишь церковнымъ закономъ 1571 года. Свадебный пиръ составлялъ всегдашній обычай, начало котораго теряется въ очень отдаленной древности. Законъ заботливо опредѣляетъ число лицъ, присутствующихъ на пиру, и цѣнность свадебныхъ подарковъ. Законъ Висби доходитъ даже до назначенія числа блюдъ, которыя должны быть поданы на столъ. По кодексу Христофора, нести одежды невѣсты должны не болѣе 8 человекъ, а также, кто явится на свадебный пиръ, не будучи приглашеннымъ, тотъ платитъ 40 марокъ штрафа, что равняется штрафу за убійство. Наконецъ, новобрачная передается мужу, который уводитъ ее въ свой домъ. Передача эта происходитъ торжественно и *giptoman* произноситъ формулу. Если въ передачѣ отказано, безъ законныхъ причинъ, то женихъ отправляется въ *ting*, беретъ съ собою четырехъ свидѣтелей и, въ ихъ присутствіи, имѣетъ право войти въ домъ, даже силою, и увести оттуда свою жену.

На слѣдующій день послѣ свадьбы, мужъ даритъ женѣ утренній подарокъ (*morgongâfva*), котораго стоимость бываетъ различна, смотря по состоянію супруговъ. Maximum утренняго подарка—40 марокъ для рыцаря, 20 для оруженосца, 10 для простого дворянина, 3 для крестьянина и 1 для человека, не имѣющаго постоянной осѣдлости. Дареніе происходитъ торжественно, въ присутствіи 12 свидѣтелей.

Согласно древнему матримоніальному порядку, существовало раздѣленіе имуществъ мужа и жены или, точнѣе, отсутствіе общности этихъ имуществъ, такъ какъ мужъ только завѣдуетъ имѣніями жены. Этотъ порядокъ сохранился въ законѣ острова Готланда, на основаніи котораго жена получала отъ гиптомана приданое (*haim fylgi*) и отъ своего жениха подарокъ (*hogsel*). Если она умирала бездѣтною и раньше мужа, то ея наследники имѣли право исключительно на ея приданое.

Общность имуществъ вводилась мало-по-малу и по обычаю ¹⁾. Во время редакціи законовъ она окончательно водворилась. Общность начинается съ постели и, затѣмъ, распространяется на всѣ имуще-

¹⁾ См. ученый трудъ Оливекроны, *Om makars giftorätt i bo* (Объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ), in-8°, Упсала, 1878, 4-е изданіе.

ства, кромѣ родовыхъ недвижимыхъ (*arfvejord*), то есть на движимость, благопріобрѣтенное и плоды отъ родовыхъ имуществъ. Однако, законъ Упланда исключаетъ изъ этого правила золото и рабовъ.

Въ продолженіе брачнаго союза управленіе имуществомъ жены принадлежитъ мужу, какъ покровителю ея (*malsman*).

При расторженіи брака, общее имущество дѣлится между супругами, но не поровну. На основаніи правила, которое законъ Упланда приписываетъ королю Эрику, мужъ, въ описываемомъ случаѣ, получаетъ двѣ трети, а жена—одну треть. Понятно, что родовое имущество не входитъ въ составъ этихъ частей, равно какъ и имущества, подаренныя женѣ или сбереженныя ею и называемыя *hemfylgd* и *omynd*. Въ законѣ Остроготіи, жена имѣетъ право на раздѣлъ общаго имущества только тогда, когда она переживетъ мужа.

Наконецъ, когда одинъ изъ супруговъ совершаетъ извѣстныя провинности, то наказывается лишеніемъ своего права на общее имущество.

Эта система общности имуществъ супруговъ и раздѣла его была системою провинціальныхъ законовъ и оттуда перешла въ кодексы Магнуса и Христофора; но статуты городовъ (*Biarköarätt, Stadslag*) вводятъ общность повсемѣстно, по крайней мѣрѣ, для городскихъ имуществъ, и предписываютъ раздѣлъ между мужемъ и женою по равнымъ частямъ. Статутъ Висби прибавляетъ къ этому особенныя правила относительно тѣхъ случаевъ, когда супруги, совершающіе раздѣлъ, имѣютъ дѣтей. Послѣ реформы XVII столѣтія, право уравнительнаго раздѣла дано было также вдовамъ священниковъ.

Кодексъ 1734 г. ничего не измѣнилъ въ предшествующемъ законодательствѣ. Только 19 мая 1845 г., при Оскарѣ I, давно ожидаемый законъ ввелъ, во всѣхъ случаяхъ, уравнительный раздѣлъ.

Вдова, не вступившая въ новый бракъ, состоитъ опекуншею своихъ дѣтей и управляетъ ихъ имуществомъ при содѣйствіи ближайшихъ родственниковъ. Когда кто-либо изъ супруговъ вступаетъ въ новый бракъ, то онъ прежде всего долженъ раздѣлиться съ своими дѣтьми. Если не осталось ни отца, ни матери, то дѣти поручаются ближайшему родственнику, который завѣдываетъ ихъ имѣніемъ и каждый годъ представляетъ семьѣ отчетъ по управленію

имъ. Онъ можетъ быть устраненъ отъ опекунства или замѣненъ другимъ, о чемъ *ting* постановляетъ рѣшеніе съ участіемъ присяжныхъ.

Порядокъ наслѣдованій не по всѣмъ обычаямъ одинаковъ. Разница, въ особенности, замѣтна между законами собственно Швеціи и Готіи. Но въ основѣ всѣхъ этихъ обычаевъ лежитъ тотъ самый принципъ, который нѣкогда существовалъ въ аѳинскомъ правѣ и который изъ права ломбардцевъ перешелъ въ каноническое право. Этотъ принципъ—наслѣдованіе *per parentelas*. Подъ словомъ *parentela* разумѣются всѣ тѣ, кто происходитъ отъ общаго предка. Поэтому, наслѣдованіе сначала принадлежитъ прямой нисходящей линіи, потомъ—отцу и матери съ ихъ нисходящими, то есть братьями и сестрами, въ третьемъ порядкѣ оно принадлежитъ дѣду и бабкѣ съ ихъ дѣтьми, то есть, дядьями, тетками и двоюродными братьями, и такъ дальше. Впрочемъ, въ каждой *parentela* наслѣдованіе не всегда переходитъ къ ближайшему по степени родственнику. Такъ, отецъ и мать, при братьяхъ и сестрахъ, получаютъ одну часть, другая же часть наслѣдства идетъ братьямъ и сестрамъ, несмотря на то, что послѣдніе стоятъ въ болѣе отдаленной степени, чѣмъ первые. Характеристическую черту этой системы составляетъ отсутствіе права представленія. Такъ, по древнимъ законамъ Готіи, когда умершій оставилъ послѣ себя сына и внука, родившагося отъ другого сына, то наслѣдованіе цѣликомъ принадлежитъ первому, съ исключеніемъ второго. Но эта строгость не удержалась. Уже законъ Упланда допускаетъ право представленія по прямой линіи до безконечности, а въ боковой линіи въ пользу нисходящихъ братьевъ и сестеръ до четвертаго колѣна. Кодексы Магнуса и Христофора ограничиваютъ право представленія вторымъ колѣномъ въ прямой и въ первой боковой линіяхъ.

Не менѣе важную отмѣну древнихъ началъ составляло призваніе женъ къ наслѣдованію вмѣстѣ съ сыновьями. Старыя хроники приписываютъ это нововведеніе Биргеру Іарлю и относятъ его къ 1262 году, когда король Вальдемаръ, сынъ Биргера, женился на датской принцессѣ Софіи. До того времени жены получали приданое, но наслѣдовали только при недостаткѣ сыновей. Биргеръ призвалъ ихъ къ раздѣлу наслѣдства, подобно тому, какъ происходилъ раздѣлъ общей собственности между супругами и въ такихъ же размѣрахъ: двѣ трети получаетъ сынъ, а одну треть — дочь. Это

постановленіе перешло въ кодексы Магнуса и Христофора, но равенство частей принято было въ городахъ, гдѣ меньше заботились объ удержаніи имуществъ въ семьяхъ. Кодексъ 1734 года остался вѣрнымъ преданію предшествующихъ кодексовъ, а равенство частей окончательно введено было только закономъ 19 мая 1845 года, о которомъ мы упоминали выше. Послѣдніе слѣды опеки надъ женами исчезли въ 1872 году.

Раздѣлъ между сонаслѣдниками дѣлался посредствомъ вынута жребія, въ присутствіи не меньше, какъ двухъ родственниковъ. Если кто-нибудь изъ участниковъ раздѣла считаетъ себя обиженнымъ, то можетъ, въ теченіе одного года и ночи, требовать передѣла, и тогда уравниеніе долей производится особымъ судомъ, составленнымъ изъ 12 родственниковъ, имѣющихъ отъ рожденія болѣе 15 лѣтъ.

Виндикація наслѣдства тѣмъ изъ родственниковъ, который считаетъ себя болѣе близкимъ, нежели получившіе наслѣдство, можетъ быть начата въ теченіе 3 лѣтъ послѣ смерти наслѣдодателя.

Извѣстно, что первобытному германскому праву незнакомо было завѣщаніе. Каноническое право ввело завѣщанія *ad pias causas* и мы встрѣчаемъ ихъ въ этой формѣ въ провинціальныхъ законахъ, Но муниципальные законы допускали возможность передачи по завѣщанію всѣхъ имуществъ, какъ движимыхъ, такъ недвижимыхъ, за исключеніемъ девяти десятыхъ частей имѣнія въ пользу дѣтей, двухъ третей въ пользу родственниковъ, находящихся въ странѣ, и половины въ пользу родственниковъ находящихся внѣ страны. Завѣщанія можно было совершать или устно, или письменно, въ присутствіи двухъ свидѣтелей. Такая форма завѣщаній и теперь употребляется въ Англіи. Она удержалась въ кодексѣ 1734 г. и даже до настоящаго времени.

Незаконное родство служитъ предметомъ очень точныхъ правилъ. Дозволяется узаконеніе въ бракѣ, послѣдовавшемъ за рожденіемъ незаконныхъ дѣтей. Мужъ можетъ не признать ребенка, рожденного его женою и для этого онъ, вмѣстѣ съ 12 соприсяжниками, присягаетъ въ томъ, что, въ продолженіе сорока недѣль, предшествовавшихъ рожденію ребенка, не имѣлъ никакихъ сношеній съ женою. Побочное дитя содержится до трехъ лѣтъ матерью и до семи лѣтъ отцомъ, но оно не можетъ получить изъ наслѣдства отца болѣе двухъ марокъ и изъ наслѣдства матери болѣе од-

ной марки. Что же касается до другихъ наслѣдствъ, то ему могутъ доставаться только такія, къ которымъ призываются его мать и отецъ вмѣстѣ съ нимъ. Наслѣдство, оставшееся послѣ самого побочнаго дитяти, сначала переходитъ къ его отцу и матери, а послѣ нихъ къ остальнымъ родственникамъ по порядку законнаго наслѣдованія.

Дѣти, происшедшія отъ прелюбодѣянія или отъ кровосмѣшенія, не наслѣдуютъ. Наконецъ, наслѣдства выморочныя принадлежатъ королю, по праву, называемомуся *Dana arf*.

Не слѣдуетъ смѣшивать наслѣдника по шведскому праву съ *heres* римскаго права. Послѣдній былъ продолжателемъ личности умершаго и наслѣдовалъ во всѣхъ его правахъ и обязанностяхъ, *ultra vires*. Отреченіе дозволено было только въ нѣкоторыхъ разрядахъ наслѣдниковъ и *beneficium inventarii* введено было лишь Юстиніаномъ. Въ Скандинавскомъ правѣ, совсѣмъ другой принципъ. Наслѣдникъ есть преемникъ имущества, или, лучше сказать, преемникъ того, что останется за уплатою долговъ. Послѣдніе должны быть погашены и уплачены раньше всякаго раздѣла и единственно изъ наслѣдственнаго имущества, причемъ наслѣдникъ не обязанъ отвѣчать лично ему принадлежащимъ достояніемъ ¹⁾. Какъ происходила ликвидація наслѣдства и какова была въ этомъ случаѣ процедура, того не видно изъ шведскихъ законовъ; но законы Исландіи пополняютъ этотъ пробѣлъ, и къ нему мы возвратимся, говоря о Грагасѣ.

Введенное римскимъ правомъ основное различіе между правомъ собственности и простымъ владѣніемъ неизвѣстно шведскому закону, который, еще и теперь, не дозволяетъ владѣльческихъ исковъ. Что же касается права собственности, то оно признается, вообще, на основаніи извѣстныхъ матеріальныхъ признаковъ.

Земля можетъ переходить пятью способами: по наслѣдству, по раздѣлу, по продажѣ, по даренію и по закону; сюда нужно прибавить еще давность, для срока которой полагается три года владѣнія и которая равносильна акту укрѣпленія. Всѣ эти переходы сопровождаются публичностію. Мы уже говорили о наслѣдованіяхъ и дареніяхъ. Отчужденіе посредствомъ продажи или мѣны совер-

¹⁾ См. Winroth, *Om arfvingarnes ansvarighet för arflåtarens förbindelser*, in-8°, Упсала, 1879.

шается въ *ting'*ѣ. Сотникъ или лагманъ, въ присутствіи жюри изъ 12 членовъ сотни, объявляетъ о продажѣ и произноситъ инвестиру *) пріобрѣтателя. Если недвижимое имѣніе виндицируетъ третье лицо, то дѣло рѣшается присягою 12 присяжныхъ, присутствовавшихъ при продажѣ и, послѣ отказа въ первой виндикаціи, уже никакая другая и ни отъ кого не принимается. Такимъ же формальностямъ подчиненъ залогъ. Онъ совершается въ *ting'*ѣ, по опѣнкѣ, сдѣланной сотникомъ и четырьмя человѣками. Если долгъ не уплаченъ въ срокъ, то должникъ пользуется граціонною отсрочкою на годъ съ ночью, въ продолженіе которой можетъ освободить недвижимое имѣніе отъ залога. Послѣ него, родственники его имѣютъ шестинедѣльный срокъ для выкупа, а, по окончаніи всѣхъ этихъ сроковъ, кредиторъ засчитываетъ за свой долгъ стоимость недвижимаго имѣнія и дѣлается собственникомъ послѣдняго. Та же публичность требуется для выкупа недвижимаго имѣнія изъ залога.

Мы уже замѣтили разницу между недвижимыми имѣніями родовыми и благопріобрѣтенными. Первые могутъ быть отчуждены подъ условіемъ выкупа ихъ родными продавца. Продавецъ долженъ сначала предложить свое имѣніе ближайшему родственнику, одновременно въ три пріема и передъ *ting'*омъ, послѣ чего родственникъ, предупрежденный такимъ способомъ, пользуется, для выкупа, срокомъ въ 1 годъ съ ночью. Цѣну выкупа опредѣляетъ жюри изъ 6 лицъ, указанныхъ поровну съ каждой стороны.

Вообще, и продажа движимости подчинена формальностямъ, къ которымъ мы возвратимся, говоря о кражѣ.

Шведскіе кодексы входятъ въ очень обстоятельныя подробности, разсуждая объ основаніи деревень, постройкѣ зданій, обработкѣ земель, уходѣ за скотомъ, пользованіи общими угодьями и въ особенности общими лѣсами, которые нѣкогда покрывали бѣольшую часть страны. Это — кодексъ деревенскій и хозяйственный. Было бы очень интересно изслѣдовать эти постановленія и объяснить, — какимъ образомъ они примѣнялись, что изъ этого выходило, какъ первобытный лѣсъ былъ расчищенъ и обращенъ въ пашню, а вслѣдствіе того, и въ личную собственность. Когда будемъ говорить о датскихъ законахъ то, мы еще вернемся къ этому предмету. А те-

*) Во времена феодальной системы такъ назывался, между прочимъ вводъ во владѣніе леномъ. Прим. перев.

перъ отмѣтимъ право, вытекающее изъ завладѣнія въ обширныхъ лѣсахъ Норрланда, право освящаемое закономъ Гельсингii: «Кто пожелаетъ избрать на общественной землѣ удобное мѣсто для устройства фермы или деревни, тотъ долженъ получить, рядомъ съ тѣмъ или тѣми, которые уже находятся тамъ, но не захватывая ихъ земель, столько же лѣса, сколько луговъ и пашни. Онъ возьметъ съ двухъ сторонъ такое пространство, какое хромоу въ состояніи пройти на костыляхъ, не отдыхая. Это будетъ длина земли. Онъ выйдетъ изъ дома съ лошадыю и повозкою, передъ восходомъ солнца во время зимняго солнцестоянія, срубитъ беремя кольевъ и возвратится къ полудню. Это будетъ законное вступленіе во владѣніе землею, оставаемою въ залежь. Если онъ желаетъ занять землю подъ пашни и луга, то расчиститъ пространство, необходимое для того, чтобы убрать три воза зернового хлѣба, вроетъ четыре столба для дома и, въ сопровожденіи двухъ свидѣтелей, обойдетъ свою землю, указавъ ея границу». Такимъ способомъ, до царствованія Густава Вазы, первый завладѣвшій получалъ землю въ обширныхъ пустыняхъ Норрланда.

Въ законахъ шведскихъ, равно какъ и въ германскихъ, уголовное право занимаетъ большое мѣсто; сначала идутъ преступленія противъ личности, а потомъ посягательство на право собственности. Между этими двумя разрядами правонарушеній существуетъ глубокое различіе, которое и составляетъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ свойствъ древняго права. Первоначальная форма уголовного права была частная месть: война индивидуума противъ индивидуума или, скорѣе, рода противъ рода. Первые законы создавались не столько для того, чтобы устранить это положеніе дѣлъ, сколько для того, чтобы подчинить его порядку и водворить миръ. Они установили обязательное вознагражденіе, опредѣлили таксу его на каждый случай и дали этому вознагражденію характеръ штрафа, раздѣляемаго по третямъ между королемъ, округомъ или сотнею и потерпѣвшею стороною. Наконецъ, они вызвали общественную власть къ вмѣшательству между преступникомъ и потерпѣвшимъ. Если существуетъ сомнѣніе или споръ, то жюри разъясняетъ фактъ, а, затѣмъ, король или его чиновники распоряжаются исполненіемъ закона.

Допустимъ, что совершено убійство, и что убійца задержанъ на мѣстѣ преступленія, или въ теченіе 24 часовъ послѣ обнаруженія пре-

ступнаго факта. Когда преступленіе совершено при наличности свободной воли и когда оно не принадлежит къ числу ненаказуемыхъ дѣяній, какъ убійство при необходимой оборонѣ, то законъ требуетъ жизнь за жизнь. Этимъ дѣлается уступка душевному движенію первой минуты и, если ближайшій наслѣдникъ жертвы встрѣтится съ убійцею и убьетъ его, то онъ отдѣливается отъ суда простымъ штрафомъ. Но, послѣ 24 часовъ, всякое самоуправство должно прекратиться. Созывается тингъ и убійца получаетъ охранный листъ для того, чтобы явиться въ судъ. Если подсудимый сознается въ совершеніи убійства или если жюри объявитъ, что преступленіе совершено имъ, тогда дается ему мѣсячный срокъ для явки къ королю и 14 ночей для обратнаго пути. Король назначаетъ жюри, которое рѣшаетъ—составляетъ ли совершенное убійство преступленіе или нѣтъ. Если убійца оправданъ, то истецъ приговаривается къ штрафу; но, если убійца объявленъ виновнымъ, то онъ долженъ оставить страну. Онъ объявляется находящимся внѣ закона (*fridhlös*) до тѣхъ поръ, пока заключить миръ съ наслѣдниками жертвы преступленія. Накормить его одинъ разъ или принять его подъ свой кровъ на одну ночь составляетъ дѣяніе, подлежащее штрафу, который долженъ сравняться съ штрафомъ за человекоубійство въ томъ случаѣ, когда оказанная преступнику помощь продолжалась болѣе одного дня. При этомъ дозволяется убить его безнаказанно, но имущества его не конфискуются. Если онъ сойдется съ противною стороною, то можетъ исходатайствовать отъ короля прощеніе и миръ, заплативши часть штрафа, причитающуюся королю и сотнѣ.

Искъ долженъ быть предъявленъ въ теченіе года съ днемъ; по прошествіи этого срока доказывать искъ можно только признаніемъ обвиняемаго.

Когда виновникъ совершеннаго убійства остался необнаруженнымъ, тогда вся сотня становится отвѣтственною. Она платитъ 40 марокъ штрафа, то есть сумму, равняющуюся штрафу за простое убійство; изъ него половина идетъ королю, а другая половина наслѣдникамъ убитаго. Къ платежу этого штрафа привлекаются поголовно всѣ жители мужского пола, старше 15 лѣтъ.

Непроизвольное убійство и пораненія, произвольныя и непроизвольныя, наказываются штрафами, которыхъ размѣръ измѣняется, судя по важности случая. Въ этомъ отношеніи, законъ доходитъ до

очень мелочныхъ подробностей, точно такъ, какъ это дѣлаютъ и германскіе законы. Тутъ та же лѣстница штрафа и поразительно схожія выраженія. Такъ, чтобы узнать, какой штрафъ долженъ быть наложенъ въ томъ случаѣ, если изъ раны вышла кость, бросаютъ эту кость на костеръ и прислушиваются къ издаваемому имъ звуку; или еще, чтобы оцѣнить важность шрама на лицѣ, разглядываютъ,—виденъ ли этотъ шрамъ съ одной стороны улицы на другую. Раны, нанесенныя мужемъ женѣ, оплачиваются, какъ и по салическому закону, вдвое, за исключеніемъ, однако, случая законнаго и требуемаго благоразумнаго исправленія, матеріальныя послѣдствія котораго не наказуемы. Отмѣтимъ еще одну характеристическую особенность,—выдачу кусающейся собаки, что составляетъ единственный случай, когда скандинавскій законъ допускаетъ *datio noxalis*. Эта же особенность встрѣчается въ законахъ Солона.

Такова система наказаній по древнему праву. Но вскорѣ она найдена была неудовлетворительною. Уже въ законѣ Вестроготіи, то есть въ древнѣйшемъ текстѣ шведскихъ законовъ, мы находимъ нѣсколько преступленій, за которыя нельзя отдѣлаться штрафомъ (*urbotamál*). Это—человѣкоубійство (*mord*) съ увеличивающими вину обстоятельствами, напримѣръ съ сокрытіемъ трупа, отцеубійство, двоеженство, убійство посредствомъ отравленія или колдовства, убійство между супругами или между домашними, поджогъ жилого зданія и къ нимъ слѣдуетъ прибавить еще бунтъ противъ короля и измѣну странѣ. Всѣ эти дѣянія считаются тяжкими преступленіями (*högmælis*) и позорными поступками (*nidingsverk*). Виновный предается смертной казни, безъ права выкупа. Преступники — мужчина подлежитъ обезглавленію или колесованію,—женщина зарывается въ землю или сожигается живою.

Другое дополненіе древняго закона состоитъ въ появленіи особеннаго разряда преступленій, подъ именемъ посягательствъ противъ королевской присяги (*edzörebrotten*). Этотъ институтъ, какъ и многіе другіе, введенъ тѣмъ самымъ Биргеромъ Іарлемъ, о которомъ мы говорили и который былъ, въ Швеціи, истиннымъ основателемъ королевской власти. Биргеръ провозгласилъ миръ жилища, миръ жены, миръ церкви и миръ *ting'a*. Каждый новый король, принимая корону, обязанъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ будетъ поддерживать этотъ миръ, и такое же обязательство принимали на себя высшіе сановники королевства. Эти постановленія примѣня-

лись ко всѣмъ нападеніямъ на домъ, на церковь, на кладбище, на собраніе *ting*'а, ко всякимъ пораненіямъ, сдѣланнымъ при тѣхъ же обстоятельствахъ, ко всѣмъ проявленіямъ мести, предметомъ которой былъ кто-нибудь, за исключеніемъ преступника, и которая имѣла мѣсто послѣ заключенія мировой сдѣлки, наконецъ къ преступленіямъ изнасилованія и изувѣченія. Кто бы ни совершилъ посягательство на королевскій миръ, онъ ставился внѣ закона (*biltogher*) и имущества его, кромѣ родовыхъ недвижимыхъ, подлежали конфискаціи. Изгнаніе виновнаго изъ страны продолжается до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшее лицо само не выпроситъ у короля милости для виновнаго; но, во всякомъ случаѣ, послѣдній можетъ возвратиться въ отечество не иначе, какъ заплативши 40 марокъ штрафа.

Эти постановленія подтверждены были однимъ изъ сыновей Биргера Іарля, Магнусомъ Ладуласомъ, царствовавшимъ 1278—1290 г. и съ того времени они переходили во всѣ шведскіе законы, въ которыхъ занимали особый отдѣлъ (*edzörisback*).

Таковы постановленія, касающіяся преступленій противъ личности. Въ нихъ замѣтно еще большее вліяніе идей и чувствъ первобытнаго времени, когда мечь служила единственною формою суда. Не таковы были преступленія противъ собственности. Кража всегда считалась гнуснымъ и позорнымъ поступкомъ.

Если воръ захваченъ на мѣстѣ преступленія съ похищенною вещью, то ему вяжутъ назадъ руки и ведутъ въ *ting*. Истецъ принимаетъ присягу вмѣстѣ съ 12 соприсяжниками и виновнаго тотчасъ вѣшаютъ, безъ всякихъ процессуальныхъ обрядовъ, хотя слѣдуетъ замѣтить, что этотъ порядокъ соблюдался лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда похищенная вещь стоила дороже полумарки. Въ случаѣ кражи скота, сверхъ наказанія, сейчасъ упомянутаго, полагалась еще конфискація имущества вора, за исключеніемъ недвижимаго родового.

Если, напротивъ, воръ не былъ взятъ на мѣстѣ преступленія, то приступали къ разсмотрѣнію доказательствъ. Каждая сторона допускалась къ присягѣ съ ея соприсяжниками, въ числѣ 12, и затѣмъ жюри рѣшало дѣло. Въ случаѣ осужденія слѣдовалъ штрафъ въ 40 марокъ, т. е. самый большой изъ штрафовъ, предусмотрѣнныхъ закономъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ предполагается все-таки, что украденное стоило дороже полумарки. Если же стоимость его была

ниже, то штрафъ уменьшался до 6 öra и число соприсяжниковъ нисходило до трехъ. И тутъ, если воръ застигнутъ былъ на мѣстѣ преступленія, то законъ назначалъ тѣлесное наказаніе, которое судья примѣнялъ безъ процессуальныхъ обрядовъ: вора, взятаго на мѣстѣ преступленія, сѣкли розгами или же рѣзали ему уши. Его вели въ tīng съ связанными руками, спереди, а не назадъ, но ни въ какомъ случаѣ наказаніе его не могло ограничиваться однимъ штрафомъ. Равнымъ образомъ воръ, взятый съ поличнымъ, не въ правѣ представить за себя выкупъ. Каждый, освободившій вора или принявшій отъ него выкупъ, или избавившій его отъ наказанія, подлежитъ штрафу въ 40 марокъ.

Розыскъ похищеннаго даетъ начало особому производству, называемому домовымъ обыскомъ (*ranzsaka*). Истецъ, заявивши сосѣдямъ о совершенной у него кражѣ, отправляется съ четырьмя свидѣтелями въ подозрѣваемый домъ и, именемъ закона, требуетъ обыска. Въ этомъ обыскѣ ему не можетъ быть отказано. Съ каждой стороны присутствуютъ при этомъ по два свидѣтеля. Истецъ объявляетъ, что онъ разыскиваетъ, обвиняемый долженъ показать, что у него есть. Затѣмъ истецъ, будучи въ одной рубашкѣ, входитъ съ свидѣтелями въ домъ. Если похищенное находится въ этомъ домѣ, то обвиняемый препровождается въ tīng и судится, какъ воръ съ поличнымъ. Въ противномъ случаѣ, онъ получаетъ 3 марки въ видѣ вознагражденія. Всякое сопротивленіе наказывалось штрафомъ въ 3 марки. Въ этомъ случаѣ истецъ приглашаетъ свидѣтелей и съ ними входитъ силою въ домъ. Наконецъ, когда находятъ похищенное, то осматриваютъ, нѣтъ ли въ домѣ отверстія, черезъ которое найденная вещь могла быть подброшена кѣмъ-нибудь извнѣ, и если обнаружено будетъ такое отверстіе, то обвиняемому дозволяется въ видахъ оправданія принять присягу съ 12 соприсяжниками.

Англо-саксонскіе законы дѣлаютъ такое же различіе между кражею съ поличнымъ, которая наказывается смертю, но не штрафомъ, и кражею безъ поличнаго, влекущею за собой простой штрафъ ¹⁾. Таково же это правило и по законамъ Салическому ²⁾

¹⁾ См., напримѣръ, *Lois de Canut*, II, 26 и 64; Schmid, *Die angel-sächsische Gesetze*, стр. 287 и 305.

²⁾ *Capitulum Childeberti*, § 7.

и Рипуарскому ¹⁾. Что касается обыска, то онъ встрѣчается не только въ названныхъ законахъ, но и въ законахъ бургундцевъ и баварцевъ ²⁾. Въ этомъ отношеніи можно идти и еще дальше, а именно, къ XII таблицамъ и къ законамъ Солона. XII таблицъ, въ случаѣ *furtum manifestum*, назначали смертную казнь, которая примѣнялась безъ суда, по простому приказу судьи ³⁾. Въ случаѣ *furtum nec manifestum*, наказаніе состояло въ одномъ штрафѣ, равномъ двойной цѣнѣ похищеннаго предмета. Точно также, у аѳинянъ, тотъ, кто задерживаетъ вора на мѣстѣ преступленія, ведетъ его (ἀπάγει) къ судѣ, который назначаетъ смертную казнь, не приступая къ разбору дѣла. Кто, наконецъ, не припомнитъ процедуру обыска *per lancem et licium*, описываемую, въ одинаковыхъ выраженіяхъ, Платономъ въ *Разсужденіи о законахъ* и Гаемъ? Если обыскъ, сдѣланный при свидѣтеляхъ, привелъ къ обнаруженію похищенной вещи, то хозяинъ дома, по иску *furti concepti*, приговаривался къ платежу тройной цѣны похищеннаго, причемъ ему предоставлялось право на требованіе убытковъ съ третьяго лица, которое могло внести въ его домъ похищенную вещь. Это послѣднее требованіе называется *actio furti oblati*. Когда хозяинъ дома противится обыску, то законъ даетъ потерпѣвшему специальный искъ, называемый *prohibiti furti*. Потерпѣвшій входитъ въ домъ по уполномочію отъ суда; онъ нагъ, имѣетъ на бедрахъ поясъ, ὑμνός καὶ ἄσματος, по словамъ греческаго закона, и держитъ въ рукѣ блюдо ⁴⁾. Если при этихъ условіяхъ найдена будетъ украденная вещь, то выйдетъ *furtum manifestum*, а послѣдствіемъ его—смертная казнь.

Конечно, указанное сходство не случайно и всѣ упомянутыя законодательства, другъ друга разъясняющія и дополняющія, служатъ въ концѣ концовъ выраженіемъ одной и той же идеи. Для насъ остается только выдѣлить эту идею. Но тутъ-то и возникаетъ непреодолимое затрудненіе. Какъ понять, что одно и то же дѣяніе было наказуемо и болѣе и менѣе строго, смотря по тому, былъ ли виновникъ его застигнутъ на мѣстѣ преступленія или нѣтъ? Вѣдь

¹⁾ *Loi des Ripuaires*, chap. XLI: «Si quis a contubernio probabiliter ligatus super res alienas fuerit, eum ad excusationem non permittimus».

²⁾ *Loi Salique*, chap. XL; *Loi des Ripuaires*, 47; *Loi des Burgondes*, 16; *Loi des Bavaois*, 10 и 14.

³⁾ *Gaius*, III, 189. «Nam liber verberatus addicebatur ei cui furtum fecerat».

⁴⁾ Платонъ, *Законы*, XII, VII.

въ томъ и другомъ случаѣ онъ одинаково виноватъ. Почему же онъ не одинаково наказуемъ? Смыслъ этого стараго закона былъ уже потерянь во времена Гая и Гай только обзываетъ его смѣшнымъ. Быть можетъ, онъ меньше потѣшался бы надъ этимъ закономъ, если бы въ состояніи былъ перенестись въ героическія времена, въ ту эпоху, когда законодатель въ первый разъ взялся за прекращеніе гражданской вражды и за установленіе мира между членами общества. Онъ понялъ бы, что въ то время, когда наказаніе замѣнило месть потерпѣвшаго лица, оно должно было сообразоваться не столько съ виновностью преступника, сколько съ озлобленіемъ жертвы.

Защищаясь противъ иска о кражѣ, владѣлецъ виндицируемаго предмета могъ доказывать, что этотъ предметъ родился или сдѣланъ у него, что онъ приобрѣтенъ имъ по покупке, найму, залогу или ссудѣ и, наконецъ, что онъ имъ найденъ, о чемъ имъ заявлено, какъ того требуетъ законъ. Тогда ему давался срокъ для привлеченія къ дѣлу лица, отъ котораго дошелъ къ нему спорный предметъ, и это лицо, становясь на его мѣсто, обязано было передъ нимъ очисткою. Эти постановленія почти тождественны съ постановленіями салическаго и рипуарскаго законовъ. Но вотъ одно, котораго нельзя найти у франковъ и для того, чтобы отыскать соотвѣтствующее ему постановленіе, необходимо обратиться къ первымъ временамъ Аѳинъ и Рима. Главнѣйшія движимыя имущества, какъ рабы, скоть, оружіе, золото и серебро, даже дома, за исключеніемъ земли, о которой сейчасъ будетъ сказано, могли быть проданы только при соблюденіи извѣстныхъ формальностей, т. е. въ присутствіи близкаго человѣка и двухъ свидѣтелей, *meth viin och vitne*. Гриммъ ¹⁾ при этомъ напоминаетъ, и не безъ основанія, о *mancipatio* древняго римскаго права. Но еще болѣе замѣчательно то, что, по словамъ шведскаго закона, близкій человѣкъ, устроившій продажу, является за отсутствіемъ продавца поручителемъ въ этой продажѣ. И это же особенное постановленіе находится въ законахъ Платона ²⁾.

¹⁾ Grimm, *Deutsche Rechtsalterthümer*, 608.

²⁾ Платонъ, *Законы*, XII, VIII: „Ἐγγυητῆς μὲν δὴ καὶ ὁ προπωλὼν ὅτι οὖν τοῦ μὴ ἐνδίκως πωλοῦντος ἢ καὶ ἀξιοχρεῶν ὑποδίκος δ' ἔστω καὶ ὁ προπωλὼν, καθάπερ ὁ ἀποδόμενος.“

Основою судебной организаціи въ Швеціи является *ting*, или народное собраніе, предсѣдательствуемое, въ провинціи лагманомъ, а въ сотнѣ или округѣ (*herad*) сотникомъ (*heredzhöfding*). Эти чиновники избираются. Для выбора лагмана, лагтингъ, или провинціальное собраніе, созывается епископомъ и назначаетъ отъ себя шестерыхъ дворянъ и шестерыхъ крестьянъ. Къ нимъ присоединяется епископъ съ двумя избранными имъ духовными, и вотъ эти пятнадцать лицъ представляютъ королю трехъ кандидатовъ, для выбора изъ нихъ лагмана. Такимъ же порядкомъ производится выборъ начальника сотни. Сотенное собраніе назначаетъ 12 выборщиковъ, которые подъ предсѣдательствомъ лагмана, представляютъ королю трехъ кандидатовъ.

Сотня имѣетъ въ году три очередныхъ сессіи, изъ которыхъ каждая продолжается около двухъ мѣсяцевъ. Въ теченіе сессіи тингъ долженъ собраться не болѣе раза въ недѣлю. Для дѣйствительности собранія нужно опредѣленное число членовъ его. Кодексъ Христофора требуетъ ихъ 24, то есть по 6 изъ cadaго квартала. Это число составляетъ минимумъ и оно должно быть въ наличности, подъ угрозою наказанія штрафомъ. Независимо отъ очередныхъ собраній, тингъ можетъ быть созванъ начальникомъ сотни въ чрезвычайное засѣданіе. Такой созывъ дѣлается или посредствомъ прокламаціи, или посредствомъ особаго посланія, которое носятъ по всему округу и которое, подобно лакедемонской скиталѣ, имѣетъ видъ жезла, покрытаго извѣстными знаками. Это посланіе быстро переходитъ изъ рукъ въ руки. Кто получилъ его, тотъ обязанъ немедленно отнести его своему сосѣду.

На ряду съ тингомъ, созываемымъ начальникомъ сотни, существуютъ еще тингъ лагмана и королевскій тингъ. Лагманъ долженъ собирать его въ каждой сотнѣ не менѣе раза въ годъ. Король или его уполномоченные сзываютъ ландстингъ въ главный городъ провинціи, также не менѣе раза въ годъ. По кодексу Христофора такихъ тинговъ назначено не менѣе десяти. Въ 1614 году, Густавъ Адольфъ учредилъ въ Стокгольмѣ высшій судъ (*Hofrätt*).

Въ городахъ, тингъ замѣненъ муниципальнымъ совѣтомъ, который засѣдаетъ въ ратушѣ, подъ предсѣдательствомъ бургомистровъ. Далѣе, на рыночной площади еще дѣйствуетъ низшій судъ и два раза въ годъ открываются королевскіе ассизы.

Участіе народа въ пользованіи судебною властью встрѣчается

у всѣхъ германскихъ народовъ, и даже у другихъ народовъ; но распредѣленіе этой власти между народомъ и судомъ далеко не вездѣ одинаково. Чаше всего народъ, или его представители, являются судьей по отношенію къ праву и по отношенію къ факту; судъ только постановляетъ рѣшеніе и наблюдаетъ за исполненіемъ. Народу принадлежит *jurisdictio*, суду лишь *imperium*, или, какъ говорили въ средніе вѣка, *bannum*. Въ Швеціи это не такъ; по крайней мѣрѣ, не такъ было во время кодификаціи обычаевъ. Суду принадлежитъ власть судить, примѣнять законъ къ факту; но когда по отношенію къ факту тяжущіяся стороны представляютъ противорѣчивые доводы, то законъ требуетъ, хотя не во всѣхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы вопросъ о фактѣ переданъ былъ на обсужденіе 12 членовъ собранія, которые и даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, подъ присягою. Таково шведское жюри (*nempde*). За недостаткомъ ясныхъ доказательствъ происхожденія этого учрежденія, сдѣлано было много разныхъ догадокъ. Наиболѣе правдоподобною представляется догадка Шлитера ¹⁾. По его мнѣнію, жюри было усовершенствованнымъ учрежденіемъ соприсяжниковъ. Соприсяжниковъ, въ числѣ опредѣленномъ въ законѣ на всякій случай, приводилъ съ собою каждый изъ тяжущихся для того, чтобы подкрѣпить свою присягу ихъ удостовѣреніемъ. Но соприсяжники не были свидѣтелями. Ихъ заявленія выражали согласіе съ заявленіями самого тяжущагося.

Не естественно ли предположить, что въ извѣстное время обѣ группы соприсяжниковъ были соединены въ одну и полномочія ихъ были расширены такъ, что имъ пришлось постановлять вердиктъ уже не объ одной чистосердечности тяжущагося, а и о дѣйствительности факта? Это объясненіе подтверждается характеромъ жюри, какимъ этотъ характеръ представляется въ законахъ XIII и XIV столѣтій и въ кодексѣ Христофора. Въ самомъ дѣлѣ, жюри назначается судомъ, но требуется, чтобы каждая изъ двухъ спорящихъ сторонъ выразила согласіе на назначеніе, по крайней мѣрѣ, половины этого жюри, причемъ стороны имѣютъ право три раза отводить присяжныхъ. Наконецъ, жюри постановляетъ вердиктъ простымъ большинствомъ, семи изъ двѣнадцати. Если, въ прежнее время, сторона обязана была представить шесть соприсяжниковъ,

¹⁾ Schlyter, *Juridiska Afhandlingar*, I,

то отказъ одного изъ нихъ имѣлъ послѣдствіемъ проигрышъ этою стороною процесса. То же выходитъ и теперь, когда сторона, вмѣсто шести соприсяжниковъ, оставляетъ неотведенными шесть присяжныхъ и когда эти послѣдніе не единогласно дѣйствуютъ въ ея пользу. Наконецъ, присяжные принимаютъ присягу не во время ихъ назначенія, а во время постановленія вердикта.

Вообще судья обязанъ рѣшить, а жюри должно постановить вердиктъ. Однако, жюри можетъ объявить, что дѣло представляется ему не яснымъ, вслѣдствіе чего разбирательство откладывается до будущаго созыва тинга. Начальникъ сотни также можетъ сказать, что не знаетъ,—какой законъ долженъ быть примѣненъ въ данномъ случаѣ. Но онъ обязанъ рѣшить дѣло въ слѣдующемъ засѣданіи, если не повторитъ того же заявленія подъ присягою. Въ послѣднемъ случаѣ дѣло переходитъ къ лагману. Изъ суда сотни дѣло, по аппелляціи, можетъ быть перенесено въ судъ лагмана, а изъ этого послѣдняго—въ королевскіе ассизы. Обжалованію подлежатъ и дѣла, рѣшенныя при участіи жюри. Но аппелляція, даже по кодексу Христофора, имѣетъ характеръ исключительный и можетъ содержать въ себѣ или обжалованіе дѣйствій суда, или обжалованіе вердикта присяжныхъ. Аппелляторъ, въ залогъ своей правоты, вноситъ штрафъ, а судъ или жюри — двойной штрафъ. Часть всей этой суммы выдается тому, кто окончательно выигрываетъ дѣло.

Вызовъ въ судъ предъявляется вызываемому лично или по мѣсту жительства, въ присутствіи двухъ свидѣтелей. Это предъявленіе производится на словахъ, обыкновенно истцомъ, а иногда самимъ сотникомъ. Если вызываемый не явится три раза, то подлежитъ осужденію. Въ остальномъ судопроизводство не представляетъ ничего особеннаго. Въ судахъ первой инстанціи, оно осталось почти такимъ же, какимъ было въ XIV вѣкѣ. Но, въ судахъ аппелляціонномъ и высшемъ, оно замѣнено письменнымъ и тайнымъ производствомъ. Положеніе осужденныхъ должниковъ представляется довольно сноснымъ. Личное задержаніе примѣняется только въ случаяхъ неуплаты штрафа за убійство, пораненія и вооруженную кражу. Въ этихъ трехъ случаяхъ, несостоятельный должникъ отдается во временное рабство кредитору, по расчету 3 марокъ въ годъ, что составитъ около пяти лѣтъ за простое убійство. Впрочемъ, исполненіе можетъ быть обращено только на имущество. Сотникъ, съ 12 присяжными, отправляется на мѣсто и арестуетъ сначала

движимость и скоть, затѣмъ зерновой хлѣбъ и сѣно, далѣе домъ, послѣ дома землю и, наконецъ, право общаго владѣнія. При этомъ, законъ сохраняетъ за родными должника право на выкупъ родового имущества въ теченіе трехъ лѣтъ, а за женою—пользованіе ея наслѣдственною частію.

ХІІІ.

Древнее Скандинавское право. Данія.

Въ настоящее время существуютъ два свода древнихъ датскихъ законовъ. Первый изданъ 1821—1846 г. Кольдерупомъ Резенвинге, профессоромъ копенгагенскаго университета. Второй принадлежитъ Торсену (1852—1853). Оба сборника уступаютъ, по своимъ качествамъ, собранію шведскихъ законовъ Шлитера, въ чемъ нетрудно убѣдиться, взявши для сравненія законъ Сканіи, изданный Торсеномъ, съ тѣмъ же закономъ, напечатаннымъ, въ 1859 году, Шлитеромъ, въ девятомъ томѣ *Corpus juris Sueogotici*. Тѣмъ не менѣе, датскіе сборники вполне способны служить основаніемъ при изученіи древняго датскаго права.

Древнее королевство Данія, въ средніе вѣка, состояло изъ трехъ различныхъ странъ: Сканіи, Зеланда и Ютланда. Галландъ и Блекингъ соединялись съ Сканіею, острова Лаланда, Фальстеръ и Менъ,—съ Зеландомъ, островъ Фіоніи съ Ютландомъ, который простирался на югъ до Эйдера и обнималъ, такимъ образомъ, Шлезвигъ, называвшійся въ то время южнымъ Ютландомъ.

Эти три страны имѣли три отдѣльныхъ закона, изложенныхъ на письменно въ теченіе ХІІІ столѣтія. Изданіе ихъ, вначалѣ, не имѣло оффиціального характера, но въ немъ привыкли видѣть точное выраженіе дѣйствующаго обычая и потому изданныя книги получили королевскую санкцію.

Древнѣйшій законъ принадлежитъ Сканіи. Первоначальная редакція, относившаяся къ ХІІ столѣтію, утеряна, но она дала начало двумъ другимъ редакціямъ, которыя мы теперь имѣемъ. Одна изъ нихъ, на латинскомъ языкѣ, принадлежитъ Андрею Сюнезену, Лундскому архіепископу, и относится ко времени 1206—1215 г.; другая, на датскомъ языкѣ, написана между 1203 и 1212 годами.

Точно также, существуют двѣ редакціи закона Зеланда, обѣ на датскомъ языкѣ и приписываются: одна королю Вальдемару, другая—королю Эрику, причемъ остается неизвѣстнымъ—какому именно Вальдемару и которому Эрику. Мы только знаемъ, что обѣ редакціи составлены простыми смертными, не имѣвшими оффиціального значенія, что текстъ, носящій имя Вальдемара, предшествовалъ другой редакціи и, наконецъ, что та и другая редакціи написаны послѣ закона Сканіи, между 1220 и 1250 годами.

Напослѣдокъ, законъ Ютланда, писанный датскимъ языкомъ, изданъ былъ королемъ Вальдемаромъ II, въ 1241, на общемъ сеймѣ королевства въ Вордингборгѣ. Къ первоначальному тексту, въ послѣдствіи, прибавлены были дополнителныя постановленія, извѣстныя подъ именемъ статей Торда Дегна (1354), и Толкованія Кнуда Микельсена. Послѣдній былъ архіепископомъ Выборга, въ концѣ XV столѣтія.

Въ отличіе отъ шведскихъ законовъ, датскіе не содержатъ въ себѣ постановленій, относящихся къ церковному праву. Съ XII столѣтія, и вѣроятно около 1171 г., датскіе епископы, по соглашеніямъ съ провинціальными чинами, составили правила по этому предмету. Въ настоящее время, существуютъ два подобныхъ трактата, для Зеланда и для Сканіи. Творцомъ перваго былъ Роскильдскій епископъ Абсалонъ, второго — Лундскій архіепископъ Эрскиль.

Наконецъ, на ряду съ общими законами и по мѣрѣ того, какъ возникали города, создавалось мѣстное муниципальное право. Древнѣйшее изъ нихъ, составленное на латинскомъ языкѣ, 1200—1202 г., принадлежитъ Шлезвигу. Фленсборгъ сначала заимствовалъ законы изъ Шлезвига, а потомъ составилъ собственные законы, въ 1284 г., на датскомъ языкѣ. Законъ города Аабенраа на латинскомъ языкѣ, 1355 г. Законъ города Гадерслева (по-датски) утвержденъ герцогомъ Вальдемаромъ въ 1292 г. Въ сѣверномъ Ютландѣ, законъ Шлезвига дарованъ былъ съ XIV столѣтія, городамъ Горсенсу и Эбельтольфту. Законъ города Рибе, изданный въ 1269 г., заимствованъ изъ закона города Любека. Вскорѣ онъ былъ примѣняемъ ко всѣмъ городамъ Ютланда и Фіоніи, въ особенности же въ Ниборгѣ (1271). Впрочемъ, отдѣльные законы имѣются въ Аальборгѣ (1342), Выборгѣ (1440), Кольдингѣ (1327), Ааргусѣ (1441), Скагенѣ (1507) и Оденсе въ Фіоніи (1340—1375). Въ Зеландѣ, древ-

нѣйшая граммата Копенгагена написана на латинскомъ языкѣ въ 1254 году. Граммата Роскильде, утвержденная въ 1268 году, дарована была остальнымъ городамъ. Въ Сканіи, въ то же время, Лундъ получилъ граммату, которая, потомъ, дана всѣмъ городамъ провинціи и извѣстна была такъ же, какъ въ Швеціи и Норвегіи, подъ именемъ общаго муниципальнаго закона, *Biaerkeract*.

Отмѣтимъ еще статуты гильдій или корпорацій, но только для того, чтобы не забыть о нихъ. Большого же вниманія заслуживаютъ королевскіе ордонансы. Древнѣйшій изъ нихъ принадлежитъ королю Кнуту и трактуетъ объ убійствѣ и объ отмѣнѣ Божьяго суда (28 декабря 1200). Самый замѣчательный—ордонансъ Фридриха II о морскомъ правѣ, изданный въ 1561. Около того же времени, въ Даніи, занялись кодификаціею и объединеніемъ существующихъ законовъ. Когда революція 1660 года создала неограниченную монархію, то первою заботою новаго правительства было назначить комиссію для составленія новаго кодекса, который, спустя 20 лѣтъ, былъ обнародованъ подъ названіемъ датскаго закона Христиана V, *Kong Christian den femtes Danske Lov*. Онъ и до сихъ поръ въ силѣ и даже введенъ былъ въ 1755 въ датскихъ владѣніяхъ на Антильскихъ островахъ; но не былъ введенъ въ Шлезвигъ, который все-таки остался вѣрнымъ старому закону Ютланда ¹⁾.

Датскіе законы принадлежатъ къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ шведскіе. Они знакомятъ насъ съ предшествующимъ состояніемъ цивилизаціи. Въ нихъ мы находимъ еще учрежденіе рабства. Испытаніе посредствомъ каленаго желѣза (*jernbyrd*), уничтоженное впоследствии ордонансомъ Вальдемара II (1202—1241), существуетъ еще въ законѣ Сканіи и даже въ законѣ Зеланда; наконецъ, семья, въ Даніи, еще солидарна по отношенію къ преступленіямъ, совершеннымъ однимъ изъ ея членовъ. Она помогаетъ платить штрафы, равно участвуетъ въ полученіи ихъ.

Здѣсь нѣтъ, какъ въ шведскихъ законахъ, книги, посвященной церковному праву такъ же, какъ нѣтъ другой книги, разсуждающей о правахъ короля. Каждый кодексъ начинается съ изложенія правилъ о порядкѣ наслѣдованія и о правахъ вдовы. Сдѣлаемъ бѣглый

¹⁾ Сверхъ *Esquisse de l'histoire des sources du droit scandinave* Конрада Маурера (Христіанія 1879), можно руководствоваться: *Allen Foedrelandets historie* (7-е изд., Копенгагенъ, 1870, переведенное по-французски, Парижъ, 1879) и *Kolderup Rosenvinge, Danske Retshistorie* (3-е изд. Копенгагенъ, 1860).

обзоръ этихъ кодексовъ, указавши въ нихъ наиболѣе характеристическія постановленія.

По закону Ютланда (I, 27), наложница становится законною женою, когда она оставалась въ домѣ въ продолженіе трехъ зимъ и, въ это время, раздѣляла съ хозяиномъ дома ложе, пила и ѣла съ нимъ и носила его ключи. Такимъ же образомъ, въ древнемъ римскомъ правѣ, власть мужа надъ женою (*manus*) пріобрѣталась, такъ сказать, посредствомъ годовой давности (Гай, I, 111).

Жена, въ смыслѣ правоспособности, уподобляется несовершеннолѣтнему и можетъ дѣлать отчужденія не свѣше пяти су стоимостію. Но имущества супруговъ подчинены началу законной общности, за исключеніемъ недвижимыхъ родовыхъ и движимыхъ, полученныхъ во время брачнаго сожителства, по наслѣдству. Это ограниченіе исчезаетъ даже въ обычаяхъ городовъ и уступаетъ мѣсто повсемѣстной общности имущества. Правило о раздѣлѣ по равнымъ частямъ и пополамъ встрѣчается уже въ законѣ Сканіи и всегда дѣйствовало въ Даніи.

Вдова находилась подъ опекою своего ближайшаго родственника безъ согласія котораго не могла ни выйти замужъ, ни продать собственную землю. Однако же, въ городахъ опека надъ женщинами удерживалась только для формы. Женщина избирала и, въ случаѣ надобности, увольняла своего опекуна.

Незаконное дитя наслѣдовало матери такъ же, какъ законное дитя, но оно могло получить наслѣдство послѣ своего отца только тогда, когда было признано послѣднимъ въ тингѣ. Оно не получало послѣ отца болѣе половины того, что могло бы получить, будучи его законнымъ ребенкомъ. Ордонансъ, который Андрей Сунесенъ называетъ новымъ, даетъ побочному дитяти право на полное наслѣдство, при недостаткѣ у наслѣдодателя законныхъ дѣтей.

Совершеннолѣтіе наступаетъ въ 15 лѣтъ. Несмотря на это, по закону Ютланда, оно не вполне можетъ быть названо совершеннолѣтіемъ и раньше 18 лѣтъ не даетъ права на отчужденіе недвижимаго имѣнія. Въ XVII вѣкѣ, подъ вліяніемъ римскихъ понятій, оно отнесено было къ 25-ти лѣтнему возрасту.

Древнее датское право не знало другой опеки, кромѣ законной опеки ближайшаго родственника. Но законъ Ютланда показываетъ уже, что королю принадлежитъ право назначать опекуновъ и опека по назначенію мало-по-малу дѣлается общимъ закономъ для городовъ.

Право собственности переходить через передачу. Передача недвижимых имѣній имѣет торжественный характеръ (*scotati skjödning*). Она происходитъ въ тингѣ. Покупщикъ снимаетъ съ себя плащъ и передаетъ свидѣтелямъ, которые держатъ его развернутымъ. Продавецъ бросаетъ въ него горсть земли и заявляетъ, что переноситъ право собственности на покупателя. Посредствомъ этого обряда, продажа считается подтвержденною такимъ доказательствомъ, которое ничѣмъ не можетъ быть опровергнуто. *Scotatio* сохранялась до XVI столѣтія, а въ это время замѣнена была письменнымъ актомъ, который вносился въ реестры тинга.

Владѣніе недвижимымъ имѣніемъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ (собственно, трехъ жатвъ, *threnne halma*), давало владѣльцу право опровергать всякую виндикацію посредствомъ его собственной присяги и присяги извѣстнаго числа соприсяжниковъ; представленіе же доказательствъ въ этомъ случаѣ считалось преимуществомъ, а не обязанностію. Такое владѣніе или захватъ назывался *laghahaefd*. Если владѣніе не имѣло упомянутыхъ свойствъ, то отвѣтчикъ привлекалъ къ дѣлу своего предшественника, *hiemmelmand*, и такъ далѣе, пока находился владѣлецъ, могущій указать на свое трехлѣтнее владѣніе. Этотъ послѣдній становится на мѣсто другихъ владѣльцевъ и представляетъ доказательства. Съ начала XIII столѣтія установился такого рода обычай, что владѣлецъ, при самомъ вступленіи въ отвѣтъ и прежде, чѣмъ возникнетъ надобность въ привлеченіи къ дѣлу предшествовавшихъ владѣльцевъ, вызывалъ ихъ всѣхъ въ тингъ и, такимъ образомъ, сразу объяснялось окончательное пріобрѣтеніе собственности посредствомъ владѣнія. Письменное удостовѣреніе тинга, о томъ, что право собственности перешло къ владѣльцу, служило доказательствомъ, противъ котораго никакое доказательство уже не могло быть принято. Древнія правила о завладѣніи вышли изъ употребленія, когда появилась раціональная система доказательствъ и когда представленіе послѣднихъ получило характеръ обязанности, а не преимущества. Замѣчательнѣе всего то, что въ датскихъ актахъ нѣтъ упоминанія о владѣльческихъ искахъ и до сихъ поръ Данія не знакома съ этими исками.

Такимъ же порядкомъ производились дѣла о движимомъ имуществѣ, коль скоро это имущество находилось въ дѣйствительномъ владѣніи отвѣтчика. Владѣлецъ присягалъ самъ-двѣнадцать, вмѣстѣ съ двумя свидѣтелями, въ томъ, что онъ это имущество купилъ на

рынкѣ или произвелъ самъ. Если онъ не доказалъ этого, то предоставлялось истцу доказать противное, при чемъ на сторонѣ истца должно было быть не менѣе шести соприсяжниковъ. Впрочемъ, продажа движимости, въ Даніи, какъ и въ Швеціи, происходила при участіи близкаго человѣка или поручителя продажи и двухъ свидѣтелей (*viin oc vidne*).

Въ писанныхъ законахъ рѣдко можно встрѣтить удовлетворительныя свѣдѣнія о положеніи деревенской собственности. Обыкновенно предполагается, что всѣмъ извѣстенъ предметъ, къ которому примѣняется законъ. Поэтому слѣдуетъ считать счастливою случайностію то обстоятельство, что въ датскихъ законахъ мы находимъ нѣсколько главъ, трактующихъ о деревенской собственности. Изъ нихъ ясно видно, какъ совершались земельныя заимки и завладѣнія. Нѣсколько семействъ соединялись и сообща отрѣзывали, въ дѣвственномъ лѣсу, территорію, которая называлась *мархією*. Пахатная земля (*kamp*, «*campus*») дѣлилась на нѣсколько частей, сообразно съ ея качествомъ и мѣстоположеніемъ. Каждая изъ этихъ частей, потомъ, распредѣлялась поровну между всѣми семействами, при помощи однообразнаго измѣренія (*rebning*, происходитъ отъ *reb*, шнуръ). Жилища размѣщались на высотахъ, отдѣльно одно отъ другого, и вокругъ cadaго изъ нихъ оставлялось свободное пространство для добавочныхъ построекъ и для огорода. Это пространство называлось *huustoft*. Наконецъ, за пахотными землями лежали общее пастбище, природныя луга, лѣсъ и пустопорожнія земли, пользованіе которыми принадлежало всѣмъ (*allmenning*—земля всѣхъ, или *overdrev*—пастбище). вмѣстѣ взятыя всѣ части, которыми владѣлъ глава семьи, носили названіе *bool*—культура. Система эксплуатаціи общихъ земель была одна и та же: при трехлѣтнемъ сѣвооборотѣ рожь, ячмень, паръ, и на всѣхъ земляхъ, остающихся подъ паромъ, производился выпасъ скота. Всѣ главы семействъ были собственниками на равныхъ правахъ. Такова была первобытная деревня *by*, *adelby*.

Въ случаѣ завладѣнія земли однимъ сосѣдомъ у другого права cadaго можно было легко опредѣлить. Стоило только вымѣрить снова шнуромъ доли каждой части, идя отъ востока къ западу. Житель деревни имѣлъ право всегда производить это измѣреніе, и оно уничтожало всякія завладѣнія, удерживая земледѣльцевъ въ ихъ прежнихъ границахъ. Въ *мархіи*, на землѣ, не принадлежащей никому, житель

могъ занять какое угодно пространство, распахать и обрабатывать его или самъ, или чрезъ арендаторовъ и фермеровъ. Такая земля называлась *ognit*, что, безъ сомнѣнія, означало - «земля, занятая внѣ мархіи». Иногда, эти отдѣльныя владѣнія такъ размножались, что, въ свою очередь, образовывали аггломерацію, но эта аггломерация оставалась всегда въ подчиненіи у первоначальной деревни. Она принимала имя «поселка» (*torp*). Нерѣдко, поселокъ превращался въ колонію, которая должна была привлекать къ себѣ излишекъ населенія деревни, но метрополія все-таки имѣла верховное право. Въ теченіе трехъ лѣтъ она могла заставить колонистовъ возвратиться на прежнее мѣсто жительства. Если бы въ деревнѣ остался даже одинъ житель, то и онъ имѣлъ бы право позвать назадъ остальныхъ и обратить ихъ къ исполненію первоначальнаго договора. Въ законѣ Ютланда имѣется, на этотъ счетъ, вполне ясное постановленіе.

Такъ было во всѣхъ скандинавскихъ странахъ; по крайней мѣрѣ, старые шведскіе законы положительно говорятъ о такомъ происхожденіи и устройствѣ деревенской собственности. Даже въ Норвегіи встрѣчаются слѣды этихъ старинныхъ учрежденій, хотя здѣсь слѣды ихъ не столь ясны, какъ въ Швеціи. Но если въ трехъ королевствахъ тождественно было происхожденіе деревенской собственности, то далеко не одинаково сохранялась и развивалась въ нихъ жизнь деревенскаго населенія. Въ Даніи, постоянныя войны и нашествія вендовъ и нѣмцевъ, послѣ смерти послѣдняго изъ Вальдемаровъ, разорили земледѣльческій классъ. Въ то же время замѣна, въ военномъ дѣлѣ, пѣхоты кавалеріею вызвала появленіе земельного дворянства. Богатые собственники, бывшіе въ состояніи имѣть боевого коня и полное вооруженіе, а также вооруженныхъ всадниковъ, получили, на нѣкоторое время, преобладающее вліяніе въ политической и общественной сферахъ. Свободные крестьяне вдругъ исчезли; на мѣсто ихъ явились вольноотпущенные и фермеры или, скорѣе, оброчные, которые были на столько бѣдны, что могли расплачиваться съ хозяиномъ одними произведеніями земли или своими услугами. Отсюда произошли: барщина, сеньориальныя права и запрещеніе оставлять сеньорію съ цѣлію обзавестись хозяйствомъ на сторонѣ. Такъ возникло крестьянство, прикрѣпленное къ имѣнію. Неизвѣстное въ Даніи въ XIII вѣкѣ, оно прочно установилось въ XVI и было уничтожено только въ

концѣ прошлаго столѣтія. Ни въ какой странѣ оно не отличалось такою жестокостію и притязательностію, какъ въ Даніи. Норвегія, защищаемая своимъ мѣстоположеніемъ и горами, спаслась отъ этой язвы крѣпостничества, которая, въ названную эпоху, распространилась почти по всей Европѣ. Даже дворянство не успѣло тамъ водвориться. Но въ Швеціи борьба была продолжительна и трудна и свобода окончательно погибла бы, какъ въ Даніи, если бы сопротивление крестьянства не стало національнымъ и не нашло себѣ такихъ вождей, какъ Энгельбрехтъ, Стюры и Вазы.

По отношенію къ наслѣдованію, мы находимъ здѣсь постановленія, схожія съ постановленіями шведскихъ законовъ. Дочери наслѣдуютъ, но, при живыхъ сыновьяхъ, получаютъ только половинную долю. Право представленія, незнакомое закону Сканіи и древнему закону Зеланда, появляется въ первый разъ въ новомъ законѣ Зеланда, но исключительно въ пользу внуковъ. Законъ Ютланда дозволяетъ право представленія въ нисходящей линіи неограниченно. Мужъ, пережившій жену и не имѣющій отъ нея дѣтей, наслѣдуетъ въ половинѣ ея имѣній за исключеніемъ родовыхъ *); если же остались отъ умершей жены дѣти, то онъ получаетъ равную съ дѣтьми долю. Чтобы понять эти постановленія, не нужно упускать изъ виду, что раздѣлъ общаго имѣнія ничѣмъ не отличается отъ наслѣдственного раздѣла. Наслѣдованіе, вообще, есть не что иное, какъ распредѣленіе общаго имущества между всѣми членами одной семьи, живущей однимъ домомъ и соединяющей всѣ свои имущества въ одну массу. Со смертію главы, община распадается и каждый беретъ свою долю.

По общему правилу, для заключенія договора достаточно одного согласія. Однако, договоры становятся безспорными только тогда, когда стороны пожмутъ другъ другу руку (*haandslag*). Обыкновенно, о совершеніи договоровъ объявляли въ тингѣ и дѣлалось это отчасти для того, чтобы укрѣпить доказательную силу ихъ, а отчасти для вѣдома третьихъ лицъ.

Уголовное право то же, что и въ Швеціи. Основаніемъ ему служитъ частная месть и композиціи употребляются, какъ средство для водворенія мира. Высшій штрафъ равняется сорока маркамъ. За нимъ слѣдуютъ штрафы въ 9 и въ 3 марки. Существуетъ извѣстное число тяжкихъ преступленій, за которыя никакое вознагражденіе не принимается (*ubodemaal*), какъ-то: убійство при извѣст-

ныхъ обстоятельствахъ, кража, поджогъ и государственная измѣна. Въ Даніи мы не находимъ отдѣльнаго постановленія шведскаго закона относительно преступленій противъ королевскаго мира (*edzöre*). Здѣсь эти преступленія размѣщены какъ среди тѣхъ, которыя не покрываются вознагражденіемъ, такъ и среди тѣхъ, за которыя полагается штрафъ въ 40 марокъ.

Штрафъ за убійство уплачивается съ трехъ разъ, но, каждый разъ, преступникъ вноситъ только одну треть, а остальные двѣ трети—родственники съ отцовской стороны и родственники съ материнской стороны. Въ томъ же порядкѣ, уплаченный штрафъ идетъ въ третьей части ближайшему наслѣднику убитаго, а остальные двѣ части—его роднымъ по отцѣ и роднымъ по матери. Распределение между родными штрафа, какъ платимаго, такъ и получаемого, происходитъ въ уменьшающейся прогрессіи по мѣрѣ удаленія въ степени. Три уплаты штрафа должны быть сдѣланы въ теченіи одного года.

Если убійца, въ сопровожденіи соприсяжниковъ, подъ присягою заявить на могилѣ жертвы, что онъ вызванъ былъ со стороны покойника ударомъ или пораненіемъ, то штрафъ, причитающійся за ударъ или рану, вычитался изъ штрафа, слѣдующаго съ него за убійство. По этому предмету имѣется въ законахъ Сканіи и Зеланды положительное постановленіе.

Кража, въ Даніи, наказывалась смертью въ томъ только случаѣ, если цѣна похищеннаго была выше полъ-марки. Послѣдствіемъ присужденія преступника къ смертной казни являются: конфискація имущества въ пользу короля и реституція, въ одинаковой суммѣ или вдвойнѣ, въ пользу обокраденнаго лица. Впрочемъ, это наказаніе примѣняется исключительно къ такому вору, который захваченъ съ поличнымъ или на мѣстѣ преступленія. Въ другихъ случаяхъ, а также когда похищенное стоитъ не болѣе полумарки, воръ расплачивается тѣлеснымъ наказаніемъ, штрафомъ и реституціею. Постановленія, относительно права задержать вора на мѣстѣ преступленія или съ поличнымъ, связать ему руки, представить его въ тингъ и повѣсить безъ суда, тѣ же, какія существуютъ въ шведскихъ законахъ. Такія же постановленія существуютъ и относительно права убить ночного или вооруженнаго вора. Наконецъ, одинаковыя постановленія имѣются по предмету обыска (*ranzsakan*), его формъ и послѣдствій.

Въ Даніи, какъ и въ Швеціи, судебною властью пользуются народныя собранія сотни или провинці (*herredsting, landsting*). Собраніе состоитъ изъ всѣхъ свободныхъ собственниковъ подъ предсѣдательствомъ интенданта или королевскаго судьи (*konglige ombudsmand*, или *foged*). Для каждаго дѣла назначается жюри (*naefnde*). Присяжныхъ, вообще, бываетъ 12, иногда меньше, рѣдко больше. Въ Зеландѣ и въ Сканиі они указываются истцомъ, въ Ютландѣ—предсѣдателемъ собранія; но право отвода ихъ всегда принадлежитъ отвѣтчику и никогда истцу. Впрочемъ предсѣдатель собранія наблюдаетъ лишь за порядкомъ собранія и исполненіемъ его рѣшеній, но не принимаетъ въ нихъ участія.

Рядомъ съ присяжными, законъ Ютланда создалъ особенную юрисдикцію, которая не имѣетъ себѣ подобной въ другихъ законахъ. Это—люди правды (*sandmaend*) или судьи, назначаемые королемъ пожизненно, въ числѣ восьми на каждую сотню, съ компетенціею для гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Какъ и присяжные, они постановляютъ свои рѣшенія по силѣ присяги и отличаются отъ присяжныхъ развѣ только тѣмъ, что каждый разъ, когда отправляются въ тингъ, получаютъ путевыя издержки. Они представляютъ собою первый опытъ постоянныхъ судовъ, вызванный практическою необходимостію. Свободные люди уже не являются въ собранія. То же самое произошло раньше, во Франкской монархіи, и Карлъ Великій вынужденъ былъ замѣнить ихъ учрежденіемъ *scabini*. Впрочемъ, новое учрежденіе вышло изъ употребленія такъ же, какъ и старое, и судебная власть, въ дѣйствительности, перешла къ интендантамъ и королевскимъ судьямъ, а въ послѣдней инстанціи—къ королевскому совѣту.

Первоначальная процедура была попыткой къ примиренію спорящихъ сторонъ. Если попытка не удавалась, то начиналась война между сторонами. Когда же, напротивъ, примиреніе оказывалось возможнымъ, тогда возникалъ вопросъ о доказательствахъ. При недостаткѣ признанія, сначала обращались къ судебному поединку, а послѣ отмѣны поединковъ, около 1000 года, къ Божьему суду въ формѣ испытанія каленымъ желѣзомъ (*jernbyrd*). Наконецъ, и испытаніе въ началѣ XIII вѣка исчезло и замѣнено было присягою.

Сторона присягаетъ или одна или вмѣстѣ съ соприсяжниками, число которыхъ, смотря, вообще, по важности дѣла, измѣняется отъ 36 до 3. Чаше всего, число это равняется 12 и оно только одно

извѣстно закону Ютланда. Когда сторона не представляетъ назначеннаго числа соприсяжниковъ, тогда она проигрываетъ дѣло.

Въ извѣстныхъ случаяхъ, соприсяжники должны быть взяты изъ среды родственниковъ стороны (*kynsnaefnd*) и тогда они указываются противною стороною, при чемъ допускаются, въ извѣстныхъ границахъ, отводы.

Учрежденіе соприсяжниковъ исчезло въ XVI вѣкѣ. Именно въ это же время, въ Даніи, введена была раціональная система доказательствъ. Это не значитъ, что, при господствѣ прежней системы, не существовало свидѣтельскихъ показаній. Но послѣднія, по крайней мѣрѣ вообще, играли роль только уликъ. Когда истецъ представлялъ свидѣтелей, то отвѣтчикъ уже не могъ оправдать себя одною собственною присягою: онъ долженъ былъ подчиниться попытанію посредствомъ каленаго желѣза или рѣшенію присяжныхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовалось присягу соприсяжниковъ подтвердить показаніемъ двухъ свидѣтелей. Единственнымъ свидѣтельскимъ показаніемъ, которое считалось полнымъ доказательствомъ, было свидѣтельство члена тинга о томъ, что произошло въ засѣданіи (*tings vitnae*). Это то, что у англичанъ зовется *судейскою памятью*.

Самое замѣчательное послѣдствіе этой системы присяги состоитъ въ томъ, что представленіе доказательствъ считается не обязанностію, а выгодною. По общему правилу, эта выгода принадлежитъ отвѣтчику, который можетъ устранить искъ, принявши присягу вмѣстѣ съ своими соприсяжниками. Отвѣтчикъ терялъ эту выгоду только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, о которыхъ мы сейчасъ говорили, то есть въ дѣлахъ о преступленіяхъ и при представленіи истцомъ свидѣтелей, а также въ случаѣ задержанія виновнаго на мѣстѣ преступленія.

И въ Даніи, и въ Швеціи, судопроизводство было одинаковымъ. До XVII столѣтія оно оставалось и гласнымъ. Но въ XVII столѣтіи оно уступило мѣсто, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, письменному и тайному процессу. Отвѣтчикъ вызывался въ тингъ и если не являлся, то вновь вызывался къ слѣдующему тингу. Въ четвертомъ засѣданіи тинга, онъ считался какъ бы состоящимъ на лицо и постановлялся приговоръ объ осужденіи его, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ дастъ или укажетъ уважительное оправданіе своей неявки, а также когда представитъ свидѣтелей.

Исполненіе рѣшеній предоставлено было тяжущимся. Тяжущійся, въ пользу котораго состоялось рѣшеніе, могъ арестовать движимость или скотъ противника, въ качествѣ залога (*nam*); это же слово встрѣчается въ старомъ сводѣ норманскихъ обычаевъ (ст. 63—68). Но, чтобы приступить къ исполненію, истецъ долженъ былъ обратиться за содѣйствіемъ къ королевскому судѣ и только при этомъ условіи проигравшій процессъ обязанъ былъ подчиниться рѣшенію, а въ случаѣ сопротивленія, заплатить штрафъ.

Какъ видно, древніе датскіе законы очень схожи съ шведскими законами, что вполне естественно, такъ какъ оба народа принадлежали къ одной расѣ и говорили однимъ языкомъ. Разница между тѣми и другими законами явилась позже. Въ Данію проникло нѣмецкое вліяніе и римское право, если не было принято въ ней, то, по крайней мѣрѣ, было знакомо и изучаемо. Потому-то, изъ всѣхъ скандинавскихъ законодательствъ, одно датское оказывается, въ настоящее время, наиболѣе удалившимся отъ древняго типа; но оно мало-по-малу стремится опять возвратиться къ этому типу, вслѣдствіе появившагося движенія къ объединенію и концентраціи, которое, съ половины настоящаго столѣтія, сближаетъ три королевства Сѣвера.

XIV.

Древнее Скандинавское право. Норвегія.

Древніе законы Норвегіи (*Norges gamle Love*) изданы были, на государственный счетъ, въ 1846—1885 годахъ, и именно три первые тома, съ 1846 до 1849, Кейзеромъ и Мунхомъ, а четвертый, въ 1885, Густавомъ Штормомъ. Остаются еще неизданными глоссаріи и указатели, а, въ ожиданіи ихъ, можно пользоваться датскимъ переводомъ Пауса, хотя, къ сожалѣнію, очень неисправнымъ (2 т., in-4°, Копенгагенъ 1751—1752). Къ этому сборнику слѣдуетъ прибавить еще *Diplomatarium norvegicum*, изданія Ланге, Унгера и Гвитфельда (17 т., in-8°, 1848—1876).

Норвегія, страна гористая, въ которой сообщенія затруднены, была менѣе способна къ объединенію, чѣмъ Швеція и Данія. Въ началѣ IX столѣтія, она дѣлилась на 30 кантоновъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего короля и свой тингъ. Одинъ изъ этихъ королей, Гарадъ Гаарфагеръ, побѣдилъ остальныхъ и основалъ Норвежское королевство. Хотя раздѣленіе на трибы осталось, но родилось стремленіе къ концентраціи, образовавшее слѣдующія четыре группы, съ особымъ собраніемъ въ каждой изъ нихъ: 1) сѣверная группа, *Frostating*, главный городъ Трондгіемъ; 2) западная группа, *Gulating*, главный городъ Бергенъ; 3) центральная группа, *Eidsivating*, между шведскою границею и хребтами Доврефіельда и 4) юго-восточная группа, *Borgarting*, простиравшаяся по берегу Каттегата, между Христіаніею и Гётеборгомъ. Каждый изъ четырехъ округовъ имѣлъ свой отдѣльный законъ и эти законы писались, съ XII столѣтія, вѣроятно, по почину и, такъ сказать, подъ диктовку президента, который въ Норвегіи, равно какъ и въ Швеціи, носилъ имя человека закона (*Lögmadr*) и обязанъ былъ передавать и разъяснять народу законы.

Изъ этихъ четырехъ законовъ, два важнѣйшіе, именно законы Фростатинга и Гулатинга, дошли до насъ въ цѣлости. Тексты ихъ относятся къ XIII вѣку, но въ нихъ виденъ явственный слѣдъ предшествовавшихъ редакцій, изъ которыхъ одна (для Гулатинга) должна принадлежать началу XII вѣка. Что касается законовъ Эйдсиватинга и Боргартинга, то они также составлены въ XII вѣкѣ, но въ настоящее время у насъ имѣется, за исключеніемъ нѣсколькихъ отрывковъ, только часть ихъ, рассуждающая о церковномъ правѣ.

Къ провинціальнымъ законамъ нужно присоединить нѣсколько текстовъ муниципальных законовъ (*Bjarkörett*), которыя, кажется, составлены были для города Нидароса, теперь Трондгіемъ.

Магнусъ Гааконссонъ, царствовавшій въ Норвегіи съ 1263 до 1280, которому собраніями четырехъ провинцій поручено было исправить ихъ законы, издалъ, въ 1274, новый кодексъ, общій для всего королевства. Это—простая компиляція четырехъ старыхъ законовъ, съ измѣненіями въ подробностяхъ. Въ то же время составленъ былъ муниципальный законъ (*Bylov*), введенный, въ 1276, въ городѣ Бергенѣ и, потомъ, примѣненный къ другимъ городамъ королевства.

Кодексъ Магнуса оставался въ силѣ болѣе четырехъ столѣтій, по крайней мѣрѣ номинально, такъ какъ большая часть его постановленій мало-по-малу выходила изъ употребленія или была измѣняема королевскими ордонансами. Къ XVII столѣтію, норвежскій языкъ до такой степени измѣнился, что первоначальный текстъ Магнусова кодекса сдѣлался непонятнымъ для народа. Тогда издали, въ 1605, подъ названіемъ *Кодекса Христіана IV*, новый текстъ, на современномъ языкѣ, но безъ разграниченія дѣйствующихъ постановленій отъ отмѣненныхъ. Такое разграниченіе сдѣлано было лишь въ церковныхъ законахъ. Наконецъ, въ 1687 году Норвегія получила дѣйствительно новый кодексъ, составленный по образцу датскаго кодекса 1683 года и служащій до настоящаго времени основаніемъ Норвежскаго права ¹⁾.

¹⁾ Главныя сочиненія, для справокъ, о Норвегіи суть: Munch, *Det norske Folks historie*, 8 vol., in-8°, 1852—1863; Keyser, *Norges Stats-og Retsforfatning*, 1 vol., in-8°, 1867; Aubert, *De norske Rettskilder og deres Anvendelse*, 1 vol., in-8°, 1877; Aschehoug, *Statsforfatningen i Norge og Danmark indti*, 1814, 1 vol., in-8°, 1866; Brandt, *Foreloesninger over den norske Retshistorie*, 2 vol., in-8°, 1880—1883.

Въ эпоху составленія древнихъ норвежскихъ законовъ, рабство находилось въ полной силѣ. Власть господина была безусловна и вліяніе христіанской вѣры могло вызвать, въ этомъ отношеніи, лишь два ограниченія: если господинъ убьетъ или изувѣчитъ раба, то онъ обязанъ, въ тотъ же день, заявить объ этомъ при свидѣтеляхъ и, съ другой стороны, рабъ можетъ быть проданъ для вывоза за границу въ томъ только случаѣ, если онъ будетъ обвиненъ въ преступленіи, дѣйствительность котораго удостовѣрена свидѣтелями. Господинъ отвѣтственъ, въ гражданскомъ порядкѣ, за преступленіе, совершенное его рабомъ, но не имѣетъ права выдать раба въ возмѣщеніе убытковъ *). За убытокъ, причиненный рабу, вознагражденіе уплачивается его господину. Однако, оно цѣликомъ поступаетъ въ пользу потерпѣвшаго раба, если убытокъ нанесенъ другимъ рабомъ и въ двѣнадцатой части, если рабъ былъ раненъ при сопровожденіи своего господина въ тингъ, въ церковь или на пирь.

Дитя, происшедшее отъ соединенія лица свободнаго состоянія съ лицомъ рабскаго состоянія, остается въ званіи матери. Но дитя, рожденное матерью-рабынею, могло быть, до трехлѣтняго возраста, признано отцомъ и въ этомъ случаѣ, пользовалось всѣми правами свободнаго человѣка.

Рабъ могъ быть выпущенъ на волю или откупиться за условленную сумму. Освобожденіе происходило въ церкви. Отпущенный продолжалъ состоять подъ патронатомъ прежняго господина, но этотъ остатокъ зависимости могъ превратиться въ простое покровительство. Чтобы достигнуть подобнаго улучшенія своей участи, отпущенникъ долженъ былъ устроить пирь освобожденія, *frelsesöl*, съ девятью мѣрами пива. На этотъ пирь онъ приглашалъ патрона съ женою, сажалъ ихъ на почетное сидѣнье и подносилъ имъ назначенную сумму въ полторы марки.

По закону Фростатинга, патронатъ, по отношенію къ освобожденному, продолжался до четвертаго колѣна. По закону Гулатинга, онъ прекращался во второмъ поколѣніи.

Званіе отпущеннаго могло быть приобрѣтено двадцатилѣтнею давностію.

Въ концѣ XII столѣтія рабство угасло въ Норвегіи. Въ кодексѣ Магнуса уже не имѣется никакого слѣда его.

*) *Datio poxalis* римскаго права.

(Примѣч. перев.).

Положеніе человѣка въ обществѣ опредѣляется штрафомъ, который слѣдуетъ ему въ случаѣ посягательства на его личность или на его честь. Въ этомъ смыслѣ древніе законы различаютъ классы людей, отъ дворянина (*lendrmaðr*), которому цѣна 6 марокъ, до вольноотпущеннаго, который стоитъ лишь одну марку. Въ городахъ, эта разниа классовъ, повидимому, не существовала и среднее достоинство человѣка, какого бы происхожденія онъ ни былъ, опредѣлено было одинаково въ 3 марки. Кодексъ Магнуса уничтожилъ нѣсколько ступеней лѣстницы штрафовъ и ввелъ въ расчетъ ихъ новый элементъ — оцѣнку обстоятельствъ дѣла, по которому слѣдовалъ штрафъ. Въ древнихъ норвежскихъ законахъ особеннымъ представляется постановленіе, по которому цѣна крови, уплачиваемая цѣлою семьею убійцы и получаемая цѣлою же семьею жертвы, измѣняется сообразно съ числомъ взыскателей. Въ самомъ дѣлѣ, между двумя семьями идетъ война; для нихъ, вслѣдствіе солидарности, связывающей всѣхъ членовъ по крови, мщеніе является въ то же время и правомъ и обязанностью. Такъ какъ всякое лицо, или, лучше сказать, всякая степень родства имѣетъ право на опредѣленное вознагражденіе, то итогъ можетъ дойти до тройной и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, до суммы, впятеро превышающей цѣну, назначаемую закономъ въ пользу жертвы убійства. Оставимъ же въ сторонѣ эти подробности довольно сложныхъ расчетовъ. Въ кодексѣ Магнуса о нихъ уже нѣтъ рѣчи и, по словамъ этого кодекса, для каждаго лица существуетъ одинъ опредѣленный штрафъ, уплачиваемый убійцею ближайшему родственнику жертвы.

Бракъ, прежде всего, есть гражданскій договоръ. Такимъ остался онъ и по введеніи христіанства, вліяніе котораго обнаружилось только въ запрещеніи браковъ между родственниками, сначала, до шестой степени, а, потомъ, до четвертой. На бракъ смотрѣли, по преимуществу, какъ на договоръ о союзѣ двухъ семействъ. Ему должна была предшествовать помолвка, то есть соглашеніе (*festar*) между женихомъ и отцомъ дѣвушки, или тѣмъ, кто въ правѣ выдать ее замужъ. Совокупность условій этого соглашенія называется *mundr*. Послѣ этой формальности, жена, по закону считается *приобрѣтенною*, *mundi keypt*.

Жена приноситъ съ собою приданое, *heimanfylgia*. Мужъ даетъ прибавокъ къ приданому, равняющійся, обыкновенно, половинѣ приданнаго. Прибавокъ этотъ называется *tilgiöf* или *gagngiads*. Такъ

какъ приданое и прибавокъ соединяются, то мужъ считается давшимъ третью часть приданого, откуда и происходитъ названіе *pridungsauki*. Наконецъ, на слѣдующій день послѣ свадьбы, мужъ даритъ женѣ вдовью часть или утренній подарокъ, *linfé, bekkjargjöf*. Если у невѣсты ничего нѣтъ и она не можетъ принести приданого, то мужъ долженъ назначить приданое изъ двухъ марокъ. Иначе бракъ не состоится.

Согласіе невѣсты не требуется, если она не вдова, если имѣетъ родителей и если ей не больше 15 лѣтъ отъ рожденія. Вообще, сватовство идетъ между женихомъ и лицомъ, отъ котораго зависитъ выдача женщины замужъ, *gíptingarmadr*, то есть отцомъ, матерью, братомъ или опекуномъ. Но это правило стараго закона смягчилось подъ вліяніемъ каноническаго права.

Бракъ долженъ быть совершенъ въ томъ году, въ которомъ была помолвка. Кто изъ договаривающихся о бракѣ измѣнитъ своему слову, ставится внѣ закона. Главный обрядъ заключается въ большомъ пиршествѣ, къ которому приглашается много свидѣтелей.

Мужъ завѣдываетъ имуществами жены, но родовымъ своимъ имѣніемъ каждый супругъ распоряжается отдѣльно. Къ родовому имѣнію жены принадлежатъ приданое, прибавокъ, утренній подарокъ и, сверхъ того, все, что достанется ей во время замужества, по наслѣдству или инымъ способомъ. Если мужъ умретъ напередъ, то его родовое переходитъ къ наслѣдникамъ, а жена остается при своемъ. Если, наоборотъ, жена умретъ раньше мужа, то ея родовое поступаетъ къ наслѣдникамъ, а мужъ беретъ себѣ прибавокъ къ приданому. Въ случаѣ разлученія супруговъ, когда причины его зависятъ отъ мужа, жена пользуется всѣми своими правами; если же жена подала поводъ къ разлученію, то мужъ сохраняетъ за собою пользованіе всѣми имуществами ея и право собственности на прибавокъ къ приданому.

Мужъ обязанъ сдѣлать, при свидѣтеляхъ, оцѣнку имуществъ жены. Если оцѣнки не было сдѣлано, то жена, въ случаѣ смерти мужа, получаетъ, сверхъ своихъ уборовъ, третью часть изъ всего оставшагося послѣ умершаго, при томъ условіи, если замужество продолжалось не менѣе 12 мѣсяцевъ.

Супруги могутъ, по взаимному договору, установить общность имуществъ, *félag*, которая, кажется, распространялась только на

произведенія родовыхъ недвижимыхъ имѣній и на прибыль отъ промысловъ супруговъ. При раздѣлѣ этихъ общихъ имуществъ, мужъ получаетъ двѣ трети, а жена—одну треть.

По закону Фростатинга, общность могла быть установлена по истеченіи 12 мѣсяцевъ отъ совершенія брака. По закону Гулатинга, требовалось не менѣе 20 лѣтъ брачнаго сожительства для того, чтобы могло состояться дѣйствительное соглашеніе супруговъ относительно общности имуществъ. Притомъ, если у нихъ не было дѣтей, то они не въ правѣ были войти въ подобное соглашеніе, безъ дозволенія ихъ предполагаемыхъ наслѣдниковъ. Законъ Боргартинга требовалъ для той же цѣли 30 лѣтъ супружества.

Женщина не могла, безъ посредства мужа, купить что-нибудь, если цѣнность покупки превышала извѣстную сумму, размѣръ которой былъ различенъ, смотря по званію мужа; такъ, напримѣръ, для жены крестьянина такою суммой была одна *öre*. При нарушеніи этого правила мужъ имѣлъ право, въ мѣсячный срокъ, просить объ уничтоженіи сдѣлки.

Мужъ за побои, нанесенные женѣ, долженъ заплатить ей штрафъ, равный тому, какой онъ могъ бы потребовать, если бы побои нанесены были его женѣ кѣмъ-нибудь другимъ. Если жена побита была болѣе трехъ разъ, то имѣла право разойтись съ мужемъ и взять съ собою все свое имущество, вмѣстѣ съ прибавкомъ къ приданому.

Въ случаѣ безвѣстнаго отсутствія мужа, жена, по закону Боргартинга, не можетъ выйти замужъ раньше трехъ лѣтъ.

Рядомъ съ легальнымъ супружествомъ, законъ признавалъ еще родъ конкубината, и если этотъ конкубинатъ продолжался болѣе 20 лѣтъ, то становился также легальнымъ, въ силу, такъ сказать, давности. Въ этомъ случаѣ общность имуществъ устанавливалась на основаніи закона и дѣти дѣлались законными. Законными же считались дѣти, рожденные прежде брака, но послѣ помолвки. При бракѣ, совершившемся послѣ прижитія дѣтей, послѣднія узаконяются не вслѣдствіе брака, а вслѣдствіе рожденія дѣтей, происшедшихъ отъ брака.

Случаи разлученія супруговъ опредѣлялись каноническимъ закономъ и принадлежали къ епископской юрисдикціи.

Вліяніе каноническаго права чувствуется въ кодексѣ Магнуса,

который требуетъ, передъ помолвкой, трехъ оглашеній, или публикацій, и замѣняетъ гражданскій бракъ церковнымъ. Этотъ кодексъ допускаетъ общность имущества между сожителемъ только въ силу положительнаго договора. На основаніи новаго городского закона, жена можетъ купить всякаго рода движимость, безъ уполномочія отъ мужа, но для покупки недвижимаго имѣнія требуется такое уполномочіе или отъ мужа, или отъ предполагаемаго наследника ея.

Несовершеннолѣтіе дѣлилось на два періода. Въ первомъ, который оканчивался въ восьмилѣтнемъ возрастѣ, несовершеннолѣтній былъ безусловно неспособнымъ и, въ дѣлахъ о полученіи или платежѣ штрафовъ, представителемъ его служилъ опекунъ. Во второмъ, продолжавшемся до пятнадцати лѣтъ, несовершеннолѣтній платилъ и получалъ половину штрафовъ. Въ пятнадцать лѣтъ начиналось совершеннолѣтіе для обоихъ половъ. Старикъ съ ослабѣвшими умственными способностями могъ быть взятъ въ опеку по увѣдомленію его родныхъ съ отцовской или материнской стороны.

Опека, *fiarhald*, или управленіе имуществами, принадлежала ближайшему родственнику, въ порядкѣ наследованія, мужчинѣ или женщинѣ, подъ надзоромъ прочихъ членовъ семьи. Прежде, чѣмъ принять имущества въ свое управленіе, опекунъ долженъ произвести оцѣнку ихъ. Если же такая оцѣнка не была сдѣлана, то несовершеннолѣтній, прійдя въ полный возрастъ, полагался въ вопросѣ о стоимости имущества на присягу опекуна. Опека надъ бѣдными дѣтьми была повинностію, отъ которой родственники могли освободиться не иначе, какъ сославшись на собственный недостатокъ. Вообще, содержаніе бѣдныхъ лежало на обязанности общины и бѣдные распределены были между жителями, которые поочередно принимали ихъ къ себѣ. Личность нищаго не была защищена штрафомъ.

Кодексъ Магнуса отсрочиваетъ совершеннолѣтіе для обоихъ половъ до двадцатилѣтняго возраста.

Въ составъ семьи входили еще работники или слуги. Наемъ для услугъ заключался на годъ. Въ этомъ отношеніи законъ содержитъ немного правилъ, предоставляя все прочее на полную волю договаривающихся лицъ.

Въ Норвегіи, какъ и въ Швеціи, земледѣльческій трудъ всегда

оставался свободнымъ; только король Гааконъ Гааконссонъ ограничилъ выселеніе рабочихъ изъ дома на сторону. Въ рабочее время, между Пасхою и Михайловымъ днемъ, запрещено было всѣмъ тѣмъ, кто не владѣлъ тремя марками, оставлять свою осѣдность для занятій торговлею. Это запрещеніе, повторенное въ кодексѣ Магнуса, осталось въ силѣ до нашихъ дней.

Мы разсмотрѣли устройство семьи. Перейдемъ теперь къ правамъ о собственности.

По Норвежскому праву, недвижимыя имѣнія бываютъ родовыя (*odaejörd*) и благопріобрѣтенныя (*kióbejörd* *). Никакое законодательство не давало понятію о родовыхъ имуществахъ такого широкаго объема, какъ норвежское. По закону Фростатинга, въ составъ этого понятія входятъ имѣнія, которыя остались въ родѣ въ продолженіи трехъ послѣдовательныхъ поколѣній, переходя отъ мужчины къ мужчине, и которыя находятся въ дѣйствительномъ владѣніи у четвертаго поколѣнія.

Что касается имѣній, принадлежащихъ церкви, то они становятся родовыми послѣ 30 лѣтъ владѣнія. Законъ Гулатинга увеличиваетъ продолжительность владѣнія на одно поколѣніе сравнительно съ закономъ Фростатинга. Считаются въ качествѣ родовыхъ такія земли, которыя даны въ уплату цѣны крови, или уступлены подъ условіемъ пожизненнаго прокормленія, или пожалованы королемъ въ знакъ пріязни и въ награду за общественныя заслуги, или получены за воспитаніе ребенка, принятаго изъ чужой семьи, или, наконецъ, родовыя имѣнія, вымѣненные на родовыя же.

По кодексу Магнуса, къ родовымъ причисляются имѣнія, которыя оставались въ родѣ въ теченіе 60 лѣтъ, или даны были королемъ въ безусловную собственность, или переходили отъ отца къ сыну въ трехъ поколѣніяхъ и дошли до четвертаго, или, наконецъ, были вымѣнены на родовое.

Родовое имѣніе или *odel* принадлежитъ, въ дѣйствительности, семьѣ въ цѣломъ ея составѣ; если оно продано владѣльцемъ, то члены семьи призываются, въ извѣстномъ порядкѣ, къ выкупу его. Срокъ для выкупа назначенъ, по закону Фростатинга, двадцатилѣтній, а по закону Гулатинга продолжается до тѣхъ поръ, пока проданное имѣніе не станетъ родовымъ для другой семьи. Законъ Гулатинга даже даетъ выкупающему право заплатить четыре пя-

тыхъ цѣны имѣнія, когда бы онъ ни выкупалъ его, лишь бы не пропустилъ двадцатилѣтняго срока и сдѣлалъ заявленіе въ тингъ относительно своего права на выкупъ.

Кодексъ Магнуса предоставляет для выкупа 60-ти-лѣтній срокъ съ тѣмъ, чтобы, для сохраненія права на выкупъ, черезъ каждые десять лѣтъ повторялось заявленіе тингу. Что касается самого продавца, то онъ можетъ выкупить проданное имъ имѣніе только тогда, когда это право ясно выговорено имъ въ актѣ продажи.

Собственность въ городахъ никогда не была подчинена закону объ *odel*. Отчужденіе благопріобрѣтенныхъ и движимыхъ имуществъ не зависѣло ни отъ какой формальности.

Вмѣстѣ съ частною собственностію, въ Норвегіи существуетъ масса общихъ имѣній, *almenning*, пользованіе которыми принадлежить всѣмъ сообща, или, по крайней мѣрѣ, жителямъ извѣстныхъ мѣстностей. Собственникомъ ихъ считается король, то есть государство. По древнему преданію, сохранившемуся въ сагѣ Эгиля, основатель норвежской монархіи, Гаральдъ Гаарфагеръ, присвоилъ себѣ право собственности на всѣ земли Норвегіи, обработанныя и необработанныя. Его преемникъ, Гааконъ Добрый, отказался отъ этого права по отношенію къ обработаннымъ землямъ, но оставилъ за собою земли необработанныя. Съ тѣхъ поръ, постоянное занятіе необработанныхъ земель возможно только съ разрѣшенія короля. По полученіи разрѣшенія, колонистъ имѣетъ срокъ въ 12 мѣсяцевъ для распашки и огорожи занятой земли. Послѣ этого онъ уже не можетъ расширять свою землю, но имѣетъ право пользоваться окружающею землею, во всѣ стороны на такое пространство, на которое можетъ быть брошенъ топоръ. Если же разрѣшеніе не было дано, то его можетъ замѣнить непрерывное владѣніе въ царствованіе трехъ королей или въ теченіе, по меньшей мѣрѣ, 30 лѣтъ.

Порядокъ наслѣдованія зависитъ исключительно отъ степени родства. Первоначально, право наслѣдованія не шло дальше двоюродныхъ братьевъ съ материнской стороны и троюродныхъ братьевъ съ отцовской стороны. Это—правило древняго аѳинскаго закона *ἐν τὸς ἀνεψιότητος καὶ ἀνεψιού*. Мужчины одинаковой степени родства предпочитаютъ женщинамъ.

Каждый, при жизни, не имѣя наслѣдника въ требуемой закономъ степени, въ правѣ распорядиться своимъ наслѣдствомъ по-

средствомъ даренія между живыми. Это дареніе можетъ быть отмѣнено мужчиною одинъ разъ и женщиною два раза.

Незаконныя дѣти и ихъ нисходящіе занимаютъ низшее мѣсто въ порядкѣ наслѣдованія, но все-таки занимаютъ мѣсто. Они даже могутъ быть введены отцомъ въ разрядъ законныхъ дѣтей, съ согласія наслѣдниковъ. Это узаконеніе дѣлается при посредствѣ особеннаго обряда. Усыновляющій, такъ какъ въ дѣйствительности происходитъ въ этихъ случаяхъ усыновленіе, даетъ пиръ, къ которому подаются три большія мѣры пива. Онъ убиваетъ трехгодовалого быка, снимаетъ съ лѣваго бедра его кожу, и дѣлаютъ изъ нея башмакъ, который ставитъ возлѣ чаши съ пивомъ. Усыновляющій ставитъ ногу въ башмакъ, а за нимъ то же дѣлаютъ усыновляемый и всѣ члены семьи, которые даютъ свое согласіе и становятся свидѣтелями заявленія, сдѣланнаго отцомъ. Братъ могъ прибѣгнуть къ тому же обряду, если желалъ своего побочнаго брата сдѣлать законнымъ братомъ.

Законъ Фростатинга устанавливаетъ равенство между дѣтьми и требуетъ возврата въ наслѣдственную массу тѣхъ дареній, которыя сдѣланы были впередъ въ пользу кого-нибудь изъ дѣтей. Побочное дитя не въ правѣ получить въ даръ выше опредѣленной суммы, но съ согласія родственниковъ дарителя, этотъ даръ можетъ быть увеличенъ. То же согласіе требуется для пожертвованій на церкви. Однако, ордонансъ 1152 года, изданный вслѣдствіе требованія папскаго легата, дозволяетъ каждому свободно дарить, по завѣщанію или на упокой своей души, десятую часть изъ родовыхъ и четвертую изъ благопріобрѣтенныхъ имуществъ. Такимъ образомъ вошли въ употребленіе завѣщанія, до того времени бывшія неизвѣстными въ Норвегіи.

Наличный и совершеннолѣтній наслѣдникъ долженъ былъ явиться къ полученію наслѣдства на седьмой день и не позднѣе тридцатаго дня со времени смерти наслѣдодателя. Въ случаѣ несовершеннолѣтія, онъ могъ явиться въ теченіе пяти лѣтъ, слѣдующихъ за совершеннолѣтіемъ его, а въ случаѣ отсутствія его—въ теченіе 12 мѣсяцевъ по возвращеніи. Вслѣдствіе неявки въ срокъ, право его на наслѣдство погашается давностію. Таково, по крайней мѣрѣ, правило закона Гулатинга. Законъ Фростатинга даетъ несовершеннолѣтнему и отсутствующему десятилѣтній срокъ, начиная отъ

времени совершеннолѣтія или отъ возвращенія на мѣсто жительства. Наслѣдникъ садится на почетномъ сидѣньѣ умершаго и приглашаетъ всѣхъ кредиторовъ собраться на седьмой день. Имъ производится платежъ долговъ сполна или по соразмѣрности, если наследство не можетъ удовлетворить всѣхъ долговъ. Только сынъ и дочери могутъ быть обязаны платить наследственные долги *ultra vires*.

Кодексъ Магнуса допускаетъ сестеръ къ совмѣстному наслѣдованію съ братьями, но лишь въ половинной долѣ и съ условіемъ возвратить въ наследственную массу то, что получено ими въ приданое. Родовыя имѣнія (*odel*) переходили предпочтительно къ сыновьямъ и главное жилище—старшему; но всѣ эти преимущества не должны были вредить равенству.

Въ кодексѣ Магнуса, древній обрядъ узаконенія дѣтей замѣненъ оглашеніемъ, происходящимъ предъ церковными вратами и священными книгами. Это оглашеніе дѣлается усыновителемъ, усыновляемымъ и всѣми лицами, согласіе которыхъ требуется для узаконенія.

За недостаткомъ наслѣдниковъ, наследство поступаетъ къ королю.

Передача права собственности между живыми совершается посредствомъ простого соглашенія сторонъ и, въ такомъ видѣ, имѣетъ силу даже по отношенію къ третьимъ лицамъ. Это составляетъ подмѣченную Брандтомъ характеристическую черту Норвежскаго права. Напротивъ, въ Швеціи и Даніи, законъ предписывалъ опредѣленные торжественныя формальности. Эти формальности не безызвѣстны были и въ Норвегіи, но онѣ не составляли сущности договора и единственная цѣль ихъ заключалась въ томъ, чтобы придать договору гласность и обезпечить доказательную силу его. Такова, на примѣръ, передача земли, выполняемая посредствомъ символическаго обряда (*skeyting*): продавецъ кладетъ въ руку покупателя горсть земли, взятой изъ-подъ четырехъ угловъ дома, изъ-подъ почетнаго сидѣнья, и съ межей, лежащихъ между пашнею и лугомъ, между выгономъ и лѣсомъ. Этотъ обрядъ происходилъ при свидѣтеляхъ, въ собраніи тинга, въ церкви, на многочисленномъ пиршествѣ или на суднѣ при полномъ экипажѣ. По совершеніи этого обряда, если продавецъ уклоняется отъ исполненія договора, по-

купщикъ отправляется на мѣсто и, при содѣйствіи членовъ тинга, силою вступаетъ во владѣніе имѣніемъ. Кодексъ Магнуса, вполнѣ сохраняя эту формальность, сдѣлалъ ее бесполезною, потребовавши, для всякой продажи стоимостью выше 10 марокъ, совершенія письменнаго акта въ присутствіи свидѣтелей и должностныхъ лицъ.

Наемъ земель совершается при свидѣтеляхъ и законный срокъ найма полагается въ одинъ годъ. Однако, для договора о наймѣ дома или вообще деревенскаго имущества *) срокъ можетъ быть болѣе продолжительнымъ.

Проценты за пользованіе деньгами опредѣляются закономъ Фростатинга въ 20 на 100 и закономъ Гулатинга въ $12\frac{1}{2}$, но не запрещенъ и высшій размѣръ процентовъ.

Норвежское право различаетъ два разряда обязательствъ: требующія подтвержденія доказательствами (*vitafé*) и не требующія этого. Первыми называются такія обязательства, которыя заключены при свидѣтеляхъ или которыя потомъ были подтверждены посредствомъ заявленія, сдѣланнаго при 12 свидѣтеляхъ, по шести съ каждой стороны, или посредствомъ признанія, сдѣланнаго должникомъ при свидѣтеляхъ, или же посредствомъ рѣшенія тинга. Въ этомъ случаѣ обязательство подлежитъ исполненію. Исполнительность всѣхъ другихъ обязательствъ зависитъ отъ предварительнаго признанія ихъ судомъ, и для этого кредиторъ обязанъ вызвать должника въ тингъ и положиться на его присягу. Должникъ принимаетъ присягу по стоимости того въ чемъ онъ обязался, именно: онъ присягаетъ только самъ, когда стоимость не превышаетъ одной *öre*, вдвоемъ, когда стоимость — двѣ *öre* и втроемъ, когда дѣло идетъ о трехъ *öre* или болѣе.

Платежъ также совершается при свидѣтеляхъ, иначе можно было бы потребовать отъ должника вторичной уплаты, хотя, въ послѣднемъ случаѣ, онъ въ правѣ искать о возвратѣ уплаченной суммы, какъ недоказаннаго долга, то-есть, полагаясь на присягу противника.

По истеченіи 20 лѣтъ, долгъ нельзя уже доказывать свидѣтельскими показаніями, но присяга все-таки можетъ быть потребована.

Когда должникомъ оказывается наслѣдникъ или опекунъ истца,

*) Такой договоръ, по французской терминологіи, называется *bail*. См. примѣч. на стр. 243. (Примѣч. перев.).

то принятая имъ присяга составляетъ клятву только въ томъ, что обязательство ему не было извѣстно.

Если должникъ отказывается исполнить обязательство, то кредиторъ обращается къ членамъ тинга и вводится ими во владѣніе имуществами должника. Это владѣніе продолжается до тѣхъ поръ, пока кредиторъ не получитъ вдвойнѣ того, чѣмъ должникъ обязанъ ему.

Должникъ можетъ погасить свой долгъ, передавши кредитору обязательство третьяго лица. Эта уступка-платежъ совершается при свидѣтеляхъ и съ соблюденіемъ обряда, похожаго на обрядъ передачи недвижимаго имущества (*Skuldskeyting*).

Закладъ, состоящій изъ движимаго имущества, передается при свидѣтеляхъ. Въ случаѣ неплатежа въ назначенное время, закладъ дѣлается собственностію кредитора.

Недвижимый залогъ совершался не только въ формѣ продажи съ выкупомъ или антихрезы, но и въ формѣ ипотеки (*underpant*), съ правомъ предпочтительнаго удовлетворенія, равно какъ и съ правомъ послѣдовательнаго удовлетворенія. Дѣйствіе этого послѣдняго права заключалось въ томъ, что если заложенное имѣніе отчуждено было третьему лицу, то кредиторъ могъ арестовать это имѣніе, и, въ теченіе 12 мѣсяцевъ послѣ отчужденія, обратить его въ свою собственность.

Въ главѣ LXXI древняго закона Гулатинга имѣется замѣчательное постановленіе. Когда должникъ не въ состояніи платить, то онъ обязанъ отправиться въ тингъ и тамъ предложить своимъ родственникамъ, начиная съ ближайшаго, собственную особу, за сумму долга. Если никто изъ родственниковъ не сойдется въ цѣнѣ, то должникъ будетъ принадлежать кредитору до тѣхъ поръ, пока не выплатитъ долга. Объ условіяхъ такой отдачи въ рабство составляетъ договоръ при свидѣтеляхъ. Тотъ же законъ примѣняется къ женщинамъ, которыя должны являться въ тингъ въ сопровожденіи родныхъ. Такимъ образомъ, должникъ становился временнымъ рабомъ или своего кредитора, или заплатившаго за него родственника, но сохранялъ званіе свободнаго человѣка по отношенію къ третьимъ лицамъ. Онъ былъ *in mancipio*. Если онъ отказывался работать, хозяинъ могъ бить его, но когда его побилъ посторонній, тогда онъ въ правѣ былъ требовать штрафъ, назначенный за побои, нанесенные свободному человѣку, а хозяинъ, съ своей сто-

роны, въ правѣ былъ требовать штрафа за нанесеніе побоевъ рабу. Хозяинъ не могъ продать его, въ противномъ случаѣ подвергался штрафу въ 40 марокъ; но запрещеніе это не имѣло мѣста, когда должникъ бѣжалъ и былъ пойманъ. Должникъ, дѣлаясь, такимъ способомъ, рабомъ своего кредитора, могъ обратить въ то же состояніе, вмѣстѣ съ собою, и своихъ дѣтей, но это дозволялось только тогда, когда долгъ не превышалъ трехъ марокъ. Если должникъ, находясь въ рабской зависимости, не хочетъ работать на своего хозяина, то послѣдній препровождаетъ его въ тингъ и требуетъ, чтобы родные заставили упряма работать, а, въ случаѣ отказа родныхъ, онъ можетъ его убить или изувѣчить. Законъ говоритъ, *что онъ можетъ рѣзать идя ему угодно, сверху или снизу.*

Этотъ текстъ закона Гулатинга замѣчателенъ. Гриммъ, а за нимъ и другіе, сравнивали его съ текстомъ XII таблицъ: «*partes secanto, si plus minusve secuerint, sine fraude esto*». По словесному выраженію, сходство между этими текстами оказывается полнымъ; но далеко не то выходитъ по отношенію къ внутреннему содержанію того и другого. Норвежскій законъ желаетъ наказать возмущагося раба; а законъ XII таблицъ имѣлъ въ виду произвести, этимъ способомъ, конкурсное удовлетвореніе кредиторовъ.

Рабство за долги сохранилось и въ кодексѣ Магнуса, хотя подверглось смягченіямъ. Оно не примѣняется къ несчастному и добросовѣстному должнику, который подъ присягою обязывается рассчитаться при первой возможности.

По древнему Норвежскому праву, какъ и по всѣмъ первобытнымъ законодательствамъ, наказаніе имѣетъ значеніе средства, служащаго къ восстановленію порядка и къ примиренію семействъ. Штрафъ является цѣною пролитой крови или вознагражденіемъ за причиненный вредъ. Онъ имѣетъ также цѣлью, — хотя эту цѣль можно назвать второстепенною, — отнять у преступника средства и лишить его возможности сдѣлаться опаснымъ для другихъ. Правда, что часть штрафа поступаетъ въ пользу общества, или государства, но, вѣдь, эта часть идетъ въ вознагражденіе или въ жалованье судьямъ.

Только при неуплатѣ штрафа преступникъ бываетъ удаленъ изъ общества и поставленъ внѣ закона. Между тѣмъ существуютъ такія тяжкія преступленія, которыя не могутъ быть искуплены никакою платой. Это — преступленія, совершенныя въ религіозныхъ

или политическихъ собраніяхъ, въ храмѣ или тингѣ. За такія преступленія наказаніемъ служитъ отлученіе отъ церкви и полное удаленіе изъ общества. Преступникъ попадаетъ въ положеніе дикаря. Ему остается только уйти въ лѣсъ и жить среди звѣрей (*skogarmadr*).

Есть еще преступленія постыдныя и безчестныя, которыя достойны тѣлеснаго наказанія, подобнаго наказаніямъ, налагаемымъ господиномъ на своихъ слугъ. Къ этому разряду принадлежатъ кража, прелюбодѣяніе или измѣна женщины и колдовство. Вообще, употребленіе хитрости заслуживаетъ особеннаго презрѣнія. Кража важнѣе разбоя, тайное убійство гнуснѣе, чѣмъ убійство, совершенное открытою силою.

Невыкупаемыя преступленія влекутъ за собою конфискацію имущества преступника. Что же касается преступленій, оплачиваемыхъ деньгами, то часть штрафа уплачивается обществу, которое такъ же, какъ потерпѣвшій, страдаетъ отъ преступленія и потому имѣетъ право на вознагражденіе. Первоначально, весь штрафъ шелъ въ пользу потерпѣвшаго лица и сумма его увеличивалась сообразно съ званіемъ жертвы. Штрафъ же, уплачиваемый государству, высчитывался не по званію жертвы, а по званію преступника, и это новое понятіе усвоило себѣ позднѣйшее уголовное право Норвегіи.

Итакъ, собственно говоря, наказаніе существуетъ одно: поставленіе внѣ закона. Но, смотря по обстоятельствамъ, отъ этого наказанія можно откупиться, заплативши штрафъ, перенеся тѣлесное наказаніе, или, наконецъ, вознаградивши за убытки.

Здѣсь бесполезно было бы перечислять различныя преступленія, предусмотрѣнныя закономъ. Упомянемъ только о томъ, что, въ случаяхъ выкупаемыхъ преступленій, съ дозволенія короля, преступникъ можетъ остаться въ странѣ, причемъ король обязывается заплатить за него штрафъ.

Норвежскій законъ считаетъ за причину невмѣненія или, по крайней мѣрѣ, за обстоятельство, уменьшающее вину, вызовъ, законную самооборону, случайность и неправопособность, обусловливаемую возрастомъ или слабоуміемъ.

Объ изгнаніи преступника изъ общества, равно и о возвращеніи изъ изгнанія, было торжественно объявляемо въ тингѣ для того, чтобы никто не могъ отговариться незнаніемъ о томъ. На

самомъ дѣлѣ, запрещено было кормить изгнанника, давать ему кровъ или предоставлять средства къ побѣгу. Кто нарушалъ это постановленіе, тотъ подвергался изгнанію по закону Фростатинга и штрафу въ 40 марокъ по закону Гулатинга. Одно совмѣстное пребываніе съ изгнаннымъ на пиршествѣ или въ собраніи навлекло штрафъ. По закону Гулатинга, ношеніе изгнанному пищи въ лѣсъ или туда, гдѣ онъ скрывается, составляло дѣяніе, наказуемое штрафомъ въ три марки. Впрочемъ, этотъ же законъ позволялъ женѣ кормить мужа въ продолженіе пяти дней, начиная со дня его присужденія къ изгнанію.

Кодексъ Магнуса не произвелъ существенныхъ измѣненій въ этихъ правилахъ. Задача его состояла въ томъ, чтобы заранѣе опредѣленный и неизмѣнный штрафъ замѣнить штрафомъ, назначаемымъ по суду сообразно съ обстоятельствами дѣла, и въ томъ еще, чтобы расширить примѣненіе тѣлесныхъ наказаній. Онъ точнѣе опредѣляетъ выкупаемыя преступленія и, въ случаяхъ конфискаціи имущества, устанавливаетъ мѣры не только къ удовлетворенію интересовъ кредиторовъ, но и къ сохраненію части имущества на воспитаніе дѣтей. Въ дѣлахъ о выкупаемыхъ преступленіяхъ онъ отмѣняетъ производившуюся, послѣ платежа частнаго штрафа, конфискацію движимости и благопріобрѣтеннаго недвижимаго имущества и сокращаетъ штрафъ въ пользу государства до $13\frac{1}{3}$ марокъ. Наконецъ, дѣяніе того, кто кормилъ изгнаннаго или давалъ ему кровъ, наказывается такъ: за одну ночь—марка; за 2 ночи — 3 марки; за 3 ночи или больше — $13\frac{1}{3}$ марокъ, то есть наибольшій размѣръ публичнаго штрафа.

Вотъ еще нѣсколько отдѣльныхъ постановленій. О простомъ убійствѣ (*vig*) виновный обязанъ въ тотъ же день заявить въ домѣ, ближайшемъ къ мѣсту, гдѣ совершено преступленіе. Если въ этомъ домѣ жили родные или свойственники жертвы, то убійца могъ сдѣлать свое заявленіе въ другомъ или даже третьемъ домѣ, считая по порядку отъ мѣста совершенія убійства. Когда онъ не сдѣлалъ такого заявленія, тогда его признавали за убійцу, въ тягчайшемъ значеніи этого слова (*morder*).

Въ законѣ Гулатинга, за неосторожное убійство назначенъ былъ штрафъ, уплачиваемый въ пользу частныхъ лицъ; но, по закону Фростатинга, неосторожный убійца не подвергался имущественнымъ взысканіямъ. Онъ только долженъ былъ оставить страну и

для этого ему давался срокъ—пять ночей лѣтомъ и мѣсяцъ зимою. Съ перваго взгляда кажется страннымъ, что непроизвольное чело-
вѣкоубійство наказывается штрафомъ даже въ тѣхъ случаяхъ,
когда нѣтъ вины. Но такое постановленіе означаетъ, что законъ
желаетъ какъ сохранить миръ, такъ и удовлетворить семью жерт-
вы, въ видахъ предупрежденія мести съ ея стороны. Отсюда и
вытекаетъ данное постановленіе. Умыселъ играетъ тутъ незначи-
тельную роль.

Убійство считалось законнымъ, когда убитый захваченъ былъ на
мѣстѣ совершенія преступленія въ отношеніи одного изъ слѣдующихъ
семи лицъ: женою, матерью, дочерью, сестрою, тещею, свояченицею
или невѣсткою убійцы. Такъ же можно было убить вора, застигнутого
на мѣстѣ преступленія, внутри дома или огороженного мѣста.

Подстрекатель и соучастникъ убійства платили половину штрафа
родственникамъ жертвы.

Тарифъ для побоевъ и пораненій очень сложенъ и вполне под-
ходитъ къ тарифамъ другихъ скандинавскихъ законовъ.

Законъ дозволяетъ выдачу животныхъ и рабовъ за вредъ, при-
чиненный тѣми или другими.

Кодексъ Магнуса отмѣняетъ штрафы за удары ножомъ и замѣ-
няетъ ихъ тѣлеснымъ наказаніемъ. Преступнику прокалываютъ руку
тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ онъ пользовался для совершенія
преступленія.

Разбой или похищеніе съ насиліемъ (*ran*) старательно отдѣ-
ляется отъ кражи (*pyft*). Последнее преступленіе считается болѣе
важнымъ, чѣмъ разбой, и въ особенности безчестнымъ. По древ-
нему кодексу, воръ подвергался поставленію внѣ закона, если укра-
денная вещь стоила дороже одного *örtug*. Когда она цѣнилась де-
шевле, то наказаніе было такое: вору брили голову, обмазы-
вали его смолою и покрывали перьями, затѣмъ гнали его и швы-
ряли въ него все, что попадалось подъ руку. Если онъ спасется,
то считается отбывшимъ наказаніе, но остается на всю жизнь ли-
шеннымъ своихъ правъ. Кодексъ Магнуса измѣнилъ эти постанов-
ленія въ томъ отношеніи, что ввелъ увеличеніе наказанія для слу-
чаевъ повторенія кражи и простой штрафъ въ 3 марки за кражу
на сумму ниже одной *öre*.

Древніе норвежскіе законы принимаютъ три доказательства: сви-
дѣтельское показаніе, присягу и Божій судъ.

Для полного доказательства свидѣтельское показаніе должно быть дано двумя лицами. Когда имѣется лишь одинъ свидѣтель, — говорить законъ Гулатинга, — тогда какъ будто совсѣмъ нѣтъ свидѣтеля, а когда свидѣтелей двое, то какъ будто ихъ десятеро, если только нѣтъ противоположныхъ свидѣтелей. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ считали показанія и число ихъ давало доказательство. Такое правило встрѣчается повсюду, но вотъ особенности, принадлежащія Норвегіи. Когда требуется подтвердить общую молву, то сторона приводитъ десять человѣкъ, изъ которыхъ двое свидѣлствуютъ подъ присягою, а остальные восемь заявляютъ, что показанія двухъ справедливы. Въ такомъ случаѣ отвѣтчикъ обязанъ оправдаться посредствомъ присяги или Божьяго суда. Эта процедура называется *heimiliskvidarvitni*.

Въ случаѣ неполноты доказательства, представляемаго свидѣтельскими показаніями, отвѣтчикъ могъ оправдаться присягою, которую онъ принималъ, смотря по обстоятельствамъ, въ сопровожденіи извѣстнаго числа соприсяжниковъ: такъ, существовала присяга двѣнадцати, присяга шести, присяга трехъ и присяга двухъ. Вообще, сторона сама выбирала себѣ соприсяжниковъ. Однако, въ извѣстномъ случаѣ, нѣкоторыхъ изъ соприсяжниковъ приходилось брать изъ числа лицъ, указанныхъ противникомъ. По мнѣнію Кейзера, присяга была нововведеніемъ въ Норвегіи и замѣнила *kvid*, которая удержалась только въ Исландіи.

Наконецъ, когда отвѣтчикъ не въ состояніи былъ представить надлежащую по закону присягу, то онъ могъ оправдаться посредствомъ суда Божьяго. Въ языческія времена въ употребленіи былъ судебный поединокъ (*einvigi, hólmganga*). Имѣется еще слѣдъ испытанія, которое состояло въ томъ, что испытуемый долженъ былъ пройти подъ аркою, составленною изъ трехъ полосъ газонной земли и не повалить ихъ. Послѣ введенія христіанства употреблялись каленое желѣзо (*jernbyrd*) и кипятокъ (*ketiltak*). Но эти испытанія окончательно уничтожилъ король Гааконъ Гааконссонъ въ 1247 году.

Кодексъ Магнуса, въ свою очередь, измѣнилъ учрежденіе соприсяжниковъ въ томъ смыслѣ, что на будущее время подтвержденіе спорнаго событія требовалось уже не вполне, а въ части. Соприсяжники только заявляли, что это подтвержденіе представляется имъ вѣроятнымъ и что они больше ничего не знаютъ.

Первымъ дѣйствіемъ въ гражданскомъ процессѣ служить увѣ-

домленіе о начатіи дѣла ¹⁾. Истецъ идетъ къ отвѣтчику и въ присутствіи свидѣтелей объявляетъ, чтобы онъ остался въ извѣстный день дома для выслушанія требованія, которое будетъ ему предъявлено. Въ назначенный день истецъ съ свидѣтелями снова приходитъ и излагаетъ свой искъ. Если отвѣтчикъ удовлетворитъ исковое требованіе или представитъ поручительство, тогда все кончено. Если же нѣтъ, то дѣло поступаетъ въ третейскій судъ (*skiladomr*), который собирается черезъ пять дней и открываетъ засѣданіе у дверей отвѣтчика. Этотъ судъ составляютъ 12 судей, которые принадлежатъ къ числу собственниковъ въ округѣ и изъ которыхъ шестеро назначаются по указанію одной стороны и шестеро по указанію другой. Дѣло рѣшается не иначе, какъ единогласно. Если судьи не могутъ придти къ единогласному рѣшенію, то процессъ передается на разсмотрѣніе другого такого же суда и затѣмъ третьяго, который на этотъ разъ уже состоитъ изъ 24 судей, а отсюда дѣло переходитъ въ окружной тингъ. Во всякомъ случаѣ, провинціальный тингъ постановляетъ окончательное рѣшеніе. Между тѣмъ, когда требовались деньги, данныя въ займы при свидѣтеляхъ, то дѣло могло быть начато непосредственно въ окружномъ тингѣ, послѣ трехъ вызововъ въ судъ. Въ дѣлахъ о выкупѣ (*odel'я*), третейскій судъ собирался на той самой землѣ, которая подлежала выкупу. Принудительное исполненіе рѣшенія производилось членами тинга; они, въ сопровожденіи королевскаго судьи, отправлялись въ мѣстожительство тяжущагося, противъ котораго постановлено рѣшеніе, и накладывали арестъ на имущество послѣдняго въ двойной суммѣ сравнительно съ суммою, присужденною рѣшеніемъ. Остатокъ отъ удовлетворенія кредитора принадлежалъ въ качествѣ штрафа въ половинѣ округу, а въ другой половинѣ королю, подобно тому, какъ это дѣлалось въ случаяхъ кражи съ насиліемъ (*ran*). Такой же способъ исполненія рѣшенія назывался въ аѳинскомъ правѣ *способомъ отнятія импнія* (δίκη ἐξούλης). Сопротивленіе отвѣтчика при исполненіи считалось преступнымъ насиліемъ.

Кодексъ Магнуса упростилъ эту процедуру и въ каждомъ дѣлѣ предоставилъ исполненіе одному третейскому суду.

Производство уголовного дѣла сосредоточено въ тингѣ и не представляетъ ничего особеннаго, за исключеніемъ дѣйствій по

¹⁾ См. Hertzberg, *Grundtraekkene i den aeldste norske Proces*, 1 vol., in-8°, 1874.

возбужденію преслѣдованія. Когда человѣкъ оказывается убитымъ въ своемъ собственномъ домѣ, то жена его или ближайшій наслѣдникъ, находящійся на лицо, должны немедленно созвать сходку посредствомъ стрѣлы, переносимой изъ дома въ домъ. Сходка собирается въ тотъ же день или не позднѣе слѣдующаго дня. Это—засѣданіе стрѣлы (*Örvarting*). Если число собравшихся обывателей не меньше 27 и если истецъ и убійца состоятъ на лицо, то рѣшеніе можетъ быть постановлено въ томъ же засѣданіи. Но обыкновенно сходка ограничивается установленіемъ фактической стороны дѣла и судопроизводство начинается вызовомъ сторонъ въ пятидневный срокъ въ тингъ округа.

Обычное наказаніе за убійство заключалось въ поставленіи преступника внѣ закона (*fredlöshed*), хотя присужденіе этого наказанія не могло послѣдовать, если стороны условились о вознагражденіи. Но когда убійца, будучи захваченъ на мѣстѣ преступленія и осужденъ, не имѣлъ чѣмъ заплатить вознагражденіе, то препровождался всѣми членами тинга, съ королевскимъ судьей во главѣ, на морской берегъ, гдѣ и былъ убиваемъ или истцомъ, или исполнителемъ приказаній судьи.

За кражу наказаніе въ Норвегіи то же, что и въ другихъ скандинавскихъ законахъ. Если воръ взятъ былъ на мѣстѣ преступленія, то его прямо вели въ тингъ съ украденною вещью, привязанною на его спинѣ. Дѣло разбиралось безъ соблюденія сроковъ и воръ приговаривался къ смерти. Домовый обыскъ для обнаруженія украденныхъ вещей подчиненъ обычнымъ формальностямъ. Норвежскій законъ прибавляетъ, что если подозрѣніе въ совершеніи кражи падаетъ на раба, то жалобщикъ можетъ вытребовать этого раба, держать его у себя въ продолженіе извѣстнаго времени и подвергнуть пыткамъ съ цѣлью добиться отъ него признанія. Похожее постановленіе имѣется и въ аеинскомъ законѣ.

Короче сказать, норвежскіе законы представляютъ большое сходство со шведскими и датскими. Однако же, они, кажется, раскрываютъ предъ нами соціальное положеніе болѣе древнее, болѣе первобытное, и черезъ это самое они отличаются меньшимъ формализмомъ, чѣмъ упомянутые шведскіе и датскіе законы. Въ самомъ дѣлѣ, формализмъ не служитъ признакомъ древности. Онъ появляется въ то время, когда уже исчезаетъ значеніе древнихъ обрядовъ и когда теряетъ смыслъ практическая цѣль, вызвавшая ихъ.

XV.

Древнее Скандинавское право. Исландія.

Среди скандинавскихъ странъ Исландія заслуживаетъ совсѣмъ особеннаго вниманія. Дѣйствительно, въ ней находятся самые древніе памятники языка и литературы Сѣвера. Правда, что дошедшіе до насъ исландскіе законы не древнѣе датскихъ, шведскихъ и норвежскихъ, но они носятъ на себѣ болѣе глубокій отпечатокъ первобытнаго права.

Открытая и колонизованная норвежцами въ IX вѣкѣ, Исландія въ продолженіе 300 лѣтъ оставалась независимою республикою, до того самаго дня, когда король Гааконъ Гааконссонъ присоединилъ ее къ норвежской коронѣ (1262 — 1264). Во весь этотъ періодъ законодательная власть принадлежала общему собранію (*Allting*). Мы имѣемъ нѣсколько памятниковъ права, относящихся къ этой эпохѣ; важнѣйшіе изъ нихъ: древній церковный законъ, составленный въ 1123 г. и въ особенности общій сборникъ исландскаго права, извѣстный подъ страннымъ именемъ *Grágás*. Это названіе, означающее *спрая гусыня*, взято съ переплета книги. Когда открытъ былъ въ Норвегіи одинъ изъ манускриптовъ этого сборника въ XVII столѣтіи, то думали, что нашли экземпляръ законовъ, которые легенда приписывала норвежскому королю Св. Олафу; поэтому старому исландскому кодексу дано было имя, которымъ легенда назвала мнимый кодексъ Олафа. Какъ бы то ни было, но этотъ сборникъ не имѣлъ оффиціальнаго характера. Онъ представляетъ собою скорѣе сборникъ обычаевъ, въ двухъ разныхъ редакціяхъ, писанныхъ въ ту эпоху, когда островъ подчинился королю Норвегіи. Дѣйствительно, одна редакція относится къ 1258—1262, а другая къ 1262—1271 годамъ.

Одною изъ первыхъ заботъ короля Норвегіи, сдѣлавшагося государемъ острова, было введеніе норвежскаго законодательства. Въ 1270 онъ послалъ въ Исландію кодексъ, который былъ принятъ Альтингомъ, 1271—1273. Этотъ кодексъ, заимствованный изъ древнихъ норвежскихъ законовъ, носитъ имя Желѣзнаго Ребра (*Iárn-síða*),—имя, вѣроятно, содержащее въ себѣ такъ же, какъ и Грагасъ, намекъ на переплетъ книги. Но исландцы нашли его слишкомъ далекимъ отъ ихъ прежнихъ обычаевъ. Поэтому, десятью годами позже, въ 1280, норвежскій король Эрикъ, сынъ Магнуса, прислалъ въ Исландію новый кодексъ, приготовленный его отцомъ и составленный частью изъ древняго исландскаго права и частью изъ общаго норвежскаго кодекса 1273. Эта книга привезена была въ Исландію лагмандомъ Іономъ Эйнарссономъ и принята, хотя не безъ затрудненій, народомъ и духовенствомъ. Она извѣстна подъ названіемъ *Iónsbók* и служитъ до сихъ поръ основою исландскаго права ¹⁾.

Новый церковный законъ изданъ былъ въ 1275 г. Онъ носитъ имя Арна, епископа Скальгольтскаго.

Къ этимъ двумъ законамъ прибавлено много законовъ и ордо-нансовъ, исходившихъ отъ королей Норвегіи и Даніи. Когда Норвегія, въ 1814 г., присоединена была къ Швеціи, то Исландія осталась при Даніи. Она, съ давняго времени, утратила право самоуправленія. Даже Альтингъ, существовавшій только номинально, въ 1800 году былъ совсѣмъ упраздненъ. Онъ былъ восстановленъ въ 1843 г., съ совѣщательнымъ характеромъ. Наконецъ, 5 января

¹⁾ Есть три изданія Грагаса. Первое, выпущенное въ Копенгагенѣ въ 1829, Тордомъ Свейнбіёрнсономъ, съ латинскимъ переводомъ, грѣшитъ соединеніемъ и смѣшеніемъ двухъ различныхъ текстовъ. Нужно было издать оба эти текста отдѣльно. Это сдѣлалъ Финсенъ, сначала для *Codex regius* (текстъ и датскій переводъ, Копенгагенъ, 2 тома, in-8°, 1852—1870), а потомъ для *Codex Arna-Magnaeanus* (Копенгагенъ, 1 т., in-8°, 1879, текстъ исландскій безъ перевода).

Древнее церковное право съ 1123 года издано было Торкелиномъ (Копенгагенъ, in-8°, 1776).

Іарнсида содержится въ Собраніи древнихъ норвежскихъ законовъ, томъ I, стр. 259. Изданіе съ латинскимъ переводомъ выпущено Тордомъ Свейнбіёрнсономъ (Копенгагенъ, in-4°, 1847).

Іонсбокъ находится въ томъ же Собраніи, т. IV, стр. 183. Существуетъ дурной датскій переводъ его.

Наконецъ, есть еще *Diplomatarium islandicum*.

1874 г., Исландіи дана была отдѣльная конституція, которая давала ей власть издавать спеціальныя законы, по части гражданскаго и уголовнаго права и судопроизводства. Мы можемъ избавить себя отъ обязанности излагать здѣсь первоначальную конституцію исландской республики. Эта работа въ совершенствѣ уже выполнена и для насъ достаточно сослаться, въ этомъ отношеніи, на ученую статью Жеффруа ¹⁾. Тамъ сказано, что территорія Исландіи раздѣлена была на 39 сеньорій (*Godord*); что 50 лѣтъ спустя послѣ занятія острова основано было общее собраніе (*Allting*), которое ежегодно, въ іюнѣ мѣсяцѣ, собиралось въ равнинѣ Тингвеллира; что въ этомъ собраніи получилъ начало Законодательный Корпусъ (*lögretta*); что, по числу округовъ на островѣ, составились четыре суда и пятый, открытый позже, для окончательнаго рѣшенія дѣлъ; что, наконецъ, дѣйствовали мѣстные ассизы, засѣдавшіе, въ числѣ 12, въ сеньоріяхъ, весною и осенью. Тамъ сказано также и о томъ, каковы были права и обязанности этихъ ассизовъ. Равнымъ образомъ, изъ сочиненія Жеффруа видно, что въ общемъ собраніи предсѣдательство поручалось сановнику, назначенному сеньорами и называвшемуся *Lögsogomadr*, «человѣкъ изрекающій законъ», *viva vox juris civilis*. Этотъ сановникъ обязанъ былъ, между прочимъ, читать и объяснять законъ народу и Собранію и долженъ былъ, подѣ угрозой штрафа, окончить свой курсъ въ теченіе трехъ лѣтъ, не опускавъ въ законахъ ничего. Статья Жеффруа даетъ намъ возможность оставить въ сторонѣ всю эту исторію и ограничиться нѣсколькими замѣчаніями о рѣшеніяхъ и о судопроизводствѣ.

Общимъ правиломъ было постановлено, что исландецъ долженъ быть судимъ равными себѣ. Каждый судъ состоитъ изъ 36 лицъ, которыя назначаются сеньорами и противъ которыхъ стороны могутъ предъявлять отводы въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Исключеніе составляютъ только дѣла о межеваніи и дѣла о ликвидаціяхъ наслѣдствъ; разборъ этихъ дѣлъ предоставленъ 12 судьямъ, которые постановляютъ рѣшенія на мѣстѣ межеванія или въ домѣ умершаго наслѣдодателя. Для рѣшенія дѣлъ требуется единогласіе. Если

¹⁾ *L'Islande avant le chistianisme*, по Градасамъ и Сагамъ, соч. А. Geffroy, въ запискахъ, представляемыхъ учеными въ Академію надписей и изящной словесности, 1-я серія, т. VI, 1864. См. также Maurer, *Island von seiner ersten Entdeckung bis zum Untergange des Freistaats*, München, in-8° 1874, и *Hildebrand. Lifvet på Island under Sagotiden*, in-8°, Stokholm. 1867.

составляются два мѣнія, то дѣло переходитъ въ высшій или пятый судъ и на этотъ разъ рѣшеніе постановляется большинствомъ голосовъ судей. Въ то же время высшій судъ налагаетъ штрафъ на судей первой инстанціи, постановившихъ отмѣненное рѣшеніе.

Судопроизводство отличается, главнымъ образомъ, самобытностію. На мѣсто судебного поединка, окончательно уничтоженнаго въ 1011 году, въ Исландіи, какъ и въ остальныхъ скандинавскихъ странахъ, введены были ордаліи и, въ особенности, ордалія каленнаго желѣза; но ордаліи почти никогда не примѣнялись на дѣлѣ. Равнымъ образомъ мы не встрѣчаемъ въ Исландіи учрежденія соприсяжниковъ. Судебныхъ доказательствъ было два: свидѣтельскія показанія и слѣдствіе (*kvidr*). Они отличались тѣмъ, что одно изъ нихъ не могло быть употреблено для опроверженія или уничтоженія другого. Если обращаются къ свидѣтельскимъ показаніямъ, то каждая сторона требуетъ выслушать ея свидѣтелей, которые даютъ показанія подъ присягою. Одинъ свидѣтель не составляетъ доказательства, но два согласныхъ между собою свидѣтеля достаточны для удостовѣренія событія и, притомъ, два равняются десяти. Такимъ образомъ, Грагасъ говоритъ о свидѣтеляхъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и норвежскій законъ.

Но часто свидѣтели не являются по вызову и въ особенности тѣ свидѣтели, которые легко поддаются застрашиванію. Поэтому, въ большемъ употребленіи было слѣдствіе или *kvidr*. Для того, чтобы установить какой-нибудь фактъ, призывались лица, живущія въ ближайшемъ сосѣдствѣ къ мѣсту совершенія преступленія, а въ гражданскомъ дѣлѣ—къ спорной собственности или мѣстожительству тяжущихся. Сосѣди принимаютъ присягу и говорятъ то, что имъ извѣстно или, по крайней мѣрѣ то, что они думаютъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ они могутъ не знать ничего. Отсюда слѣдуетъ, что они—не свидѣтели. Но они и не судьи и даже не присяжные въ нашемъ пониманіи этого слова, такъ какъ они ничего не рѣшаютъ; рѣшеніе, въ дѣйствительности и по праву, принадлежитъ суду. Наконецъ, они—не соприсяжники, потому что могутъ показать противное тому, о чемъ заявляетъ ссылающаяся на нихъ сторона, тогда какъ соприсяжникъ своею присягою удостовѣряетъ правдивость принятой стороною присяги. Однако же, тутъ всего по немногу, и эти сосѣди похожи на судъ 12 сосѣдей, слѣдъ котораго

мы находимъ въ древнемъ сборникѣ нормандскихъ обычаевъ ¹⁾. Мы уже видѣли, что зародышъ этого учрежденія встрѣчается въ норвежскомъ законѣ (*heimiliskvidarvitni*).

Сосѣди, изъ показаній которыхъ состоитъ *kvidr*, приводятся въ засѣданіе истцомъ. Вообще, *kvidr* состоялъ изъ девяти человекъ, иногда изъ пяти, а иногда и изъ двѣнадцати. Въ послѣднемъ случаѣ, въ составъ его непременно входили сеньоръ и 11 указанныхъ имъ сосѣдей. Отвѣтчикъ могъ пользоваться мотивированными отводами и отведенные замѣнялись другими. *Kvidr* даетъ показаніе, составленное по большинству голосовъ. Если это показаніе было противъ отвѣтника, то послѣднему дозволялось произвести съ своей стороны слѣдствіе, которое заключалось въ требованіи показаній отъ пяти, изъ выставленныхъ истцомъ девяти, сосѣдей. Въ дѣйствительности, это значило отвести, заднимъ числомъ, четырехъ сосѣдей изъ девяти и понятно, что такой пріемъ нерѣдко способствовалъ перемѣщенію большинства.

Грагасъ содержитъ въ себѣ много формулъ. Разныя судопроизводственныя дѣйствія выполняются при посредствѣ извѣстныхъ торжественныхъ словъ, въ которыхъ не дозволялось ничего измѣнять. Это составляетъ особенность древняго законодательства. Замѣтимъ, что въ Римѣ формализмъ всегда считался аристократическимъ учрежденіемъ, охраняемымъ патриціями, которые только себя признавали юристами. Въ Исландіи, напротивъ, употребленіе формулъ находили полезнымъ для демократическаго равенства. Простолудинъ могъ безъ боязни явиться въ судъ и вести дѣло не будучи искуснымъ въ краснорѣчіи.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ уголовные и гражданскіе законы. Мы, изложимъ ихъ болѣе подробно. Въ Исландіи рабство существовало дольше, чѣмъ въ другихъ скандинавскихъ странахъ. Нѣтъ даже закона, которымъ оно было уничтожено. По всей вѣроятности, оно угасло само, вслѣдствіе отпусковъ на волю. Освобожденный рабъ представлялся своимъ хозяиномъ въ Альтингъ и принималъ присягу на повиновеніе законамъ. Только послѣ этого онъ вступалъ въ разрядъ свободныхъ людей, при чемъ, какъ онъ самъ, такъ его сыновья и даже внуки, сохраняли надъ собою по-

¹⁾ Глава 66, 68, 69. Ср. *Les établissements de Normandie*, изд. Marnier, стр. 22, 37, 38.

кровительство прежняго хозяина. Рабъ считался вещью. Между тѣмъ ему позволено было откупиться отъ рабства. За нимъ признавалось право мести за убійство его жены и, наконецъ, третья часть штрафа, слѣдующаго господину за жестокое обращеніе съ его рабомъ, слѣдовала въ пользу послѣдняго ¹⁾).

Помолвка есть договоръ между женихомъ и, со стороны невѣсты, ближайшимъ родственникомъ ея мужескаго пола. Если у нея нѣтъ ни отца, ни брата, ни сына, то договоръ заключаетъ мать. Этотъ договоръ на самомъ дѣлѣ есть продажа. Женихъ платитъ опредѣленную обычаемъ цѣну (*mundr*) въ одну серебряную марку или, по меньшей мѣрѣ, въ шесть аршинъ *vadmel*. Отецъ невѣсты или, за неимѣніемъ отца, выдающій ее родственникъ ручается и заявляетъ, что невѣста не имѣетъ скрытыхъ недостатковъ, составляющихъ при продажѣ рабовъ такой порокъ, вслѣдствіе котораго купленный рабъ можетъ быть возвращенъ. Послѣ этого торгъ заключается рукопожатіемъ (*handsal*) и при этомъ не считается нужнымъ справляться о согласіи невѣсты. Свадьба должна быть сыграна въ теченіе года. Она завершается передачею невѣсты жениху, сопровождаемою свадебнымъ пиромъ, на которомъ присутствуютъ шесть свидѣтелей, и сожительствомъ. Въ исландскомъ бракѣ нѣтъ никакого слѣда религіознаго обряда.

Покупная цѣна (*mundr*) отдается женѣ и составляетъ ея вдовью часть. Она составляетъ то же, что и *morgengab*. Что касается подарковъ, дѣлаемыхъ женихомъ невѣстѣ (*bekkiargjöf*) и приданаго, обыкновенно приносимаго женою (*heimanfylgia*), то въ законѣ объ этихъ предметахъ совсѣмъ не упоминается. Раздѣльность имуществъ служить правиломъ брачнаго союза; однако, супруги могутъ согласиться между собою относительно общности въ движимыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществвахъ. Было даже въ обычаѣ совершать договоры этого рода, по истеченіи же трехъ лѣтъ брачнаго сожительства существованіе такого договора всегда предполагалось. Доля жены въ общемъ имуществѣ составляетъ третью часть его,

¹⁾ Такое же постановленіе находится во второмъ законѣ Гортины (*Com-paretti, Museo italiano*, т. II, стр. 600) по поводу человѣка, отданнаго въ залогъ. Всякое насиліе, совершенное надъ этимъ человѣкомъ, наказывается штрафомъ, который дѣлится пополамъ между залогодателемъ и отданнымъ въ залогъ: *Τὰν ἡμίαν ἕκην τὸν κατακείμενον, τὰν δὲ τὸν καταθέμενον.*

если только въ договорѣ не постановлено по этому предмету иного условія. Общимъ имѣніемъ управляетъ мужъ. Жена можетъ купить или продать не выше полъ-*ore*, т. е. не дороже трехъ аршинъ *vadmel*, если только она не дѣйствуетъ по довѣренности мужа.

Брачный союзъ могъ быть расторгнутымъ. Въ сагахъ упоминаются нѣсколько случаевъ развода на основаніи опредѣленной причины, причемъ не требовалось никакихъ формальностей, кромѣ заявленія о разводѣ передъ свидѣтелями. Даже послѣ обращенія къ христіанству разводъ допускался или по причинѣ нанесенія побоевъ и ранъ, или вслѣдствіе того, что одинъ изъ супруговъ, находясь въ бѣдности, вынужденъ былъ сложить съ себя обязанность содержанія родителей другого супруга.

Юный исландецъ, по достиженіи 12-ти-лѣтняго возраста, уже пользовался политическими правами: онъ могъ быть свидѣтелемъ, присяжнымъ и судьей. Онъ лично являлся обвинителемъ противъ убійцы его отца, если ближайшій родственникъ признавалъ его способнымъ къ тому. Но, въ гражданскомъ смыслѣ, онъ не считался совершеннолѣтнимъ и могъ распоряжаться своимъ имуществомъ только въ 16 лѣтъ.

Опека принадлежала предполагаемому ближайшему наслѣднику; между тѣмъ не замѣтно никакихъ слѣдовъ опеки по назначенію суда.

Порядокъ наслѣдованія былъ тотъ же, какъ въ другихъ скандинавскихъ странахъ. Сначала призывается къ наслѣдованію сынъ, потомъ дочери, отецъ, братъ, мать и сестра. Мужская линія всегда выступаетъ впереди, но право представленія не признается. За этимъ первымъ разрядомъ идетъ разрядъ незаконныхъ наслѣдниковъ и опять въ томъ же порядкѣ. Въ третьемъ разрядѣ числятся дѣды и внуки, дяди и тетки, племянники и племянницы. Каждая степень исключаетъ слѣдующую, а принадлежащія къ одной степени дѣлятъ наслѣдство поголовно. Затѣмъ наслѣдство раздѣляется пополамъ между материнскою и отцовскою линіями и въ каждой линіи оно достается ближайшему по степени. Какъ видно, это все-таки система наслѣдованія *per parentelas*.

Завѣщаніе неизвѣстно.

Наслѣдникъ не обязанъ платить наслѣдственные долги *ultra vires*. Послѣ кончины наслѣдодателя происходитъ ликвидація наслѣдства. Способъ этой ликвидаціи заслуживаетъ описанія. Вслѣд-

ствіе заявленія наслѣдниковъ въ собраніи округа созываются всѣ кредиторы. Созывъ назначается черезъ четырнадцать дней въ жилищѣ наслѣдодателя. Къ этому времени являются также 12 судей, указанныхъ наслѣдниками и кредиторами пополамъ, и 5 сосѣдей, призванныхъ для того, чтобы образовать *kvidr*. Затѣмъ производятъ ликвидацію, которая должна быть окончена въ тотъ же день. Кредиторы, обеспеченные залогомъ или ипотекою, получаютъ въ расчетъ заложенное или состоящее подъ ипотекою имущество, причемъ реституируютъ излишекъ стоимости этого имущества, если онъ существуетъ. Остальные кредиторы получаютъ другія цѣнности, по соразмѣрности ихъ претензій. Всѣ спорные вопросы, которые могутъ при этомъ возникнуть, разрѣшаются не выходя изъ засѣданія 12 судьями. Это называется *skulda domr*.

Обычная при заключеніи договоровъ форма состоитъ изъ рукопожатія (*handsal*). Однако же, въ четырехъ случаяхъ, а именно: при покупкѣ земли, сеньоріи, судна и женщины, законъ требуетъ совершенія договора при свидѣтеляхъ. Дѣйствительно, покупка женщины, какъ уже сказано, была первоначальною формою помолвки. Еще требовались свидѣтели для установленія ипотеки, потому что ипотека въ сущности составляетъ продажу съ условіемъ выкупа. Кромѣ того, договоръ объ ипотекахъ долженъ быть явленъ въ Альтингѣ. То же относится и къ условію о правѣ выкупа недвижимаго имѣнія. Требуется строгое исполненіе обязательствъ; неоплатный должникъ отдается кредитору въ крѣпостную зависимость, пока не уплатитъ долга.

Законъ съ ясностью и до мелочей высчитываетъ размѣръ платы и обязательствъ фермеровъ. Онъ также опредѣляетъ maximum роста на капиталъ (10 на 100).

Законъ о бѣдныхъ изложенъ въ отдѣльной книгѣ. Нищенство запрещено; каждый околотокъ, заключающій въ себѣ среднимъ числомъ 20 собственниковъ (*Hrepp*), обязывается содержать бѣдныхъ; съ этою цѣлью онъ назначаетъ комиссію изъ 5 членовъ, которая распредѣляетъ между собственниками бѣдныхъ, нуждамъ которыхъ они должны помогать. Однако же, околотокъ призрѣваетъ только тѣхъ бѣдныхъ, у которыхъ нѣтъ семьи. Съ родствомъ неразрывно связана обязанность давать содержаніе неимущимъ роднымъ, и родственники привлекаются къ этой обязанности въ томъ порядкѣ, въ которомъ они могутъ быть призваны къ наслѣдованію.

Наконецъ, законъ заключаетъ въ себѣ постановленія о взаимномъ страхованіи жителей противъ пожаровъ и скотскихъ падежей. Отмѣтимъ еще сельское жюри, которое разрѣшаетъ на мѣстѣ вопросы о межеваніи и касающіеся межеванія вопросы о собственности.

Теперь намъ слѣдуетъ сказать о законахъ, относящихся къ убійству и кражѣ. Здѣсь все то же древнее право мести, умѣряемое вмѣшательствомъ общественной власти, которая старается привести тяжущихся къ заключенію мира. Наказанія состоятъ изъ штрафа, обычный размѣръ котораго—3 марки, изъ изгнанія (*skovgang*) и простой ссылки (*fiorbaugsgard*). Мы уже встрѣчали эти наказанія въ другихъ скандинавскихъ законахъ, но Грагасъ съ особеннымъ стараніемъ различаетъ и описываетъ послѣдствія ихъ. Изгнанникъ отлученъ отъ церкви и выброшенъ изъ общества. Имущества его конфискованы, бракъ расторгнутъ и личность его ничѣмъ не защищена отъ нападенія перваго встрѣчнаго (*ohelgi*). Никто не въ правѣ дать ему убѣжище или способствовать побѣгу его за границу. Даже за границей всякій исландецъ можетъ безнаказанно убить его. Ему остается скитаться въ лѣсу или на горѣ и сдѣлаться обезьяною (*skovmadr*), пока онъ не умретъ отъ нищеты или пока не падетъ подъ ударами своихъ преслѣдователей. Исландская сага рассказываетъ исторію одного такого изгнанника, по имени Греттера Сильнаго, который вынесъ 19 лѣтъ подобной жизни и, наконецъ, застигнутый въ своемъ уединеніи, погибъ въ ту самую минуту, когда Альтингъ постановилъ, что дѣйствіе проскрипціи вполне прекращается послѣ 20 лѣтъ (въ 1030 году).

Нѣсколько иное положеніе простого ссыльнаго. Его имущества также конфискованы, но, платя марку сеньору, онъ получаетъ разрѣшеніе просить милостыню и пребывать въ трехъ указанныхъ ему мѣстахъ. Онъ можетъ въ каждомъ изъ этихъ мѣстъ жить не болѣе мѣсяца и переходить изъ одного въ другое, не опасаясь подвергнуться насилію, если только не будетъ отходить дальше 200 шаговъ и если, на пути, будетъ уступать дорогу проходящимъ. Въ продолженіе трехъ лѣтъ, по три раза въ лѣто, онъ долженъ являться на берегъ и просить какого-нибудь судохозяина взять его на свое судно для отправки за границу. Если онъ не прибѣгаетъ къ этимъ просьбамъ и если остается на островѣ болѣе трехъ лѣтъ или же

возвратится на островъ ранѣе чѣмъ черезъ три года послѣ своего отплытія, то дѣлается изгнанникомъ и поставленнымъ внѣ закона.

Изгнанникъ считается вреднымъ животнымъ, истребленіе котораго нуждалось въ поощреніи. Кто бы ни убилъ его, заслуживалъ награды. Самъ изгнанникъ могъ убить другого изгнанника же и тогда онъ получалъ смягченіе своего наказанія, которое превращалось на первый разъ въ вѣчную ссылку, а потомъ—въ срочную ссылку. За третьимъ убійствомъ изгнанника слѣдовало полное помилованіе. Этимъ же способомъ и друзья или родные изгнанника могли облегчать участь его, представивъ, куда слѣдуетъ, голову другого проскрипта.

Штрафу подлежали менѣе важныя преступленія. Половина его уплачивалась тяжущемуся и половина—округу (*harde*).

Чтобы дать понятіе о направленіи, которому слѣдуютъ исландскіе юрисконсульты, мы разберемъ книгу о преступленіяхъ.

Человѣкъ можетъ сдѣлать нападеніе на другого человѣка девятью способами. Онъ можетъ поразить шпагою или мечемъ, стрѣлою или какимъ-нибудь метательнымъ снарядомъ, или же дубиною. Онъ можетъ повалить свою жертву, вырвать то, что она держитъ въ рукѣ, встряхнуть ее и схватить за горло. Въ первыхъ пяти случаяхъ наказаніемъ служить или изгнаніе, или простая ссылка, смотря по тому, былъ ли нанесенъ ударъ или нѣтъ. Въ четырехъ послѣднихъ случаяхъ дѣло оканчивается всегда изгнаніемъ. Во всякомъ же случаѣ, тотъ, на кого нападаютъ, пользуется правомъ законной обороны, убивая нападающаго на мѣстѣ и въ минуту нападенія. Со стороны послѣдствій законъ различаетъ пораненіе съ пролитіемъ крови (*sar*) или съ переломомъ (*drep*) и простое убійство (*vig*). Въ этихъ трехъ случаяхъ наказаніе одно—изгнаніе. Тѣмъ болѣе наказаніе это примѣняется къ убійству съ предательствомъ или измѣною (*mord*).

Если нѣтъ свидѣтелей—очевидцевъ событія, то тотъ, кто желаетъ начать уголовный искъ, долженъ созвать пятерыхъ сосѣдей и заявить при нихъ о событіи, равно и о намѣреніи своемъ преслѣдовать виновнаго. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ право прибѣгнуть къ самосуду, до ближайшаго засѣданія Альтинга.

Обвинитель доказываетъ свой искъ посредствомъ *kvidr*, который, какъ уже объяснено, заключается въ заявленіи 9 сосѣдей.

Существуютъ шесть лицъ женскаго пола, на тѣлѣ которыхъ

каждый исландецъ имѣеть право убить оскорбителя чести: жена, дочь, мать, сестра, пріемная дочь и пріемная мать. Древній аѳинскій законъ освящалъ то же право и въ тѣхъ же выраженіяхъ, съ тою разницею, что въ немъ не упоминались ни пріемная дочь, ни пріемная мать, но прибавлена была конкубина ¹⁾. Пятеро сосѣдей призываются для того, чтобы удостовѣрить не только убійство, но и обстоятельства, вызвавшія это убійство, а виновникъ послѣдняго долженъ, въ присутствіи свидѣтелей, потребовать вызова трупа въ слѣдующее засѣданіе Тинга, дабы надъ нимъ былъ произнесенъ приговоръ изгнанія и конфискаціи имущества.

Несовершеннолѣтніе, моложе 12 лѣтъ, не несутъ личной отвѣтственности за совершенныя ими убійства. Но родители ихъ платятъ, въ этихъ случаяхъ, штрафъ.

Право на искъ за убійство принадлежитъ ближайшему наслѣднику, если только онъ имѣеть не менѣе 16 лѣтъ отъ рожденія. Родственники получаютъ это право въ слѣдующемъ порядкѣ: сынъ, отецъ, братъ, побочный сынъ, а затѣмъ ближайшій въ степени. Если есть нѣсколько лицъ равноправныхъ, то они коллективно предъявляютъ искъ и могутъ мириться только по единодушному желанію. Это опять напоминаетъ ясное постановленіе аѳинскаго закона: Πάντας, ἡτὸν κολῶντα κρατεῖν ²⁾. Въ случаѣ убійства замужней женщины, право на искъ принадлежитъ ея мужу, сыну, отцу и брату вмѣстѣ, а при недостаткѣ послѣднихъ мужъ начинаетъ дѣло одинъ. Законъ говоритъ еще о правѣ на искъ въ случаѣ убійства челоуѣка, отданнаго въ крѣпостное состояніе за долги, а также въ случаѣ убійства вольноотпущеннаго и иностранца.

Частная месть, за пораненія или убійство, дозволена въ промежутокъ времени между обнаруженіемъ преступленія и ближайшимъ засѣданіемъ Альтинга; но она пріостанавливается, если въ теченіе трехъ дней убійца предложитъ вознагражденіе. Хотя послѣднее не можетъ быть отвергнуто, однако, назначеніе его должно происходить въ Альтингѣ; за несоблюденіе же этого правила полагается ссылка. Вознагражденіе назначается 12-ю посредниками и, обыкно-

¹⁾ Законъ Дракона, приводимый Демосееномъ, *противъ Аристократа* § 53, Ἐάν τις ἀποκτείνῃ... ἐπὶ δάμαρτι, ἢ ἐπὶ μητρὶ, ἢ ἐπ' ἀδελφῇ, ἢ ἐπὶ θυγατρὶ, ἢ ἐπὶ παλλακῇ ἢ ἄν ἐλευθέροις παῖσιν ἔχῃ.

²⁾ Демосеевъ, *Противъ Макаратиса*, § 57.

венно, то увеличивается вдвое противъ законнаго штрафа, который равняется 15 маркамъ.

Изъ всѣхъ преступленій считаются тяжкими слѣдующія: убійство, совершенное въ Альтингѣ, поджогъ обитаемаго дома, убійство рабомъ одного изъ своихъ господъ и убійство съ сокрытіемъ трупа. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наказаніемъ служить проскрипція, а награда, обѣщанная тому, кто принесетъ голову изгнаннаго, опредѣлена въ 3 марки.

Платежъ штрафовъ, взыскиваемыхъ за преступленія и проступки, лежитъ на обязанности семьи виновнаго, и наоборотъ, уплаченный штрафъ распределяется въ семьѣ жертвы между родными мужескаго пола. Какъ активное, такъ и пассивное участіе въ распредѣленіи штрафа опредѣляется по извѣстному порядку, который не сходенъ съ порядкомъ наслѣдственнымъ. Въ первомъ разрядѣ (*Baugr*) находятся отецъ, сынъ и братъ. Они платятъ или получаютъ 3 марки. Второй разрядъ платитъ или получаетъ $2\frac{1}{2}$ марки и состоитъ изъ дѣда по отцу, сына сына, дѣда съ материнской стороны и сына дочери. Третій платитъ или получаетъ 2 марки и къ нему принадлежатъ братъ отца, сынъ брата, братъ матери и сынъ сестры. Наконецъ, въ четвертый и послѣдній разрядъ, платящій или получающій $1\frac{1}{2}$ марки, входятъ сынъ брата отца, сынъ пріемнаго отца, сыновья брата матери и сыновья сестры матери. Лѣстница идетъ дальше и нисходитъ до одной *öre*, т. е. осьмой части марки, для родныхъ въ пятой степени.

Обиды, смотря по обстоятельствамъ, наказываются проскрипціею, ссылкой или штрафомъ. Не дозволяется доказывать безчестящіе факты. Въ особенности запрещены оскорбительные стихи. Исландія служила колыбелью скандинавской поэзіи и знаменитѣйшіе воины исландскаго героическаго вѣка были поэтами.

Постановленія о кражѣ коротки и встрѣчаются рѣдко. Воръ, захваченный на мѣстѣ преступленія, можетъ быть убитъ безнаказанно. Если украденный предметъ стоитъ больше половины *öre*, то преступленіе наказывается проскрипціею, сверхъ двойной реституціи и штрафа въ 3 марки. Если воръ скрывалъ въ продолженіе года похищенную вещь, то могъ быть приговоренъ къ рабству. Это составляетъ единственный случай, когда исландское право угрожаетъ лишеніемъ свободы.

Розыскъ украденныхъ вещей сопровождается особыми формаль-

ностями. Истецъ является вмѣстѣ съ 30 сосѣдами. Обвиняемый съ своей стороны собираетъ также 30 сосѣдей. Требуется обыскъ и въ немъ не можетъ быть отказано. Истецъ входитъ тогда въ домъ съ тремя сосѣдами. Одно изъ лицъ, призванныхъ обвиняемымъ, свѣтитъ и отворяетъ двери. Результатъ обыска излагается въ вердиктѣ суда, состоящаго изъ 12 человѣкъ, по шести съ каждой стороны. Это—судъ двери (*dyra domr*). Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, первобытный обычай, Грагасъ же отмѣняетъ его и передаетъ дѣла этого рода въ обыкновенные суды.

Какъ въ случаѣ обиды, такъ и въ случаѣ кражи, искъ долженъ быть начатъ въ Алтингѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Для убійства подобное постановленіе не существуетъ, что и понятно, такъ какъ преслѣдованіе убійства было обязательнымъ. Такая же особенность встрѣчается въ аѳинскомъ законѣ и, безъ сомнѣнія, объясняется тою же причиною.

Вотъ главныя постановленія древнихъ исландскихъ законовъ. Мы разсмотрѣли преимущественно тѣ изъ нихъ, которыя связаны съ первобытными преданіями, съ нравственными и религіозными понятіями великой семьи арійскихъ народовъ и которыя до сихъ поръ носятъ отпечатокъ своего происхожденія. Съ этой точки зрѣнія скандинавскіе законы представляются въ высшей степени интересными, такъ какъ они нерѣдко бросаютъ неожиданный свѣтъ на нѣкоторые темные для насъ вопросы, возникающіе при изученіи древнихъ законодательствъ.

XVI.

Кельтское право. Ирландія.

Древніе памятники Ирландскаго права стали извѣстными лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Однако, это право дѣйствовало непрерывно до начала XVII столѣтія. Въ XVII вѣкѣ оно было отмѣнено и обречено на забвеніе, какъ все, что могло напомнить ирландцамъ о ихъ прежнемъ національномъ существованіи. Только въ 1852 году англійское правительство, лучше прежняго настроенное, распорядилось отыскать существующія рукописи и приказало ихъ переписать и издать. Работа поручена была филологу О'Керри и историку О'Доновану. Оба они умерли, не окончивши своего труда. Ихъ замѣнили докторъ Ганкокъ, бывшій профессоръ права въ королевской коллегіи въ Бельфастѣ, и Рев. О'Магони, профессоръ ирландскаго языка въ Дублинскомъ университетѣ. Они, въ свою очередь, отказались и дѣло продолжалъ Ричей, профессоръ права Дублинскаго университета, при содѣйствіи доктора Геннесси. Первый томъ появился въ 1865, второй въ 1869, третій въ 1873 и четвертый въ 1879 годахъ. Объявлено о выходѣ пятаго тома. Хотя сборникъ еще не оконченъ, однако онъ содержитъ слишкомъ достаточные матеріалы, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе историковъ и юристовъ. Эта работа сопряжена была съ большими трудностями, такъ какъ тексты написаны на языкѣ, который извѣстенъ, да и то не вполне, очень небольшому числу ученыхъ, занимающихся имъ, англійскій же переводъ, приложенный издателями, заставляетъ желать другого лучшаго перевода ¹⁾. Впрочемъ, если

¹⁾ *Ancient laws of Ireland*, Dublin, 1865—1879, 4 vol., in-8°.

O'Curry, *Manners and Customs of the ancient Irish*, съ предисловіемъ О'Сюлливана, 3 vol., in-8°, 1873.

этому переводу не чужды нѣкоторыя темныя и сомнительныя мѣста, то ничто не мѣшаетъ намъ ограничиться нѣсколькими окончательно принятыми наукою фактами и выводами, имѣющими весьма важное значеніе.

На первомъ мѣстѣ въ изданномъ сборникѣ стоитъ *Senchus Mor* или «великій Сенхусъ», что означаетъ — великое собраніе древностей. Онъ занимаетъ первые два тома и часть третьяго.

Если вѣрить введенію, которое находится въ началѣ этого сборника и само представляетъ древнюю рукопись, Сенхусъ Моръ былъ составленъ во время обращенія Ирландіи въ христіанскую вѣру. Святой Патрикъ прибылъ на островъ и проповѣдывалъ прощеніе обидъ. Его кучерь, Одранъ, умерщвленъ былъ по приказанію короля Лаегерѣ, желавшаго испытать—проститъ ли святой убійцу. Въ то время въ Ирландіи знали только законъ тальона, т. е. частной вражды, хотя эта вражда умѣрялась посредничествомъ третейскаго суда. Святой Патрикъ взялъ третейскимъ судьей брегонца, по имени Дубтаха, который, въ видахъ примиренія стараго закона съ новымъ, постановилъ такое рѣшеніе: «убійца будетъ преданъ смерти, но Богъ проститъ его душу». Тогда Лаегеръ со всѣмъ своимъ народомъ принялъ христіанство и послѣдовалъ пересмотръ законовъ для того, чтобы привести ихъ въ согласіе съ правилами христіанства. Трудъ пересмотра исполненъ девятью лицами, именно: тремя царями, тремя епископами, къ числу которыхъ принадлежалъ самъ св. Патрикъ, и тремя докторами,—лицами, извѣстными въ исторіи ¹⁾.

Св. Патрикъ прибылъ въ Ирландію въ 432 году. По словамъ вышеупомянутаго текста, умерщвленіе Одрана имѣло мѣсто въ девятомъ году царствованія Θεодосія, слѣдовательно, въ томъ же самомъ 432 году. Дѣйствительно, Θεодосій II, императоръ восточной римской имперіи, сдѣлался императоромъ западной имперіи по смерти своего дяди Гонорія въ 423 году и сохранилъ этотъ послѣдній титулъ, хотя въ 425 г. онъ уступилъ власть Валентиніану. Составленіе Сенхуса Мора происходило нѣсколькими годами позже, въ 438 году.

Изъ этой легенды слѣдуетъ заимствовать только то, что редак-

Sumner Maine, *Early history of Institutions*, 1 vol., in-8°, 1875.

D'Arbois de Jubainville, *Etudes sur le droit celtique. Le Senchus Mor*, Paris, 1881. Разныя статьи его же въ *Revue archéologique* и *Revue celtique*.

¹⁾ Три короля: Laeghaire, Corc и Daire; три епископа: s. Patrick, s. Benigne и s. Cairnech; три доктора: Dubhthach, Fergus и Rossa.

ція Сенхуса Мора относится ко времени введенія въ Ирландіи христіанства, т. е. къ половинѣ V вѣка. Изъ извѣстныхъ намъ рукописей, древнѣйшая принадлежитъ XIV вѣку, но о Сенхусѣ Морѣ упоминается еще въ глоссаріи Корнака, который написанъ въ началѣ X вѣка и самый характеръ постановленій, приведенныхъ въ этомъ глоссаріи, указываетъ на очень глубокую древность. Если сравнимъ Сенхусъ Моръ съ древнѣйшими памятниками права, какъ напримѣръ, съ браманскими кодексами, то сходство между ними будетъ таково, что мы вынуждены будемъ въ ирландскомъ обычаѣ, какъ и въ обычаѣ индусскомъ, одинаково признать явный слѣдъ первобытнаго права. Въ Сенхусѣ Морѣ есть такіе обычаи, которые не могли появиться послѣ введенія христіанства и латинской цивилизаціи. Такова сущность нашего памятника. Что касается формы его, то и она представляется не менѣе архаическою. Въ немъ нѣтъ ничего, указывающаго на методъ или систему. Отдѣльные постановленія стоятъ безъ видимой связи между собою, въ нихъ примѣнены правила, которыя нигдѣ не формулируются, и употреблены термины, для которыхъ не находится опредѣленій. Мало порядка и никакой общей идеи. Всюду, вслѣдствіе нарушенія размѣра, стихи превращаются въ прозу, хотя не трудно угадать и возстановить ихъ. Такимъ образомъ редактированная книга можетъ быть только сборникомъ старыхъ обычаевъ. Она можетъ принадлежать только варварской эпохѣ, которой едва коснулись первыя начала цивилизаціи.

Къ тексту приложены двѣ глоссы, гораздо позднѣйшаго происхожденія. Вторая глосса, которую можно назвать юридическою, по видимому, относится къ XVI столѣтію. Первая, имѣющая характеръ скорѣе филологическій, можетъ быть, не восходить далѣе XIV вѣка. Эти глоссы, въ особенности первая, содержатъ въ себѣ чрезвычайно много разъясненій сомнительнаго достоинства. Часто комментаторъ не понимаетъ текста и искажаетъ учрежденіе, которое пытается объяснить.

Сенхусъ Моръ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится теперь, слагается изъ пяти книгъ, далеко неравнаго объема. Полагаютъ, что существовала шестая книга, предметомъ которой были штрафы за кражу, но она не найдена ни въ одной рукописи и, вѣроятно, безслѣдно утеряна. Осталась только глосса къ ней, не представляющая никакого интереса.

Первая книга, обнимающая большую половину всего произведенія, говоритъ о наложеніи арестовъ на имущества (*athgabail*), т. е. о судопроизводствѣ или, скорѣе, о началѣ дѣла въ судѣ, такъ какъ въ древнихъ законодательствахъ арестъ служилъ только средствомъ обезпеченія иска. Это то, что у римлянъ было *legis actio per pignoris capionem*. Истецъ, предупредивши своего противника за нѣсколько времени впередъ, является къ нему въ сопровожденіи служителя правосудія и свидѣтелей и арестуетъ коровъ или иной скотъ на сумму, равную цѣнѣ его иска. Въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, арестованный скотъ оставался на нѣсколько дней во владѣніи и на храненіи отвѣтчика, но иногда взыскатель непосредственно уводилъ его и задерживалъ въ загонѣ или въ спеціально для этой цѣли устроенномъ огороженномъ мѣстѣ. Затѣмъ взыскатель посылалъ новое увѣдомленіе отвѣтчику о томъ, чтобы послѣдній взялъ обратно залогъ, уплативши издержки. Для этого, смотря по дѣлу, давался срокъ въ одинъ, три, пять или десять дней. По окончаніи срока наступалъ новый періодъ, въ теченіе котораго залогъ частями, ежедневно въ опредѣленномъ размѣрѣ, переходилъ въ собственность истца.

Отвѣтчикъ могъ остановить арестъ или уводъ скота, предложивши за себя поручительство и обратиться за рѣшеніемъ дѣла въ судъ. Если въ условленный день онъ не являлся въ судъ, то поручитель отвѣчалъ за него во всемъ. Разумѣется, отвѣтчикъ могъ, не дожидаясь того дня, въ который залогъ его цѣликомъ поступить въ пользу истца, взять этотъ залогъ обратно, заплативши долгъ и подчинившись судебному рѣшенію. Если отвѣтчикъ безусловно отказывался отъ суда, то споръ неизбѣжно оканчивался поединкомъ, условія котораго устанавливалъ обычай. Главное изъ этихъ условій состояло въ томъ, чтобы поединокъ происходилъ при свидѣтеляхъ.

Всякая неправильность въ наложеніи ареста на имущество влечетъ за собою для арестующаго наказаніе въ видѣ штрафа въ пять *sets*, т. е. пять штукъ рогатаго скота. Въ свою очередь, отвѣтчикъ, отрицающій свой долгъ, платитъ этотъ штрафъ вдвойнѣ.

Если у отвѣтчика нѣтъ ни имущества, ни скота, то онъ подлежалъ личному задержанію и отводился къ истцу съ оковами на ногахъ и съ цѣпью на шеѣ. Истецъ обязанъ былъ давать ему въ пищу только чашку мясного отвара въ день. Такое же правило существо-

вало въ законѣ XII таблицъ: *ni suo vivit, qui eum vinctum habebit, libras farris endo dies dato. Si volet, plus dato.*

Если, напротивъ, отвѣтчикъ былъ начальникомъ или важнымъ лицомъ и имѣлъ званіе высшее, чѣмъ званіе, носимое истцомъ, то обычай требовалъ выполненія одной формальности, которая встрѣчается въ браманскихъ кодексахъ и, повидимому, распространена была по всему Востоку, но которая не оставила никакого слѣда у европейскихъ народовъ. Истецъ обязанъ былъ явиться къ дверямъ своего противника и оставаться тамъ въ продолженіе извѣстнаго времени, не принимая пищи. Это служило средствомъ энергическаго понужденія. Истецъ за свой постъ получалъ по приговору суда вдвое противъ обыкновеннаго удовлетворенія, а если онъ умиралъ съ голода, то его противникъ платилъ цѣну крови, подобно убійцѣ. Въ видахъ избѣжанія этихъ послѣдствій, отвѣтчикъ могъ прекратить постъ истца, предложивши поручительство или платежъ долга. Истецъ, упорно продолжавшій поститься, несмотря на сдѣланныя ему предложенія, терялъ свое право.

Во всякомъ случаѣ арестъ не можетъ быть наложенъ во вредъ третьимъ лицамъ, которыя имѣютъ права на арестованное имущество или которыхъ арестуемый должникъ обязанъ содержать. Этимъ третьимъ лицамъ принадлежитъ на арестуемое имущество родъ привилегіи, если только они состоятъ въ высшемъ званіи, чѣмъ тотъ, кто накладываетъ арестъ. Есть еще нѣкоторыя обстоятельства, которыя дѣлаютъ ту или другую вещь на время подлежащую аресту или которыя ставятъ кредитора въ необходимость арестовать одинъ предметъ преимущественно предъ другимъ. Скотъ составляетъ главное богатство, но есть случаи, когда земля должна подвергнуться запрещенію прежде, чѣмъ скотъ. Сама личность можетъ быть арестована лишь при отсутствіи всякаго другого обезпеченія. Особныя правила предписаны для ареста пчелъ.

Вторая часть Сенхуса Мора разсуждаетъ о заложникахъ. Часто процедура арестованія кого-нибудь бываетъ неудобноисполнима, когда дѣло идетъ между лицами, принадлежащими къ разнымъ племенамъ. Въ такомъ случаѣ имѣло силу предположеніе, что всѣ члены одного племени солидарны между собою и, за отсутствіемъ должника, кредиторъ можетъ арестовать всякое другое лицо изъ того же племени. Заложникъ такимъ образомъ платилъ за другого и имѣлъ къ послѣднему рекурсъ. Этотъ обычай былъ очень распространенъ у

всѣхъ древнихъ народовъ. Сенхусъ Моръ только указываетъ на него. Текстъ и глоссы второй части его не занимаютъ и десяти страницъ.

Мы не будемъ входить въ пространный обзоръ трехъ слѣдующихъ книгъ, въ которыхъ говорится о воспитаніи дѣтей, о шетелѣ (*cheptel*) *) свободномъ и зависимомъ и, наконецъ, объ отношеніяхъ разныхъ лицъ между собою.

Дѣти вообще, не воспитывались въ родительскомъ домѣ. Отецъ поручалъ ихъ другому, который обязывался воспитывать ихъ за известную сумму, различную, смотря по званію отца, и мѣнявшуюся отъ 30 до 3 штукъ рогатаго скота. Воспитатель отвѣчалъ за дѣтей во все время, пока они оставались на его попеченіи. Этотъ обычай не исключительно принадлежалъ ирландцамъ. Онъ часто встрѣчался какъ у скандинавовъ, такъ и во всѣхъ странахъ сѣвера. Слѣдъ его можно даже найти во всѣхъ индо-европейскихъ законодательствахъ.

Чтобы хорошенько понять законъ о шетелѣ или о разныхъ способахъ феодальнаго владѣнія землею, не слѣдуетъ забывать, что земля принадлежала племени или *gens*'у, представителемъ котораго былъ выборный старшина. Послѣдній могъ отчуждать ее въ пользу иноплеменника, но сначала она должна была быть предложена членамъ своего племени, за которыми оставалось право на выкупъ и въ томъ случаѣ, если бы земля отошла въ постороннія руки. Члены *gens*'а дѣлили между собою общую землю, но земля эта находилась у нихъ только въ пользованіи. Каждый изъ нихъ имѣлъ право на шетель, который получалъ отъ старшины. Этотъ старинный порядокъ, повидимому, измѣненъ былъ въ теченіе VII столѣтія; по крайней мѣрѣ, въ одномъ ирландскомъ текстѣ имѣются слѣды раздѣла земель, послѣдствіемъ котораго явилась замѣна коллективной собственности индивидуальною и за которымъ непосредственно слѣдовалъ голодъ и чума ¹⁾. Съ другой стороны, книга Армага, сохранившаяся въ рукописи IX вѣка, содержитъ въ себѣ нѣсколько грам-

*) *Cheptel* происходитъ отъ кельтскаго *chatal* или *chetal*, скоть. Такъ назывался договоръ, по которому одинъ отдавалъ другому известное количество скота съ тѣмъ, чтобы вся прибыль отъ этого скота дѣлилась между дающимъ и принимающимъ его. Принимающій обязанъ былъ хранить скоть, кормить его и заботиться о немъ. (Прим. перев.).

¹⁾ Этотъ текстъ находится у Windisch, *Irische texte*, 1880, стр. 136.

мать о дареніи и продажѣ земель навсегда ¹⁾. Но этотъ переворотъ не измѣнилъ закона о способахъ феодальнаго владѣнія землею, предметомъ котораго служилъ, въ сущности, шетель, а не земля. Было два рода такого владѣнія—*saerrath* и *daerrath*.

Первый устанавливался свободнымъ соглашеніемъ сторонъ, равнаго съ равнымъ. Онъ продолжался семь лѣтъ и каждый годъ съемщикъ долженъ былъ платить старшинѣ третью часть довѣреннаго ему скота. Кромѣ того, онъ обязанъ былъ покорностію, воинскою службой и нѣкоторыми работами. Несмотря на это, съемщикъ могъ во всякое время отказаться отъ договора. Напротивъ, если старшина, раньше договорнаго срока, требовалъ назадъ скотъ, то долженъ былъ оставить третью часть его въ рукахъ съемщика, въ видѣ вознагражденія. Даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ фермеръ могъ продолжать свое владѣніе, подъ условіемъ дать обезпеченіе въ томъ, что возвратитъ излишекъ. Тогда *saerrath* превращался въ *daerrath*.

Этотъ послѣдній способъ владѣнія отличался тѣмъ, что ставилъ принимающаго въ зависимое и, такъ сказать, вассальное отношеніе къ дающему. Сверхъ шетеля, дающій налагалъ на принимающаго *enechlann*, т. е. почетную дань, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, была различна, смотря по званію и положенію cadaго. Такъ, дающій шетель пріобрѣталъ господствующее положеніе, а тотъ, кто черезъ это становился его вассаломъ, обязанъ былъ принимать его и давать у себя помѣщеніе для него и для его свиты, величина которой опредѣлялась обычаемъ. Количество корма, который принимающій долженъ былъ доставить дающему, зависѣло отъ званія перваго и измѣнялось отъ семи быковъ до одного барана. Въ то время, когда продукты не имѣли, такъ сказать, рыночной цѣны, лучшимъ способомъ пользованія ими было потребленіе ихъ на мѣстѣ. Чтó же касается шетеля, то принимающій обязывался возвратитъ его и долженъ былъ представить обезпеченіе въ этомъ.

Личныя отношенія были восьми видовъ. На первомъ планѣ стоятъ отношенія старшины и его съемщиковъ по *daerrath*'у, за тѣмъ отношенія между церковью и ея съемщиками, которые пла-

¹⁾ Whitley Stokes, *Goidelica, old and early middle Irish glosses*, 1872, стр. 89.

тили ей десятину и нѣкоторые оброки. Къ остальнымъ видамъ причислялись отношенія отца къ дочери, дочери къ брату, сына къ матери, питомца къ кормильцу, опекуна къ подопечному и мужа къ женѣ ¹⁾).

Всѣ эти отношенія даютъ понятіе о покровительствующемъ значеніи матери, отца и брата. Отецъ обязанъ выдать замужъ дочь, братъ—сестру. Дочь покупается женихомъ и отецъ беретъ себѣ всю сумму. Но, при послѣдующихъ бракахъ, дочь получаетъ изъ этой суммы часть, которая постепенно увеличивается, а именно, при второмъ бракѣ—третью часть, при третьемъ—двѣ трети и число такихъ случаевъ, предусматриваемыхъ закономъ, доходитъ до 21. Кажется, до введенія христіанской вѣры, браки могли быть заключаемы на одинъ годъ ²⁾. Когда отца замѣняетъ братъ, то, изъ платы за сестру, онъ получаетъ половину того, что причиталось бы отцу.

Сверхъ того, законъ до мельчайшихъ подробностей опредѣляетъ правила, налагающія на родственниковъ взаимную обязанность доставлять содержаніе.

Отношенія супруговъ обусловливаются различными обстоятельствами. Когда супруги равны какъ по положенію въ обществѣ, такъ и по вкладамъ, внесеннымъ ими для составленія общаго имущественнаго фонда, то жена пользуется одинаковыми правами съ мужемъ и одинъ безъ другого не можетъ вступать въ сдѣлки. Но въ случаѣ неравнаго брака, преимущественное значеніе въ домашнихъ дѣлахъ принадлежитъ тому, кто сдѣлалъ вкладъ. Эти правила свидѣтельствуютъ о порядкѣ вещей, который вѣроятно существовалъ повсемѣстно при возникновеніи человѣческихъ обществъ, но который также повсемѣстно исчезъ во времена составленія первыхъ кодексовъ. Кромѣ трехъ, упомянутыхъ выше, случаевъ, ирландскій законъ различаетъ еще семь другихъ, напоминаю-

¹⁾ Здѣсь ничего не говорится объ отношеніяхъ господина къ рабу не потому, чтобы рабство не существовало: въ ирландскихъ текстахъ оно часто упоминается; умолчаніе объ этихъ отношеніяхъ объясняется тѣмъ, что законъ не считалъ нужнымъ регламентировать рабство.

²⁾ Обычный срокъ, какъ свидѣтельствуетъ *Сенхусъ Моръ*, т. II, стр. 290, былъ 1 мая. Сверхъ того, объ этомъ обычаѣ упоминается въ памятникахъ древней ирландской поэзіи и въ текстахъ каноническаго права. См. Дарбуаде-Жюбенвилля и введеніе къ французскому переводу сочиненія Сомнера Мэна, стр. IX.

щихъ собою неправильныя брачныя соединенія, о которыхъ говорится въ кодексѣ Ману. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ законъ устанавливаетъ раздѣлъ имущества при разлученіи супруговъ. Вообще, супругъ беретъ свой вкладъ цѣликомъ, но благопріобрѣтенныя имущества распределяются между супругами, различно, смотря по тому, къ какому роду принадлежатъ эти имущества: выдѣлъ производится изъ земли, изъ шетеля, изъ прислуги или работниковъ.

Для всякаго предмета существуетъ особое правило: есть правила для приплода отъ скотины, для молока, для шерсти, для конопли, для зернового хлѣба и проч., а также для каждаго видоизмѣненія одной и той же вещи, напр., для шерсти въ сыромъ видѣ, для пряжи и для тканья изъ шерсти.

Послѣдняя книга Сенхуса Мора разсуждаетъ объ обязательствахъ. Обязательства происходятъ или изъ договоровъ или изъ закона и, конечно, послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ, такъ какъ въ первобытныхъ обществахъ договорныя сдѣлки совершаются не часто. Сенхусъ Моръ принадлежитъ къ той переходной эпохѣ, въ которую договоръ пересталъ быть реальнымъ и принялъ форму простого изъявленія воли сторонъ, свободно выраженного соглашенія. Съ самаго начала онъ утверждаетъ, что договоры, такимъ способомъ совершенные, обязательны. «Люди сильно страдали бы, — говоритъ онъ, — если бы стороны не были связаны ихъ словесными договорами». Между тѣмъ, въ предшествовавшую эпоху обязательство имѣло чисто факультативный характеръ, т. е. каждая обязавшаяся сторона могла отказаться отъ соглашенія, пока еще не послѣдовало исполненіе договора.

Разница между договорами, отмѣняемыми и не отмѣняемыми по волѣ одной стороны, имѣетъ существенное значеніе. Англійскіе переводчики Сенхуса Мора, вѣроятно, не вполне понимали эту разницу, когда писали: «Сколько видовъ договоровъ?» *Отвѣтъ*: Два, а именно: договоръ дѣйствительный и договоръ недѣйствительный». Но, вѣдь, это — безсмыслица, которой, конечно, въ текстѣ нѣтъ. Текстъ говоритъ о договорахъ хорошихъ и дурныхъ. Подъ послѣдними онъ разумѣетъ договоры, основанные на обманѣ и по этой причинѣ дающіе обманутой сторонѣ право на вознагражденіе. Но тѣ и другіе дѣйствительны, тѣ и другіе могутъ быть одинаково уничтожены, если въ совершеніи ихъ участвовали неспособныя лица. От-

мѣна договора влечетъ за собою возмѣщеніе того, что уплачено въ силу этого договора, съ нѣкоторыми, однако, вычетами, которые бываютъ различны, смотря по обстоятельствамъ, и которые служатъ наказаніемъ за обманъ или недобросовѣстность.

Сынъ не можетъ вступать въ сдѣлки безъ уполномочія отъ отца. Жена получаетъ для этого уполномочіе отъ мужа, наемщикъ отъ своего хозяина, лицо, находящееся въ состояніи слабоумія, отъ своего опекуна. Но недостатокъ уполномочія можетъ быть пополненъ послѣдующимъ одобреніемъ со стороны того, кто долженъ былъ уполномочить.

За обязательствами, вытекающими изъ договорныхъ отношеній, слѣдуютъ обязательства, возникающія изъ закона, а именно: обязательства между начальникомъ и подчиненными, между членами племени и между членами семьи. Обязательства по отношенію къ церкви образуютъ вторую часть книги. Всѣ эти тексты еще не вполне удовлетворительно объяснены. Въ нихъ попадаются слѣды очень любопытныхъ учрежденій, какъ напримѣръ, учрежденія пиршествъ, которыя съемщики давали своему старшинѣ и начало которыхъ восходитъ къ временамъ язычества. Законъ объявлялъ, что всякому принадлежитъ право дѣлать даренія въ пользу церкви; но въ то же время это право было очень ограничено. Въ каждомъ такомъ случаѣ приходилось считаться съ характеромъ собственности въ Ирландіи, гдѣ собственникъ по имени былъ, въ дѣйствительности, только управляющимъ или администраторомъ общаго родового имѣнія, обремененнаго повинностями въ пользу семьи. Здѣсь же появляется *precarium* каноническаго права, т. е. уступка имѣнія съ сохраненіемъ пожизненнаго пользованія имъ.

Таковъ Сенхусъ Моръ. Какъ мы видѣли, постановленія, заключающіяся въ немъ, относятся къ разнымъ эпохамъ; но многія изъ нихъ носятъ на себѣ несомнѣнную печать очень глубокой древности и должны быть приписываемы времени, предшествовавшему введенію христіанской вѣры. Эти послѣднія можно считать плодомъ самостоятельнаго національнаго творчества, чисто кельтскимъ элементомъ.

Сенхусъ Моръ есть самая объемистая, хотя и не самая важная изъ книгъ ирландскихъ законовъ. Книга Аицилля, которою оканчивается третій томъ собранія этихъ законовъ, представляетъ не менѣе значительный интересъ для изученія. Изъ самаго содержа-

нія ея обнаруживается, что матеріаломъ для нея послужили два письменныя произведенія, изъ которыхъ одно принадлежитъ королю Кормаку (около 250 г. п. Р. Х.), а другое—знаменитому Ценнфеладгу, жившему четырьмя столѣтіями позднѣе. Эта компиляція составлена была въ эпоху процвѣтанія ирландскихъ школъ. Авторъ ея занимается этимологическими изысканіями, при помощи которыхъ приводитъ не всегда толковыя ссылки на еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ языкахъ. Наиболѣе ранняя рукопись принадлежитъ первой половинѣ XV вѣка, но самое произведеніе гораздо старѣе и учрежденія, описываемыя въ немъ, безъ сомнѣнія, относятся къ отдаленнѣйшей древности ¹⁾.

Текстъ книги Аицилля не великъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ правилъ закона, перемежаемыхъ съ пословицами. Большею частью они изложены въ формѣ вопросовъ, которые играютъ роль заголовковъ для разныхъ отдѣловъ книги и на которые отвѣтъ даетъ глосса. Къ несчастію, эта глосса принадлежитъ сравнительно недавнему времени. Происхожденіе ея никакъ нельзя искать раньше XV столѣтія. Иногда она противорѣчитъ самой себѣ и можно думать, что комментаторъ не всегда вполне понималъ то, за толкованіе чего онъ брался. Поэтому мы поступимъ благоразумно, если, не вдаваясь въ подробное разсмотрѣніе этого памятника, отмѣтимъ въ общихъ чертахъ то, что въ немъ представляется наиболѣе важнымъ и безспорнымъ, а именно, что учрежденія ирландскаго народа сходны съ учрежденіями другихъ древнихъ народовъ Европы. Находящіеся передъ нашими глазами тексты знакомятъ насъ съ тою переходною эпохой, когда частная мѣсть уступила мѣсто системѣ денежныхъ вознагражденій (*eric*). Послѣднія бываютъ двоякаго рода. Прежде всего вознагражденіе, собственно такъ называемое, или цѣна тѣла (*coirp diré*), заключается, одинаково для всѣхъ случаевъ, въ семи рабыняхъ или 21 головѣ рогатаго скота. Но, кромѣ того, существуетъ еще цѣна чести (*enechlann*), точнѣе цѣна лица, т. е. сумма, размѣръ которой зависитъ отъ состоянія и общественнаго положенія жертвы.

Второй изъ этихъ двухъ родовъ вознагражденія былъ вполне чуждъ германскому праву, хотя нѣкоторые приравнивали его къ

¹⁾ Книга Аицилля уже была напечатана, хотя далеко не въ полномъ объемѣ, Шарлемъ Валянсей въ сборникѣ, озаглавленномъ *Collectanea de rebus hibernicis*, Дублинъ, 1786, т. I и III.

wer англо-саксонскихъ законовъ. Расчетъ вознагражденія въ немъ чрезвычайно сложенъ и казуистику, подобную той, въ которую вдается по этому поводу глосса, можно найти только у талмудистовъ или у брамановъ. Что же касается платы опредѣленнымъ числомъ рабынь, то она и до сихъ поръ еще сохранилась у афгановъ. Члены семьи солидарны какъ въ случаѣ уплаты, такъ и въ случаѣ полученія, но отъ нихъ зависитъ или отказаться отъ уплаты вознагражденія и предать преступника на изгнаніе, или уплатить за него опредѣленную сумму.

Сумма вознагражденія удвоивалась, если преступникъ совершилъ убійство изъ засады или если онъ скрылъ убійство, спрятавши, напримеръ, или уничтоживши трупъ. Сумма эта оставалась безъ измѣненія и для подстрекателя или соучастника. Кто ложно похвалялся тѣмъ, что совершилъ убійство, былъ виновенъ въ особомъ проступкѣ, за который полагалось вознагражденіе въ половинномъ размѣрѣ.

Убійство въ законномъ поединкѣ не влекло за собою вознагражденія. Мы видѣли, что поединокъ освященъ былъ обычаемъ въ томъ случаѣ, когда задерживаемый преступникъ отказывался дать удовлетвореніе своему противнику. То же было и тогда, когда обѣ стороны соглашались окончить между собою споръ при помощи оружія.

Размѣръ вознагражденія измѣняется, смотря по тому, принадлежала ли жертва къ числу туземцевъ или иностранцевъ, къ числу свободныхъ людей или состоявшихъ въ ленной зависимости по *daerrath'y*. Случайное убійство не избавляло отъ вознагражденія.

Существовалъ тарифъ для пораненій и побоевъ. Въ этихъ случаяхъ уплачивалась опредѣленная часть вознагражденія, положеннаго за убійство. То же самое было по отношенію къ кражѣ и къ простымъ убыткамъ. Въ послѣднемъ случаѣ, размѣръ вознагражденія находился въ прямомъ отношеніи къ званію потерпѣвшаго и въ обратномъ отношеніи къ званію нанесшаго вредъ.

Существовали также штрафы съ несправедливаго судьи, съ должника, который не платитъ долга или не удовлетворяетъ своего поручителя, и съ кредитора, который требуетъ больше, чѣмъ сколько ему слѣдуетъ. Взиманіе этихъ штрафовъ знакомитъ насъ съ древнѣйшею формою взысканія долговъ. Первоначально, лич-

ный искъ направленъ былъ не къ платежу должной суммы, а къ платежу штрафа, налагаемаго обычаемъ за нарушеніе довѣрія.

Нѣкоторыя статьи въ книгѣ Ациллія представляются какъ бы попавшими туда изъ какого-нибудь другого мѣста. Между тѣмъ, онѣ касаются предметовъ, заслуживающихъ нашего вниманія. Такъ, у ирландцевъ, какъ и у кавказскихъ горцевъ, всѣ дѣти, рожденныя замужнею женщиной, безъ отличія законныхъ отъ незаконныхъ, принадлежатъ ея мужу, если только послѣдній не согласился, за денежное вознагражденіе, отдать незаконнорожденного ребенка его естественному отцу. Кромѣ того, здѣсь, какъ и въ Сенхусѣ Морѣ, отецъ или, за отсутствіемъ отца, братъ, выдавая дочь или сестру замужъ, получаютъ плату, вносимую женихомъ и этотъ фактъ можетъ повториться до 21 раза.

Для cadaго случая глосса къ книгѣ Ациллія даетъ образчикъ разсчета. Съ трудомъ вѣрится, чтобы въ древности могли быть въ употребленіи такіе сложные разсчеты, хотя не слѣдуетъ забывать того, что разсчетъ производился брегонами, т. е. особаго рода дѣльцами. Во всякомъ процессѣ выводился счетъ актива и пассива, балансъ же выражалъ требуемую сумму. Такъ, человекъ, ужаленный пчелою, имѣетъ право требовать вознагражденіе, размѣръ котораго обусловливается важностью случая; но если онъ убилъ пчелу, то, на основаніи соотвѣтствующей статьи, онъ самъ долженъ уплатить опредѣленную сумму вознагражденія. Другая особенность этой юриспруденціи заключается въ стремленіи увеличивать число лицъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ. Напримѣръ, кража изъ обитаемаго зданія считается дѣяніемъ, причинившимъ вредъ одиннадцати лицамъ: собственнику зданія, собственнику похищенной вещи, собственнику постели, на которой спала обокраденная особа, хозяину особы, спавшей на этой постели и, наконецъ, семи главамъ семействъ, посѣщавшимъ обокраденный домъ и пользовавшимся въ немъ гостепріимствомъ. Ограничимся этими двумя образчиками казуистики, происхожденіе которой, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отнести къ позднѣйшему времени, такъ какъ она несовмѣстима съ простотою древняго права.

Законъ о ввѣдѣ во владѣніе знакомитъ насъ съ формами виндикаціи. Кто выставялъ себя собственникомъ земли, находившейся во владѣніи другого, тотъ долженъ былъ вступить на нее, разломавши огорожу, ввести туда двухъ лошадей, разнуздать и пасти

ихъ въ продолженіи ночи и дня, при одномъ свидѣтелѣ. Это самоуправство повторялось черезъ каждые десять дней, сначала съ четырьмя лошадьми и двумя свидѣтелями, а потомъ съ восемью лошадьми и четырьмя свидѣтелями. Если истцомъ была женщина, то лошади замѣнялись овцами, а свидѣтелями въ первые два раза служили женщины. Въ третій разъ истица приводила въ свидѣтели мужчину и располагалась на землѣ съ квашнею, ситомъ и хлѣбопечкою. Владѣлецъ могъ пріостановить это самоуправство не иначе, какъ обратясь къ третейскому суду. Всякое неправильное дѣйствіе съ той или другой стороны наказывается штрафомъ. Споръ кончается рѣшеніемъ суда или же поединкомъ.

Такая форма процесса составляетъ общее правило; но въ немъ, смотря по обстоятельствамъ, допускаются исключенія или видоизмѣненія, въ подробное разсмотрѣніе которыхъ мы не можемъ входить ¹⁾.

Законъ объ общей собственности и о раздѣлѣ ея налагаетъ на каждого участника раздѣла обязанность обнести свой участокъ огорожею и устанавливаетъ вознагражденіе за всякое поврежденіе, причиненное чужимъ скотомъ. Вознагражденіе исчисляется или мѣшками зернового хлѣба, или скотомъ.

Затѣмъ слѣдуютъ законы о пчелахъ и о водахъ. Продукты, доставляемые пчелами, дѣлятся между тѣмъ, кто нашелъ рой, собственникомъ дерева, занятаго роємъ, и собственникомъ земли, на которой растетъ это дерево. Права на воду устанавливаются обычаемъ. Каждый собственникъ можетъ пріобрѣсти, посредствомъ вознагражденія, право на проведеніе воды по землѣ своего сосѣда.

Очень краткое и не глоссированное постановленіе опредѣляетъ то, что можетъ быть названо периметромъ домашней защиты. Для *bo-aige*, или простого главы семьи, оно равняется пространству, на которое можетъ метнуть копье. Постепенно удваиваясь, это пространство растетъ вмѣстѣ съ социальнымъ положеніемъ лица, для жительства котораго оно предназначается и, наконецъ, король

¹⁾ Издатели сборника по ошибкѣ присоединили къ трактату о ввѣдѣ во владѣніе другой трактатъ, разсуждающій о договорахъ вообще. Заключающіяся въ послѣднемъ правила, кажется, принадлежатъ къ сравнительно новѣйшему времени и, повидимому, заимствованы изъ римскаго права. Въ немъ идетъ рѣчь о продажѣ чужого имущества, о правахъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя, о завѣщаніяхъ женщинъ. Но трудно признать эти правила происшедшими изъ древняго ирландскаго права.

имѣть право на дистанцію въ 64 раза большую. Кто бы ни переступилъ эту черту, всякій пользуется защитой главы дома. Если человѣкъ, находящагося внутри этого пространства, преслѣдуютъ или бьютъ, то глава дома получаетъ штрафъ въ размѣрѣ семи рабынь или по цѣнѣ его чести.

Очень краткое разсужденіе о преступленіяхъ важно въ томъ смыслѣ, что опредѣляетъ въ принципѣ активную и пассивную солидарность семьи относительно платежа и полученія штрафа или *eric'a*. Первые двѣ семейныя группы, о которыхъ сейчасъ будетъ сказано, призываются, въ этомъ случаѣ, по тому же порядку, который соблюдается при наслѣдованіяхъ.

Не будемъ говорить объ отдѣлѣ, который озаглавленъ: «За преступленіе конфискуется земля». Авторъ этого отдѣла ссылается на евангеліе отъ Іоанна и даже на одинъ римскій законъ. Равнымъ образомъ, оставляемъ въ сторонѣ отрывокъ въ шесть строкъ, носящій названіе: «Дѣленіе земли» и останавливаемся на одномъ изъ важнѣйшихъ мѣстъ всего сборника. Мѣсто это такъ же кратко. Оно говоритъ о дѣленіи семьи, или, пожалуй, о степеняхъ родства.

Соображая это мѣсто съ другими данными, находящимися въ книгѣ Аицилля, мы можемъ составить себѣ понятіе объ ирландской семьѣ. На первый взглядъ это кажется очень труднымъ, вслѣдствіе чего англійскіе и американскіе ученые, касавшіеся этого предмета, Сомнеръ Мэнъ, Макъ-Леннанъ и Сэлливанъ, дали объясненія, несходныя между собою и мало удовлетворительныя. По нашему мнѣнію, общая ошибка ихъ заключалась въ томъ, что они искали самобытности въ такомъ учрежденіи, которое, очевидно, заимствовано изъ каноническаго права и которое сходно съ подобными же учрежденіями другихъ вѣтвей индо-европейской расы. Сущность этого учрежденія такова: въ Ирландіи родство обнимаетъ 17 лицъ, распредѣляющихся по четыремъ группамъ. Первая группа, составленная изъ пяти лицъ, называется *geilfine*, т. е. родство руки; вторая группа, *derbhfine*, заключаетъ въ себѣ четырехъ лицъ. Столько же лицъ въ третьей, *iarfine*, и въ четвертой, *eindfine*. Каждая изъ послѣднихъ трехъ группъ соотвѣтствуетъ одной изъ фалангъ четырехъ пальцевъ руки (за исключеніемъ большого пальца). За предѣлами этого дѣленія родство прекращается и ближайшіе къ четвертой группѣ родные носятъ названіе тѣхъ, которые находятся за ногтями, *ingen ar meraib*. Текстъ поясняетъ, что первая группа,

geilfine, содержитъ въ себѣ самыхъ юныхъ, а послѣдняя, *eindfine*, — самыхъ старыхъ. Это устройство семьи служитъ основаніемъ для распредѣленія правъ на наслѣдованіе и для раскладки цѣны крови.

Дадимъ объясненіе этой системы. Англійскіе ученые, занимавшіеся ею, отправлялись отъ того предположенія, что 17 лицъ, упоминаемыхъ въ текстѣ, составляютъ 17 индивидуумовъ. Предположеніе это, повидимому, раздѣляется и глоссою; но въ немъ заключается коренная ошибка, ведущая къ самымъ нелѣпымъ послѣдствіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если группа должна состоять изъ опредѣленнаго числа индивидуумовъ, то пришлось бы каждому индивидуума, неожиданно родившагося и составившаго въ этой группѣ излишекъ, отнести къ слѣдующей группѣ. Такимъ образомъ родство находилось бы постоянно въ состояніи неопредѣленности и колебанія. Развѣ же не ясно, что слово *лицо* имѣетъ здѣсь отвлеченный смыслъ и обнимаетъ всѣхъ индивидуумовъ, сколько бы ихъ ни было, носящихъ по родословной таблицѣ одно и то же названіе? Такъ, сынъ есть лицо, братъ — другое лицо, причемъ число сыновей или братьевъ не играетъ здѣсь никакой роли. Такой же смыслъ получаетъ лицо и на языкѣ римскаго права, гдѣ считается 4 лица въ первой степени родства, 12 — во второй, 32 — въ третьей, 80 — въ четвертой, 184 — въ пятой, 448 — въ шестой и 1024 — въ седьмой. Юрисконсультъ Павелъ, давшій этотъ расчетъ, ясно говоритъ, что каждое лицо можетъ содержать въ себѣ нѣсколькихъ индивидуумовъ: «*primo gradu cognationis, sunt susum versum duo, pater et mater, deorsum versum duo, filius et filia: qui tamen et plures esse possunt*» ¹⁾).

Родство вездѣ старались представить въ осязательномъ видѣ, приравнивая его къ членамъ человѣческаго тѣла. У римлянъ брали для этого все тѣло. Въ Швабскомъ Зерцалѣ, какъ и въ ирландскомъ правѣ, типомъ служатъ рука и кисть руки до ногтя.

Послѣ этого уже не трудно возстановить всю ирландскую систему родства. Каждая изъ четырехъ группъ соотвѣтствуетъ тому, что въ средніе вѣка и въ каноническомъ правѣ называлось *parentela*. Первая группа обнимаетъ, сверхъ *de cujus*, четырехъ нисходящихъ въ прямой линіи, именно: сына, внука, правнука и праправнука. Вторая группа состоитъ изъ отца, брата, сына брата и

¹⁾ L. 10, § 12, D. *De gradibus et adfinibus et nominibus eorum*.

внука брата. Въ третьей группѣ—дѣдъ, дядя, сынъ и внукъ дяди. Наконецъ, къ четвертой группѣ принадлежатъ: прадѣдъ, двоюродный дѣдъ, сынъ и внукъ послѣдняго. Эти четыре группы какъ бы вставляются одна въ другую и первая обнимаетъ дѣйствительно самыхъ молодыхъ, а послѣдняя—самыхъ старыхъ.

Здѣсь, разумѣется, идетъ рѣчь только объ агнатахъ, т. е. о родствѣ чрезъ лицъ мужескаго пола: ирландскій законъ другого родства не признаетъ. Нельзя не замѣтить еще того, что въ этой системѣ нѣтъ права представленія. Впрочемъ, послѣднее теряетъ значеніе въ виду того способа, по которому распредѣляются наследственные имущества.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ ограниченіе родства въ четвертомъ поколѣніи каждой группы. Такое же ограниченіе встрѣчается въ афинскомъ правѣ, гдѣ *ἀγχιστεία* прерывалась послѣ троюроднаго брата.

Книга Ациллія ставитъ вопросъ: каковы права этихъ группъ въ наследованіи? Отвѣтъ имѣется только въ глоссѣ. Въ ирландской системѣ родства наследственные имущества сначала переходятъ въ первую группу, а при недостаткѣ ея они распредѣляются между остальными тремя группами, именно: три четверти всего наследства поступаетъ во вторую, три четверти четвертой части—въ третью и, наконецъ, четверть четвертой части—въ четвертую. Порядокъ перехода наследства измѣняется вслѣдствіе недостатка той или другой группы, но соотношеніе частей всегда остается неизмѣннымъ. Впрочемъ, при теперешнихъ нашихъ свѣдѣніяхъ невозможно составить себѣ точное понятіе о системѣ наследованія, излагаемой глоссою, и стараться раскрыть эту систему во всей подробности значило бы терять понапрасну время ¹⁾.

Послѣдній отдѣлъ сборника носитъ имя *Crith Gabhlach* и знакомитъ съ званіями и правами разныхъ лицъ, составляющихъ ир-

¹⁾ Это распредѣленіе наследства между родственниками, безъ исключенія дальнѣйшихъ ближайшими, обусловливается круговою порукою, лежавшею въ основѣ первобытной семьи. Въ другихъ странахъ мы находимъ по этому предмету иные порядки, напр., въ Салическомъ законѣ, гл. LXII: *De compositione homicidii* и во 2-мъ капитуларіи, составляющемъ прибавленіе къ тому же закону, гл. III: *De homine ingenio occiso* (изд. Behrend, стр. 79 и 94). Въ древнемъ римскомъ правѣ призваніе *gentiles* къ наследованію, кажется, было коллективнымъ и не знало различія степеней.

ландскій народъ, т. е. просто свободныхъ людей, дворянъ и короля. Существуетъ семь классовъ благородныхъ и семь неблагородныхъ. Каждому изъ этихъ классовъ соотвѣтствуетъ опредѣленное значеніе и цѣна чести, назначаемая по соразмѣрности съ общественнымъ положеніемъ лица. Законъ опредѣляетъ права и обязанности классовъ и ихъ взаимныя отношенія. По мнѣнію О'Кэрри, этотъ отдѣлъ книги долженъ быть отнесенъ къ VI вѣку. Но въ настоящее время вообще признается, что происхожденіе его имѣло мѣсто не раньше XIV вѣка и что изображаемый въ немъ порядокъ, по крайней мѣрѣ отчасти, составляетъ вымыселъ автора его. Эти обстоятельства освобождаютъ насъ отъ подробнаго разбора названнаго отдѣла книги Аицилля. Тѣмъ не менѣе мы можемъ позаимствовать изъ него описаніе *enechlann*'а, свойственнаго каждому классу и характеризующаго его. Высшій въ Ирландіи *enechlann* короля равняется 28 кумгаламъ. *Enechlann* простолюдина состоитъ изъ одной штуки обыкновеннаго рогатаго скота, т. е. одной шестой части кумгала ¹⁾).

Тексты, которые мы видимъ переведенными и изданными въ четырехъ томахъ, представляютъ главный, но не единственный источникъ свѣдѣній о древнемъ ирландскомъ правѣ. Эти тексты могутъ быть провѣрены и дополнены еще кое-какими документами, которыхъ подлинность и древность не подлежатъ сомнѣнію. Они извѣстны съ давнихъ поръ, но только въ настоящее время явилась возможность оцѣнить ихъ значеніе. Мы разумѣемъ каноническіе тексты, какъ, напримѣръ, Исповѣдь св. Патрика ²⁾ и носящіе его имя экклезіастическіе тексты. Къ этимъ документамъ, относящимся къ V вѣку, слѣдуетъ прибавить *Collatio canonum hibernica*, изложенный въ рукописи VIII вѣка ³⁾. Согласіе всѣхъ этихъ документовъ съ постановленіями, содержащимися въ ирландскихъ текстахъ, устраняетъ всякіе споры и сомнѣнія.

Прежде всего, мы находимъ въ нихъ систему вознагражденій

¹⁾ D'Arbois de Jubainville сдѣлалъ это описаніе въ своемъ *Étude sur le Senchus Mor*, стр. 62.

²⁾ *Confessio S. Patricii*, въ латинской Патрологіи Миня, т. LIII. Ср. въ томъ же томѣ синодальные каноны св. Патрика съ такими же канонами Патриція, Ауксилія и Иссерника.

³⁾ Въ извлеченіи помѣщенъ въ I томѣ *Spicilegium* Ашери, а въ полномъ составѣ Вассершлебеномъ: *Die irische Canonensammlung*, Лейпцигъ, 1885.

со всѣми ея особенностями. Святой Патрикъ говоритъ въ своей Исповѣди, что онъ роздалъ бѣднымъ цѣну 15 человѣкъ, *pretium quindecim hominum*. А извѣстно изъ Сенхуса Мора и изъ книги Аицилля, что цѣна одного человѣка равнялась 7 рабынямъ или 21 дойной коровѣ. Что касается до цѣны чести, или платы за честь, то о ней ясно сказано въ одномъ канонѣ, по отношенію къ кражѣ и ко всякому другому преступленію, жертвою котораго сдѣлался король или епископъ. Виновный долженъ заплатить семь рабынь или семь лѣтъ нести эпитемію, *septem ancillarum pretium reddat, aut septem annis poeniteat* ¹⁾. Такова, въ дѣйствительности, была плата за честь короля. Каноны, подобно книгамъ брегоновъ, не знаютъ другой монеты, кромѣ *cumhal* или *pretium ancillae* и *pretium vassae* или *sedatium* (по-ирландски *set*) ²⁾.

Правоспособность женщинъ опредѣляется здѣсь такъ же, какъ въ Сенхусѣ Морѣ. Онѣ могутъ получать наслѣдственное имущество исключительно на правѣ пожизненнаго владѣнія. Онѣ обязываются, подѣ обезпеченіемъ поручительства, не передавать имущества, въ чужой родъ. Отчуждать что-либо онѣ могутъ только съ разрѣшенія родныхъ, выраженнаго словами или подразумѣваемаго. Имъ дозволяется свободно распоряжаться лишь движимостію, *vaccas, vestes, et vasa, partem de ovibus et lanam* ³⁾. Постановленіе Сенхуса Мора о томъ, кто можетъ быть поручителемъ, воспроизведено буквально въ слѣдующемъ канонѣ: «*Non est dignus fidejussor fieri servus, nec peregrinus, nec brutus, nec monachus nisi imperante abbate, nec filius nisi imperante patre, nec femina nisi domina, virgo sancta*» ⁴⁾. Хозяйкою становится та жена, которая принесла съ собою бѣльшее состояніе, чѣмъ ея мужъ; она, какъ и по Сенхусу Мору, повелѣваетъ въ домѣ. Это же постановленіе перешло въ галльскіе законы, составленные въ X вѣкѣ ⁵⁾.

Подобныхъ сравненій можно сдѣлать много. Но мы ограничимся лишь нѣсколькими изъ нихъ. Такъ, въ главѣ *De parentibus et eorum hereditibus* установленъ схожій съ Моисеевымъ закономъ поря-

¹⁾ XLVIII, 5.

²⁾ II, 14 и 15; XVIII, 7; XLI, 4. Другіе примѣры у Вассершлебена: *Bussordnungen der abendländischen Kirche*, Галле, 1851, стр. 140--142.

³⁾ XXXII, 20.

⁴⁾ XXXIV, 3.

⁵⁾ *Ancient laws and institutes of Wales*, Лондонъ, 1841, стр. 784.

докъ наслѣдованія, по которому дочери призываются послѣ сыновей и, затѣмъ, соблюдается близость родства: сначала братья, потомъ дяди, а за отсутствіемъ послѣднихъ, *proximi* ¹⁾). Этотъ законъ напоминаетъ толкованіе, которое дано нами по отношенію къ четыремъ группамъ ирландской семьи. Трудно допустить, чтобы гражданскій законъ по этому предмету не былъ согласованъ съ каноническимъ закономъ.

Вообще, имущества должны оставаться въ семьѣ. Впрочемъ, движимыя имущества дозволяется отчуждать въ опредѣленной мѣрѣ и такое отчужденіе дѣлается даже обязательнымъ, когда заинтересованнымъ лицомъ является Церковь. Такъ, плата за погребеніе вычитается, въ пользу Церкви, изъ наслѣдственной массы и имѣетъ преимущество предъ всѣми другими кредиторами. Эта плата состоитъ изъ коровы, лошади, одежды и постельнаго одѣяла, а если умершій былъ сановникомъ, то Церковь беретъ двухъ лошадей съ экипажемъ и сосудъ, изъ котораго покойный пилъ ²⁾).

Отвѣтственность семьи въ уголовномъ дѣлѣ опредѣляется такъ же, какъ и въ книгахъ ирландскаго закона. Послѣ преступника, эта отвѣтственность падаетъ на отца, брата и двоюроднаго брата, потомъ на начальника племени и наконецъ на короля. Но между начальникомъ племени и королемъ имѣется еще одно отвѣтственное лицо—тотъ, кто снабдилъ бѣжавшаго преступника оружіемъ или одеждою или кто далъ ему пищу и ночлегъ ³⁾).

По канонамъ, поручитель имѣетъ сроки для уплаты,—пятнадцать, двадцать, тридцать или сорокъ дней. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, эти сроки ограничиваются пятнадцатью или, даже, пятью днями, если должникъ живъ, и тридцатью днями, если онъ умеръ ⁴⁾). Просрочившій должникъ обязанъ уплатить сумму долга и, сверхъ того, вознагражденіе, равное потерямъ, которыя понесъ кредиторъ, *quantum fatigatus fuerit*. Независимо отъ всего этого, безжалостный кредиторъ въ правѣ былъ потребовать проценты за годъ, въ громадномъ размѣрѣ 20 на 100 въ мѣсяць ⁵⁾).

¹⁾ XXXII, 9. Одинъ изъ синодальныхъ каноновъ св. Патрика говоритъ о *quatuor genera*.

²⁾ XVIII, 6. Ср. XLI, 10 и XXXII, 22.

³⁾ XLII, 30.

⁴⁾ XXXIV, 4. Этотъ текстъ, съ нѣкоторыми измѣненіями въ цифрахъ, перешелъ въ галльскіе законы. *Ancient laws of Wales*, стр. 815.

⁵⁾ XXXIV, 5.

Слѣдуетъ еще указать на главы о кражѣ въ церквахъ ¹⁾, о поклажѣ ²⁾, о вредѣ, причиняемомъ собаками и курами ³⁾. Въ нихъ также имѣются многочисленные тексты, способствующие разъясненію книгъ ирландскаго закона.

Если мы соединимъ данныя, заключающіяся въ старинныхъ памятникахъ ирландской литературы или въ канонахъ, съ указаніями книгъ закона, то въ состояніи будемъ возстановить систему доказательствъ, употреблявшихся въ древнемъ ирландскомъ судопроизводствѣ. Прежде всего, доказательствомъ являются магическія дѣйствія, которыя должны были вызвать сверхъестественныя откровенія, какъ, напримѣръ, ворожба посредствомъ волшебной палочки, или концами пальцевъ, или посредствомъ сновидѣній. Эти средства были въ употребленіи до тѣхъ поръ, пока судебная власть, или, если можно такъ выразиться, посредническая власть находилась въ рукахъ особаго класса *filé*. Затѣмъ слѣдовалъ судебный поединокъ, который также имѣлъ значеніе суда Божьяго. Таково было судопроизводство въ эпоху язычества. Но оно было уничтожено св. Патрикомъ ⁴⁾. Тѣмъ не менѣе, каноны разрѣшаютъ судѣ, въ извѣстныхъ случаяхъ, совѣщаться съ божествомъ при посредствѣ жребія ⁵⁾, а испытаніе кипяткомъ упоминается въ Сенхусѣ Морѣ ⁶⁾. Существованіе обязательствъ можетъ быть доказываемо или заявленіемъ договаривающихся и поручителей, или свидѣтельскими показаніями, или же письменными актами ⁷⁾; но когда доказательства, представленныя сторонами, оказываются противорѣчивыми, то окончательное рѣшеніе дѣла зависитъ отъ присяги. Послѣдняя принимается тою изъ сторонъ, которая выставила самое большое число свидѣтелей или, по крайней мѣрѣ, тою, на которую указываетъ брошенный жребій ⁸⁾. Въ канонахъ дѣйствуетъ институтъ ⁹⁾ соприсяжниковъ.

Такимъ же способомъ производились дѣла по спорамъ о собственности. Дѣло рѣшалось присягою и присягала сторона, указан-

¹⁾ XXIX, 5, 7, 8.

²⁾ XXX.

³⁾ LIII, 5, 9.

⁴⁾ XXXIV, 2, 6.

⁵⁾ XXVI, 6. *De eo quod inter dubia sors mitti debet.*

⁶⁾ T. I, стр. 195.

⁷⁾ XXXIII, 4.

⁸⁾ XVI, 15; XXXVI, 7: *a pluribus erit juramentum*. Ср. XXX, 5.

⁹⁾ XVI, 6.

ная судьбою или жребіемъ. Когда спорили двѣ церкви и въ основаніе спора не было представлено письменныхъ документовъ, то предположеніе о правѣ собственности допускалось въ пользу той церкви, которая владѣла имѣніемъ въ теченіе юбилейнаго періода, т. е. въ продолженіе 50 лѣтъ ¹⁾. Такимъ образомъ, еврейскій юбилей, по силѣ котораго имущества возвращались въ руки прежнихъ собственниковъ, получилъ здѣсь противоположный смыслъ и превратился въ пріобрѣтательную давность.

Сдѣланный нами сжатый обзоръ ирландскаго права приводитъ къ двумъ заключеніямъ. Съ одной стороны, не наступило еще время для систематическаго изложенія древняго права Ирландіи. Необходимо подождать, пока всѣ памятники этого права будутъ изданы и, въ особенности, пока тексты будутъ надлежащимъ образомъ объяснены и переведены. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, по этому предмету, исполнены были замѣчательныя работы, между которыми мы должны поставить на первомъ планѣ труды д'Арбуа-де-Жюбенвилля въ *Revue celtique*. Результаты, достигнутые ими, слишкомъ важны для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе въ благополучномъ окончаніи начатыхъ изслѣдованій. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ филологія сдѣлаетъ, что нужно, а затѣмъ уже возьмется за свое дѣло юристы и историки.

Съ другой стороны, и теперь уже можно измѣрить громадность услуги, которую оказало наукѣ опубликованіе памятниковъ ирландскаго права. Изслѣдованія кельтскихъ древностей долгое время были дискредитируемы, благодаря многочисленнымъ ошибкамъ и нелѣпостямъ, въ которыя увлекала ученыхъ загадочность неизвѣстнаго. Только въ послѣднее время эти изслѣдованія ведутся по строгому методу и въ чисто научномъ направленіи. Начинаютъ теперь знакомиться съ кельтскими нарѣчіями, узнаютъ происхожденіе ихъ и мало-по-малу восстанавливаютъ ихъ грамматику и словарь. То же дѣлается и по отношенію къ учрежденіямъ. Для знакомства съ учрежденіями, имѣлись далеко не полныя свѣдѣнія, содержащіяся лишь въ сочиненіи Цезаря. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, стали искать другихъ источниковъ. Собраны и изслѣдованы были древнія грамматы Бретани, написанные обычаи шотландскихъ горцевъ и сбор-

¹⁾ XXXII, 23 и 24: „requiratur a senioribus propinquis quantum temporis fuit cum altera, et si sub jubileo certo mansit sine vituperatione, maneat in aeternum“. Ср. XXXVI, 10 и 11.

ники обычаевъ Валлійскаго княжества. Такимъ путемъ пришли къ остроумнымъ выводамъ, но не оказалось ничего точнаго и положительнаго. Въ результатъ явились мнѣнія, хотя довольно правдоподобныя, но лишенные основанія, такъ какъ старинные документы, на которыхъ упомянутыя мнѣнія опирались, не шли дальше IX или X столѣтій. Эти документы, правда, сохранили слѣды учрежденій и можно думать, что послѣднія имѣютъ кельтское происхожденіе, но утверждать это было бы слишкомъ смѣло. Возражаютъ, что арморическая Бретань, провинція Валлисъ и даже Шотландія, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подчинялись римскому владычеству; а послѣ паденія римской имперіи на нихъ дѣйствовало вліяніе франковъ и англосаксовъ. Первобытныя учрежденія, къ тому же, были глубоко измѣнены введеніемъ каноническаго права. Эти возраженія были серьезны и долгое время считались неопровержимыми. Но опубликованіе ирландскихъ текстовъ ввело новый элементъ въ споръ. Ирландія никогда не была подвластною ни римлянамъ, ни англосаксамъ. Датчане пришли въ нее лишь въ концѣ VIII столѣтія. Если Сенхусъ Моръ и другія книги брегоновъ относятся къ предшествующей эпохѣ и если они, по меньшей мѣрѣ, воспроизводятъ болѣе раннее преданіе, то слѣдуетъ думать, что наука кельтскаго права нашла, наконецъ, для себя прочное основаніе. Теперь мы въ состояніи отмѣтить то, что есть кельтскаго въ документахъ Арморики и Валлиса. Мы можемъ измѣнить и свести къ правильнымъ соотношеніямъ вліяніе, оказанное на эти обѣ страны римлянами, франками и англосаксами.

Итакъ, кельтскимъ народностямъ слѣдуетъ отвести мѣсто, принадлежащее имъ среди большой индо-европейской семьи. Какъ языкъ ихъ имѣетъ связь съ санскритомъ, такъ и учрежденія ихъ происходятъ отъ учрежденія браманской Индіи. Подобно остальнымъ народамъ той же расы, кельты знали и имѣли въ своемъ употребленіи частную мечь, цѣну крови, тарифъ пораненій, покупку женъ, племенную жизнь, право коллективной собственности на землю, ордаліи, доказательство присягою и соприсяжниковъ. Если же у нихъ существовали какія-нибудь особливныя черты, то не нужно упускать изъ вида общій характеръ кельтовъ, имѣющій сходство съ характеромъ германцевъ и славянъ. У всѣхъ этихъ народовъ право основано было на однихъ и тѣхъ же понятіяхъ, росло и развивалось по однѣмъ и тѣмъ же послѣдовательнымъ фа-

замъ. Учрежденія однихъ освѣщаются и разъясняются учрежденіями другихъ. И хотя наука сравнительнаго правовѣдѣнія не сказала еще своего послѣдняго слова, но она, въ настоящее время, уже выдѣлила основныя черты строящагося зданія, и обнародованіе текстовъ ирландскаго права, несмотря на всю ихъ неполноту, дало не мало матеріала для постройки этого зданія.

XVII.

Древнее Германское право. Салическій законъ.

Съ того времени, какъ Пардессю, въ 1843 году, издалъ салическій законъ, появилось, по поводу этого закона, много значительныхъ работъ во Франціи, Англіи и Германіи. Пардессю изслѣдовалъ и сравнилъ всѣ извѣстныя рукописи, которыя передавали содержаніе Салическаго закона и которыхъ число достигало до 67. Онъ распредѣлилъ эти рукописи по разрядамъ и получилъ, такимъ образомъ, семь разныхъ текстовъ, не считая текста, изданнаго въ 1557 году Герольдомъ на основаніи рукописи, въ настоящее время уже не существующей. За рукописями слѣдовали меровингскіе капитуляріи Хильдеберта, Клотара и Хильперика, изъ которыхъ послѣдній былъ въ то же время открытъ Пертцомъ въ лейденской рукописи. Множество примѣчаній разъясняли трудныя мѣста текста. Наконецъ, 14 разсужденій излагали въ систематическомъ порядкѣ цѣлое Меровингское право и свѣдѣнія о Салическомъ законѣ дополнены были не только рипуарскимъ, бургундскимъ и другими законами варваровъ, но также свидѣтельствомъ Григорія Турскаго и современныхъ писателей, въ особенности же изслѣдованіемъ формулъ и актовъ, которые были хорошо извѣстны Пардессю, такъ какъ онъ только что докончилъ, по порученію института, новое изданіе большого собранія меровингскихъ грамматъ, начатое Брекинъи и Ляпортъ-дю-Тэлемъ. Благодаря этому труду, отличающемуся строгимъ методомъ и полною эрудиціею, получилось то, чего недоставало въ предшествовавшихъ работахъ, а именно получился прочный фундаментъ, который еще болѣе окрѣпъ впослѣдствіи, когда появились критическія изданія другихъ памятниковъ той же эпохи. Сборникъ формулъ, выпущенный въ свѣтъ Е. де-Розіеромъ, и тек-

сты законовъ, помѣщенныхъ, подъ редакціею Пертца, въ большой коллекціи *Monimenta Germaniae*, окончательно подготовили почву и установили основы для изслѣдованія Салическаго закона. Эту послѣднюю коллекцію можно считать полною съ тѣхъ поръ, какъ Зомъ (Sohm), въ 1883 году, издалъ *lex Ribuaria*.

Тогда наступило время для новѣйшихъ изслѣдованій о франкскомъ правѣ. Нѣмцы по преимуществу устремились на этотъ путь въ надеждѣ пересоздать германское право, которое они считают однимъ изъ главныхъ факторовъ современной цивилизаціи. Много знанія и воображенія потрачено было на разслѣдованія. Прибѣгли къ самымъ смѣлымъ предположеніямъ, къ самымъ рискованнымъ комбинаціямъ. Но былъ ли успѣхъ, въ томъ сомнѣваются наиболѣе компетентные судьи. Ученый Вайтцъ, издавшій въ 1844 году первый томъ своей исторіи нѣмецкой конституціи, въ настоящее время въ третьемъ изданіи этого сочиненія признаетъ, что изъ всѣхъ, столь хитро созданныхъ системъ получились ничтожные результаты и что почти во всѣхъ вопросахъ, касающихся салическаго закона, благоразуміе заставляетъ придерживаться осторожныхъ выводовъ Пардессю ¹⁾. Къ такому же заключенію приходитъ и авторъ новѣйшаго изслѣдованія о салическомъ законѣ, Фальбекъ, профессоръ лундскаго университета, въ Швеціи. Возразивши противъ всѣхъ упомянутыхъ нѣмецкихъ теорій, Фальбекъ кончаетъ тѣмъ, что меровингская монархія была абсолютною, что она возникла во время завоеванія и что она наложила одно и то же ярмо какъ на франковъ, такъ и на галловъ ²⁾.

Слѣдуетъ ли отсюда, что всѣ названныя сочиненія нѣмецкихъ писателей были бесполезны? Конечно, нѣтъ. Если достигнутые ими результаты оказались не соотвѣтствующими затраченнымъ усиліямъ ихъ, то все же эти результаты были, и очень интересно разсмотрѣть ихъ.

Сначала скажемъ о текстѣ закона. Въ 1846 году Вайтцъ издалъ въ Германіи книгу *Древнее право салическихъ франковъ*, пытаясь, при помощи трудовъ Пардессю, возстановить первоначальный текстъ Салическаго закона. Послѣ него Меркель въ 1850 и Берендъ въ

¹⁾ Waitz, *Deutsche Verfassungsgeschichte*, t. II. 1882.

²⁾ *La royauté et le droit royal francs, durant la première période de l'existence du royaume* (486—614), par Fahlbeck. Traduction française, 1 vol, in-8°, Lund, 1883.

1874 г. опять выпустили въ свѣтъ этотъ же текстъ въ томъ видѣ, какъ они его представляли себѣ, стараясь отдѣлить подлинникъ отъ дополненій, появившихся въ позднѣйшее время. Недавно Альфредъ Гольдеръ задумалъ перепечатать поочередно всѣ главныя рукописи, но остановился на шестой, и пріостановка этого мало полезнаго труда, по всей вѣроятности, не вызоветъ большого сожалѣнія. Въ дѣйствительности, только тѣ рукописи возбуждаютъ особый интересъ, которыя не были изслѣдованы Пардессю. Изъ нихъ появились на свѣтъ, до сихъ поръ, лишь двѣ. Одну сполна издалъ Губе въ Варшавѣ, въ 1867 году; взятая изъ Клермонтскаго собора, она беретъ свое начало въ четвертомъ текстѣ Пардессю. Другая находится въ *lex emendata*, въ С.-петербургской Императорской Публичной Библіотекѣ. Въ 1880 году Гессельсъ напечаталъ въ Лондонѣ великолѣпное синоптическое изданіе съ десятью текстами, въ числѣ которыхъ имѣется и текстъ Герольда и къ которымъ прибавленъ еще текстъ *lex emendata*. Этотъ сборникъ даетъ возможность обнять однимъ взглядомъ различія въ редакціяхъ закона и значительно облегчаетъ изслѣдованіе его, но онъ ничего не прибавляетъ къ тому, что уже извѣстно намъ объ этомъ законѣ.

Если въ настоящее время критика текста не далеко ушла въ сравненіи съ 1843 годомъ, то нельзя того же сказать о толкованіи мальбергическихъ глоссъ. Эти глоссы или формулы, разсѣянные по древнѣйшимъ рукописямъ салическаго закона, долгое время приводили въ отчаяніе ученыхъ. Уже въ VIII и IX столѣтіяхъ онѣ стали непонятными для копистовъ, которые переписывали или, лучше сказать, уродовали ихъ, полагая, что онѣ написаны на греческомъ языкѣ. Со времени Пардессю языкъ ихъ считался кельтскимъ. Нѣкоторые узнавали въ нихъ нѣмецкія слова, облеченныя въ какія то странныя формы. Наконецъ, въ 1850 г., въ статьѣ, приложенной къ изданію Меркеля, Яковъ Гриммъ изслѣдовалъ каждую глоссу по одиночкѣ и далъ объясненіе ихъ на нѣмецкомъ языкѣ. Спустя послѣ него 20 лѣтъ, Кернъ передѣлалъ эту работу и возстановилъ упомянутыя слова въ томъ видѣ, какъ они должны были быть употребляемы на франкскомъ нарѣччіи. Дѣйствительно, историческое изученіе германскихъ языковъ настолько подвинулось въ настоящее время впередъ, что можно уже съ наибольшею вѣроятностію опредѣлить діалектъ, которымъ говорили солдаты Кловиса. Трудъ Керна, изданный сперва въ Гаагѣ, перепечатанъ былъ на англійскомъ языкѣ

въ приложеніи къ изданію Гессельса и, затѣмъ, оставалось бы только считать этотъ предметъ вполне исчерпаннымъ, если бы ученый французскій филологъ д'Арбуа-де-Жюбенвилль не доказалъ, что въ толкованіи глоссъ возможно достигнуть еще бѣльшей точности.

Этотъ результатъ изслѣдованія глоссъ имѣлъ болѣе важное значеніе для филологовъ, чѣмъ для юристовъ. Мальбергическія глоссы сочинены были не для объясненія латинскаго текста закона. Параллельно съ латинскомъ терминомъ, онѣ только указываютъ техническій терминъ, употреблявшійся у франковъ въ то время, когда послѣдніе говорили на своемъ нарѣчій. И теперь переводчики, встрѣчая какое-нибудь особенное выраженіе, считают своею обязанностью приводить въ скобкахъ подлинникъ для того, чтобы можно было провѣрить ихъ работу и сличить переводъ съ подлинникомъ. Это, конечно, не значитъ, чтобы существовала когда-нибудь первая редакція Салическаго закона на франккомъ языкѣ. Правда, такое предположеніе высказывалось, но оно не имѣло за себя никакихъ доказательствъ и въ настоящее время вообще принято думать, что Салическій законъ съ перваго же раза изложенъ былъ по-латыни. Къ тому же, у франковъ было одно нарѣчіе, равно одни и тѣ же обычаи, а слѣдовательно, законъ выраженъ былъ у нихъ въ очень простыхъ и краткихъ формулахъ, свободно переходившихъ въ видѣ изустнаго преданія. Но когда солдаты Кловиса водворились среди римскаго населенія и ввели въ послѣднемъ свое судебное устройство, свои процессуальныя формы и уголовныя законы, а отъ населенія этого, въ свою очередь, позаимствовали гражданско-правовыя учрежденія, безъ которыхъ они долгое время обходились, но которыя, наконецъ, должны были принять, — то явилась необходимость обратиться къ письменной формѣ и къ изложенію, на языкѣ большинства, тѣхъ правилъ закона, которыя, на очень большой территоріи, примѣнялись всѣми и ко всѣмъ.

Утверждали, правда, что первоначальная редакція предшествовала завоеванію Галліи и относится къ первымъ годамъ V вѣка, къ той эпохѣ, когда франки еще жили на территоріи, занимаемой теперешнею Бельгіею. Доказательствомъ этого считали XLVII главу Салическаго закона, которая, въ дѣлахъ о виндикаціи раба или домашняго скота, назначаетъ, въ сорокъ ночей, срокъ на вызовъ къ суду, если стороны живутъ *cis* или *intra Legere aut Carbonaria* и удваивается этотъ срокъ въ томъ случаѣ, когда стороны живутъ *trans*

Legere aut Carbonaria. *Legere*, говорятъ, есть Лейе (Лисъ), служащая въ наше время границею обѣимъ Фландріямъ. Такое толкованіе находитъ много сторонниковъ и Тониссенъ ¹⁾ соглашается съ нимъ, хотя и не безъ нѣкотораго колебанія. По нашему мнѣнію, это толкованіе должно быть отвергнуто по двумъ главнымъ соображеніямъ. Во-первыхъ, въ Салическомъ законѣ, въ трехъ мѣстахъ, идетъ рѣчь о виноградникахъ, виноградаряхъ и о выдѣлкѣ вина, что, очевидно, не можетъ относиться къ Фландріи. Во-вторыхъ, съ того времени, когда Парижъ сталъ столицею, центромъ королевства была страна, лежащая между Луарою на югѣ и лѣсомъ Шарбонньеръ на сѣверо-востокѣ. За Луарою жили Визиготы, за лѣсомъ Шарбонньеръ—Рипуарскіе Франки. Стало быть, прежнее толкованіе было наиболѣе правильнымъ. Прибавимъ еще, что *lex emendata* изданный при Карлѣ Великомъ, ясно говоритъ: *trans Ligerim aut Carbonariam*, т. е. за Луарою или за лѣсомъ Шарбонньеръ. Можно ли допустить, чтобы одно и то же слово въ первоначальной редакціи означало Лейе, а въ позднѣйшей редакціи сдѣлалось Луарою? ²⁾

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что редакція Салическаго закона имѣла цѣлью сообщить праву наибольшую устойчивость. Въ дѣйствительности же нужно допустить противное. Салическій законъ не долго примѣнялся въ его первоначальномъ видѣ и мысль о составленіи его возникла, можетъ быть, изъ желанія создать для законодательства лишь основаніе и исходную точку. Вскорѣ по обнародованіи, онъ подвергнутъ былъ преемниками Кловиса коренному измѣненію. Хильдебертъ, Клотаръ и Хильперикъ исправляли его своими указами. Но трудъ передѣлки его былъ, по преимуществу, выполненъ юриспруденціею и обычаемъ. Послѣдствія этой передѣлки можно видѣть въ *lex emendata*, который, кажется, былъ написанъ и изданъ въ началѣ царствованія Карла Великаго, затѣмъ—

¹⁾ L'organisation judiciaire, le droit pénal et la procédure pénale de la loi Salique, par Thenissen, 2-e édit., 1 vol. in-8°, Bruxelles et Paris, 1882.

²⁾ Отсюда слѣдуетъ, что первая редакція Салическаго закона составила послѣ Суассонской битвы (486). Съ другой стороны, этотъ законъ носитъ на себѣ слѣды язычества. Онъ предшествовалъ крещенію Кловиса и обращенію франковъ въ христіанство (496). Фальбекъ, вмѣстѣ съ нами, допускаетъ, что *Legere* означаетъ Луару, но онъ видитъ въ этомъ мѣстѣ прибавленіе, сдѣланное послѣ царствованія Кловиса.

въ сборникѣ рѣшеній, обнародованныхъ въ ту же эпоху съ цѣлью примѣненія Салическаго закона въ Италіи и, наконецъ, въ актѣ 819 года, который помѣщенъ въ Собраніи Капитуляріевъ и который содержитъ въ себѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ.

Какъ видно изъ сказаннаго, многого еще недостаетъ для того, чтобы все меровингское право цѣликомъ помѣстилось въ одномъ Салическомъ законѣ. Даже первая редакція этого закона не имѣла въ виду составить полный сводъ и представляла собою не болѣе, какъ тарифъ вознагражденій. Изъ 65 главъ только двѣ не занимаются опредѣленіемъ штрафныхъ суммъ. Эти двѣ главы суть: *XLVI, De adfathamire* и *LIX, De alodis*. Они устанавливають форму перехода собственности и порядокъ наслѣдованія. Мы обратимся къ нимъ сейчасъ. Нельзя даже утверждать, что остальные 63 главы заключали въ себѣ все уголовное право франковъ. Тониссенъ отмѣчаетъ нѣкоторые пробѣлы въ этомъ смыслѣ, какъ на примѣръ, относительно побѣговъ и измѣны. Онъ полагаетъ, съ чѣмъ и мы согласны, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ не допускалась уплата вознагражденія, такъ какъ не было на лицо потерпѣвшаго, а потому смертная казнь назначалась государемъ. Итакъ, еще разъ скажемъ, что Салическій законъ представлялъ собою тарифъ вознагражденій, а не уголовный кодексъ. И таково было начало большей части законодательствъ.

Въ началѣ своего разсужденія объ этомъ предметѣ, Пардессю ¹⁾ выражается такъ: «Законы, или, пожалуй, обычаи германскихъ племенъ представляютъ по отношенію къ преслѣдованію и наказанію преступленій свойство, существенно отличающее ихъ отъ законовъ почти всѣхъ древнихъ и новыхъ народовъ». Это свойство заключается въ отсутствіи публичной репрессіи, такъ какъ право мести предоставлено каждому потерпѣвшему. Законъ же вмѣшивается въ дѣло лишь для того, чтобы поддержать миръ, понуждая одну сторону заплатить, а другую—получить денежное вознагражденіе. Въ настоящее время объ этомъ уже невозможно было бы написать того, что писалъ Пардессю. Въ исторіи древняго права является теперь вполне доказанною истиной, что повсюду частная месть была древнѣйшимъ учрежденіемъ и что первымъ шагомъ уголов-

¹⁾ XII трактатъ, стр. 651.

наго закона было введеніе композицій. Не германцы изобрѣли этотъ порядокъ. Прежде нихъ аѳиняне изобразили его въ своихъ законахъ. Онъ служилъ, какъ это извѣстно намъ, общимъ закономъ для всѣхъ кельтскихъ народностей и въ этомъ не можетъ уже быть сомнѣній, благодаря самоновѣйшему опубликованію древнихъ ирландскихъ законовъ. Не менѣе ясно говорятъ объ этомъ и старинные памятники русскаго права, а арабы ввели упомянутый порядокъ во всѣхъ странахъ, въ которыхъ господствуетъ исламъ. Поэтому не слѣдуетъ утверждать, что франки принесли съ собою въ Галлію новый элементъ права. На самомъ дѣлѣ, они отодвинули Галлію въ этомъ отношеніи на пять вѣковъ назадъ, т. е. ко времени, которое предшествовало римскому завоеванію.

Это очень хорошо понято было Тониссенемъ. Будучи знатокомъ исторіи уголовного права, онъ ясно видѣлъ, что различныя законодательства должны пояснять другъ друга и что какое-нибудь темное мѣсто въ салическомъ законѣ находитъ себѣ разъясненіе въ другихъ германскихъ или скандинавскихъ законахъ. Даже, можетъ быть, позволительно было бы идти дальше въ примѣненіи этого метода. Но, какъ бы то ни было, этотъ методъ привелъ Тониссена къ важнымъ выводамъ, о которыхъ и надлежитъ упомянуть намъ, такъ какъ они характеризуютъ теперешнее состояніе науки.

Судебное устройство во времена Салическаго закона отличалось чрезвычайною простотою и, хотя законъ не говоритъ объ этомъ прямо, однако, въ немъ существуетъ достаточное число указаній, по которымъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе о судѣ временъ Кловиса. Въ каждомъ кантонѣ или сотнѣ судъ состоялъ изъ всѣхъ свободныхъ людей, франковъ или римлянъ, соединенныхъ въ *mal*, т. е. въ собраніе, засѣдавшее въ отведенномъ для того помѣщеніи, *malberg*. Въ собраніи предсѣдательствовалъ *thunginus* или начальникъ, выбранный сотнею; высшая же власть надъ собраніемъ принадлежала графу или графіону, сановнику, назначаемому королемъ для управленія *pagus* и повелѣвавшему такимъ образомъ нѣсколькими сотнями. Свободные люди, находясь въ собраніи для разрѣшенія дѣлъ, принимали названіе *rachimburg* овъ. Тѣ, чьему вѣдѣнію подлежить разбирающееся дѣло, садятся на четырехъ каменныхъ скамьяхъ, поставленныхъ квадратомъ. Рѣшеніе произносится большинствомъ не менѣе семи голосовъ. Четыре каменные скамьи сохранились въ Бельгіи до 1793 г. для коллегій

эшевенонъ и судъ эшевенонъ получилъ чрезъ это фламандское названіе суда четырехъ скамей (*Vierschaere*). Во всякомъ франкскомъ судѣ заставляли, въ числѣ не болѣе трехъ, особенные чиновники, назначенные королемъ и называвшіеся *sacebarons*; они обязаны были изъ каждаго вознагражденія удерживать *fredum*, т. е. долю, причитающуюся фиску. Наконецъ, низшіе служащіе (*pueri regis*) и воины или жандармы (*milites*) заботились объ исполненіи рѣшеній. Эта совсѣмъ первобытная организація вскорѣ измѣнилась въ болѣе монархическомъ смыслѣ. Предсѣдательство въ собраніи перешло отъ *thunginus* къ графу, главное занятіе котораго состояло съ этихъ поръ въ веденіи судебныхъ засѣданій, поочередно, во всѣхъ кантонахъ своего департамента. Въ то же время король сталъ высшимъ судьей, а его дворъ—избраннымъ трибуналомъ, въ который вносились дѣла важныхъ лицъ. Это преобразование первоначальнаго судилища произошло въ одно время съ преобразованиемъ закона, подлежавшаго примѣненію.

Мы уже сказали, что *lex antiqua* былъ не болѣе, какъ тарифъ композицій. Но этого мало для того, чтобы объяснить эту основную черту закона. Между первобытною системою мести и гражданской вражды, и системою уголовной репрессіи, предпринимаемой отъ имени государства, существуетъ много ступеней. Во время Кловиса, франки уже отвергли первую систему, но еще не дошли до созданія второй. Право мести молчаливо признается закономъ въ нѣкоторыхъ преступленіяхъ, каковы убійство, прелюбодѣяніе, похищеніе челоуѣка и кража, совершенная надъ трупомъ или застигнутая во время совершенія. Въ подобномъ случаѣ потерпѣвшій или его родные могутъ преслѣдовать и убить виновнаго, съ условіемъ, однако, публично и немедленно заявить, что они воспользовались закономъ. Будучи позваны въ судъ, они обязаны доказать только свою обиду. Несмотря на это, потерпѣвшіе рѣдко прибѣгали къ праву мести. Почти всегда они препровождали преступника въ судъ и просили приговорить его къ платежу вознагражденія. Такимъ образомъ, согласно *lex antiqua*, вознагражденіе является обязательнымъ въ большей части случаевъ и факультативнымъ въ самыхъ важныхъ дѣлахъ. Другими словами, выражаясь нашимъ теперешнимъ языкомъ, всѣ дѣянія, особо предусмотрѣнныя въ законѣ, могутъ служить поводомъ къ судебному иску противъ ихъ совершителя, но во многихъ случаяхъ послѣдній въ правѣ заявить от-

водъ, основанный на правѣ мести. Таково осторожное мнѣніе, высказанное Пардессю и поддержанное Тониссенемъ.

На зарѣ общественной жизни вознагражденіе представляется лишь мировою сдѣлкой, мирнымъ трактатомъ между воюющими сторонами. Размѣръ его устанавливается, смотря по обстоятельствамъ, или полюбовно, или чрезъ посредниковъ. Такой характеръ имѣетъ композиція и въ поэмахъ Гомера, и въ сѣверныхъ сагахъ. Но уже во время Тацита сознавалась необходимость положить конецъ спорамъ о размѣрахъ суммы вознагражденія и назначены были неизмѣнные тарифы, согласно которымъ часть вознагражденія отдѣлялась въ пользу государства. Точно такъ и Салическій законъ раздѣляетъ вознагражденіе на двѣ части: *faida*, выдаваемую потерпѣвшему или его представителямъ, въ видѣ выкупа за частную месть, и *fredum*, поступающую государству въ награду за его вмѣшательство. *Fredum* составляетъ третью часть всей суммы. Сверхъ вознагражденія, существуютъ еще реституціи и возмѣщенія издержекъ, которыя законъ обозначаетъ словами *capitale* и *delatura*. Во всѣхъ этихъ видахъ вознагражденіе, по Салическому закону, не отличается отъ вознагражденія, о которомъ говоритъ Тацитъ. Только во время Тацита всѣ члены семьи были солидарны какъ въ полученіи, такъ и въ платежѣ вознагражденія. Тониссенъ полагаетъ, что въ эпоху составленія Салическаго закона эта солидарность примѣнялась лишь къ случаю убійства. Впрочемъ, она была окончательно уничтожена первыми меровингскими королями.

Какъ у кельтовъ, такъ и у германцевъ, вознагражденіе первоначально насчитывалось головами скота. Салическій законъ исчисляетъ его уже золотою и серебряною монетою. Онъ употребляетъ для этого римскую монету, *solidus*, су золотомъ (14 франковъ 40 сант.), равняющійся 40 динаріямъ серебромъ (динарій=36 сант.). Таковы, по крайней мѣрѣ, вычисленія Герара и Петиньи. Однако, относительно цифръ существуетъ разногласіе. Тониссенъ, основываясь на изслѣдованіяхъ Гиве (Hiver) думаетъ, что су золотомъ стоилъ только 11 фр. 85 сант., а серебряный динарій—около 22 сантимовъ. Вознагражденіе, чаще всего употреблявшееся и какъ бы служившее типомъ вознагражденія, состояло изъ 15 су золотомъ или 600 динаріевъ, то есть 216 или 177 франковъ, судя по тому, принять ли первую или вторую систему вычисленія. Почти всѣ другія вознагражденія составляютъ посредствомъ увеличенія или умень-

шенія этой типической суммы въ нѣсколько разъ. Вознагражденіе, или сводится къ 3 су и даже въ одномъ случаѣ къ 1 су, или возрастаетъ до 600 и даже въ одномъ случаѣ до 1800 су = 25,920 или 21,330 фр. Параллельно съ этою серіей вознагражденій встрѣчаются слѣды другой серіи, которая кажется заимствованною изъ обычая приморской страны ¹⁾ и которая, ведя счетъ на динаріи, даетъ слѣдующія вознагражденія: 7700, 1400 и 28000. Находятъ еще цифры, не подходящія ни къ одной изъ этихъ двухъ системъ, напр. 50 и 100 су. Когда дѣло идетъ о преступленіи, совершенномъ надъ лицомъ, состоящимъ на королевской службѣ, то вознагражденіе увеличивается, вообще, въ три раза. Оно, впрочемъ, измѣняется, смотря по званію лицъ такъ, что тарифъ можетъ, до нѣкоторой степени, служить характеристикой различныхъ ступеней общественной лѣстницы. Обыкновенный *wergeld* салическаго Франка былъ 200 су (2880 фр.), тогда какъ *wergeld* римлянина уменьшался вдвое. Возникалъ вопросъ: откуда явилась эта разница, когда водвореніе франковъ въ Галліи не было, собственно говоря, завоеваніемъ и галло-римляне, наравнѣ съ франками, допускались къ занятію всѣхъ, и даже высшихъ, должностей. Пытались даже отрицать неравенство *werdeld'a*, сообщая текстамъ новое толкованіе. Тониссенъ держится объясненія, вообще принятаго теперь, и мы думаемъ, что онъ правъ; но, въ то же время онъ доказываетъ, что невозможно принимать размѣръ *werdeld'a* за вѣрный показатель общественнаго положенія. Такъ, у Рипуаріевъ существуетъ разница въ *wergeld'ѣ* между франкомъ и бургундцемъ, аламаномъ, баварцемъ, саксонцемъ. Если салическій законъ не упоминаетъ о германцахъ, принадлежащихъ къ разнымъ племенамъ, то отсюда нельзя заключать, что онъ назначаетъ для нихъ равный *werdeld*. Въ видѣ возраженія могутъ ссылаться на текстъ *XLI* главы: *Si quis ingenuo Franco, aut barbarum qui legem salicam vivit, occiderit*; но Зомъ, въ своей книгѣ о судебномъ устройствѣ у франковъ, изданной въ 1871, опредѣлилъ смыслъ этого текста, давшего поводъ ко столькимъ выводамъ. Зомъ доказалъ, что здѣсь *aut* слѣдуетъ понимать, какъ «то есть» и что второй членъ фразы представляетъ только глоссу, помогающую разъясненію перваго. Стало быть, если галло-римлянинъ имѣетъ лишь *wergeld* низшій по сравненію съ франкомъ, то это обстоятельство

¹⁾ Мальбергическая глосса указываетъ именно на вознагражденіе въ 1400 динаріевъ, какъ *Seolandewa*.

указываетъ не на то, что первый играетъ роль побѣжденнаго, а на то, что онъ долженъ считаться чужеземцемъ. И, на самомъ дѣлѣ, онъ былъ чужеземцемъ, между тѣмъ, какъ франки густыми массаами занимали части теперешней территоріи Бельгіи. Галло-римлянинъ пересталъ быть чужеземцемъ тогда только, когда Кловисъ сдѣлалъ изъ Парижа столицу; но этотъ фактъ случился слишкомъ поздно для того, чтобы исправленъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, законъ, написанный раньше. Такимъ образомъ, разница въ *werdeld'* продолжала существовать; но эта разница уравнивалась тѣмъ, что въ случаяхъ, когда законъ, приговаривая къ смертной казни, позволялъ осужденному выкупить жизнь своимъ собственнымъ *werdeld'*омъ, то римлянинъ одинаково и получалъ и платилъ вдвое меньше франка ¹⁾.

Кромѣ вознагражденія, у франковъ были и другія наказанія. Одного вознагражденія, прежде всего, было недостаточно. Нужна была санкція для того, чтобы наказать уклоняющагося отъ явки въ судъ или отъ исполненія рѣшенія. Эта санкція повсюду была одна и та же,—поставленіе ослушника внѣ закона. У аѳинянъ она называлась бѣгствомъ, *φύγῃ*; у римлянъ—запрещеніемъ огня и воды. *Wargus sit*, говоритъ Салическій законъ и это слово встрѣчается въ скандинавскихъ обычаяхъ. Проскриптъ есть волкъ, котораго слѣдуетъ гнать и истреблять, какъ краснаго звѣря. Но зачѣмъ же гнать человѣка съ тѣмъ, что-бы потомъ задержать его? Не лучше ли, въ этомъ случаѣ, разомъ покончить съ нимъ? Изъ этихъ соображеній, у франковъ, какъ и вездѣ, возникла смертная казнь. Остальныя тѣлесныя наказанія употреблялись сначала для репрессіи преступленій, совершенныхъ рабами. Что касается конфискаціи имущества, то она считалась необходимымъ послѣдствіемъ поставленія внѣ закона или осужденія на смерть.

Объ этихъ наказаніяхъ Салическій законъ говоритъ случайно и намеками. Они не входили въ его программу, потому что онъ, какъ сказано, имѣлъ въ виду лишь установить тарифъ для вознагражденій. Но едва этотъ законъ былъ составленъ, какъ послѣдовала переменна обстоятельство. Система вознагражденій уже не удовлетворяла новое общество. Система тѣлесныхъ наказаній болѣе и болѣе начинала замѣнять ее ²⁾. Препрежне населеніе освоивалось съ

¹⁾ См., напримѣръ, главы *LI* и *LVIII*.

²⁾ Напримѣръ, кто освободитъ отъ висѣлицы еще живого человѣка, тотъ

этою переменой и неопытному законодателю, который былъ мало способенъ къ составленію формулъ, оставалось только заимствовать ихъ изъ текстовъ римскаго закона. Мы не послѣдуемъ за Тониссенъ въ длинномъ перечисленіи преступленій, предусмотрѣнныхъ Салическимъ закономъ. Мы только остановимся на одномъ мѣстѣ, которое показалось ему темнымъ и которое, какъ мы думаемъ, можетъ быть объяснено текстами другихъ законодательствъ. За убійство, совершенное вооруженною шайкой, нормальный *wergeld* положенъ въ 600 су. Если жертва получила три раны или больше, то считается, что, въ дѣйствительности, произошло три убійства. Вслѣдствіе этого берутъ изъ шайки трехъ человѣкъ, изъ которыхъ каждый обязанъ уплатить *wergeld*, затѣмъ трехъ, которые платятъ по 90 су и еще трехъ, платящихъ по 45 су. Для объясненія этого постановленія закона предлагались различные способы. Между тѣмъ, шведскіе законы даютъ превосходное средство сравненія. Законъ Упланда, въ подобномъ случаѣ, позволяетъ преслѣдовать только одного человѣка въ качествѣ убійцы и присуждаетъ лишь одинъ штрафъ въ 40 марокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ выбираетъ изъ банды двухъ соучастниковъ, изъ которыхъ одинъ платитъ 3 марки, какъ подававшій совѣты (*Radhbani*), а другой—9 марокъ, какъ державшій жертву въ то время, когда ее убивали (*Haldbani*). Очевидно, та же мысль служила началомъ и для постановленія Салическаго закона. Хотя въ немъ, сверхъ того, прибавлено, что, при нанесеніи жертвѣ трехъ ударовъ, произойдутъ три убійства, но, въ то же время и потому же самому, оно назначаетъ *maximum*, далѣе котораго идти нельзя ¹⁾.

Тониссенъ посвятилъ нѣсколько главъ своей книги изложенію уголовного процесса. По этому предмету, Салическій законъ даетъ лишь кое-какія указанія, по поводу которыхъ построено было уже много теорій. Въ настоящее время, въ Германіи распространено мнѣніе, что новѣйшая цивилизація идетъ изъ двухъ источниковъ,

будетъ повѣшенъ вмѣсто его (2-е добавочное изд., § 10). Эдиктъ Хильдеберта I-го грозитъ смертною казнью ворами, если только они не заплатятъ вознагражденія. Тѣ же постановленія находятся въ эдиктѣ Клотара I-го.

¹⁾ Салическій законъ, главы XLII и XLIII, *De homicidio in contubernio facto*. См. указанные Гессельсомъ параллельные тексты и шведскіе законы, на которые ссылается Нордстрёмъ въ сочиненіи: *Svenska Samhällsförfattningens historia*, t. II, стр. 288.

римскаго права и германскаго права и что прогрессъ челоѣчества есть нечто иное, какъ торжество послѣдняго. Самъ Вайтцъ, столь благоразумный и осторожный въ своихъ заключеніяхъ, не далекъ, однако, отъ мысли, что германцы въ V столѣтіи, были гораздо больше развиты, чѣмъ галло-римляне. Онъ признаетъ, что Григорій Турскій нарисовалъ мало привлекательный портретъ франковъ, но что дурными ихъ сдѣлало развращающее прикосновеніе къ нимъ галло-римлянъ. Если смѣло устранить эти предразсудки, способные только ввести науку въ заблужденіе, если ограничиться спокойнымъ и безпристрастнымъ изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ германскаго права и если заняться сравненіемъ ихъ съ имѣющимися у насъ свѣдѣніями о древнихъ законодательствахъ, то нетрудно прійти къ тому заключенію, что германское племя также неповинно въ созданіи своего права, какъ неповинно оно въ созданіи своего языка. Если всѣ языки, которыми говорятъ разные народы арійской расы, произошли отъ одного родоначальника, то то же можно сказать объ обычаяхъ и правѣ этихъ народовъ. Эволюція, да позволено будетъ употребить это слово, всюду совершается одинаково. Приходится только считаться съ разницею во времени. Товарищи Кловиса, навѣрно, очень далеко отстояли отъ подданныхъ Теодорика въ Римѣ и Юстиніана въ Константинополѣ; но если перенестись за девять или за десять вѣковъ назадъ, то можно сдѣлать полезныя сближенія между Салическимъ закономъ и закономъ XII таблицъ или же между состояніемъ общества, описаннымъ въ «Германіи» Тацита, и состояніемъ общества, раскрытымъ передъ нами Илиадою и Одиссеею. Объ этомъ въ настоящее время уже никто не споритъ. Но не такъ еще давно національное высокомеріе внушало очень странныя идеи. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ Германіи, Яковъ Гриммъ, доказывалъ особенное свойство, отличающее нѣмецкій языкъ отъ другихъ индо-европейскихъ языковъ и заключающееся въ томъ, что корни, общіе для всѣхъ этихъ языковъ, претерпѣваютъ, въ нѣмецкомъ, измѣненіе согласныхъ буквъ, причемъ средняя согласная дѣлается твердою, твердая гортанною и гортанная среднею. Такое явленіе называется по нѣмецки *Lautverschiebung*. Установивши это явленіе, Гриммъ желаетъ объяснить его и вотъ придуманное имъ объясненіе. Въ тотъ моментъ, когда произошелъ этотъ феноменъ, приближалось паденіе римской имперіи. Непобѣдимая германская нація сознавала, что она призвана проник-

нутъ во всѣ страны Европы. Въ ней родилось великое движеніе, проявившееся даже въ ея языкѣ, какъ выраженіе гордаго и неустрашимого настроенія ¹⁾. Между тѣмъ, книга Гримма имѣетъ притязаніе быть серьезнымъ сочиненіемъ.

Обратимся къ текстамъ. Первое судопроизводственное дѣйствіе, по Салическому закону, есть *mannitio*, т. е. вызовъ, сдѣланный истцомъ отвѣтчику, въ жительство послѣдняго и при свидѣтеляхъ. Вызванный отвѣтчикъ обязанъ явиться въ Собраніе подъ угрозой штрафа, если только онъ не представитъ оправданія или докторскаго свидѣтельства о болѣзни (*sunnis*). Въ день, назначенный для разбирательства, истецъ долженъ находиться въ Собраніи съ раннего утра и ожидать своего противника до солнечнаго заката (*solem collocare*). Законъ XII таблицъ начинается такъ же. *Si in jus vocat ito. Ni it antestamino... Ante meridiem causam coiciunto... post meridiem praesenti litem addicito. Si ambo praesentes sol occasus suprema tempestas esto*. Такъ же, въ Аѣинахъ, *πρόκλησις* совершается при двухъ свидѣтеляхъ, *κλητήρες*. Отвѣтчикъ долженъ явиться по вызову. Онъ самъ или, за него, третье лицо могутъ представить уважительную причину неявки, подтвердивши эту причину присягою, *ὁρκωσία*. Наконецъ, если онъ не является, судья, подождавши его до вечера, произноситъ заочное осужденіе.

Что же происходитъ на судѣ въ день явки тяжущихся, о томъ Салическій законъ ничего не говоритъ. Есть одно только изреченіе, по которому можно заключить, что отвѣтчикъ обязанъ былъ отвѣтить, а это ведетъ къ предположенію, что истецъ предлагалъ отвѣтчику вопросъ, который непременно былъ формулированъ въ законныхъ выраженіяхъ. Тотъ же смыслъ вытекаетъ и изъ другихъ, позднѣйшихъ, текстовъ. Такимъ образомъ, основательно допускаютъ, что судопроизводство по Салическому закону было въ существѣ формулярнымъ, подобно древней римской процедурѣ и процедурѣ исландскихъ кодексовъ. Зомъ пространно развиваетъ это мнѣніе и Тониссенъ согласенъ съ нимъ съ тою, однако, оговоркою, что не слѣдуетъ искать въ мальбергической глоссѣ формулу иска и въ этомъ случаѣ Тониссенъ вполне правъ. Формула излагалась на языкѣ общеупотребительномъ, т. е. латинскомъ, какъ

¹⁾ J. Grimm, *Geschichte der deutschen Sprache*. Berlin, 1848. t. I, s. 437: „Liegt nicht ein gewisser muth und stolz darin media in tenuis, tenuis in aspi-rata zu verstärken?“

это видно изъ того мѣста LVII главы, гдѣ говорится о непринятіи судомъ дѣла къ своему разсмотрѣнію. Въ этомъ случаѣ истецъ бралъ семерыхъ рахимбурговъ и обращался къ нимъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ: *Hic ego vos tangano ut legem dicatis secundum legem salicam*. Рахимбурги обязаны были уступить этому требованію, подъ угрозою штрафа.

Наконецъ, мы подходимъ къ рѣшенію. Здѣсь нѣкоторые еще разъ желали найти коренную разницу между римскимъ и франкскимъ законами. Первый слагалъ тяжесть доказательства на истца; второй, по ихъ словамъ, измѣнялъ роли и заставлялъ отвѣтника доказать свою правоту. Если бы существовалъ такой порядокъ, то рѣшеніе всегда предшествовало бы доказательству и ограничивалось бы отсрочкою послѣдняго до другого раза. Иначе сказать, судъ говорилъ бы отвѣтчику: «Тебя обвиняютъ въ такомъ-то дѣяніи, предусмотрѣнномъ и наказуемомъ по закону. Мы приговариваемъ тебя къ установленному штрафу. Ты принужденъ будешь заплатить его, если не докажешь противнаго». Если бы Салическій законъ установилъ такой порядокъ, то оставалось бы только подыскать мотивъ для этого страннаго правила. Но истина-то заключается въ томъ, что изложенный взглядъ лишенъ всякаго основанія. Салическій законъ вездѣ употребляетъ одно и то же выраженіе: *Si quis furavit et ei fuerit approbatum, si quis occiderit et ei fuerit approbatum*. Эти слова повторены 90 разъ. Тониссенъ считалъ ихъ и одно это обстоятельство избавляетъ насъ отъ необходимости слѣдить за его аргументаціею.

Нѣтъ сомнѣнія, что франкскій законъ дозволяетъ судѣ положить въ извѣстныхъ случаяхъ на присягу истца или отвѣтника, требовать отъ того или другого опредѣленнаго числа соприсяжниковъ, подвергать испытанію кого-нибудь изъ тяжущихся кипяткомъ, но онъ всетаки подразумѣваетъ, что для производства дѣла должны существовать презумпціи, зародышъ доказательства. Тогда только судья постановляетъ частное опредѣленіе о разслѣдованіи дѣла и принимаетъ находящіяся въ его распоряженіи мѣры для обнаруженія истины, — мѣры, конечно, несовершенныя, но грубость тогдашняго времени не допускала другихъ мѣръ. Послѣ этого предварительнаго постановленія слѣдуетъ рѣшительное опредѣленіе и судья обвиняетъ или оправдываетъ, во всемъ подобно римскому судѣ. Таковъ выводъ Тониссена и къ нему же приводятъ всѣ тексты. Изло-

женную же выше теорію трудно было бы понять, если бы она не была внушена желаніемъ приписать процедурѣ, соблюдаемой въ Германіи до послѣдняго времени, древнее и чисто германское происхожденіе,—процедурѣ, всецѣло основанной на *эвентуальномъ правилѣ*, т. е. на началѣ гипотетическаго осужденія отвѣтчика.

Исполняется рѣшеніе двумя способами: осужденный или соглашается съ рѣшеніемъ и обѣщается исполнить его, представляя въ томъ поручительство, или отказывается подчиниться ему. Въ обоихъ случаяхъ законъ даетъ ему 40 дней срока для новой явки въ собраніе. Истецъ обязанъ находится тамъ и ожидать отвѣтчика до солнечнаго заката, послѣ чего, если отвѣтчикъ обѣщался заплатить, истецъ обращается къ графу, который требуетъ къ себѣ семь рахимбурговъ. Всѣ они вмѣстѣ отправляются въ домъ осужденнаго и арестовываютъ тамъ движимое имущество, достаточное для обезпеченія слѣдующей истцу суммы. Можно ли за недостаткомъ движимости арестовать самый домъ и огороженное вокругъ дома мѣсто,—объ этомъ законъ ничего не говоритъ, но Тониссенъ рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно и его мнѣніе представляется правдоподобнымъ. Недвижимыя имущества у франковъ не были неотчуждаемыми. Они могли быть конфискованы. Почему же нельзя было бы арестовать ихъ?

Когда осужденный не обѣщался исполнить рѣшеніе и не явился по истеченіи 40 дней, то истецъ вызываетъ его на явку черезъ 14 ночей въ королевскій судъ и ждетъ его тамъ опять цѣлый день. Послѣ заката солнца выслушиваются свидѣтели, которые удостовѣряютъ правильность производства дѣла и затѣмъ король объявляетъ осужденнаго поставленнымъ внѣ закона, а также приказываетъ конфисковать все его имущество, *extra sermonem suum ponat. Tunc ipse culpabilis et omnes res suas erunt.*

Прибавимъ, что тѣлесное наказаніе исполнялось или служащими графа, или самимъ истцомъ, которому осужденный былъ выдаваемъ.

Утверждали, что это судопроизводство отличается полнѣйшею самобытностью; однако, чтобы не ходить далеко за примѣрами, достаточно указать на то, что въ немъ нѣтъ ни одной черты, которая не встрѣчалась бы въ аѳинскомъ законѣ. Въ послѣднемъ точно такъ же осужденному дается срокъ для платежа вознагражденія и если онъ по истеченіи этого срока не заплатитъ, то истецъ является въ сопровожденіи свидѣтелей, а въ случаѣ надобности и

демарха, и арестовываетъ движимое имущество до суммы, которую слѣдуетъ ему получить. За сопротивленіе осужденный наказывается крупнымъ штрафомъ. Точно такія же формальности предписаны шведскими обычаями, которые съ мелочною точностью опредѣляютъ порядокъ, соблюдаемый при арестѣ и взятіи движимости.

Когда отвѣтчикъ не является, то, послѣ неоднократно повторенныхъ вызововъ, онъ осуждается заочно и заочный приговоръ при исполненіи имѣетъ такую же силу, какъ приговоръ, постановленный по выслушаніи обѣихъ сторонъ. Если осужденный соглашается съ приговоромъ, то арестуется его движимость; если онъ не желаетъ подчиниться, его зовутъ въ королевскій судъ и присуждаютъ къ поставленію внѣ закона. Долгое время полагали, что заочное рѣшеніе не было извѣстно франкскому закону и что неявившійся отвѣтчикъ немедленно поставляемъ былъ внѣ закона. Но это была ошибка, которую ясно доказалъ Зомъ, а за нимъ Тониссенъ. И съ этой стороны германское судопроизводство не представило ничего оригинальнаго.

Рѣшенія были окончательными и безповоротными. Если рахимбурги рѣшали дѣло вопреки закону, то они могли быть преслѣдуемы и присуждаемы къ штрафу въ 15 су. Это дѣлалось по жалобѣ на судью, уже употребившейся въ римскомъ правѣ, *si iudex litem suam fecerit*. Собственно такъ называемая апелляція введена была позже, подъ вліяніемъ римскихъ идей, въ формѣ обращенія къ королю или императору.

Преимущественно же въ системѣ доказательствъ старались открыть слѣдъ самобытной германской идеи. Но это опять-таки было заблужденіемъ или, по крайней мѣрѣ, преувеличеніемъ. Обыкновеннымъ доказательствомъ служили свидѣтельскія показанія. Чтобы дополнить эти показанія или укрѣпиться въ своемъ убѣжденіи, судья могъ потребовать отъ отвѣтчика присяги или подвергнуть его пыткамъ. Присяга давалась при большемъ или меньшемъ числѣ соприсяжниковъ, смотря по обстоятельствамъ ¹⁾. Что касается испытанія, то она заключалась въ погруженіи руки въ котелъ съ кипящею водою. Если отвѣтчикъ не желалъ или не могъ дать присягу, если онъ не находилъ соприсяжниковъ въ достаточномъ количествѣ или если

¹⁾ Есть три случая, когда соприсяжники требуются въ числѣ двѣнадцати: „de dote, et de res qui in hoste praedata sunt, et de homine qui in servitio revocatur“. См. второй эдиктъ, приложенный къ закону, § 4.

онъ уклонялся отъ испытанія, то приговаривался къ платежу опредѣленнаго закономъ вознагражденія. Когда рѣшеніемъ прямо предписана была пытка, то отвѣтчикъ и затѣмъ могъ избѣгнуть ея и замѣнить ее присягою, уплативъ извѣстный штрафъ, равняющійся пятой части того штрафа, который назначенъ закономъ за дѣяніе, составляющее предметъ дѣла. Разумѣется, и испытаніе, и присяга съ соприсяжниками были чужды римскимъ понятіямъ, но слѣды ихъ находятся въ Индіи и въ Греціи. Судъ Божій такъ же старъ, какъ человѣческія суевѣрія, и развѣ мы не знаемъ, что у афинянъ, и даже въ Римѣ, обвиняемые являлись въ судъ въ сопровожденіи своего семейства и друзей?

Салическій законъ не говоритъ о судебномъ поединкѣ. Между тѣмъ, отъ Григорія Турскаго намъ извѣстно, что судебный поединокъ иногда былъ предписываемъ королемъ, въ смыслѣ суда Божьяго. Наконецъ, для рабовъ допускались пытки. По закону, свободные люди имъ не подвергались, но законъ, въ этомъ отношеніи, не долго соблюдался.

Особое производство въ случаяхъ преступленія совершеннаго на виду у всѣхъ, составляетъ общую черту всѣхъ первобытныхъ законодательствъ. Преступника, застигнутого на дѣлѣ, брали, связывали и прямо вели въ собраніе, гдѣ потерпѣвшая сторона умерщвляла его безъ суда и даже безъ предоставленія ему возможности защищаться. Требовалось только, чтобы арестованіе произведено было правильно, то есть, чтобы оно сдѣлано было публично и при свидѣтеляхъ. Прибавимъ, что такой порядокъ не долго существовалъ послѣ изданія Салическаго закона. Въ 560 году, Клотарь I-й запретилъ осуждать подсудимаго безъ выслушанія его. Договоръ 593 года между Хильдебертомъ и Клотаромъ дозволяетъ свободно-рожденнымъ, мнимозастигнутымъ на совершеніи кражи, отрицать фактъ и требовать доказательствъ. Наконецъ, эдиктъ Клотара II-го разрѣшаетъ предавать смерти, безъ выслушанія, только вора *cum furto* или, какъ выражаются наши позднѣйшіе обычаи, *saisi et vêtu de la chose emblée*.

Мы сдѣлали очеркъ уголовного права по Салическому закону, руководствуясь, главнымъ образомъ, превосходнымъ сочиненіемъ Тониссена. Замѣтимъ только, что не нужно заблуждаться относительно характера этого закона. Собственно говоря, онъ былъ не законодательною работою, предназначенною для будущаго времени,

а скорѣе переписью обычаевъ, которые господствовали среди франковъ до вступленія ихъ въ Галлію и которые въ скорости были преобразованы преемниками Кловиса.

Намъ остается прослѣдить, въ чемъ заключалось гражданское право франковъ во время изданія *lex Salica*.

Мы уже видѣли, что изъ 65 главъ, составляющихъ первоначальный текстъ, лишь двѣ, *XLVI, De Adfathamire*, и *LIX, De Alodis*, не устанавливаютъ никакого штрафа и содержатъ въ себѣ постановленія чистаго гражданского права. Этого было бы мало. Но, къ счастью, другія главы знакомятъ насъ съ правомъ, къ которому они присоединяютъ уголовную санкцію. Наконецъ, меровингскіе капитуляріи, акты, собранные Брекини, Лапортъ-дю-Телемъ и Пардессю, а также и формулы, очень полную коллекцію которыхъ составилъ де-Розіеръ, позволяютъ дополнить нѣкоторые пробѣлы и даютъ приблизительное понятіе о гражданскомъ правѣ франковъ.

Прежде всего, нужно дать себѣ отчетъ относительно условій изслѣдованія этого права. Мы не должны ожидать, что найдемъ тутъ полную законодательную систему. Нѣсколько учреждений, разобщенныхъ между собою, составляютъ все, съ чѣмъ знакомятъ насъ тексты, да и то не вполне. Не забудемъ также, что эти тексты дополнялись мѣстными обычаями. Маркульфъ, въ VII вѣкѣ, объявлялъ, что онъ составилъ свои формулы, *juxta consuetudinem loci quo degimus*. Эдиктъ Хильперика и капитулярій 819 года также говорятъ о *consuetudo*, какъ объ источникѣ права. Самыя рукописи Салическаго закона доказываютъ, что различныя версіи его предназначались для разныхъ мѣстностей. Такъ, текстъ, обнародованный Гюбе, оказывается написаннымъ для Нейстріи.

Итакъ, возьмемъ, по очереди, главные постановленія о гражданскомъ правѣ по Салическому закону и попытаемся объяснить ихъ.

Глава *XXXVII, De Vestigio minando*, говоритъ о виндикаціи похищенныхъ или утраченныхъ вещей. Положимъ, что быкъ, лошадь или какое-нибудь иное домашнее животное украдено. Хозяинъ разыскиваетъ свой скотъ по горячимъ слѣдамъ и находитъ его. Если владѣющій имъ сознается въ кражѣ и признаетъ себя виновнымъ, то затрудненій нѣтъ; но если онъ заявляетъ, что приобрѣлъ животное покупкою или мѣною, то такое обстоятельство спо-

собно было бы снять съ него отвѣтственность и потому здѣсь возникаетъ преюдиціальнѣй вопросъ. Въ ожиданіи его разрѣшенія нужно засеквестровать животное, то есть оставить его въ рукахъ третьяго лица. Сверхъ того, надо разслѣдовать дѣло. Это называется *aramir*, то есть потребовать явки своего противника въ судъ и самому обязаться такою же явкою съ представленіемъ доказательствъ иска. И, такъ какъ выгодно быть истцомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять доказательства, состоящія обыкновенно изъ присяги, то законъ устанавливаетъ роли, судя по тому, сколько времени прошло послѣ совершенія кражи. Если заявленіе о кражѣ послѣдовало въ теченіе трехъ ночей, то истецъ долженъ *aramir*. Если же о кражѣ заявлено послѣ этого срока, то составляется обратная презумпція. Таково постановленіе главы *De vestigio minando*.

Эта глава дополнена была главою *XLVII, De Filtortis*. Въ послѣдней, постановленію предыдущей главы приданъ общій характеръ. Оно примѣняется не только къ быку или лошади, но и къ рабу и ко всякому другому движимому имуществу. Законъ упоминаетъ объ обязанности засеквестровать спорное имущество и *aramir*, сверхъ того предусматриваетъ возможность обратнаго требованія къ продавцу или къ нѣсколькимъ послѣдовательнымъ продавцамъ и предписываетъ на этотъ случай особливныя процессуальныя дѣйствія. Продавцы вызываются къ дѣлу въ срокъ 40 или 80 ночей, смотря по разстояніямъ. Покупщикъ устраняется изъ дѣла; продавецъ же платитъ вознагражденіе и возвращаетъ полученную имъ цѣну. Если продавецъ, вызванный въ судъ для очистки покупателя, не является, то онъ осуждается заочно. Въ этомъ случаѣ покупатель долженъ доказать посредствомъ трехъ свидѣтелей: 1) что онъ вызвалъ продавца для своей очистки и 2) что онъ купилъ спорное имущество публично отъ того, кого вызвалъ,

Эти постановленія не новы и не исключительно принадлежать Салическому закону. «Если кто-нибудь, говоритъ Платонъ, ¹⁾, отни-

¹⁾ Платонъ, *De Legibus* XI, II. Я объяснилъ вкратцѣ. слово ἀνάγειν, которое означаетъ, что тотъ, у кого отбираютъ имущество, ведетъ отбирающаго къ продавцу и идетъ вмѣстѣ съ первымъ. Это очень хорошо объяснилъ Гарпократіонъ: Ἀνάγειν τὸ μὴ ὑεῖν τὸν πεπραχότα καὶ ἐπ' ἐκεῖνον ἰέναι. Гру, въ своемъ переводѣ законовъ, перепечатанномъ Кузеномъ, не понялъ этого мѣста. Онъ полагалъ, что дѣло идетъ объ *actio redhibitoria*. См. замѣтку Штальбаума.

маеть животное или иную вещь, какъ свою собственность, то владѣющій ею предъявить обратное требованіе къ своему продавцу или дарителю, самостоятельному и правоспособному дѣйствовать на судѣ, или, вообще, къ третьему лицу, которое передало ему имущество по какому-нибудь уступочному праву и введетъ отбирающаго въ споръ съ этимъ третьимъ лицомъ. Если поручитель—горожанинъ или метехъ, живущій въ городѣ, то дается тридцатидневный срокъ; если же онъ иногородній, то срокъ будетъ въ 5 мѣсяцевъ». Въ другомъ мѣстѣ, по поводу виндикаціи движимыхъ имуществъ, Платонъ разсуждаетъ, что если ни одинъ изъ тяжущихся не имѣетъ яснаго права, то виндицируемое имущество берется въ секвестръ, а когда виндицируется животное, требующее корма, то издержки на прокормленіе его относятся на счетъ того, кто признанъ будетъ собственникомъ ¹⁾. Наконецъ, Платонъ запрещаетъ продавать и покупать гдѣ-нибудь помимо рынка, то есть непублично ²⁾.

Въ порядкѣ, описываемомъ Платономъ, равно въ порядкѣ, опредѣляемомъ Салическимъ закономъ, замѣчательно то, что владѣлецъ виндицируемой вещи устраняется изъ дѣла и освобождается отъ всякой отвѣтственности, между тѣмъ какъ въ Римѣ, по закону XII таблицъ, онъ, несмотря на свое обратное требованіе къ третьему лицу, подлежалъ тройному штрафу. Искъ, направленный къ нему, назывался *furti concepti*, а обратное требованіе его къ третьему лицу—*furti oblati* ³⁾.

Эти правила встрѣчаются во всѣхъ древнихъ законахъ, съ коекими измѣненіями въ формѣ, о которыхъ говорить здѣсь было бы неумѣстно. Упомянутыя правила появлялись во множествѣ обычаевъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ, — засеквестровать, *arampir*. Стало быть, можно считать, что смыслъ двухъ вышеназванныхъ постановленій Салическаго закона утвержденъ преданіемъ и что всякія толкованія, для которыхъ эти тексты дали поводъ, слѣдуетъ отстра-

¹⁾ Платонъ, *De Legibus*, XI, I.

²⁾ Платонъ, *De Legibus*, XI, III.

³⁾ Gaius, *Instit.*, III, 186, 187, 191. Даже послѣ того, какъ иски *furti concepti* и *furti oblati* вышли изъ употребленія, владѣющій движимою вещью все-таки обязанъ былъ указать прежняго хозяина ея, но, чрезъ это указаніе, онъ не освобождался отъ всякой отвѣтственности. См. конституцію Александра Севера въ кодексѣ Юстиніана, законъ 5, *De Furtis*. VI, 2.

нить. *Aramir* нельзя толковать въ смыслѣ принятія во владѣніе, равно и засекуестровать (*entiercer*) не значитъ привлечь третье лицо въ качествѣ поручителя. *Intertiare*—латинское слово. Можетъ быть, то же слѣдуетъ сказать и о *filltortis*, котораго значеніе, впрочемъ, неизвѣстно, и даже объ *adramire* ¹⁾. Сверхъ того, нѣтъ надобности останавливаться на этихъ этимологическихъ загадкахъ, которыя сбивали съ толку столько умныхъ людей.

Глава XLV, *De Migrantibus*, прямо знакомитъ насъ съ социальнымъ устройствомъ деревенскихъ общинъ у франковъ. Новопришелецъ могъ основаться въ деревнѣ не иначе, какъ вслѣдствіе единодушнаго согласія всѣхъ жителей ея. Всякій членъ общины въ правѣ былъ воспротивиться принятію его и, послѣ трехъ предложеній уйдти, выселить его при содѣйствіи графа. Но, чрезъ 12 мѣсяцевъ, прошедшихъ безъ протеста, пріобрѣталась давность и выселеніе не могло уже имѣть мѣста. Это постановленіе, лучше всего объясняющееся нераздѣльнымъ пользованіемъ общими имуществами, вошло въ большую часть общинныхъ грамматъ XII и XIII столѣтій. Впрочемъ, смыслъ его очень понятенъ и удивительно то, какъ въ XVI столѣтіи, такой выдающійся юристъ, какъ Питу, могъ ошибиться, найдя въ этомъ постановленіи первобытный типъ поссessorнаго иска въ французскомъ правѣ.

Германцы, говоритъ Тацитъ, не знакомы съ употребленіемъ завѣщаній. *Parentes successoresque sui cuique liberi, et nullum testamentum*. Это вѣрно, если говорить о завѣщаніи, какъ о выраженіи послѣдней воли. Но у всѣхъ народовъ, и даже въ Римѣ, не сразу приходили къ созданію завѣщанія въ этой формѣ. Что такое въ самомъ дѣлѣ завѣщаніе *per aes et libram*, какъ не переходъ имущества между живыми? Завѣщатель, посредствомъ торжественнаго акта манципаціи, передаетъ свое родовое имѣніе другу и поручаетъ ему отдать или раздать это имѣніе извѣстнымъ лицамъ. Тутъ замѣчательно то, что *familiae emptor* всегда и неизбѣжно является третьимъ лицомъ. Хотя, въ древнемъ правѣ, онъ имѣлъ званіе наслѣдника, но онъ все-таки былъ не болѣе, какъ посредникомъ между завѣщателемъ и лицами, призванными для оконча-

¹⁾ () словѣ *aramir*, употребленномъ пять разъ Бомануаромъ и два раза Пьеромъ де-Фонтаномъ, смотр. словари Годефруа и Сентъ-Палэ. Годефруа утверждаетъ, что это слово еще употребляется въ Канѣ (Саен).

тельнаго принятія наслѣдства ¹⁾. Глава XLVI Салическаго закона, *De Adfathamire*, представляетъ учрежденіе, подобное римскому. Стороны являются въ собраніе. Поднять щитъ для обозначенія законнаго авторитета собранія. Провозглашаются имена трехъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, послѣ чего подходитъ завѣщатель съ постороннимъ человѣкомъ, долженствующимъ играть роль *familiae emptor*'а. Первый передаетъ послѣднему свое родовое имущество, бросая ему соломинку или палочку. Законъ не ограничивается этою, передачею собственности. Онъ требуетъ, кромѣ того, вступленія во владѣніе, проявляемаго внѣшними дѣйствіями. Одаренный остается въ домѣ дарителя; онъ принимаетъ трехъ гостей, съ которыми кушаетъ, изъ одного горшка, похлебку, и получаетъ отъ нихъ выраженіе признательности. Все это происходитъ при свидѣтеляхъ. Но новый владѣлецъ не бережетъ того, что ему досталось; напротивъ, онъ былъ обязанъ, въ свою очередь, передать имущество тѣмъ лицамъ, которыя назначены для принятія наслѣдства, и эта обратная передача должна совершиться не позднѣе 12 мѣсяцевъ, въ очередномъ засѣданіи собранія, или въ засѣданіи королевскаго суда. Думалъ, что родственники дарителя имѣли право протеста: *si contra hoc aliquis aliquid dicere voluerit*, говоритъ законъ; но противорѣчіе о которомъ здѣсь говорится, касается исключительно факта и самъ же законъ указываетъ, что, для уничтоженія этого противорѣчія, слѣдуетъ представить доказательства, т. е. свидѣтелей.

Быть можетъ, спросятъ: къ чему это вмѣшательство третьяго лица? Не проще ли было бы, еслибъ вся сдѣлка происходила непосредственно между продавцомъ и покупщикомъ, между завѣщателемъ и наслѣдникомъ? Конечно, да, по нашимъ теперешнимъ понятіямъ. Но нужно помнить, что въ древнемъ правѣ договоры о переходѣ собственности всегда совершались тремя лицами. Между двумя сторонами, необходимо было еще третье лицо, которое связывало ихъ взаимно и которое само играло роль поручителя или замѣстителя.

Это замѣчаніе приводитъ насъ къ изложенію обязательствъ по Салическому закону. Теорія ихъ чрезвычайно проста. Салическій законъ знаетъ только два вида договорныхъ обязательствъ, смотря по тому—была ли *res pristita* или *fides facta*, другими словами, *re*

¹⁾ Gaius, *Instit.* II, 102 и 103.

и *verbis*. Въ первомъ случаѣ, кредиторъ, при свидѣтеляхъ, обязанъ понуждать должника къ выполнению обязательства три раза, съ промежутками въ семь ночей. Каждое изъ этихъ трехъ требованій подвергаетъ должника штрафу въ три су. Затѣмъ, идутъ въ судъ, и если должникъ все-таки упорствуетъ въ исполненіи обязательства, то онъ приговаривается къ платежу суммы долга и 15 су штрафа, независимо отъ 9 су, уже наложенныхъ на него. Такимъ образомъ, исполненіе обыкновенныхъ договоровъ обеспечивается уголовнымъ искомъ. Возвращеніе суммы составляетъ лишь добавленіе къ наказанію. Это—опять остатокъ первобытнаго права. Не забудемъ, что, у грековъ и у римлянъ, должникъ, отрицающій свой долгъ, приговаривался къ штрафу вдвое, иногда даже втрое и вчетверо.

Второй случай, *fides facta*, представляетъ родъ обязательства, влекущаго за собою понудительное исполненіе *). По минованіи срока, кредиторъ отправляется, вмѣстѣ съ свидѣтелями, въ домъ должника и требуетъ отъ него платежа. Если должникъ не платитъ, то подвергается штрафу въ 15 су. Потомъ слѣдуетъ, чрезъ каждые девять дней, три требованія, заявляемые въ Собраніи и повторяемые, всякій разъ, должнику на дому. Новое уклоненіе отъ платежа налагается на должника, каждый разъ, новый штрафъ по 3 су. При первомъ же требованіи кредиторъ получаетъ разрѣшеніе отъ *thunginus'a* и, въ присутствіи свидѣтелей, протестуетъ противъ всякаго платежа кому-либо и противъ всякаго залога, которые, во вредъ ему, могутъ быть сдѣланы должникомъ. Наконецъ, кредиторъ относится къ графіону, который, съ нимъ и съ семью рахимбургамъ, отправляется на домъ къ должнику, арестуетъ его имущество и передаетъ кредитору, по соразмѣрности стоимости этого имущества съ суммою долга. Третья часть штрафа идетъ въ пользу графіона, въ качествѣ *fredus*.

Такимъ образомъ, по отношенію къ личнымъ дѣйствіямъ, судопроизводство отличается тѣмъ, что началомъ его служатъ мѣры къ исполненію обязательства, болѣе или менѣе энергическія, смотря по обстоятельствамъ. И съ этой стороны оно соотвѣтствуетъ тому, что въ Римѣ называлось *legis actio per pignoris capionem*. Зомъ, въ своемъ сочиненіи о судопроизводствѣ по Салическому закону, очень хорошо разъяснилъ указанную особенность франкскаго про-

*) См. примѣч. на стр. 13-й.

(Прим. перев.).

цесса. Однако же, онъ нѣсколько преувеличенно заключаетъ, что эта процедура, начинающаяся протестомъ, *testatio*, не заключаетъ въ себѣ ничего судебного, что она ведется внѣ суда и что употребляемыя въ ней формулы порождаютъ какъ бы механическія дѣйствія. Справедливо это заключеніе лишь въ томъ случаѣ, когда отвѣтчикъ, котораго необходимо все-таки *admallari*, т. е. вызвать въ собраніе (*māl*), уклоняется отъ явки. Тутъ онъ приговоривается къ штрафу не иначе, какъ по постановленію судьи, *culpabilis iudicetur*. Если же онъ является, то можетъ защищаться по существу (въ настоящее время мы сказали бы: дать возраженіе противъ ареста въ обезпеченіе иска), и тогда дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе суда, который обсуждаетъ, по выслушаніи сторонъ, доказательства, подкрѣпляющія обязательство. Въ этомъ случаѣ, дѣло обращается къ обыкновенному порядку производства. Единственная уступка, которая можетъ быть сдѣлана Зому, состоитъ въ томъ, что, въ случаѣ *fides facta*, т. е., когда совершеніе договора происходило въ собраніи, съ обычною торжественностью, обязательство не подлежитъ спору, хотя отвѣтчикъ не лишается права представить свои возраженія противъ исполненія. Отвѣтчикъ находился въ такомъ же положеніи, въ какомъ находится у насъ должникъ, съ котораго взыскиваютъ по документу, совершенному установленнымъ порядкомъ.

Глава XLIV, *De Reipus*, разсуждаетъ о бракѣ вдовъ. Желаящій жениться на вдовѣ является въ собраніе. Поднимаютъ щитъ и провозглашаютъ имена трехъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, послѣ чего бракъ заключается въ формѣ продажи, за цѣну трехъ су съ динаріемъ. До этихъ поръ все понятно. Бракъ по покупкѣ, *coemptio* древняго римскаго права, встрѣчается во всѣхъ первобытныхъ законодательствахъ, которыя не додумались еще до понятія о чистомъ консенсуальномъ договорѣ. Но далѣе наступаетъ темнота. Кому уплачивается покупная цѣна (*reipi*, какъ называетъ ее законъ?) Родственникамъ новобрачной, въ слѣдующемъ порядкѣ: старшій сынъ сестры, старшій сынъ племянницы, двоюродный братъ съ материнской стороны и дядя съ той же стороны. За недостаткомъ ихъ, идутъ родные перваго мужа: сначала братъ, а потомъ остальные родственники до шестой степени, если только они не состоятъ наслѣдниками послѣ покойнаго супруга. Наконецъ, при отсутствіи всѣхъ поименованныхъ лицъ, *reipi* поступаютъ въ казну.

Эти постановленія сбивали съ толку комментаторовъ и, съ самаго начала, объясненіе ихъ представлялось крайне труднымъ. Зачѣмъ это исключеніе родственниковъ вдовы съ отцовской стороны? Почему родные перваго мужа могутъ получить *reipi* только въ томъ случаѣ, если они не состоятъ наслѣдниками мужа? По нашему мнѣнію, отвѣтъ на эти два вопроса долженъ быть таковъ. Родственники вдовы съ отцовской стороны суть тѣ лица, которыя выдавали ее замужъ въ первый разъ. Они тогда уже воспользовались своимъ правомъ на *reipi*. Если женщина, сдѣлавшаяся вдовою, вступаетъ въ новый бракъ, то она не можетъ быть выдаваема ея родными съ отцовской стороны. Законъ, для этого, указываетъ родственниковъ матери, а, за недостаткомъ ихъ, на родственниковъ мужа, такъ какъ, для силы брака, необходимо, чтобы женщина была выдана кѣмъ-нибудь, а выдающій ее можетъ и не быть тѣмъ лицомъ, которому принадлежитъ власть и право надъ нею ¹⁾. *Reipi* представляютъ не цѣну, за которую отецъ или опекунъ уступаетъ свою власть будущему мужу, а знакъ, или символъ, выражающій совершеніе договора и могущій служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ для него. Лицо, которое должно получить *reipi*, специально указывается въ законѣ. Оно—то же, что *giptoman* въ скандинавскихъ законахъ.

Тѣми же соображеніями можетъ быть разрѣшенъ и второй вопросъ. Наслѣдникъ умершаго мужа покончилъ со вдовою взаимные расчеты по имуществу. Неудобно было бы, чтобы посторонніе люди впадали въ ошибку и смѣшивали эти расчеты съ платежомъ *reipi*. Существованіе второго брака должно быть поставлено внѣ всякихъ недоразумѣній, и потому *reipi* должны быть уплачены такому лицу, которое не имѣло бы никакихъ другихъ полученій съ новобрачной и никакого счета, подлежащаго окончанію съ нею.

Порядокъ наслѣдованія очень коротко изложенъ въ LIX главѣ, *De Alodis*. Законъ отличаетъ движимыя имущества отъ земли. Последняя поступаетъ исключительно къ наслѣдникамъ мужескаго пола: *de terra vero nulla in muliere hereditas est*. Она сначала переходила къ сыновьямъ ²⁾, а потомъ къ братьямъ. Что касается дви-

¹⁾ Въ томъ же порядкѣ названы лица, обязанныя выдавать дѣвушку замужъ, въ законахъ Платона, VI, XVII.

²⁾ Законъ не говоритъ о сыновьяхъ; но, говоря о братьяхъ, онъ очевидно подразумеваетъ отсутствіе сыновей. Первый параграфъ главы *Si quis mortuus fuerit et filios non dimiserit* долженъ быть примѣненъ ко всему слѣдующему.

жимыхъ имуществъ, то они прежде всего передаются сыновьямъ, къ которымъ, безъ сомнѣнія, причисляются и дочери. Затѣмъ эти имущества слѣдуютъ матери, далѣе брату и сестрѣ, сестрѣ матери, и, наконецъ, ближайшему по степени родственнику (до шестой степени въ отцовскомъ родствѣ). Предпочтеніе, оказываемое, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, женщинамъ, можно разсматривать, какъ вознагражденіе за исключеніе ихъ изъ наслѣдства въ землѣ. Таково, по крайней мѣрѣ, было первоначальное правило, но оно само собою измѣнилось вмѣстѣ съ возростаніемъ богатства частныхъ лицъ. Въ VIII вѣкѣ, исключеніе женщинъ изъ наслѣдства уже примѣнялось не ко всякой землѣ, а лишь къ землѣ салической, т. е., слѣдуя наиболѣе достовѣрному толкованію, къ землѣ родовой, въ противоположность благопріобрѣтенной. Законъ рипуарскихъ франковъ употребляетъ выраженіе *terra aviatica*.

Послѣдняя, заслуживающая указанія особенность устройства франкскаго рода заключается въ участіи всѣхъ родственниковъ какъ въ платежѣ, такъ и въ полученіи вергельда. LVIII глава, *De Chrene cruda*, раскрываетъ передъ нами одинъ символическій обрядъ. Убійца, обязанный заплатить вознагражденіе, оказывается несостоятельнымъ. При содѣйствіи 12 соприсяжниковъ, онъ заявляетъ, что отдалъ все, что имѣлъ, и что у него не осталось ничего, ни на землѣ, ни подъ землею. Потомъ онъ входитъ въ свое жилище, собираетъ въ четырехъ углахъ горсть земли и, стоя на порогѣ, лицомъ къ внутренности жилища, бросаетъ эту землю лѣвою рукою, черезъ плечо, на своего ближайшаго родственника. Порядокъ, указанный для этого въ законѣ, сходенъ, если не тождественъ, съ тѣмъ, который мы сейчасъ видѣли: сначала мать и братья, а потомъ сестра матери съ сыновьями; три родственника по матери и три—по отцу. Послѣ этого, въ рубашкѣ и босый, съ коломъ въ рукѣ, онъ уходитъ, перепрыгнувъ черезъ изгородь. Такимъ образомъ обязанность заплатить вознагражденіе переходитъ въ одной половинѣ къ родственникамъ съ материнской стороны, а въ другой половинѣ—къ родственникамъ съ отцовской стороны. Если кто-нибудь изъ нихъ несостоятеленъ, то можетъ освободиться отъ платежа въ той же формѣ и передать свою долю на содолжника, болѣе богатаго, чѣмъ онъ. Когда ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи заплатить, то они четыре раза приводятъ убійцу въ собраніе; если и тутъ никто не явится для уплаты за него остального долга,

то онъ выдается противнику и оставляется на его произволъ. *De sua vita comprobat*, говоритъ законъ.

Впрочемъ, можно заранѣе избавить себя отъ этой отвѣтственности. Это составляетъ предметъ LX главы, *De Eum qui se de parentilla tollere vult*. Человѣкъ, желающій воспользоваться такою возможностью, является въ собраніе къ *thunginus*'у. Онъ беретъ три ольховыхъ прута, переламинаетъ ихъ надъ своею головою и бросаетъ куски въ четыре угла собранія; затѣмъ онъ заявляетъ подъ присягою, что отрекается напередъ отъ всякаго права наслѣдованія или родства по отношенію къ такимъ-то лицамъ. Если онъ умретъ или будетъ убитъ, то его вознагражденіе, равно какъ и наслѣдство, поступаютъ въ казну.

Какъ видно изъ этого, отвѣтственность рода имѣетъ характеръ помощи и примѣняется только къ дѣламъ объ убійствѣ. Она уже довольно далеко отошла отъ первобытной солидарности. Но даже и въ такомъ ограниченномъ видѣ, *chrene cruda* представляла остатокъ варварства. Она сначала была измѣнена, а потомъ, какъ сказано выше, совсѣмъ отмѣнена первыми меровингами и нѣкоторые манускрипты Салическаго закона ясно говорятъ объ отмѣнѣ. Съ этими постановленіями можно сравнить тѣ, которыя встрѣчаются въ древнихъ норвежскихъ законахъ, а также въ законѣ XII таблицъ: *tertiis nundinis partes secanto*. Тамъ должникъ уже передается кредитору и кредиторъ ведетъ его на сборное мѣсто, выставляетъ на продажу и призываетъ родныхъ и близкихъ его къ вмѣшательству въ дѣло. Положеніе, впрочемъ, остается то же самое. Должникъ, о которомъ говоритъ законъ XII таблицъ, не столько заемщикъ, сколько осужденный, за убійство или за деликтъ, къ вознагражденію или къ удовлетворенію за убытки. Въ этомъ выражается суровость закона.

Эдикты меровингскихъ королей также содержатъ въ себѣ постановленія, касающіяся гражданскаго права, и прежде всего о бракѣ вдовы. Независимо отъ *reipi*, которые по закону обязаны заплатить второй мужъ, вдова должна выдать ближайшимъ роднымъ перваго мужа десятую часть приданого, полученнаго отъ него. Это называется *achasius*. Если отъ перваго брака остались дѣти, то они напередъ вычитаютъ данное имъ отцомъ имущество для того, чтобы владѣть имъ послѣ смерти матери. Если же нѣтъ дѣтей, то вдова получаетъ двѣ трети своего приданого; но, прежде заключе-

нія новаго брака, она должна собрать девять свидѣтелей изъ родственниковъ своего перваго мужа и сказать имъ: «Я беру васъ въ свидѣтели того, что заплатила ахазіусъ на удовлетвореніе родныхъ моего мужа и что я покидаю вещи, принесенныя мною изъ дома моего отца, именно: постель со всѣми принадлежностями, скамью съ покрывкою и съ сидѣньями».

Если женится вдовецъ, то ему нельзя взять обратно приданое его первой жены и отдать его второй. Это приданое принадлежит дѣтямъ, отецъ которыхъ имѣетъ право управлять имъ на время ихъ несовершеннолѣтія. Когда дѣтей нѣтъ, то ближайшіе родные жены получаютъ двѣ трети приданаго съ условіемъ отказаться отъ двухъ постелей, двухъ скамей съ покрывками и двухъ сидѣньевъ. Если они не сдѣлаютъ такого отказа, то получаютъ лишь одну третью часть приданаго. Но эдиктъ прибавляетъ, что можно обойти этотъ законъ посредствомъ взаимныхъ соглашеній.

Какъ видно, здѣсь рѣчь идетъ о приданомъ, назначаемомъ мужемъ женѣ. *Dotem non uxori marito, sed uxori maritus offert*, говоритъ Тацитъ. Собственно говоря, это была вдовья часть изъ имѣнія мужа, которую не слѣдуетъ смѣшивать съ личными имуществами, принесенными женою въ замужество. Впрочемъ, тутъ нѣтъ еще слѣдовъ общности имуществъ супруговъ.

Слѣдующая глава того же эдикта налагаетъ на жителей деревни обязанность оправдаться присягою, когда трупъ найденъ на ихъ территоріи и когда убійца неизвѣстенъ. Графъ пріѣзжаетъ на мѣсто, звукомъ трубы собираетъ жителей, приказываетъ при себѣ поднять тѣло и призываетъ жителей въ собраніе на срокъ въ 40 ночей. Жители должны представить 65 соприсяжниковъ, если принадлежатъ къ разряду свободныхъ людей, или 15, если они низшаго званія; при не представленіи соприсяжниковъ, они обязаны заплатить вознагражденіе.

Другой эдиктъ дополняетъ законъ о виндикаціи движимаго имущества. Владѣлецъ засеквестрованной вещи можетъ возвратитъ себѣ владѣніе ею, если докажетъ показаніями трехъ свидѣтелей, что онъ нашелъ эту вещь среди наслѣдственнаго имущества, оставшагося послѣ его отца, а показаніями другихъ трехъ свидѣтелей, — что его отецъ самъ нашелъ ее въ наслѣдствѣ отъ дѣда. Если онъ представитъ одно первое доказательство, то не возвратитъ себѣ владѣнія, но избавится отъ наказанія за кражу.

Даренія, сдѣланныя отцомъ дочери въ день ея свадьбы или сыну въ тотъ день, когда ему въ первый разъ остригли волосы, считаются прибавкой къ наслѣдственнымъ долямъ дочери и сына и не вычитаются изъ этихъ долей. Это постановленіе представляется на первый взглядъ страннымъ, въ особенности въ виду того, что та же статья эдикта ставитъ, какъ правило, уравненіе раздѣловъ; но не нужно забывать, что дары, въ упомянутыхъ случаяхъ, были малоцѣнны и состояли обыкновенно изъ предметовъ, предназначенныхъ для личнаго употребленія.

Мы уже говорили объ эдиктѣ Хильперика. Онъ содержитъ два очень замѣчательныхъ постановленія. Одно дозволяетъ наслѣдовать землю дочерямъ, при недостаткѣ сыновей, и сестрамъ, при недостаткѣ братьевъ. Можетъ быть, тутъ идетъ рѣчь объ однихъ благопріобрѣтенныхъ земляхъ, какъ полагаетъ новѣйшій издатель капитуляріевъ, Боретіусъ. Въ всякомъ случаѣ, эдиктъ относится именно къ обычаю, который измѣнялъ, какъ это видно, первоначальную суровость Салическаго закона. Изъ нѣсколькихъ формулъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ Маркульфа, намъ уже извѣстно, что исключеніе дочерей изъ наслѣдства разсматривалось, какъ остатокъ варварства и какъ беззаконіе. «*Diuturna sed impia inter nos consuetudo tenetur ut de terra paterna sorores cum fratribus portionem non habeant*». Слѣдовательно, отецъ призываетъ дочь къ раздѣлу какъ родовыхъ, такъ и благопріобрѣтенныхъ имѣній, *tam de alode quam de comparatum*¹⁾.

Второе постановленіе эдикта Хильперика отмѣняетъ правило, установленное предыдущимъ эдиктомъ относительно раздѣла приданнаго послѣ смерти одного изъ супруговъ. Если нѣтъ дѣтей, рожденных въ бракѣ, то приданое будетъ дѣлиться пополамъ между супругомъ, оставшимся въ живыхъ, и наслѣдниками умершаго супруга.

Наконецъ, капитулярій 819 года, подтверждая употребленіе *affatomie*, т. е. завѣщательнаго распоряженія, выраженнаго въ актѣ между живыми, какъ оно описано въ XLVI главѣ Салическаго закона, въ то же время явно отмѣняетъ постановленія этого закона касательно брака вдовъ, или, лучше сказать, свидѣтельствуешь, что уже съ давнихъ поръ эти постановленія отмѣнены обычаемъ, *velut*

¹⁾ Marculfe, II, XII.

usque nunc antecessores eorum fecerunt. Относительно вдовы уже нѣтъ исключительнаго правила. Она можетъ выйти замужъ только съ согласія своихъ родныхъ.

Мы старались выставить на видъ всѣ эти образчики перемѣнъ, произведенныхъ въ законѣ и въ обычаяхъ обстоятельствами времени, съ цѣлію доказать, что, руководствуясь Салическимъ закономъ, опасно было бы излагать франкское право и создавать ту или другую теорію, какъ бы мы могли все это сдѣлать относительно нашихъ новѣйшихъ кодексовъ. По предмету гражданскаго права, у франковъ существовали нѣкоторые обычаи, которые случайно упомянуты въ Салическомъ законѣ, но которые вышли изъ употребленія съ тѣхъ поръ, какъ франки смѣшались съ галло-римлянами и приняли христіанскую вѣру. Повсюду образовались новые обычаи и юридическая жизнь перестала быть согласною съ закономъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться, просматривая сборники формулъ и въ особенности сборникъ меровингскихъ актовъ. Тамъ есть грамматы, написанныя для всевозможныхъ случаевъ жизни. Въ дѣлахъ требовались письменныя доказательства, о которыхъ въ Салическомъ законѣ ничего не было сказано. Въ дошедшихъ до насъ судебныхъ рѣшеніяхъ, стороны, только посредствомъ представленія письменныхъ документовъ, стараются доказать свое гражданское состояніе, свое право собственности или право требованія. Съ другой стороны, эти письма и акты составлялись на основаніи права, которое уже не было римскимъ правомъ, хотя и сохранило формулы его, но также не было и правомъ Салическаго закона. Особеннаго вниманія заслуживаютъ завѣщанія. Одно изъ нихъ напоминаетъ формулу римскаго словеснаго завѣщанія, — формулу, которая еще во времена Гая считалась древностію: *ita do, ita lego, ita testor, itaque vos, quirites, testimonium mihi perhibetote.* Но это завѣщаніе продиктовано было нотаріусу завѣщателемъ, подписано послѣднимъ и свидѣтелями и хранилось въ куріи. Подъ двойнымъ вліяніемъ римскаго права и каноническаго права образуется новое гражданское право, которое становится общимъ для всѣхъ жителей королевства, по крайней мѣрѣ, во всемъ, что относится къ собственности и договорамъ. За Салическимъ закономъ осталось только значеніе закона о личномъ состояніи.

Итакъ, вполнѣ перестроить право Салическихъ франковъ, постановить общія правила и заботиться о примѣненіи ихъ во всѣхъ

могущихъ представиться случаяхъ—значить напрасно затрачивать свой трудъ. Люди, составлявшіе Салическій законъ, были мало знакомы съ искусствомъ писать и еще менѣе съ искусствомъ сочинять законы. Къ тому же, обычаи, которые они собирали, были, какъ и всякіе обычаи, чѣмъ-то подвижнымъ, неопредѣлившимся. Не будемъ же удивляться, если работа ихъ была не полна и несвязна. Въ особенности воздержимся требовать отъ этой работы то, что мы находимъ въ нашихъ новѣйшихъ кодексахъ, т. е. точныя опредѣленія и строгіе выводы. Но если приходится отказаться отъ надежды найти во франкскихъ обычаяхъ полную законодательную систему, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, изучать ихъ съ тѣмъ стараніемъ, съ какимъ изучаютъ памятники древности, примѣняя сравнительный методъ, уже обновившій, въ наше время, исторію права. Древнія учрежденія не будутъ имѣть смысла и значенія, если мы не поставимъ ихъ на принадлежащее имъ мѣсто и не сравнимъ ихъ съ сходными учрежденіями, образовавшимися у другихъ народовъ той же расы и той же степени цивилизаціи. Только такимъ способомъ можно раскрыть нерѣдко полный смыслъ ихъ и угадать, какимъ понятіямъ они соотвѣтствуютъ, однимъ словомъ, сдѣлать удобопонятнымъ то, что представляется темнымъ.

Чтобы дополнить настоящее изслѣдованіе, нужно еще упомянуть о языкѣ меровингскихъ законовъ. Они написаны простонародною латынью. Склоненіе, если только оно существуетъ въ нихъ, рѣзко отличается отъ склоненія въ классическомъ латинскомъ языкѣ. Всѣ окончанія словъ спутаны и конструкція фразы иногда непонятна. Но если присмотрѣться ближе, то можно въ этихъ варварскихъ текстахъ узнать первые зачатки французскаго языка. Въ Салическомъ законѣ есть германскія слова, но еще больше въ немъ французскихъ словъ и, съ такой точки зрѣнія, изслѣдованіе Салическаго закона могло бы составить интересное занятіе для филологовъ. Наше дѣло—только указать на это.

КАТАЛОГЪ ИЗДАНИЙ Л. Ф. ПАНТЕЛЪЕВА

ИМѢЮЩИХСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ.

АНТРОПОЛОГІЯ

ТОПИНАРА. Переводъ подъ редакцію профессора И. И. Мечникова.
Съ 52 рис. въ текстѣ. 435 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 30 к.

ИСТОРІЯ МАТЕРІАЛИЗМА

И КРИТИКА ЕГО ЗНАЧЕНІЯ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.

Фр. Альб. ЛАНГЕ. Перев. съ 3-го нѣм. изд. Н. Н. Страхова.

Томъ I-й: Исторія матеріализма до Канта. 398 стр.

Томъ II-й: Исторія матеріализма послѣ Канта. 495 стр.

Цѣна за 2 тома 5 р. Отдѣльно 2-й т. Ц. 2 р. 50 к.

Сочиненія **ДАВИДА РИКАРДО.** Перев. Н. Зиберы,
съ приложен. переводчика. 685 стр. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 р.

ИСТОРІЯ ТЕОРИИ СТАТИСТИКИ.

Въ монографіяхъ Вагнера, Рюмелина, Этингена и Швабе. Пер. съ нѣм. подъ редакцію и съ дополненіями проф. Янсона, съ 3-мя таблицами чертежей. 270 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

В. А. ЗАЙЦЕВЪ.

РУКОВОДСТВО ВСЕМІРНОЙ ИСТОРІИ.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ВОСТОКА.

Съ 4 картами, 2 таблицами іероглифическихъ и клинообразныхъ письменъ. 287 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ ЗАПАДА.

Эллинская эпоха. Съ 2 картами. 646 стр. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 40 к.

ОСНОВЫ НАУКИ.

ТРАКТАТЪ О ЛОГИКѢ И НАУЧНОМЪ МЕТОДѢ.

СТЕННИ ДЖЕВОНСА.

Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 735 стр. Ц. 4 р. 50 к., съ пер. 5 р.

Ст. Джевонсъ. **ЭЛЕМЕНТАРНЫЙ УЧЕБНИКЪ ЛОГИКИ**

ДЕДУКТИВНОЙ И ИНДУКТИВНОЙ, СЪ ВОПРОСАМИ И ПРИМѢРАМИ.

Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 336 стр. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

З В У К Ъ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія звука, для всѣхъ возрастовъ. Альфреда Маршалла Майера. Съ 60 рисунками. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 165 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

С В Ъ Т Ъ.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ, имѣющихъ предметомъ явленія свѣта, для всѣхъ возрастовъ. А. Майера и Барнара. Съ 29 рис. Перев. съ англ. М. А. Антоновича. 84 стр. Ц. 50 к., съ пересылкою 65 к.

ОБЩЕДОСТУПНЫЙ КОСМОСЪ.

Лекціи Роско: Изъ чего составлена земля.—Локарь: Почему таковъ составъ земли, каковъ онъ есть.—Уильямсонъ: Послѣдовательность жизни на землѣ. Съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

О НОВѢЙШИХЪ УСПѢХАХЪ ФИЗИЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ.

Лекціи проф. Эдинб. унив. П. Г. Тэта. Пер. подъ редакц. И. М. Сѣченова. Съ 24 рис. въ текстѣ. 339 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 2 р. 75 к.

СЕРІЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ УЧЕБНИКОВЪ.

Переводъ съ англійскаго М. А. Антоновича.

Введеніе. Проф. Гексли. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. — **Химія.** Проф. Роско. Съ 36 рис. въ текстѣ. Ц. 40 к., съ пер. 50 к. — **Физика.** Проф. Бальф. Стюарта. Съ 48 рис. въ текстѣ. Ц. 50 к., съ пер. 60 к. — **Физическая географія.** Проф. Гейки. Съ 20 рис. въ текстѣ. Ц. 60 к., съ пер. 70 к. **Геологія.** Проф. Гейки. Съ 46 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Физиологія.** Д-ра Фостера. Съ 18 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к. **Астрономія.** Нормана Лонаера. Съ 48 рис. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

КРАТКІЙ КУРСЪ ЕСТЕСТВОВѢДѢНІЯ.

Составилъ А. Я. Гердъ.

Удостоенъ преміи Императора Петра Великаго и въ первомъ изданіи одобренъ какъ руководство для гимназій. Въ 3 част. съ 207 рисунк. въ текстѣ. Изд. 7-ое Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 1 р. 80 к.

ОПЫТНАЯ МЕХАНИКА. С. С. ВОЛЬ.

Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Перев. съ англ. подъ ред. Н. Н. Любавина. Съ 100 рис. въ текстѣ. 358 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

УЧЕБНИКЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ.

Проф. А. Гейки. Перев. съ англ. А. Я. Гердъ. Съ 78 рис. въ текстѣ и 10 картин. въ прилож. 370 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ГИМНАСТИКА ГОЛОСА, ОСКАРА ГУТМАНА, ОСНОВАННАЯ НА ФИЗИОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАКОНАХЪ.

Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія. 128 стр. Ц. 50 к., съ перес. 65 к.

О ПСИХОМОТОРНЫХЪ ЦЕНТРАХЪ

И РАЗВИТІИ ИХЪ У ЧЕЛОВѢКА И ЖИВОТНЫХЪ.

Проф. И. Р. Тарханова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ЛЕКЦІИ ОБЩЕЙ ТЕРАПІИ. Проф. В. МАНАССЕЙНА.

Часть 1-я. 268 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

ДОМАШНІЙ УХОДЪ ЗА БОЛЬНЫМИ.

Д-ра Курвуазье, съ предисл. проф. Манассейна. Съ рис. въ текстѣ. Перев. съ 3-го нѣмецк. изд. М. Ловцовой. Ц. 75 к., съ перес. 85 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩЕЙ ФИЗИОЛОГІИ,

кратко и общедоступно изложенные К. Прейеромъ, ординарн. проф. физиологіи. Перев. И. Р. Тарханова. 265 стр. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

БЕСѢДЫ О ЗЕМЛѢ И ТВАРЯХЪ, НА НЕЙ ЖИВУЩИХЪ.

Проф. А. Н. Бекетова. Изд. 5-е, съ 18 рис. въ текстѣ. Ц. 80 к., съ перес. 1 руб.

НАРОДЫ ТУРЦІИ.

Двадцать лѣтъ пребыванія среди болгаръ, грековъ, албанцевъ, турокъ и армянъ. Перев. съ англ. 300 стр. Ц. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

И. П. Минаевъ. ОЧЕРКИ ЦЕЙЛОНА и ИНДІИ.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ РУССКАГО.

2 части, 522 стр. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 80 к.

О ПОГЛОЩЕНИИ УГОЛЬНОЙ КИСЛОТЫ СОЛЯНЫМИ РАСТВОРАМИ И КРОВЬЮ.

И. М. Стъченова. 164 стр. больш. форм. Ц. 3 руб., съ перес. 3 р. 30 к.

СКОТОВОДСТВО.

Заттегаста. Перев. подъ редакцію Д-ра О. А. Гримма. 2 тома, съ 200 рис. въ текстѣ. Ц. вмѣсто 7 р.—3 р., съ пересылкою. 3 р. 60 к.

Е. СМАЙЛЬСЪ.

ИСТОРИЯ ШОТЛАНДСКАГО НАТУРАЛИСТА

Томаса Эдварда.

Перев. С. И. Смирновой. 163 стр. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА ВЪ ЕГО НАСТОЯЩЕМЪ И БУДУЩЕМЪ.

А. Н. Бекетовъ. Ц. 50 коп., съ пересылкою 60 к.

ЛИНГВИСТИКА.

Абея Овелана. Переводъ съ франц. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ЭМВРІОЛОГІИ.

Фостера и Бальфура. Съ 70 рисунк. Пер. съ англ. подъ ред. О. А. Гримма. 350 стр. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА.

Шесть лекцій, читанныхъ въ королевскомъ институтѣ въ 1873 г., и Единство исторіи.

Лекціи, читанныя въ Кембриджскомъ университетѣ, Эд. Фримана. Перев. съ англ. Н. Коркунова. 376 стр. Ц. 2 р. 50 к. съ пересылкою 2 р. 80 к.

М. ФОСТЕРЪ. НАЧАЛЬНЫЙ ПРАКТИЧЕСКІЙ КУРСЪ ФИЗИОЛОГІИ.

Перев. съ англ. С. В. Пантелѣвой. 233 стр. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

О НЕНОРМАЛЬНОСТИ МОЗГОВОЙ ЖИЗНИ

современнаго культурнаго человѣка. М. М. Манассеиной. Ц. 1 р. 25 к.

Блавіусъ. О запасахъ энергіи въ природѣ. пер. Флугъ. Ц. 30 к.

КЛЕРКЪ-МАКСУЭЛЛЬ.

МАТЕРІЯ И ДВИЖЕНІЕ.

Перев. съ англійск. М. А. Антоновича. Ц. 75 к., съ пер. 85 к.

РУДОЛЬФЪ АРЕНДЪ. ОСНОВНЫЯ НАЧАЛА ХИМІИ.

Съ 178 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣм. подъ ред. проф. Тавилдарова. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 70 к.

В. Карпенгеръ.

ЭНЕРГІЯ ВЪ ПРИРОДѢ.

Перев. съ англійск., съ 81 рисунк. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 коп.
Грантъ Алленъ. Ч. Дарвинъ. Перев. съ англ. подъ ред. А. Н. Энгельгардта. Ц. 1 р. 50 к.

О. А. ШТОФФЪ (Женщина-врачъ.)

УХОДЪ ЗА РЕБЕНКОМЪ ВЪ ПЕРВЫЙ ГОДЪ ЕГО ЖИЗНИ.

Практическіе совѣты матерямъ. Ц. 50 к.

П. ТЭТЪ. ТЕПЛОТА.

Перев. съ англ. под. ред. пр. Усова. Цѣна 3 р.

П. ТЭТЪ. СВОЙСТВА МАТЕРІИ.

Перев. съ англ. И. М. Стѣчнова. Ц. 2 р. 50 к.

COMPENDIUM МИКРОСКОПИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Александръ Бемъ и Альбертъ Оппель.

Съ нѣмецкаго перев. съ согласія авторовъ врачъ **Ө. В. Семеновъ.**

Цѣна 1 руб. 50 коп.

Арендъ, Р. Основныя начала химіи. Съ 178 рис. въ текстѣ. Перев. съ нѣмецк. подъ ред. проф. **Н. Тавилдарова.** Ц. 1 р. 50 к.

Баллингъ, Н. Новѣйшіе способы изслѣдованія продуктовъ горнозаводскаго промысла. Перев. **К. Флугъ.** Ц. 2 р.

Боль, С. Опытная механика. Курсъ лекцій, чит. въ Корол. Ирл. Кол. Наукъ. Перев. съ англ. подъ ред. **Н. Н. Любавина.** Съ 100 рис. въ текстѣ. Ц. 3 р.

Вахтель Г. Руководство къ техническому анализу. Перев. подъ ред. проф. Спб. Технолог. Инст. **Н. И. Тавилдарова.** Цѣна 5 р.

Вейсбахъ, А. Таблицы для опредѣленія минераловъ по внѣшнимъ признакамъ. Перев. **С. И. Серебренникова.** Ц. 1 р. 50 к.

Гердъ, А. Я. Ч. I. Общій обзоръ земного шара. Ч. II. Азія. Ц. 50 коп.

Ч. III. Австралія, Полинезія, Африка и Америка. Ц. 75 к.

Ч. IV. Европа. Ц. 75 к.

" " " Краткій курсъ всеобщей географіи. Ц. 25 к.

" " " Міръ Божій. Книжка I. Земля, воздухъ и вода. Для учащихся въ начальной школѣ. 2-е изд. Съ 42 рисунками. Ц. 40 коп.

Гуржеевъ, С. М. Учебникъ механики. Ц. 1 р. 50 к.—Прикладная механика. Ц. 2 р. 50 к.

Дамскій, А. В. Равенства химическихъ превращеній. Повторительный курсъ по неорганической химіи. Ц. 1 р.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Ц. 1 р. 50 к.

Лёббокъ. Цвѣты, плоды и листья. Съ предисловіемъ профессора **А. Бекетова.** Переводъ съ англійскаго **А. Гердъ.** Цѣна 1 р. 25 к.

Ремсенъ. Введеніе органич. химіи или химіи углерод. соединений. Перев. **Н. С. Дренгельна.** Ц. 2 р.

Стѣчновъ, И. М. Физиологія нервныхъ центровъ. Цѣна 1 р. 50 к.

Тавилдаровъ, Н. И., проф. Спб. Технол. Инстит. Химическая технологія сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Томъ I съ 40 таблицами политипажей, томъ II съ 36 табл. политипажей. Цѣна за два тома 8 р.

Уффельманъ, Юлій. Руководство частной и общественной гігіены ребенка. Пер. съ нѣм. подъ ред. приватъ-доцента **В. Ф. Якубовича.** Ц. 2 р. 50 к.

Эмминнгаусъ. Психическія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Переводъ съ нѣмецкаго **В. Ф. Якубовича.** Цѣна 2 р.

Якубовичъ, В. Ф. Руководство къ діагностикѣ дѣтскихъ болѣзней и способамъ изслѣдованія дѣтей. Цѣна 2 р.

(См. продолженіе на обложкѣ).

Складъ изданій **Л. Ф. Пантелѣева** въ книжномъ магазинѣ **Н. П. Карбасникова.** С.-Петербургъ, Литейный проспектъ, д. № 46.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 9 января 1894 года.

Типографія и Литографія **В. А. Тиханова,** Садовая № 27.

1894.

ПО ИСТОРИИ ПРАВА
ИЮРИИ

Р. ДАРЕСТЬ. ИЗСЛѢДОВАНІЯ

И. 2 р. 50 к.